

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1891.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. СМѢНА. (Романъ). Часть I, гл. III. <i>Продолженіе.</i> — А. И. Эртеля	Стр 3
II. ИЗЪ ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ. Стихотворенія Л. Н. Трефолева и Л. И. Пальмина	11
III. УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Продолженіе.</i> — Каронина.	32
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. — Вл. Ладыженскаго	82
V. САВЕЛЛИ. Романъ Жильбера Огюстена Тьерри. <i>Продолженіе.</i> Переводъ В. М. Р.	84
VI. НА НОВЫЙ ГОДЪ. (Святочный рассказъ). — Ф. Д. Нефедова.	122
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. — Н. М. Минскаго	172
VIII. КАРТИНЫ АНТИЧНАГО МІРА. — М. Н. Р.	170
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ — Д. С. Меренковскаго.	192
X. РОССИЯ И АНГЛІЯ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ XVI И XVII ВѢКОВЪ. <i>Окончаніе.</i> — Ф. Ф. Мартенса	192
XI. МОТИВЫ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЭЗІИ. <i>Окончаніе.</i> — В. П. Острогорскаго.	3
XII. ТЮРЕМНЫЙ МІРЪ. — Д. А. Дриля.	6
XIII. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ. — И. Д—ова	8
XIV. ШЕЛЛИ. (<i>Gabriel Sarrazin: «La Renaissance de la Littérature Anglaise»</i>).	11
XV. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ЦАРОДА. Е. С. Ненрасовой.	14

Russkaja mysľ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II

МОСКВА,

1891.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/22/64

NO COPY
AVAILABLE

Москва. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о.

UNIV. OF CALIFORNIA

~~WITHDRAWN~~

AP50
R875
V.12:2
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. СМѢНА. (Романъ). Часть I, гл. III. <i>Продолженіе.</i> —А. И. Эртеля	1
II. ИЗЪ ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ. Стихотворенія Л. Н. Трефолева и Л. И. Пальмина	19
III. УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Продолженіе.</i> —Наронина	33
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Вл. Ладыженскаго	83
V. САВЕЛЛИ. Романъ Жильбера Отгюстена Тьерри. <i>Продолженіе.</i> —Переводъ В. М. Р.	84
VI. НА НОВЫЙ ГОДЪ. (Святочный разговоръ).—Ф. Д. Нефедова	125
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. М. Минскаго	175
VIII. КАРТИНЫ АНТИЧНАГО МІРА.—М. Н. Р.	176
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго	194
X. РОССИЯ И АНГЛІЯ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ XVI И XVII ВѢКОВЪ. <i>Окончаніе.</i> —Ф. Ф. Мартенса	1
XI. МОТИВЫ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЭЗИИ. <i>Окончаніе.</i> —В. П. Острогорскаго	37
XII. ТЮРЕМНЫЙ МІРЪ.—Д. А. Дриля	63
XIII. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ.—И. Д—ова	82
XIV. ШЕЛЛИ. (<i>Gabriel Sarrasin: «La Renaissance de la Littérature Anglaise»</i>).	113
XV. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ НАРОДА.—Е. С. Некрасовой	143

	Стр.
XVI. ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО. <i>Продолженіе.</i> —М. А. Протопопова .	161
XVII. БЪ СТАТЬБЪ «Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ-ЗАЮНЧЕВСКАЯ».— Н. В. Шелгунова.	182
XVIII. ПОСЛѢДНЯЯ СЕССИЯ МОСКОВСКАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ.— И. А. В.	186
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	199
XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Современная теорія растворовъ.—И. А. Каблукова.	208
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Четвертый съѣздъ врачей въ Москвѣ.—Съѣздъ въ Петербургѣ делегатовъ обществъ покрови- тельства животнымъ.—Эмиграція изъ Царства Польскаго въ Бразилію.—Эмиграція изъ Волынской губерніи.—Открытие дѣйствій общества помощи переселенцамъ.—Окончаніе сес- си земскаго собранія Московской губерніи.—Извѣстіе относи- тельно измѣненій въ «Городовомъ положеніи».—Правила о штрафномъ капиталѣ при фабрикахъ.—Взрывъ въ каменно- угольной копи въ Донской области.—Г. Э. Елисеевъ †.—С. В. Ковалевская †.	229
XXII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Ранняя осень</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. П. Карпова; <i>Дѣти своихъ от- цовъ</i> , ком. въ 4-хъ дѣйств. А. Ф. Федотова.—Г-жа Савина на московской сценѣ.—Ан.	259
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Философія, психологія и педагогика.—Исторія и біографіи.— Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.— Географія и этнографія.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Дѣтскія книги и учеб- ники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣст- никъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь— январь	67

С М Ъ Н А *).

(Романъ).

III.

Ликвидация.

Становой приставъ Алянчиковъ, во-первыхъ, былъ весьма благовоспитанъ, а, во-вторыхъ, приобыкъ къ самымъ противуестественнымъ внезапностямъ. Вотъ почему ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его гладко выбритомъ лицѣ съ пушистыми усиками, когда онъ вошелъ въ домъ и увидаль суматоху и бѣготню, услыхалъ загадочные крики: «Ай, палачъ!» и затѣмъ какой-то растерянный шепотъ: «За кѣмъ прѣехали? Бого привезли? Кто съ колокольчикомъ?» Офицерскимъ движеніемъ плечъ сбросивъ шинель на руки рыжаго человѣка съ возбужденнымъ и отчасти свирѣпымъ выраженіемъ лица, Алянчиковъ развязно вошелъ въ комнату, щелкнулъ каблуками, положилъ портфель на столъ и сухо-официальнымъ голосомъ произнесъ:

— Имѣю честь рекомендоваться: вновь назначенный приставъ перваго стана.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?—повторяла Евгенья Марковна, не сводя съ Алянчикова страшно-испуганныхъ глазъ и не вставая съ кресель.

Становой снисходительно усмѣхнулся.

— За недоимками, сударыня.—Онъ вынулъ изъ портфеля бумагу.—Вдова гвардіи ротмистра Евгенья Марковна Мансурова... вотъ-съ. За вами числится недоимокъ по государственному, губернскому и уѣздному земскимъ сборамъ 583 рубля 21¹/₄ копѣйки. Угодно внести ихъ тотчасъ же?

— Числится... числится...—пробормотала Евгенья Марковна,

*) Русская Мысль, кн. I.

какъ будто вспоминая. Вдругъ лицо ея перекошилось, губы дрогнули. Она съ усиленіемъ приподнялась, сдѣлала нѣсколько нетвердыхъ шаговъ и быстро зашлепала туфлями по направлению къ спальнѣ. — Батя! — послышался оттуда слабый зовъ.

Алянчиковъ остался одинъ. Онъ въ недоумѣніи развелъ руками. Изъ передней выглянулъ Егоръ Севастѣевъ.

— Больше ничего, какъ лишомшись разсудка, ваше благородіе, — сказалъ онъ съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосъ.

— Да? А наслѣдниковъ налицо не имѣется? — Алянчиковъ сѣлъ, предварительно увѣрившись въ правоспособности распатаннаго стула, и щелкнулъ новенькимъ портсигаромъ.

Егоръ Севастѣевъ чиркнулъ по штанамъ спичкой и подаль огонь.

— Ха! Наслѣдница-то, сами изволите знать, за какія дѣла на привязи состоитъ, — сказалъ онъ, опять отступая къ порогу. — Ничего нѣтъ мудренаго и барчукъ въ тепломъ мѣстѣ.

— Гм... ты... вы кто же такой?

— Владимірской губерніи купецъ Колодкинъ. Приѣхали было съ товарищемъ ренду снимать, а она, поди, бунтъ какой затѣяла!

— Въ аренду? Вотъ и отлично. Вы дайте ей задатокъ, а я его въ недоимки оборочу. Отлично. А то опиши эти, торги... Съ одной стороны требуютъ, съ другой — не одобряютъ. Что же вы не садитесь?

Колодкинъ, вытянувшись на носкахъ, заглянулъ по направленію къ спальнѣ и нерѣшительно присѣлъ на кончикъ стула.

— Да что, ваше благородіе, выгнала! Померещилась ей какая-то пустяковина... какъ заоретъ! Принужденъ былъ удалиться въ передню.

— Вотъ какъ! Говорятъ, что чудачка... Одичалая княжна! — Становой усмѣхнулся въ усы.

— А вы ее приструньте, ваше благородіе, — съ таинственнымъ видомъ наклоняясь къ нему, зашепталъ Егоръ Севастѣевъ. — Ежели на нее съ нахрапомъ — безпремѣнно сдать! А мы, въ случаѣ чего, благодарность бы, къ примѣру...

Становой холодно посмотрѣлъ ему въ лицо и, не повышая голоса, сказалъ:

— Послушай, братецъ, барыня тебя выгнала, а я, вѣдь, могу и въ станъ препроводить.

— Зачѣмъ же съ! — съ смущеннымъ видомъ забормоталъ Егоръ Севастѣевъ, вскакивая со стула. — Мы, какъ искони-бъ русскіе

люди... и за всякій часъ почитаемъ начальство... И, къ примѣру, ежели примѣчаемъ зловредныхъ человѣковъ—изо всей силы-мочи стараемся... Не щадя живота-сь!...

— То-то!

— Барыня просить минуточку обождать,—объявила няня, возвращаясь изъ спальни.

Егоръ Севастѣевъ остановилъ ее и что-то пошепталъ.

— Охъ, и горе намъ съ нею,—со смѣхомъ отвѣтила Катерина Митревна,—и съ чего померещилось? Ну, иди, посиди у меня въ каморкѣ... авось обойдется.

Становому пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, его пригласили въ гостиную. Теперь на Евгеньѣ Марковнѣ накинута была какая-то выпѣтнаная мантилья, а къ носу она безпрестанно подносила пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ.

— Присядьте, батюшка... не знаю какъ имя-отчество?—проговорила она слабымъ голосомъ.

— Юліанъ Евтѣичъ Алянчиковъ.

— Улянъ?

— Юліанъ-сь.

— Чтой-то, батюшка, точно богоотступникъ!—съ неудовольствіемъ сказала Евгенья Марковна и, всмотрѣвшись, добавила:— Не Евтѣя ли Антипыча Алянчикова сынокъ?

— Да, я его сынъ.

— Вишь, вѣдь, какое дѣло. А похожъ, похожъ. Въ старину только приказные усомъ не нашивали... Все пошло на изворотъ: Да ты выпить, закусить не желаешь ли?

Алянчикова покоробило.

— Не желаю-сь. Не угодно ли приступить къ дѣлу?

— Какое дѣло,—оживилась старуха и стукнула пузырькомъ по столу,—вы, вотъ, начальники, гоняете зря, а жулики столбовую дворянку сговорились ограбить,—вамъ горя мало! Видѣлъ рыжаго-то? А другой по саду рыщетъ, чай, дубинку на меня подыскиваетъ... Гдѣ законъ?

— Я васъ покорнѣйше прошу...

— Нѣтъ, ты отвѣчай: куда вы законъ спрятали? Гдѣ законъ?

— Я васъ, сударыня, убѣдительно...

— А я тебя убѣдительно,—сейчасъ заарестуй воровскую шайку!

— Не извольте фамиллярничать,—отчеканилъ Алянчиковъ, вставая и подымаясь съ кресла.—Я для васъ, сударыня, власть, и оскорблять себя не позволю-сь.

Но Евгенья Марковна въ свою очередь разгорячилась.

— А я—урожденная княжна Тибягина!—врикнула она.—Я съ блаженной памяти императоромъ Николаемъ гроеь-фатеръ танцовала, коли ты хочешъ знать... Власть!... куръ цапать—вотъ твоя власть! Я твоего папеньку,—живъ ли, нѣтъ, ли,—дальше лакейской въ домъ не впускала! А тутъ—на! въ гостиную вломился, въ кресла сѣлъ, столбовую дворянку почитаешь за ничто... Да еще деньги тебѣ подай!... Легкое ли дѣло... Чтѣ я за мотыга, дѣтскую вотчину стану транжирить... Нѣтъ у меня денегъ!—и Евгенья Марковна неожиданно встала и съ необыкновеннымъ гнѣвомъ, съ необыкновенною гордостью опять прослѣдовала въ спальню.

Юліанъ Евтѣвичъ пробормоталъ ругательство,—надо добавить, весьма несообразное съ благовоспитанностью,—и раздражительно прикусилъ усы, но скоро успокоился. Твердыми шагами вышелъ онъ на крыльцо и приказалъ ямщику тотчасъ же ѣхать за старостой и понятными. И хотѣлъ уже возвратиться въ домъ, какъ изъ садовыхъ воротъ показался Илья Евдокимычъ.

— Ха, ха, ха, власти предержажей! Зачѣмъ припожаловалъ? Да ты никакъ шкуру смѣнилъ—квартальную униформу сбросилъ?

Алянчиговъ засмѣялся и весело потрясъ руку Ильи Евдокимыча.

— Въ здѣшній станъ приставомъ назначенъ,—сказалъ онъ.

— Ого! Ну, поздравляю, поздравляю, ха, ха, ха!... А сюда-то зачѣмъ?

— Недоимки собираю. Придется вотъ описывать полоумную-то эту... А вы зачѣмъ?

— Да, признаться, мансуровское аббатство хочу заарендовать... Замокъ таинствъ, ха, ха, ха!

— Федора Евдокимыча давно видали? Антона Родионыча Алферова?

— Давненько. Такъ вотъ какая махинація...

— Послушайте, батюшка, вѣдь, старуха-то васъ за жуликовъ считаетъ... Просила меня арестовать.

— Врѣ? Ха, ха, ха!... Не остодбилъ ли ее какъ-нибудь кумъ Егоръ?

— А это вашъ кумъ?

— А что?

— Ну, субъектъ! Онъ ужъ успѣлъ мнѣ взятку предложить.

— За что?

— Нажмите, говорить, старуху: она сдасть скорѣе. Каковъ, а?

— Ха, ха, ха! Ну, вы ужь не ставьте въ строку: кумь Егоръ—тишь, съ него спрашивать все равно, что вонъ съ дуба!

— Но однако же...

— Да чего тутъ,—и Илья Евдокимычъ съ хохотомъ; но осторожноенько прикоснулся къ животу Алянчикова и затѣмъ спросилъ:—Вправду, что-ль, описывать хочешь?

— Ужъ за старостой послалъ. Войдите въ мое положеніе...—и онъ разсказалъ сцену съ Евгеньей Марковной.

— Н-да... Такъ ужь вотъ что, Юліанъ Евтѣичъ...—Прытковъ взялъ станowego подъ руку и повелъ въ садъ.

Тѣмъ временемъ Егоръ Севастѣевъ сидѣлъ въ няниной комнатѣ и, въ отличномъ расположеніи духа, разрывалъ зубами горячія ржаныя лепешки. У притомки, заложивши руки за спину, стояла Агаея; Катерина Митревна сидѣла у стола.

— Больше ничего, что требуйте,—отрывисто бурчалъ Колодкинъ, безпрестанно скашивая глаза на Агаею,—четыреста двадцать — деньги! Чтò вамъ по людямъ мотаться? Открывайте въ деревнѣхъ питейное заведеніе, больше никакихъ!

— Велика честь—кабатчица!—сказала Агаея.

— Оттого что млáды—оттого и понятіевъ не имѣете,—возразилъ Колодкинъ.—Теперь вотъ на васъ платице-затрапезъ, а тогда и шелкъ будетъ не въ рѣдкость.

— Ты бы лучше пошла рожу умыла,—сказала няня.

Агаея всхлипнула носомъ, но не двинулась.

— На языкѣ-то у всѣхъ медь,—проронила она.

— Будьте благонадежны, Агаея Борисовна, —осклабяясь сказалъ Егоръ Севастѣевъ и обратился къ матери:—будьте благонадежны, Катерина Митревна. Какъ вижу ваше вниманіе и расторопность, и, притомъ, открываю съ новаго году оптовый складъ въ Тишангѣ—выдаю вамъ сумму на патентъ и, окромѣ всего, ежемѣсячнаго жалованья десять цѣлковыхъ. Съ тѣмъ возьмите-сь.

Катерина Митревна самодовольно улыбнулась, причемъ выраженіе ея лица сдѣлалось очень глупымъ. Улыбнулась и Агаея, и, въ силу наслѣдственности, тоже съ глупымъ видомъ.

— Няня! къ барынѣ!—сердито возвѣстила Савишна, отворяя дверь.

Егоръ Севастѣевъ остался самъ—другъ съ Агаеёй. Онъ тотчасъ же отодвинулъ лепешки и пристально устремилъ глаза на дѣвку; она на него... Нѣсколько мгновений продолжалось молчаливое проникновеніе, вдругъ Агашка съ хохотомъ воскликнула:

— Палачъ!

Этотъ смѣхъ раззадорилъ Колодкина. Онъ подошелъ къ ней и, въ упоръ, съ разстановкою, съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ, съ которымъ разминалъ вчера свѣжій комокъ чернозема, проговорилъ:

— У, крраля!...

— Ну, что еще?

— Больше ничего, что краля.

— Про себя!

— А, можетъ, и про другого кого... ась?

— Наплевала-бъ я!

— А другой-то, глядишь, большихъ капиталовъ не пожалѣтъ!

— Подавится.

— И въ разсужденіи родительницы обезпечить до гроба...

— У насъ у самихъ четыреста двадцать рублей насигнаціи.

— Ха! Вѣдь, ихъ надо еще получить, Агаеья Борисовна. И, притомъ, какія это деньги по нонѣшнему вѣку?

— Заработанныя, вотъ какія!

— А преклонитесь въ обоудъ - согласіе — тыщу заработаете... ась?

Тутъ Егоръ Севастѣевъ не вытерпѣлъ и, съ налитыми кровью глазами, попытался обнять Агаеью. Но та, изо всей силы ударивъ его по рукѣ, вскрикнула:

— Тшьфу! пропасти на васъ нѣтъ, охальники...—и, загрѣмѣвши спиною объ дверь, выскочила изъ комнаты. Колодкинъ даже зарычалъ отъ удовольствія.

Покинувши Алянчикова, Евгенья Марковна долго и съ неопи-сваемымъ негодованіемъ ходила по спальнѣ. Савишна, пригорнувшая въ уголку съ своимъ чулкомъ, вволю наслушалась гнѣвныхъ и язвительныхъ обращеній по адресу «куроцапа», «богоотступника» и «крапивнаго сѣмени». Но богомолкѣ столь казались не содѣянны и продерзостны эти слова, что она, вопреки обычаю, не поддакивала и только съ сокрушеніемъ вздыхала.

— Что ты пыхтишь, словно кузнечный мѣхъ? — крикнула Евгенья Марковна, — что ты молчишь, мать моя? Барыню хоть по щекамъ бей, вамъ горя мало!... Небось прежній становой не спрашивалъ, не нахальничалъ. Пришлетъ повѣстку—и дѣло съ концомъ... А этотъ, накосъ, съ какою фанаберіей налетѣлъ... Я, батюшка, сама не таковская! А? Да говори что-нибудь!

— Охъ, сударыня, начальство-то нонѣ строго...

— Начальство!... Я сама себѣ начальница. Онъ жуликовъ стра-щай, а не столбовыхъ дворянъ... Ахъ, матушки, какая тоска! Тотъ-то окаянный... И по-твоему похожъ на тамбовскаго палача, а?

— И-и, благодѣтельница... Да я, вѣдь, палача не видала.

— Ничего-то вы не видите!... И другой—разбойникъ. По лицу видать, что разбойникъ. Пастъ разинеть—натрясешься съ испугу!... Кто говорилъ, что онъ въ Тишанкѣ торгуешь? Ты говорила? Не лги, ужъ знаю, что ты!... Ахъ, да,—Батя... Позови-ка ее ко мнѣ.

Но когда Савишна вышла, силы оставили Евгенью Марковну. Съ тяжелымъ вздохомъ она опустилась въ продавленное кресло, вытянула ноги, закрыла глаза... Мгновенно лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью, нижняя губа отвисла, въ распавшихся чертахъ засквозило обычное выраженіе какой-то недоумѣвающей тоски. Богда вошла няня и спросила, зачѣмъ звали, она мутно и медленно посмотрѣла на нее и не могла вспомнить. И невнятно произнесла:

— Кашки... кашки-то мнѣ не забудьте...

— Кашки!—проворчала няня,—манныхъ крупъ-то на доньшѣ осталось!—и, мимоходомъ оправляя постель, стирая концомъ фартука пыль съ коммоды и подбирая соринки съ полу, продолжала:—Дождетесь—кушать станетъ нечего!... Ни себѣ, ни людямъ... Дается рой, чѣмъ бы огребать, а вы капризничаете. Что, въ самомъ дѣлѣ, и Лизавету Петровну впроголодь держите съ вашимъ упрямствомъ, да и насъ обижаете. Мнѣ, какъ хотите, подайте заслуженное. Я, можетъ, на нихъ судьбу свою приобрѣту.

— Охъ, не зуди... отстань!—простонала Евгенья Марковна.—Опротивѣли вы мнѣ всѣ...

— А вы сдавайте, вотъ и отстанемъ.

Евгенья Марковна молчала.

— И Господь съ вами!... И намъ, и вамъ пріятно... Больше ничего не прикажете?

Евгенья Марковна молча кивнула головою.

— Стакнулась!—прошипѣла Савишна изъ своего угла, когда няня удалилась.—Убей меня Богъ, стакнулась!... Охъ, Владычица... И какъ это Ты терпишь? Какъ попускаешь?... Пошла я, благодѣтельница, звать ее, гляжу, анъ у ней палачъ сидитъ. Тутъ-то лепешки жреть, тутъ-то жреть!... И Агашка чумазая торчитъ у крыльца. Не догадалась я, дура, ухомъ приложиться: ужъ навѣрное онъ имъ посуды сулилъ... Убей меня Богъ, сулилъ!

Евгенья Марковна опять ничего не отвѣтила и только страдальчески усмѣхнулась.

Долго продолжалась тишина. Въ безмолвномъ домѣ снова съ ясностью и отчетливостью сталъ преобладать мѣрный звукъ маят-

ника... Въ книгахъ едва слышно скреблись мыши. Яркое, съ красноватымъ отблескомъ, октябрьское солнце, наводнявшее комнаты, всему придавало какой-то меланхолическій отпечатокъ.

— Уѣхалъ?—тихо проговорила Евгенья Марковна.

Но не успѣла Савишна отвѣтить, какъ въ домѣ раздался шумъ. Вихремъ пролетѣла Агашка, по лошадиному топану пятками и задѣвая на ходу неустойчивую мебель; твердо застучала начальственная стопа Юліана Евтѣвича; побѣжала няня, послышались грузные мужицкіе шаги, хохотъ Ильи Евдокимыча, зловѣщій басъ Колодкина... Огромный резонансъ преувеличивалъ всѣ звуки до какихъ-то угрожающихъ размѣровъ.

— Дождались!—крикнула няня, появляясь въ дверяхъ.—Староста, понятые пришли... Вотчину хотять описывать!... Становой васъ требуетъ!...—и внезапно заплакала.—Что-жь это такое?... Али ужь послѣдніе денечки мансуровскому корню?... Матушка! Сударыня!... Да сколько, можетъ, вѣковъ... И дѣды, и прадѣды... Да урезоньте вы ихъ, идоловъ... Да мы костями ляжемъ за нашихъ господъ... О-о, до чего дожили!

Савишна перепугалась свыше всякой мѣры. Поминутно врестясь и бормоча: «Упаси, Господи... Пронеси, Господи», она бросилась къ сундуку, на которомъ сидѣла, трясущимися руками стала выбирать изъ него четки, крестики, бѣлишко и все это запихивала въ дорожную сумку.

Нѣкоторое время Евгенья Марковна оставалась неподвижною. Потомъ выпрямилась, встала, возвела глаза на икону, — какъ былъ краснорѣчивъ этотъ потухшій взглядъ!—и, торжественно-медленно походкой направилась изъ спальни. И, вѣроятно, въ ея фигурѣ было нѣчто очень значительное: Илья Евдокимычъ невольно вытянулся и сдѣлался серьезенъ, Колодкинъ скрылся въ переднюю, гдѣ въ самомъ угнетенномъ и недоумѣвающимъ состояніи духа толпились мужики. Самъ Юліанъ Евтѣичъ почтительно поднялся съ мѣста.

— Не угодно ли указать...—началъ было онъ скорѣе съ нѣкоторою грустью, нежели съ прежнимъ оффиціальнымъ выраженіемъ. Но Евгенья Марковна перебила его.

— Садитесь всѣ,—произнесла она, дѣлая величественное мановеніе рукою, и опустилась на кресло такъ, что глаза ея были обращены въ сторону.—И тотъ...

— Бупецъ Колодкинъ-съ!—подхватилъ Илья Евдокимычъ.

— И господинъ Колодкинъ... Всѣ садитесь.

Егоръ Севастьяевъ бокомъ втиснулся въ комнату и присѣлъ у дверей.

— Не угодно ли указать имущество или статьи дохода, подлежащія описи?— договорилъ Алянчиковъ.

— Имущество мое досталось мнѣ отъ незабвенной памяти родителя моего князь-Марка Ильича Тибягина...

— Но позвольте-съ...

Евгенья Марковна возвысила голосъ:

— Ему же пожаловано въ приснопамятный день кончины императора Павла Перваго... За особливья заслуги.

— Осмѣлюсь поставить вамъ на видъ, сударыня...

— А крестьяне переселены съ родовыхъ вотчинъ. И тѣ вотчины изстари въ роду князей Тибягинныхъ... по грамотамъ благочестивѣйшихъ царей Федора и Алексѣя всея Россіи и иныхъ самодержцевъ.— Она помолчала, точно вслушиваясь въ замиравшіе звуки своихъ словъ, и потомъ добавила:—А теперь дѣлайте, что знаете.

Юліанъ Евтѣичъ снова предложилъ свой вопросъ. Евгенья Марковна безмолствовала. Всѣ переглянулись. Въ передней слышались вздохи, шепоты. Дворовые старички уныло качали головами, высматривая изъ дверей. Въ сосѣдней комнатѣ рѣкою разливалась Катерина Митревна.

Илья Евдокимычъ легонечно дернулъ становаго за фалду.

— Не угодно ли вамъ сдать въ аренду имѣніе?—съ изысканною вѣжливостью сказалъ тотъ, — тогда отлично бы все устроилось. Вотъ Илья Евдокимычъ Прытковъ извѣстенъ мнѣ за солиднаго коммерсанта... Имѣетъ родственника на видномъ посту. Пользуется расположеніемъ извѣстнаго богача и почти миллионера Антона Родионыча Алферова. И, надѣюсь, не станетъ злоупотреблять вашимъ вполне критическимъ положеніемъ.

— Имѣемъ крестъ, Евгенья Марковна!—съ достоинствомъ заявилъ Илья Евдокимычъ.

— Сколько же намѣренъ заплатить... господинъ Прытковъ?— отвѣтила Евгенья Марковна, не поворачивая головы.

— Какъ говорено-съ: двѣ тысячи восемьсотъ годовыхъ и впередъ деньги-съ.

— А тотъ... господинъ Колодкинъ?

Скулы у Егора Севастьяева задергались и покрылись пятнами. Тѣмъ не менѣе, онъ всталъ и, ни на кого не глядя, какимъ-то грубо-вызывающимъ голосомъ произнесъ:

— Двѣ тыщи девятьсотъ.

— Эге! да у васъ аукціонъ! — въ полголоса сказалъ Алянчиковъ, обращаясь къ Ильѣ Евдокимычу.

Тоть побагровѣлъ.

— Ты что-жь это, антихристь, дѣлаешь? — сказалъ онъ, впиваясь глазами въ кума.

— Моя цѣна: двѣ тыщи девятьсотъ, — повторилъ Егоръ Севастѣевъ, не обращая вниманія на Прыткова.

— Позвольте-съ! — вскрикнулъ Илья Евдокимычъ, вскакивая съ мѣста. — Евгенья Марковна! Господинъ становой приставъ! Позвольте мнѣ партикулярный разговоръ съ нимъ имѣть.

— Не желаю, — заявилъ Колодкинъ.

— Нѣтъ, вре-ешь! — сказалъ Илья Евдокимычъ, — не на таковского напалъ! — и, подбѣжавши къ куму, схватилъ его за рукавъ и потащилъ въ переднюю. — Ахъ, ты, анафемская образина!... Да ты, ничего не видя, съ дубинкой подъ дорогу вышелъ? Да ты живьемъ задумалъ меня слопать?...

Колодкинъ сначала упирался, — вышла даже возня, — потомъ хлопнула наружная дверь и кумовья скрылись. Въ передней раздался сдержанный смѣхъ и кто-то достаточно громко произнесъ:

— Словно псы изъ-за надали!

— Эй! — грозно крикнулъ становой. Все стихло. Онъ обратился къ Евгеньѣ Марковнѣ: — Не прикажете ли старосту и понятыхъ отослать обратно?

— Дѣлайте, что знаете, — отвѣтила она, пребывая все въ томъ же безучастномъ и какъ бы застывшемъ состояніи.

— Да-съ... Такъ вотъ какъ-съ, — заговорилъ Юліанъ Евтѣичъ, тяготясь молчаливымъ присутствіемъ странной старухи, — и папашу еще знали... Умеръ, умеръ... Опредѣлили меня въ кадетскій корпусъ, взялъ, да и отправился къ праотцамъ. Примѣрный былъ служака. Вѣдь, засѣдателемъ лѣтъ тридцать, кажется, прокопѣлъ? И за всѣмъ тѣмъ — молодецъ: всѣхъ насъ въ люди вывелъ. Семеро насъ, сударыня. Старшій въ жандармскомъ корпусѣ, — теперь ужъ адъютантъ, второй — исправникомъ, третій — столоначальникомъ въ губернскомъ правленіи, четвертый — въ Москвѣ по сыскному отдѣленію, пятый — въ консисторіи служить, шестой — специалистъ по бракоразводнымъ дѣламъ... А седьмой — я. Будь старичина живъ, надѣюсь, было бы чѣмъ похвастаться!

Юліанъ Евтѣичъ помолчалъ, побарабанилъ пальцами по собственному колѣну, вынулъ было портсигаръ и даже щелкнулъ имъ, но тотчасъ же положилъ обратно.

— Да-съ... Такъ вотъ какъ-съ... А я вамъ отъ души совѣтую

сдать Прыткову. Человѣкъ вполне основательный. Часто приходилось бывать въ алферовскомъ магазинѣ: придешь—и онъ случится. И постоянно въ шутовскомъ настроеніи духа. Черезъ него я и съ Антономъ Родіонычемъ имѣлъ честь познакомиться. Неоднократно игрывалъ въ винтъ съ почтеннымъ старцемъ. Не изволите знать? Почти миллионеръ, нѣсколько сроковъ подрядъ головой былъ избираемъ... И къ Ильѣ Евдокимычу очень благоволитъ.

Евгенья Марковна не обращала ни малѣйшаго вниманія. Могло гадаться, что она заснула, если бы не тусклый взглядъ, неподвижно устремленный въ какую-то неопредѣленную даль.

Юліанъ Евтѣичъ кашлянулъ и покрутилъ усики.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—и братъ его занимаетъ видное мѣсто. А все обязанъ Антону Родіонычу... Подите, что значить старина! Своего единственного сына до третьяго класса только довелъ, а Федору Евдокимычу далъ возможность курсъ кончить. Разумѣется, Ивану Антонычу съ его состояніемъ нѣтъ и надобности, но, съ другой стороны... Я о себѣ скажу: вы не повѣрите, до какой степени требуется лоскъ отъ полицейской службы...

Дверь опять хлопнула, раздались быстрые шаги и въ комнату вошли кумовья. Оба были съ красными и возбужденными лицами и ужасно торопились.

— Вдвоемъ снимаемъ... Двѣ тыщи девятьсотъ... шабашъ!—сказалъ Прытковъ.

— А промежъ себя особо поконтрачимся,—вымолвилъ Колодкинъ.

— Теперъ такъ, значить, порѣшимъ,—перебилъ Илья Евдокимычъ.—Какъ драгоцѣнный мой куманекъ меня, дурака, подси-дѣлъ... Молчи, молчи, знаю, что говорю! И оказалъ себя въ самомъ возмутительномъ духѣ и подломъ видѣ, то продаю я ему свое заведеніе въ Тишанкѣ за три тысячи двѣсти рублей. Такъ, гусь лапчатый?

— И жеринъ въ то же число.

— Чортъ съ тобой!... И, въ воздаяніе злодѣйскихъ поступковъ, принимаю я его, искариота, въ товарищи по арендѣ. Прытковъ и Б°, значить. Такъ, рыжая бестія?

— Да ты не больно ругайся!

— Ха, ха, ха!—Евгенья Марковна вздрогнула, но ни слова не сказала.—Извините, сударыня, маленько нервы развозились. Тебя развѣ ругать надо? Тебя прямо взять, да... Ну, дьяволъ съ тобой. А въ компаніи быть ему на кондиціяхъ: пунктъ первый—въ хозяйство не впутываться, пунктъ второй—въ усадбѣ не жить, тре-

тій пунктъ—скота своего не имѣть и быть на третью паю и въ расходахъ, и въ барышахъ. Такъ, сатанамъ?

— А отъ тебя чтобъ отчетъ. Чтобъ каждая копейка на счету была.

— Еще бы! Бухгалтера заведу!

— Тамъ кого хочешь заводи, а передо мной отчитывайся.

— Согласны, сударыня? — освѣдомился Алянчиковъ. — Двѣ тысячи девятьсотъ даютъ... Вдвоемъ.

— Дѣлайте, что знаете.

Опять всё переглянулись.

— Значитъ, возможно и къ условію приступить? — произнесъ Илья Евдокимычъ. — Сдача ваша будетъ на двѣнадцать лѣтъ, изъ дому отдѣляете на предметъ жительства четыре комнаты, деньги впередъ, земля поступаетъ въ хозяйственное наше распоряженіе?...

Но Евгенья Марковна и на это повторила:

— Дѣлайте, какъ знаете.

Илья Евдокимычъ пожалъ плечами.

— Какъ же, Евгенья Марковна...—началъ было онъ.

— Въ саду не разгуливать,—сказала она.

Всѣ сразу повеселѣли.

— Что же, — сказалъ Илья Евдокимычъ, едва удерживаясь отъ радостнаго смѣха, — коли есть такое ихъ согласіе... А въ саду само собою намъ нечего дѣлать!... Пиши, Юліанъ Евтѣичъ, а мы руки приложимъ.

— Съ чего же начнемъ?

— А во первыхъ строкахъ запродажу на тишанское заведеніе: пятьсотъ монетъ задатку. Такъ, кумъ Егоръ?

— И меринъ въ то число.

— Полюбился тебѣ меринъ!... Вторичная глава: условіе въ отношеніи взаимности компанейскаго товарищества Илья Прытковъ и Б°. Ну, а въ-третьихъ — домашній договоръ объ арендѣ, и въ томъ смыслѣ, чтобы черезъ мѣсяць срока явиться въ городъ и заключить нотаріальный контрактъ.

— Ну, батенька, работы вы мнѣ задаете! — сказалъ становой.

— Толкуй! Придетъ моментъ и мы для вашего благородія потрудимся. Съѣдемся въ городъ, такой камуфлетъ тебѣ закачу посредствомъ рамса, — мѣсяца въ два не отдынешься, ха, ха, ха! Начинай объ арендѣ... матеріаль-то канцелярскій при тебѣ? А я тѣмъ мѣстомъ запродажу нацарапаю. Эхъ, учили - то насъ по-

грошовому!—и Илья Евдокимычъ съ рѣшительнымъ видомъ началъ засучивать рукава.

Но Алянчикова стѣсняло присутствіе Евгеньи Марковны.

— Не угодно ли пока отдохнуть, сударыня?—сказалъ онъ.

Она качнула головой—не въ знакъ согласія, но отъ усилія встать. Илья Евдокимычъ предупредительно поддержалъ ее подъ локоть.

Богда Евгенья Марковна вышла, Алянчиковъ отослалъ старосту и понятыхъ,—старосту, съ наказомъ приготовить жареную курицу. Въ передней остались только старички. Они сѣли рядышкомъ на коникѣ и, тяжело переводя дыханіе, кашляли и вздыхали. Колодкинъ вплотную придвинулся къ столу, становой закурилъ, Илья Евдокимычъ, низко склонившись надъ бумагой и выдѣлывая ртомъ необыкновенныя гримасы, скрипѣлъ перомъ и моментально оказался весь въ поту... Богда настала очередь писать объ арендѣ, Егоръ Севастѣевъ сталъ предъявлять такіе пункты, что Юліанъ Евтѣичъ застыдился.

— Послушайте, братецъ!—воскликнулъ онъ,—да вы завоевали, что-ль, имѣніе-то?

— Извѣстно, завоевали, коли такой случай подвернулся.

— А помягче?

— Въ торговемъ дѣлѣ разборки не полагается. Нонче я урвалъ, а завтра и мнѣ морду искровянили. Помилуйте-скажите, годами такого случая надо ждать!

— Ну, а я писать не стану. Илья Евдокимычъ, вѣдь, ужъ слишкомъ!

Илья Евдокимычъ отложилъ перо, ухнулъ, утерся и разсѣянно посмотрѣлъ на Алянчикова.

— Въ чемъ прокламація?

— Какая къ чорту прокламація! Вашъ компаньонъ прямо желаетъ скушать госпожу Мансурову,—и Юліанъ Евтѣичъ съ ироническимъ видомъ повторилъ колодкинскіе пункты. Прытковъ расхохотался.

— Типъ!—воскликнулъ онъ,—въ книжки просится!

— Ты, надо полагать, очень ужъ разбогатѣлъ,—огрызнулся Колодкинъ.

— Юліанъ Евтѣичъ! Алъ намъ его за превратно-злодѣйскіе умыслы и поступки подъ конвой, да по этапу... а? Ха, ха, ха!... Пожалуйте, молъ, именующій себя владимірскимъ купцомъ, въ казенный апартаментъ... Ха, ха, ха!... А отзвонить пути сообще-

нія—къ супругѣ, съ сотскимъ, на веревочкѣ, ха, ха, ха!... Гдѣ былъ-побывалъ? У кума въ гостяхъ... ха, ха, ха!

— Ты не бреш! У меня документъ есть.

— Какой документъ, можетъ, поддѣльный?

— Бумъ Илья! Тебѣ говорю, прикуси языкъ!—Егоръ Севастѣевъ засвергалъ глазами и значительно посмотрѣлъ на Прыткова.

— Что такъ?

— Ничего. Забылъ о чемъ дорогѣй-то брявалъ?

— Господа, господа, надо торопиться!... Какъ же писать?

— Пиши какъ можно вратцѣ,—сказалъ Илья Евдокимычъ.—

Обозначь: сдала, молъ, такому-то такая-то, со всѣми принадлежащими постройками, за столько-то, въ полное, молъ, и неотъемлемое хозяйственное распоряженіе *). Понимаешь, дубина стоеросовая?—проговорилъ онъ въ сторону Болодкина,—въ хо-зяй-ственное! Да не забудь вернуть: четыре, молъ, комнаты, и въ садъ, молъ, безъ нужды не соваться... ха, ха, ха! Пушай ей въ носъ шибанеть!

Когда всѣ бумаги были готовы, кумовья сначала подписались на договорѣ товарищества,—этого потребовалъ Егоръ Севастѣевъ. Потомъ зарукоприкладствовали продажу «тишанскаго заведенія»... Егоръ Севастѣевъ отсчиталъ пять сторублевыхъ и, все время, пока Прытковъ подписывался, держалъ ихъ за края, а Илья Евдокимычъ прижималъ лѣвою ладонью. Съ такими же предосторожностями Болодкинъ вручилъ куму еще нѣсколько сотъ рублей «въ счетъ пая».

Солнце склонялось за полдень. Красноватый отблескъ его лучей становился багровымъ. Въ окна той комнаты, гдѣ совершалось «дѣло», свѣтъ падалъ съ юго-запада и какимъ-то заревомъ отражался на дверяхъ, ведущихъ въ переднюю. Въ саду поднялся шумъ, повѣялъ вѣтеръ, деревья скрипѣли и качались, послѣдніе листья кружились въ воздухѣ. Въ просвѣты лишь виднѣнъ былъ горизонтъ, на немъ темнѣли облака... Они смыкались, сливались другъ съ другомъ и мало-по-малу образовывали густую тучу.

Илья Евдокимычъ на цыпочкахъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, заглянулъ въ слѣдующія: онѣ были пусты. Тогда онъ возвратился въ переднюю и спросилъ старичковъ: куда дѣвалась дѣвка? Но старички, точно припаянные къ конику, уныло посмотрѣли на него и ничего не отвѣтили. Въ каморѣ раздавался хрѣпъ, слышны были свистящія, съ какими-то басистыми переливами звуки. Илья Евдокимычъ вошелъ туда и увидалъ вѣрѣеко спящую Агашку. «Тьфу ты, оголтѣлая! — воскликнулъ онъ и, съ трудомъ растолкавши

*) Терминъ „хозяйственное распоряженіе“ употребляется въ томъ случаѣ, когда для арендатора не обязательна какал бы то ни было система полеводства.

дѣвгу, послалъ ее за барыней. Аганика пошла въ спальню въ такомъ заспанномъ состояніи, что на пути раза два натыкалась на стулья и изо всей силы ударилась о притолку, но, возвращаясь оттуда, совершенно пришла въ себя, и, взглянувши на куццовъ, фыркнула.

— Аль что случилось?—безпокойно спросилъ Илья Евдокимычъ.

— Лукерья-ханжа сбѣжала!

— Какъ такъ?

— Да такъ... Подобрала свою сумку, да заднимъ ходомъ, да черезъ садъ... Только ее и видѣли!

— Вотъ те фунтъ... ха, ха, ха!... Помѣщицу-то позвала?

Отъ спальни медленно зашлепали туфли. Бумовья встали, Юліанъ Евтѣичъ съ дѣловымъ видомъ началъ рыться въ портфель. Евгенья Марковна вошла въ сопровожденіи нянюшки, опустилась въ кресло и, попрежнему, обращая тусклый взглядъ въ пространство, съ тѣмъ же выраженіемъ трагическаго величія произнесла:

— Всѣ садитесь.

— Готово-съ, Евгенья Марковна,—сказалъ Илья Евдокимычъ, подвигая къ ней бумагу,—теперь вся суть въ одномъ: зарукопривладствуйте и дѣло съ концомъ. Вотъ не угодно ли прослушать?... Аль ужъ ты прочитай, Юліанъ Евтѣичъ!

Алянчиковъ взялъ бумагу и, отчеканивая каждое слово, произнесъ пунктъ за пунктомъ. Евгенья Марковна точно окаменѣла.

— Такъ какъ же-съ?—спросилъ Прытковъ.

— Деньги,—проговорила она.

Илья Евдокимычъ вопросительно взглянулъ на Болодина,—тотъ съ надлежащимъ выраженіемъ скосоротилъ лицо. Тогда Илья Евдокимычъ вынулъ бумажникъ, отсчиталъ сколько слѣдовало и, со словами: «Будьте въ благородныхъ свидѣтеляхъ, господинъ становой приставъ!»—положилъ на столъ кучку кредитокъ.

— Пусть отбираютъ недоимки,—сказала Евгенья Марковна и, немного помолчавъ, добавила:—пусть всѣ идутъ къ расчету.

Алянчиковъ сталъ писать квитанціи. Пять минутъ спустя около барыни столпились домочадцы. Пришла кухарка Анисья съ подросткомъ Федькой, вползли старички, приблизилась няня. Агашка, глупо улыбаясь, глядѣла на деньги.

— Получайте съ господина арендатора,—сказала Евгенья Марковна.

Илья Евдокимычъ сдѣлалъ нерѣшительное движеніе.

— Сколько же кому прикажете?—спросилъ онъ.

— Моихъ четыреста двадцать насигнаціи, — съ грустью заявила няня, выступая впередъ.

— Намъ-то... Намъ-то, кормилецъ! — на перебой зашамкали старички, необычайно оживляясь и протягивая трясущіяся руки. — Гропъ!... На гропъ-то деньжоночекъ... Хоть бы похорониться-то... Хоть бы попу-то было бы чѣмъ...

Но старичковъ спѣшила оттѣснить пришедшая въ азартъ Анисья.

— Мнѣ по первое число подавай! — кричала она, — моей вины нѣтъ, что не доживёмши сроку схожу!... Съ Кузьмы-Демьяны нанималась... Дѣдъ Пармень! Лукичъ! Катерина Митревна! будьте въ свидѣтеляхъ — съ Кузьмы-Демьяны нанималась.

Илья Евдокимычъ со всеми расплатился. Но возбужденіе и беспорядочная суматоха улеглись не сразу. Старички страшно волновались, вырывали другъ у друга бумажки, муслили ихъ, оцупывали, разсматривали своими подслѣповатыми глазами и шепотомъ перебранивались. Няня и кухарка тоже были въ тревогѣ. Оказалось, что никто изъ мансуровской дворни не видѣлъ кредитокъ съ портретами и поэтому никто не могъ сосчитать больше четырехъ рублей. Потребовалось властное разъясненіе Юліана Евтѣича.

— Ну-съ, дополучите остальное и приложите ручку, — сказалъ Илья Евдокимычъ, макая перо въ чернила и подавая его Евгеньѣ Марковнѣ. Евгенья Марковна медленно повернулась, взяла перо... Одно мгновеніе лицо ея дрогнуло, въ глазахъ вспыхнулъ какой-то безумный блескъ, но она судорожно стиснула губы и овладѣла собою. Бумовья съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ желтая, изсохшая рука трепетно выводила буквы. Это продолжалось долго. Наконецъ, послѣдняя буква была написана. Но Евгенья Марковна не отдавала бумагу. Положивъ на нее ладони, она сложила голову. Чепецъ закачался, костлявыя плечи затряслись какъ бы отъ озноба... хриплый, рыдающій звукъ вырвался и замеръ.

— Будьте же вы прок... — вскрикнула она, выпрямляясь во весь ростъ, и вдругъ взглядъ ея остановился.

Въ дверяхъ стояла немолодая дѣвушка, съ сѣдыми подстриженными волосами, въ шапочкѣ, въ пальто съ барашковымъ воротникомъ, съ пледомъ на рукѣ.

— Бабинька! — произнесла она, съ испуганнымъ лицомъ бросаясь къ Евгеньѣ Марковнѣ.

Та простерла руки, хотѣла что-то сказать, судя по началу,

что-то по-французски, съ страннымъ, старомоднымъ произношеніемъ, и упала, какъ подкошенная.

Все смѣшалось. Евгенью Марковну подхватили, уложили въ кресло. Поднялся шумъ. Слышались всхлипыванія и взволнованные голоса: «Барышня... Лизанька... Лизавета Петровна!... Ой, кончается!... За попомъ... за попомъ!» — «Воды!» — кричалъ Юліанъ Евтѣичъ. Елизавета Петровна опустила на колѣни и, охвативъ безчувственное тѣло, съ нѣмымъ ожиданіемъ устремила взглядъ на неподвижное, безкровное лицо.

Вдругъ по этому лицу пробѣжалъ трепеть. Губы разжались, динокая слезинка выкатилась изъ глаза.

— Бабинька!... бабинька!... вѣдь, это я, я... Лиза,—шептала дѣвушка.

— Дозвольте! Обратите благосклонное вниманіе!—вскрикнулъ, какъ ужаленный, Илья Евдогимычъ и ринулся впередъ, потрясая листомъ бумаги.

— Тсс...—съ неудовольствіемъ произнесъ Алянчиковъ.

— Помилуйте, что-жь это такое будетъ?... Смотрите, какъ подписалась: *Есмь до скончанія вѣку урожденная княжна Тибякина!*

Евгенья Марковна открыла глаза: сознаніе свергнуло въ нихъ. На мгновеніе несказанная радость озарила ея измученное лицо и готчасъ же смѣнилась торопливымъ выраженіемъ.

— Всѣхъ прощаю!—пролепетала она коснѣющимъ языкомъ,— всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ... И Ва... и Ва...—Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ, въ прищуренномъ лѣвомъ глазу что-то замелькало быстро, быстро... и погасло.

Въ концѣ октября погода рѣзко измѣнилась.

Ахъ, эти осенніе, мелкіе, непрерывные дожди! Ахъ, эти долги, темныя ночи... и осклизлыя деревья, и вѣтеръ, и шумъ желѣзной крыши, и унылыя перспективы пустынныхъ, безжизненныхъ полей!... Плачетъ старый садъ—съ обнаженныхъ вѣтвей тихо падаютъ слезы; плачетъ старый домъ своими окнами, своими стѣнами; плачетъ небо, хмурое, сѣрое, низкое... Потрясающими звуками Шопена плачетъ старое фортепiano. Ни слова!... Все погребено, все схоронилось, все стало предметомъ надгробнаго рыданія.

По вечерамъ въ угрюмомъ домѣ освѣщены два окна. Словно смотреть угрюмый домъ туда, въ глубину сада, гдѣ наклонилась куплистая береза, гдѣ полстолѣтія тому назадъ лились блаженные слезы, произносились стихи, деклараціи... И раздаются въ Бяжгихъ-Липахъ шепоты по вечерамъ, вздохи, стenanія... И пла-

четь рояль. О, молодость! О, великодушныя грёзы... и обманутая любовь, и развѣянныя мечты о счастья! «Помню я и блескъ, и солнце, —шепчетъ береза, качая скрипящую вершину, —и нарядныхъ людей съ беззаботными лицами, и громъ музыки... Какъ глядѣлись другъ другу! Какъ общались любить! Какъ опьяняло ихъ веселье, и юность, и радость, — блаженная радость жизни!» По желобамъ струится вода, стучить дождь по желѣзной крышѣ, съ рѣки встають туманы.

Первое время попрежнему гудѣла чугунная доска и старческій голосъ кричалъ протяжно: «По-сма-три-ва-а-а-ай!...»

— Нѣтъ ужъ, Пармень, оставь: и безъ того тоска, —сказала Елизавета Петровна.

И царство сосредоточеннаго молчанія, неясныхъ звуковъ, таинственныхъ шороховъ, да струнный голосъ Вирта водворились въ Бняжихъ-Липахъ.

Шопенъ перемежался съ Мендельсономъ, Мендельсонъ съ Шубертомъ... Одинокая жизнь, осенняя непогода длились, длились... безъ перерыва.

И вотъ, въ туманную ночь, къ самымъ огнямъ придвигались тѣни. Задумчиво склонялись косматыя головы, простирались гигантскія руки... Затихалъ весь садъ, охваченный неодолимою потребностью вниманія... И плакалъ рояль.

Но струны были безсильны рассказать все. Няня, сидя съ чулкомъ въ своей каморкѣ и раздумывая, какъ бы ей вырваться въ Тишанку, обстоятельно переговорить съ Болодкинымъ и открыть кабакъ, вдругъ чувствовала иногда, что сердце у ней сжимается, сжимается... и слезы щиплять въ горлѣ, и рыдающіе звуки вонзаются въ душу... Но понимать не понимала, о чемъ говорить струны.

Только тотъ понималъ ихъ, кто прикасался къ нимъ. О, тому не нужно было словъ!... Голова горить, въ жилахъ пробѣгаетъ холодъ... Тихе, тихе, —встаетъ невозвратное... Минувшее заполняетъ своими красками, тонами, звукомъ рѣчей, своимъ блистающимъ солнцемъ свободы и надежды... О, молодость! О, великодушныя грёзы... и обманутая любовь, и развѣянныя мечты о счастья!

А дождикъ льетъ, льетъ, льетъ...

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ.

I.

Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ
глядитъ *).

Драматическая сцена.

Дѣйствующія лица:

Ростиславъ, старый актеръ.

Мальчикъ (за сценой).

Дѣйствіе происходитъ въ лѣсу. Въ глубинѣ театра помѣщается хата лѣсника; изъ-за деревьевъ, вдали, виднѣнъ городъ.

Ростиславъ (торопливо входитъ и показывается на городъ).

Нѣтъ, меня ты не увидишь, пышный городъ! На свободѣ
Здѣсь, въ лѣсу, останусь съ Богомъ, поклонюсь живой природѣ.
Тамъ для «славы» я трудился, «слилъ себѣ тельца изъ злата»...
Здѣсь убѣжищемъ мнѣ будетъ эта маленькая хата;
Въ ней живетъ лѣснигъ-охотникъ. У него найму жилище.
Мнѣ давно пора очнуться, быть душой свѣтлѣе, чище.
Жизнь моя, какъ это солнце, быстро близится къ закату.
Ждать нельзя. Настало время промѣнять театръ на хату.
Помечтаю на свободѣ, воскресу въ душѣ былое.

(Обращается къ городу).

Охъ, ты городъ! Охъ, ты племя, городское племя злое!

На меня ты наложило страшно-тягостную нѣшу—

Маску гнусную актера. Я ее съ презрѣніемъ брошу...

(Дѣлаетъ движеніе, будто срываетъ съ себя и бросаетъ маску; затѣмъ продолжаетъ посылъ короткаго молчанія).

*) Это стихотвореніе, облеченное въ драматическую форму, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Кондратовича (Сырокомли). До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, оно не появилось на русскомъ языкѣ. Переводчикъ желалъ сохранить возможную близость къ оригиналу, явившемуся въ первый разъ въ 1860 г. (*Syrok.*, t. V, str. 291—300). *Переводчикъ.*

Помню, помню жаръ мой юный. Я тогда не лицомъбрилъ,
 Я въ святые идеалы, въ правду жизненную вбрилъ.
 И Тальма, и чудный Гаррикъ душу страстно увлекали;
 Имена ихъ, словно звѣзды, въ синевѣ небесъ сверкали,—
 И хотѣлъ я безъ оглядки, торопливо, съ яснымъ взоромъ,
 Прилетѣть къ свѣтиламъ чуднымъ мимолетнымъ метеоромъ.
 Божествомъ считалъ Шекспира, и во мнѣ окрѣпла вѣра,
 Что съ душевнымъ огонечкомъ я могу достичь Мольера...
 Грудь горѣла... Думы-грѣзы нарождались въ сердцѣ чистомъ...
 Вы не знаете, какъ сладко быть въ дни юности артистомъ!
 «По стопамъ артистовъ славныхъ я пойду!—мечталъ я,—вскорѣ
 Самъ безсмертія достигну, успокоивъ въ сердцѣ горе!...»

(Задумывается, потомъ иронически смѣется).

Ха! ха! ха! Смѣшно и горько вспоминать минуты «счастья».
 Очутился я на сценѣ, на театрѣ успѣлъ попасть я.

Голова моя горѣла; въ ней кипѣли жизни силы.

Вдругъ повѣялъ страшный холодъ,—холодъ словно изъ могилы.
 Тамъ узналъ я зависть, низость. Тамъ интриги, сплетни любятъ;
 Тамъ юнцовъ, какъ я, «артисты-старички» не приголубятъ,
 Не дають имъ легкихъ крыльевъ для полета надъ толпою,
 Съ высоты небесъ на землю увлекають за собою...

Наконецъ, мой духъ горячій постепенно охладился.

На меня костюмъ надѣли: въ гагунахъ я очутился,
 И въ плащѣ кроваво-красномъ (замѣнялъ онъ багряницу)
 Бороля изобразилъ я, въ то же время и—убійцу.

(Послѣ молчанія).

Ха! ха! ха! Я ихъ обоихъ смастерилъ, лишаясь чувства:
 Предъ собой «судей» я видѣлъ, покровителей искусства,
 И предъ публикой (велико это слово!) думалъ смѣло
 Отличиться, но игралъ я слабо, робко, неумѣло,
 Былъ бандитомъ настоящимъ: «роль убилъ». Къ моей печали,
 Не похлопали злодѣю, короля не увѣнчали.

Горько было. Шумной славы не достигнулъ я сначала...

Сталъ я комикомъ; но зала не смѣялась и молчала.

Порѣшили ветераны: «Будь пѣвцомъ, не бей баклуши!»

И запѣлъ я поневолѣ: предо мной заткнули уши.

Возвращаясь изъ театра на чердакъ пустой, холодный,
 Я кусалъ отъ злобы землю, я ревѣлъ, какъ звѣрь голодный;
 Но когда во снѣ забылся на страдальческой постели,
 Вновь всѣ гени искусства съ высоты небесъ слетѣли.

Самъ Тальма, во снѣ, сказалъ мнѣ, пожимая крѣпко руки:

«Трудно, юноша! Награды ты достигнешь послѣ муки!»

(Садится на пень дерева).

Наконецъ-то заслужилъ я похвалу. Всѣ громогласно
Закричали: «Браво! браво! Ахъ, божественно-прекрасно!»
Я былъ вызванъ, наслаждался для артиста сладкимъ шумомъ,
Но, одумавшись, заплакалъ въ настроеніи угрюмомъ:
Мнѣ за чтó же рукоплещуть? Есть ли смыслъ въ такомъ привѣтѣ?
Надъ «Ринальдо» плачутъ слѣзно, а смѣются при «Гамлетѣ».
«Сидъ» для нихъ ужасно скученъ; ихъ Мольеръ не позабавить;
Даже Фрѣдро, нашъ-то Фрѣдро, ихъ зѣвать, скучать заставить...
Окруженный блескомъ славы, я твердилъ въ чаду успѣха:
«Вашъ привѣтъ—насмѣшка злая, а насмѣшка—мнѣ утѣха!»
Бто теперь, съ призваньемъ Божьимъ, на театрѣ отличится?
И Тальма, и Гэрригъ нынче развѣ могутъ возродиться?
Нѣтъ! Прошли вѣка святые, благодатныя столѣтья...

(Вскакиваетъ).

Не хочу я видѣть городъ. Не могу его терпѣть я!

(Оглядывается).

Нѣтъ, природа—не кулиса! Пусть кулисы и красивы,
Но живѣй и натуральнѣй надъ ручьемъ здѣсь плачутъ ивы.
Простодушная берѣзка на меня здѣсь смотритъ съ лаской;
Отъ нея весною пахнетъ, а не лаковою краской.
А ручей? А тихій вѣтеръ, чтó заигрываетъ съ нивой?
Это—музыка природы, а не нашъ оркестръ фальшивый.
Отблескъ солнца, такъ чудесно между листьями дрожащій,
Развѣ онъ блѣднѣе лампы вѣчно-тусклой и дымящей?
Вотъ—цвѣтокъ благоуханный! Съ нимъ я чувствую отвагу...
Не хочу идти на сцену. Слово даль... Назадъ—ни шагу!
Отдохнуть пора. Усталъ я, то смѣясь, то негодуя.
Здѣсь въ избѣнкѣ, за безцѣнокъ, уголокъ себѣ найду я.
Ну-съ, начнемъ переговоры...

(Идетъ къ хатѣ и стучитъ въ окно).

Эй, хозяинъ! Выдь къ отвѣту!

ГОЛОСЪ РЕБЕНКА (за сценой).

Батько скоро возвратится. Подожди же. Батьки нѣту,
Безъ него впустить не смѣю. Наши псы тебя не струсятъ,
Очень злы... Ворвешься силой, такъ они тебя укусятъ.
Безъ собакъ въ лѣсу жить страшно... Сторожей моихъ поглядь-ко.—
Разорвутъ!... Я вѣрно знаю: въ семь часовъ вернется батько.

Ростиславъ (смотреть на часы).

Ужь седьмого половина. Подожду еще немного...

(Выходить на аванс-сцену).

Что теперь творять коллеги? Репетируютъ убого.

Я боюсь, чтобъ страшной дичи «тамъ» они не напороли.

Блятву дамъ, что самъ Отелло будетъ жалокъ въ чудной роли.

Да, съ Шекспировскою драмой не шути: плохое дѣло!

Ахъ! когда-то вдохновенно я и самъ игралъ Отелло...

Маска черная—и ревность въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ!

Гдѣ ты, юность? Гдѣ ты, свѣжесть? Вы со мной пропали вмѣстѣ!

Помню, я былъ очарованъ самъ собою. Сердце кровью

Обливалось. Грудь дышала первой бѣшеною любовью.

Я былъ истинный Отелло. Я—ревнивецъ злобно мстящій—

Задушивши Дездемону, получилъ «пріемъ блестящій».

Отъ восторженнаго «браво» наша сцена задрожала...

А теперь каковъ Отелло? Онъ не сдержитъ и кинжала!

Тощій, слабый, онъ съумѣетъ только выпачкаться въ сажѣ...

Побѣгу къ друзьямъ на помощь... Бросить сразу ихъ нельзя же.

(Слышенъ звукъ пастушеской трубы).

Удержись, безумецъ жалкій! Пастушокъ здѣсь напѣваетъ

И тебя къ цвѣтущей нивѣ, въ лѣсъ зеленый призываетъ.

Ты зачѣмъ стремишься въ городъ? Не пора-ль тебѣ, безсильный,

Навсегда проститься съ жизнью—съ жизнью мертвою, могильной?

Тамъ отъ скуки захохочешь, а не то зѣвнешь всей глоткой,

Дополняя наслажденье... только водкой, только водкой!

Шумный городъ мнѣ ужасенъ; онъ лишитъ меня разсудка.

Снова сдѣлаться фигляромъ не хочу: плохая шутка!

Нѣтъ, артистъ, въ лѣсу останься! Здѣсь, подь кровлею худою,

Насыщайся чернымъ хлѣбомъ, запивай его водою,

Заведи пчелиный улей, забавляйся голубятней...

(Вдали слышенъ лай собакъ и звукъ охотничьей трубы).

А ружейная охота? Что въ лѣсу ея пріятнѣй?

А не то—иди за плугомъ, оживляй себя работой...

(Послѣ минутной паузы).

Здѣсь, въ охотничьей сермягѣ, я займусь въ лѣсу охотой.

Васъ, зеленяя сермяги, прежде часто надѣвалъ я,

И во *Фрейштютцъ*, когда-то, громогласно распѣвалъ я.

Я игралъ въ *Гусарахъ* Фрэдро... (Есть тамъ сценки, есть картины!)

Также «дядюшку» игралъ я въ пьесѣ *Докторъ медицины*...

Помню, помню васъ, сермяги! Вы, нарядъ мой непозорный,

Тѣсно рядышкомъ висите въ дорогой моей «уборной».

Мнѣ, при васъ, рукоплескали въ ложахъ, въ креслахъ, сверху,
снизу...

Бто же васъ теперь надѣнетъ святотатственно, какъ ризу?
Отрекусь скорѣй отъ лѣса, отъ деревни и отъ воли,
И пойду играть въ сермягахъ: въ нихъ отличныя есть роли!

(Приходить въ память).

Ты зеленою сермягой восхищенъ? Нарядецъ чудный;
Но прекраснѣй и чудеснѣй лѣсъ зеленый, изумрудный.
Правда, колются жестоко злыя елки, злыя сосны,
Но уколы прямо въ сердце—больше страшны и несосны.
Выражать ты станешь горе или счастье жизни сладко,—
Вдругъ тебя ужалить въ сердце, какъ пчела, тайкомъ, украдкой.
Съ этимъ жаломъ, что мнѣ сердце такъ убійственно пронзало,
Мнѣ пришлось идти на сцену и смѣшнить въ театрѣ зало.
И, съ жестокой раной въ сердцѣ, ради шутки, я кривлялся,
Самъ же жгучими слезами я невольно обливался;
Наконецъ, постигъ науку, что въ «притворствѣ»—наша сила,
И слезами не смывались на лицѣ моемъ бѣблила,
И когда я, улыбаясь, танцовалъ веселый танецъ,
Ужь не портился слезами въ лавкѣ купленный румянецъ...
Въ этомъ—весь триумфъ артиста, въ этомъ—цѣль его призванья,
Чтобъ великому искусству посвятить свои страданья!
Такъ стремиться нужно къ славѣ, къ дорогой, безсмертной цѣли!
Развѣ славные артисты мукъ жестокихъ не терпѣли?
Человѣческая слава отъ «креста» вполнѣ зависитъ.
Подъ «крестомъ» одинъ погибнетъ, но другого крестъ возвыситъ...

(Послѣ паузы).

Несъ и я мой крестъ высоко; онъ меня взнесетъ и выше—
Не предъ шумною толпою, а въ лѣсу, гдѣ слаще, тише,
Гдѣ какая-то святая тайна искони хранится,
Гдѣ и съ Богомъ, и съ природой могъ бы я разговориться,
Гдѣ... Шекспиръ такъ выражался...

(Въ раздумьи опять садится на обрубокъ дерева).

«...Много таинствъ есть въ природѣ...»

Онъ великій былъ философъ, не поэтъ въ новѣйшемъ родѣ.
Воплотить въ себѣ созданья величайшаго поэта—
Болоссальнаго Отелло и мечтателя Гамлета,—
Изучить могучій геній такъ, чтобъ все ему внимало,
Передать его творенья... Нѣтъ, на это жизни мало!
Ты же смѣлъ въ срединѣ жизни отъ искусства отказаться.
Ремесломъ бы лучше было, съ юныхъ дней, тебѣ заняться,—

Ремеслу бы научился, и имѣлъ бы ты, страдалецъ,
 Больше счастья, больше славы и—хорошій капиталецъ!
 ...Мнѣ не нужно вашихъ денегъ! Я ихъ брошу негодуя,
 Если «счастія» въ искусствѣ благородномъ не найду я.
 Жажду я одной награды за труды: какъ воинъ бравый,
 На подмосткахъ нашей сцены умереть хочу со славой...

(Встаетъ).

Слава! Что такое «слава?»—Легкій дымъ... Онъ разлетится,
 И, прославленный сегодня, завтра въ шута обратится.
 Слава—дѣтская игрушка; но она, людьми владѣя,
 Увлекаетъ и героя, и паяца, и злодѣя.
 Для нея отъ Геростратовъ храмы древніе сгорали;
 Для нея великодушно Мильтиады умирали;
 Для нея Наполеоны не щадятъ людского мяса;
 Для нея пшты мучать злополучнаго Пегаса;
 Акробаты на канатѣ жаждутъ «славно» отличиться...
 Въ славѣ много ослѣпленья, но и сила въ ней таится.
 «Благородная есть слава» (такъ сказалъ поэтъ). Она-то
 Восхищаетъ человѣка, на него вліяетъ свято.
 Озаривъ его лучами, человѣку-полубогу
 Возвѣщаетъ: «Ты, какъ факель, освѣщая впередъ дорогу!
 Пусть народъ, во тьмѣ ходящій, перестанетъ заблуждаться...»
 Но такіе люди рѣдко—разъ въ столѣтіе—рождаются.
 И когда отъ ихъ сіянья мы хоть искорку получимъ,
 Съ насъ достаточно: народа нашей славой не измучимъ!
 Только низкая душонка для себя считаетъ славой,
 Если сердце человѣка напоить своей отравой...
 Но я чувствую, Создатель, Ты мнѣ далъ иную душу,—
 Я желаю честной славы и завѣтъ мой не нарушу.

(Ударяетъ себя въ чело).

Поздно! Ты, мечтатель, слишкомъ довѣрялъ своей «особѣ».
 Удались и плачь о «славѣ» на ея печальномъ гробѣ.
 Все любимое тобою спитъ въ гробу... Прощай, веселье!
 Возродиться можно только или въ роцѣ, или въ кельѣ...
 Не вернулся ли охотникъ? Постучаться нужно въ хату.

(Стучить въ окно).

ГОЛОСЪ РЕБЕНКА.

Не стучись напрасно. Батъки дома нѣтъ. Придетъ къ закату,
 Поздно вечеромъ...

Ростиславъ.

Малютка! Отвѣчай правдивѣй, проще:

Какъ живется вамъ, бѣднягамъ-горемыгамъ, въ этой рошѣ?
Здѣсь вамъ весело?

Голосъ ребенка.

Мой батько стережетъ лѣсную дачу,

А подчасъ онъ дичь стрѣляетъ, ловить рыбку наудачу.
Денегъ батько не имѣетъ. Всѣ мы сыты и здоровы,
Такъ чего желать намъ больше? Молочко даютъ коровы...

Ростиславъ.

О, блаженная наивность, ты не лжешь, не знаешь злобы!...

(Удаляется на средину сцены и осматриваетъ ее кругомъ).

А въ театрѣ эта «сцена» вышла чудно хорошо бы!
Здѣсь бы хижину поставить, со скамейкой. Тамъ, направо,
Дубъ явился бы кудисой, возвышаясь величаво.
Этотъ улей съ роємъ пчелокъ помѣстить бы тутъ не худо;
Изъ него нашъ декораторъ сотворилъ бы прелесть, чудо.
Здѣсь бы тѣни онъ набросилъ, тамъ бы онъ прибавилъ блеску...
Разъ, я помню, мы играли очень милую піеску.
Представляли мы *Окошко въ бельэтажъ*. Въ пьесѣ славной,
Сознаюсь, не заучилъ я хорошенько роли главной...
Актъ второй, и сцена та же. Подымается завѣса.
Выхожу, не зная въ роли ни полслова, ни бельмеса.
Я смущаюсь, заикаюсь, вру отчаянно, безбожно.
На бѣду, суфлеръ-глашатай подкутилъ елико можно.
Я къ нему направилъ уши и мигаю: знать не хочеть,
Все клеветъ въ тетрадку носомъ, что-то шепчетъ и бормочетъ.
Въ положеніи ужасномъ я стоялъ вблизи злодѣя,
Но меня вдругъ освѣтила благодатная идея.
Я тогда игралъ роль графа, утомленнаго дорогой,
И представился «особой» слабосильной и убогой.
На скамейку (по піесѣ) я не сѣлъ, а въ видѣ шутки
Повалился прямо на земь близъ суфлерской старой будки.
Вырвалъ я изъ рукъ суфлера роль мою тайкомъ, украдкой,
И представилъ ловко графа, руководствуясь... тетрадкой, —
Декламировалъ прекрасно и налѣво, и направо...
Не замѣтили продѣлки. Весь театръ воскликнулъ: «браво!»...
Да и то-ль еще бывало! Вспомню, съ чувствомъ упоенья,
Смѣхотворныя минуты, горько-сладкія мгновенья...

(Торжественно).

Жизнь на сценѣ—вѣчный праздникъ, безъ печали и злорадства,—
 Жизнь, кипящая евободой для науки, славы, братства,
 Жизнь для чуднаго искусства: все оно собой объемлетъ...
 Эта жизнь разбудить сердце, если сердце вдругъ задремлетъ...
 Неужели этой жизнью я пожертвую для скуки?
 Неужели въ дикой роцѣ опушу лѣниво руки?
 Грѣхъ и стыдъ, любя искусство, падать низко отъ безсилья,
 Если мнѣ искусство дало для полета къ небу крылья!
 Грѣхъ и стыдъ передъ друзьями: сколько лѣтъ мы вмѣстѣ жили,
 Сколько хлѣба-соли съѣли, веселились и тужили!...
 И предъ «авторами» стыдно: воплощалъ я ихъ созданья,—
 И предъ публикой въ долгу я за ея рукоплесканья!
 Нѣтъ, скорѣй умру...

(Хочетъ быстро удалиться, но возвращается).

Безумецъ, погоди, будь осторожень!
 Ты идешь въ цыганскій таборъ. Онъ коварень и безбожень.
 Ты его считаешь храмомъ?... Жаль, что въ немъ алтарь разрушень,
 И святой огонь искусства въ алтарѣ давно потушень.
 Ты къ товарищамъ стремишься? Но припомни, не тебя ли
 Безсердечные коллеги клеветою отравляли?
 Ты идешь отдаться въ рабство? Нынче публика похвалить,
 А потомъ тебя, невольникъ, и освищеть, и «провалить»!
 У нея есть предразсудки—вѣковѣчная опека:
 Аплодируя «актеру», въ немъ не видятъ человѣка...
 Нѣтъ, засну въ безмолвной роцѣ. Кто мой тихій сонъ встревожитъ?

ГОЛОСЪ РЕБЕНКА.

Вотъ и тятя возвратился...

(Издаലെка слышетъ бой часовъ).

РОСТИСЛАВЪ (вздрагиваетъ).

Семь часовъ? Нѣтъ! Быть не можетъ?...
 А въ театрѣ «представляютъ» неискусно, неумѣло...
 Въ первомъ актѣ не придется видѣть жалкаго Отелло.
 Поспѣшу... Скорѣй на сцену!... Можетъ быть, еще успѣю?
 [(Обращается къ хатѣ).
 До свиданія, избушка! Ты не можешь быть моею.
 Какъ солдатъ отчизнѣ служить, такъ и я, отдавшись чувству,
 Сослужу святую службу благородному искусству.

Леонидъ Трефолевъ.

II.

Р а н о.

Ясно утро апрѣля и дышетъ весной;
 Заводъ Нѣмана скована, ледъ подъ ногой,
 А ужъ пѣсенка жавронка летяся;
 Встрепенулся онъ съ первымъ весеннимъ лучемъ,
 Взялся къ Господу въ раннемъ полетѣ своемъ
 И съ его благовѣстьемъ несется.
 Смолкни, пѣсни не лей! Обнаженныхъ полей
 Еще солнца лучи не согрѣли,
 Бѣдный пахарь не можетъ на нивѣ пахать...
 Для кого же и пѣть и кого ободрять?
 Рано, жавронки, рано запѣли!
 Рано пѣть и тебѣ, вдохновенный поэтъ,
 Воскресенье изъ мертвыхъ и вешній разцвѣтъ!...
 Гробъ Христа еще облить слезами,
 И весна крѣпко скована льдами...
 Такъ оставь же ты пѣсни для будущихъ дней,
 Что отверзнуть, согрѣютъ сердца у людей,
 А луга увѣнчаютъ цвѣтами...
 Нынѣ-жь пѣсню прерви... Искры чистой любви
 Душъ холодныхъ пока не согрѣли...
 Рано! Нѣкому пѣсни торжественной внять...
 Для кого же и пѣть и кого ободрять?
 Рано началъ ты звучныя трели!...
 И пѣвучая пташка, и вѣщій поэтъ,
 Лишь почували первый весенній разцвѣтъ,
 Оба предалися чарамъ созвучій,
 И, счастливы въ предчувствіи дней золотыхъ,
 Позабывъ, что зима, что не слушаютъ ихъ,
 Заливаются трелью пѣвучей:
 «Въ сердцѣ радость цвѣтеть! Прочь, холодный расчетъ!
 Замолчать намъ и силъ бы не стало!...»
 Кто-жь, пѣвцы, въ свой чередъ, кто намъ май воспоетъ?
 Рано ваша хвала зазвучала!...
 «Нѣтъ, хвалебная пѣснь не безслѣдно звучить,
 Но предвѣстіемъ праздника душу живить,
 Мы ужъ плугъ на межѣ примѣчаемъ,
 Издалѣка его мы встрѣчаемъ,
 Мы хоронимъ зиму, а людскія сердца

Воскресимъ, оживимъ, и по волѣ Творца

Свѣтлый праздникъ весны возглашаемъ...

А не станеть зимы — кончимъ подвигъ и мы:

Тѣ, что раннія пѣсни вамъ пѣли,

Только красное лѣто придетъ за весной,

Сами отдыха вкусятъ отраднѣйшій покой...

Соловьи, продолжайте ихъ трели!

Я же малая пташка и въ мирѣ земномъ

Всѣ желанія въ пѣсню излилъ я,

Объ одномъ я пою и молюсь объ одномъ,

Чтобъ колосья пышнѣй были въ полѣ родномъ,

Гдѣ подъ камушкомъ домикъ сложилъ я...

Я молюся о теплыхъ весеннихъ дождяхъ:

Если травы и колосья не густы въ поляхъ,—

Сыщеть ястребъ мой домикъ, о Боже!

Пусть оратаи на ниву выходить скорѣй:

Знаеть онъ, что прошу я въ молитвѣ моей,

И со мною помолится тоже!...

Такъ глашатаи весны отъ души распѣвалъ,

Полный грѣзъ и надежды счастливой.

Хищный ястребъ, кружась, тотъ напѣвъ услышалъ

И, какъ молнія, грянулъ надъ нивой.

Перья пташки летятъ, капли крови блестятъ...

Вотъ и жизнь будто сонъ миновала...

Вотъ и пахаря плугъ, но безмолвно вокругъ...

Рано жавронка, рано не стало!...

«Тяжело на яву, сладко въ области сновъ,

Что же сердце такъ нѣжить и грѣбеть?

Это пѣсня предчувствія, пѣсня безъ словъ,

Что, возникнувъ въ душѣ, какъ таинственный зовъ,

Выраженья найти не умѣеть...

Сердце чуетъ отраднѣе, что близко весна,

Но зима холодна и сурова,

Пѣсня въ стонущемъ вѣтрѣ, увы, не слышна

И въ душѣ замыкается снова...

Но поеть я, и съ пѣснью, дрожащей въ устахъ,

Словомъ огненнымъ ледъ растоплю я...

Я молитву спою,—и повсюду, въ лугахъ,

И въ жилищахъ людскихъ, и въ дремучихъ лѣсахъ

И цвѣты, и сердца воскрешу я!

О, какъ сладко и самъ отдохну я въ тиши!

Оживу, какъ младенецъ, я снова,
 Поплыву въ челнокъ и въ дремучей глуши
 Встрѣчу вешній разцвѣтъ, и отъ полной души
 Брошу пахарю доброе слово...
 Тамъ пастушья свирѣль... Въ полѣ жавронка трель...
 Оживу я для сладкихъ видѣній,
 А свобода и лѣсъ щедро звуки небесъ
 Мнѣ дадутъ для моихъ пѣснопѣній...»
 Такъ пѣвецъ о веснѣ благодатной мечталъ.
 Дальній вихоръ же, слышавшій это,
 Снѣгомъ пылкую голову злобно объялъ
 И дыханьемъ своимъ ледянымъ оговялъ
 Пламя жизни въ груди у поэта.
 Вотъ за гробомъ толпа, слышенъ голосъ попа,
 И, подъ мрачнымъ покровомъ тумана,
 Всѣ бросаютъ кругомъ горсти снѣга съ пескомъ
 На поэта, запѣвнаго рано...

 III.

Патріотка.

Когда-то жила встарину молодая
 Прелестная дѣва, сердца побѣждая,
 Какъ звѣздочка въ небѣ мила.
 Что страннаго, если и въ юномъ, и въ старомъ
 Любовь загоралась какъ будто пожаромъ
 И сердце томительно жгла?
 Поэты и люди степенные часто,
 Сановники Попеля, можетъ быть, Пяста,
 Придворныхъ и витязей рой,
 Какъ къ сладкому меду лѣзуть мухи порою,
 Прелестной нигдѣ не давали покою,
 Прельщаясь ея красотой,
 И хоромъ кричали: «О, чудная дѣва!
 Взгляни ты направо, взгляни ты налѣво:
 Рабы мы подъ царствомъ твоимъ!
 За ласку твою, изъ-за милаго взгляда
 Готовы мы въ воду и въ полымя ада!...
 Порадуй хоть словомъ однимъ!

А если же ты (хоть и всё мы плаемъ)
 Любви упительной дѣвственнымъ раемъ
 Бого-нибудь взыщешь изъ насъ, —
 Блаженство счастливицу, что избранъ тобою,
 Другіе-жь несчастной, покорной толпою
 Утомятся въ Вислѣ сейчасъ!...»
 Точь-въ-точь сумасшедшіе: плачутъ, вздыхаютъ,
 У дѣвы возлюбленной жизнь отравляютъ,
 И вотъ, виѣ себя, смущена,
 Бляня всю безумную эту дружину,
 Отцу со слезами взмолилась и Сыну,
 И Духу Святому она.
 Послала ей помощь молитва святая,
 На блѣдномъ лицѣ, красотою блистая,
 Зардѣлось дыханье огня.
 Позвавши поклонниковъ ручкою бѣлой,
 Она къ нимъ возвысила голосъ несмѣлый:
 «Прошу васъ послушать меня!
 Какъ мнѣ не любить васъ? Подумайте сами!
 Вы молитесь всё о любви со слезами...
 Ужель отказать вамъ? О, нѣтъ!
 Вы такъ благородны, пригожи и статны,
 Такъ добры и нѣжны, учтивы, пріятны...
 Вы рыцарства гордость и цвѣтъ...
 Но какъ же любить васъ, паны дорогіе?
 Теперь, вамъ извѣстно, татары лихіе
 Въ отчизну съ огнемъ и мечомъ
 Врываются дикой, ужасной ордою,
 И кровь неповинная льется рѣкою...
 Рѣзня и пожары кругомъ...
 А вы, въ эти дни злополучной години,
 Защитники края раднаго, мужчины,
 Заботитесь лишь о пирахъ...
 Не мучаясь вовсе народнымъ бездодемъ,
 Въ роскошномъ атласѣ и мѣхѣ собольемъ,
 Валяетесь въ женскихъ ногахъ...
 Любви вамъ? Но кто же любить васъ рѣшится?
 Бездушная женщина только прельстится
 Способна такимъ женихомъ...
 Дать руку и сердце? Что-жь будетъ съ женою?
 Вдругъ на домъ татары нахлынуть толпою,

А мужъ не владѣеть мечомъ!...
 Кто любить меня и отвѣта желаетъ,
 Пусть мантию сбросить, коня осѣдлаеть
 И въ битву помчится стрѣлой!
 Моихъ жениховъ для побѣды достанеть,
 Пусть на полѣ бранномъ ихъ полчище грянетъ
 И доблестно ринется въ бой!
 Чѣмъ больше зазубринъ на шлемѣ героя,
 Кто въ шрамахъ глубокихъ воротится съ боя,
 Хотя изувѣчатъ всего, —
 Побѣду бы только стяжалъ надъ врагами, —
 Я Богомъ клянусь и клянусь небесами
 Любить до могилы его!...»
 Хорошенькой ножкою топнула панна.
 Восторженнымъ пламенемъ ярко, неожиданно
 Заискрились очи у ней.
 То пламя у всѣхъ отразилось во взорахъ,
 Сердца обожателей, вспыхнувъ какъ порохъ,
 Забились быстрѣй и быстрѣй.
 Ихъ влики раздались и вправо, и влѣво:
 «И честь, и хвала тебѣ, чудная дѣва!
 Завѣтъ да исполнится твой!»
 Всѣ мигомъ ретивыхъ коней осѣдлали,
 Накинули брони, оружіе взяли
 И въ битву помчались стрѣлой.
 Хоть меньше въ нихъ было и силы, и мочи,
 Все-жъ храбрые бились три дня и три ночи
 И тридцать избили полковъ.
 Но дорого слава досталась героямъ:
 Отъ нихъ на землѣ, окровавленной боемъ,
 Остался лишь рядъ мертвецовъ.
 Одинъ изъ всѣхъ уцѣлѣлъ отъ сраженья;
 За павшихъ товарищей, въ ярости мщенья,
 Онъ много враговъ поразилъ.
 Ихъ полчища трупами въ полѣ упали,
 Несмѣтныя рати въ пустыню бѣжали,
 А многихъ онъ въ плѣнъ захватилъ,
 И плѣнниковъ замокъ построить заставилъ,
 Трофеями бранными залу уставилъ,
 Которые въ битвѣ забралъ.
 Богда же былъ замокъ украшенъ по-пански,

Вина закупилъ два боченка онъ въ Гданскѣ
И меду двѣ бочки досталъ.
Приводить онъ сватовъ къ красавицѣ милой:
«Давай же награду! Отвагой и силой
Враговъ истребилъ я дотла!...»
Красавица радостью вся просіяла
И руку героя съ любовью пожала,
А вскорѣ и свадьба была.
Тьма-тьмущая тамъ пировала народа.
И я былъ, — попробовалъ сладкаго меда,
Но мнѣ неудача подчасъ:
И медъ, и вино, что играли въ бокалѣ,
Текли по усамъ, только въ ротъ не попали...
На томъ я и кончу рассказъ.

Л. Пальминъ.

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ *).

(Повѣсть).

III.

Въ этотъ день Александра Яковлевна съ утра должна была пережить непріятную сцену. Причиной былъ самъ Хординъ.

Съ ранняго утра во дворѣ, на службахъ, въ саду и въ самомъ домѣ слышалось его ворчанье, брань, рѣзкіе окрики. Это онъ объяснялся съ многочисленною барскою прислугой. Завтра, по его рѣшенію, слѣдовало начинать полевые работы, а приготовиться никто не успѣлъ. Всюду онъ нашелъ безпорядки и явные слѣды лѣни, недобросовѣстности и глупости наемнаго люда. Онъ торопливо, съ озлобленнымъ лицомъ обходилъ всю усадьбу и ворчалъ, ворчалъ безъ конца. А нѣкоторыхъ бранилъ по-извощичьи, не стѣсняясь присутствіемъ бабъ. Да и самыхъ бабъ онъ распылилъ. Встрѣтившійся ему кухарку съ помоями, которыя она намѣревалась вышеснуть среди двора, онъ послалъ туда, куда невозможно добратъся. А когда удивленная баба, разиня ротъ, поставила свою лохань на землю, чтобы подумать, куда собственно нести ее теперь, онъ въ бѣшенствѣ опрокинулъ ее ногой, разлилъ все содержимое и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Я тебѣ, дура, сколько разъ говорилъ не лить здѣсь свою дрянъ?

— Чай, это чистая вода, а не дрянъ!—возразила кухарка, озлившись отъ этой неожиданной головомойки.

— Если чистая, такъ ты бы и выхлебала ее, а не плескала сюда!

— Чего мнѣ изъ лохани-то хлѣбать?... чай, я не свинья!

— Убирайся къ чорту! — закричалъ внѣ себя отъ гнѣва Хординъ.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

И, плюнувъ по тому направленію, гдѣ валялась опрокинутая имъ лохань, онъ быстро удалился и набросился на мужиченка въ кумачной рубахѣ, который тщетно искалъ потерянный имъ ключъ отъ желѣзнаго хода.

— Ну, что, нашель?—закричалъ Хординъ.

Работникъ въ смущеніи шарилъ руками въ сору, но шарилъ только для видимости, потому что ключа тутъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть.

— Стало быть, нѣту его!—проговорилъ онъ съ искривленною усмѣшкой.

— Нѣтъ, такъ надо отыскать!

— Да може его и вовсе не было на свѣтѣ-то?

— Что-о! Не было?!—крикнулъ Хординъ.—Въ такомъ случаѣ сейчасъ получай расчетъ, сейчасъ!... Сію минуту иди, получай и убирайся!... Сейчасъ же съ глазъ долой!... Ахъ, ты, наглый дуракъ! Я на той недѣлѣ своими глазами видѣлъ; а онъ говорить: «его на свѣтѣ не было»! Сію минуту вонъ!

Выпавивъ все это, Хординъ быстро пошелъ по направленію къ дому, но по дорогѣ еще нѣсколько разъ приказалъ, чтобы работникъ шелъ за нимъ. Работникъ, заинтересованный внезапнымъ окрикомъ, туло улыбаясь, покорно шелъ слѣдомъ за бариномъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ расчетъ былъ сдѣланъ, работникъ получилъ деньги и пошелъ собираться, провожаемый не то сочувственными, не то насмѣшливыми взглядами другихъ батраговъ. Хординъ также вышелъ изъ дому за нимъ и наблюдалъ, какъ онъ подъ сараемъ перевязываетъ кушакомъ свои вещички. Онъ сразу успокоился. Выместивъ злобу на мужичонкѣ, онъ пересталъ кричать. Но за то по отношенію къ этой жертвѣ своего гнѣва онъ до конца оставался неумолимымъ; онъ съ удовлетворенною злобой наблюдалъ, какъ тотъ перевязываетъ вещички, какъ переобувается. Когда работникъ, видимо, собрался и только еще не рѣшался сдѣлать первый шагъ къ воротамъ, все еще оглушенный этимъ неожиданнымъ расчетомъ, Хординъ съ хладнокровною злобой выговорилъ:

— Ну, что, готовъ?... Съ Богомъ!

Работникъ пошелъ съ искаженною улыбкой на лицѣ вонъ со двора, но за воротами онъ сразу какъ бы встряхнулся, передернулъ плечами, засверкалъ своими безцвѣтными глазами и зарычалъ:

— Мы уйдемъ!... Намъ тутъ дѣлать нечего въ эфтомъ безобразномъ домѣ!

— Проваливай, проваливай! — насмѣшливо возразилъ ему Хординъ.

Работникъ медленно шелъ отъ воротъ, озираясь, какъ собака, за которою идутъ съ палкой. Но недалеко отъ забора онъ вдругъ остановился и въ свою очередь принялся отругиваться. Хординъ ему односложно возражалъ. Позиціи ихъ были такія: мужичонко стоялъ по ту сторону плетня, а Хординъ по эту; но, чтобы видѣть другъ друга, имъ надо было значительно вытягивать шеи. И они вытягивали шеи и переругивались. Сначала, впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ была подробнѣйшимъ образомъ разобрана пропажа ключа и другіе инциденты, а затѣмъ ужъ они ругались, — работникъ съ яростью, Хординъ насмѣшливо.

— Да! Хорошіе господа черезъ ключъ не обижаются работникомъ!—кричалъ мужикъ.

— А хорошіе работники не теряютъ хозяйскихъ вещей!—возражалъ Хординъ.

— Да! Хорошіе господа изъ-за такого пустаго дѣла и разговаривать-то не станутъ, а не то что... Ключъ! Что такое ключъ? Тьфу! Срамъ одинъ!

Работникъ при этомъ ожесточенно плюнулъ.

— Ты и не потерялъ его, а пропилъ, въ этомъ я увѣренъ!—сказалъ Хординъ насмѣшливо.

— Ключъ-то? Пропилъ? Да тьфу! Чего онъ стоитъ? шкалика не дадутъ!... Хорошій господинъ, а не жуликъ, вниманія бы что есть не взялъ, а не то чтобы...

— Ну, братъ, проваливай, не проѣдайся! — сказалъ Хординъ и вдругъ опять лицо его нахмурилось.

— Мы не проѣдаемся! Намъ даромъ чужаго добра не надо! А вотъ прочіе, которые на барскомъ жалованьи, тѣмъ, на примѣръ, чужое добро очень желательно!—ядовито возразилъ работникъ.

— Я тебѣ сказалъ, убирайся! Вонъ отсюда, пока я не догналъ тебя, да не поколотилъ!—закричалъ Хординъ.

У работника при этихъ словахъ барина лицо сдѣлалось вдругъ насмѣшливымъ; онъ такъ ругнулся, что взбѣшенный Хординъ поѣздъ было черезъ плетень, чтобы привести въ исполненіе свою угрозу, но мужичонко со всѣхъ ногъ бросился улепетывать, только болтались вещички его, перекинутыя за спину.

Александра Яковлевна видѣла изъ окна всю эту сцену, со включеніемъ финала, и лицо ея залито было краской. Жгучій стыдъ подступилъ въ ея сердцу, какъ вѣсть о несчастіи. Она не знала, куда дѣть глаза.

Ей стыдно было и за себя, и за мужа. Какъ ни дурно она думала о немъ въ послѣднее время, но она знала, что онъ, въ сущно-

сти, не злой человекъ; тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи о злобѣ къ жалкому батраку. Онъ просто попалъ въ некрасивое положеніе и потерялъ тактъ. Отсюда его возмутительные поступки.

Хординъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не понималъ той невѣрной почвы, на которой стоялъ. За послѣднее время онъ непремѣнно желалъ показать себя практичнымъ. Когда онъ только бралъ мѣсто управляющаго, товарищи предсказывали ему неудачу, говорили, что его на каждомъ шагу будутъ надувать, рисовали ему картину гуманнаго дурака, котораго всѣ водить за носъ. И вотъ онъ теперь всѣми силами старается отвязаться отъ «гуманности» и выказать себя практичнымъ; но, какъ всякій новичокъ въ незнакомомъ дѣлѣ, онъ пересолилъ, подозрѣвая въ каждомъ человекѣ, который хочетъ его надуть. «Практичность» такъ овладѣла имъ, что его теперь можно было какъ угодно назвать, обвинить въ измѣнѣ,—онъ не сильно бы обидѣлся; но видѣть себя одураченнымъ—это стало теперь для него кровнымъ оскорбленіемъ. И чтобы прослыть за практичнаго человекѣ, онъ путался въ мелкія дѣлишки съ работниками, учитывалъ, сколько горстей отрубей выходить на каждую свинью, куда дѣвалась пара гвоздей и, конечно, злился. Но злымъ онъ не былъ; онъ только сталъ въ такое положеніе, гдѣ злость необходимое средство удачи,—разныя бываютъ положенія!

Александръ Яковлевичъ вдругъ сдѣлалось такъ тяжело и такъ захотѣлось помочь ему въ уразумѣннн положенія, что она съ пылающимъ лицомъ бросилась ему на встрѣчу.

— Василий! да неужели ты не понимаешь, что, ругаясь съ рабочими, ты себя ругаешь?—вскричала она взволнованно.

— Что прикажешь дѣлать? Прощать—небрежность и подлость; это только поощрять ихъ. Не могу же я позволить дурачить себя!—возразилъ онъ хмуро.

— Да развѣ нельзя безъ этихъ взаимныхъ оскорбленій? А если нельзя, то зачѣмъ ты сталъ въ такое положеніе?

— Отчего же нельзя?—стѣбитъ только разинуть ротъ. Да, наконецъ, я не желаю больше говорить объ этомъ и прошу не вмѣшиваться не въ свое дѣло!

Хординъ сказалъ это грубо. Александра Яковлевна бросила на него холодный взглядъ и замолчала. Съ пылающимъ отъ негодованія лицомъ, она бросилась въ дверь; хлопнула ею изо всей силы и почти бѣгомъ пустилась изъ дома. Мужъ грубо попалъ въ больное ея мѣсто и она вдвойнѣ страдала—за него и за себя. Она всегда болѣзненно чувствовала, что не могла установить правильныхъ и

чистыхъ отношеній къ окружающимъ людямъ, въ особенности къ прислугѣ.

Въ сердцѣ ея была бездна нѣжности, мысли ея были гуманны. Въ жизни вокругъ себя она даже не замѣчала безусловно-дурныхъ людей. Въ теоріи она знала, что гдѣ-то тамъ существуютъ такіе, цѣлая тѣма ихъ; но на практикѣ, при живыхъ сношеніяхъ, она ни одного изъ нихъ не видала. Мысленно она боролась противъ всего несправедливаго и гибельнаго, въ книгахъ или газетахъ она часто натѣкалась на что-нибудь ненавистное, но все это происходило гдѣ-то *тамъ*, внѣ ея круга жизни; въ своемъ же кругѣ жизни, своими собственными глазами, она не могла увидеть ни одного негоднаго человѣка. Гдѣ бы и съ кѣмъ бы ни встрѣчалась она, никто не казался ей безусловно-дурнымъ, — съ недостатками — да, но совсѣмъ безъ кривды — нѣтъ, не бываетъ людей! И всякому она тепло улыбалась, старалась услужить, чѣмъ могла. Но за то къ ней самой не всѣ относились съ такою же человѣчностью, въ особенности прислуга. Такъ что не она обыкновенно обижала прислугу, а прислуга обижала ее на каждомъ шагѣ подозрительностью, грубостью и фальшью. Это и было больнымъ ея мѣстомъ; она много терпѣла неудачъ въ личныхъ отношеніяхъ.

Прогулка на чистомъ воздухѣ въ лѣсу не успокоила ее. Правдивенно подавленная беспорядочными мыслями, она нервно переходила отъ одного мѣста къ другому и никакъ не могла придти въ себя. Въ этомъ состояніи застала ее горничная дѣвушка, посланная звать ее домой.

— Барыня, васъ ждуть; гости пріѣхали.

Тогда она вспомнила все и пустилась бѣгомъ домой. Гости застали ее, такимъ образомъ, въ располхъ, съ разсыпавшимися мыслями, крайне смущенною. Когда она вошла въ комнату, тамъ уже всѣ собрались: мужъ, Буреевъ съ сестрой, Мизинцевъ съ незнакомымъ гостемъ. Она подала пріѣхавшимъ руку, но ни на одномъ лицѣ не могла сосредоточиться, вся занятая внутреннимъ смятеніемъ.

А тутъ какъ разъ подошла минута обѣда и она еще болѣе растерялась отъ хлопотъ вокругъ стола. Бѣ довершенію несчастія, обѣдъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: одно засохло, другое подгорѣло, третье осталось сырымъ. Въ этотъ несчастный день (впослѣдствіи Александра Яковлевна считала его самымъ счастливымъ), когда всѣ перебрались и обозлились, ни одно дѣло никому не удалось, даже стряпня кухарки.

Александра Яковлевна сидѣла за столомъ и не знала, что

дѣлать и говорить. На новаго гостя, Чехлова, сидѣвшаго на концѣ стола, она не смѣла поднять глазъ, и его образъ смутно рисовался ей, какъ это бываетъ съ тѣмъ наблюдателемъ, который никакъ не можетъ развязаться съ своими мыслями, беспорядочно загораживающими поле зрѣнія. Она только замѣтила его низкій ростъ, крупное лицо съ маленькими черными глазами, густую шапку черныхъ волосъ на головѣ и крупные пальцы на рукахъ, которыми онъ бралъ отъ нея кушанья.

Не одна Александра Яковлевна находилась въ такомъ настроеніи,—ни у кого разговоръ не клеился. Всѣ съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялись за обѣдъ, какъ будто въ немъ, въ этомъ обѣдѣ, и заключалось все дѣло. Только одинъ Чехловъ спокойно сидѣлъ и едва прикасался къ пищѣ. Глаза его попеременно съ острою пытливостью переходили съ одного присутствующаго на другаго, но на лицѣ его лежалъ холодный покой. Повидимому, онъ и не думалъ говорить, не удивляясь, въ то же время, и молчанію окружающихъ.

Между тѣмъ, кое-какія бѣглыя и случайныя фразы, которыми обмѣнялись Хординъ, Буреєвъ и Мизинцевъ, еще болѣе подчеркнули безмолвіе, воцарившееся, казалось, навсегда въ этой комнатѣ. Тогда Александра Яковлевна не выдержала такого холода. Въ смущеніи передавъ съ чѣмъ-то тарелку Чехлову, она рѣзко нарушила молчаніе:

— Вы извините, пожалуйста... обѣдъ нашъ никуда не годится,—сказала она.

— Я не замѣчаю,—возразилъ Чехловъ необыкновенно спокойно.—Впрочемъ, я могу чувствовать только голодь, а чѣмъ надо удовлетворить его — это безразлично для меня.

— Такъ что вы не можете отличить хлѣба отъ мякины?—замѣтилъ Буреєвъ, обрадованный случаемъ съострить.

— Я всегда говорю въ предѣлахъ разговора и намековъ не понимаю,—возразилъ новый гость. При этомъ всѣ какъ-то сконфузились. Сказалъ онъ это внушительно и покойно, какъ взрослый человѣкъ говорить ребенку, который спалилъ. Буреєвъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя въ положеніи мальчишки, которому сдѣлали строгій выговоръ. Наступила тишина.

Одна Александра Яковлевна, не замѣтившая общей озабоченности, продолжала бороться противъ молчанія.

— Вы, конечно, шутите... Но, вопреки вашему увѣренію, ѣсть сегодня въ самомъ дѣлѣ нечего. Это уже по милости прислуги...

Съ самаго утра сегодня всё мы ссорились, и вотъ результатъ ссоры съ кухаркой — у насъ обѣда нѣтъ!

Въ отвѣтъ на это Чехловъ въ первый разъ улыбнулся, но такъ снисходительно, что Александра Яковлевна смутилась неизвѣстно отчего. Она поторопилась объясниться.

— Вы не подумайте, что моя прислуга въ самомъ дѣлѣ дурная, и я съ ней ссорюсь. Бухарка, въ особенности, хорошая женщина, но, видно, дурное расположеніе ея духа было очень сильно, если она испортила обѣдъ.

— Развѣ у кухарки бываетъ дурное расположеніе духа? А если бываетъ, то развѣ можно съ нимъ считаться? — возразилъ вдругъ Чехловъ холодно, безъ малѣйшей улыбки.

— Еще бы!... Мы, положимъ, поссорились, встревожились. Но мое расположеніе духа ни на чемъ не могло отразиться, такъ какъ я ничего не дѣлаю, а она испортила мясо. Но едва ли я имѣю право жаловаться. Она была только въ дурномъ расположеніи духа, и оно причипено мной. Невольно приходится считаться съ настроеніемъ кухарки, иначе впереди грозитъ голодъ. Изъ этого вытекаетъ мораль: не надо ссориться съ кухарками и раздражать ихъ.

Александра Яковлевна говорила это полушутливо, полусерьезно. Но Чехловъ слушалъ внимательно, и когда Александра Яковлевна кончила, на лицѣ его мелькнуло непонятное злорадство.

— Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы всегда довольны отношеніями къ прислугѣ? — спросилъ онъ.

— Напротивъ. Эти отношенія причиняютъ мнѣ много горя, обидъ! — вскричала Александра Яковлевна, вспоминая нынѣшнее утро.

— Почему же? Развѣ прислуга обманываетъ?

— Бываетъ и это. Но самое обидное и мучительное — это недоувѣріе съ ея стороны, фальшь и неопредѣленность обоюдныхъ отношеній... Часто просто не знаешь, какъ себя вести!

— Съ прислугой надо вести себя твердо. Обманъ уличать, воровство наказывать, за грубость выгонять. — Говоря это спокойно и медленно, Чехловъ, не сводя глазъ, смотрѣлъ на Александру Яковлевну.

Та не знала, что это такое, и съ съ недоумѣніемъ посмотрѣла на собесѣдника, старалась понять значеніе его словъ. Въ первый разъ она прямо посмотрѣла на него и замѣтила его жесткія черты и холодный взглядъ.

— Но, вѣдь, такъ можно дойти до жестокости, — замѣтила она съ недоумѣніемъ.

— Развѣ по отношенію къ прислугѣ можетъ быть жестокость? — спросилъ онъ.

— Какъ же не можетъ быть! Преслѣдуя свои интересы, можно нечувствительно дойти до дикой несправедливости! — сказала съ волненіемъ Александра Яковлевна, задѣтая за живое.

— «Жестокость, несправедливость!» — сколько непонятныхъ словъ! — выговорилъ Чехловъ и улыбнулся, но это была злая улыбка.

Александра Яковлевна съ еще бѣльшимъ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Что же тутъ непонятнаго? Мы на каждомъ шагу видимъ и сами допускаемъ жестокость и несправедливость! А отсюда тяжелыя отношенія для обѣихъ сторонъ, но въ особенности тяжелыя прислугѣ.

— Прислугѣ?

— Ну, да, прислугѣ.

— Жестокость и несправедливость къ прислугѣ? — переспросилъ Чехловъ. — Воля ваша, извините, но я ничего не понимаю, — добавилъ онъ, и тонъ его вдругъ сдѣлался рѣзкимъ и самоувѣреннымъ.

Александра Яковлевна покраснѣла. Бѣ недоумѣнію въ ней присоединилось еще негодованіе.

— Да развѣ прислуга не человѣкъ? — воскликнула она оскорбленная.

— Разумѣется, человѣкъ! — отвѣтилъ Чехловъ опять спокойно.

— Значить, къ этому человѣку можно относиться мягко или жестоко, справедливо или несправедливо?

— Опять ничего не понимаю! То вы говорите о человѣкѣ, то о прислугѣ. Извините меня, но я не понимаю такого легкомысленнаго смѣшенія прислуги съ человѣкомъ! Это значить намѣренно играть словами!

Чехловъ, говоря это, рѣзко и оскорбительно жаль плечами.

Александра Яковлевна обвела глазами всѣхъ присутствующихъ, но недоумѣніе и чувство оскорбленности были на всѣхъ лицахъ. Только одинъ Мизинцевъ сіялъ; на лицѣ его рисовалось величайшее удовольствіе, а его взоръ, попеременно переходящій съ одного обѣдающаго на другаго, какъ будто говорилъ: «А вотъ погодите, онъ вамъ и не такой еще урокъ дастъ!»

— Вы, повидимому, задались намѣреніемъ не понимать самыхъ простыхъ словъ, — сказала сдержанно Александра Яковлевна. — Но въ такомъ случаѣ не можете ли вы сами потрудиться объяснить вашу взгляды?

— Мнѣ бы хотѣлось вашъ взглядъ уяснить, ради вашей пользы, но вы почему-то стараетесь увлониться отъ моихъ добрыхъ намѣреній. Однако, я попытаюсь, если вы позволите, объяснить вамъ ваши слова. Вы позволите предложить вамъ нѣсколько вопросовъ? — спросилъ Чехловъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — рѣзко сказала Александра Яковлевна. Лицо ея покраснѣло отъ негодованія. Да и всѣ присутствующіе, кромѣ Мизинцева, сидѣли нахмуренные, почти озлобленные противъ незнакомца. Всѣ забыли, что онъ гость и не скрывали своего негодованія, — до такой степени слова его были вызывающими, оскорбительными.

— Вы думаете, что съ прислугой можно обращаться жестоко и несправедливо? — началъ Чехловъ свои вопросы съ загадочною улыбкой.

— Думаю, — отвѣтила Александра Яковлевна.

— Но, по вашему мнѣнію, должно обращаться мягко и справедливо?

— Должно. А развѣ по вашему иначе?

— Обо мнѣ нѣтъ рѣчи. Вы великодушно позволили изслѣдовать вашъ взглядъ, — это я и дѣлаю, и прошу васъ продолжить это позволеніе, — возразилъ скромно Чехловъ, хотя съ прежнимъ злорадствомъ во взорѣ.

— Сдѣлайте одолженіе! — повторила Александра Яковлевна.

— И такъ, по-вашему, съ прислугой должно обращаться мягко и справедливо. Но, можетъ быть, вы ставите какія-нибудь границы справедливости, обращенной на прислугу? Можетъ быть, есть справедливость специально кухарская, гучерская, лакейская? Или же къ прислугѣ вы считаете возможнымъ примѣнить ту справедливость, которую вы оказываете купцу, чиновнику, барину?

— Справедливость одна!

— То-есть вы считаете возможнымъ относиться къ прислугѣ съ такою же справедливостью, какъ ко всякому другому человѣку?

— Непремѣнно.

— И относитесь такъ?

— Да, отношусь, насколько это позволяютъ мои недостатки. Отношусь вообще такъ же, какъ ко всякому другому, — сказала Александра Яковлевна.

— Вы такъ увѣренно утверждаете ваше равенство съ прислугой, какъ будто это чистая правда. Но я, все-таки, изъ боязни сдѣлать невѣрное заключеніе о вашей правдивости, еще разъ

спрашиваю васъ: неужели вы дѣйствительно относитесь къ прислугѣ, какъ ко всякому другому человѣку?

Александра Яковлевна поблѣднѣла при этихъ ядовитыхъ словахъ. Остальные присутствующіе, кромѣ Мизинцева, сдѣлали нетерпѣливые, негодующіе жесты. А Буреевъ такъ прямо сказалъ:

— Господинъ Чехловъ! Дерзость—не доказательство!

Чехловъ на мгновеніе скромно потупился, но, вслѣдъ за тѣмъ, спокойно, ласковымъ голосомъ возразилъ:

— Я никогда не говорю дерзости людямъ, которыхъ люблю. Я и васъ, господинъ Буреевъ, люблю, и во имя этой любви прошу позволить мнѣ продолжать мое изслѣдованіе предмета, ошибочно показавшееся вамъ оскорбительнымъ. — Чехловъ при этомъ вопросительно посмотрѣлъ поочередно на всѣхъ.

Всѣ съ недоумѣніемъ переглянулись: «Что это, молъ, за юродивый?»

— Продолжайте,—за всѣхъ отвѣтила Александра Яковлевна, отвѣтила мягко и съ доброю улыбкой, подавляя усиліемъ воли чувство негодованія противъ гостя.

— И такъ, вы считаете, — началъ Чехловъ, — прислугу равной себѣ и утверждаете, что къ ней вы можете относиться и относитесь, какъ къ себѣ или своему ближнему. Я выразилъ сомнѣніе на этотъ счетъ, а господинъ Буреевъ обидѣлся на это, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ относится къ прислугѣ, какъ къ человѣку (Чехловъ при этомъ бросилъ насмѣшливый взглядъ въ сторону Буреева). Во избѣжаніе дальнѣйшаго взгляда господина Буреева и вашего, — Чехловъ обратился къ Александрѣ Яковлевнѣ и дальше уже исключительно къ ней одной обращался, — я согласился повѣрить вамъ на слово и представить вамъ изумительную по своей правдивости картину равныхъ отношеній господъ къ прислугѣ. Я вижу, какъ сейчасъ, вы только что наняли кухарку. Она вамъ понравилась и вы ей. Заключивъ условія, вы пожали другъ другу руки и стали жить въ одномъ домѣ, исполняя каждый свои обязанности. Вѣ первую ночь кухарка переночевала въ указанной ей комнатѣ, то - есть въ кухнѣ, но на слѣдующее утро она заявила вамъ, что въ кухнѣ ей неудобно спать, что тамъ и сыро, и холодно и безпокойно, и просила васъ отвести ей другую комнату. Занеимѣніемъ таковой согласилась спать пока хоть на диванѣ, въ залѣ. Вы извинились за свою оплошность и поспѣшили помѣстити ее въ залѣ, а когда она сообщила вамъ по секрету, что у ней нѣтъ ни простыни, ни подушекъ, ни байкового одѣяла, вы тотчасъ же снабдили ее всѣмъ этимъ. Потомъ, пообѣдавъ нѣсколько разъ одна

она на третій день изъявила желаніе обѣдать съ вами вмѣстѣ, такъ какъ обѣдать одной и скучно, да и невыгодно, — за эти дни, по недосмотру, ей на обѣдѣ остались одни только щи съ кислою капустой и каша съ бараньимъ саломъ, между тѣмъ, ей очень хотѣлось покушать цыпленка, котораго она сама жарила, и пирога со стерлядью. Кромѣ того, она признавалась вамъ, что любить торты изъ фруктовъ и весьма была недовольна, когда ей не осталось ни кусочка его. Вы, конечно, опять извинились за этотъ странный недосмотръ съ вашей стороны, и съ слѣдующаго дня кухарка стала обѣдать за однимъ съ вами столомъ, подобно тому, какъ вотъ я, незнакомый вамъ человѣкъ, обѣдаю съ вами. Далѣе она обратила ваше просвѣщенное вниманіе на недостатокъ у ней книгъ, за которыми ей также, какъ вамъ, хотѣлось провести свободное отъ работы время; по неизмѣнну средствамъ, она могла читать только куленную за двѣ копейки сказку о томъ, какъ мужикъ чорта обманулъ, возмутительно глупую, между тѣмъ какъ вы послѣ обѣда читали занимательный романъ, и вы на слѣдующій день поправили свою небрежность и передали ей всѣ романы, которыми сами наслаждались. Затѣмъ, кухарка, вслѣдствіе дурнаго расположенія духа, иногда портила обѣдъ, и когда вы однажды гуманно выразили свое недовольство этими странными случаями, она резонно вамъ отвѣтила, что у ней нѣтъ развлеченій и что котлеты она обратила въ твердый уголь потому, что у ней тяжело было на душѣ. И чтобы не оставаться безъ развлеченій, успокоивающихъ нервы, она предложила вамъ брать ее съ собой въ городъ на драматическіе и оперные спектакли, какъ вы брали туда Бурееву. Разумѣется, вы не могли отказать ей въ такой пустой просьбѣ и на слѣдующей недѣлѣ вы слушали съ ней *Руслана и Людмилу*. Что касается нравственныхъ отношеній, то въ этомъ смыслѣ вы обращались съ кухаркой съ такимъ же почтеніемъ, какое вы оказываете, напримѣръ, Михаилу Егоровичу Мизинцеву, когда онъ проводитъ съ вами дни. Однимъ словомъ, что бы кухарка ни попросила, — конечно, въ предѣлахъ возможности и сообразуясь съ вашимъ образомъ жизни, — вы не отказывали ей. Забудьте, вы и не имѣли права отказывать ей въ томъ, чѣмъ сами и ваши близкіе пользовались. Вы не могли назвать ее наглою бабой и не имѣли права прогнать ее только за то, что она желала быть равной съ вами, пользоваться почтеніемъ, слушать *Руслана и Людмилу*, кушать мороженое. Если бы вы вздумали кому-нибудь жаловаться на ея невыносимое поведеніе, всякій имѣлъ бы право съ негодованіемъ отнестись къ вашей неосновательной жалобѣ. Вы сами отрѣ-

зали себѣ всякое отступленіе, когда заключали съ кухаркой условіе равныхъ отношеній, и вашу жалобу всякій послѣдовательный человѣкъ назвалъ бы жестокой и вѣроломной. Я не назову васъ таковою, но мнѣ всегда больно слышать ложь!

При этихъ словахъ Чехловъ возвысилъ голосъ и уже не понималъ его до конца; и каждое слово его раздавалось съ такою силой, словно онъ билъ молотомъ по куску желѣза.

— Мнѣ больно вообще находить ложь въ такихъ вещахъ, которыя сверху прикрыты дымкой истины и справедливости. Вы упорно настаивали, что вы можете, должны и на самомъ дѣлѣ относиться къ прислугѣ, какъ къ человѣку, между тѣмъ, послѣ бѣлаго анализа вашихъ отношеній оказалось, что вы заблуждаетесь. Оказалось, что прислуга для васъ только прислуга, а не человѣкъ, и что вы относитесь къ ней не какъ къ себѣ, а какъ къ иному, низшему существу. И не можете иначе относиться! Сколько угодно вы можете говорить, что она для васъ человѣкъ, я не повѣрю этому! Не человѣкъ вамъ нуженъ въ ней, а рабочая машина! Когда вамъ нужно человѣка, вы пойдете искать его всюду, но только не въ кухню, не на дворъ, не на конюшню. Въ кухню вы находите прислугу, а не человѣка. Ваше увѣреніе, что въ прислугѣ вы видите равнаго себѣ человѣка, двойная ложь. Во-первыхъ, это логическій фокусъ, то - есть просто обманъ, вродѣ того, когда магистръ магіи на глазахъ у всѣхъ глотаетъ шпагу. Нанимая себѣ прислугу, вы этимъ самымъ устанавливаете фактъ рабства; вы нанимаете человѣка, но ставите его въ положеніе раба, который долженъ исполнять вмѣсто васъ работу. Вы нанимаете раба не для того дѣла, которое вы считаете высокимъ, но котораго не въ силахъ исполнить, а на дѣло непріятное, грязное, оскорбляющее ваши просвѣщенные чувства и мѣщающее вашимъ тонкимъ потребностямъ!... Во-вторыхъ, прикрывая совершенную вами покупку раба лживыми словами, какъ гуманность и справедливость, вы даже себя обманываете, отрѣзывая у себя возможность видѣть голую истину. Истина же такова: или вы пользуетесь трудомъ прислуги (но не человѣка), то тогда не обманывайте себя и другихъ насчетъ вашихъ справедливыхъ отношеній, которыя могутъ быть только по отношенію къ человѣку, а не къ прислугѣ, или откажитесь отъ обладанія людьми, которыхъ вы не должны ставить въ не-человѣческое положеніе, но тогда вамъ самимъ придется исполнять весь трудъ, необходимый для вашей жизни. Но не забрасывайте истину красивыми и ложными обольщеніями, ибо придетъ день, когда ра-

зумъ раскроетъ вашъ обманъ, сорветъ покрывало со лжи и заставитъ сердце ваше затрепетать отъ ужаса.

Послѣднія слова Чехловъ окончили такимъ потрясающимъ голосомъ, словно говорилъ изъ трубы. Но лишь только онъ это протрубилъ, какъ тотчасъ же принялся оканчивать обѣдъ, причемъ лицо его моментально сдѣлалось спокойнымъ и холоднымъ.

Но всѣ прочіе, сидѣвшіе за столомъ, давно забыли объ обѣдѣ, ошеломленные словами гостя. Александра Яковлевна была блѣдна и взволнованна, но не отъ негодованія, какъ недавно. Напротивъ, лицо ея имѣло виноватый видъ, словно ее уличили въ преступленіи. Хординъ ожесточенно комкалъ малые и большіе шары изъ хлѣба и руки его дрожали, глаза же безпокойно бѣгали съ предмета на предметъ. Буреевъ давно пересталъ ѣсть и только нещадно курить, не отодвигая стула; надъ столомъ, исходя отъ него, плавали густыя тучи дыма, а окурки его появились повсюду, гдѣ можно было только воткнуть ихъ; онъ сначала тушилъ ихъ въ своей тарелкѣ, но потомъ сталъ втыкать ихъ въ куски хлѣба, въ салатникъ, въ блюдо изъ-подъ соуса, въ ложки, наконецъ, просто швырялъ нѣкоторые за окно. Всегдашній насмѣшникъ, онъ теперь мрачно хмурилъ брови.

Это былъ своего рода разгромъ.

Минуты черезъ двѣ всѣ безпорядочно бросили свои мѣста за столомъ и заходили по комнатамъ, причемъ со стороны Хордина и Буреева слышались безсвязныя возраженія. Но Чехловъ со снисходительною улыбкой уничтожалъ эти возраженія, словно добивалъ послѣдніе деморализованные остатки разбитаго имъ непріятеля. Трудно было опомниться разбитымъ: онъ, вѣдь, говорилъ съ ихъ точки зрѣнія; распространивъ понятіе равенства широко, онъ ихъ же оружіемъ колотилъ ихъ. Когда онъ въ немногихъ словахъ доказалъ, что въ жизни они и не думали считать мужика равнымъ себѣ, то поражение было полное. Всѣ чувствовали себя глупо и всѣмъ было совѣстно, всѣ считали себя умными, передовыми людьми и вдругъ незнакомый человѣкъ указалъ имъ мѣсто въ прихожей.

Никому даже въ голову не пришло спросить этого человѣка, какъ же онъ самъ-то думаетъ и живетъ? Всѣ были заняты приведеніемъ въ порядокъ собственныхъ мыслей.

Чехловъ, между тѣмъ, тотчасъ послѣ обѣда сталъ собираться обратно въ городъ. Онъ спросилъ, сколько времени, и, ни къ кому не обращаясь, сказалъ, что ему пора отправляться на поѣздъ, и тотчасъ же сталъ прощаться. При прощаньи, поочередно всѣмъ пожимая руку, онъ каждому сказалъ какую-нибудь любезность,

холодно и спокойно, но, все-таки, любезность. Этимъ всё были окончательно обезоружены, какъ обыкновенные плѣнники, примирившіеся съ врагомъ. Въ Александрѣ Яковлевѣ Чехловѣ подошелъ послѣ всѣхъ и уже протянулъ руку ей, но она вдругъ отвѣтила, что пойдетъ проводить его.

— Тогда мы лучше дойдемъ пѣшкомъ! — сказалъ Чехловъ и неподдѣльная радость озарила его лицо.

Черезъ минуту они уже шли по дорогѣ къ станціи, а отряжен-ная Хординымъ лошадь шла позади ихъ, чтобы довести Александру Яковлевну обратно до усадьбы.

Идя рядомъ съ гостемъ, Александра Яковлевна сначала не могла успокоить потокъ мыслей, вызванный бывшею сейчасъ бесѣдой. Но мало-по-малу свѣжій воздухъ, обвѣвавшій ея пылающее лицо, освѣжилъ и ея голову. Тогда она съ внезапно проснувшимся любопытствомъ поглядѣла на Чехлова. Въ ея изумленію, тотъ Чехловъ, который сидѣлъ за столомъ, не совсѣмъ походилъ на того, который теперь шелъ рядомъ съ ней. Жестокое выраженіе его лица смягчилось улыбкой, взглядъ его острыхъ глазъ потерялъ свое злорадство, жестъ былъ простъ, голосъ тихій, а не трубный, какимъ былъ тамъ. Онъ заботливо отвѣчалъ на всѣ ея вопросы, не выказывая пренебреженія, какъ тамъ, за обѣдомъ. Радость, мелькнувшая по его лицу въ тотъ моментъ, когда она изъявила желаніе проводить его, свѣтилась и теперь. Но эта радость еще ярче засвѣтилась на его лицѣ, когда Александра Яковлевна стала просить его заѣзжать къ нимъ; не одна радость, но еще какая-то благодарность выразилась во взорѣ при этомъ приглашеніи. Они условились, что онъ прійдетъ въ слѣдующее воскресенье съ Мизинцевымъ, и на этомъ разстались. Онъ крѣпко пожалъ ея руку передъ тѣмъ, какъ садиться въ подошедшій поѣздъ, а когда поѣздъ двинулся, долго смотрѣлъ на нее изъ окна.

Возвратившись домой, Александра Яковлевна вошла въ залу. Но тамъ были только мужъ и Буреевъ; Маша и Мизинцевъ, оставшійся до ночнаго поѣзда, пошли гулять. Она на минуту присѣла въ дальній уголъ и прислушалась, о чемъ говорятъ двое товарищей.

Хординъ ходилъ изъ угла въ уголъ, а Буреевъ сидѣлъ около окна, подъ цвѣтами; вокругъ него, попрежнему, носились тучи дыму, а окурки онъ ожесточенно топталъ ногами, предварительно, впрочемъ, насовавъ десятка два ихъ въ цвѣточные горшки. Онъ былъ такъ взбудораженъ, такимъ казался суровымъ и дикимъ, ка-кимъ Александра Яковлевна его не знавала. При входѣ въ комнату она, между прочимъ, застала такой діалогъ:

— Чувствуешь, Василичъ?—спрашивалъ Буреевъ у Хордина.

— Что-жь, не лишено остроумія!—возразилъ послѣдній, шагая по залѣ.

— Да, быть можетъ, ничего не чувствуешь, а только спать хочешь?

— Спать я пойду...

— Ну, а я, братъ, чувствую себя такъ глупо, словно я обратился въ стадо свиней!

— Да. Надо ему отдать справедливость, оригинальный субъектъ!—сказалъ на это снисходительно Хординъ.

— И, вѣдь, правда! Но, въ то же время, я чувствую, что онъ напустилъ на меня какого-то туману!... Чадъ какой-то!

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ лучше спать, — предложилъ Хординъ и зѣвнулъ.

Но на этотъ разъ Буреевъ такъ былъ занятъ какими-то мыслями и такъ взволнованъ, что не послѣдовалъ за Хординымъ, а сталъ безпорядочно торопиться домой.

Черезъ минуту всѣ разошлись.

IV.

Всегда аккуратный, какъ хронометръ, Михаилъ Егоровичъ Мизинцевъ, пріѣхавши въ усадьбу къ Хординымъ въ воскресенье, оставался затѣмъ цѣлый день и часть ночи, и съ ночнымъ поѣздомъ возвращался въ городъ. Но на этотъ разъ онъ неожиданно пріѣхалъ съ субботнимъ вечернимъ поѣздомъ.

— А Чехловъ развѣ не пріѣдетъ?—первымъ дѣломъ спросила Александра Яковлевна.

— Завтра непременно пріѣдетъ,—отвѣтилъ Мизинцевъ.

И тотчасъ же разговоръ пошелъ о Чехловѣ, сдѣлавшемся героемъ дня. Александра Яковлевна съ нескрываемымъ любопытствомъ разспрашивала, кто онъ, откуда, какова его прежняя жизнь и ради чего онъ сюда пріѣхалъ. Мизинцевъ очень мало могъ рассказать изъ прошлой жизни Чехлова, но очень много распространился про его взгляды, про его проникательный умъ, про его вліяніе.

Разговоръ этотъ повлекъ за собою непостижимый курьезъ: каждый приписывалъ Чехлову вещи, которыя тотъ, по мнѣнію другаго, не говорилъ.

— Раньше онъ былъ такимъ же, какъ и всѣ, — сказалъ Мизинцевъ въ отвѣтъ на любопытство Александры Яковлевны, — пилъ водку, кутилъ, безобразничалъ, но вдругъ разомъ измѣнился!...

— И это, по-вашему, все, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ?— воскликнула Александра Яковлевна.

— Ну, зачѣмъ же?... Глубину его взглядовъ вы увидите... Хотя, признаться, я многого не понимаю въ его словахъ... Но главная его цѣль—личность. Личность онъ ставитъ на недосягаемую высоту, отъ каждаго требуя, чтобъ онъ произвелъ переворотъ въ своей жизни... Онъ говоритъ...

— Да это вы говорите!... Опять все старое: водка, табакъ, безобразія... Какъ это вамъ не надоѣсть долбить одно и то же?... И можно ли представить себѣ, что это Чехловъ говоритъ?—воскликнула Александра Яковлевна.

— Никогда не надоѣсть! Какъ же это можетъ надоѣсть, когда главное?... Поймите, ради Бога!... Сообразите... тамъ вы можете имѣть какія угодно вышнія или завиральныя идеи, но вы обязаны быть лично безупречной, чистой... Какъ вы не поймете меня?...

Они сидѣли въ саду. Настали глубокія сумерки; приближалась тихая, черная ночь. Звѣзды только кое-гдѣ, какъ будто изъ любопытства, выглядывали, по тотчасъ же скрывались за облака. Но воздухъ былъ нѣжный и теплый; подъ его тихую, безмолвную нѣгой убаюканная природа уснула глубокимъ сномъ. Только два существа (Маша молча сидѣла въ темнотѣ), сидя подъ распускающимися деревьями, шумѣли, съ яростью фанатиковъ понося другъ друга гнѣвными словами.

Мизинцевъ обыкновенно говорилъ тихо, мѣрно и разсудительно. Когда онъ говорилъ, то производилъ на слушателя такое впечатлѣніе, будто все небо нависло тучами и каплетъ дождь, каплетъ тихо, съ однообразнымъ бульканьемъ по лужамъ, съ монотонными ударами капель, падающихъ съ крыши... Но тутъ, при спорѣ о томъ, что сказалъ Чехловъ, и онъ точно сдѣлался сумасшедшимъ, выбѣжавшимъ изъ-подъ надзора. Самое имя Чехлова, повидимому, способно было производить во всѣхъ возбужденіе, раздоръ и непримиримость.

— Какъ вы не поймете, что такъ именно онъ и долженъ говорить, а не иначе? Для общественнаго дѣла нужны люди,—откуда же ихъ взять - то? Какое право вы имѣете требовать отъ человѣка, чтобы онъ взялся за общественное дѣло, если онъ свинья? Неужели онъ можетъ принести пользу?... Даже наши общественные люди... что ни видный человѣкъ, то либо пьяница, то распутникъ, то либо съ женой развелся, то съ чужими путается... Неужели это не отражается на общественной жизни? Прежде всего, это пагубно отражается на женщинѣ... Она ни мать, ни воспита-

тельница, ни жена, а какая-то кукла, назначеніе которой носить жорсетъ и турнюръ, курить папирску, читать новую книжку и жить на счетъ мужа, обязаннаго, чтобы у нея былъ турнюръ, таскать казенныя деньги... а, вѣдь, она мать будущаго поколѣнія, — каково же это поколѣніе-то будетъ?... Мужчина еще гаже. Онъ, видите ли, общественными дѣлами занимается и не обязанъ быть честнымъ человѣкомъ у себя дома: послѣ общественныхъ непосильныхъ трудовъ ему нужно отдохнуть, то-есть напиться, переѣхать нѣсколько женъ, соблазнить нѣсколько дѣвушекъ, гоготать по театрамъ... Я васъ спрашиваю, можетъ ли быть, на примѣръ, пьяница общественнымъ дѣятелемъ, или развратникъ благодѣтелемъ людей?! Можетъ ли свинья, облѣпленная всяческою грязью у себя въ хлѣвѣ, сдѣлать что-нибудь хорошее по выходѣ на улицу?

Это кричалъ Мизинцевъ, оглашая тихую, скромно спящую ночь, и садъ, и воздухъ дикими звуками. Положительно онъ какъ будто взбѣсился. Но Александра Яковлевна возмутилась не тѣмъ, что онъ говорилъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что свои слова онъ приписывалъ Чехлову.

— Позвольте... но, вѣдь, это ваши, а не Чехлова, слова! И я ихъ сотни разъ слышала! — сказала возмущенная этимъ обстоятельствомъ Александра Яковлевна.

Дѣйствительно, это были его слова, и онъ сотни разъ ихъ долбилъ.

Обыкновенно этимъ начиналъ и этимъ оканчивалъ Мизинцевъ. Съ Александрой Яковлевной они никогда не могли ни до чего договориться. Онъ говорилъ: «личность». Она говорила: «общественная сфера». «А развѣ дурная личность можетъ хорошо вліять на общество?» — спрашивалъ онъ. — «Но развѣ человѣкъ, обратившій всѣ взоры на себя, можетъ остаться человѣкомъ?» — спрашивала Александра Яковлевна. Выходилъ заколдованный кругъ. Иногда, раздосадованная однообразною долбней собеседника, она вдругъ спрашивала:

— Ну, ладно!... Пусть будетъ по-вашему... Но что-жъ дѣлать?

Мизинцевъ этимъ ни мало не смущался. Онъ снова, послѣ нѣкоторыхъ окольныхъ рекогносцировокъ, принимался долбить съ начала и все тоже: водку не пить, турнюровъ не носить, на чужихъ женъ не заглядывать... онъ перечислялъ десятки такихъ дѣяній, которыя трудно было подвести подъ нѣчто высшее. Опять выходилъ заколдованный кругъ.

Часть такихъ разговоровъ производилъ на спорщиковъ благодѣтельное дѣйствіе. Александра Яковлевна апатично зѣвала, самъ

Мизинцевъ становился сонливымъ и деревяннымъ, словно оба просидѣли годъ въ острогѣ, въ одиночномъ заключеніи.

Поэтому бесѣда ихъ всегда оканчивалась колкостями, не относящимися къ дѣлу, но необходимыми для обоюднаго оживленія, какъ необходимъ толчокъ сонному.

— Вы непременно хотите, чтобы каждый, отнюдь не поднимая головы, смотрѣлъ только подъ ноги себѣ... «Но если-бъ вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было»... что тамъ звѣзды! — говорила вдругъ Александра Яковлевна со смѣхомъ.

Мизинцевъ также смѣялся, но говорилъ:

— Ради Бога, смотрите на звѣзды, если ужъ это вамъ нужно! Но не забывайте и подъ ноги заглядывать, въ противномъ случаѣ «рыло» постоянно будетъ въ грязи...

Въ сущности, они и не могли понять другъ друга. Александра Яковлевна родилась подъ глубокимъ и свѣтлымъ небомъ и жила въ свѣтлое, горячее время, когда о себѣ почти некогда было думать; она на опытъ знала, какъ въ огнѣ общественнаго дѣла очищается сама собой личность. И сама она до этого времени никогда не задавалась исключительною цѣлью очищать свою жизнь, потому что жизнь ея, безъ ея усилій, была чиста, какъ и вся ея натура... Мизинцевъ же воспитывался на одной изъ тѣхъ улицъ, какія существуютъ въ азіатскихъ городахъ, гдѣ каждый домохозяинъ, поддерживая образцовый порядокъ на дворѣ, на общественную улицу (выбрасываетъ дохлыхъ собакъ и кошекъ, грязь и помои, — однимъ словомъ, сознательная жизнь его началась при полной мерзости запустѣнія, и вся его жизнь сосредоточилась на азіатскомъ идеалѣ — чисто обставить свой частный дворъ.

Но это не было только идеаломъ въ немъ. Все, что онъ говорилъ и доказывалъ, все, во что онъ вѣрилъ и чему молился, все это была сама жизнь его. Воплощенный практикъ, онъ говорилъ о дѣлѣ уже послѣ того, какъ совершилъ его. Мысли его никогда не простирались дальше частной жизни каждаго, а убѣжденія и вѣрованія — дальше святости и чистоты. Когда онъ доказывалъ: водку не пить, табакъ не курить, чужихъ женъ не увозить, то это не только было его «убѣжденіе», но и настоящая дѣйствительность. Широкихъ мыслей онъ не то что не зналъ, а инстинктивно не довѣрялъ имъ; въ немъ неизгладимо вкоренилось чувство, что кто широко размахиваетъ языкомъ, тотъ непременно бездѣльникъ, да еще и грязный... Его идеаломъ былъ только тотъ фактъ, который онъ завтра будетъ совершать; если что онъ говорилъ, то значить и дѣлалъ. Водки онъ не пилъ, табакъ бросилъ курить въ восем-

надцать лѣтъ, женщинъ не зналъ. Это былъ чистый, благородный юноша, питающій отвращеніе къ бездѣльной жизни.

Будучи практикомъ до мозга костей, но въ порядочномъ смыслѣ этого слова, онъ не искалъ по свѣту широкаго дѣла, а бралъ всякое дѣло, объ которое нельзя выпачкать руки. Хорошо образованный специалистъ, отличный техникъ, онъ служилъ въ городской управѣ и умѣло велъ порученное ему дѣло. Умѣло, въ величайшемъ порядкѣ и до конца онъ велъ всякое взятое дѣло.

Въ тѣ минуты, когда Александра Яковлевна не спорила съ нимъ, она съ удовольствіемъ глядѣла на его лицо и, въ концѣ-концовъ, ближе познакомившись съ нимъ, должна была сознаться себѣ, что среди неряшливыхъ людей, встрѣчаемыхъ ею на каждомъ шагу, онъ производилъ свѣтлое, чистое впечатлѣніе.

— Раньше, кажется, такихъ людей я не видала!—однажды сказала она ему открыто.

— То-есть какихъ? Узкихъ, хотите вы сказать?—спросилъ съ грустною улыбкой Мизинцевъ, привыкшій слышать отъ нея однѣ только насмѣшки.

— Нѣтъ, нѣтъ!... такихъ прямыхъ!—поспѣшила объяснить Александра Яковлевна.

Мизинцевъ былъ дѣйствительно прямъ. Онъ, напримѣръ, такъ часто сталъ ѣздить къ Хординымъ изъ-за того, что тамъ гостила Маша, и не скрывалъ этого. А когда онъ съ дѣвушкой вдвоемъ уходилъ или уѣзжалъ гулять, то Александра Яковлевна была увѣрена, что они пошли читать какую-нибудь тоненькую книжку и рвать цвѣты, ни болѣе, ни менѣе. Ей, напротивъ, смѣшно было смотрѣть на этотъ небывалый романъ. Мизинцевъ привозилъ Машѣ цѣлыя кучи книгъ, отличавшихся, къ ея удивленію, какимъ-то особеннымъ тощимъ видомъ. Александра Яковлевна спрашивала, почему онѣ, книжки эти, такія худыя, плоскія на видъ? Однажды она заинтересовалась этимъ вопросомъ и взяла въ руки одну кучку, аккуратно перевязанную веревочкой. Открывая по очереди корешки, она читала: *О вліяніи на организмъ алкоголя, О сыровареніи, Физиологія хлѣбныхъ злаковъ, О сохраненіи въ свѣжестѣ видѣ яицъ, Искусственное кормленіе дѣтей...* Недоставало только брошюры о приготовленіи кислой капусты!... Перевязывая тощія книжки снова веревочкой, Александра Яковлевна громко разсмѣялась.

Мизинцевъ былъ не только прямой, но онъ смѣло высказывалъ свои взгляды. О томъ, что онъ считалъ существеннымъ въ жизни (водку не пить, турнюровъ не носить, чужихъ женъ не прельщать

и т. д.), онъ считалъ необходимымъ говорить всякому. Порочныхъ же людей онъ открыто порицалъ. Увидѣвъ на барышѣ турнюръ и разныя другія глупости, которыми дамы украшали себя, какъ дикари, онъ недовольнымъ тономъ упрекалъ:

— И что это вамъ за охота позорить себя всѣми этими шпильками!— брезгливымъ тономъ говорилъ Мизинцевъ и показывалъ пальцемъ на бездѣлушки.

Встрѣчая юношу студента, одѣтаго съ иголки, т.-е. въ сапоги съ севрюжьими носами, въ узкіе панталоны и проч., Мизинцевъ при всѣхъ съ негодованіемъ говорилъ:

— Ну, посмотрите, ради Бога, на эту мартышку!... Какъ вамъ не совѣстно думать, что изъ него выйдетъ общественный дѣятель?... Удивляюсь!

Въ этотъ вечеръ онъ, по обыкновенію, высказалъ сначала до конца всѣ свои убѣжденія, вплоть до той поры, когда у слушателей его стали слипаться отъ сонливости глаза. Вечеръ былъ, попрежнему, тихій, воздухъ ласковый, но темнота все болѣе и болѣе сгущалась въ саду. Александра Яковлевна уже ничего не видѣла впереди, устремивъ остановившійся взоръ на пнѣ погибшей въ прошломъ году ветлы, который теперь торчалъ безобразнымъ силуэтомъ передъ ея глазами. Нѣчто подобное этому пню сидѣло и въ головѣ ея. Она уже не одинъ разъ зѣвнула, слушая слова Мизинцева, падающія въ ночной темнотѣ подобно каплямъ тихаго дождя. Въ свою очередь Мизинцевъ, задолбивъ до гипнотическаго сна уважаемую имъ женщину, въ недоумѣніи замолчалъ, такъ какъ весь запасъ своихъ теорій уже высказалъ; этого запаса у него хватало часа на два. Если же разговоръ его затягивался дольше, то всѣмъ слушающимъ вдругъ приходило непреодолимое желаніе съѣсть и выпить чего-нибудь остраго, наприимѣръ, кусокъ селедки съ лукомъ и рюмку водки. Что касается Александры Яковлевны, то она въ такомъ случаѣ просто торопилась поскорѣе прилечь и забыться во снѣ.

— Пора и спать, господа!— сказала она теперь, когда гнилой пенъ въ ея глазахъ разросся въ безобразное черное чудовище, протянувшее свои лапы во всѣ стороны.

— Пожалуй, пойдете!— согласился Мизинцевъ и поднялся со скамьи.

На прощанье, впрочемъ, Александра Яковлевна замѣтила сонно:

— Ну... если Чехловъ въ самомъ дѣлѣ точно это самое проповѣдуетъ, то, право, не стѣдуетъ его слушать.

— А вот увидите!—возразилъ на это Мизинцевъ въ видѣ угрозы.

Александра Яковлевна разсмѣялась, и на этомъ они разстались.

Но когда она собиралась уже отправиться въ спальню, внезапно на дворъ пріѣхалъ урядникъ Любомудровъ и робко просилъ прислугу доложить о немъ барину. «Барина», т. е. Хордина, въ эту минуту дома не было, онъ ушелъ на село, и объясниться пришлось Александрѣ Яковлевнѣ. А всякое такое появленіе разстроивало ее до невозможности, на нее нападалъ неосновательный страхъ и безпричинная злоба. Такъ случилось и на этотъ разъ. Выйдя въ переднюю, гдѣ стоялъ урядникъ и дальше которой она не пустила его, она почувствовала сильное раздраженіе, и, чего съ ней нигдѣ не бывало, голосъ и слова ея сдѣлались грубыми. «Что вамъ нужно?»—съ злобой спросила она. Урядникъ пришелъ по какому-то пустому дѣлу, относящемуся къ имѣнію, и никакого дурнаго умысла не имѣлъ, хотя по профессиональной привычкѣ съ интересомъ заглянулъ въ залъ и дальше, въ столовую, вытягивая шею; но Александрѣ Яковлевнѣ все это представилось возмутительнымъ. «Развѣ у васъ нѣтъ дня? Зачѣмъ вы приходите въ такое время, когда уже всѣ спать ложатся?»—крикнула она внѣ себя дрожащимъ голосомъ. Бѣдный малый, очевидно, не ожидалъ такой нахлобучки, сконфузился, забормоталъ что-то несвязное и, попятившись къ двери, нырнулъ въ темныя сѣни, а черезъ минуту уже раздавался топотъ его влячи, которую, какъ слышно было, онъ немилосердно стегалъ.

Но Александра Яковлевна уже разстроилась. Ей припомнились безчисленные оскорбленія въ прошломъ, а потомъ полѣзли въ голову неприятныя мысли въ счетъ будущаго. Черезъ нѣкоторое время пришелъ мужъ, и изъ его разъясненій оказалось, что Любомудровъ пріѣзжалъ просто затѣмъ, чтобы попросить, по примѣру прежнихъ лѣтъ, «лужокъ» на сѣнокосѣ, которымъ экономія даромъ его снабжала... Но Александра Яковлевна уже не могла подавить расхолодившіяся мысли. Черныя и мучительныя, онѣ всю ночь не давали ей отдыха и только подъ утро она забылась.

На другой день, послѣ бессонной ночи, въ продолженіе которой передъ ея глазами прошла вся ея истиннѣ мученическая жизнь, она казалась раздражительной и заболѣвшей. Мизинцеву во время дня она наговорила множество колкостей, между прочимъ, съ несвойственною для нея грубостью обозвала его «божьей коровкой», когда онъ вздумалъ распространиться насчетъ одной изъ любимыхъ своихъ темъ — ношенія женщинами непристойныхъ костюмовъ. Маша обидѣлась за Михаила Егоровича и застѣнчиво стала его за-

щищать. Тогда Александра Яковлевна раздражительно насмѣялась надъ обоими, описавъ жизнь «божьихъ коровокъ» съ большими подробностями: какъ они сидятъ подъ лопухомъ, видя въ немъ цѣлый міръ, какъ они чисто и нравственно устраиваютъ свои щели, какъ ихъ доятъ муравьи и какъ они оканчиваютъ свою жизнь, убиваемые дождевою каплей.

За часъ до обѣда пріѣхалъ Буреевъ, веселое настроеніе котораго всегда оживляло общество, но сегодня Александра Яковлевна почти не слушала его, да и самъ онъ былъ хмурый. Она ожидала Чехлова, но и это ожиданіе кончилось только нетерпѣливымъ раздраженіемъ. Чехловъ съ поѣздомъ не пріѣхалъ.

Обѣдали безъ него.

Вдругъ его увидалъ кто-то вдаль идущимъ съ палкой въ рукахъ. Всѣ поднялись съ мѣста и смотрѣли въ окна. Когда онъ близко подошелъ, всѣ опять усѣлись по мѣстамъ, а Александра Яковлевна вышла въ переднюю встрѣтить его и вмѣстѣ съ нимъ вошла обратно въ комнату.

Онъ молча подалъ всѣмъ руку, молча занялъ стулъ и оглянулъ поочередно всѣхъ находившихся въ комнатѣ, какъ бы говоря: «я пришелъ». Это не понравилось Александрѣ Яковлевнѣ. Но всѣ, главнымъ образомъ, обратили вниманіе на его наружность: онъ былъ одѣтъ въ длинную блузу на подобіе крестьянской рубахи, подпоясанную какимъ-то обрывкомъ отъ бывшаго ремня, и въ большіе сапоги, сплошь покрытые пылью; да и самъ онъ весь, съ лицомъ и руками, покрытъ былъ густою пылью, что придавало его жесткой фигурѣ еще болѣе мрачный видъ. Въ углу онъ поставилъ сукъ, служившій ему палкой.

— Да не шли ли уже вы пѣшкомъ отъ города? — воскликнула оживленно Александра Яковлевна.

Онъ отвѣчалъ:

— Ноги намъ даны затѣмъ, чтобы ходить...

— А ротъ назначенъ затѣмъ, чтобы изрекать такія истины! — добавилъ насмѣшникъ Буреевъ.

Чехловъ не отвѣтилъ, а только пристально взглянулъ на него, и веселый Буреевъ подъ этимъ тяжелымъ взглядомъ смутился. Всѣмъ стало неловко, и больше всѣхъ Александрѣ Яковлевнѣ. Однако, она на этотъ разъ не возмущалась и вся ушла въ интересъ каждаго его слова. Она уже замѣтила, что онъ обладаетъ дьявольскою способностью заставлять себя слушать и, съ чего бы ни начался разговоръ, направлять его по своему желанію. Она теперь

спросила себя, къ чему это онъ сказалъ? Быть можетъ, хочеть проповѣдывать физическій трудъ?

Но тутъ произошла случайность, мгновенно измѣнившая общее настроеніе. Разстроенная предъидущею ночью, Александра Яковлевна вдругъ почувствовала, какъ у ней застучало и зажуужало въ головѣ; она поблѣднѣла и схватилась за виски.

— Что съ вами, Александра Яковлевна? Вы нездоровы! — вскрикнулъ вдругъ Чехловъ и съ лица его сбѣжала суровая, казавшаяся всѣмъ искусственною, тѣнь; на немъ теперь отразилась простая заботливость, искренняя тревога.

Черезъ минуту Александра Яковлевна уже оправилась и улыбнулась.

— Что съ вами?—повторилъ тревожно Чехловъ.

— Да она у насъ цѣлый день нынче дурить, — отвѣтилъ за нее Мизинцевъ. — Цѣлый день бранится... И все это надѣлалъ урядникъ Любомудровъ! Пришелъ и разстроилъ.

И Мизинцевъ, говоря это, съ улыбкой рассказалъ, какъ вчера ночью внезапно пришелъ Любомудровъ, какъ Александра Яковлевна его встрѣтила и что потомъ произошло.

— Хоть вы, Денисъ Петровичъ, вразумите ее! Ругается!... А мы развѣ въ чемъ виноваты? Виноватъ дуракъ Любомудровъ! — продолжалъ смѣяться Мизинцевъ.

— Какъ можно вразумить человѣка, умъ котораго воспитанъ на ужасѣ передъ жизнью, который боится палки и обоготворяетъ бездушную силу?—выговорилъ Чехловъ жесткимъ голосомъ.

Александра Яковлевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Это про какого же человѣка вы говорите?—спросила она.

— Я говорю про васъ и про тѣхъ, которые также поклоняются палкѣ!—сказалъ Чехловъ.

— Какъ же это я поклоняюсь палкѣ, обоготворю какую-то бездушную силу и... еще что-то?—спросила она съ волненіемъ.

— Но, вѣдь, это вы разстроились отъ появленія Любомудрова? Про васъ говорилъ Михаилъ Егоровичъ?—спрашивалъ Чехловъ и въ его острыхъ глазахъ появилась радость, какъ тогда.

— Да, про меня... ну, такъ что же?

— Ничего. Я также про васъ сказалъ, что вы поклонились Любопыт... Любомудрову, обоготворили его!

При этихъ словахъ Хординъ съ крайнимъ любопытствомъ вытянулъ шею по тому направленію, гдѣ сидѣлъ гость; Буреевъ съ негодованіемъ всталъ съ мѣста и враждебно посмотрѣлъ по тому же направленію, какъ будто тамъ засѣлъ злѣйшій его врагъ. Але-

ксандра Яковлевна покраснѣла, но покраснѣла не отъ негодованія, какъ въ первое знакомство съ Денисомъ Петровичемъ, а отъ предчувствія, что она и на этотъ разъ глухо попадется въ какую-то западню, разставленную имъ.

— Это, однако, любопытно! — возразила она и смутилась, боясь сказать что-нибудь больше.

— Да, я утверждаю это! Мало этого, вы не только поклоняетесь бездушной палкѣ, обоготворяете мертвую, ничтожную силу, но вы сами и создали ее. Вы, именно вы создали палку и, благодаря вамъ, она существуетъ!

Каждое слово Чехловъ произносилъ рѣзко и медленно, словно опять языкъ его обратился въ молотъ, которымъ онъ ударялъ по наковальнѣ.

— Но объясните, какъ случился этотъ курьезъ? — спросила Александра Яковлевна съ интересомъ.

Чехловъ немного помолчалъ, провелъ взоромъ по вытянутымъ лицамъ присутствующихъ и вдругъ тихимъ голосомъ сталъ предлагать вопросы.

— Я вижу, здѣсь всѣ удивлены, а господинъ Буреевъ озлобленъ, хотя я его люблю. Но изслѣдуемъ истинное положеніе дѣла... Вы испугались вчера господина Любомудрова? — обратился Чехловъ къ Александрѣ Яковлевнѣ.

— Не могу сказать, чтобы испугалась... Скорѣе озлилась.

— Значитъ, вамъ неприятно его видѣть, какъ всякаго неприятнаго человѣка?

— Да, неприятно, но не какъ всякаго неприятнаго человѣка, а нѣсколько больше. — Александра Яковлевна отвѣчала съ крайнею осторожностью въ выраженіяхъ.

— То-есть господинъ Любомудровъ больше вамъ неприятенъ, чѣмъ другіе неприятные люди?

— Но, вѣдь, мнѣ не Любомудровъ неприятенъ, — онъ, можетъ быть, добрый человѣкъ, — а та власть, которою онъ можетъ злоупотреблять.

— Развѣ господинъ Любомудровъ имѣетъ власть? — сказалъ насмѣшливо Чехловъ.

— Что вы за наивные вопросы предлагаете! Вы сами отлично знаете, что власть у него есть, хотя и небольшая, но которой достаточно, чтобы причинить мнѣ страданіе, когда онъ употребитъ ее во зло.

— И что же, эта власть и надъ вами?

— Да, и надъ вами, хотя бы вы были святой, — замѣтила съ улыбкой Александра Яковлевна.

— Извините, я не служу и не поклоняюсь никому!... Но, однако, продолжимъ нашу бесѣду: если господинъ Любомудровъ, къ моему крайнему изумленію, имѣетъ надъ вами власть, то, значить, онъ вамъ можетъ причинить дѣйствительно много непріятностей.

— Это вы сами знаете! Знаете, что власть можно употребить на зло! — сказала Александра Яковлевна.

— На зло?

— Ну, да, на зло.

— Господинъ Любомудровъ развѣ можетъ принести зло? — возразилъ Чехловъ, какъ бы крайне удивленный. — Но, въ такомъ случаѣ, онъ и добро можетъ вамъ дать!

— Это опять же наивность! — возразила осторожно Александра Яковлевна.

— Значить, это уже не недоразумѣніе съ моей стороны. Вы упрямо настаиваете, что господинъ Любомудровъ можетъ дѣлать добро и зло! Вы, слѣдовательно, думаете, что онъ одаренъ какою-то непонятною силой?

— Да, думаю! — рѣшительно сказала Александра Яковлевна и чувствовала, что Чехловъ добываетъ изъ нея такіе отвѣты, какіе ему нужны.

— И большая это сила? — съ злою насмѣшкой спросилъ Чехловъ.

— Смотри по обстоятельствамъ, иногда огромная.

— Даже огромная! Это любопытно. Я видѣлъ сегодня на станціи господина Любомудрова и до этой минуты не обращалъ вниманія на этого жалкаго бѣднягу, который по бѣдности взялъ хлопотливую должность пугать робкихъ барынь и господъ, который ѣздитъ на бѣдной, умирающей клячѣ и по ночамъ, чтобы никто не видалъ, приходитъ просить барина подарить ему немножко сѣнца... Но оказывается, что онъ одаренъ, этотъ «бѣдный чортъ», огромною силой? По всей вѣроятности, сила его больше злая, чѣмъ добрая, потому что добра никто не боится?

— Иногда злая.

— И вы дѣйствительно боитесь ея?

— Въ этомъ смыслѣ — да, боюсь.

Чехловъ вдругъ пожалъ плечами и обвелъ всѣхъ присутствующихъ недоумѣвающимъ улыбкой. Но, не встрѣтивъ сочувствія, опять обратился къ Александрѣ Яковлевнѣ. Всѣ съ нескрываемою враждебностью слѣдили за его словами и теперь насмѣшливо ждали,

какъ онъ выпутается. У всѣхъ чувствовалась необходимость уни-
зить и осрамить его, потому что весь его тонъ, вся его фигура
смотрѣли вызывающе. Но онъ, повидимому, нисколько не сму-
тился этимъ враждебнымъ настроеніемъ. Напротивъ, по лицу его
разлилась радость торжества.

— Однако, мы пришли къ неожиданнымъ вещамъ, — началъ
онъ послѣ минутнаго молчанія: — во-первыхъ, господинъ Любомуд-
ровъ — сила; во-вторыхъ, это сила часто огромная; въ-третьихъ,
такая сила, которая бываетъ злой; наконецъ, такая сила, которой
слѣдуетъ бояться... Кажется, я вѣрно передалъ вашу мысль?

— Вѣрно! — отвѣчала Александра Яковлевна коротко, но въ
сильнѣйшемъ волненіи.

— Въ такомъ случаѣ, не правъ ли я былъ, — началъ Чехловъ,
внезапно усиливая голосъ, — когда утверждалъ, что вы сами со-
здали эту силу, поклоняетесь ей и приносите человѣческія жертво-
приношенія? Бѣдный малый вашимъ страхомъ превращенъ въ мо-
гущественную силу! Жалкому чувашу, разумъ котораго блуждаетъ
среди дѣтскихъ представленій, простительно, когда онъ лѣсной
пень обоготворяетъ, приносить ему дары и умиливаетъ его
гнѣвъ молитвами, чтобы онъ, лѣсной пень, не наказывалъ его за
грѣхи, но непростительно, когда люди, считающіе себя разумны-
ми, возводятъ вдругъ ничтожество въ непреодолимое могущество,
трепещутъ передъ нимъ и съ полнымъ забвеніемъ разсудка совер-
шаютъ идолослуженіе! И естественно, бѣдный малый, служащій
ради куска хлѣба, становится поистинѣ огромною величиною въ
жизни, какъ тотъ лѣсной пень, которому молится чувашъ. Ибо
кого люди мыслятъ силой, тотъ становится дѣйствительно могу-
чимъ; кого бояться, тотъ самъ начинаетъ считать себя страшнымъ;
кому приписываютъ способность добра и зла, тотъ и творить его.
Вы до такой степени потеряли прямые пути, что сами свои мысли
считаете преступными и свою жизнь — нарушеніемъ человѣческихъ
законовъ! И естественно, что бѣдный малый, темный бѣдняга, счи-
таетъ васъ преступными? Ибо кто бѣжитъ, чтобы скрыться, того
догоняютъ. Кто боится, того еще болѣе страшатъ. Кто вѣритъ въ
силу палки, того палка эта и бьетъ. Вы такъ загнипозированы,
ваша душа такъ пуста и умъ столь несамостоятеленъ, и разумъ
ничтоженъ, что вы, подобно чувашу, завидѣвъ среди ночи чернѣю-
щійся пень, блѣднѣете, сердце ваше дрожитъ и вы готовы пасть
ницъ... Не то возмутительно, что палка васъ бьетъ, а то, что эту
палку и множество другихъ ничтожныхъ, бездушныхъ вещей вы
одарили несвойственною имъ силой. Вы до такой степени рабы, что

вѣрите только въ силу хитрости, лжи и коварства, въ силу скрытности... ваша душа до такой степени рабская, что ей понятны только или грубое физическое торжество, или страхъ дикаря. Но повѣрьте же, ради Бога, что ваши ужасы неосновательны! Если вы обладаете истиной, не скрывайте ее, а несите ее открыто и васъ никакая темная сила не одолѣетъ,—истина живетъ и растетъ при свѣтѣ солнца! Ежели же вы причете ее подъ полу, то, значить, это не истина, а ложь, за которую васъ по справедливости надо наказывать. Не вѣрьте въ палку и ни въ какую неразумную, бездушную вещь—и она не будетъ страшна вамъ; вѣрьте только въ силу любви и разума—и вы будете сильны, какъ боги. И согласитесь, что въ тотъ часъ, когда вы перестанете бояться, ненавидѣть и ругать несчастнаго малаго, темнаго и жалкаго Любомудрова, онъ моментально потеряетъ всю навязанную ему силу, какъ потерялъ силу лѣсной пень послѣ того, какъ чувашъ, ставши христіаниномъ, убѣдился въ неосновательности своего ужаса, вынулъ изъ земли пень и сдѣлалъ изъ него полезную въ домашнемъ быту колоду. Будьте же и вы христіанами!

По обыкновенію, Чехловъ говорилъ все это громко и сильно, словно ударялъ молотомъ, но послѣднія слова его раздавались тихо, едва слышно, только каждое изъ нихъ онъ размѣренно отчеканивалъ, какъ будто молотъ его дѣлалъ послѣдніе удары, долженствующіе придать окончательный видъ выковываемой имъ истинѣ.

Но лишь только онъ остановился, какъ въ залѣ поднялся невообразимый шумъ; стулья задвигались, послышался топотъ ногъ, вдругомъ раздались громкіе, негодующіе крики. Послѣдніе, впрочемъ, принадлежали Бурееву и отчасти Хордину, которые бросились съ своихъ мѣстъ и разомъ заговорили. Оба они были до самозабвенія раздражены, но не столько самою рѣчью Чехлова, сколько неслыханно-самоувѣреннымъ тономъ, какимъ она была сказана.

Хординъ безпорядочно заходилъ по разнымъ направленіямъ и съ пренебреженіемъ началъ было говорить.

— Это все старо! Это мы все давнымъ-давно слышали!

Но Буреевъ перебилъ его. Добродушный Нифомъ Алексѣевичъ, вѣчный острякъ, теперь до послѣдней степени почему-то былъ избушенъ, но это ненормальное негодование придало ему нелѣпный видъ: глаза его были глупо вытаращены, подбородокъ дрожалъ, пальцы его были сжаты въ кулаки. Въ такомъ чудовищномъ видѣ онъ и подступилъ къ Чехлову и началъ ему что-то кричать..

— Позвольте, позвольте! Вы въ прошлый разъ напустили на

меня туману, да и нынче тоже самое!... Позвольте, надо этот туманъ разсѣять... Вы слишкомъ любите парадоксы, — это я «обожаю», какъ говоритъ мой дворникъ, когда ему предлагаютъ выкурить, вмѣсто нартузнаго табаку, махорки!

Самъ Мизинцевъ, никогда не выходившій изъ себя, поднялся съ мѣста, весь красный, и принялся что-то кричать Бурееву; тотъ не слушалъ и только нѣсколько разъ махнулъ рукой, словно сгонялъ муху, сѣвшую на ухо. Даже застѣнчивая Маша взвонувалась и, взявъ за рукавъ Мизинцева, что-то скоро говорила ему, а тотъ также не слушалъ ее, обративъ главное вниманіе на Буреева.

Одна только Александра Яковлевна осталась на мѣстѣ и не присоединилась къ всеобщей сумятицѣ. Она была потрясена словами Чехлова и не обратила вниманія на грубую ихъ форму. Даже и мысли его поразили ея душу, а какое-то общее ихъ настроеніе утраченное, но и теперь новое. Едва ли Чехловъ имѣлъ въ виду то, что теперь происходило въ ней, и, во всякомъ случаѣ, онъ не такъ какъ не ожидалъ, что смыслъ его словъ произведетъ такое дѣйствіе на нее... Она впервые въ эту минуту почувствовала увѣренности въ своей силѣ, давно утраченную или забытую. Лицо ея вдругъ сдѣлалось гордымъ и счастливымъ, какъ будто она праздновала какую-то побѣду, въ которую она не вѣрила, но которую все же данно подарила ее судьба. Это была побѣда надъ собой...

Между тѣмъ, въ залѣ продолжалась беспорядочная сумятица. Какъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общество чѣмъ-нибудь взбудоражено, никто никого не слушалъ и всѣ разомъ говорили. При этомъ каждый не зналъ, что онъ сію минуту скажетъ и зачѣмъ скажетъ, что намѣренъ доказать и противъ чего возстаетъ. Слова Чехлова привели всѣхъ только въ неистовство и на первыхъ порахъ произвели только столпотвореніе вавилонское.

Хординъ продолжалъ быстро ходить по разнымъ направленіямъ залы и что-то громко говорилъ, никѣмъ не останавливаемый и самъ никого не слушавшій, и только отъ времени до времени враждебно взглядывалъ по тому направленію, гдѣ сидѣлъ Чехловъ. Буреевъ продолжалъ стоять въ чудовищной позѣ передъ Чехловымъ и говорилъ много, но такъ несвязно, что самъ себя не понималъ; при этомъ онъ то и дѣло выхватывалъ изъ портсигара папиросы закуривалъ ихъ обратнымъ концомъ, со стороны мундштука, бросалъ на полъ и яростно топталъ ихъ ногами, вслѣдствіе чего надъ нимъ стоялъ ѣдкій смрадъ горящей бумаги... можно ли было въ такомъ состояніи что-нибудь доказать?

А Мизинцевъ и Маша, удалившись въ уголокъ, громко тамъ ссорились между собой, забывъ объ остальныхъ и о Чехловѣ.

А онъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и насмѣшливо слушалъ Буреева. Когда же этотъ наговорилъ очень много вещей, связанныхъ только однимъ языкомъ, который ихъ произносилъ, Чехловъ вдругъ пожалъ плечами и насмѣшливо выговорилъ:

— Во-первыхъ, я не могу отвѣчать разомъ на сотни вашихъ вопросовъ. Во-вторыхъ, я совсѣмъ перестаю отвѣчать, когда мнѣ трезять сжатыми кулаками, и только говорю: «На, бей!»

Буреевъ отъ этихъ словъ инстинктивно разжалъ пальцы, нѣсколько попятился отъ Чехлова и вдругъ расхохотался.

— Экъ, вы меня одурачили! Даже забылъ, что изъ-за понятія «любовь» не слѣдуетъ драться!—сказалъ онъ сконфуженно и направился вслѣдъ за другими въ столовую.

Тамъ въ это время уже готовъ былъ самоваръ и накрытъ столъ. Всѣ съ шумомъ и удовольствіемъ усѣлись по мѣстамъ и разговоръ, взволновавшій всѣхъ, прекратился. Чехловъ также замолчалъ. Когда Александра Яковлевна подала ему стаканъ съ чаемъ, онъ вдругъ робко попросилъ дать ему чего-нибудь поѣсть, такъ какъ онъ съ утра, когда отправился сюда пѣшкомъ, ничего не ѣлъ еще. Тутъ только всѣ замѣтили, что видъ у него страшно утомленный: глаза ввалились, лицо осунулось, губы потрескались.

Моментально враждебное настроеніе противъ него замѣнилось у всѣхъ состраданіемъ. Было ли это заранѣе имъ рассчитано, или онъ не думалъ производить впечатлѣнія пѣшимъ хожденіемъ, только эффектъ получился въ высшей степени благоприятный для него. Ни у кого изъ присутствующихъ не повернулся больше языкъ сказать ему какое-нибудь досадное слово и причинить ему, настолько утомленному, еще болѣшую усталость.

Александра Яковлевна торопливо сдѣлала необходимыя распоряженія и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже молча и сосредоточенно закусывалъ. Потомъ принялся за чай. Прочіе болтали о мелкихъ, ежедневныхъ дѣлахъ.

Но это продолжалось недолго.

Буреевъ, послѣ какой-то смѣшной выходки въ сторону Мизинцева, вдругъ обратился къ гостю и уже серьезно спросилъ его:

— Вы, повидимому, насколько я замѣтилъ, придаете какое-то особенное, своеобразное значеніе двумъ вещамъ — «разуму» и «любви»,—значеніе, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстное?

Спросилъ онъ это не только серьезно, но еще сочувственнымъ тономъ и съ улыбкой симпатіи къ Чехлову.

— Да, вы угадали и поняли меня. Въ моемъ вѣрованіи — это двѣ силы, не только главныя, но существенныя, управляющія міромъ,—подтвердилъ Чехловъ.

— Міромъ людей, конечно?—освѣдомился Буреевъ.

— Нѣтъ, міромъ, какъ вселенной... Разумъ—это творческая сила міра, совершившая и совершающая все нами видимое. Любовь—это сила охраняющая, связывающая, придающая всему красоту. Всѣ остальные такъ называемыя «силы природы», открытыя такъ называемою «наукой», только частныя проявленія этихъ двухъ...

— Та-ахъ!—вдругъ протянулъ двусмысленно Буреевъ и на лицѣ его, помимо его желанія, снова появилось недоброжелательство и возбужденіе.

— Васъ удивляютъ, очевидно, всѣ мои разговоры? Это естественно. Я самъ еще недавно отнесся бы съ насмѣшкой къ своимъ нынѣшнимъ словамъ, но эти слова перевернули всѣ мои прежнія понятія. И скажу вамъ секретъ, почему я васъ удивляю. Я просто прикладывалъ къ каждому явленію эти двѣ силы и получалъ неожиданные результаты. И то, что я еще вчера, наравнѣ съ другими, считалъ разумнымъ и хорошимъ, нынче для меня это неразумно и нехорошо. Разумъ освѣтилъ для меня весь механизмъ жизни, любовь же объяснила мнѣ всѣ отношенія, всѣ связи, всѣ основы жизни.

Чехловъ выговорилъ это смягченнымъ противъ прежняго тономъ, но было въ немъ что-то такое, что мгновенно, лишь только онъ раскрывалъ ротъ, производило всеобщее раздраженіе и вражду къ нему. Раздражала ли присутствующихъ его наружность, — это крупное, съ жесткими линіями лицо, эти острые, неприятно-проницательные глаза, жесткіе волосы, торчавшіе на его головѣ подобно скошенному, но неубранному сѣну, — или его звучный, но съ рѣзкими нотами голосъ, или, быть можетъ, тонъ его рѣчи, необыкновенно самоувѣренный, догматическій, вызывающій, — только послѣ сказаннаго имъ тотчасъ же появилось снова желаніе бороться съ нимъ и непременно побѣдить... Послѣ его словъ, повидимому, насколько неоскорбительныхъ, сказанныхъ, притомъ, мягко, опять послышались озлобленныя возраженія со стороны Буреева и Хордина. Снова посыпались на него вопросы, причемъ не скупились на пренебрежительные эпитеты по его адресу.

— Любовь и разумъ!... Вотъ поистинѣ пошехонское открытіе Америки!—воскликнулъ Хординъ.

Чехловъ въ первый разъ при этомъ восклицаніи вышелъ изъ

себя. Лицо его вспыхнуло, глаза свергнули ненавистью. Но это было мгновение. Через мгновение его лицо снова стало холодным. А когда онъ принялся разговаривать съ Буреевымъ, то еще болѣе оправился. Онъ видѣлъ, что всѣми предъидущими своими словами онъ произвелъ впечатлѣніе, равносильное побѣдѣ; зналъ, что ни онъ самъ и никто изъ окружающихъ не въ силахъ подорвать это впечатлѣніе и потому къ дальнѣйшимъ спорамъ относился равнодушно. На его лицѣ, напряженномъ въ продолженіе его рѣчи, теперь играла довольная улыбка; выраженіе его глазъ потеряло свою непріятную пронизательность и взглядъ его былъ счастливо-блуждающій; отвѣты его стали небрежны и дѣйствительно парадоксальны.

Это еще болѣе раздражало Буреева.

— Позвольте, важно не то, чтобы признать разумъ и любовь единственными силами, совершающими все хорошее, а то, какъ ими знаніемъ воспользоваться! — говорилъ онъ, едва сдерживаясь отъ брани.

— Скажите только: люблю! — и весь міръ мгновенно передъ вашими глазами обратится въ праздникъ, въ любовный пиръ! — отвѣтилъ равнодушно Чехловъ.

— Вотъ этого-то и мало! О любви безъ васъ тысячи лѣтъ люди говорятъ... И важно не то, чтобы знать эту истину, а то, какое употребленіе ей дать... Часто важна не самая истина, образовавшаяся въ общее мѣсто, а методъ ея добыванія и способъ ея употребленія. Мало сказать: живи разумомъ и любовью, — надо знать, какъ и откуда взять разумъ, куда и зачѣмъ его дѣть, что и какъ любить! Иначе можно возлюбить свинью, посадить ее за свой столъ и вмѣстѣ съ ней хрюкать! — возражалъ сдержанно Буреевъ, но блѣднѣлъ отъ усилія сдержать себя.

— Разумъ не имѣетъ границъ, любовь не должна отливаться въ формы. Границы создаютъ глупость, формы создаютъ идоловъ. Ю идоламъ, наравнѣ съ вами, я не поклоняюсь, — возразилъ Чехловъ.

Буреевъ чувствовалъ, что сдержанности его и на двѣ минуты не хватитъ.

Бъ-счастьемъ его, въ эту минуту вмѣшался неожиданно Мишцевъ. Онъ вдругъ объявилъ, что ему пора ѣхать на поѣздъ, и въ какъ ночнаго поѣзда ему, по какимъ-то дѣламъ, нельзя ѣхать.

На мгновение всѣ стихли, но стихли отъ непріятнаго сожалѣнія, что приходится обрывать разговоръ на полусловъ. Въ осо-

бенности недоволенъ былъ разгоряченный Буреевъ,— его лицѣ вдругъ сдѣлалось скучнымъ и угрюмымъ, когда Мизинцевъ своимъ напоминаніямъ оборвалъ его мысли.

Чехловъ замѣтилъ это и сдѣлалъ предложеніе, котораго никто не ожидалъ—остаться въ усадьбѣ на весь слѣдующій день.

— Если уважаемые хозяева мои ничего не имѣютъ противъ я остаюсь?—сказалъ онъ вопросительно.

Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ объявили о своемъ удовольствіи по этому поводу. Но Чехлову доставляло какъ будто удовольствіе раздражать.

— Собственно мнѣ надо сегодня возвратиться въ городъ, гдѣ назначено собраніе людей, пожелавшихъ слушать меня, но, я вижу, жажда истины и здѣсь велика,—сказалъ онъ спокойно.

Присутствующіе были мгновенно взбѣшены этими самоуверенными словами. Однако, Хординъ по рукамъ и ногамъ связанъ былъ своею ролью гостепріимнаго хозяина и долженъ былъ промолчать. За то Буреевъ, какъ человѣкъ посторонній, не могъ оставить самообожающаго человѣка въ заблужденіи.

— Повѣрьте, Денисъ Петровичъ, мнѣ лично желательно продолженіе нашихъ съ вами бесѣдъ совѣмъ не потому, чтобы я надѣялся услышать изъ вашихъ устъ истину, а затѣмъ, чтобы обратить ваше вниманіе на неслыханное смѣшеніе нравды и лжи въ каждомъ вашемъ словѣ!—сказалъ онъ съ негодованіемъ.

Это было началомъ дальнѣйшей «бесѣды», которая скорѣе напоминала безобразный гвалтъ, поднятый сборищемъ крѣпичиковъ. Мизинцевъ ушелъ никѣмъ не замѣченный,—Хординъ забылъ даже распорядиться о лошади для него, чтобы довести до стаціи, и гость долженъ былъ отправиться пѣшкомъ, что, однакъ, едва ли было непріятно ему, такъ какъ его сопровождала Маша.

Безобразный гвалтъ стоялъ въ комнатахъ до поздняго вечера. Чехловъ, попрежнему, равнодушно возражалъ, а Хординъ и Буреевъ продолжали все больше и больше воспламеняться. Наконецъ, обиды такъ опалѣли, что перестали понимать другъ друга и утѣшились между собой, забывъ о противникѣ. Чехловъ воспользовался этимъ и обратился къ Александрѣ Яковлевнѣ съ просьбой прекратить разговоръ до слѣдующаго утра.

— Умоляю васъ, помогите мнѣ уйти въ комнату, гдѣ бы могъ отдохнуть... У меня кружится голова!—сказалъ онъ утомленно. Въ самомъ дѣлѣ, запыленное, усталое лицо его было страшно болѣзненно.

Александра Яковлевна бросилась, чтобы сдѣлать кое-какъ

приготовленія, и тотчасъ же возвратилась назадъ. Затѣмъ ей достаточно было сказать нѣсколько словъ, чтобы спорщики прервали свой крикъ. Чехловъ зналъ, къ кому обратиться и кто изъ всѣхъ находящихся тутъ пользуется безпорнымъ авторитетомъ. Хординъ, по указанію жены, тотчасъ же повелъ гостя въ отведенную ему комнату, гостепріимно предложилъ ему свои услуги во всемъ, что только онъ пожелаетъ, и радушно простился съ нимъ до утра.

Въ домѣ мгновенно воцарилась тишина. Только въ дальней комнатѣ, куда ушли Буреевъ и Хординъ, по временамъ слышались подавленные восклицанія и смѣхъ.

Оставшись одна, Александра Яковлевна растворила всѣ окна и долго сидѣла одна въ темнотѣ. И ей не хотѣлось спать. Она переживала настроеніе глубокаго счастья. Случайно сказанныя слова случайнаго гостя стали источникомъ внезапнаго воскресенія ея мужества и увѣренности въ своей правотѣ. Вчера еще она считала себя слабой и *неправой* во всемъ. А годъ тому назадъ съ ней былъ случай, о которомъ никто, кромѣ ея, не зналъ, но который, какъ тогда казалось ей, навсегда ее уничтожилъ. Послѣ одной изъ тѣхъ ссоръ съ мужемъ, когда гнѣвъ ослѣпляетъ разсудокъ обоихъ, когда съ обѣихъ сторонъ раздаются ужасныя, оскорбительныя слова, когда глаза свѣтятся ненавистью, а вслѣдъ затѣмъ хлопаютъ двери и въ уединенной комнатѣ раздаются рыданія опозоренной, побѣжденной стороны, Александра Яковлевна рѣшила разорвать десятилѣтнюю связь, бросить оскорбляющія условія жизни и бѣжать. Она наскоро, трепещущими руками, собрала свои вещи, уложила въ чемоданъ и хотѣла уѣхать. Но вдругъ ее, какъ внезапный ударъ, поразила мысль: а чѣмъ она будетъ жить? Вынесетъ ли она новыя годы бѣдности и матеріальныхъ лишеній, всю жизнь, какъ промлятье, висѣвшихъ надъ ней?!... Немного прошло времени послѣ того, какъ она себя задала эти вопросы, а руки ея уже безсильно опустились и взоръ потухъ. Устрашила ее бѣдность! Она испугалась потерять покойную обстановку, которой добился ея мужъ, и, испугавшись своего рѣшенія, стыдясь, въ то же время, своего безсилія и малодушія, съ поспѣшностью, какъ преступникъ, принялась уничтожать слѣды своихъ приготовленій къ бѣгству. И никто никогда не узналъ этого. На слѣдующій день она смотрѣла холодно, равнодушно и покорно.

И вотъ тебѣръ воскресло ея мужество. Радость, изумленіе и гордость наполняли ея подавленное сердце, давно уже не бывшее

такъ быстро. А въ головѣ ея велся разговоръ, въ которомъ принималъ участіе кто-то невидимый, но заботящійся о ней и любящій.

— Чего ты боишься?—спрашивалъ онъ заботливо.

— Я знаю, что это малодушіе...—отвѣчала она.

— Не бойся ничего, кромѣ мертвой жизни! Матеріальныя лишенія могутъ быть страшны только тѣмъ, кто рабски подчинился бездушнымъ вещамъ! Человѣкъ можетъ быть трусливымъ рабомъ или богомъ... Жизнь—его собственность, и онъ можетъ распоряжаться ею произвольно, и только жалкій боится ея... — говорилъ ей этотъ твердый, гордый собесѣдникъ, и она слушала его, понимая самыя темныя слова его.

Когда весь домъ уже спалъ, она все еще сидѣла передъ раскрытымъ окномъ; устремивъ взоръ на слабый свѣтъ звѣздъ. Вдругъ въ ночной тиши раздался дрожащій, но нѣжный голосъ, запѣвшій какую-то пѣсню,—это запѣла Александра Яковлевна, не пѣвшая уже нѣсколько лѣтъ, она запѣла въ порывѣ птицы, вдругъ выпущенной на волю.

У.

Чехловъ съ удивленіемъ раскрылъ глаза,—гдѣ онъ?

Было еще рано. Солнце только что поднялось изъ глубины горизонта, но ни одного луча его еще не было видно. Надъ мѣстомъ его восхода возвышалась тяжелая сѣро-грязная туча и гасила своею огромною массой всѣ лучи его, какіе пытались пробиться сквозь ея мрачную толщу. И свѣта не было кругомъ; всѣ предметы тускло были освѣщены и видъ имѣли скучный и хмурый. Чехловъ долго лежалъ въ постели, не имѣя энергіи встать; онъ проснулся съ какою-то тяжестью на душѣ и тоскливо оглянулъ незнакомую ему комнату чужаго дома. Но вдругъ одинъ тонкій, какъ стрѣла, лучъ, тайкомъ, боковымъ ходомъ, проскользнулъ мимо грозной твердыни и разомъ вырвался на просторъ, а за нимъ цѣлою гурьбой ринулись другіе лучи, взбѣжали на самый верхъ темной стѣны, овладѣли всѣми ея выходами, пробили бреши повсюду и окружили ее съ четырехъ концовъ. И эта темная масса, за минуту казавшаяся неприступной, запылала краснымъ пожаромъ и исчезла въ радостномъ сіяніи подымавшагося солнца. Ослѣпленный ворвавшимися въ комнату веселыми лучами, Чехловъ мгновенно соскочилъ съ постели и поспѣшно сталъ одѣваться, стыдясь минутной слабости, лѣнивой тоски и безпричинной хандры.

Онъ тихо прошелъ сѣнями, выбрался на дворъ, отсюда за ворота и очутился въ саду, но, не останавливаясь, пошелъ дальше, пе-

рельзъ черезъ ограду и очутился въ перелѣскѣ надъ оврагомъ, по дну котораго бойко бѣжалъ ручей. Ручей тотчасъ же напомнилъ ему объ умываньи, онъ спустился по отгосу внизъ и съ наслажденіемъ сталъ мочить голову, лицо, руки холодною водою. Вытерся онъ отчасти платкомъ, отчасти рукавами блузы и тотчасъ же подумалъ: «Какъ, въ сущности, не нужны всѣ наши культурныя удобства!»... Въ послѣднее время онъ слѣдилъ за своею жизнью и постоянно выбрасывалъ за бортъ все ненужное, несущественное, фальшивое, какъ модное или общепринятое платье, мягкіе стулья, воротнички, глушійшіе галстуки и проч. Границы этимъ преобразованіямъ не можетъ быть, и кто однажды убѣдился въ порочности людской внѣшности, тому на всю жизнь можетъ хватить борьбы съ галстуками, съ пуговицами и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ вещей. Понимая этотъ абсурдъ, онъ рѣшился бороться только съ фальшивымъ и неестественнымъ, но что значить жить естественно, онъ еще не обдумалъ. Прежде всего, онъ рѣшилъ рано ложиться и рано вставать.

И теперь онъ думалъ, что въ домѣ еще все спало, а онъ раньше всѣхъ поднялся. Но черезъ нѣсколько минутъ, прогуливаясь по единственной дорожкѣ запущеннаго сада, онъ долженъ былъ убѣдиться въ неосновательности своего самонѣнія: не только въ деревнѣ, лежащей не далеко отъ барской усадьбы, но даже въ самой усадьбѣ до свѣту всѣ проснулись и кричали всѣми голосами, какіе кому свойственны: гуси возбужденно о чемъ-то трактовали, свинья хрюкала, рабочіе обмѣнивались отрывочными фразами.

Между ними толкался и Хординъ. До сада его голосъ доносился съ разныхъ концовъ: то со двора, то изъ лѣса, то изъ кухни, изъ чего Чехловъ заключилъ, что управляющій не на шутку распоряжается. Объ этомъ свидѣтельствовалъ и его голосъ, то и дѣло переходившій въ отчаянный крикъ, словно на дворѣ случилась какая-то катастрофа, и энергичныя его выраженія, заканчивающіяся часто ругательствами. По временамъ за деревьями сада мелькала въ разныхъ направленіяхъ и самая фигура его, одѣтая въ какое-то ветхое пальто съ висящими клочьями ваты, въ грязныя большіе сапоги и въ рыжую шляпу, изъ-подъ которой виднѣлись непричесанные волосы, — а до сихъ поръ Чехловъ видѣлъ его только въ видѣ джентльмена. Однимъ словомъ, налицо было все, что у русскаго человѣка неразрывно связывается съ представленіемъ объ энергичномъ дѣловомъ человѣкѣ: ругань, разносившаяся далеко по окрестности, неумытое лицо, непроспавшіеся, безмысленно вытаращенные глаза.

Чехловъ ходилъ или сидѣлъ въ саду и прислушивался. Хординъ больше не представлялъ для него интереса. Съ перваго же пристально брошеннаго взгляда Чехловъ проникъ въ его существо, вытащилъ основанія его и безповоротно опредѣлилъ. Для него это былъ человѣкъ, который не сводитъ концы съ концами. Вчера онъ еще произносилъ громкія слова, а сегодня исключительно объяснялся при помощи площадныхъ звуковъ; сейчасъ онъ переругивается съ рабочими, а черезъ часъ, передъ благородною публикой, будетъ вести благородные разговоры. И это все дѣлается просто, почти наивно.

Сидя подъ деревомъ или прогуливаясь по дорожкѣ, Чехловъ пожималъ плечами; въ немъ былъ оскорбленъ тонкій наблюдатель, любившій распознавать только сложный механизмъ мудреныхъ субъектовъ, — это было его наслажденіе, подобно наслажденію механика, разбиравшаго разныя машины. Бываютъ, на примѣръ, замысловатые часы, въ которыхъ играетъ какая-то прекрасная музыка, наконецъ, раздается—разъ, два, три!... и наступаетъ мертвая тишина, только маятникъ продолжаетъ куда-то идти, осужденный на безконечное путешествіе. Встрѣчая человѣка, похожаго на эти часы, Чехловъ съ восторгомъ наблюдалъ и разбиралъ. Но когда ему попадался человѣчскій механизмъ, вродѣ деревянныхъ часовъ съ грубыми колесами, съ грязнымъ циферблатомъ, свирѣпохрипящихъ, вмѣсто чистаго звона, и наивнопоказывающихъ четыре въ то время, когда въ дѣйствительности идетъ шестой часъ, онъ равнодушно проходилъ мимо него. Слишкомъ уже это дико и неотесанно!

Хординъ долго ходилъ по разнымъ направленіямъ усадьбы и выкрикивалъ свои распоряженія. Наконецъ, бросивъ случайно взглядъ въ садъ, онъ замѣтилъ Чехлова и направился въ его сторону. Видъ его былъ довольный и здоровый. Онъ дружески улыбнулся гостю, когда пожималъ ему руку и говорилъ добраго утра. Чехловъ, напротивъ, равнодушно встрѣтилъ его, какъ будто онъ для него совсѣмъ не существовалъ. Впрочемъ, сидя съ нимъ рядомъ, онъ вдругъ задался вопросомъ, считалъ ли Хординъ хотя бы желательнымъ сводить концы съ концами? Ради этого онъ тотчасъ же приступилъ къ «исслѣдованію».

— Я вижу, вы сильно заняты устройствомъ имѣнія?—спросилъ онъ.

— Еще бы! Вы не можете себѣ представить, что тутъ до меня дѣлалось, денной разбой!... Владѣлецъ, живущій въ Петербургѣ и Парижѣ, взвылъ! Имѣнье не только перестало давать доходъ, но требовало безвозвратныхъ приплатъ... Можете судить, до чего до-

шло дѣло: съ роскошныхъ луговъ богатаго имѣнья не хватало съ-на для домашняго употребленія!

Говоря это, Хординъ счастливо захохоталъ.

— И вы все это исправили?

— Не все еще, но многое уже удалось, — отвѣтилъ самодовольно Хординъ.

— Мнѣ собственно любопытно узнать, какъ вы работаете... — сказалъ Чехловъ вдругъ съ загадочною улыбкой. — То-есть мнѣ интересно знать, какъ собственно согласуется работа на господина, мотающаго деньги по парижскимъ кабакамъ, съ тѣми планами, которые несомнѣнно вы стараетесь проводить въ жизнь, судя по прекраснымъ словамъ объ идеалахъ, слышаннымъ мною вчера?

— Это, конечно, интересно... — возразилъ Хординъ сердито, хотя не зная, сердиться ему или смѣяться, но, во всякомъ случаѣ, онъ вдругъ съ воодушевленіемъ заговорилъ: — Вы правы, планы кое-какіе есть у меня... Здѣсь я временно. Но разъ я нахожусь здѣсь, я выполнилъ всѣ свои обязательства передъ владѣльцемъ, которыя я взялъ на себя, и думаю, что каждый честный человѣкъ... Но у меня есть мечта, или, если хотите, планъ, который я надѣюсь осуществить: это завести собственное имѣнье... вотъ тогда другое дѣло! Съ своею землею я сдѣлаю все, что мнѣ вздумается... Впрочемъ, ничего фантастическаго я не предполагаю... Я долженъ былъ сказать, что считаю идеалы и культуру несравнимыми величинами! Идеалы сами по себѣ, а культура — сама по себѣ. Идеалы имѣютъ назначеніе облагораживать насъ, давая намъ высокое эстетическое наслажденіе, а культура удовлетворяетъ требованія жизни... понимаете? Идеаль — это мечта о прекрасномъ, культура — это жизнь!... Другъ другу они не мѣшаютъ и должны существовать рядомъ, не вторгаясь въ чужую область... Вотъ почему я считаю неправыми тѣхъ, которые презрительно относятся къ мечтамъ, — дико это, невѣжественно! Но, съ другой стороны, и отвлеченные мечтатели всѣмъ опротивѣли... именно за то, что суются не въ свое дѣло, въ жизнь! Ихъ дѣло — эстетически - прекрасное, а не жизнь. И, по-моему, ты сколько угодно ширій по небесамъ, — это прекрасно! — но не мѣшай сажать картошку... не твое это дѣло! А у насъ нѣтъ середины ни въ чемъ: то мы хотимъ жить однѣми заоблачными мечтами и называемъ подлецомъ всякаго практика, то по уши погружаемся въ житейскую дрянь... печальное положеніе! Я же признаю и то, и другое, только каждому отвожу свое время и мѣсто.

Хординъ произнесъ эту непривычно-длинную для него рѣчь съ

большимъ воодушевленіемъ и по окончаніи ея взволнованно всталь съ мѣста и принялся ходить взадъ впередъ по дорожкѣ.

Чехловъ пристально слѣдилъ за его шагами, словно по нимъ хотѣлъ что-то узнать... Его неожиданно заинтересовали слова хозяина... Однако, это не простые деревянные часы, наивно показывающіе четыре, вмѣсто шести, а «съ секретомъ», вродѣ кукушки!... Чехловъ обрадовался случаю заглянуть внутрь механизма Хордина, который совсѣмъ было потерялъ для него интересъ.

— Вы простите меня, что я трогаю, быть можетъ, большую рану... Я совсѣмъ не считалъ себя вправѣ касаться личныхъ плановъ... Но меня интересуетъ одно общее положеніе. Я давно уже хочу разрѣшить себѣ общій вопросъ: какое отношеніе существуетъ въ жизни между убѣжденіями и дѣлами? Я давно, повторяю, изучаю это, много наблюдалъ, еще болѣе мучился и только послѣ долгихъ попытокъ пришелъ къ нѣкоторымъ результатамъ...

— Къ какимъ же, интересно знать?—спросилъ Хординъ равнодушно, занятый все еще своею рѣчью.

— Я пришелъ къ выводу, что все душевное или умственное богатство людей дѣлится на два рода: убѣжденія и взгляды. У однихъ людей есть убѣжденія, у другихъ взгляды только; но бываетъ и такъ,—это самый частый случай,—что у одного человѣка есть и взгляды, и убѣжденія. Разницы съ перваго взгляда тутъ нѣтъ никакой, но на самомъ дѣлѣ разница громадная. Разница приблизительно такая же, какая существуетъ между необходимымъ платьемъ, прикрывающимъ наше тѣло, и платьемъ, служащимъ не только для прикрытія наготы, но и для изящества, красоты и изысканныхъ вкусовъ. Взгляды—это то же, что красивая принадлежность нашего костюма, выработанная цивилизаціей, а убѣжденія—это то же, что необходимое одѣяніе. Первые, то-есть изящные, цивилизованные костюмы, какъ можно легко убѣдиться, не являются существенною и необходимою принадлежностію человѣка,—ихъ выработала цивилизація. Ходить же вездѣ мужикъ въ одной рубахѣ и никто не считаетъ этого ни безнравственнымъ, ни даже неприличнымъ. Но безъ рубахи нельзя ходить,—и холодно, и срамно... Взгляды ни къ чему не обязываютъ,—можно имѣть самые благородные взгляды и остаться самымъ неблагороднымъ изъ животныхъ. Можно ихъ бросить когда угодно, какъ снимаютъ изящный рединготъ, приходя домой. Убѣжденія же неумолимо переходятъ въ дѣйствіе, и разъ человѣкъ носитъ въ себѣ убѣжденія, онъ не можетъ ни забыть ихъ, ни сбросить ихъ, какъ не можетъ мужикъ снять рубаху. Нельзя снять рубахи, во-первыхъ, потому, что это физи-

чески мучительно; во-вторых, нелѣно; въ-третьихъ, срамно. Только въ пьяномъ видѣ или будучи сумасшедшимъ человѣкъ можетъ сбросить съ себя безусловно-необходимое одѣяніе. Въ жизни я встрѣчалъ больше людей, ходящихъ въ княцкомъ костюмѣ. Поэтому на практикѣ трудно различить эти два платья,—цивилизация ихъ страшно перепутала. Однако, я нашелъ одинъ признакъ, по моему, безошибочно указывающій, носить ли данный человѣкъ платье ради необходимости, или ради красоты и изящества...

Чехловъ на мгновеніе остановился и бросилъ на собесѣдника одинъ изъ тѣхъ непріятно-острыхъ взглядовъ, которые выражали у него чувство злой радости и превосходства. !

— Какой же это признакъ?—спросилъ Хординъ съ довольною улыбкой.

— Если вы станете передъ какимъ-нибудь человѣкомъ жаловаться на несогласіе словъ и дѣлъ, и если этотъ человѣкъ присоединится къ вамъ и съ жаромъ будетъ негодовать вмѣстѣ съ вами, то вы смѣло можете сказать, что у него нѣтъ убѣждений.

— Что же, это вы мѣтко!—возразилъ Хординъ и радостно захохоталъ, самъ не зная, надъ чѣмъ тутъ собственно хохотать.

Чехловъ незамѣтно передвинулъ плечами и лицо его вдругъ стало опять равнодушнымъ, словно онъ разочаровался... Да, это поистинѣ деревянные часы, показывающіе четыре, вмѣсто шести, и не имѣющіе никакой кукушки!... Онъ до такой степени почувствовалъ равнодушіе къ собесѣднику, что не счелъ нужнымъ вѣжливо окончить бесѣду, а просто оборвалъ ее и сказалъ:

— Какое нынче чудесное утро!

Хординъ нѣсколько опѣшилъ отъ этихъ неожиданныхъ словъ и въ первое мгновеніе готовъ былъ заподозрить въ нихъ нѣкоторый иносказательный смыслъ; но когда убѣдился, по равнодушному виду гостя, что тотъ въ самомъ прямомъ значеніи слова заговорилъ о погодѣ, успокоился. Ему съ нѣкотораго времени невыносимо было поддерживать разговоръ, не касающійся практическихъ дѣлъ, онъ становился тогда угрюмымъ и раздражительнымъ и чувствовалъ боль въ верхней части лба и за ушами, и тогда на него нападала та зѣвота, которую онъ могъ удержать только страшнымъ напряженіемъ челюстей.

Обрадовавшись внезапному прекращенію разговора, онъ вдругъ весело и радушно напомнилъ Чехлову, что пора пить чай, хотя внутри ощущалъ какую-то смутную досаду противъ него. Чехловъ и на это не счелъ нужнымъ отвѣтить; онъ молча поднялся со скамейки, молча пошелъ рядомъ съ хозяиномъ и молча сѣлъ въ

столовой за самоваръ. Самоваръ былъ готовъ и чай сдѣланъ, но въ комнатѣ никого не было; хозяинъ и гость одни принялись за чай. Хорди́нъ пытался нѣсколько разъ заговаривать, но Чехловъ едва давалъ себѣ трудъ отвѣчать: «да» и «нѣтъ»,—это была уже не только невнимательность, но полное пренебреженіе. Въ столовой, наконецъ, наступила мертвая тишина, только слышалось влоктанье пара въ самоварѣ и звуки чаепитія двухъ людей.

Къ счастью, немного погоды въ комнату подошли одинъ вслѣдъ за другимъ Буреевъ, его сестра и Александра Яковлевна. У всѣхъ были оживленные лица, хотя по разнымъ причинамъ и въ противоположныхъ окраскахъ. Александра Яковлевна смотрѣла съ живымъ, какъ бы проснувшимся интересомъ ко всему свѣту, Буреевъ глядѣлъ угрюмо и враждебно. Казалось, онъ никогда не былъ смѣхотворнымъ забавникомъ,—такъ мрачно и сосредоточенно было его лицо. Подавая руку Чехлову, онъ такъ посмотрѣлъ на него, какъ будто говорилъ: «Я тебѣ подаю руку только изъ вѣжливости, но ты врагъ, и я буду бороться съ тобой»... Чехловъ, однако, съ улыбкой симпатіи поздоровался съ нимъ, хотя замѣтилъ мгновенно настроеніе всѣхъ собравшихся.

Столовая тотчасъ же оживилась.

— Вы, вѣроятно, рано поднялись? — спросила Александра Яковлевна, обращаясь не то къ Чехлову, не то къ мужу. Отвѣтить успѣшилъ послѣдній.

— До свѣту!... Такъ и подобаетъ намъ вставать... Мнѣ—какъ хозяину, Денису Петровичу—какъ пророку.

Чехловъ не удостоилъ эти слова отвѣтомъ.

— И вы, кажется, уже успѣли поспороть?—продолжала съ любопытствомъ Александра Яковлевна.

— Немножко,—успѣшилъ сказать Хорди́нъ.—Денисъ Петровичъ очень тонко высказался насчетъ убѣжденій... Ну, конечно, не забывъ мимоходомъ намекнуть о цивилизации, которая производить, будто бы, пустыхъ людей, носящихъ убѣжденія подобно модному костюму...—Говоря это, Хорди́нъ ехидно улыбнулся. Онъ съ удовольствіемъ излиялъ этими словами смутную досаду противъ Чехлова, которая явилась у него въ саду, и, кромѣ того, имѣлъ въ виду натравить Буреева.

Буреевъ дѣйствительно былъ уже, что называется, готовъ.

— Странное ны время переживаемъ!—вдругъ воскликнулъ онъ съ возбужденнымъ смѣхомъ.—Появилась цѣлая тьма какихъ-то неумытыхъ, нечесанныхъ людей, которые гадаютъ о ненужно-

сти цивилизации... И черт ихъ знаетъ, откуда столько смѣлости у этихъ неграмотныхъ головетяповъ!

И добродушный, но теперь негодующій Буреевъ оглянулъ поочередно всѣхъ присутствующихъ. Всѣ неловко замолчали, а Маша такъ сконфузилась рѣзкими словами брата, что ея лицо испуганно вытянулось. Но Чехловъ съ прежнею симпатіей смотрѣлъ на говорящаго, хотя тоже молчалъ. Не встрѣтивъ отвѣта, Буреевъ уже прямо обратился къ предмету своей вражды.

— Вы, конечно, по пути, ужъ за одно и науку долой? Отрицаете?—спросилъ онъ съ злою насмѣшкой.

Чехловъ положительно съ любовью взглянулъ на Буреева,—съ тою любовью, съ какою охотникъ смотритъ на показавшуюся вдали дичь.

— А развѣ можно отрицать то, чего не существуетъ?—спросилъ онъ съ притворнымъ изумленіемъ.

— То-есть какъ это не существуетъ?... Это наука-то не существуетъ?—замѣтилъ сдержанно Буреевъ и засмѣялся злымъ смѣхомъ.

— Это, должно быть, опять какой-нибудь идолъ... Но, вѣдь, я же васъ предупредилъ раньше, что никакихъ идоловъ не признаю, какимы бы именемъ они ни назывались и сколько бы народу ни стучало передъ ними лбами!

— Бъ чему столько темныхъ словъ? Я васъ спрашиваю ясно и просто: существуетъ ли для васъ наука, или ради истины вы считаете болѣе удобнымъ не замѣчать ея?—спросилъ Буреевъ, причемъ торопливо выхватилъ изъ корзинки булку, разорвалъ ее на куски и бѣшено сталъ пожирать ее, какъ будто это она его оскорбляла.

— Что такое наука?—спросилъ, между тѣмъ, спойойно Чехловъ.

— Наука, милостивый государь,—сказалъ Буреевъ, отчеканивая каждое слово,—есть собраніе всѣхъ знаній, какимы только обладаетъ человѣкъ.

— Какихъ же знаній? Истинныхъ или ложныхъ?

— Научныхъ.

— Не понимаю!—сказалъ Чехловъ, и жесткая радость разлилась по его лицу. — И такъ, наука есть собраніе научныхъ знаній?

— Да, научныхъ,—подтвердилъ Буреевъ на зло.

— Что же это такое—«научныя знанія»? Истинныя ли это знанія, или не истинныя, или, наконецъ, нѣчто третье, то-есть нѣчто такое, что не истина и не ложь?

— Безъ сомнѣнія, наука даетъ и ошибочныя знанія, и истинныя,—возразилъ Буреевъ и, къ ужасу своему, началъ понимать нелѣпость своего положенія.

— Но вы, разумѣется, изъ научныхъ знаній берете только истинныя? Или вѣрите и въ ложныя, лишь бы ихъ давала наука?

— Конечно, истинныя!—сказалъ растерянно Буреевъ.

— А ложныя отрицаете?

— Несомнѣнно...

— Но вы сейчасъ сказали, что наука для васъ существуетъ и выразили негодованіе, когда я усомнился въ этомъ. Теперь, однако, я нѣсколько понимаю васъ... Говоря о наукѣ, вы разумѣли ту ея часть, которая даетъ истину, а не ложь?—спросилъ Чехловъ съ улыбкой.

— Кто же васъ заставлялъ принимать всѣ ошибки?

— Слѣдовательно, вы снисходительно заставляете меня признавать только истинную науку, какъ я и ожидалъ... Но зачѣмъ же вы раньше не сказали этого, а съ непонятною для меня злобой хотѣли непременно принудить меня повѣрить вообще въ науку? Оказывается изъ вашихъ же словъ, что науки по меньшей мѣрѣ двѣ, причѣмъ одну надо признать, а другую отвергнуть... То-есть оказывается, что науки, какъ однороднаго цѣлаго, какъ нѣкотораго идола, которому надо кланяться, не существуетъ.

Буреевъ сконфуженно давился чаемъ; лицо его, всегда здоровое, теперь болѣзненно поблѣднѣло, руки дрожали. Въ глазахъ видѣлось полное смущеніе. Пораженный, онъ уже не отвѣчалъ обдуманно, а на-угадъ, что на языкъ попадетъ.

— Изъ факта, что наука даетъ истинныя и ложныя показанія нисколько еще не вытекаетъ вопросъ объ ея существованіи,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Истины, даваемые ею на ряду съ ошибками, все же истины.

— Позвольте и въ этомъ усомниться,—возразилъ Чехловъ уже увѣренно, какъ господинъ разговора, посмотрѣвъ на всѣхъ окружающихъ.—Временно я согласился съ вами признать истинную науку... но теперь позвольте усомниться и въ этомъ!

— Смѣлости у васъ много, и вы можете безъ моего позволенія сомнѣваться въ чемъ угодно, но надо же обставить свои сомнѣнія!—возразилъ Буреевъ.

— Я это и сдѣлаю, если вы потрудитесь вмѣстѣ со мной подумать... Прежде всего, подумаемъ и рѣшимъ слѣдующій вопросъ: та часть науки, которая даетъ будто бы истины, даетъ ли ихъ и одной на каждый предметъ, или по двѣ истины?

— То-есть, попросту говоря, есть ли въ наукѣ безспорныя истины? Есть!

— И онѣ всегда были неоспоримыми?—спросилъ Чехловъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!... Онѣ стали безспорными только послѣ того, какъ наука ихъ открыла.

— А раньше онѣ не признавались?

— О нихъ даже не подозрѣвали, пока на нихъ не указала наука.

— И эти истины, неподозрѣваемые въ прошедшемъ, теперь безспорны?

— Да, безспорны.

— И въ будущемъ останутся таковыми?

— Непремѣнно!

— Это вотъ очень смѣло!—сказалъ Чехловъ съ злою радостью.—Вы не только хотите навязать ваши истины настоящимъ людямъ, но чтобы и будущіе не смѣли думать... Прошедшій человѣкъ съ негодованіемъ поносилъ тѣхъ людей, которые осмѣливались сомнѣваться въ существованіи хрустальнаго неба съ горящими лампадами, а вы даже у будущихъ людей отнимаете право считать «всемірное тяготѣніе» вздоромъ... Очень смѣло! Но допустимъ, что истины, нынѣ безспорныя, таковыми же вѣчно останутся,—развѣ изъ однихъ безпорныхъ истинъ состоитъ наука?

— Нѣтъ, конечно... въ наукѣ много положеній, недоказанныхъ безспорно. Что же изъ этого?

— То-есть находится много вещей, о которыхъ въ наукѣ нѣсколько мнѣній?

— Есть.

— И эти мнѣнія взаимно исключаютъ другъ друга?

— По большей части. Ну, такъ что же?

— И этихъ взаимно исключающихъ мнѣній часто существуетъ множество?

— О нѣкоторыхъ предметахъ—множество...

— Однимъ словомъ, наука состоитъ изъ нѣсколькихъ штукъ безспорныхъ истинъ и изъ безчисленнаго множества взаимно исключающихъ другъ друга истинъ... Какія же истины надо признать и какія отвергнуть, и что, въ такомъ случаѣ, останется отъ вашего идола, разбитаго на безчисленное множество кусковъ?

— Методъ! — сказалъ угрюмо Буреевъ, но такъ былъ ослѣпленъ, что не воспользовался этимъ словомъ, которое могло уничтожить всю самоувѣренность Чехлова.

— То-есть, просто, орудіе. Но, вѣдь, раньше вы науку опре-

дѣлили не какъ полезное орудіе, а какъ собраніе всѣхъ истинъ?—спросилъ Чехловъ зло.

— Но, вѣдь, такую операцію можно совершить и съ тою вѣрой, о которой я еще ничего не знаю, но которую вы признаете единственною истинною!—вскричалъ Буревъ съ внезапною энергіей, которая, казалось, окончательно покинула его. — Вѣдь, передъ такимъ безшабашнымъ нигилизмомъ всякая истина обратится въ прахъ, даже и ваша!

Взоръ Чехлова безпокойно скользнулъ по сторонамъ, но это было одно только мгновеніе, которое замѣтила одна Александра Яковлевна. Тотчасъ же оправившись, Чехловъ заговорилъ, возвышая голосъ:

— Извините, истина одна! Истина не только одна, но она вѣчна и безусловна. Она написана въ вашемъ сердцѣ и въ вашемъ разумѣ, и даже въ вашемъ тѣлѣ. Только вы заслонили ее идолами, ради которыхъ забыли ея голосъ. И одинъ изъ этихъ идоловъ—наука. Вы забыли и долго еще не вспомните, что наука создана разумомъ и что, создавъ ее, онъ же можетъ и разрушить ее. Но я и забылъ этого и никакіе идолы для меня не существуютъ, хотя бы они назывались наукой. Я выбираю изъ нея только то (и какаго это ничтожная крупинка!), что истинно, а остальное бросаю и ложь называю ложью, хотя бы это была научная ложь!... Пусть наука мнѣ докажетъ, что я состою изъ микробовъ и долженъ вести себя какъ огромный микробъ,—я не сочту нужнымъ принять этотъ советъ. Въ сущности, и вы то же дѣлаете иногда, выбирая вашимъ разумомъ изъ такъ называемой науки лишь то, что вамъ кажется истиннымъ, но только вы думаете, что это наука дѣлаетъ выборъ, а не вы сами и не вашъ разумъ. Послѣдній вы такъ поработали имъ же созданнымъ вещи, что онъ не смѣетъ больше прикоснуться къ ней, а рабски, низко ползаетъ передъ идоломъ, слѣпо признавая всякую ложь, соглашаясь съ безстыдными выводами, потворствуя гнуснымъ дѣламъ ея жрецовъ! Вы такъ поработали разумъ передъ этимъ идоломъ, что онъ пересталъ служить истинѣ, а служить лжи и обману, преступленію и кровавымъ бойнямъ, злу и насилию! Разумъ, единственный источникъ свѣта, сталъ служить мраку. Единственная его цѣль—познаніе истины и забота о счастьи людей, но вы отняли у него эту цѣль, самого его отдали въ рабство бездушной наукѣ, а она изобрѣтаетъ пушки, бездымный порохъ, машины, ломающія тѣло и душу работниковъ, машины, порабащившія миллионы людей...

Въ этомъ направленіи Чехловъ долго еще громилъ. Жестко

лицо его стало совсѣмъ другимъ, голосъ обратился въ трубу, слогъ мало-по-малу принялъ грубый, но сильный библейскій отбѣнокъ. Это было воплощенное вдохновеніе, вся сила котораго направлена была на разгромъ языческаго идола. Но вдругъ онъ оборвалъ рѣчь и лицо его моментально стало холоднымъ и спокойнымъ.

Чай давно уже всѣ бросили и вышли изъ - за стола. Разговоръ сдѣлался безпорядочнымъ. Хординъ скоро ушелъ по хозяйству, сестра Буреева также вышла. Самъ Буреевъ не могъ больше связно говорить, слишкомъ взволнованный для обдуманнаго разговора.

За то Александра Яковлевна въ этотъ день удивляла всѣхъ. Въ ней, видимо, совершался какой-то крутой переворотъ, обратившій вниманіе, прежде всего, мужа. Онъ смотрѣлъ на нее во все продолженіе спора Буреева съ Чехловымъ и какъ будто не узнавалъ. Встрѣтивъ однажды случайно ея взглядъ, смѣлый и спокойный, онъ вдругъ почему-то смутился и послѣ того уже больше не осмѣливался встрѣчать ея взоръ. Ея страдальческое, испуганное лицо, какимъ онъ его привыкъ видѣть, свѣтилось теперь увѣренностью и энергіей, какъ будто она приняла какое-то огромное рѣшеніе, — что еще больше смутило Хордина, словно онъ сознавалъ себя въ чемъ-то виноватымъ передъ ней.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, то же впечатлѣніе перешло и на Чехлова. Онъ смотрѣлъ на нее по временамъ и не узнавалъ. Пытливо вглядываясь въ ея глаза, онъ не открылъ тамъ ни пугливаго удивленія, какъ въ первый разъ, ни раздражительности, какъ наканунѣ. Лицо ея было одушевлено улыбкой, но не жалкой, а твердой и самоувѣренной. Чехловъ открылъ въ этой улыбкѣ даже насмѣшливость и, какъ человѣкъ самолюбивый, мысленно отнесъ ее тотчасъ къ себѣ и внутренно переполюсился... не сказалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ какой глупости?

Оба они ошибались. Ни объ одномъ изъ нихъ Александра Яковлевна не думала. Ея мысли исключительно заняты были собой и тѣмъ своимъ настроеніемъ, которое возвращало ей утраченное счастье, вчера еще считавшееся ею безвозвратно погибшимъ. Когда она утромъ вошла въ комнату, ей не хотѣлось даже говорить. И она дѣйствительно ни разу не вмѣшалась въ разговоры. Ей какъ будто совсѣмъ не было дѣла до этого спора; въ ней самой совершалась важная работа, ради которой некогда было брать еще чужую. Она слушала Чехлова внимательно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ удовольствіемъ, но слушала не затѣмъ, чтобы услышать его истину, а чтобы подкрѣпить лишними доводами свое настроеніе, чтобы усилить свое жезнерадостное, энергичное чувство, такъ внезапно вос-

кресшее въ ней. И когда какая-нибудь мысль Чехлова подходила къ этому настроенію, лицо ея вдругъ озарялось улыбкой. А Чехловъ, въ свою опору, и эту улыбку приписывалъ себѣ.

Тѣмъ сильнѣе былъ его переполохъ, когда онъ замѣтилъ на ея лицѣ насмѣшку. Смѣяться она и не думала надъ нимъ, напротивъ, за многое была благодарна ему. Но это не помѣшало ей подмѣтить въ его словахъ одну слабость, противорѣчіе... По всей вѣроятности, и самъ Буреевъ обратилъ бы вниманіе на эту слабость, будь онъ менѣе ослѣпленъ враждой и раздраженіемъ, но теперь онъ былъ способенъ только на крайне шаблонныя возраженія, да и эти ему нужно было припоминать, — такъ сильно онъ одичалъ за послѣдніе годы. Александра Яковлевна оставалась спокойною — и это дало ей возможность точной оцѣнки словъ Чехлова.

Она начала съ того, что съ интересомъ стала разспрашивать Чехлова о его прошлой жизни. Обрадованный ея участіемъ, онъ разсказалъ ей, гдѣ родился, кто его родители, какъ онъ учился, по какимъ мѣстамъ путешествовалъ и гдѣ жилъ. Когда его разсказы не удовлетворяли ее, она предлагала ему вопросы. Вышелъ цѣлый рядъ вопросовъ, задаваемыхъ, повидимому, только изъ участія и любопытства къ его жизни и ни мало не подозрительныхъ для Чехлова. Онъ съ горячею охотой отвѣчалъ и на тѣ вопросы, которые касались его образованія. Ничего не подозрѣвая, онъ съ жаромъ разсказывалъ, какъ много онъ читалъ, съ какими выдающимися людьми былъ знакомъ и какъ занимался самообразованіемъ, когда бросилъ университетъ, внушавшій ему отвращеніе бездушною шаблонностью... «Только одно самообразованіе создаетъ разумнаго человѣка», — кончилъ онъ.

И вдругъ Александра Яковлевна замѣтила какъ бы про себя:

— Интересно, чтѣ бы изъ васъ вышло, если бы отецъ сдѣлалъ васъ своимъ прикащикомъ и если бы послѣ его смерти вы остались съ братьями торговать лѣсомъ?...

— То-есть что тутъ собственно интереснаго? — спросилъ Чехловъ; все еще ничего не подозрѣвая.

— Да откуда бы вы разумъ - то взяли, если бы стали торговать бревнами?

Чехловъ моментально оцѣнилъ этотъ неожиданный и мастерской ударъ и взоръ его безпокойно пробѣжалъ по комнатѣ, но онъ хладнокровно отвѣтилъ:

— При мнѣ бы и остался, если только онъ во мнѣ вообще есть!

— Но вотъ это-то и любопытно: выходитъ, что можно какъ угодно жить, чтѣмъ угодно заниматься, хотя бы грабежомъ на боль-

пихъ дорогахъ, какъ есть ничему не учиться и, все-таки, несмотря ни на что, носить въ себѣ какой-то разумъ, т.-е. высшее пониманіе всѣхъ вещей!—сказала Александра Яковлевна, но безъ ехидства, съ доброю улыбкой.

— Для васъ это невозможнымъ кажется, но это потому, что вы вѣрите не въ силу человѣка, а его положенія, и ему рабски подчиняетесь!—возразилъ Чехловъ, но уже съ явнымъ раздраженіемъ.

— Быть рабомъ положенія, конечно, пехорошо. Надо всѣми силами бороться противъ оскорбляющихъ человѣка положеній. И вы отлично сдѣлали, что послѣ смерти отца не остались торговать бревнами, а ушли отъ этого положенія... Если бы вы остались, то мы, по всей вѣроятности, не имѣли бы удовольствія... не только слышать ваши блестящія слова о разумѣ, но едва ли бы услышали пару добрыхъ словъ отъ васъ...

— Но, вѣдь, я же ушелъ отъ этого положенія! Значить, оно меня не поработило!—вскричалъ Чехловъ и въ первый разъ вышелъ изъ себя.

— Потому, что вы имѣли средства бросить его, тогда какъ милліоны людей не могутъ оторваться отъ приковавшей ихъ цѣпи... Во-вторыхъ, потому, что вы кое-чему учились, прежде нежели бросили его, имѣли возможность и дальше учиться и размышлять, тогда какъ милліоны не только не могутъ чему-нибудь учиться и о чемъ-нибудь размышлять, но часто и потребности такой не сознаютъ... Въ нимъ-то откуда разумъ придетъ?

— Вотъ такія вещи я понимаю!—вдругъ вскричалъ съ восторгомъ Буреевъ, до этой минуты угрюмо сидѣвшій въ сторонѣ.— Это сказано по-нашему! А то разумъ... да что это за саврасъ безъ узды? Вѣдь, должно же быть мѣсто, гдѣ онъ (то-есть разумъ-то, а не саврасъ) обитаетъ? Если его нѣтъ въ наукѣ, нѣтъ въ добытомъ людьми методѣ мышленія, то гдѣ же онъ? По воздуху, что ли, носится и сходитъ на людей, какъ молнія? Объясните, пожалуйста, вы-то хоть откуда его заплучили? Можетъ, и мнѣ тогда легко будетъ попользоваться имъ?...

Буреевъ оправился, захохоталъ и принялся основательно, въ остроумной формѣ, возражать. Онъ какъ будто вспомнилъ цѣлую область своего ума и знаній, забытыхъ среди апатичной, мелочной жизни, какъ будто самъ себя отгрылъ, и въ восторгѣ привѣтствовалъ забытыя мысли. Но за то Чехловъ раздражался; онъ уже не былъ господиномъ разговора. Нервно, съ болѣзненно-сверкавшими глазами онъ попробовалъ ошеломить рѣзкою, библейскою

рѣчью, но это уже было «не изъ той оперы», какъ выразился Буреєвъ. Наконецъ, чувствуя крайнее утомленіе, Чехловъ совсѣмъ сталъ говорить вяло; на его усталое лицо легла тѣнь глубокаго равнодушія. Онъ почти не слушалъ, что ему говорить, и отвѣчалъ не на чужіе вопросы, а на свои.

Да и всѣ устали. Споръ самъ собою утихъ. Александра Яковлевна кончила его шуткой.

— Знаете, Денись Петровичъ... Одному вашему единомышленнику я сказала, что онъ напоминаетъ то неблагодарное существо, которое, вдоволь накушавшись плодовъ прекраснаго дерева, отъ бездѣлья вздумало подкапывать его корни... «Но если-бъ вверху могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было», сказала я ему. Но теперь я не отказалась бы отъ удовольствія повторить это вамъ...

Никому не простилъ бы Денись Чехловъ такой шутки, но изъ устъ Александры Яковлевны онъ выслушалъ ее спокойно; онъ неопредѣленно засмѣялся, и его смѣхъ не выражалъ ни оскорбленности, ни желанія бороться за свое достоинство. Его усталое лицо смягчилось и взоръ его, устремленный на Александру Яковлевну, потерялъ свою острую пронизательность; даже въ голосъ его, всегда жесткомъ, теперь слышались нѣжные тоны, мягкіе оттѣнки.

Буреєвъ, до сихъ поръ озлобленный противъ него, враждебно встрѣчавшій каждое его слово, возмущавшійся его жестами и фигурой, теперь добродушно говорилъ съ нимъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на его смягченныя черты. Впрочемъ, говорили о разныхъ простыхъ вещахъ, смѣялись, шутили, и такое мирное настроеніе продолжалось до обѣда. А послѣ обѣда Чехлову надо было ѣхать, что уже само по себѣ отбивало у всякаго охоту снова поднимать длинный споръ.

Чехловъ задумчиво сидѣлъ за столомъ во все время обѣда и едва участвовалъ въ разговорѣ. Только когда всѣ вышли изъ-за стола, онъ вдругъ сдѣлалъ предложеніе:

— Сегодня, господа, въ городѣ назначена небольшая бесѣда... не угодно ли кому изъ васъ отправиться со мной? Для меня это было бы пріятно. Сейчасъ мы заговорили и не кончили разговора о «положеніи». Я считаю чрезвычайно важнымъ этотъ вопросъ и буду именно о немъ говорить... Но для меня, по моимъ понятіямъ, онъ не самъ по себѣ важенъ, а по тому значенію, какое люди ему придаютъ. По всей вѣроятности, мнѣ не удастся убѣдить васъ, — это дѣло настроенія, — но, по крайней мѣрѣ, я постараюсь бросить свѣтъ туда, гдѣ теперь одно только мрачное отчаяніе... И такъ, что вы думаете? Ѣхать надо сію минуту, поѣздъ уже близко...

— Извольте, поѣдемъ!—сказалъ первымъ Буреевъ весело и ласково. Потомъ, обратившись къ сестрѣ, онъ спросилъ:—А ты, Маша, хочешь ѣхать?

Маша съ чувствомъ величайшаго удовольствія отвѣтила утвердительно. Вслѣдъ за ней согласился и Хординъ, притомъ, выразилъ свое согласіе шумно.

— Ыдемъ, такъ ѣдемъ!... Что, въ самомъ дѣлѣ?... Бстати, тамъ теперь оперетка пріѣхала, послушаемъ музыку!

Чехловъ не обратилъ вниманія на это курьезное сопоставленіе «бесѣды» съ опереткой, хотя въ другой моментъ зло воспользовался бы, — онъ вопросительно смотрѣлъ на Александру Яковлевну. Въ сущности, дѣлая свое предложеніе, онъ имѣлъ въ виду только ее одну, мысленно онъ почему-то считалъ очень важнымъ, чтобы она поѣхала съ нимъ. Согласіе Хордина и Буреева съ сестрой онъ принялъ совершенно равнодушно и ждалъ только отвѣта Александры Яковлевны. И вдругъ, неожиданно для него, въ отвѣтъ на его вопросительное лицо, она покачала отрицательно головой.

— Я останусь дома, — съ спокойною улыбкой сказала она.

— Почему?—вскричалъ Чехловъ, — такъ было это неожиданно для него.

Она задумалась, но тотчасъ же рѣшительно сказала:

— Нѣтъ, не поѣду! — и уклонилась отъ объясненія.

Онъ мрачно сконфузился. Если бы она бросила въ его сторону насмѣшку или брань, онъ стерпѣлъ бы; но это простое «нѣтъ, не поѣду» внезапно причинило ему оскорбительную боль. Онъ сконфуженно и, въ то же время, тяжело улыбнулся, какъ улыбается человѣкъ, которому отказали въ очень важной для него просьбѣ.

Однако, до поѣзда оставалось немного времени и всѣ шумно принялись собираться, а черезъ нѣкоторое время Буреевъ съ сестрой и Хординъ пошли. Чехловъ подошелъ проститься къ Александрѣ Яковлевнѣ, сильно сжалъ ее худую руку и съ тревогой поглядѣлъ ей прямо въ глаза; но эти глаза только добро улыбнулись ему, и больше онъ ничего не могъ замѣтить.

Онъ вышелъ послѣднимъ изъ дома и догонялъ раньше ушедшихъ. Но когда онъ вышелъ за ворота усадьбы, сердце его вдругъ сжалось непонятною тоской, какую онъ не зналъ никогда, и по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ дома, тоска все шире и глубже, до боли, чувствовалась имъ. Ему показалось совсѣмъ не важнымъ то, что вотъ онъ ѣдетъ на поѣздъ, не важно то, что съ нимъ ѣдутъ три лица, не важно и то, что вечеромъ онъ будетъ говорить на большомъ собраніи людей, и неважнымъ это показалось *потому*,

что съ нимъ не поѣхала Александра Яковлевна и не будетъ слушать того, что онъ скажетъ.

Въ сильной тревогѣ онъ сталъ искать причину, почему она отказалась ѣхать. Не обидѣлъ ли чѣмъ онъ ее? Не сказалъ ли чего такого, что внушило ей нерасположеніе къ нему? Да и чѣмъ она можетъ оскорбляться? Что вообще она любитъ и чего не любитъ?

При этомъ онъ вздумалъ было разобрать ее, изслѣдовать и понять, какъ онъ разбиралъ каждаго человѣка, но съ тревогой и изумленіемъ бросилъ. Всюду чуткій и проникательный, разбиравшій самые сложные человѣческіе механизмы, передъ фигурой Александры Яковлевны онъ внезапно остановился, ничего не понимая. Какъ будто внезапно острые глаза его ослѣпли, тонкій слухъ закрылся и наблюдательный умъ превратился въ тупое и никуда негодное орудіе. Когда онъ встрѣчалъ незнакомаго человѣка, онъ безъ всякаго усилія съ своей стороны слѣдилъ за выраженіемъ, за малѣйшими оттѣнками его голоса, за тончайшими изгибами его слова и мысли, и по этимъ слѣдамъ проникалъ въ самую глубину существа незнакомаго человѣка, и понималъ его. Точно съ такою же наблюдательностью, помимо своего желанія, онъ замѣтилъ неопредѣленный цвѣтъ волосъ Александры Яковлевны, различныя выраженія ея большихъ глазъ, всѣ черты ея худаго лица, замѣтилъ и то, какъ она выражается, какъ мысль ея работаетъ, — все замѣтилъ, только ничего не могъ разобрать и понять. Какъ будто онъ никогда не видалъ такого человѣка и въ особенности такой женщины, и его острый, развѣдающій умъ оказался здѣсь не только тупымъ, но бесполезнымъ. Когда онъ видѣлъ всякаго другого человѣка, онъ тотчасъ же зналъ, что въ немъ гадко и что хорошо. А здѣсь онъ ничего не могъ разобрать, что дурно и что хорошо. Даже разбирать по частямъ тутъ нечего было, какъ бессмысленно разбирать предметъ, въ которомъ все изумительно просто, наглядно и цѣльно. Представляя ея черты, ея слова, онъ только чувствовалъ, что видѣть ее пріятно, не видѣть — тоска, говорить съ ней — удовольствие, говорить тамъ, гдѣ ея нѣтъ — не стоить.

И когда онъ молча сидѣлъ въ вагонѣ между Буревымъ и его сестрой, въ его головѣ неискоренимо засѣла явно нелѣпая мысль: «Да стоить ли тамъ говорить, — вѣдь, она не будетъ слышать?»

Каронинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнеть убогое селенье,
И церковь бѣдная съ сіяющимъ крестомъ
На мирныя поля зоветъ благословенье...
Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной—
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтуція поля ласкаютъ жадный взоръ,
Вотъ старый домъ и садъ, и милыя Тарханы,
И роца вдалекѣ, а тамъ—опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы,
Какъ стая птицъ, на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ съ собой, въ страну изгнанья,
Базбеку вѣчному снесутъ издалека,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ
Ни клевета друзей, ни зависть не встревожить,
Что роємъ свѣтлыхъ грѣзъ покой твой окружонъ,
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

Но еслибъ иногда страны своей родной
Ты могъ бы видѣть жизнь,—проснулось бы мученье:
Печально-бъ ты глядѣлъ, съ щемящею тоской
На племя жалкое, на «наше поколѣнье».
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславень, какъ и встарь, нашъ скучный путь земной,
И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглой дерзостью твоей слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый,
И съ головы «вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый»
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ!

Вл. Ладыженскій.

САВЕЛЛИ *).

Романъ Жильбера Огюстена Тьерри.

VI.

По высокому и широкому шоссе, которое, мимо Гарша и Вокрессона, ведетъ къ Сенъ-Жермену, быстро катилось ландо. Небо просвѣтлѣло, тучи разсѣялись и свѣжныя пылинки, точно бриллианты, искрились на солнцѣ.

Сидѣвшіе въ экипажѣ мужчины находились въ самомъ веселомъ настроеніи. Ла-Шене и Гравенуаръ курили и болтали съ такимъ спокойствіемъ, точно ѣхали ужинать въ Maison d'Or. Марсель Бенаръ былъ сдержаннѣе. Онъ сидѣлъ рядомъ съ веселымъ камергеромъ, противъ нихъ помѣщались аташе посольства и докторъ. На колѣняхъ Гравенуара стояла шкатулка краснаго дерева съ пистолетами. Баронъ Ла-Шене былъ въ ударѣ и запасъ веселыхъ анекдотовъ и смѣшныхъ остротъ не истощался у него.

— Ахъ, другъ мой, — говорилъ онъ Марселю, — какая скучная вещь дуэль! Вы хоть будете играть первую роль, счастливый человѣкъ!... А мы — статисты!... Довольны вы пистолетами?

Онъ открылъ ящикъ и вынулъ оружіе.

— Пистолеты для стрѣльбы въ цѣль, какъ было условлено. Я выбралъ съ тугимъ спускомъ: изъ предосторожности... Такъ что нечего бояться.

— Напрасно! — замѣтилъ Марсель. — Я хочу дать сегодня хорошій урокъ.

— Мы приготовили объяснительную замѣтку для газетъ, — сказалъ Гравенуаръ. — Наши противники отвергли ее, а такъ какъ они, все-таки, получили пощечину...

*) Русская Мысль, кн. I.

— Какого сорта секунданты князя?—спросилъ Марсель.

— Итальянцы,—отвѣтилъ Ла-Шене,—одинъ съ фамиліей на *a*, графъ Баносса...

— Старинная ломбардская аристократія!—замѣтилъ Гравенуаръ.

— Другой на *и*, синьоръ Травенти... А! Рег Вассо! знаете, сегодня утромъ, когда я увидалъ его, мнѣ показалось, что я узнаю,—я ошибся, впрочемъ,—старого знакомаго, тоже итальянца, служившаго въ иностранномъ легіонѣ, когда я командовалъ батальономъ. Его звали Марино: удивительная личность. Въ одинъ прекрасный день этотъ Марино дезертировалъ и отправился къ Мадзини, въ Римъ. Мой молодецъ посѣщалъ тогда одну особу... ги!... пѣвицу изъ Прадо д'Оранъ. Ее звали Стальное Сердце. Хорошенькое имя, не правда ли?... и красивая женщина! Разъ ночью... Вы зѣваете, Гравенуаръ? Мой рассказъ надоѣлъ вамъ?

— Вашъ романъ, баронъ, извѣстенъ! Вы болѣе ста разъ рассказывали его намъ!

Ла-Шене закурилъ сигару.

— Господа, вспомнимъ добромъ Стальное Сердце! Славная память! Мы всѣ любовались ею на придворныхъ балахъ и она умерла генеральшей. Вотъ какъ награждается добродѣтель!

— Ого!—разсмѣялся Гравенуаръ.—Нынче въ княгини кто не выскакиваетъ!

Бесѣдуя такимъ образомъ, они достигли перекрестка, гдѣ дороги расходились и одна вела въ Сень-Клу и Буживаль. Веселый баронъ высунулъ голову изъ окна.

— Ну, что... не говорилъ я?... Мы опоздали!... Они ждутъ насъ.

Дѣйствительно, передъ трактиромъ стояла наемная карета и два господина нетерпѣливо прохаживались взадъ и впередъ.

— Секунданты противника!—сказалъ Гравенуаръ.—Я дамъ имъ кое-какія указанія; они могутъ ѣхать слѣдомъ за нами.

Онъ выскочилъ изъ экипажа и поспѣшилъ къ нимъ.

— Ба! смотрите!—вскликнулъ Ла-Шене.—Чортъ возьми! Хорошенькая карета! Бровный рысакъ, приличная ливрея!... И сторы спущены!... Я чую любовное похождение...

Гравенуаръ вернулся.

— Чей это экипажъ?—спросилъ любопытный камергеръ.— Вы, какъ здѣшній обитатель, должны знать.

— Блянусь, не знаю!... Ёдемъ!

Черезъ нѣсколько минутъ ландо повернуло въ ворота и въѣхало въ аллею парка.

— Здѣсь! Вы у меня, — сказалъ Гравенуаръ, приказывая вкучеру остановиться.

Вторая карета подъѣхала вслѣдъ за первой и князь де-Карпенья вышелъ изъ экипажа въ сопровожденіи секундантовъ и доктора. Обѣ стороны обмѣнялись обычными поклонами; затѣмъ подъ предводительствомъ Гравенуара всѣ направились въ глубь парка; скоро они достигли большой поляны, окруженной лѣсомъ. Старыя деревья, обнаженные первымъ зимнимъ морозомъ, устлали землю сухими листьями и качали голыми вѣтвями, точно корчились въ тяжелыхъ страданіяхъ. Съ этой поляны съвозъ широкую прогалину открывался грустный пейзажъ: подъ откосомъ Буживаля—Сена, подернутая рябью; точно застывшая подъ леденящими лучами ноябрьскаго солнца; налѣво темная масса лѣсовъ и садовъ съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ желтыми листьями, а на фонѣ этихъ осеннихъ тоновъ—покрытыя инеемъ, свергающія арки водопровода; напротивъ городъ Сень-Жерменъ съ бѣленькими домиками и струйками голубоватаго дыма; наконецъ, на сѣроватомъ фонѣ горизонта — неясныя очертанія холмовъ, утопающихъ въ туманѣ.

Марсель Бенаръ пощадилъ отца и солгалъ: дуэль была очень серьезная. Публично оскорбленный, князь де-Карпенья самъ предложилъ условія: противники становились въ двадцати метрахъ; каждый имѣлъ право приблизиться на пять шаговъ и въ теченіе минуты цѣлиться. Несомнѣнно, тотъ или другой, или оба должны пасть на мѣстѣ. По обоюдному соглашенію выбрали Ла-Шене распорядителемъ поединка: щекотливое порученіе, трудно правильно отмѣривать шаги по вороху скользкихъ листьевъ. Но баронъ видалъ и не такіе виды.

Онъ отсчиталъ двадцать метровъ, замѣтилъ мѣсто, гдѣ въ началѣ поединка должны стать противники, затѣмъ провелъ тросточкой черту, которой нельзя было переступить. Счастіе благопріятствовало Марселю въ выборѣ оружія. Когда кончились приготовленія, каждый сталъ на свое мѣсто, а секунданты по сторонамъ.

— Стрѣляйте, господа!—скомандовалъ Ла-Шене громкимъ голосомъ.

Марсель Бенаръ приблизился, вытянулъ руку и выстрѣлилъ...

Попалъ... И князь де-Карпенья, раненный въ животъ, покачнулся, но удержался. Медленно, едва передвигая ноги, онъ дошелъ до указанной грани, медленно поднялъ пистолетъ и прицѣлился.

Марсель спокойно скрестилъ руки.

— Стрѣляйте!... Да стрѣляйте же!—крикнулъ Гравенуаръ.

— Стрѣляйте, чортъ возьми!—заревѣлъ баронъ Ла-Шене.

Князь де-Карпенья хотѣлъ спустить курокъ, но легкій шумъ въ чащѣ отвлекъ его глаза. Онъ взглянулъ и засмѣялся беззвучнымъ, страннымъ смѣхомъ.

Поднявъ оружіе, онъ выстрѣлилъ на воздухъ и вслѣдъ затѣмъ безъ чувствъ упалъ на землю.

Секунданты бросились къ безжизненному тѣлу, доктора осмотрѣли рану. У князя было раздроблено одно ребро, онъ потерялъ много крови: пуля засѣла въ животъ.

— Его перенесутъ въ мой домъ,—сказалъ Гравенуаръ.—Я приказалъ приготовить тамъ комнату.

— Не трудитесь,—возразилъ синьоръ Травенти.—Если бы его сіятельство могъ говорить, онъ отказался бы.

— Но онъ не выдержитъ перевозки!... Вы хотите убить его! Итальянскій докторъ казался очень смущеннымъ и настаивалъ на принятіи предложенія Гравенуара.

— Опасная рана,—бормоталъ онъ.—Плохо, очень плохо!

— Все равно!—рѣзко произнесъ Травенти.—Надо ѣхать!...

Другой секундантъ князя уже отправился за каретой. Хирурги наложили повязку, затѣмъ всѣ подняли раненаго и съ большимъ трудомъ донесли до конца парка. Князь не приходилъ въ себя; его тѣло положили на подушки кареты и три итальянца размѣстились вокругъ.

— Andiamo!—и карета двинулась похороннымъ шагомъ.

Стоя среди дороги, друзья Марсея смотрѣли, какъ медленно она исчезала въ вечернемъ туманѣ.

— Господа,—сказалъ тогда французскій докторъ,—поклонимся этой каретѣ: она доставитъ въ Парижъ покойника.

VII.

Виконтъ Бенаръ стоялъ въ отдаленіи, смущенный и задумчивый. Гравенуаръ подошелъ къ нему.

— Отличный выстрѣлъ, дорогой мой, bravo!... Но какая странная дуэль! Она приводитъ мнѣ на память фантазію знаменитаго русскаго писателя... Ты знаешь *Дуэль* Пушкина?

— Да, я знаю,—отвѣтилъ Марсель, понемногу приходя въ себя.—Поединокъ, когда оскорбленный принимаетъ выстрѣлъ противника и откладываетъ свой отвѣтъ до болѣе удобнаго случая... Мы увидимъ еще!

— Господа! — воскликнулъ Ла-Шене, закуривая сигару, — предложеніе: скоро ночь, а мы еще не ѣли. Не поѣхать ли намъ отпраздновать побѣду ужиномъ въ Maison d'Or?

— Нѣтъ, меня увольте, — отвѣтилъ Марсель. — Я спѣшу обнять отца.

Они вышли изъ парка и скоро Марсель Бенаръ и его секунданты усѣлись въ экипажъ.

Въ эту минуту изъ темной чащи лѣса осторожно выбиралась женщина. Она выбѣжала на середину дороги и смотрѣла вслѣдъ исчезающему въ туманѣ ландо; съ жестами актрисы она насмѣшливо произнесла громкимъ голосомъ:

— Дуракъ, что далъ себя убить!... Настоящее убійство! Неловкій!... Ну, такъ отнынѣ ты будешь имѣть дѣло со мной, Брутъ Бенаръ!... Ты со мной разсчитаешься, убійца!

На поворотѣ дороги ее ждала карета; она поспѣшила къ ней.

— Поѣзжайте въ Пасси, — приказала она гучеру.

Но, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, она приказала остановиться.

Изъ плохенькаго загороднаго трактирчика падалъ на шоссе тусклый свѣтъ. Женщина вошла туда, спросила перо и чернила и въ затхлой атмосферѣ кабака набросала нѣсколько строкъ на визитной карточкѣ:

«Виконту Марселю Бенаръ.

«Я была тамъ, все видѣла и, не медля ни минуты, на мѣстѣ самаго поединка, рѣшаюсь вамъ писать. Вы наказали нахала и отомстили за отца. Надо всегда мстить за отца... Если Садовая улица, моя пустынька Пасси, не кажется вамъ краемъ свѣта, приѣзжайте... Я жду васъ...»

И подписала:

«Розина, урожденная графиня д'А-Прата, наконецъ, свободная».

УШ.

Большая дорога отъ Гавра къ Аббевилю и пикардійскимъ торфянымъ болотамъ — самая скучная изъ всѣхъ дорогъ, когда-либо созданныхъ прямолинейнымъ гениемъ нашихъ инженеровъ. Неприглядна и однообразна мѣстность между Феганскою долиною и Банійскимъ ущельемъ, по которому, минуя Нормандскіе утесы, не вдалекѣ отъ моря, тянется эта дорога. Въ декабрѣ здѣсь на просторѣ бушуютъ вѣтры, а съ Ла-Манша налетаетъ шквалъ то съ дождемъ, то со снѣгомъ, въ іюлѣ страшно палитъ солнце, и эки-

пажи, поднявшись на высоту этих равнинъ, ѣдутъ подъ припекомъ, въ пыли, по совершенно открытой дорогѣ. Когда наступаетъ осень, послѣ уборки хлѣба, глазъ не видитъ ничего, кромѣ обнаженныхъ полей. Кое-гдѣ, улегшись въ травѣ, снѣтъ быки, да, собирая червяковъ на папьяхъ, сидятъ стаи грачей. Въ туманной дали чернѣютъ разбросанныя селенія, точно подводные рифы въ Тихомъ океанѣ. Тамъ, въ селеніяхъ, можетъ быть, волнуется веселая или грустная жизнь; а тутъ кругомъ однообразіе пустыни, вездѣ какое-то давящее уныніе...

Въ трехъ льѣ отъ городка Бани, противъ извоищьяго трактира, отъ большой дороги отдѣляется проселочная, которая, спускаясь къ берегу, доводитъ до Сассевиля. Некрасиво, хотя и претенциозно, Сассевильское село съ своею церковью и вновь отдѣланною меріей, съ множествомъ трактирчиковъ, гдѣ нормандцы любятъ собираться за стаканомъ вина. Это большое село — *sassototum apud Caletas*, по словамъ его священника-археолога, пользуется извѣстностью въ округѣ, конечно, не за свое несомнѣнное галло-римское происхожденіе, а по милости своего бойкаго рынка живности. Кромѣ того, въ Сассевилѣ есть замокъ.

Много лѣтъ назадъ замокъ этотъ славился великолѣпіемъ. Въ царствованіе Людовика XV владѣльцы Сассевиля такъ неудачно играли въ банкъ и такъ часто навѣщали ростовщиковъ, что, въ концѣ-концовъ, кредиторы добились наложенія запрещенія, отчего ивнѣе пришло въ сильный упадокъ.

Съ возстановленіемъ имперіи для Сассевиля опять настали красивые дни. Перестроенный новымъ владѣльцемъ въ роскошномъ греческомъ стилѣ, замокъ представлялъ съ тѣхъ поръ величественное сооруженіе изъ кирпича и камня.

Громадный паркъ раскинулся вокругъ замка и во всей округѣ нельзя было найти такихъ тѣнистыхъ аллей, такихъ широкихъ зеленыхъ лужаекъ, какъ въ Сассевилѣ.

Въ первые годы Реставраціи имѣніе это принадлежало уроженцу Ивето, Эваристу Пуссе, фабриканту бумажныхъ матерій, одному изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ этой веселой страны. Пуссе былъ истый буржуа и съ гордостью говорилъ, что онъ «сынъ своихъ дѣлъ» и «собственный предокъ»; онъ напѣвалъ пѣсни Беранже и восторгался Лафитомъ, что не помѣшало ему мечтать о титулѣ для своей дочери.

Въ одинъ прекрасный день мадемуазель Гортензія Пуссе превратилась въ графиню Бенаръ; а послѣ совершенія бракосочетанія «собственный предокъ», все-таки, отправился къ своимъ праотцамъ,

въ Сассевильскую капеллу, гдѣ онъ построилъ склепъ въ готическомъ стилѣ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ графиня Бенаръ, болѣзненная и слабая женщина, слѣдила за юридическою карьерой мужа, но такъ какъ все на свѣтѣ кончается, она тоже отправилась вслѣдъ за отцомъ подъ своды сассевильскаго склепа, оставивъ мужу двухъ дѣтей. При раздѣлѣ материнскаго состоянія, замокъ со всѣми угодьями достался старшему въ родѣ, Людовику - Дезире-Марселю, виконту Бенаръ.

Какой шумъ поднялся въ приходахъ Гани и Вальмонта, когда въ августѣ 1857 г. виконтъ Марсель Бенаръ, всегда такой скромный, пріѣхалъ въ замокъ съ молодою женщиной. Такъ какъ онъ былъ не женатъ, а въ сосѣдствѣ не было недостатка въ мамашахъ, желавшихъ сбыть дочекъ, то всѣ вознегодовали и надулись. Молодой человекъ, считавшійся въ прошломъ году красивымъ, умнымъ, съ обезпеченною блестящею карьерой, сдѣлался сразу неуклюжимъ, глупымъ, ни къ чему не способнымъ. Еще хуже заговорили, когда узнали, что привезенная въ замокъ особа—итальянка, княгиня и вдова—вдова мужа, котораго безбожникъ виконтъ убилъ на дуэли. Ужасный скандалъ! Съ Марселемъ перестали кланяться, на него посыпались остроты, глупыя шутки, про него распускались сплетни. Въ сассевильскихъ трактирахъ нормандскіе юноши напѣвали язвительные куплеты на его счетъ и даже священникъ-археологъ при свидѣтеляхъ произнесъ древне-классическій стихъ:

«Ахъ! Можно ли наследовать тому, кого убьешь?»

IX.

Да, конечно, виконтъ Бенаръ захватилъ наследство съ того дня—слѣдующаго послѣ дуэли, когда, получивъ письмо со штемпелемъ Вокрессонъ, разобралъ нацарапанныя въ немъ мушинныя лапки:

«Вы наказали нахала, и отмстили за отца. Надо всегда мстить за отца. Если Садовая улица, моя пустынька Пасси, не вѣжется вамъ краемъ свѣта, пріѣзжайте, я жду васъ. Розина, рожденная графиня д'А-Прата, наконецъ, свободная».

Наконецъ, свободная!... О, женщины, женщины!... И три дня спустя (онъ соблюлъ приличія) Марсель, поднявшись на холмъ Пасси, звонилъ у подъѣзда «пустыньки».

Очень изящна и слишкомъ роскошна была ея бонбоньерка; она напоминала даже обстановку содержанки. Но, вѣдь, всѣ итальянки обожаютъ мишуру и всевозможныя бездѣлушки. Розина же казалась такою чистосердечною; она, можетъ быть, была непослѣдовательная,

но, несомѣнно, честная женщина. Марсель былъ въ этомъ увѣренъ теперь, такъ какъ слышалъ ея искреннія признанія. Въ первое же свиданіе Розина рассказала ему свою грустную исторію, немного банальную и простую.

Очень молодою, почти ребенкомъ, ее выдали за сумасброднаго и развратнаго старика, злого безумца, бывшаго корбонарія и кровопійцу. «Я тоже, — говорила она со слезами на глазахъ, — могла бы, какъ многія другія, взять себѣ чичисбея, выбрать «patito»; но Пречистая Дѣва и въ особенности память моей благочестивой и святой матери предохранили меня отъ паденія». Никогда она не любила. Бѣдная женщина!

На слѣдующій день Марсель опять пріѣхалъ на Садовую, на слѣдующій опять... Теперь... теперь она находилась у него, его Розина, всецѣло принадлежала ему въ уединеніи замка, подъ сѣнью цвѣтущихъ деревьевъ. Онъ любилъ, любилъ безумно, и сердцемъ, и чувствомъ. А она?

Иногда онъ находилъ ее необыкновенно грустной, молчаливой и точно охваченной отчаяніемъ. «Я люблю тебя, — говорила она, — и за это ненавижу, презираю себя!» Несомѣнно, ее мучило сознаніе своего паденія, угрызения совѣсти, религіозныя сомнѣнія. Марсель рѣшилъ какъ можно скорѣе обвиняться, но пока не говорить ей ни слова о своихъ планахъ. Развѣ не надо было положить конецъ сплетнямъ?

Впрочемъ, сплетни могли распространяться сколько имъ угодно; ихъ слабый голосъ не возмущалъ презрительнаго равнодушія владѣльца Сассевиля. Онъ жилъ въ полномъ уединеніи, никого не принимая и не участвуя ни въ какихъ удовольствіяхъ, сокращая дни, удлиняя ночи — весь отдавая своей возлюбленной.

Розина, умная, образованная, была полна суетвѣрія, какъ истая итальянка. Каждую минуту она доказывала это.

Разъ вечеромъ, сидя прижавшись другъ къ другу, они переводили изъ *Ада* Данта трогательную исторію Франчески. Обмѣниваясь поцѣлуями послѣ каждой строфы, они дошли до чудныхъ стиховъ божественнаго поэта: «Любовь, которая не щадитъ ни одного любящаго созданія, опьянила меня такъ скоро счастьемъ моего возлюбленнаго, что...»

Вдругъ Розина вырвала книгу, захлопнула ее и отбросила въ сторону.

Марсель, пораженный, смотрѣлъ на нее.

— Данте правъ, — прошептала она, — любовь — проклятая зараза!

Затѣмъ она прибавила еще тише:

— О, mio caro! Не надо читать конца пѣсни!

Но Марсель, поднявъ книгу, съумѣлъ перевести конецъ строфы; въ ней было сказано:

«...что привела насъ обоихъ къ одной смерти».

Х.

Въ этотъ день, 3 сентября, сассевильскій нотаріусъ, Оскаръ Варангуръ, нарушилъ ихъ безмятежное счастье. Около пяти часовъ вечера, обойдя пустой замокъ, нотаріусъ спустился въ паркъ. Въ концѣ длинной аллеи онъ увидѣлъ Марселя и княгиню де-Карпенья, углублявшихся внутрь парка, крѣпко прижавшихся другъ къ другу; нотаріусъ ускорилъ шаги, чтобы догнать ихъ. Услышавъ шорохъ, Марсель обернулся и нахмурился.

— А! это вы, мой дорогой! Какой счастливый случай привелъ васъ сюда?

Въ глубинѣ души онъ посылалъ гостя ко всѣмъ чертямъ.

— Простите, что беспокою васъ, виконтъ, — торжественно началъ Варангуръ. — Я долженъ сообщить вамъ нѣчто очень важное и прочесть письмо господина государственнаго совѣтника!

— Моего отца? — воскликнулъ Марсель съ удивленіемъ. — Сядемъ здѣсь. Я слушаю.

По близости находилась садовая скамейка и всѣ трое направились къ ней. Оскаръ Варангуръ положилъ на колѣни портфель, наполненный бумагами, и сказалъ:

— Не писали ли вы недавно, виконтъ, графу Бенаръ?

— Да, писалъ; я выражалъ мое твердое намѣреніе жениться на княгинѣ де-Карпенья.

— Напрасная трата чернилъ, Марсель! — насмѣшливо перебила молодая женщина.

— Господинъ государственный совѣтникъ, — продолжалъ нотаріусъ, — изволилъ обратиться ко мнѣ письменно и я приношу вамъ его отвѣтъ.

— Его отвѣтъ?... адресованный вамъ, а не мнѣ?

— Я смущенъ, виконтъ... но вотъ...

Варангуръ протянулъ листъ бумаги, уже занумерованный и заштемпелеванный по всѣмъ правиламъ.

Взволнованный Марсель взялъ письмо и началъ читать вслухъ. Розина, положивъ голову на плечо Марселя, слушала, полузакрывъ глаза и улыбаясь; она держала себя такъ непринужденно, точно

туть не было серьезнаго официальнаго лица, посѣдѣвшаго на службѣ.

Вотъ это жесткое и сухое письмо:

«Милостивый государь! Одинъ изъ вашихъ кліентовъ, Марсель Бенаръ, сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи жениться. Я тысячу разъ выражалъ этому молодому человѣку, какъ поразило и огорчило меня его поведеніе; по такъ какъ ни просьбы, ни выговоры не могли прекратить прискорбнаго скандала, я вынужденъ порвать всякія сношенія съ сыномъ. Будьте же, прошу васъ, посредникомъ между нами и передайте ему мой отвѣтъ, заключающійся въ слѣдующемъ. Въ бывшее время порядочный человѣкъ постыдился бы жениться на вдовѣ оскорбителя своей фамиліи, наказаннаго, къ тому же, и убитаго имъ на дуэли. Обида и пролитая кровь вырыли бы непроходимую бездну между его страстью и честью. Но теперь новыя времена, новыя нравы, повидимому. Я придерживаюсь старыхъ. Если совѣсть господина Марселя молчитъ, то его отецъ обязанъ громко и ясно сказать ему это.

«Не желая быть соучастникомъ въ подобномъ дѣлѣ, я разъ навсегда отказываю въ согласіи. Прошу васъ категорически заявить ему объ этомъ. Онъ можетъ обойтись безъ моего согласія. Но моя воля должна быть объявлена ему официально; я хочу этого, я требую!...

«Кромѣ того, вы можете передать моему сыну, что ему недолго придется ждать: я очень старъ, а онъ знаетъ, насколько я болѣнъ.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи.

«Графъ Бенаръ».

— *Via vecchietto!*— со вздохомъ произнесла молодая женщина, сидѣвшая все въ той же небрежной позѣ.

Марсель молчалъ и нервно тербилъ тросточкой газонъ.

— Чѣмъ же мы рѣшимъ?— продолжалъ Варангуръ.— Рисковать ли намъ? Я знаю въ Парижѣ одного услужливаго и расторопнаго собрата: я напишу ему. Во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы княгиня, рожденная д'А-Прата, дала мнѣ возможность войти въ сношенія съ ея итальянскимъ нотаріусомъ. Мнѣ необходимы нѣкоторыя указанія, которыя...

— Боже мой, сколько хлопотъ! — перебила Розина. — Отчего нѣтъ здѣсь яда Джульеты, чтобы соединить меня съ Ромео?... Ну, такъ нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этихъ исторій! Я предпочитаю.... ждать!

Она произнесла слово «ждать» съ такою ненавистью, что сынъ графа Бенара поблѣднѣлъ.

— Я подумаю, — сказалъ онъ, — и въ скоромъ времени дамъ рѣшительный отвѣтъ. Приходите какъ-нибудь на-дняхъ.

Варанкуръ взялъ письмо, сунулъ его въ конвертъ, конвертъ положилъ въ портфель, всталъ и раскланялся. Скоро темный силуэтъ нотариуса исчезъ за поворотомъ аллеи.

Влюбленные остались одни.

— Какія глупости, Марсель!—съ жаромъ воскликнула княгиня де-Карпенья.—Бъ чему этотъ бракъ?

— Онъ необходимъ, моя Розина! Наше положеніе становится слишкомъ щекотливымъ.

— О! мѣщанскіе предрасудки!... Женившись, развѣ ты больше будешь любить меня?

— Конечно, нѣтъ; но я буду держать тебя... здѣсь... ты будешь моей навсегда.

Она пристально взглянула на него и, отбросивъ насмѣшливый тонъ, произнесла:

— Навсегда?... Ну, такъ я знаю узы, болѣе неразрывныя, чѣмъ бракъ: смерть! Когда любимое существо, любовникъ или любовница, обманываетъ, его убиваютъ... а потомъ убиваютъ себя.

— Да будетъ такъ!—проговорилъ Марсель Бенаръ.— Это договоръ: я принимаю его.

И они продолжали начатую прогулку.

XI.

День приближался къ концу, сентябрьскій день, теплый и свѣтлый еще; но поднимавшійся съ земли вечерній туманъ уже заволакивалъ дымкой блѣднѣющую лазурь неба. Сассевильскій паркъ погрузился въ сонную тишину—не раздавалось ни шороха вѣтвей, ни шелеста листьевъ. Солнце садилось, прорѣзывая косыми лучами чащу платановъ.

По парку медленными шагами шли мужчина и женщина; онъ обвилъ рукой станъ возлюбленной, она опустила голову на его плечо; такъ молча подвигались они по густому мху мимо высокихъ папоротниковъ. Дойдя до опушки, они остановились у самого спуска холма. Передъ ними разстилалось Дальское ущелье съ его грустнымъ пейзажемъ. Въ то время это былъ дикій оврагъ, ущелье, заключенное между крутыми откосами, поросшими лѣсомъ, дикимъ терномъ и верескомъ. Дальше, въ концѣ цвѣтущей долины, виднѣлось искрящееся на солнцѣ море: сначала гребни волнъ и оставшаяся на берегу пѣна, дальше рядъ подводныхъ рифовъ, прорѣзывающихъ измѣнчивыя волны, а тамъ, наконецъ, вся синяя подъ голубымъ небомъ безконечная даль океана.

Молодая женщина тихо освободилась изъ объятій мужчины.

— О! какой прелестный вечеръ!—воскликнула она,—и какая чудная страна ваша Франція!

— Зачѣмъ «ваша Франція», Розина?—спросилъ ее спутникъ.

— Отнынѣ развѣ моя страна—не твоя?

Она покачала головой.

— Я знаю, знаю... «Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твой народъ—моимъ народомъ». Нѣтъ, я хочу остаться самою собою... О,—продолжала она съ жаромъ,—чудная страна ваша Франція... а, между тѣмъ, она достойна ненависти!... Прежде «госпожа народовъ—негодная женщина» теперь!

— Слова Данте!—возразилъ Марсель.—Но Данте говорилъ о вашей Италіи.

— Моя Италія? Она тоже негодная... каторжница, заключенная въ тюрьму! Но Италія умѣетъ проклинать и можетъ плакать!

— Розина,—перебилъ ее виконтъ, желая прекратить тяжелые намеки,—вмѣсто того, чтобы оскорблять то, что сильно и законно, расскажи мнѣ лучше о себѣ, о твоей семьѣ, о твоёмъ народѣ. Прочти мнѣ опять стихотвореніе твоего любимаго поэта, сонетъ Леопарди: *Италія*.

— Нѣтъ!—возразила она, воодушевляясь,—не этотъ, другой!

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, какъ бы для того, чтобы придать лицу должное выраженіе, Розина повернулась съ театральнымъ движеніемъ. Стоя на вершинѣ холма, въ развѣвающимся платьѣ, съ распущенными волосами, и протянувъ руку съ трагическимъ жестомъ, Савелли начала звучнымъ и пѣвучимъ голосомъ, проникавшимъ въ душу Марсея:

«Тебя ласкаетъ солнце, радостно сіяя
Надъ бархатомъ луговъ и золотомъ полей,
И льется на тебя тепло его лучей,
О, красота земли! О, Франція святая!

Къ тебѣ идутъ, какъ шли въ былые годы
Въ предѣлы Греціи, къ высокимъ алтарямъ
Лейны дѣвственной, покорные мечтамъ,
Священнымъ трепетомъ объятые народы.

Увы! помѣргъ твой храмъ, надъ нимъ нависла ночь...

Позоръ! На алтарѣ лежитъ разврата жрица!
То Франція... Она, небесъ когда-то дочь,

Хочочетъ и поетъ. Готова ей гробница...
Сверкаетъ вдалекѣ зловѣщая зарница,
И ангелы летятъ отъ дѣвы падшей прочь».

— Какая гнусная брань и сколько безумной ненависти!—воскликнулъ Марсель съ негодованіемъ.— Чьи это стихи?

Розина Савелли сдѣлала мелодраматическій жестъ.

— Моего отца!

— Отца, о которомъ вы всегда избѣгаете говорить, другъ мой? Ну, такъ его итальянская ненависть взывала напрасно: бессмертное не можетъ умереть!... За что же вашъ отецъ не любилъ Франціи?

— Онъ! онъ безумно любилъ ее и умеръ отъ этой любви!

— Умеръ отъ этой любви?... Графъ д'А-Прата, вашъ отецъ?... Чтò вы хотите сказать, Розина?

— Ничего!—прошептала молодая женщина, блѣднѣя.

Они продолжали свою безмолвную прогулку; но ихъ молчаніе не было уже нѣмымъ проявленіемъ невысказаннаго счастья: непонятная принужденность смыкала ихъ уста. У подножія холма имъ пришлось остановиться: окружавшая сассевильскій паркъ стѣна заграждала дорогу. На поросшихъ мохомъ камняхъ, обсыпавшихся отъ непогоды и времени, разрослись кустарники дикаго шиповника и сентябрь уже наложилъ свою печать на ихъ желтѣющую листву. Кое-гдѣ еще виднѣлись запоздавшіе цвѣты. Молодая женщина подбѣжала къ кустарнику и сорвала нѣсколько вѣтокъ.

— Прости, Марсель, что я огорчила тебя!... Прости!... А теперь выслушай меня, пойми... Я не знаю, что будетъ съ нами завтра, можетъ быть... Я, оскорбившая сейчасъ въ тебѣ самую благородную гордость—гордость родины, я люблю тебя... люблю... и... чтò бы ни случилось, всегда буду любить тебя!... А ты, мой другъ, если судьба пошлетъ намъ испытаніе, сохранишь ли ты неприкосновеннымъ сокровище твоего сердца? Возьми эту розу: я ношу ея имя и, какъ она, душа моя дика... Въ минуты слабости, если ты когда-нибудь узнаешь сомнѣнія и ихъ страданія, смотри на нее... и когда тебѣ будетъ казаться, что ты не любишь, она скажетъ тебѣ: ты любишь еще.

Розина Савелли съ улыбкой приколола одну вѣтку къ своему корсажу, другую поднесла къ лицу, вдохнула ея свѣжій ароматъ и претянула Марселя. Но тотъ уже схватилъ ея головку и страстно прильнулъ губами къ ея трепещущимъ устамъ. Долго стояли они, прижавшись другъ къ другу, охваченные восторгомъ этого поцѣлуя.

Вдругъ княгиня де-Карпенья съ легкимъ крикомъ въ смущеніи откинулась назадъ: съ холма спускался слуга и направлялся къ нимъ.

— Гости, мосье,—доложилъ лакей, подходя къ нимъ,—иностронецъ непремѣнно хочетъ видѣть княгиню.

Въ то же время, онъ подалъ карточку, которую молодая женщина быстро схватила. Княгиня прочла имя гостя, поблѣднѣла и простояла секунду, какъ пораженная.

— Хорошо,—сказала она, наконецъ,—я иду.

— Кто хочетъ видѣть тебя?—спросилъ Марсель. — Дай карточку.

Но Розина изорвала ее въ мелкіе клочки.

— Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ,—сказала она,—человѣкъ, близкій моей семьѣ. Я не могу не принять его.

— Да!... Я иду съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Останься, я умоляю тебя!... Это Травенти!... Ты знаешь, Алессандро Травенти, одинъ изъ секундантовъ князя во время дуэли въ Вокрессонѣ!... Ты, я полагаю, не имѣешь особеннаго желанія встрѣчаться съ нимъ... Я скоро отдѣлаюсь отъ его визита.

Не дожидаясь отвѣта, она побѣжала къ замку.

— Полчаса терпѣнія, мой дорогой! Жди меня на морскомъ берегу.

Княгиня де-Карпенья бѣгомъ поднялась въ гору; на вершинѣ холма она обернулась и рукой послала поцѣлуй своему возлюбленному; скоро ея фигура скрылась въ густой платановой аллеѣ.

Марсель слѣдилъ нѣкоторое время за ея исчезавшимъ силуэтомъ, наконецъ, отворилъ калитку, выходящую въ поле, и направился къ мѣсту, назначенному для свиданія.

Наступала ночь и тѣнь, падавшая отъ утеса, заволакивала долину. На горизонтѣ солнце, погружаясь въ море, бросало зарево на золотистую поверхность океана и окрашивало пурпуромъ нависшія надъ нимъ тучи.

Марсель растянулся на берегу, любуясь закатомъ чуднаго дня. Невыразимая радость наполняла все его существо и душа его ликовала, упоенная блаженствомъ.

ХІ.

Вступивъ въ платановую аллею, Розина Савелли замедлила шагъ. Походка ея сдѣлалась тяжелѣе, молодая женщина остановилась въ сильномъ волненіи.

Пріѣздъ Травенти наполнилъ ея душу безпокойствомъ... Травенти! тотъ, который въ Лондонѣ назывался Марино... Товарищъ ея покойнаго мужа, его другъ и повѣренный! Что ему

надо? «*Il tempo stringe*», «время не терпит», было написано на разорванной карточкѣ гостя. Какое объясненіе дать этой загадкѣ? Дурное,—въ этомъ не могло быть сомнѣнія!...

Повернувъ голову, Розина опять посмотрѣла назадъ. Марсель направлялся къ морскому берегу: слава Богу! онъ не послѣдовалъ за ней... Онъ, любимый, удалялся веселою и легкою походкой... Любимый... о, да, слишкомъ любимый!.. И, быстро повернувшись, молодая женщина побѣжала къ нему...

— Нѣтъ, отбрось трусость, Розина! — Она медленно направилась къ замку. Вотъ уже видно высокое кирпичное зданіе. Княгиня де-Барпенья пошла скорѣе: въ открытыя окна за ней, можетъ быть, наблюдаютъ. — Я ничего не боюсь теперь!... Бояться? Да чего же, наконецъ? Я вдова, свободна, я любима и люблю.

Въ прихожей Розина спросила слугу:

— Давно пріѣхалъ этотъ господинъ?

— Съ полчаса, ваше сіятельство. Онъ, повидимому, очень торопится; карета ждетъ его у ограды парка.

А, карета ждетъ его! Визитъ, значитъ, будетъ не долговъ: она съумѣетъ еще сократить его... Тѣмъ не менѣе, взявшись за дверную ручку, княгиня де-Барпенья остановилась въ нерѣшительности. Но лакей смотрѣлъ на нее; она замѣтила этотъ взглядъ и вошла въ комнату.

Въ гостиной сидѣлъ некрасивый, плохо одѣтый господинъ подозрительнаго вида. Онъ тотчасъ же всталъ и, поклонившись, сказалъ очень вѣжливо:

— Я приношу мое почтеніе къ ногамъ княгини.

Княгиня де-Барпенья съ перваго взгляда узнала эту фигуру съ длинною бородой и нерасчесанною гривой... Да, это онъ, человѣкъ, котораго она видѣла въ Лондонѣ, профессоръ музыки: противная обезьяна!

Онъ говорилъ по-итальянски; княгиня нарочно отвѣтила ему по-французски. Можетъ быть, она надѣялась сократить этимъ разговоръ.

— Здравствуйте, мосье Марино; я рада васъ видѣть.

Итальянецъ поклонился еще разъ и тоже заговорилъ по-французски, съ непріятнымъ акцентомъ.

— Свѣтлѣйшая княгиня не забыла, значитъ, имени ничтожнаго Марино? Вы наполняете гордостью мое смиренное сердце!

«Свѣтлѣйшая княгиня» не могла удержать гримасы отвращенія,—такъ этотъ человѣкъ казался ей противень и гадокъ; однако, стараясь быть любезной, она продолжала:

— Я не ожидала, что буду имѣть удовольствіе васъ видѣть.
 Марино усмѣхнулся, сверкнувъ бѣлыми зубами.

— Посѣщеніе неожиданное, но необходимое... Я пріѣхалъ за прекраснѣйшей изъ княгинь.

— За мной?

— Я сказалъ, за прекраснѣйшей изъ княгинь.

Молодая женщина, пораженная, отступила назадъ; итальянецъ приблизился къ ней.

— Барета ждетъ насъ,—продолжалъ онъ.—О! скромный экипажъ, недостойный такой знатной дамы, какъ вы!... Но въ Фека-нѣ я не нашелъ лучшаго. Первобытная страна, варварскіе экипажи.

Княгиня де-Барпенья чувствовала, что лишается сознанія; но она сдѣлала надъ собою неимовѣрное усиліе, чтобы казаться спокойною.

— Я не понимаю загадокъ, мосье; объяснитесь.

— Загадокъ? Да это ничуть не загадка... Ессо? Женевцы, а вмѣстѣ съ ними наши лондонскіе друзья сказали: первый актъ любовной комедіи конченъ; наша дива—вы, княгиня, восхитительно сыграли свою роль. О, да, княгиня, великолѣпно, поразительно, божественно!... Но это только прологъ. Теперь надо начинать второй актъ; занавѣсъ откроется съ другими декораціями: надо торопиться съ развязкой... Приготовляются ужасныя событія, ужасныя, ваша свѣтлость!

Веселый болтунъ остановился и, выпрямляя согнутую до сихъ поръ спину, продолжалъ:

— И вотъ они выбрали меня—счастливая судьба!—чтобы съѣздить за вами... Я, Марино, скромный Марино, удостоился чести быть вашимъ кавалеромъ, княгиня... какое счастье! Теперь ѣдемте скорѣе.

Онъ взявъ лежавшую на креслѣ шляпу и направился къ двери. Розина, блѣдная, какъ полотно, смотрѣла на него, не двигаясь съ мѣста.

— Я тщетно стараюсь понять васъ, мосье,—проговорила она, все болѣе и болѣе теряясь.

Итальянецъ вернулся въ гостиную и, попрежнему, улыбаясь, произнесъ слащавымъ тономъ:

— Вы не понимаете?... Вы... чудо ума, не понимаете!... Нѣтъ, нѣтъ, вы понимаете, ваше сіятельство; къ вамъ даже возвращается память! По цвѣту вашего лица я вижу, что память возвращается къ вамъ, вмѣстѣ съ совѣстью.

Онъ наклонился къ испуганной женщинѣ и прошепталъ съ при-
творно-тайнственнымъ видомъ:

— Помнишь ли ты, какъ поется во французскихъ романсахъ... Да, помните ли вы ресторанъ Артиди и князя Барпеня, гордаго вельможу, и маленькую Бэллу, въ красной юбочкѣ и съ букетомъ шиповника — совершенно такимъ, какой я замѣчаю у вашего корсажа, княгиня? Она была такая миленькая, — пѣла: «Libi-
ame ne lieti calici!» Хорошій голосъ, но недоставало школы. Ахъ! сколько огня было въ ея глазахъ; сколько страсти—въ рѣчахъ!... Помните вы, ваша свѣтлость: «Мнѣ двадцать два года и я краси-
ва. Хочешь отомстить за моего отца?... скажи, хочешь?... И я при-
надлежу тебѣ: я отдамъ тебѣ и душу, и тѣло!» И вотъ мы хотимъ отомстить за него, за отца, все также любимого. Слѣдовательно, дочь принадлежитъ намъ: и тѣло, и душа ея—наша собственность!

Бажное отчеканенное слово этого человѣка оскорбляло гордость бывшей уличной пѣвицы и вызывало въ ней тяжелыя воспомина-
нія. Она смущенно опускала голову подъ сарказмами этого грубаго человѣка. Но, наконецъ, она возмутилась и, собравъ остатки своей храбрости, иронически разсмѣялась.

— Старая исторія, милый мой! Бэллы нѣтъ, а княгиня де-Бар-
пеня свободна!... Прежде она была, можетъ быть, рабой мужа, те-
перь же свободна: ея мужъ умеръ.

— Увы, да!—печально замѣтилъ итальянецъ.—Онъ далъ се-
бя убить!... Умеръ благородный князь вслѣдствіе раны... въ Ра-
веннѣ... на моихъ рукахъ... призывая супругу въ послѣднюю ми-
нуту! Но супруга была далеко, въ Парижѣ, исполняя долгъ дочер-
ней мести; несмотря на горячее желаніе, она не могла присутство-
вать на похоронахъ. Да, умеръ il generoso vecchio! несомнѣнно
умеръ!... Но духъ его бессмертенъ, княгиня; подобно тѣни Нина,
въ оперѣ божественнаго Россини, онъ паритъ надъ этими мѣста-
ми, видитъ насъ, слышитъ, судить и говорить... и говорить вамъ,
княгиня: «берегись!»

— А, угрозы!... Я знаю, что вы способны убить меня. Я...

— Убить!... Хе, хе... Можетъ ли быть что-нибудь удивитель-
нѣе этого!... Но нѣтъ, успокойтесь; чтд бы ни случилось, въ Ро-
зиннѣ мы всегда пощадимъ дочь Савелли.

Дочь Савелли! Какимъ презрительнымъ тономъ произнесъ Ма-
рино эту фразу!... Влюбленная женщина, забывшая отца, опусти-
ла голову передъ оскорбленіемъ. Храбрость покинула ее; краснѣя
отъ гнѣва и стыда, она тяжело опустилась на кресло, не говоря
ни слова.

Снова овладѣлъ ею страхъ и отчаянныя мысли зашевелились въ душѣ. Она чувствовала, что гибнетъ, безвозвратно гибнетъ. Человѣкъ, который оскорбляетъ ее такъ въ теченіе четверти часа, не уйдетъ, не увеза съ собою своей добычи. Еще нѣсколько минутъ, и Марсель вернется: Марино скажетъ ему все—всю позорную исторію. Сколько гнѣва и отвращенія вызоветъ она въ порядочномъ человѣкѣ, одураченномъ такъ!... «Нѣтъ, Розина, тебя не защититъ ни улыбка, смиряющая гнѣвъ, ни губы, нѣжно смыкающія грозящія уста, ни поцѣлуи, осушающіе влажные отъ слезъ глаза. Тебя, недостойную, прогонитъ твой любовникъ. Ради него лучше бѣжать, бѣжать сейчасъ же. По крайней мѣрѣ, онъ не узнаетъ твоего грязнаго прошлаго; его иллюзія послѣдуетъ за отсутствующей и долго онъ будетъ вспоминать о тебѣ съ сожалѣніемъ».

Вотъ что говорила она себѣ, а, между тѣмъ, пораженная и уничтоженная, продолжала сидѣть, точно окаменѣлая; черезъ открытыя окна послѣдніе розовые лучи заходящаго солнца какъ бы прощались съ нею; легкій вѣтерокъ, поднявшійся съ моря, нѣжно ласкалъ ее своею свѣжестью... Господи! сколько тихаго счастья въ этомъ благословенномъ любовью уголкѣ!

Марино, между тѣмъ, развалился въ креслѣ и курилъ папиросу.

— Disgraziati poi!—произнесъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.—Съ женщинами напрасны всѣ расчеты человѣческаго ума! Вотъ женщина, отецъ которой былъ героемъ и умеръ мученикомъ. Кровь Сципіона Савелли взываетъ о мщеніи. Ба! его дочери нѣтъ дѣла до этого; красавица предпочитаетъ наслаждаться любовью!... И съ кѣмъ же?... Съ сыномъ убійцы!...

Розина мгновенно очутилась около него.

— Кто же толкнулъ меня въ этотъ позоръ, какъ не вы?... Кто же сказалъ: «заставь полюбить себя», какъ не вашъ Карпенья, мой низкій мужъ?

— Да, «заставь полюбить себя»; но онъ не сказалъ вамъ: «полюби его»... Вы не поняли его приказаній!

— Его приказаній?... Потому, что вы встрѣтили меня на улицѣ безъ куска хлѣба, вы вообразили, что я подлая, низкая тварь? Какая подлость!... «Заставь себя любить, нищая; повинуйся, такъ какъ мы тебя купили!» А я, несчастная, я полюбила!... Да, несчастная!

— Однимъ словомъ, мосье Родриго и мадемуазель Химена!—насмѣшливо замѣтилъ профессоръ.—Это трагедія, а не дѣйствительная жизнь!

— Вы угрожали сейчасъ,—продолжала Розина,—такъ убейте

меня! Да, убейте меня, такъ какъ я ненавистна, противна себѣ! Я возмущена; итальянецъ! Чего они хотятъ отъ меня, эти люди съ своими великими замыслами?... Злодѣи!... Да, эта чудовищная страсть, овладѣвшая мною и терзающая меня, эта страсть—дѣло вашихъ рукъ! Вы велѣли мнѣ играть любовью, а любовь побѣдила меня! Она охватывала меня медленно, неумолимо. А теперь я люблю! слышите вы... понимаете?—я люблю... люблю!...

— Довольно! Зачѣмъ такое безуміе?

— Зачѣмъ? А! да, зачѣмъ? Развѣ извѣстна кому-нибудь причина такихъ вещей? Злой рокъ, очарованіе, жребій, — моя судьба, конечно!... Зачѣмъ? Право, они смѣшаютъ меня своимъ зачѣмъ! Зачѣмъ, что любовь—зараза, никого не щадящая... Оттого, что опозоренная любя, я была бы еще презрѣннѣе—не любя... потому что мужъ осквернилъ меня, а любовникъ возвысилъ до своего сердца... потому что... потому что я люблю его, — вотъ и все!

Она упала въ изнеможеніи на стулъ, закрывъ лицо обѣими руками. Вдругъ она вздрогнула. Марино всталъ и разглядывалъ картину, висѣвшую на стѣнѣ. Это былъ портретъ графа Брута Бенара. Бывшій прокуроръ, въ судейской одеждѣ, пурпуровой тогѣ съ горностаевымъ мѣхомъ, былъ изображенъ во весь ростъ въ позѣ обличителя, публично произносящаго обвиненіе. Итальянецъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ на ненавистныя ему черты, потомъ спросилъ оскорбительно-ироническимъ тономъ:

— А графъ Брутъ... тоже раздѣляетъ вашу любовь?

Молодая женщина подняла голову съ испуганно-блуждающимъ взглядомъ; но Марино подскочилъ къ ней и рука его тяжело опустилась на руку Савелли. Грубымъ движеніемъ онъ заставилъ ее подняться и, сжимая ея руки, дотацилъ до картины. Она сопротивлялась; итальянецъ не выпускалъ ея рукъ.

— Смотри, — говорилъ онъ, — да смотри же, недостойная дочь!... Этотъ человѣкъ былъ такъ же одѣтъ, когда передъ нимъ поставили твоего отца съ незажившими еще ранами!... Онъ такъ же стоялъ, когда требовалъ смертнаго приговора твоему отцу, котораго пощадилъ смерть!... Онъ такъ же улыбался, когда добился растрѣянія твоего отца, котораго, на этотъ разъ, пули докончили!... Смотри, смотри, влюбленная красавица... или лучше, пожимай, эти руки, цѣлуй это платье... Можетъ быть, ты найдешь на немъ, преступная волчица, брызги крови Савелли!

И, стиснувъ шею несчастной женщины, онъ прижималъ ея губы къ полотну. Она въ бѣшенствѣ сопротивлялась, царапая ногтями безжалостнаго мучителя. Итальянка, дочь народа, проснулась въ ней.

— Негодяи! негодяи! Да, вы правду говорите: эта любовь постыдна!... Я волчица, я отцеубійца!... Негодяи!... Дѣлайте изъ меня что хотите, такъ какъ я продала себя... такъ какъ вы купили мое тѣло... мою душу и тѣло, дьяволы!... Я принадлежу вамъ... вся... вся!... Уведи меня... возьми меня отсюда; но скорѣе... скорѣе!... Пока онъ не вернулся, — онъ!... Если я увижу его, я не уѣду... я не въ силахъ буду уѣхать... я упаду мертвая къ его ногамъ!

Пальцы, сжимавшіе ее, разжались и Марино выпустилъ свою жертву.

— *Va bene!*—проговорилъ онъ.—Наконецъ-то я нахожу вновь мою княгиню! А теперь въ путь! Насъ ждутъ въ Парижѣ; ваша свѣтлость скоро узнаете, какую славную миссію вамъ назначаютъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы поднять упавшую на полъ вѣтвистую косынку, и, подойдя къ княгинѣ де-Карпенья, замѣтилъ, что несчастная женщина плачетъ.

— Не плачьте, дорогая синьора; вы надрываете мнѣ душу! Не плачьте такъ горько! Вы увидите вашего *giovinotto*... и скоро, увѣрю васъ.

— Никогда!... никогда!...—отвѣтила Розина, рыдая.

— Да! да! вы увидите его, вашего возлюбленнаго; я ручаюсь вамъ.

Розина съ отвращеніемъ отступила назадъ и, оглядѣвъ Марино съ головы до ногъ, повторила:

— Никогда!... слышите? Ищите другихъ для вашихъ преступныхъ дѣлъ!... Но не его! О, не его!... Я не хочу его видѣть... никогда, никогда!

— Ба!—произнесъ итальянецъ, улыбаясь,—клятва влюбленныхъ то же, что зарокъ пьяницъ!... Между прочимъ, вотъ прощаніе по всѣмъ правиламъ.

Онъ вынулъ изъ кармана заранѣе приготовленное письмо и положилъ его на столъ въ гостиной.

— *Presto e vivace!*—воскликнулъ онъ.—Поѣзда не ждутъ, а честь еще менѣе.

Онъ предложилъ руку несчастной женщинѣ, но та презрительно оттолкнула ее.

Блѣдная, какъ полотно, она переступала порогъ, когда взглядъ ея упалъ на приколотую къ корсажу вѣтку шиповника. Страстнымъ движеніемъ она схватила ее, поднесла къ губамъ и долго-долго цѣловала; затѣмъ побѣжала и положила ее около письма.

Марино слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Carisco! — проговорилъ онъ притворно-взволнованнымъ тономъ. — Дорогое и сладкое воспоминаніе! Счастливыи молодой человѣкъ!

Не отвѣчая ни слова, Розина съ сухими глазами, точно стяхнувъ съ себя воспоминанія прошлой любви, выбѣжала изъ дома. Скоро карета уносила ее на встрѣчу неизвѣстному. Когда черезъ полчаса Марсель вернулся въ замокъ, въ гостиной было темно и пусто; принесли лампы и онъ увидѣлъ на столѣ адресованное ему письмо. Охваченный безпокойствомъ, онъ разорвалъ конвертъ и вскрикнулъ отъ удивленія.

Письмо заключало только двѣ строчки:

«Она думала, что любить васъ: она васъ не любила. Забудьте, такъ какъ все на свѣтѣ забывается».

Никакой подписи.

Марсель Бенаръ читалъ и перечитывалъ это грубое письмо; онъ не понималъ, не хотѣлъ понимать. Наконецъ, онъ позвалъ лакея.

— Гдѣ же княгиня?

— Княгиня уѣхала.

— Одна?

— Нѣтъ, съ господиномъ, который дожидался ихъ.

— Сказала она, куда ѣдетъ?

Никто изъ прислуги не могъ отвѣтить.

— Все равно!... Запрягайте скорѣе!... Я съумѣю догнать ее!

Оставшись одинъ, Марсель опять взялъ анонимную записку, и тогда замѣтилъ вѣтку шиповника, уже увядшую и казавшуюся такою же поблекшею, какъ и его несчастная любовь. Марсель злобно расхохотался, схватилъ цвѣты, смялъ ихъ въ рукахъ, бросилъ лепестки на полъ и растопталъ ногою.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, комедіантъ!... Вотъ какъ я поступаю съ твоимъ воспоминаніемъ!... А! какое счастье, что я свободенъ!... Наконецъ-то!

Но въ ту же минуту въ глазахъ его потемнѣло, колѣни подкосились и онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

ХІІ.

Настала зима, окутавшая Парижъ туманомъ и скукою. Въ эту ночь шелъ дождь. Въ родовомъ отелѣ Бенаровъ, въ Бретейльскомъ предмѣстьѣ, Марія-Анна поздно вечеромъ сидѣла около больного отца.

Какъ постарѣлъ графъ Бенаръ! Въ одинъ годъ сторбилась его прежде гордая и прямая фигура; сѣдые волосы порѣдѣли, лицо покрылось красными пятнами, около угловъ рта образовались глубокія складки—признакъ дряхлости. Болѣзнь его обострилась, обмороки повторялись чаще и докторъ уже не скрывалъ своего безпокойства. «Особенно устраняйте отъ него, — говорилъ онъ, — слишкомъ сильныя волненія, — я опасуюсь какой-нибудь катастрофы». Несчастливая Марія-Анна сдѣлалась заботливою сидѣлкой и самоотверженно ухаживала за больнымъ отцомъ.

Старикъ лежалъ на кушеткѣ, съ закрытыми глазами и сложенными на груди руками. Казалось, что онъ спитъ, но по блѣдности его лица и неподвижности можно было подумать, что онъ успокоился вѣчнымъ сномъ. Бѣдная Марія-Анна тоже измѣнилась; ея худое лицо еще больше осунулось, а впадины на блѣдныхъ щекахъ свидѣтельствовали о бессонныхъ ночахъ и дняхъ, полныхъ слезъ. Въ костюмъ не осталось и признаковъ прежняго наивнаго кокетства, ни ленточки въ волосахъ, ни цвѣтка у корсажа; она носила черное шерстяное платье, точно трауръ по погибшему возлюбленному. Молодая дѣвушка сидѣла у рояля и изъ-подъ ея бѣглыхъ пальцевъ вылетали звучныя модуляціи. Она выбрала изъ произведеній Шопена любимое ея отцомъ ноктурно.

Два легкіе удара въ дверь заставили вздрогнуть молодую дѣвушку: она сразу умолкла. Дверь приотворилась и на порогъ появилась взволнованная фигура Филомены.

— Мадемуазель!

— Что вамъ надо, милая моя?

— Мадемуазель!... Гости!...

— Такъ поздно?

Марія-Анна задрожала; внезапно охватившее волненіе лишило ее голоса.

— Гости! — повторяла служанка. — Вы непременно должны выйти!

Графъ Бенаръ открылъ глаза.

— Поди, дитя моя, и вернись сказать мнѣ, что это за странный визитъ.

Марія-Анна вышла, а больной продолжалъ свои прерванные рѣзы... Онъ слышалъ въ домѣ какую-то суматоху... шумъ головъ — голосъ дочери и еще чей-то другой... Шаги раздавались на лестницѣ... въ корридорѣ... дверь робко отворилась: вошелъ барсель.

Графъ Бенаръ не шевельнулся.

— Вы?—произнесъ онъ равнодушно.—Вы, значить, вернулись? Не приближаясь, молодой человекъ смиренно опустился на одно колѣно.

— Отецъ, простите меня!... Я такъ страдалъ!

Никакого отвѣта; онъ продолжалъ:

— Простите меня, отецъ!... Я страшно оскорбилъ васъ; я хотѣлъ заставить васъ согласиться на недостойный для меня бракъ, дать ваше имя низкой женщинѣ, ввести ее въ вашъ домъ, въ вашу семью! Но я страданіями искупилъ свою вину!.. Простите меня!

— Отецъ!... О, отецъ!—умоляющимъ голосомъ шептала Марія-Анна.

Графъ Бенаръ приподнялъ немного голову.

— А сколько времени назадъ вы покинули Сассевильскій замокъ?

Марсель задумался на минуту, затѣмъ заговорилъ медленно, съ разстановкой:

— Да, я долженъ былъ раньше упасть къ вашимъ ногамъ, моля о прощеніи: я не смѣлъ, я... Нѣтъ, я лгу... я не хотѣлъ!... Мое безуміе не кончилось еще тогда! Отъ меня бѣжали—я хотѣлъ догнать, отъ меня скрывались—я преслѣдовалъ! Я объѣхалъ Францію, объѣхалъ Италію, искалъ вездѣ... Я ничего не нашелъ!... А теперь страсть умерла, безуміе миновало! Отецъ, простите меня!... Я такъ страдалъ!

Марія-Анна чисто-дѣтскимъ движеніемъ тоже опустилась на колѣни.

— Отецъ!... О, отецъ!—повторяла она, не находя другихъ словъ для мольбы.

— Если я осмѣлился явиться къ вамъ,—продолжалъ Марсель,—то лишь потому, что желалъ проститься. Я не могу оставаться въ Парижѣ, если вы не смягчите вашего гнѣва! Моя жизнь разбита; надо создать себѣ новую душу. Я хочу уѣхать. Я просилъ, чтобы меня назначили въ какое-нибудь дальнее консульство, все равно, только дальше, дальше... туда, гдѣ исполненіе долга возвратило бы мнѣ гордость... Смѣю я просить васъ, отецъ, поддержать мою просьбу?

Графъ Бенаръ опустилъ глаза на умоляющаго сына.

— Хорошо... я поговорю съ министромъ.

Марсель поднялся и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Маріи-Анны.

Лежа на кушеткѣ, графъ Бенаръ слышалъ, какъ онъ уходилъ, медленно, очень медленно... спускался съ лѣстницы, оступаясь на

каждой ступени... Онъ не остановился въ первомъ этажѣ; вотъ въ уже въ прихожей, вотъ направляется къ выходу, къ улицѣ: къ езвзвратной, можетъ быть, разлукѣ... Вдругъ старикъ вокочилъ, подбѣжалъ къ двери и съ силой распахнулъ ее настешь.

— Марсель!

Шаги остановились.

— Марсель! Марсель!...

И сынъ прибѣжалъ: отецъ протягивалъ ему руки. Марсель съ езуною радостью бросился въ объятія отца... Оба молчали и долго тояли, обнявшись.

XIII.

Въ комнатѣ Марселя весело трещалъ огонь въ каминѣ и изъ-подъ абажура лампы распространялся пріятный свѣтъ. Марсель поцѣловалъ Марію-Анну въ лобъ и ласково сказалъ ей:

— Уйди, милая, я усталъ и попробую заснуть.

Наконецъ-то онъ одинъ! Какое счастье, что онъ можетъ отдохнуть тѣломъ и забыться душой!...

Какъ мила его холостая комната! Все стоитъ въ ней на своемъ мѣстѣ и все въ большомъ порядкѣ, даже разбросанныхъ на письменномъ столѣ бумагъ не тронули... Дорогая сестра!

Марсель поднялся и медленными шагами обошелъ комнату. Всюду привѣтствовали его знакомые предметы. Прежде всего, блестящая коллекція оружія, которую онъ составилъ съ тщательностью хуцожника: панцыри и щиты, шлемы и латы съ отдѣлкой чернью эпохи Возрожденія; новѣйшія оружія: мушкеты, шпаги, пистолеты...! вотъ тѣ, которыми въ Вокрессонѣ... Марсель схватилъ ихъ и бросилъ въ шкафъ... Затѣмъ онъ сталъ разсматривать акварели, украшавшія стѣны: незамысловатыя, но задушевные произведения бѣдной Маріи-Анны, воспоминанія всѣхъ хѣстранъ, которыя они объѣхали вмѣстѣ. О, счастливое время!... Вотъ нормандскій пейзажъ, Сассевильской паркъ, видъ на Дальское ущелье, конецъ платановой аллеи, то мѣсто, гдѣ... Онъ закрылъ глаза и перевернулъ картину къ стѣнѣ. Ахъ! зачѣмъ преслѣдуютъ его эти ненавистныя воспоминанія и здѣсь, куда онъ бѣжалъ отъ нихъ?... Нѣтъ, лучше углубиться въ чтеніе, и Марсель направился къ библіотекѣ.

Тутъ были любимые поэты, утѣшители страждущихъ сердецъ, дающіе облегченіе тѣмъ ранамъ, которыхъ нельзя исцѣпить: вотъ глава всѣхъ, Шатобрианъ, первый изслѣдователь глу-

бины современной души, несравненный художникъ, вотъ другіе гении съ неравнымъ творчествомъ: Викторъ Гюго и де-Виньи, Мюссе, растрavляющій страданіе, Ламартинъ, успокаивающій его, дальше рядъ новыхъ знаменитостей: Банвиль, умѣющій иногда встать грустную ноту въ свой улыбающійся стихъ, Леконтъ де-Лилль, страстный хулиатель безсилія боговъ...

Въ нимъ протянулъ Марсель руку, но она встрѣтила иностранца итальянца Данта. Въ его рукахъ книга открылась сама собою:

«Любовь быстро охватываетъ благородныя сердца... Любовь не щадитъ ни одного любящаго созданія... Любовь ведетъ къ одной смерти...»

Марсель захлопнулъ книгу.

Да, да, онъ слишкомъ хорошо помнилъ это! Сколько разъ обнявъ ея стройный станъ и поддерживая на плечѣ склоненную головку, онъ читалъ эти стихи, читалъ съ «ней»!... Съ ней, съ той!... Онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

Ахъ, да, «та»!... Онъ и не думаетъ о ней больше! Стертый образъ... исчезнувшій призракъ... пепель, навсегда потухшій!... «Она»!... И взрывъ полнаго ненависти хохота раздался въ ночной тишинѣ.

Усталость одолевала Марсея, онъ легъ и потушилъ лампу. Наконецъ-то онъ заснетъ! Тяжело опустилась голова на подушку: онъ спалъ... Но вдругъ онъ просыпается... садится... смотреть. Острая боль пронизала все его существо... Это «она»!... Стертый образъ... исчезнувшій призракъ... пепель, навѣки потухшій!... «Она»!... Опять она!

Тьма была непроницаемая и на дворѣ бушевала декабрьская вьюга. Марсель судорожно поднялся, не смотря въ лицо призрака преслѣдовавшаго его и днемъ и ночью, и воскликнулъ:

— Ты! Я съумѣю тебя найти, и тогда... тогда... Ты сама сказала: «когда любовница обманываетъ, ее убиваютъ!»

XIV.

Окончился декабрь, холодный и свѣжый, но полный шумныхъ празднествъ точно обезумѣвшей отъ веселья столицы имперіи. 1858 годъ начался подъ звуки скрипокъ польками и кадрилими. Празднества не прерывались въ чиновничьемъ мірѣ, балы слѣдовали за балами въ Тюльери и въ министерствахъ. Каждый вечеръ въ лихорадочно-возбужденномъ городѣ поднимался громкій гулъ отъ шумнаго веселья: шелестъ платьевъ, носящихся въ вальсѣ, любезныя

юмплименты, нашептываемые на ухо, звонкій смѣхъ, вылетающій изъ-за вѣровъ. Давно, цѣлое столѣтіе, пожалуй, Франція столько же веселилась, не занималась такъ танцами, ужинами, любовью. [а, все для веселья! Жизнь такъ коротка, а имперія такъ непрочна!

Но въ то время, какъ шумный Парижъ утопалъ въ весельи, тогда подъ звуки оркестровъ изящные кавалеры охватывали таліи молодыхъ красавицъ, въ отелѣ Бретейльскаго предмѣстья жизнь была однообразно. Дни смѣнялись днями, такими же мрачными, какъ и предыдущіе.

Рѣзкая перемѣна произошла въ характерѣ Марселя Бенара. вѣтскій молодой человекъ, изящный виверъ превратился въ молодое, почти дикое существо. Онъ не принималъ участія въ зысканныхъ ужинахъ, не посѣщалъ кулисъ театровъ, наполненныхъ легко доступными красавицами, не проводилъ ночей въ блузахъ за картами. Что сдѣлалось съ виконтомъ Бенаръ, великосвѣтнимъ кавалеромъ, дирижеромъ танцевъ, котораго оспаривали другъ друга хозяйки баловъ? Онъ сдѣлался нелюдимымъ и понемногу тывкалъ отъ общества; онъ отказывался отъ приглашеній. Онъ же не явился на первый «понедеѣльникъ императрицы», — важное нарушение этикета... Огорченный и встревоженный отецъ дѣлалъ ему иногда ласковые выговоры, но Марсель въ отвѣтъ только слегка пожималъ плечами.

За то онъ работалъ безъ усталы. Благодаря ходатайству отца, его долгое отсутствіе въ государственномъ совѣтѣ было прощено. Получивъ легкій выговоръ отъ краснорѣчиваго Бароша, виконтъ Бенаръ принялся за свои обязанности аудитора, онъ аккуратно являлся теперь на засѣданія и сдѣлался ревностнымъ оладчикомъ. Каждое утро, около одиннадцати часовъ, Марсель приходилъ во дворецъ д'Орсэ и направлялся въ залу засѣданій—линную торжественную залу, украшенную громадными картинами, прославлявшими доблести прежнихъ членовъ магистратуры, шилля де-Гарле, красиво падающаго подъ кинжалами лиги, Матье Юле, волочащаго свою незапятнанную горностаевую мантию по ариадамъ Фронды... Въ комитетѣ часто происходили удивительныя пренія: говорилъ горячій Маршанъ, маленькій совѣтникъ, колстенькій, красный, умный и острый, съ большими глазами, прикрытыми очками, впрочемъ, большой фантазеръ, почти ересіархъ въ этомъ святилищѣ администраціи; ему возражалъ невозмутимый Булатинье съ торжественными манерами и оракульскими изреченіями, изливающій все свое презрѣніе на новшества, защищаемыя его коллегой. Марсель, какъ простой аудиторъ, не могъ принимать

участія въ этихъ спорахъ, но въ маленькихъ засѣданіяхъ онъ частію читалъ доклады. Онъ сдѣлался превосходнымъ чиновникомъ. Президентъ Бюде, человѣкъ вообще непривѣтливый, чувствовалъ нѣжную симпатію къ такому дѣльному молодому человѣку. Онъ угадывалъ въ немъ геній юриста и предсказывалъ блестящую карьеру «Э! э! маленькій Бенаръ носить въ сердцѣ священный огонь! Какимъ прекраснымъ докладчикомъ онъ будетъ современемъ! Далекъ пойдетъ этотъ молодой человѣкъ».

Пока онъ нигуда не шелъ или, вѣрнѣе, шелъ только туда, куда его влекла причудливая фантазія. Съ наступленіемъ сумерокъ, по окончаніи присутствія въ государственномъ совѣтѣ, Марсель Бенар выходилъ въ числѣ послѣднихъ и всегда одинъ. Тогда начинался его прогулка. Вдоль набережной Сены онъ углублялся въ мрачныя пустынные улицы, ведущія къ Гренеллю. Январскій морозъ щипалъ ему лицо, снѣжный вихрь засыпалъ его хлопьями, а онъ ничего не чувствуя, шелъ все дальше и дальше быстрыми и ровными шагами. Иногда онъ наклонялся надъ рѣкой, точно прислушиваясь къ журчанію бѣгущихъ льдинъ.

Дойдя до Іенскаго моста, онъ переходилъ черезъ рѣку и останавливался передъ темною массой Трокадеро. Этотъ пустынный уголокъ Парижа, пользовавшійся въ то время плохую репутаціей былъ загроможденъ безформенными скалами, поросшими чахлымъ деревьями и плохенькими кустарниками. Здѣсь Марсель останавливался, опускался въ изнеможеніи на скамейку и сидѣлъ не двигаясь, точно намагнетизированный. Глаза его устремлялись на высоты Пасси и онъ смотрѣлъ, какъ въ предмѣстьи постепенно загорались огоньки въ вечернемъ туманѣ. Потомъ онъ вдругъ вскакивалъ, бѣжалъ и, задыхаясь, возвращался домой. Отецъ при видѣ его печально качалъ головой, Марія-Анна вытирала слезы. Онъ же ничего не замѣчалъ и являлся къ обѣду или болѣзненно-веселымъ, или подавленно-молчаливымъ.

Разъ вечеромъ онъ, однако, переступилъ глушь Трокадеро и дошелъ по берегу Сены до первыхъ домовъ Отейля. Осмотрѣвши въ незнакомой мѣстности, онъ началъ подниматься на холмъ Буленвилль и повернулъ направо. Передъ нимъ открылась тѣнистая аллея, съ дачами по сторонамъ—Садовая улица, извивающаяся между деревьями и заборами. Почти вначалѣ аллеи возвышался павильонъ въ стилѣ Людовика XVI, хорошенькій загородный домикъ, служившій, вѣроятно, для любовныхъ свиданій. Марсель замедлилъ шаги и, наконецъ, остановился, не сводя глазъ... Здѣсь

скрывалась она прошлою весной... «она»... «та»... Здѣсь они обмѣнялись первыми поцѣлуями!...

Домъ казался пустымъ, мертвымъ, подобно ихъ несчастной любви. Двери были заперты, ставни закрыты; ни шума, ни свѣта. На всемъ лежала печать запустѣнія и таявшій на крышѣ снѣгъ падалъ капля за каплей, точно слезы...

О! какъ хорошо зналъ Марсель это проклятое жилище... Вотъ обвѣтная плющемъ стѣна, которую онъ осмѣлился перелѣзть разъ вечеромъ—въ первый вечеръ, когда Розина отдалась ему почти безъ сопротивленія. За стѣной большая лужайка, обросшая кругомъ сиренью. Какіе упоительные ароматы неслись изъ сада въ ту майскую ночь, полную весеннихъ благоуханій! И съ какимъ трепетомъ въ сердцѣ, украдкой пробирался Марсель по цвѣтущему газону!... Въ нижнемъ этажѣ, въ гостиной была открыта балконная дверь. Лампа озаряла комнату матовымъ свѣтомъ. Тутъ засталъ онъ Розину. Какъ хороша она была въ своемъ вдовьемъ нарядѣ, съ книгой на колѣняхъ, съ устремленнымъ въ пространство взглядомъ и съ душой, уносившейся въ даль!... Онъ вошелъ. Розина вскрикнула и поднялась... блѣдная. «Вы!... Вы!..» Онъ схватилъ ея руки, обхватилъ ея станъ, желая насильно поцѣловать.

Она сопротивлялась, откидывалась назадъ. «Оставьте меня!... Нѣтъ... нѣтъ... изъ жалости оставьте меня!» Но, наконецъ, она воскликнула: «Ахъ, злой!... Ахъ, дорогой!...» Затѣмъ молчаніе, звукъ поцѣлуевъ... Три мѣсяца блаженствовали они такъ, скрывая свою любовь; каждый вечеръ она отпирала балконъ, и Марсель робко прокрадывался на свиданіе... А теперь... теперь... О, тварь! обманщица! низкая кокетка!...

Въ одинъ прыжокъ Марсель очутился около дома и началъ громко ударять молоткомъ въ ворота. Глухо отдавались удары, вдали повторило ихъ эхо; но ничто не пошевелилось въ запертомъ домѣ. Еще! еще!... Никого!... Она, значитъ, покинула Парижъ! Уѣхала, исчезла навѣки!

«О, какъ я жалокъ!»—прошенталъ Марсель, протягивая руку съ угрожающимъ жестомъ.

Да, дѣйствительно, жалокъ былъ этотъ несчастный, одержимый безумною любовью: уже двадцать разъ онъ напрасно стучалъ у дверей этого безмолвнаго дома и на слѣдующій день приходилъ опять взглянуть на него.

Но на этотъ разъ домъ имѣлъ жилой видъ: ставни были открыты, огни мельгали въ каждомъ этажѣ. Кто же скрывался за

его стѣнами? Какъ и наканунѣ, Марсель подбѣжалъ къ подъѣзду и ударилъ молоткомъ. Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія пріотворилась форточка, сдѣланная въ воротахъ, и грубый голосъ спросилъ:

— Что надо?

Имя княгини де-Барпинья готово было сорваться съ губъ молодого человѣка, но онъ не рѣшился произнести его и робко спросилъ:

— Кому принадлежитъ этотъ домъ?

— Барону Ла-Шене,—произнесъ голосъ и форточка сейчасъ же захлопнулась.

Марсель, пораженный, продолжалъ стоять передъ запертою дверью... Ла-Шене! Онъ, значитъ, купилъ домъ? Но, вѣдь, тогда онъ долженъ былъ видѣть Розину, разговаривать съ ней!.. Ахъ, если бы можно было его спросить! Марсель постучалъ опять.

Но на этотъ разъ никто не отвѣтилъ. Въ концѣ аллеи показались люди, привлеченные, вѣроятно, шумомъ; Садовая не была на этотъ разъ такъ пустынна, какъ наканунѣ.

На, отейльской церкви часы пробили семь. Отдаленный звонъ ихъ привелъ Марселя въ себя.

Отецъ, Марія-Анна ждутъ его... Онъ быстро направился къ Парижу.

XV.

Начиналась рѣзкая изморозь, когда Марсель достигъ Бретейльскаго предмѣстья. Въ этотъ ненастный вечеръ въ глухихъ кварталахъ Марсова поля онъ не нашелъ экипажа и пришелъ пѣшкомъ. Предмѣстье, слабо освѣщенное нѣсколькими отдаленными другъ отъ друга фонарями, было почти пусто въ этотъ поздній часъ. Каждый спѣшилъ домой; въ туманѣ быстро мелькали удалявшіяся тѣни послѣднихъ прохожихъ.

Передъ отелемъ графа Бенара на скамейкѣ сидѣлъ человѣкъ; онъ спалъ, повидимому, опустивъ голову и согнувъ спину, уже покрытую инеемъ: вѣроятно, какой-нибудь уличный бродяга. Марсель прошелъ мимо и хотѣлъ уже позвонить у подъѣзда, когда услышалъ свое имя.

Въ то же время, спавшій человѣкъ всталъ и приблизился къ нему.

— Господинъ виконтъ?

— Я.

— Я зналъ, что васъ нѣтъ дома, и ждалъ вашего возвращенія.

Марсель взглянулъ на человѣка, обладавшаго такими точными свѣдѣнiями: передъ нимъ стоялъ мужчина лѣтъ сорока, съ черною бородой и косматыми волосами, въ костюмѣ парижскаго комиссiонера, въ синей бархатной курткѣ и мѣховой фуражкѣ.

— Что вамъ надо, любезный?

— Господинъ виконтъ, я принесъ вамъ маленькiй сувениръ.

— Сувениръ?—повторилъ Марсель, пораженный странными словами.

— Да; носылку отъ г. Лазаря.

— Я не знаю никакого г. Лазаря.

— Да, но онъ васъ хорошо знаетъ.

Марсель продолжалъ наблюдать за посылнымъ. Гдѣ видѣлъ онъ это лицо? Память не подсказывала никакого имени, а, между тѣмъ, онъ навѣрное встрѣчалъ эту густую бороду и всклокоченные волосы. Гдѣ же?... На какомъ перекресткѣ?... У дверей какого ресторана?... Очевидно, иностранецъ,—выговоръ выдавалъ его при каждомъ словѣ,—корсиканецъ, можетъ быть, итальянецъ... Безумныя мысли начинали осаждать Марсея, сильное волненiе охватывало его.

— Войдите ко мнѣ,—сказалъ онъ.

Тотъ загородилъ ему дорогу.

— Не стѣить входить, господинъ виконтъ... Вы сейчасъ же выйдете сами!

И онъ прибавилъ, подавая завязанную коробку:

— Извольте!.. Вотъ успокоенiе для вашего сердца!

Эта фраза была произнесена такимъ страннымъ тономъ, что Марсель вздрогнулъ... Успокоенiе для его сердца! а что это за сантиментальный чудакъ, такъ хорошо угадавшiй его чувства?... Сильно заинтересованный, онъ протянулъ руку и сказалъ:

— Я не люблю дурныхъ шутокъ и ношу всегда палку для подобныхъ шутниковъ... Теперь давайте.

Онъ взялъ коробку, приблизился къ фонарю и съ силой рванулъ шнурокъ; развернувъ бумагу, онъ увидѣлъ деревянный ящичекъ, тщательно запечатанный. Печать отлетѣла, Марсель открылъ и вскрикнулъ.

На днѣ ящичка лежалъ увядшiй букетъ шиповника.

Склонивъ голову надъ пожелтѣвшими цвѣтами, Марсель старался понять... Дикая роза!... шиповникъ!... цвѣтокъ, которымъ украшала себя «та» женщина! Эмблема ея имени, говорила она! Предлогъ для ея громкихъ фразъ!...

И влюбленный юноша видѣлъ передъ собой недавнее прошлое,

ясно представлялъ себѣ Сассевильскій замокъ, густую тѣнь его платановъ, высокую стѣну, обвитую зеленью, кустъ шиповника и среди колючеѣ пожелтѣвшей листвы запоздавшія розы, расцвѣтшія подъ послѣдними лучами осенняго солнца.

А тамъ, на золотисто-пурпуровомъ фонѣ, выдѣляется граціозная и воздушная фигура его возлюбленной; она идетъ къ цвѣтущему кустарнику, срываетъ запоздавшія розы, цѣлуетъ ихъ и протягиваетъ ему: «Возьми эти цвѣты, Марсель, твоя Розина носить ихъ имя и, подобно имъ, душа ея дика... Въ минуты отчаянія, мой бѣдный другъ, если ты узнаешь когда-нибудь тоску, взгляни на нихъ, и когда тебѣ будетъ казаться, что ты уже нелюбишь, они скажутъ тебѣ, что ты любимъ еще...» О, воспоминанія живыхъ вл�твъ, живыхъ поцѣлуевъ! Какъ они мучительны, эти воспоминанія о безвозвратно утраченномъ счастьѣ!

Онъ чувствовалъ въ сердцѣ острую боль; это видѣніе теперь опьяняло его.

— Кто присылаетъ мнѣ это? — спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Я уже сказалъ вамъ: г. Лазарь.

— Гдѣ живетъ вашъ г. Лазарь?

— Я пришелъ, чтобы проводить васъ къ нему.

— Что ему надо?

— Онъ самъ вамъ сообщить.

Марсель стоялъ въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, не сегодня; приходите завтра.

Загадочная личность поначала головой и, принявъ торжественный видъ, сказала:

— Завтра будетъ поздно!... Г. Лазарь умираетъ и ужасная тайна тяготитъ его душу.

— А!... Начинаю понимать.

— Нѣтъ, вы ничего не понимаете, господинъ виконтъ! Идемте скорѣе.

Сынъ графа Бенара колебался; незнакомецъ наклонился къ нему:

— Вамъ хотятъ сообщить о «ней».

«Она!...» На этотъ разъ безуміе любви одержало верхъ надъ разсудкомъ.

— Идемте, — сказалъ Марсель. — Я слѣдую за вами.

Тотчасъ же они пустились въ путь. По площади проѣзжала пустая карета, они сѣли въ нее.

— Въ Монмартръ, — приказалъ незнакомецъ. — Плошадь Сень-Пьеръ, въ концѣ церковной улицы.

XVI.

Немощный переулочъ круто поднимался вверхъ между пустырями. Подножіе холма утопало въ туманѣ, разстилавшемся на площади Сенъ-Пьеръ, а вершина исчезала въ тѣни старинной Монмартрской церкви. Въ концѣ крутаго подъема находился только одинъ домъ, пятиэтажное зданіе съ обвалившеюся штукатуркой. Красноватые огоньки въ окнахъ нарушали кое-гдѣ мрачную темноту грязнаго притона.

— Ессо!—воскликнулъ человѣкъ, наблюдавшій до сихъ поръ за Марселемъ.—Мы пріѣхали. Спросите комнату синьоры Джуліи Негри: тамъ живетъ господинъ Лазаръ. Я же покидаю васъ; моя обязанность кончена.

И онъ началъ спускаться внизъ, оставивъ Марселя одного. Марсель безъ колебаній вошелъ въ домъ. Онъ очутился въ грязномъ и сыромъ корридорѣ, въ концѣ котораго подъ лѣстницей помѣщалась комната швейцара.

— Гдѣ комната госпожи Джуліи Негри?

Наклонившись надъ работой, швейцаръ чинилъ какіе-то лохмотья. При имени Негри онъ бросилъ свои доски и подошелъ къ посѣтителю.

— Вы пришли, вѣроятно, къ гражданину, тамъ наверху,—сказалъ онъ.—Не трудитесь подниматься, онъ, вѣрно, умеръ. Впрочемъ, пятый этажъ, въ корридорѣ, третья дверь налѣво.

Послѣ этого швейцаръ вернулся въ свою конуру и опять взялся за тряпье.

Марсель Бенаръ началъ подниматься по грязной лѣстницѣ, идущей крутою, узкою сниралью; нагорѣвшій огарокъ освѣщалъ первыя ступени; со второй же площадки начиналась непроницаемая тьма. Скоро онъ долженъ былъ остановиться: шаги его отяжелѣли, мысли еще больше.

Зачѣмъ онъ идетъ къ какому-то Лазарю? Спросить объясненія этой тайны? Какое безуміе! Ну, что-жь, пускай безуміе, но онъ хочетъ знать и узнаеть! Кто же прислалъ цвѣты, вызвавшіе столько воспоминаній? Что означаетъ этотъ букетъ шиповника? Выражаніе сожалѣнія, раскаянія? Желаніе увидѣться? Увидѣться! Смѣшно даже.

Онъ продолжалъ подниматься. Въ пятомъ этажѣ было совершенно темно. Марсель оцупалъ стѣну, но не нашелъ двери; тогда онъ наугадъ ударилъ нѣсколько разъ кулакомъ въ стѣну и, нагоняецъ, крикнулъ. Дверь тотчасъ же отворилась и пожилая женщина

со свѣчкой въ рукахъ выставила голову въ корридоръ. Старуха въ костюмѣ итальянской натурщицы, въ красной юбкѣ, бархатномъ корсажѣ, въ рубашкѣ изъ небѣленаго полотна, была, безъ сомнѣнія, сама Джулія Негри.

- Бого вы ищите, мосье?
- Синьору Негри.
- Я самая.
- Можно видѣть г. Лазаря?

Старуха сложила руки.

— Видѣть? Увы, скоро предстанетъ онъ передъ Богомъ!

Она остановилась на мнуту.

— Онъ зоветъ, кажется... Подождите, я сейчасъ вернусь.—

Старуха затворила дверь, Марсель остался въ потьмахъ. Смутный ужасъ, смѣшанный со стыдомъ, понемногу овладѣвалъ имъ. «Какъ! Неужели онъ хочетъ присутствовать при агоніи?... Бѣги же скорѣе, бѣги отсюда, смѣшной безумецъ! Не видишь ты развѣ, что тебя обманываютъ? Не понимаешь развѣ, что тебѣ подготовили какую-нибудь ловушку? Уходи скорѣе, сию минуту!» Между тѣмъ, онъ не трогался съ мѣста. «А что, если умирающій откроетъ тайну, — тайну, отъ которой зависитъ твой покой и твоя жизнь?» И во мракѣ сыраго корридора онъ ждалъ, прислушиваясь.

Наконецъ, появилась старуха и сдѣлала ему знакъ войти.

— Войдите, мосье! Radgone непременно хочетъ васъ видѣть...
Ma, oh, ma, il povero!

И словами, и жестами, и выраженіемъ лица, и всею своею итальянскою мимикой старуха показывала, что Лазарь очень плохъ. Она вѣжливо посторонилась, чтобы дать дорогу. Марсель вошелъ.

Низкая и грязная комната, гдѣ очутился Марсель, была пропитана какимъ-то смрадомъ. Потолокъ въ ней потрескался, сквозъ щели проглядывала крыша; въ ненастные дни снѣгъ и дождь заливали, вѣроятно, этотъ чердакъ. Все говорило о нищетѣ: обои, висящіе клочьями и покрытые плѣсенью, окно съ разбитыми стеклами, заткнутыми тряпьемъ, истертая подстилка на полу заросла грязью; безъ сомнѣнія, голодъ нерѣдко заглядывалъ въ это жилище... А, между тѣмъ, на полу лежалъ выцвѣтшій бархатный коверъ—странная роскошь среди этой грязи; можетъ быть, это было доказательство лучшихъ временъ или, скорѣе, трогательный знакъ вниманія Негри къ Лазарю, ея таинственному радгоне. Орѣховая кушетка, прикрытая стеганымъ одѣяломъ, служила постелью для больного; старуха же довольствовалась, вѣроятно, грязною подстилкой, брошенной въ углу.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной лампой съ абажуромъ, было почти темно. Около печки въ креслѣ дремалъ лысый и дряхлый старикъ; тяжелое, свистящее дыханіе его раздавалось въ тишинѣ, точно предсмертное хрипѣніе.

Скрипъ двери, повидимому, разбудилъ больного; онъ выпрямился и произнесъ слабымъ голосомъ:

— Подойдите ближе, г. виконтъ, подойдите, мой милый другъ; добро пожаловать!

Марсель подошелъ къ старику, взглянулъ и въ ужасъ вскрикнулъ:

— Вы!

Онъ узналъ князя де-Барпеня...

Беззвучный смѣхъ потрясъ тѣло больного.

— Да, — сказалъ онъ, — это я!... Смѣшное приключеніе, не правда ли?... Мертвецъ черезъ годъ выходитъ изъ гроба!... «Лазарь, проснись!» — и князь де-Барпеня встаетъ изъ мертвыхъ!... Садитесь, дорогой виконтъ, намъ надо поговорить... Чортъ возьми, вы смотрите на меня такъ же смущенно, какъ Донъ-Жуанъ на статую Командора!

Жестокій кашель, сопровождаемый удушьемъ, прервалъ его извительную рѣчь. Онъ протянулъ руку за питье, стоящимъ около кресла, и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Подвѣрженіе для умирающихъ, — произнесъ онъ. — Миланское лѣкарство, чудесное изобрѣтеніе знаменитаго Верги! Хотите попробовать?

Онъ опять засмѣялся своимъ беззвучнымъ замогильнымъ смѣхомъ.

— Вы, надѣюсь, извините, виконтъ, убожество этого жилища: я не могъ найти себѣ другаго. Впрочемъ, добрая старуха, пріютившая меня, хорошая женщина, моя соотечественница, и тоже обожаетъ нашу несчастную Италію... Да, моя милая Джулія, мы изгнанники, разсѣваемъ наши кости по всемъ странамъ, но дуновение вѣтра уноситъ наши души къ родинѣ; тамъ святая ненависть отцовъ вселяется въ дѣтей! Извините, господинъ парижанинъ, этотъ припадокъ лиризма, какъ выразился бы одинъ изъ великихъ сотрудниковъ вашихъ маленькихъ журналовъ. Увы, мы, страждущіе, всѣ лирики... Что я говорилъ такое?... Да, князь де-Барпеня не можетъ принять васъ во дворцѣ: онъ скрывается или, вѣрнѣе, умеръ. Во всякомъ случаѣ, Лазарь радъ васъ видѣть.

Онъ остановился на минуту, съ трудомъ наклонился къ Марселю и прошепталъ:

— Наша прекрасная Розина въ Парижѣ... Хотите видѣть ее? Марсель не могъ подавить жеста удивленія, но ничего не отвѣтилъ.

— О! я угадываю!—продолжалъ старикъ.—Я читаю даже въ глубинѣ вашего сердца. Вы говорите: какой чудакъ и негодяй князь де-Карпенья!... Вы ошибаетесь, милостивый государь! Моя честь, такъ какъ я ее понимаю, не хуже вашей, что же касается моей правдивости, то какое мнѣ дѣло, что могутъ подумать о ней господа буржуа вашей Франціи?... Кроме того, я не побезпокоилъ бы васъ такъ рано, я даже охотно подождать бы еще. Но смерть, съ которою я шутилъ, не хочетъ больше ждать. Она давить, душить меня: послѣдствія раны, извѣстной вамъ, — дѣло вашихъ рукъ, замѣчательный вы стрѣлокъ! За то передъ смертью я хотѣлъ осчастливить васъ... И такъ, наша прекрасная Розина въ Парижѣ. Скажите, хотите вы ее видѣть?

Припадокъ кашля повторился и пальцы князя протянулись за миланскимъ питьемъ. Марсель, пораженный такимъ цинизмомъ, слушалъ молча и въ волненіи: наконецъ-то онъ узнаетъ все!

Прошло нѣсколько минутъ и припадокъ опять утихъ. Старикъ хотѣлъ фамиллярно схватить молодого человѣка за руку, но тотъ уклонился.

— Какая чудная женщина наша прекрасная Розина!—продолжалъ князь де-Карпенья.—Богиня съ очами Венеры и волосами Юноны! Одарена блестящимъ умомъ, владѣетъ стихомъ лучше Де-зульера, пишетъ прозу, какъ Севиныи,—она прелестна!... Да, но очень бѣдна. Кто же теперь оплачиваетъ ея роскошь и украшаетъ ее брилліантами, какъ мадонну? О! не я, клянусь вамъ! Можетъ быть, вы, дорогой виконтъ?... Ради Бога, не теребите такъ вашу перчатку! Оскорбить умирающаго подлостью, а вы не подлець, по крайней мѣрѣ, я надѣюсь... Скажите, кто же содержитъ вашу Розину?

Каждое слово, произносимое очень тихимъ голосомъ, прерывалось кашлемъ, удушьемъ, долгимъ молчаніемъ, зловѣщимъ хихиканьемъ: это было отвратительно.

Несмотря на миланское питье, больной быстро слабѣлъ; рѣчь его становилась менѣе внятной, дыханіе прерывистѣе, скоро,—въ этомъ не было сомнѣнія,—послѣдній обморокъ скуетъ его держакія уста.

Невѣроятнымъ усиліемъ онъ собралъ всю свою энергію, какъ бы для послѣдняго нападенія.

— Годъ тому назадъ я умеръ для всего свѣта. Гнусное пове-

деніе моей вдовы не может коснуться меня въ могилѣ, гдѣ, по илѣнью всѣхъ, я нахожусь: моя честь мужа незапятнана!... Но вы, мосье, явный любовникъ этой женщины, вы, передъ всѣмъ Парижемъ, жившій съ ней, вы, хотѣвшій жениться на ней, вы, страдающій и убивающійся отъ ея измѣны... что намѣрены вы дѣлать?

Марсель Бенаръ поднялся, содрогаясь.

— Довольно!... Я не хочу понимать!

Старикъ выпрямился и, схвативъ его за руку, воскликнулъ:

— А! вы не хотите понимать?... Но вы, значить, ничего не знаете, невинный младенецъ... ничего! ничего!... Вы, значить, не знаете, какимъ позоромъ запятнано теперь ваше имя!... А!... Въ то время, какъ вы, несчастный глупецъ, бѣгали по Европѣ за этою женщиной, она спокойно жила въ Парижѣ... съ другимъ... новымъ любовникомъ... котораго любила на этотъ разъ!

— Имя этого человѣка!

— Ищите сами, дорогой мосье!... Какъ насмѣхались они надъ вами, безстыдные! Вы были для нихъ предметомъ шутокъ, остротъ, хохота!... Боже мой! Не имѣть тридцати лѣтъ и уже быть знаменитымъ *ratito*, Станарелемъ... О-о!... Вы не хотите понять, а въ эту минуту, въ то время, какъ я говорю съ вами, она на любовномъ свиданіи, ваша Розина!... Другому достаются ласки и нѣжныя рѣчи, другому расточаются поцѣлуи, другому... Какъ вы блѣдны, мой блѣдный вигонтъ! Скажите, вы все еще отказываетесь ее видѣть? Бойтесь... Ай, {пустите меня: мнѣ больно!

Въ безумномъ порывѣ Марсель бросился на князя и, схвативъ за плечи, съ ожесточеніемъ потрясъ его.

— Подлецъ!... Негодяй!... Да, ты сынъ твоей родины: не смѣешь самъ убить, и заставляешь другаго!

Но тотъ, не отвѣчая на оскорбленіе, продолжалъ:

— Нынче ночью... слышите?... свиданіе! Понимаете?... Въ Пасси!... Въ домѣ, извѣстномъ вамъ!... Идите же... бѣгите... да не забудьте оружіе!

Онъ, смѣясь и хрипя, впился ногтями въ стиснувшія его руки, которыя волочили его по комнатѣ.

— Оружіе!.. Убейте или васъ убьютъ!.. Пасси!.. Домъ... Садъ... Внизу... внизу... она, онъ... и... и...

Вдругъ онъ выпустилъ руки Марселя, вскрикнулъ и упалъ на полъ. На шумъ, произведенный паденіемъ, прибѣжала Негри, старожившая за дверью.

— Умеръ!—воскликнула она.—Умеръ благородный князь, святой мученикъ за родину!

Она стонала, жалобно причитала и въ отчаяніи обращалась съ вопросами къ безжизненному тѣлу.

— Зачѣмъ ты умеръ, не увидавъ своей родины? Отчего ты не дождался занимающагося дня, зари близкой свободы?

Съ помощью Марселя Бенара итальянка положила тѣло князя на коверъ, зажгла свѣчку и опустилась на колѣни. Онѣмѣвъ отъ ужаса, точно пригвожденный страшнымъ кошмаромъ, Марсель стоялъ, не смѣя уйти.

Итальянка взяла молитвинникъ и, ставъ на колѣни, начала читать молитвы.

«*Virgo clemens, Virgo virginum, ora pro nobis.*»

Князь де-Карпеня еще дышалъ, но сознание не возвращалось, хрипѣніе съ каждою минутой становилось слабѣе. Время шло: часы на Монмартрской церкви пробили одиннадцать. Въ комнатѣ умирающаго продолжали возноситься мольбы.

«Пресвятая Богородица! Великая Заступница! моли за насъ грѣшныхъ!»

Странное дѣло! Теперь при каждомъ воззваніи вытянутое тѣло шевелилось, руки конвульсивно вздрагивали, точно отъ гнѣва. Негри рѣзко оборвала свои молитвы... Угадали ли она?... Наклонившись къ умирающему, она подняла его голову и, точно кормилица у изголовья засыпающаго дитяти, заплѣла...

Она грустно пѣла популярный въ Италіи романсъ, пѣснь венеціанскаго веселья тѣхъ дней, когда Венеція могла веселиться: «*Mamma, Mamma!... Люби меня, люби меня!*»...

Вдругъ умирающій задвигалъ головой, открылъ глаза и губы его зашевелились.

— *Dio!* — прошепталъ онъ. — *Dio mio, tu patria!*

Затѣмъ голова его опустилась, изъ груди вырвался тяжелый вздохъ — все кончилось... Онъ былъ ужасенъ; открытый ротъ какъ будто еще смѣялся, большіе неподвижные глаза грозили еще, полныя ненависти.

Марсель въ ужасѣ выбѣжалъ изъ комнаты.

XVII.

Теперь Марсель шелъ все медленнѣе и медленнѣе. Дойдя до бульвара, онъ упалъ на скамейку, и сейчасъ же передъ нимъ всталъ призракъ умирающаго князя де-Карпеня съ блѣднымъ лицомъ, съ злобнымъ смѣхомъ. Марсель слышалъ хрипъ, скрежетъ зубовъ, паденіе тѣла и особенно послѣднія слова, отчеканенныя въ пред-

смертной агоніи: «Сегодня ночью... свиданіе... въ домѣ... Онъ... она!»...

Въ домѣ... въ отелѣ на Садовой?... Подмый Ла-Шене, конечно! Онъ!... А, развратница!

Проблески разума освѣщали на минуту мракъ его истерзанной души. «Зачѣмъ такъ скрывался старый Карпенья? Зачѣмъ мѣнялъ имя и въ теченіе года игралъ комедію? Да, зачѣмъ?»... «Все равно — отвѣчала страсть, — надо разъяснить эту тайну, но послѣ, завтра!... Онъ... она... вмѣстѣ... сегодня ночью!»

Марсель тяжело поднялся и пошелъ дальше. Спустившись по кварталу Мучениковъ, онъ скоро достигъ Монмартрскаго предмѣстья и улицы Лепелетье. Несмотря на то, что пробила полночь, на улицѣ было большое оживленіе. Налѣво сіяло огнями зданіе бывшей оперы: въ этотъ вечеръ, 13 января, тамъ давался большой костюмированный балъ—одно изъ благотворительныхъ увеселеній, когда подъ предлогомъ добродѣтельныхъ дѣлъ происходятъ вакханаліи.

Марселю Бенару пришла въ голову мысль взять на-прокатъ домино и броситься въ самый омутъ... Тамъ, конечно, можно забытья. Ахъ, забытья, погрязнуть душою и тѣломъ въ тинѣ разврата! Дождаться конца ночи! Увидать разсвѣтъ дня!... Нѣтъ!... Онъ вошелъ въ галерею.

Двойная галерея оперы была переполнена шумною толпой: тутъ были люди празднующіеся и уличныя женщины, почтенныя буржуа съ супругами, мужчины въ черныхъ фракахъ, молодые и старые, болтающіе непристойный вздоръ,—однимъ словомъ, смѣсь парижской глупости и порока. Маски ходили подъ руку, толкаясь, съ криками, гиканьемъ, пошлыми восклицаніями и насмѣшками: «веселый Парижъ» забавлялся. Всѣ рестораны, кондитерскія, костюмерныя и парфюмерныя магазины были отперты и продавцы сидѣли за прилавками.

Въ концѣ галереи около театра взгляды зѣвакъ привлекалъ оружейный магазинъ. Онъ также заманивалъ покупателей и группы ротозѣевъ любовались блестящею витриной, гдѣ сверкали сабли, шпаги, охотничьи ружья и карабины. На подставкѣ лежала груда револьверовъ. Марсель по примѣру другихъ остановился передъ выставкой, но только мелькомъ взглянулъ на нее и продолжалъ свой путь къ бульвару.

Снѣгъ падалъ хлопьями и метель вихремъ клубилась по улицамъ. Молодой человѣкъ повернулъ назадъ въ галерею. Передъ оружейнымъ магазиномъ толпа разошлась; онъ подошелъ и оста-

новился. Его большіе, широко открытые глаза пристально смотрѣли на оружіе.

Да, какъ хороши и какъ тонко сработаны эти маленькіе револьверы, настоящія игрушки! въ особенности одинъ съ ручкой изъ слоновой кости, который такъ блеститъ при свѣтѣ газа! О! эту крошечную вещицу легко унести въ карманъ и она достойна быть поднесенной извѣстной особѣ... «Я знаю, Марсель, узы болѣе неразрывныя, чѣмъ бракъ—смерть! Когда любимый человѣкъ обманываетъ, его убиваютъ».

Марсель быстро отошелъ и вдругъ остановился. Блестящее оружіе притягивало его; онъ вошелъ въ магазинъ. Хозяинъ направился ему на встрѣчу.

— Что вамъ угодно, мосье?

— Что стоить револьверъ... вотъ этотъ, съ ручкой изъ слоновой кости?

— Прелестная игрушка, мосье: система нашей фирмы. Посмотрите: предохранительный клапанъ, мягкій выстрѣлъ, никогда не можетъ быть осѣчки. Чудесный револьверъ!... Шестьдесятъ франковъ.

Марсель бросилъ на прилавокъ деньги и, взявъ притягивавшую его вещь, вертѣлъ ее въ рукахъ.

— Коробка патроновъ дается въ придачу,—замѣтилъ продавецъ.

— Не надо. Оставьте себѣ... А, впрочемъ, зарядите, пожалуй, револьверъ.

Оружейный мастеръ вложилъ патроны во всѣ шесть стволовъ.

— Извольте, мосье!... Гостинецъ для похитителей кошелека и любви!

Не улыбувшись даже этой шуткѣ, Марсель положилъ револьверъ въ карманъ и вышелъ. Нѣсколько секундъ купецъ слѣдилъ взглядомъ за удаляющеюся мрачною фигурой, потомъ вернулся за свой прилавокъ и, пожавъ плечами, сказалъ:

— Эхъ!... Еще мужъ!...

На бульварѣ проѣзжало нѣсколько пустыхъ экипажей; молодой человѣкъ позвалъ гучера.

— Десять франковъ на чай! Въ Пасси, въ началѣ улицы Буленвилье. Скорѣе!

Лошадь понеслась въ галопъ; полчаса спустя Марсель выходилъ изъ экипажа въ началѣ улицы. Несмотря на поздній часъ и пронизывающій холодъ, холмъ Буленвилье не былъ такъ пустъ,

какъ обыкновенно. Бое-гдѣ сновали, точно заблудившіяся въ этой сонной пустынѣ, человѣческія фигуры.

На углу Садовой стояла карета съ потушенными фонарями и таинственнымъ видомъ. Марсель взглянулъ на дверцу; на ней перекрещивались двѣ буквы—иниціалы Ла-Шене.

Обезумѣвъ отъ бѣшенства, Марсель бросился впередъ, ощутивъ въ карманѣ револьверъ. Метель утихла. Еще изрѣдка клубились въ воздухъ хлопья; но тающій снѣгъ и ледь образовали на узкомъ тротуарѣ грязныя лужи. На небѣ тяжело нависли тучи; минутами густая тьма окутывала улицу, иногда же пробивался блѣдный свѣтъ луннаго серпа и озарялъ мракъ. Тишина была подавляющая.

Домъ былъ запертъ, а, между тѣмъ, въ каждомъ этажѣ сквозь щели ставенъ сквозили полосы свѣта.

Увязая въ грязь, Марсель прошелъ вдоль стѣны парка. Онъ влѣзъ на уступъ и схватился обѣими руками за спускавшіяся внизъ вѣтви плюща. Въ эту минуту при свѣтѣ разсѣявшихся тучъ онъ различилъ въ концѣ улицы медленно ходившихъ назадъ и впередъ двухъ людей. Вдругъ они съ криками бросились къ нему.

Проклятіе! Его замѣтили!... Ба! слишкомъ поздно!... Усиліе— и онъ достигъ вершины стѣны, прыжокъ — и онъ очутился въ грабовой аллеѣ... Онъ всталъ, быстро перешелъ лужайку и, задыхаясь, остановился передъ ступенями балкона.

Ставни балконной двери были затворены, но за ними разговаривали, слышался шопотъ... звукъ поцѣлуевъ, можетъ быть... Марсель схватилъ обѣими руками ставни и съ силой рванулъ ихъ. Ставни отворились... ихъ не заперли на крючокъ... Въ комнатѣ раздавался легкій крикъ, затѣмъ внезапно наступила тьма: «они» потушили огонь...

Марсель всею своею тяжестью налегъ на дверь, стекла зазвенѣли, дверь распахнулась: она также не была заперта, и Марсель бросился впередъ. Принеожиданно ворвавшимся бѣловатомъ свѣтѣ онъ увидѣлъ тѣнь, пытавшуюся убѣжать. Марсель выхватилъ револьверъ, прицѣлился наугадъ и выстрѣлилъ.

Почти въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его схватили за плечи, повалили на полъ, чьи-то колѣни сдавили ему грудь, кто-то разжималъ его руки, кто-то вырывалъ оружіе. Онъ не сопротивлялся, не защищался, лежа въ оцѣпененіи, почти безъ чувствъ. Въ домѣ раздавался глухой шумъ, быстрые шаги, подавленные восклицанія, безмолвная суматоха, хлопанье парадной двери и затѣмъ шумъ удаляющагося экипажа.

Раздался громкій и ясный гласъ Ла-Шене: «Успокойтесь, господа... императоръ не раненъ». Императоръ!...

Наконецъ, комната освѣтилась, явились жандармы со свѣчами. Впереди шла княгиня де-Барпенья съ распущенными волосами, полудѣтая, блѣдная. Она подбѣжала къ лежавшему на полу, наклонилась посмотреть... Раздался пронзительный крикъ, крикъ раненаго звѣря.

— Ты!... О! негодя!... Они подослали Марсея!

Она тотчасъ же поднялась и, обратившись къ толпѣ, воскликнула:

— Уведите насъ вмѣстѣ!... Этотъ человѣкъ мой любовникъ и я его сообщница!

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(Святочный рассказъ).

Быль канунъ новаго года. На дворѣ трещалъ и ухалъ морозъ. По московскимъ улицамъ и переулкамъ стоялъ не то дымъ изъ трубъ, не то туманъ отъ холода. Газовые рожки еле мерцали, образуя небольшія свѣтловыя пятна; порою сквозь мглу проступала вверху блѣдная звѣздочка и быстро опять пряталась. Изрѣдка, визжа стальными подрѣзами, бѣшено проносились сани; темныя и согбенныя фигуры пѣшиходовъ, на секунду и неясно обозначившись въ свѣтовомъ пятнѣ, ныряли въ туманъ и тамъ исчезали.

Но тридцати-градусный морозъ не помѣшалъ москвичамъ готовиться къ встрѣчѣ загадочнаго гостя. Не остановилъ онъ и знакомыхъ профессора Владиміра Александровича Морева, пригласившаго ихъ къ себѣ встрѣтить новый годъ; близкихъ пріятелей онъ звалъ къ восьми часамъ вечера, а всѣхъ остальныхъ въ одиннадцатъ.

— Почему такъ рано?—спрашивалъ его кто-нибудь изъ пріятелей.

— А потому, что ко мнѣ обѣщался къ этому времени пріѣхать одинъ человѣчекъ, съ которымъ намъ всѣмъ пріятно будетъ увидѣться и потолковать.

— Кто же это?

— Мы не видали его пять лѣтъ. Онъ находился въ командировкѣ и вчера только воротился.

— Въ командировкѣ?!...

— Да. Онъ изучалъ на сѣверѣ жизнь и нравы медвѣдей.

Приглашенный недоумѣвалъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на искуителя.

— Не знаю... Не припомню что-то... Да говори, кто?

— Пріѣдешь — самъ увидишь, — лукаво улыбаясь, отвѣчалъ Моревъ.

Пріятель все недоуи́валъ.

— Не знаю... Пять лѣтъ въ командировкѣ?... Да неужели Платоновъ?!

— Приѣзжай. Жду къ восьми непременно.

Вопреки обычаю русскихъ людей всегда опаздывать, на этотъ разъ приглашенные друзья, одинъ вслѣдъ за другимъ, собрались въ домъ Морева раньше восьми часовъ. Хозяинъ принималъ гостей въ кабинетъ. Платоновъ былъ уже тамъ. Съ какою искреннею, глубокою радостью встрѣтились друзья!

— Вотъ онъ, вотъ!—живая въ сторону Платонова, говорилъ профессоръ Моревъ, и въ большихъ карихъ глазахъ его дрожали слезы.

Въ теченіе минутъ десяти, въ которыя успѣли всѣ прибыть, въ кабинетъ только и слышались возгласы:

— Голубчикъ! Паша!... Давно ли ты заявился?

— Пять лѣтъ не видѣлись! Но все такой же: здоровъ и свѣжъ!

— Наконецъ-то тебя вижу! Здравствуй, дорогой мой!

Никто не упрекнулъ Платонова, что онъ, вернувшись уже три дня, никого изъ нихъ не посѣтилъ; они только глядѣли на него, наперерывъ засыная вопросами, и, не дожидаясь полныхъ отвѣтовъ, задавали новые и громко, весело смѣялись. Жена хозяина, молодая, съ симпатичнымъ лицомъ и тихимъ голосомъ, хлопотала въ столовой за самоваромъ и, слушая оживленные голоса и смѣхъ, улыбалась довольною улыбкой. Съ полчаса продолжалось шумное оживленіе; потомъ голоса какъ-то разомъ понизились, стали раздаваться рѣже и только голосъ Платонова, нервическій и перебивчатый, чаще другихъ слышался въ кабинетъ.

Горничная дѣвушка обнесла чаемъ. Хозяинъ велѣлъ прибавить углей въ топившійся каминъ, отъ котораго разливалось пріятное тепло и пурпуровый, какъ отблескъ лѣтней вечерней зори, свѣтъ на близъ стоявшіе кресла и шкафы съ книгами. Съ потолка, сквозь розовый матовый шаръ, весь кабинетъ мягко освѣщался лампою. Всѣ сидѣли около Платонова и слушали его.

Платонову было тридцать пять лѣтъ. Высокій, немного худощавый и мускулистый блондинъ, съ мелко вьющимися на вискахъ волосами, онъ имѣлъ видъ здороваго человѣка; его продолговатое лицо, съ румяными щеками, окаймленное снизу русою бородкой, дышало силой и энергіей, но въ сѣрыхъ, задумчивыхъ и добрыхъ глазахъ по временамъ выражалось что-то похожее на усталость или затаенную грусть.

Въ числѣ друзей, слушавшихъ Платонова, кромѣ хозяина, были: двое профессоровъ, редакторъ одной газеты, литераторъ и земскій статистикъ; всѣ они были еще люди молодые, т.-е. почти однихъ лѣтъ съ разскащикомъ и товарищи—кто по гимназій, кто по университету.

Павель Григорьевичъ, между тѣмъ, началъ было увлекаться своими воспоминаніями, но вдругъ, не окончивъ рѣчи, опустилъ голову и о чемъ-то задумался. Присутствующие значительно между собою переглянулись. Платоновъ поднялъ лицо и медленно проговорилъ:

— Завтра новый годъ. По ассоціаціи идей, мнѣ вспомнилось недавнее. Это что-то невѣроятное... Годъ тому назадъ, именно въ ночь на новый годъ...

И онъ не договорилъ, лицо его поблѣднѣло. Никто слова не проронилъ, напряженно выжидая, что услышитъ дальше.

— Въ эту ночь... я понесъ дорогую утрату,—понижая голосъ, продолжалъ онъ,—и испыталъ ужасъ человѣка, присужденнаго къ смерти.

У слушателей перехватило дыханіе.

— Я былъ казненъ,—полушепотомъ и поспѣшно досказалъ Платоновъ.

Всѣ невольно вздрогнули. Одна хозяйка, находившаяся, по-прежнему, въ столовой и отдававшая приказанія горничной, не слышала послѣднихъ словъ Платонова и довольное выраженіе не сходило съ ея лица: каждый разъ, когда ея Владиміръ сидѣлъ дома и у нихъ собирались исключительно его друзья и товарищи, она чувствовала себя въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Между тѣмъ, мужчины обмѣнивались короткими взглядами, смотрѣли вопросительно на улыбавшееся, но все еще блѣдное лицо своего вернушагося издалека друга, и не рѣшались высказать сомнѣніе или недовѣрчиво усмѣхнуться—черта, отличающая дружескія отношенія настоящихъ порядочныхъ людей. Хозяинъ дома, человѣкъ болѣе другихъ находчивый и живой, первый прервалъ молчаніе:

— Такъ какъ ты, Павель Григорьевичъ, слава Богу, живъ и здоровъ, то, навѣрное, не откажешь въ просьбѣ удовлетворить любопытство своихъ пріятелей: расскажешь намъ, что съ тобою случилось?

— Да, пожалуйста!—подхватили голоса.—Въ твоихъ словахъ есть что-то загадочное.

— Загадочнаго ничего нѣтъ,—сказалъ Платоновъ,—если

только не признавать, что вся жизнь человеческая — загадка .. Ну, да вы лучше узнаете все изъ разсказа.

Хозяйка, поймавши послѣднія слова, подала свой голосъ:

— А мнѣ можно послушать, Павелъ Григорьевичъ?

— Вамъ можно, Катерина Петровна, — отозвался Платоновъ. — Но при постороннихъ я не буду разсказывать: вы знаете, я всегда былъ конфузливъ, а теперь, по возвращеніи изъ командировки, ужъ и совсѣмъ одичалъ.

Хозяинъ велѣлъ поставить кресла и стулья передъ каминомъ полукругомъ; появились между креслами маленькіе круглые столики, графинъ съ холодною водою и пепельницы. Хозяинъ пригласилъ гостей пересѣсть.

— Здѣсь уютнѣе и теплѣе будетъ. — сказалъ онъ. — Ты, Павелъ Григорьевичъ, садись въ срединѣ, чтобы мы не только слышали тебя, но и лицо твое прекрасное могли созерцать.

— Любишься, если тебѣ еще не надоѣло, — промолвилъ шутливо Платоновъ, останавливаясь за кресломъ, и голубовато-красное пламя разгорѣвшихся углей облило всю его фигуру, лицо и голову.

— Павелъ Григорьевичъ! — воскликнулъ статистикъ, тоненькій и невысокаго роста брюнетъ, — у тебя на вискахъ по три съдыхъ волоса показалось.

— Десять, Андрей Николаевичъ, — съ легкой ноткой грусти въ голосѣ отвѣтилъ Платоновъ.

— Ахъ, проклятый статистикъ! — не утерпѣлъ вернуть Моревъ. — И тутъ вѣренъ себѣ: сѣдце волосы успѣлъ сосчитать.

Въ эту минуту изъ передней донесся звонокъ. Катерина Петровна встрепенулась.

— Неужели гости? Кому бы такъ рано...

Мужъ проворно направился къ ней.

— Если кто изъ гостей — прими, но въ кабинетъ не пускай: скажи, что я занятъ...

— Какая досада! — произнесла хозяйка. — Не придется, пожалуй, мнѣ и послушать Павла Григорьевича.

— Ну, иди скорѣе! — торопилъ мужъ. — А что дѣти: спать?

Лицо Катерины Петровны озарилось улыбкой счастливой матери.

— Спать! Въ восемь часовъ легли... Бѣгу, бѣгу! — и она легкою походкой устремилаь черезъ гостиную въ залъ.

Владимиръ Александровичъ постоялъ, прислушался и потомъ плотно затворилъ дверь изъ столовой въ гостиную.

— Приѣхали, — сказалъ онъ, возвращаясь въ кабинетъ. — Ну,

да мы здѣсь безопасны... Дуняша! поставь на столики чай и уходи: ты понадобишься барынѣ.

Онъ подошелъ къ камину и опустился на свободный стулъ. Съ улицы что-то громко и тяжело стукнуло, точно бревномъ объ уголъ дома ударило.

— Какъ Морозъ Иванычъ постукиваетъ!—замѣтилъ одинъ изъ профессоровъ.

— Не хуже сѣверныхъ!—проговорилъ Платоновъ.—Тамъ это обыкновенное явленіе, а здѣсь, въ Москвѣ, я не помню, чтобы такія зимы когда стояли...

— А не пора ли тебѣ, дорогой нашъ другъ, приступить къ повѣствованію?—перебилъ его хозяинъ и посмотрѣлъ на часы.—Девять, господа!—прибавилъ онъ.

— Развѣ за мною дѣло? Я готовъ...

Неслышно и осторожно пріотворилась дверь, изъ гостиной выглянуло чье-то женское лицо, посмотрѣло и скрылось; дверь снова закрылась, но не такъ уже плотно, какъ ее закрылъ хозяинъ. Въ кабинетѣ закурили сигары и папиросы.

— Такъ начинай же, Павелъ Григорьевичъ.

Наступила тишина.

I.

— Начну я издалека, господа. Такъ для меня будетъ лучше...

Два слишкомъ года я прожилъ въ уѣздномъ городѣ, а въ половинѣ третьяго перебрахъ въ деревню, версть за двадцать,—началъ Павелъ Григорьевичъ.—Видите ли, такое переселеніе оказалось необходимымъ въ интересахъ моихъ научныхъ изслѣдованій,—и по лицу Платонова скользнула улыбка.—Не скажу, что я покинулъ городишко безъ всякаго сожалѣнія. Нѣтъ! Томительна и пуста жизнь въ уѣздныхъ городахъ даже нашихъ центральныхъ губерній, а о жизни сѣверныхъ и говорить ужъ нечего: никакихъ-то интересовъ, кромѣ питанія, игры въ карты да спанья, все мелко и ничтожно до умопомраченія, до какой-то мучительной тоски и отчаянія... Первое время я совсѣмъ потерялся, желалъ даже поскорѣе умереть. Мѣщане и купцы на новаго человѣка смотрятъ дико, почти враждебно; «аристократы» — чиновники и помѣщики — не то конфузятся, не то чего-то опасаются и недовѣрчиво на тебя поглядываютъ... Чортъ знаетъ, что такое! Книги и занятія... Но, вѣдь, живой человѣкъ, и хочется тебѣ съ живыми людьми поговорить... Но спустя мѣсяца три-четыре я сдѣлалъ откры-

тіе: нашель живыя человѣческія души въ лицѣ судебного пристава и предсѣдателя земской управы. Живыя души оказались также и среди мѣстных учителей, но тѣхъ, но нѣкоторымъ соображеніямъ, я самъ уже сторонился... Судебный приставъ, человѣкъ лѣтъ, подь шестьдесятъ, первый со мною познакомился, пришелъ ко мнѣ и потащилъ къ предсѣдателю, человѣку тоже пожилому. Оба они были люди умные, дѣятельные и слѣдящіе—въ такой-то глуши!—за литературою и «новыми вѣяніями» нашей нескладной жизни. Не мало они всего видѣли на своемъ вѣку, внимательно наблюдали и серьезно думали... Много я отъ нихъ всего наслушался и, не скрою, научился... Я узналъ, какимъ еще тяжелымъ, непробуднымъ сномъ спитъ наша матушка Русь. Темнота, невѣжество и кулачество—больше всего невѣжество!—ревниво охраняють этотъ сонъ, не даютъ пахнуть свѣжему, благотворному вѣтерку, отъ котораго раскрылись бы глаза и свалился бы кошмаръ. Однако, на ряду съ этимъ замѣчается и вотъ что: началась какая-то работа мысли—неясной, неопредѣленной и сбивчивой, но все же мысли; а это ужъ много значить. Потомъ я и самъ, дѣлая наблюденія и записывая народныя пѣсни, «побывальщинки» и т. п., имѣлъ случай провѣрить мнѣніе моихъ знакомыхъ,—мнѣніе, составленное на основаніи не единичныхъ фактовъ,—и пришелъ къ одинаковому съ ними убѣжденію. Да, мощный духъ народа-богатыря и во снѣ работаетъ, копошится тамъ у него что-то и ждетъ только свѣта, который бы озарилъ эту духовную возню и помогъ мысли выйти на правильный путь развитія.

На послѣднемъ словѣ Платоновъ остановился, посмотрѣлъ конфузливо на слушателей и продолжалъ:

— Можеть, вы найдете, что это прямаго отношенія къ моей темѣ не имѣеть, но я, отправляясь куда-нибудь по лѣсной дорогѣ, не могу, чтобы не остановиться при видѣ неожиданно открывшейся веселой полянки и не полюбоваться ею, или, замѣтивъ въ сторонѣ любопытный экземпляръ лѣсной породы, не свернуть съ дороги и не подойти къ деревцу... Что-жъ дѣлать: слабость каждаго натуралиста!...

— Ты, кажется, передъ нами извиняешься, — замѣтилъ Владиміръ Александровичъ. — Совершенно напрасно беспокоишься: куда ты ни свернешь съ большой дороги, мы охотно и съ большимъ интересомъ за тобою послѣдуемъ.

Платоновъ, улыбувшись, кивнулъ головою.

— Новые пріятели хотя обѣщались меня навѣщать, но разстался я съ ними все же грустно. Упомяну къ слову и объ исправникѣ,

съ которымъ я былъ знакомъ. Семидесятилѣтній старикъ, всегда съ чисто выбритымъ лицомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ, онъ былъ до того тученъ, что короткія тонкія ноги съ трудомъ носили его тѣло. Обладая многочисленнымъ семействомъ, онъ извѣстные часы проводилъ въ полицейскомъ управленіи, а вернувшись домой, послѣ обѣда спалъ по четыре-пяти часовъ. Разбудить его тогда не было возможности: повернется, проворчитъ что-нибудь — и опять храпитъ. Принималъ онъ меня всегда радушно, но все чего-то опасался. «Знаю я васъ!» — говорилъ онъ иногда, проницательно поглядывая на мнѣ въ лицо своими маленькими выпуклыми глазами. — «Что, Василій Дмитріевичъ, смиренный, вѣдь, я человекъ?» — спросишь. — «Вы-то? Смиренный... Знаю я васъ, какой вы смиренный!» Но когда я зашелъ съ нимъ прощаться, то вотъ что произошло. Старикъ послѣ обѣда не спалъ, — на него порою «отращеніе» ко сну находило, — и, выйдя на улицу, стоялъ противъ своей квартиры и ждалъ, не пройдетъ ли или не проѣдетъ ли кто изъ знакомыхъ, чтобы остановить и затаячить къ себѣ на «пулечку». Такой способъ ловли партнеровъ старикъ постоянно практиковалъ. Завидя меня, онъ началъ улыбаться и привѣтливо махать издали своими короткими ручками. «Благодѣтель! — встрѣтилъ онъ меня. — Двоихъ-то я уже поймалъ — тамъ они у меня сидятъ, — а третьяго-то все еще изловить не могу. А вы и идете! Пожалуйте, тамъ ужъ, поди, отчаялись». — «Я, Василій Дмитріевичъ, къ вамъ»... — «Да знаю что къ намъ, а не въ управленіе!» — перебивалъ исправникъ и, тяжело дыша и отдуваясь, тащилъ меня къ подъѣзду. Пришлось сыграть двѣ пулечки, — огорчать на разставанье не хотѣлъ старика, — потомъ я сталъ прощаться. «Такъ завтра... — проговорилъ исправникъ. — Ну, да, вѣдь, недалеко отъ насъ уѣдете, увидимся!» Старикъ обнялъ меня и — заплакалъ. Признаться, озадачилъ! «Боялся я васъ, Павелъ Григорьевичъ, а разстаться мнѣ съ вами и жалко, — утирая глаза, добавилъ толстякъ. — Близо станете жить, а когда я провѣдаю васъ? Я ужъ больше года никуда въ уѣздъ не ѣзжу: толщина препятствуетъ, да и мостовъ боюсь... ну, какъ гдѣ провалишься?...» И дѣйствительно, съ Васи́лемъ Дмитріевичемъ я опять увидѣлся, когда уже совсѣмъ въ Москву поѣхалъ, да разъ еще за годъ... Но это свиданіе при такихъ условіяхъ совершилось... Впрочемъ, вы о немъ потомъ узнаете. Распростился я съ городомъ и уѣхалъ въ деревню.

Лѣто мнѣ жилось недурно. Почти ежедневно, въ хорошую погоду, я странствовалъ по лѣсамъ, ходилъ на сѣнокосъ, помогалъ женщинамъ косить, велъ бесѣды съ мужиками, которые на лѣто

оставались въ деревнѣ, — преимущественно старики, — перезнакомился съ начальствующими лицами деревенскаго общества, съ мѣстнымъ священникомъ и фельдшеромъ; подъ осень ходилъ съ ружьемъ и добывалъ себѣ дичь, — мяса, особенно въ посты, нельзя было достать, а получить изъ города рѣдко случай представлялся. Но когда наступилъ сентябрь, пошли дожди, на улицѣ грязь чуть не поколѣно, — лучше и не выходи на волю, сиди весь день въ комнатѣ и, если читать надоѣло, гляди въ окно на сѣрую дождевую сѣтку, въ которой спрятались и высокій уваль противъ оконъ, и домъ волостнаго правленія, и бѣлая сельская церковь, находящаяся въ одной верстѣ... Зимой — морозы до сорока градусовъ и больше, вездѣ горы снѣга нанесетъ и до самыхъ крышъ надуетъ. Пова ребятишки съ матерями да сестрами раскидываютъ лопатами сугробы, проложить между ними отъ дворовъ на улицу узенькіе корридорчики, а ты опять сиди и любуйся узорами, какіе морозъ на оконныхъ стеклахъ росписалъ... Когда можно, посѣтишь батюшку, но его рѣдко застанешь: все по приходу ѣздитъ. Мѣстныя власти особеннаго интереса не представляли. Фельдшеръ, неглупый и любознательный парень, жилъ на пунктѣ, въ деревнѣ Шахрѣ, и къ намъ пріѣзжалъ черезъ двѣ недѣли. Единственнымъ пристанищемъ, гдѣ я отводилъ душу и забывался, были деревенскія бесѣдки... Я долженъ сказать, что крестьяне деревни, гдѣ я поселился, да и всего К—скаго уѣзда, занимались лѣсными и отхожими промыслами: весной одни сгоняли плоты, другіе уходили въ поволжскіе города плотничать, третьи — столярничать, а осенью забивались въ лѣса и работали тамъ до сплава. Къ домамъ пріѣзжали только въ Рождество и Пасху. Нѣкоторые изъ плотниковъ и столяровъ и зиму проводили на сторонѣ. Всѣ они — бывшіе казенные или уѣздные крестьяне. Въ селеніяхъ оставались одни старики да женщины съ ребятишками. Словомъ, я большую часть года прожилъ среди бабьяго царства. Поэтому на бесѣдкахъ рѣдко встрѣтишь взрослога парня: одни подростки, да писаря изъ правленія зайдутъ и посидятъ. Бесѣдки тянули меня: я любилъ эти прекрасныя, еще не выбитыя «модой», народныя пѣсни, смотрѣлъ на игры дѣвичьи, слушалъ ихъ рассказы, сказки и пр. Есть въ деревенскихъ бесѣдкахъ что-то наивно-привлекательное, какою-то своеобразною поэзіей отъ нихъ вѣетъ. Въ зиму я обходилъ по сосѣднимъ деревнямъ нашей волости всѣ бесѣдки. Селенія одно отъ другаго отстояли на версту, двѣ и самое дальнее на пять верстъ, но игры, пѣсни и характеръ вечеринокъ имѣли свои особенности. Мнѣ очень понравилась бесѣдка за селомъ, въ деревнѣ Марьянѣ, ко-

торая еще издалека свѣтилась своими новыми, построенными изъ крупнаго сосноваго лѣса домами и домиками вдоль берега не широкой, но веселой и гулкой рѣчки. Лѣтомъ, глядя изъ боковаго окна «свѣтелки», я часто и подолгу любовался ея серебряною лентой и рѣзвымъ, играющимъ бѣгомъ. Въ Марьинѣ на бесѣдки собирались не одиѣ крестьянскія дѣвушки, но и дочери причетниковъ; здѣсь я слышалъ лучшія пѣсни и сильные контральные голоса. Бывало, какъ запоютъ десятка полтора такихъ голосовъ «Дубраву зеленую» или «Ты подуи, подуи, погодушка, со восточной со стороны», то сидишь и головы не поднимаешь: столько могучей силы, широкаго размаха и удали въ нихъ чувствовалось, но, вмѣстѣ, и какого-то горя неисходнаго, тоски безпредѣльной!... И странно: эти пѣсни, вызывая грусть и слезы, подымали меня нравственно, я чувствовалъ, что личное горе ничтожно въ сравненіи съ народнымъ горемъ и что за нимъ, за этимъ горемъ, скрыты какія-то громадныя силы и вѣра въ торжество побѣды, которая сулитъ народу свѣтлое будущее.

Въ Марьинѣ на святкахъ я встрѣтилъ разъ одну дѣвушку.

II.

Пришелъ я на бесѣдку, по деревенскому времени, не рано, въ десятомъ часу. Святочные игрища уже окончились, — они въ Марьинѣ бывають только на второй и третій день праздника, — но просторная изба оказалась полна народа. Дѣвицы сидѣли за прялками, склонивши надъ гребнями головы, но работа у нихъ не спорилась: парни заставляли пѣть «ходовыя» пѣсни и постоянно бесѣдницъ вызывали. Хозяйка дома, нестарая и солидная женщина, опростала мнѣ подлѣ себя мѣстечко въ уголкѣ, между перегородкой и выступомъ печки. Отсюда я видѣлъ лица всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которыя находились въ противоположномъ углу, загороженные передними бесѣдницами. Дѣвушки были въ шерстяныхъ и кумачныхъ сарафанахъ, — только дочери причетниковъ въ платьяхъ, а крестьянскія надѣвали ихъ въ большіе праздники, — парни въ разноцвѣтныхъ рубашкахъ и высокихъ сапогахъ, нѣкоторые въ жилеткахъ съ блестящими пуговицами, а на одномъ, поверхъ шелковой пунцовой рубашки, красовался пиджакъ и болталась выпущенная серебряная часовая цѣпочка. Дѣвушки, желая отдохнуть отъ частыхъ вызововъ, заплѣли протяжную:

Заря моя вечерняя,
Игра-гуляба веселая...

— Ну-ка, жените лучше меня!—перебилъ франтъ, важно поднимаясь съ скамейки.—Не то я домой пойду: нѣшто въ сонъ меня отъ этой пѣсни ударило,—и въ доказательство онъ широко зѣвнулъ.

Пѣсенницы стали въ полголоса переговариваться, а франтъ выступилъ на середину комнаты. Это былъ дюжій, коренастый паренъ, темноволосый, съ широкимъ лицомъ, вздернутымъ немного носомъ и толстыми красными губами; черные глаза его изъподъ густыхъ бровей глядѣли лѣниво. Хозяйка сообщила мнѣ, что франтъ былъ сынъ богатаго подрядчика, пріѣхавшій домой на праздники изъ Нижняго, первый женихъ изъ всей округи и одинъ сынъ у отца. Дѣвицы начали:

Еще кто у насъ не женать?

Розанъ мой, розанъ, виноградъ зеленый...

Подрядчиковъ сынъ повелъ глазами и уставился въ уголъ.

— Марья! тебя желаю,—позвалъ онъ и вынулъ изъ жилетнаго кармана серебряные часы, на которые и принялся внимательно смотреть.

Ему вышла изъ угла, который отъ меня былъ загороженъ, дѣвушка въ шерстяномъ голубомъ сарафанѣ, съ бѣлыми кисейными рукавами и розовою лентой въ свѣтло-русой косѣ. Женихъ съ невѣстой начали ходить подъ громко разносившуюся пѣсню:

А Пароень-отъ не женать,

А сынъ Игнатъчъ не женать.

По чисту полю гуляеть,

Ярово поле глядять,

Ярую пшеницу...

Дѣвушка, стройная, съ миловиднымъ лицомъ, слегка наклонивъ красивую голову и опустивъ глаза, ходила съ такою граціей, что я невольно ею залюбовался. По требованію пѣсни, «поженившіеся» должны были поцѣловаться. Сынъ подрядчика обнялъ рукой «молодую»; она подняла лицо и взглянула... Широкоплечая фигура парня заслоняла ее отъ меня, но я успѣлъ уловить взглядъ дѣвушки: онъ показался мнѣ какимъ-то чудеснымъ... Пара разошлась по своимъ мѣстамъ, ее замѣнила новая. Каждый выбиралъ себѣ лѣбую невѣсту, не засидѣлись и «духовныя», дочери причетниковъ. Для каждой новой пары пѣлась новая пѣсня. Наконецъ, всѣхъ переженили.

— Теперь твоя очередь, Павелъ Григорьевичъ!—обратилась ко мнѣ запѣвала.—Выбирай себѣ невѣсту.

— Моя очередь ужь прошла.

— Да полно, такъ ли, парень?... Ну, коли не хошь жениться, такъ мы другую про тебя пѣсню сыграемъ. Начнемъ-ка, дѣвушки!

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпадалъ бѣлый снѣжокъ.
 Цвѣточки мои, бѣлы-розовые!
Выпадалъ бѣлый снѣжокъ,
Выѣзжалъ тутъ паренекъ...

При послѣднемъ словѣ я долженъ былъ выйти на середину и ходить. Я, конечно, повиновался. А пѣсня о моемъ путешествіи докладываетъ собранію:

Добрый молодецъ поспѣшалъ,
Со лиха коня упалъ.
 Цвѣточки мои, бѣлы-розовые!
Со лиха коня упалъ,
Никто парня не видалъ...
 Цвѣточки мои, бѣлы розовые!
Двѣ дѣвицы увидали,
Скороспѣшно подбѣгали,
За бѣлы руки примаали...

Я не успѣлъ замѣтить, какъ изъ бесѣды вышли и подошли во мнѣ двѣ дѣвушки и взяли меня за руки. Одна была Аннушка, дочь дьячка, а другая — Маша, дѣвушка съ чудеснымъ взоромъ. Онѣ прошли со мною въ одинъ конецъ, потомъ выпустили руки и приостановились; а когда я сдѣлалъ другой конецъ и воротился, онѣ пошли мнѣ на встрѣчу, и такъ мы ходили до конца пѣсни, которая словами тѣхъ же дѣвушекъ «молодцу наказывала»:

Ты поѣдешь, милый мой,
По инымъ городамъ,
По инымъ городамъ,
По бесѣдамъ, по пирамъ;
Во бесѣдушку взойдешь,
Не засиживайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.

Аннушка, высокая, смуглая брюнетка, съ античнымъ профилемъ, обладала хорошимъ контральто, а у Маши былъ сопрано, пріятный, гибкій и разымчивый, такой голосъ, что онъ вливался какъ-то въ самую душу и пѣлъ тамъ, буда заснувшія чувства и заставляя сладко трепетать сердце.

Хорошія, пригожія
Сердце высушили,
Изповывели румянецъ
Изъ бѣлаго изъ лица,
Изъ бѣлаго изъ лица,
Что изъ Павла молодца.

Кончилась пѣсня. Я остановился въ нерѣшительности... Аннушка выручила: она подошла и, сказавъ «прощай», поцѣловала меня. За ней выступила Маша, стыдливо поднявъ лицо съ заалѣвшими щеками, и озарила меня лучистымъ взглядомъ, полнымъ такой чарующей, тихой прелести, доброты сердечной, ласки и нѣжности, что я, человекъ уже за тридцать годовъ, почувствовалъ себя юношей и благоговѣйно прикоснулся къ свѣжимъ устамъ.

Я продумаль о Машѣ всю ночь. Въ ухахъ звенѣлъ все ея голосъ, онъ куда-то звалъ меня и уносилъ далеко. Ея лицо, съ правильными чертами, бѣлымъ, красиво-рѣзвитымъ лбомъ и легкимъ розовымъ отливомъ, плѣнительно-чистая улыбка и взглядъ, этотъ чудный лучистый взглядъ! Я даже не разсмотрѣлъ, какіе у нея были глаза, — каріе, сѣрые или черные, — помню темныя, длинныя рѣсницы и лучи, лучи... Бываютъ такія лица: стоить увидеть ихъ разъ, чтобы потомъ всю жизнь ихъ помнить. У Маши было именно такое лицо. Въ продолженіе вечера мнѣ не пришлось съ нею двухъ словъ сказать, но, пересѣвъ на лавку, я встрѣчалъ ея поднятый на меня долгій и какъ будто спрашивающій о чемъ-то взоръ. Замѣтилъ я также, что Пареевъ Игнатъичъ, сынъ подрядчика, посмотрѣлъ на меня значительно, когда я поцѣловался съ дѣвушкой.

Раза три я отправлялся на посидѣлки, но пока шли святки, мнѣ не удавалось поговорить съ дѣвушкой, познакомиться съ нею. Пареевъ Игнатъичъ постоянно выбиралъ ее въ играхъ, садился къ ней на колѣни и облачивалъ своими ручищами. Подобнаго рода обхожденіе было здѣсь обычаемъ, но мнѣ не нравилось, какъ ломался этотъ грубый парень. Вниманіе же ко мнѣ Маши, видимо, сердило парня, и когда она выбирала меня въ играхъ, черные глаза молодого подрядчика вспыхивали злобой. Разъ онъ грубо сказалъ мнѣ:

— Ежели ты хочешь съ нашими дѣвками играть, то должонъ ребятамъ вина поставить, а такъ мы чужимъ на посидѣлки не дозволяемъ ходить.

Послѣ святокъ молодежь разѣѣхалась. Я участилъ свои хожденія въ Марьино. Теперь ужъ не одинъ пѣсни меня туда влекли, не ихъ властительные напѣвы, но иная поэзія очарованія, по-

эзія близости молодого существа, которое я нечаянно встрѣтилъ. Я познакомился съ Машей: свѣтлый, оригинальный умъ и сердце чуткое, отзывчивое, глубокое—вотъ что я нашелъ въ этой восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Знакомству моему съ нею покровительствовала Аннушка. Деревенскіе парни держатъ себя «просто», садятся къ дѣвушкамъ на колѣни и ведутъ съ ними непринужденные разговоры, и на это никто никакого вниманія не обращаетъ. Совсѣмъ иначе смотрятъ на «барина»: малѣйшее вниманіе съ его стороны къ дѣвушкѣ, всякое слово, между ними сказанное,—все это на счетъ ставится, и дѣвушка въ глазахъ парней рискуетъ себѣ повредить. Аннушка такъ устраивала, какъ будто она со мной вела разговоръ,—ей, какъ «духовной», дозволялось такое пренебреженіе мѣстными уставами; сидѣла она всегда рядомъ съ Машей и сама первая вызывала меня на разговоръ. Онѣ были подругами съ дѣтства, дьячковская дочь выучила Машу грамотѣ и онѣ вмѣстѣ читали книжки, какія присылалъ Аннушкѣ братъ ея, городской учитель.

Я не видѣлъ, какъ промелькнулъ мясоѣдъ, прикатила Масляница и наступилъ Великій постъ. Но «подружка» и тутъ позаботилась, чтобы доставить намъ случай видѣться: Маша ходила къ ней съ работой, и я заранѣе уже зналъ, когда она въ дьячковскомъ домѣ.

— Будете вы говѣть?—спросила меня однажды Маша.

Я посмотрѣлъ. Взглядъ ея какъ будто просилъ меня.

— А вы?

— Мы съ Аннушкой на четвертой недѣлѣ говѣемъ.

— И я на четвертой!

— Вотъ это хорошо!—промолвила она.—Я очень рада!

Въ субботу мы причащались. Во время утрени и обѣдни Аннушка иногда посматривала въ мою сторону, но Маша стояла неподвижно, съ устремленными на образа глазами, и усердно, съ какою-то сосредоточенностью молилась. Въ причастію она нарядилась въ бѣлое кисейное платье, перехваченное въ талии шелковою голубою лентой. Она приблизилась къ священнику, перекрестилась и дѣйствительно со страхомъ и трепетомъ причастилась Св. Тайнъ... Сколько душевной красоты, трогательнаго умиленія и благодарности свѣтилось въ чудныхъ глазахъ Маши, когда, при выходѣ изъ церкви, я поздравилъ ее!

— И васъ равнымъ образомъ, Павелъ Григорьичъ! — отвѣтила она. — Хорошо... Вамъ Господь здоровья дастъ, радость пошлетъ.

Весною я съ нею встрѣчался только въ «кругахъ», или хоровахъ, видѣлъ среди подругъ, и очарованіе мое еще больше увеличивалось. Выступить она въ хоровадѣ лебедушкою бѣлой, которая плыветъ по морю синему Хвалынскому, голосъ ея такъ и звенить серебромъ въ предвечернемъ воздухѣ разцвѣтающей весны, и сама она, какъ эта весна, какъ эта улыбка яснаго неба... Лѣтомъ я еще рѣже ее видѣлъ: она работала на лугахъ, жала въ полѣ и вообще дѣлала по крестьянству все, что другія дѣвушки въ деревнѣ дѣлали. Меня удивляло, какъ она управлялась съ трудными крестьянскими работами? Съ зарей она шла въ поле и съ зарей возвращалась, работала много и легко, дѣло въ рукахъ у нея кнѣло, и она не знала никакой усталости. Несмотря, по виду, на нѣжный организмъ, въ ней много было физической силы. Проходя полями и заглядывая на уборку хлѣба, я подожду смотрѣлъ на Машу и палюбоваться ею не могъ.

Признаться, это лѣто показалось мнѣ страшно долгимъ. Я видѣлъ Машу рѣдко, мелькомъ, и говорить съ нею мнѣ почти совсѣмъ не удавалось. А видѣть дѣвушку, говорить съ нею сдѣлалось для меня потребностью. Наши отношенія были какія-то особенныя: я ни разу не показалъ, что питаю къ ней особенное расположеніе, и она ни слова мнѣ о своемъ чувствѣ не говорила. Я положительно не зналъ, что именно меня влечетъ къ дѣвушкамъ, почему она дорога мнѣ и общество ея для меня необходимо. Какъ будто тѣ взгляды, какими мы обмѣнивались, давно ужъ, съ первой же нашей встрѣчи, рѣшили все за насъ и намъ нечего было другъ другу говорить о своихъ чувствахъ... Вы помните, друзья, мою первую любовь, горечь и обиду, какія она мнѣ дала. Юность, съ ея вѣрой въ человѣка вообще и въ женщину въ особенности, была отравлена, безжалостно смята... Я позабылъ ту женщину, но обида и память боли сердца во мнѣ сохранились. Я все простилъ и поставилъ крестъ. Сказать себѣ, что во мнѣ воскресло прежнее чувство, что я полюбилъ Машу, — этого я не могъ допустить или, вѣрнѣе выразиться, не нашелся еще, какъ назвать то чувство, какое во мнѣ пробудилось.

(Легкое облако набѣжало на лицо рассказчика. Онъ неторопливо налилъ изъ графина воды и глотками отпилъ треть стакана).

III.

Я сдѣлаю еще одинъ свертокъ съ большой дороги и расскажу вамъ, какъ относилось ко мнѣ мѣстное населеніе. Сперва всѣ глядѣли на меня съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то недоумѣніемъ.

— Пошто это онъ къ намъ пріѣхалъ? — слышались вопросы. — Жить, слышь, у насъ въ Семенихѣ будетъ.

— Кто-жь его знаетъ? Самъ не говоритъ, а намъ какое дѣло? Лишь бы не зрящій какой, не лихой человѣкъ, а то живи себѣ на здоровье!

— Поди, урядникъ, али въ волостномъ знаютъ ужь, что онъ за человѣкъ.

— Какъ имъ не знать! Начальство. Намеднись, я слышалъ, писаря въ правленіи про него толковали, да, признаться сказать, ничего изъ ихъ словъ я не понялъ. Такъ, надо полагать, съ глупо-ствею своихъ, непутевое что плели.

Первое мое появленіе на сѣнокосѣ мужики привѣтствовали сдержанными улыбками, а бабы съ дѣвками смѣшливо говорили:

— Вотъ мы все жалобу творили, что въ мужикахъ у насъ недостача, анъ вотъ Богъ-отъ намъ и работничка хорошаго посылаетъ!

— Ты подожди радоваться-то, — останавливала другая. — Надоть напередъ узнать, умѣеть ли онъ еще за косу-то взяться.

— Дѣло, тетка Степанида! — подхватывала третья. — Глядѣть, онъ не учиться ли еще къ намъ пришелъ. Ну, что-жь, милый человѣкъ, проглаждаешься? Бери косу, да и становись подъ начальъ къ бабамъ!

— Разомнись, тебѣ это, можетъ, на пользу пойдетъ! — комически ободряли мужики.

Насмѣшки, однако, скоро смѣнились пріятнымъ удивленіемъ и серьезными похвалами. На ряду съ женщинами и мужиками я отмахалъ первый прокосъ, потомъ другой и положилъ косу, когда вся роса подобралась и косцы отдыхать стали; а вечеромъ, съ новою росой, я опять взялся за дѣло и работалъ на ряду съ другими до самой ночи. По окончаніи работы меня обступили.

— А ты молодець! — хвалили мужики. — Гдѣ ты это крестьянскому дѣлу обучался?

— Дома, въ своей деревнѣ.

— Такъ. Что же у тебя своя вотчина была?

— И теперъ есть небольшая.

— Вотъ оно что... То-то мы промежь собой мекали... Да нѣшь въ вашей сторонѣ господа-то косятъ?»

Бабы съ просьбами подступили: одна зоветъ помочь, другая зоветъ. Я косилъ у тѣхъ, которые больше нуждались въ моей помощи. Дѣлались на мой счетъ разныя соображенія. Одни говорили, что «онъ (т.-е. я) не изъ дворовыхъ ли прежнихъ будетъ»;

другіе не соглашались съ этимъ и высказывали, что «баринъ онъ, только не изъ настоящихъ: поповскаго отродья, да по наукамъ въ господа только вышелъ; у батьки-то своего, въ селѣ, поди, онъ и научился косить». Но послѣ долгихъ разсужденій и всевозможныхъ догадокъ пришли къ такому заключенію:

— Да что намъ до того, какой онъ баринъ? Обиды отъ него, али какого озорства мы не видимъ, — напротивъ того, онъ же намъ услужливаетъ, — значить, нечего попусту намъ и языки ломать. Живи съ Богомъ!

Минулъ годъ, крестьяне такъ привыкли ко мнѣ, что въ своей деревнѣ меня иначе и не называли, какъ «нашъ баринъ», а сосѣднихъ деревень — «семенихинскій баринъ». Я зналъ въ лицо своихъ и марьинскихъ жителей и многихъ называлъ по имени. Съ наступленіемъ же второй осени, въ храмовой праздникъ Іоанна Богослова, мужики и бабы на-перебой таскали меня къ себѣ въ гости. Въ этотъ праздникъ я познакомился съ семействомъ Маши. Семья была зажиточная. Отецъ скупалъ въ удѣлѣ небольшіе лѣсо-сѣбки и сплавлялъ весною лѣсъ на ярмарку, къ жнитву возвращался домой, а съ октября опять уѣзжалъ въ лѣсъ; онъ былъ чловѣкъ съ здоровымъ умомъ, трезвый и степенный. Мать принадлежала къ числу тѣхъ сердечныхъ женщинъ, которыя часто встрѣчаются среди деревенскаго населенія, чуждаго вліянію большихъ городовъ и фабрикъ. Съ характеромъ и серьезная, она любила и пошутить, посмѣяться и разсказать что-нибудь забавное, но отнюдь не пошлое; въ молодости, говорятъ, она была веселая и первая пѣсенница. Маша походила болѣе на мать, но въ ней были и черты отцовскія. Старшая ихъ дочь, годъ назадъ, вышла замужъ, въ ближнюю деревню Шелепиху, и также съ мужемъ пріѣхала на праздникъ къ родителямъ: она готовилась въ скоромъ времени сдѣлаться матерью. Остальные члены семейства были подростки: дѣвочка тринадцати лѣтъ и два мальчика, одному пятнадцать, другому четырнадцать годовъ. Оба помогали отцу. Дѣтей всѣхъ родители любили, но Машу, кажется, особенно. Въ домѣ ихъ замѣчалась примѣрная чистота и порядокъ, на всемъ лежалъ отпечатокъ довольства и хозяйской заботливости. Я провелъ у нихъ часа два, и мнѣ положительно не хотѣлось уходить домой: такую привѣтливостью, радушіемъ и теплотою меня всего обхватило, что я готовъ былъ у нихъ навсегда остаться. Маша помогала матери хозяйничать, угощала гостей и держала себя съ милою простотой: она, казалось, вся дышала счастіемъ и радостью. Слушая умныя, серьезные рѣчи хозяина съ гостями, — рѣчи, оживляемые веселою шут-

кой хозяйки, и глядя на эту дѣвушку, я посиживалъ на штенномъ стулѣ и думалъ: вотъ крестьянская семья, источникъ русской силы, богатства, геройскихъ подвиговъ, славы, величія... Вѣдь, она, эта крестьянская семья, дала возможность раздвинуть Россіи свои владѣнія во всѣ концы свѣта, она создала могущественную имперію, а ужь не тѣ, что выкалывали другъ другу глаза, вели раздоры за большій кусокъ, спорили за мѣстничество, насыщали свое тщеславіе и алчность. Конечно, не въ первый разъ я видѣлъ крестьянскую семью, но мнѣ только теперь пришла эта мысль, и я съ уваженіемъ смотрѣлъ на этихъ скромныхъ, простыхъ людей, не только не кичащихся своими заслугами передъ отечествомъ, но даже и не подозрѣвающихъ о нихъ. Да, вотъ хорошая крестьянская семья, гдѣ все дышетъ здоровьемъ, крѣпостью и цѣльностью. Почему бы и не вступить въ такую семью, не сдѣлаться своимъ, роднымъ въ ней человѣкомъ? Въ самомъ дѣлѣ, не унижить же себя потомокъ одного изъ членовъ варяжской дружины, — а, можетъ, татарской орды, — вступивъ въ родство съ крестьянскою семьей!... Вѣдь, родъ Никулы Селяниновича на Руси гораздо старше и почетнѣе, чѣмъ всѣ другіе. Думая такъ, я видѣлъ Машу, дѣятельную, спокойно - хлопотливую, цвѣтущую силою и красотою. Въ первый разъ, кажется, я тутъ назвалъ свое чувство, какое питалъ къ ней. Маша какъ будто почувствовала, что со мною дѣлалось, и взглянула... Я замѣтилъ, въ глазахъ ея выразилось изумленіе, лучи ихъ пропали, но одно мгновеніе — яркій румянецъ разлился по ея лицу, и глаза засіяли чувствомъ любви, преданности беззавѣтной.

— О чемъ, гость нашъ дорогой, задумался? — спросила меня хозяйка. — Знать, про свою родимую сторонушку вспоминаешь?

— И то! — подхватилъ хозяинъ. — Выкушалъ бы ты винца легонькаго, Павелъ Григорьевичъ? Право, сидитъ ровно дѣвица красная и ничего не вышьетъ.

Я едва не сказалъ имъ: «отдайте мнѣ свою Машу», но удержался и отвѣтилъ:

— Слушаю разговоры ваши, Андрей Никифоровичъ. Любопытно.

— А тебѣ нѣшь занятно послушать мужиковы разговоры? — улыбаясь, сказала хозяйка.

— Даже очень, Татьяна Васильевна.

— А что ты думаешь, Васильевна? — промолвилъ большакъ, — ему, вѣдь, и вправду любопытно: крестьяне мы, кругомъ въ лѣсу живемъ, а понадобится избу поправить или новую выстроить — покупай лѣсъ въ казнѣ или въ удѣлѣ.

На прощанье, хозяинъ звалъ меня къ себѣ на Рождество, когда онъ опять вернется изъ лѣса. Я пришелъ на свою квартиру въ какомъ-то опьяненіи, кинулся на кровать, и меня подхватилъ быстрый потокъ и унесъ съ собою. Сладкія грѣзы, золотые сны юности поднялись, въ лучезарномъ свѣтѣ появился нѣжно-плѣнительный, кротко-прекрасный образъ дѣвушки, невыразимое чувство блаженства наполнило грудь, вѣра снова воскресла въ людей... Не пугаютъ больше и призраки тупой злобы, вражды и зависти... Жизнь! какъ ты хороша, и какъ мы попираемъ твои блага, узнаемъ имъ цѣну лишь тогда, когда они невозвратно отъ насъ отойдутъ, а изъ-за плеча, неожиданно, выглянетъ на насъ костлявое лицо съ насмѣшливою улыбкой и безжалостно промолвить: «Довольно ты подурачился, теперь ты мой!» Благополучіе еще человѣку, если онъ, живя на свѣтѣ, дѣлалъ только однѣ глупости, онъ и въ тотъ міръ безмятежно переселится, какъ всякій глухой человѣкъ; но если на его совѣсти... Впрочемъ, это уже морализированіе, а я для васъ плохой учитель, потому что глупости своей, въ данномъ случаѣ, я и самъ не найду извиненія.

IV.

Горькая улыбка шевельнула губы Платонова. Онъ поспѣшно отпилъ изъ стакана воды и продолжалъ:

— Но зачѣмъ я клевету на себя? Не глупость, а опять виною мое прошлое... Среди розовыхъ мечтаній, упоенія чувствомъ и свѣтлыхъ надеждъ внезапно передо мною всталъ мрачный крестъ надъ погибшею любовью юности. Я смутился... Маша любила меня, въ чувствѣ ея не могло быть никакого сомнѣнія. При первомъ же свиданіи съ нею... да нѣтъ, не дожидаясь, а на слѣдующій же день надо было идти къ ея отцу и сказать то, что у меня чуть уже не сорвалось съ языка въ ихъ домѣ. Но я задался вопросомъ: да любить ли еще она? А если и любить, то развѣ не можетъ повториться старая исторія? Тогда я былъ юношей—преимущество громадное,—а теперь мнѣ тридцать три года, а ей всего девятнадцать... Ну, да объ этой чепухѣ распространяться не стоить, скажу только, что новая встрѣча съ Машей уничтожила всякія сомнѣнія. Черезъ двѣ недѣли начались бесѣдки. Живо помню, какое радостное волненіе овладѣло дѣвушкой, какимъ лучистымъ, долгимъ взглядомъ, отражавшимъ, казалось, всю ея любящую душу, встрѣтила она меня! Я видѣлъ, какъ ея высокая дѣвственная грудь

подъ тонкою полотняною сорочкой тихо вздымалась и опускалась, словно замирая. Она даже не утерпѣла, вопреки деревенскому этикету, сама сказала, чтобъ я сѣлъ рядомъ съ нею, но заговорить могла не скоро: волненіе мѣшало. Гречанка, — такъ я называлъ Аннушку, — стремительно сдѣлала нападеніе, сразу задала нѣсколько вопросовъ и, не давая мнѣ опомниться, рассказывала уже сама, а какъ только подруга ея заговорила, она тотчасъ умоляла.

— Какъ вы это время проводили? — спросила Маша.

— Читалъ... ходилъ за рябчиками. А вы?

— Я? Праздникъ — недѣлю съ гостями хлопотала, а послѣ кое-что по дому справляла... Думала...

— Думали?

— Да, я часто думаю, Павелъ Григорьевичъ.

— О чемъ же вы думаете?

— Думаю я о разномъ. Про васъ... Я часто про васъ думаю. Какъ, чай, вамъ одному должно быть у насъ скучно?

— Почему?

— Вы человѣкъ образованный, а здѣсь люди простые, нѣтъ по васъ товарища...

— А вы, Маша?

— Я? — и она склонила голову ниже надъ гребнемъ. — Я тоже простая, мало поученая... Вотъ если бы какая барышня, тогда другое...

— А мнѣ гораздо пріятнѣе съ вами, чѣмъ съ любую образованною барышней.

— Вы правду говорите? — и лицо ея припало къ самому гребню. — Конечно, правду, вы не такой человѣкъ.

Она приподняла голову и посмотрѣла на меня.

— Спасибо вамъ, — проговорила она. — Мнѣ это слово дороже всего на свѣтѣ...

Въ разговоръ вступила Аннушка. Она просила меня рассказать, какъ живутъ въ столицахъ образованныя барышни, о чемъ онѣ говорятъ, что дѣлаютъ и т. д. Я сидѣлъ между прялками дѣвушекъ и рассказывалъ. Гречанка перебивала, дѣлала вопросы или замѣчанія, а Маша слова не проронила: она вся была вниманіе, слухъ и радость.

И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ чаще я съ нею видѣлся, тѣмъ все больше убѣждался въ серьезномъ глубокомъ чувствѣ къ себѣ милой дѣвушки. Въ ней порою замѣчалось то необычайное оживленіе, восторженность, то вся она стихала, опустивъ нитку съ веретенномъ, и подолгу смотрѣла на меня въ какомъ-то самозабвеніи:

вздохнет такъ протяжно и улыбнется. Она совсѣмъ позабывала, что мы на бесѣдѣ, что десятки любопытныхъ глазъ изподтишка слѣдятъ за нами: ей, видимо, было все равно, что бы ни сказали.

Чего еще мнѣ надо было, какихъ доказательствъ? Почему я медлил? Несчастное прошлое!... Меня гвоздила уже другая мысль: буду ли я любить Машу? Вѣдь, я уже любилъ, любилъ первую любовью, на которую потратилъ все чувство, и могу ли я теперь такъ сильно, всецѣло любить эту дѣвушку? Можетъ, это просто одно эстетическое любованіе или внезапно прозвучавшіе, замирающіе отголоски стараго? И я принялся за провѣрку своего чувства, началъ надъ собою производить эксперименты. Прекратилъ хожденіе въ Марьино, принялся усиленно читать, — ничего не идетъ въ голову; сталъ приводить въ порядоух записки, результаты своихъ наблюденій, — не клеится, но въ состояніи простой классификаціи сдѣлать: стоитъ передо мною образъ Маши, взоръ ея ласкаетъ, голубить меня. Ударился на посидѣлки по сосѣднимъ деревнямъ. Еще сильнѣе желаніе — поскорѣ увидѣть Машу... Рѣшился на послѣднюю попытку: ушелъ въ Шахру за десять верстъ, гдѣ я ни разу не бывалъ, а Шахра на весь К—ій уѣздъ славилась своими бесѣдками и красивыми дѣвушками. Трое сутокъ я пробылъ тамъ, гостя у фельдшера, и каждый вечеръ съ нимъ ходилъ на вечеринки. Дѣйствительно, Шахра оправдывала свою репутацію: я нигдѣ не видалъ столько красивыхъ женскихъ лицъ, какъ тамъ, и нигдѣ меня такъ не поражала вся обстановка бесѣдокъ, модные наряды дѣвицъ, какъ въ Шахрѣ. Зато я не мало и возмущался поведеніемъ холостыхъ. Когда-нибудь я васъ познакомлю съ посидѣлками въ Шахрѣ, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что онѣ отличаются особеннымъ характеромъ и привлекаютъ массу городской молодежи. Упомяну еще, что всѣ эти посидѣлки имѣютъ громадное значеніе въ жизни деревни. Въ Шахрѣ я участвовалъ въ играхъ, цѣловался съ дѣвицами, пѣлъ пѣсни и старался увлечься, чтобы не думать, и отгонялъ отъ себя легкій, воздушный призракъ, носившійся всюду за мною и съ какою-то тихою печалью, съ робкимъ упрекомъ во взорѣ смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Двѣ дѣвушки изъ бесѣдки мнѣ понравились, но ни одна изъ нихъ не вытѣснила Машу, — наоборотъ, ея свѣтлый образъ, во всей своей чистотѣ и непорочности, сталъ еще прекраснѣе и сила его обаянія неотразимѣе.

Я вернулся въ Семениху. Въ Марьинѣ меня не видѣли около мѣсяца. Какъ мнѣ было показаться дѣвушкѣ? Я находился точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ школьникъ, сдѣлавшій шалость и стыдящійся въ ней сознаться передъ своимъ учите-

лемъ. Я не допускалъ, что Маша будет сердиться или попрекать меня, но было чего-то стыдно и—конецъ. До Рождественскихъ праздниковъ оставалось всего нѣсколько дней, вечеринки должны скоро прерваться, а мнѣ во что бы ни стало хотѣлось увидать Машу до святокъ. Изъ лѣса и со «стороны» деревенскіе начали уже подъѣзжать. Приѣхалъ и мой хозяинъ съ сыномъ, парнемъ лѣтъ двадцати. Славный былъ этотъ парень: русый, здоровенный, съ крупными чертами лица и смотрѣвшій увальнемъ, но чрезвычайно добродушный и почему-то любившій меня. Его и звали Никитушкой. Вотъ сидѣлъ я вечеромъ дома за чаемъ и собирался на вечеринку. Вошелъ Никитушка въ нагольномъ тулупѣ и съ шапкою въ рукахъ.

— Что, Никитушка?

— Ничего,—ухмыльнулся парень,—я такъ, провѣдать тебя зашелъ. Може, говорю, не пойдетъ ли нашъ баринъ на посѣдки. Такъ я бы ему въ товарищи.

— А, вѣдь, я точно хочу идти.

— Ну, вотъ, вотъ, я такъ и думалъ: пойдетъ, молъ, седня Григорьичъ, безпремѣнно пойдетъ.

— Да ты не хочешь ли чаю?

— Нѣ! Выпилъ бы съ тобою чашку, да разболакаться не охота. Вставай, коли удумалъ, пойдѣмъ!

Дорогою Никитушка успѣлъ сообщить мнѣ множество деревенскихъ новостей. Между прочимъ, онъ сказалъ, что обо мнѣ справлялась дьячкова Анна: вернулся ли я изъ Шахры. Почему нейдетъ въ Марьино, если ужъ онъ дома, «мы по немъ соскушнулись».

— Да кто онъ-то?—спрашиваю.

— Знамо ужъ кто: сама, Анна-то дьячкова, да Марья, дочь Андрея Никифорова.

— Почему же это ты знаешь?

— Во-она! Да, поди, всѣ дѣвки съ парнями про то знаютъ. Экой ты простой парень!

— Да чего знаютъ-то?... Чудакъ ты голова!

— Вѣстимо чего. Марья-то, слышь, отъ тебя съ ума сходить. Худѣть съ лица зачала: должно, пици ужъ не рѣшилась ли!

— Что за вздоръ ты мелешь?

— Экой ты, погляжу я, простой баринъ! Чай, я слышанное толкую. Любъ, значить, ты больно Марья-то, вотъ она по тебѣ и стала чахнуть... Только ты, слышь, что я тебѣ скажу: соблюдай осторожность. Паревенка подрядчиковъ свѣдалъ про это и хвастаетъ тебѣ бока намять. Ну, да ты на праздникахъ-то не опасайся: я

тебя сберегать стану. Отец Парёнку женить надумалъ: баловаться парнишка на чужой сторонѣ научился. Какъ Парёнка на посѣдкахъ форсить! Дѣвки ему похвастались, что ты имъ завсе гостинцевъ приносишь, а онъ когда-когда подсолнухами ихъ одѣлить. Такъ вечеръ Парёнка платошь съ жемками да орѣхами приволокъ, кинулъ дѣвкамъ на колѣни и сказалъ: «Мы сами никакимъ господамъ не уступимъ, а что насчетъ семенихинскаго барина, то ему далеко со мной не изравняться».

До самаго Марьина болталъ Никитушка. Я слушалъ его и не отвѣчалъ: досада, опасеніе за доброе имя дѣвушки и самобичеванія волновало меня всю дорогу. У воротъ одного, болѣе другихъ освѣщеннаго дома, куда мы подошли, Никитушка потихоньку сказалъ:

— А, вѣдь, Марьи, чать, на бесѣдкѣ и нѣтуть.

Бесѣдницы встрѣтили меня привѣтливо, гречанка едва замѣтно покачала головою. Но Маши не видать. Парней было человекъ пять и въ числѣ ихъ Парёень Игнатьичъ. Никитушка, какъ влѣвъ въ своемъ нагольномъ тулупѣ, такъ, не раздѣваясь, и забился въ задній уголъ.

— Наше вамъ нижайшее, господинъ Платоновъ! — съ комическою важностью поклонился мнѣ сынъ подрядчика. — Все ли здоровы?

Я присѣлъ къ Аннушкѣ. Въ рукахъ подрядчикова сына была хорошая гармоника. Бесѣдницы просили его сыграть пѣсенку, но какъ самъ щеголь, такъ равно и другіе изъ ребятъ не умѣли, а одинъ только Никитушка игралъ. Передали ему гармонику.

— Какую, дѣвушки, зачинать? — освѣдомился изъ угла Никитушка.

— Какую самъ удумаешь!

Никитушка началъ и бесѣда разомъ взяла:

Снѣ-ѣ-ги-и бѣ-ѣ-ѣлы-ые пу-ши-стые...

Мы съ гречанкою, между тѣмъ, вели разговоръ. Я узналъ, что Маша вчера была здѣсь, но что теперь она уже до святокъ не придетъ; затѣмъ мнѣ сказали, что Парёень Игнатьичъ усердно за ней ухаживаетъ, но что дѣвушкѣ это очень не нравится. Сообщили также, что «одна изъ дѣвушекъ», въ продолженіе моего отсутствія, все ждала меня.

— Гдѣ же вы пропадали?—заклчила вопросомъ Аннушна.

Я рассказалъ. Собесѣдница покачала головой и сказала:

— Нашли бы время и сюда заглянуть, если бы захотѣли...

Удивляюсь я только одному: какъ жестоки мужскія сердца и между образованными людьми. А я думала, что если который человекъ образованъ, то онъ скорѣе можетъ понимать и не мучить другихъ напрасну.

— Вы кого имѣете въ виду?

— Отлично хорошо сами знаете. Нечего вамъ и спрашивать! — сверкнувъ темно-кариими глазами, гнѣвно отвѣтила гречанка. — Не мѣсто здѣсь, а то я поговорила бы съ вами.

— А у меня къ вамъ есть просьба. Вы позволите васъ проводить, когда домой пойдете?

— Провожайте, если хотите... Я скоро уйду.

Черезъ полчаса мы ушли. Молодой подрядчикъ проводилъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Благополучнаго пути и счастливаго успѣха желаю! — крикнулъ онъ въ дверь.

Какъ только мы очутились съ Аннушкой одни на улицѣ, я съ паромъ началъ просить:

— Анна Николаевна, дорогая! нельзя ли мнѣ увидѣться съ вашей?

— Если Рождествомъ въ Шахру не уѣдете, то на второй день увидите: она будетъ на игрищахъ.

— Нѣтъ, скорѣе, на этихъ дняхъ!...

— Мѣсяцъ не видѣлъ — терпѣлъ и не вспомнилъ про дѣвуш-ку, а теперь загорѣлось... За нами кто-то идетъ.

Я оглянулся. Шагахъ въ десяти валила фигура, весьма похожая на добраго медвѣдя.

— Это Никитушка, — проговорилъ я. — Онъ меня оберегаетъ, но, кажется, напрасно трудится...

— Почему знать? Можетъ, и не напрасно. А стоило бы васъ хорошенько проучить, — не такъ, разумѣется, какъ Пароень соби-рается, а другимъ образомъ.

— Но... если бы вы знали...

— Ничего я про ваши дѣла знать не желаю, не знаю такъ ничего и про Машу... Жалко только мнѣ... Если бы я была на мѣстѣ одной дѣвушки, то я показала бы себя нѣкоторымъ людямъ.

Но, должно быть, въ голосѣ моемъ звучало много сердечныхъ грунъ, когда я сталъ упрашивать спутницу, и она подалась, по-жила гнѣвъ на милость.

— Ну, ради подружки, я надъ вами смилуюсь, — смягчаясь, сказала гречанка. — До праздниковъ увидѣться нельзя, — въ этомъ вы и думать забудьте! — но въ первый день вечеромъ

приходите къ намъ: я вамъ покажу особу, которую вы желаете видѣть...

— А до праздника?... Мнѣ необходимо два слова ей сказать.

— Тогда ей и скажете. Поймите же вы, что теперь идетъ въ домахъ уборка, до Рождества всего четыре дня осталось. Ту особу я завтра же увижу... Вы, пожалуйста, не вообразите, что я къ ней пойду нарочно съ этою радостною вѣстью... Есть чему радоваться: сокровище какое нашлось!

Выпустивъ послѣдній зарядъ своего гнѣва, гречанка взялась за кольцо калитки; — мы стояли у ея дома, — потомъ мягко посмотрѣла въ мое лицо, подала руку и сказала:

— А вы, вѣдь, человѣкъ хорошій. Можетъ, я васъ не понимаю... До свиданія, голубчикъ! Въ праздникъ вечеромъ къ намъ! А той ужъ я скажу... Ахъ, если бы я была на мѣстѣ другой... Прощай, милый тиранъ!— и, весело засмѣявшись, бойкая дѣвушка нырнула за калитку и скрылась.

V.

Насилу я дождался праздника. Въ первый день прямо отъ обѣдни я вернулся на свою квартиру. Пришелъ священникъ съ причтомъ и пѣвчими (въ числѣ ихъ были и дѣвушки). Зашли кое-кто изъ деревенскихъ поздравить; долѣе другихъ пробыли старшина съ волостнымъ писаремъ: они нашли очень вкусною мою закуску и потому выпили рюмокъ по пяти вина. Проводивши послѣднихъ гостей, я поѣхалъ самъ съ «визитами». На передкѣ сѣней, вмѣсто кучера, правилъ Никитушка. Обѣхалъ я дома духовенства и, захвативъ съ собою Аннушку, направился къ Андрею Никифоровичу. Оба, мужъ и жена, приняли меня радушно, заставили выпить рюмку елисейскаго портвейна и стаканъ чаю. Въ домѣ ихъ я видѣлъ зятя, но одного, безъ жены, подрядчика, отца Пареена Игнатъича, и еще нѣсколько человѣкъ. Гречанка, поздравивши хозяевъ съ праздникомъ, отправилась въ боковую комнату (домъ у Андрея Никифоровича былъ двухъ-этажный, съ пятью комнатами во второмъ); минуты черезъ двѣ она вернулась и спросила хозяйку:

— Гдѣ же у васъ Маша?

— А развѣ вы ее не встрѣтили? — отозвалась Татьяна Васильевна. — Она сию минуточку, какъ вамъ взойти, поѣхала въ Шелепиху, сестру поздравить и провѣдать: вѣдь, Феклуша послѣдніе денечки ходитъ. Да она не замѣшается: скоро обернетъ.

— То-то я не вижу ее, красавицу, — присталъ къ разговору подрядчикъ. — Буда, думаю, она дѣвалась? Анъ къ сестричкѣ утатила!

Гречанка присѣла къ столу и принялась хозяйничать. Окончивъ свой чай, я быстро поднялся и сталъ прощаться. Аннушка глазами одобрила мое намѣреніе.

— Что ты торопишься? Побесѣдуй съ нами, — удерживалъ хозяинъ. — Дома тебя, поди, никто не дожидается.

— Приду въ новый годъ. Спасибо, Андрей Никифоровичъ.

Я уѣхалъ. На квартирѣ меня встрѣтилъ правленскій сторожъ.

— Съ праздникомъ твою милость! — началъ онъ. — Пошту изволь получить. Только что изъ городу посылокъ воротился, я ухватилъ твою пошту и побѣгъ. Съ праздникомъ!

Отпустивъ съ «благодарностью» сторожа, я пробѣжалъ письма: одно было отъ предсѣдателя управы, а другое отъ судебного пристава. Оба поздравляли и посылали лучшія пожеланія, а послѣдній усердно просилъ меня тридцатаго декабря пріѣхать въ Шахру: «И повидаться съ вами очень желаю, и кое-что вамъ нужно сказать, — читалъ я. — Самому заѣхать къ вамъ положительно нѣтъ времени, хотя бы крюкъ и небольшой пришлось сдѣлать. Годъ ужь какъ мы съ вами не видались». Дѣйствительно, несмотря на свои обѣщанія, городскіе пріятели всего одинъ разъ посѣтили меня въ деревнѣ: все имъ некогда, дѣлами завалены. Но вѣрнѣе — на подъемъ тяжелы уѣздные обыватели, а когда случится тяжесть свою преодолѣть и рѣшиться на поѣздку къ пріятелю за двадцать верстъ, глядишь — Василий Дмитріевичъ изловилъ и утащилъ къ себѣ на нулечку. Въ послѣдней книжкѣ журнала я пробѣжалъ одно содержаніе, а въ газеты и не заглянулъ: онѣ и такъ раздражали меня, а сегодня, въ такой праздникъ и въ ожиданіи вечера, я ничѣмъ не хотѣлъ портить настроенія. По тому же самому мотиву я поторопился и отъ Андрея Никифоровича убраться: я чувствовалъ, что и Маша, и я непременно смутимся при встрѣчѣ въ родномъ домѣ. Я волновался, но это волненіе было пріятно: оно всѣмъ знакомо, кто любилъ женщину и ждалъ минуты, въ которую всякое томленіе неопредѣленности должно окончиться.

Вечеръ стоялъ отличный. Въ ночь, наканунѣ праздника, шелъ снѣгъ къ сумеркамъ пересталъ и легкимъ морозцемъ потянуло. Въ тсмъ году до Рождества снѣгу было мало; настоящій снѣгъ уже послѣ Брещенія повалилъ. Я вышелъ за ворота. Полный свѣжій мѣсяцъ прямо глядѣлъ; небо все вызвѣздилося...

— Буда ты пойдешь? — услышалъ я голосъ.

Я оглянулся: изъ-за угла дома выдвинулся Никитушка. Добродушное лицо его ухмылялось. На немъ былъ крытый сукномъ тулупъ, съ чернымъ барашковымъ воротникомъ, на головѣ новая шапка и кожаные сапоги на ногахъ. Для праздника принарядился и онъ, настоящимъ женихомъ смотрѣль: хоть сейчасъ къ невѣстѣ. Я отвѣтилъ.

— Такъ мнѣ постоять, что ли, гдѣ велишь? — спросилъ Никитушка.

— Зачѣмъ? вовсе не нужно!

— Ну, коли я тебѣ не надобенъ, такъ я погуляю.

Въ домѣ дьячка, кромѣ самой молодой хозяйки, никого налицо не оказалось: отецъ ѣздилъ со священникомъ по приходу, а мать съ младшею дочерью ушла въ гости къ дьяконицѣ. Въ небольшой комнатѣ, служившей залцемъ и освѣщенной висячею лампой, весело и призывно пошумливалъ ярко вычищенный мѣдный самоваръ, со стѣнъ, оклеенныхъ дешевенькими, но чистенькими бѣлыми обоями, глядѣли портреты митрополитовъ и архіереевъ, а черезъ открытую половинку двери, ведущей въ сосѣднюю комнатку, гостиную, мерцалъ свѣтъ лампы передъ наугольникомъ съ иконами. Анна Николаевна, въ лучшемъ своемъ каричневомъ шерстяномъ платьѣ, сшитомъ собственными руками, съ гладко причесанными черными глянцовитыми волосами на головѣ, дружески привѣтствовала меня изъ-за стола, пожала руку и пригласила садиться.

— Какъ точно знала, что вы сейчасъ придете: передъ вами самоваръ внесла. Ну, давайте чайничать. Расскажите мнѣ что-нибудь: я очень люблю слушать, когда вы рассказываете.

Я оглянулся. Гречанка поняла.

— Да, представьте себѣ, надула, видно, милая - то подружка! — воскликнула она. — Хотѣла къ шести часамъ придти, а теперь ужь семь.

— Что-нибудь дома задержало, — не безъ усилія выговорилъ я, и внутри у меня что-то сжалось. — Сестра у Маши больна...

— Нѣтъ, не та причина: Феклуша еще пока ходить... Должно быть, совсѣмъ ужь не придетъ...

— А я такъ былъ увѣренъ...

— Что-жь дѣлать? Проведемъ времячко и одни. Развѣ вамъ со мною скучно? А я, напротивъ того, думала; что вамъ со мною будетъ пріятно.

Въ глазахъ ея промелькнуло что-то похожее на досаду или обиду. Я въ смущеніи наклонилъ свою голову надъ стаканомъ.

— Неужели она на меня сердится?

— Должно быть, есть немножко, — утѣшила гречанка, — потому и не хочеть на васъ смотрѣть.

— Аннушка, зачѣмъ ты это неправду говоришь? — послышался откуда-то грудной, хорошо знакомый голосокъ.

Я встрепенулся. Другая половинка двери, противъ которой я теперь сидѣлъ, отворилась и изъ гостиной, въ темно-синемъ платьѣ, залитая яркимъ румянцемъ, какъ пунцовая отласная вырѣзка на груди платья, показалась Маша. Я вскочилъ.

— Здравствуйте, Павелъ Григорьевичъ! — протягивая свою маленькую руку и устремляясь ко мнѣ, сказала дѣвушка. — Вы не вѣрьте ей, что она говорить. Я, право, отъ васъ и прятаться не хотѣла... Извините, я позабыла: съ праздникомъ васъ поздравляю!

И никакого упрека въ голосѣ или взглядѣ, ни малѣйшаго намека на мое поведеніе... О, милая, безцѣнная дѣвушка!

— Зачѣмъ ты вышла? — громко смѣясь, говорила гречанка. — Надо бы его хорошенько помучить! Ахъ, если бы я на твоемъ мѣстѣ была!...

— Я не умѣю этого, — стыдливо склоняя лицо, проговорила Маша. — Да развѣ я могу ихъ мучить? Они мнѣ зла никакого не сдѣлали...

— Ну, садитесь же! — прикрикнула хозяйка. — Чай заморозите... А теперь, господинъ Платоновъ, баринъ нашъ хорошій, извольте-ка намъ рассказывать, что вы цѣлый мѣсяць, какъ отъ насъ въ бѣгахъ находились, подѣлывали, какими разговорами въ Шахрѣ, на бесѣдкахъ, занимались и какъ вы съ Любашею да Катенькою любезничали. Ну, смотрите же — не лгите: я, вѣдь, все про ваши похождения знаю!

Набѣжала какая-то большая волна здороваго веселья, подхватила насъ и помчала... Я рассказывалъ, дѣвушки смѣялись и заливались; на минутку придержатся, но взглянуть одна на другую — и такъ и покатыя отъ смѣха. За Аннушкой я и раньше зналъ такой смѣхъ, — «ну, закатилась!» — говорили про нее, но Маши смѣхъ... я никогда не слыхалъ, чтобы она такъ смѣялась. Незамѣтно пролетѣлъ часъ.

— Батюшки! Что я надѣлала? — вскрикнула неожиданно гречанка. — Вѣдь, я обѣщалась маменькѣ на минутку побывать у дьяконицы, а то, вѣдь, сердиться та станетъ. Вы не обидитесь, если я оставлю васъ? Я только покажусь, скажу, что у меня гости и живой рукой обратно.

Послѣднія слова она договорила уже въ крохотной передней.

Надѣвъ калоши и накинувъ шубку-пальто, гречанка проворно выбѣжала. Мы остались одни.

(При послѣднихъ словахъ Платонова дверь изъ гостиной въ столовую чуть-чуть пріотворилась).

VI.

Маша проговорила нѣсколько словъ, потомъ стихла и медленно ушла въ сосѣдную комнатку. Я испытывалъ нѣкоторое волненіе: минута удобная, и я скажу ей... Я прошелся по залу, пріостановился и заглянулъ въ другую комнатку. Въ слабомъ таинственномъ полусвѣтѣ теплящейся лампы, въ уголку стараго, обитаго кожей дивана обрисовывалась фигура дѣвушки. Она сидѣла, прижавшись къ спинкѣ дивана, и глаза ея, чудесныя, лучистыя, изъ-подъ темныхъ бровей съ мольбою, казалось, обращены были на строгій ликъ образа.

— Можно къ вамъ войти?

— Войдите, — отвѣтила она, но не пошевельнулась, а отвела съ иконы глаза и опустила ихъ.

— Что съ вами? — всмотрѣвшись въ ея измѣнившееся, сразу похудѣвшее лицо, спросилъ я. — Вы какъ будто поблѣднѣли?

Она ни слова не проговорила. Я подошелъ ближе и взялъ ея руку.

— Маша, вы нездоровы?

Дѣвушка не отнимала своей руки, но все также молчала.

— Дорогая! вы, можетъ, сердитесь на меня?

— Нѣтъ, — упавшимъ голосомъ выговорила Маша. — Только я сама не знаю, что со мной дѣлается... — Дѣвушка помолчала. — Скучно мнѣ, тоска на меня страшная находить, — опять заговорила она. — Боюсь я чего-то, и сама не знаю...

Я поднялъ ея похолодѣвшую руку и прижалъ къ своимъ губамъ. Дѣвушка тихо, но горестно заплакала.

— О чемъ вы, Маша?

— Не спрашивайте меня, — съ трудомъ, не переставая плакать, произнесла она чуть слышно. — Я не знаю... вы сами понимаете...

Я упалъ передъ нею ни колѣни. Она вздрогнула.

— Милая! Сокровище ты мое!

Она медленно приподняла свою головку, робко, какъ будто не довѣряя себѣ, взглянула мнѣ въ лицо и нерѣшительно положила на мои плечи свои руки. На длинныхъ рѣсницахъ, какъ

крупные алмазы, сверкали еще слезы, но въ глазахъ не было скорби; они засвѣтились чѣмъ-то новымъ, неземная радость въ нихъ вспыхнула и полилась лучами въ самую глубь моего сердца.

— Будь моею женой!...

Безъ словъ, вся любовь и красота, она склонилась ко мнѣ на грудь и заплакала уже иными слезами.

— Скажи,—началь я погода,—родные за меня отдадутъ тебя?

— Ахъ, Господи! да что же это такое? — въ какомъ-то забытьѣ говорила дѣвушка, заглядывая мнѣ въ лицо и вся сіяя любовью, счастиемъ и радостью.

— Я завтра пойду просить твоей руки.

Шибко ступнула калитка, звягнула защелка въ сѣняхъ и слышались шаги.

— Это я! — подала голосъ изъ передней Аннушка. — Сейчасъ раздѣнусь... Бакая на дворѣ ночь! Вотъ бы покататься... Пошла на минутку, а просидѣла битыхъ полчаса, — и она не спѣша вошла въ зальце. — Ужъ вы простите меня: дьяконица задержала.

По быстрому взгляду, какимъ гречанка метнула на свою подругу, я догадался, что она сразу все поняла, и, повеселѣвъ, принялась рассказывать про дьяконицу и ея гостей. Маша, попрежнему, вся сіяющая, слушала ее молча и все улыбалась. Я тоже молчалъ и улыбался.

— Ну, да будетъ о нихъ говорить! — оборвала свой разговоръ хозяйка. — А вотъ что, Павелъ Григорьевичъ: покатайте-ка насъ съ Машей на праздникахъ!

— Отчего же?... Съ удовольствіемъ, — очнулся я. — Когда вы хотите?

— Да я всегда свободна. Вотъ какъ она?... Тебѣ когда можно?... Маша, да что ты, или не слышишь?

— А? что ты говоришь, Аннушка?

— Павелъ Григорьевичъ насъ покатать хочетъ. Второй и третій день ты на игрищахъ будешь, а на четвертый я отпрошу тебя у матери.

— Я не пойду на игрища, — овладѣвъ собою, отвѣтила моя невѣста.

— Какъ же ты не пойдешь? — пытливо посмотрѣвъ на подругу, замѣтила хозяйка. — Вѣдь, ты еще не «сговоренка»!

— Не пойду! — счастливо улыбаясь, повторила Маша.

Мы уговорились ѣхать кататься на третій день вечеромъ: я долженъ былъ найти двухъ въ разнопряжку лошадей, а гречанка взялась устроить остальное, т. е. отпросить Машу и пригласить

еще кого-нибудь... Я началъ прощаться съ дѣвухами: гостя оставалась у Аннушки ночевать.

— Мы пойдемъ васъ проводить,—сказала хозяйка.— Маша, ты одѣнься!

Въ сѣняхъ подруги остановились. Гречанка пожала мнѣ руку, сказавъ, что ей холодно,—она ничего поверхъ платья не накинула,—и она уйдетъ въ комнату, а Маша одѣта тепло, ей можно еще и поговорить. Моя дорогая стояла въ сѣняхъ, въ притворенной на крылечко двери, и полоса луннаго свѣта падала на ея лицо и грудь, слегка прикрытую штофною шубкой. Какъ только мы очутились вдвоемъ, она безмолвно подалась ко мнѣ своимъ станомъ, я обнялъ ее и крѣпко, горячо поцѣловалъ въ пылавшія губы.

— Завтра еще не ходи, миленькій! — въ полголоса сказала она.—Надо мнѣ сперва родимую матушку объ этомъ предупредить.

— А если за тебя посватается сынъ подрядчика?

Она покачала головой.

— Пускай сватается. Я не пойду за него, а родители меня не станутъ принуждать... Видишь ли что, миленькій: родители меня за тебя съ радостью выдадутъ, но ежели ты завтра придешь къ батюшкѣ моему и прямо объявишь, такъ онъ, пожалуй, усомнится и сразу не дастъ согласія: «Баринъ,—скажетъ,—куда намъ съ нимъ въ родню вступать!» Ну, да ему что-то про тебя и урядникъ говорилъ... А какъ я своей родимой откроюсь, ничего отъ нея не потаю, расскажу, сколько времени люблю тебя и что какъ ты меня любишь, она съ батюшкой и переговоритъ, онъ слова ея приметъ, послушается. Дѣло ли я тебѣ говорю?

— Хорошо, моя радость. Но ты поторопись. Тогда я въ новый годъ приду къ вамъ сватать тебя.

— Такъ, ненаглядный мой: новый годъ—и мнѣ новое счастье принесетъ. Какой ты умный, добрый!

— Мы разстались. Я сталъ взбираться на пригорокъ, гдѣ возвышалась среди снѣговъ и мягко вырисовывалась своими чистыми линиями бѣлая церковь, облитая фосфорическимъ свѣтомъ мѣсяца. Взобрался, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оглянулся на окна дьячковаго дома: тамъ любовно свѣтился огонекъ, тамъ ярко горѣло мое счастье. А изъ-за рѣчки, по направленію къ домамъ церковнослужителей, шла кучка народа.

— Домой?—раздался вблизи негромкій голосъ.

— Никитушка! ты откуда взялся?

— Въ Марьинѣ гулялъ. Ко дворамъ направлялся, да нѣшь

позяблось — въ церковную сторожку погрѣться забѣгъ. Теперь вѣсть домой пойдёмъ: веселѣ вдвоемъ-то.

Когда мы добрались до своей избы, парень сказалъ мнѣ на ухо:

— Пареевка два разъ подходилъ: съ пригорка на васъ въ окошко зарился. Не знаю, углядѣлъ ли онъ тебя.

— Ужь не онъ ли это сейчасъ черезъ рѣку шелъ?

— Видѣлъ? Онъ, онъ это, съ товарищами!

Какіе мгновенія, часы, дни я переживалъ! Я совершенно возродился, любовь окрылила меня, и я безстрашно, съ гордымъ вызовомъ пошелъ бы на встрѣчу грозѣ, злобнымъ, но бессмысленнымъ своимъ врагамъ и всякимъ невздамъ жизни... Катанье наше устроилось отлично. Я ѣхалъ съ Машей и Аннушкой, стоя въ передкѣ и правя лошадей; въ другихъ саняхъ ѣхали младшія сестры обѣихъ подругъ съ кучеромъ Никитушкой. Гречанка безъ умолку хохотала, кричала: «Кучеръ, правъ хорошенько! Не туда ѣдемъ!» Маша, веселая, счастливая, заливалась серебристымъ смѣхомъ.

— Ахъ, жизнь! — воскликнула, разъ Аннушка. — Такъ бы вотъ взяла, да и окунулась въ нее вся съ головой, а тамъ послѣ что бы ни было... По крайней мѣрѣ, вспомнить-то потомъ было бы чѣмъ свои годы молодые.

Въ одной деревенькѣ она велѣла остановить лошадь, выскочила и подбѣжала къ заднимъ санямъ. Спросила, не озябли ли дѣвочки; тѣ отвѣчали, что не озябли еще пока. Аннушка не повѣрила.

— Не можетъ быть! — говорила она. — Я по ушамъ вашимъ вижу, что перемерзли... Ну-ка, Никитушка, заверни вонъ къ той избѣ: тамъ у меня знакомая бабочка живетъ, погрѣмся мы у нея и чайку попьемъ. Кстати, я захватила съ собою и припасы... А вы, если не озябли, прокатитесь еще, да и къ намъ, прямо къ самовару поспѣвайте. У Михѣевны мы грѣться будемъ... Трогай, кучеръ! Пошелъ! — крикнула она, подбѣжала къ нашимъ санямъ и дернула за возжи.

Ночь свѣтлая, голубая и тихая; мѣсяцъ съ одной стороны уже поубавился, но свѣтилъ необыкновенно и чудно. Небо надъ нами, синее и глубокое, все трепетало отъ крупныхъ ярко-горѣвшихъ звѣздъ. Крыши строеній повсюду свергали, какъ разноцвѣтными камнями; облыя поля блестѣли, отсвѣчивали и переливались ежесекундно вспыхивавшими огоньками. Алѣсь, куда мы вѣхали, — молчаливый, весь въ серебряныхъ кудряхъ, гирляндахъ и бахромѣ, — стоялъ неподвижно, какъ будто погруженный въ какой волшебный

сонъ гигантъ, и надъ нимъ, въ лунномъ сіяніи, не слышно, но явственно летали граціозныя видѣнія, сны, а изъ широкой тѣни, мѣстами, выступали фантастическія существа и протягивались чьи-то исполинскія руки... Я сидѣлъ теперь рядомъ съ Машей, плотно прижимавшейся ко мнѣ, видѣлъ ея свѣжее, горѣвшее пышнымъ румянцемъ лицо, чувствовалъ ея горячее дыханіе... Я разсказалъ ей о настоящей причинѣ своего бѣгства. Она радовалась, какъ ребенокъ, и говорила:

— Милый ты мой! Сердце ты мое!... Какъ я тебя люблю! — и она приподнималась, становилась въ санихъ на колѣни, цѣловала меня въ губы, не спускала глазъ и все говорила:— Люби ты меня, люби!... Знаешь, если бы ты на мнѣ и не женился, я все такъ же бы тебя любила и пошла бы за тобой хоть на край свѣта.

— Родная, милая... А ты съ матерью говорила?

— Нѣтъ еще, она теперь все у сестрички, въ Шелепихѣ... Можетъ, сегодня не далъ ли ужъ Господь дитя Оеклушѣ.

— А ты любишь дѣтей?

— Да развѣ ихъ кто не любитъ?... Вѣдь, они—ангельскія душеньки, святые; если помрутъ — ихъ ангелы Господни возьмутъ подъ свои крылышки и понесутъ на небо... Вонъ звѣздочки-то, — это онѣ, душеньки младенцевъ, глядятъ на насъ.

— Вотъ, Маша, и у насъ будутъ съ тобой дѣтки.

— Будутъ... Какъ я стану любить ихъ!...—Вдругъ она застыдилась, спрятала на груди моей лицо и вся затрепетала.—Павлушенька, сердце мое! Ненаглядный, свѣтъ ты моихъ очей! Черезъ тебя, родной, я словно бы рай пресвѣтлый увидѣла!

Отъ этихъ рѣчей, дышавшихъ глубокимъ, страстнымъ чувствомъ, отъ пламенныхъ поцѣлуевъ и близости любимой дѣвушки, такъ довѣрчиво мнѣ отдававшейся, я начиналъ какъ будто терять голову, поворотилъ лошадь и погналъ въ деревню. Тамъ напились чаю, захватили нашихъ дѣвочекъ, Аннушку посадили опять въ свои сани и понеслись по бойкой дорогѣ, обсыпаемые по временамъ снѣжною пылью и обжигаемые рѣзкимъ вѣтеркомъ. Кругомъ разстилались неогладныя блестящія поля, сверху, трепеща и точно перешептываясь между собою, радостно глядѣли намъ въ глаза звѣзды, освѣщенная мѣсяцемъ даль раздвигалась и сіяла намъ счастіемъ... Не доѣзжая Марьины мы свернули влѣво и подкатили къ дьячковскому дому съ другой стороны. Но насъ видѣли чьи-то зоркіе, любопытные глаза... Съ деревни доносились шумные мужскіе голоса, нескладно зятянутыя пѣсни и крики подгулявшихъ въ трактирѣ мужиковъ. Видимо, святочное веселье развертывалось,

расходилось вширь и вдоль, наполняя деревню непривычнымъ весельемъ.

Утромъ я узналъ, что сестра Маши родила и на третій день будутъ крестить новорожденнаго. Наканунѣ крестинъ,—это было двадцать девятаго числа, когда пріѣхалъ фельдшеръ,—Маша извѣстила меня, чтобы я вечеромъ, часовъ около восьми, прошелъ мимо ихъ дома. Въ этотъ короткій промежутокъ времени Никита, посѣщая вечеринки и заходя, изъ одного любопытства, въ трактиръ поглазѣть, успѣлъ собрать новыя свѣдѣнія и не преминулъ меня поставить въ извѣстность. По его словамъ, Парѣенъ Игнатьичъ узналъ и про наше свиданіе съ Машей у Аннушки, и про наше катанье, а потому мнѣ «Парѣенки какъ можно надо остерегаться».

— Вечоръ, ребятенки въ трактирѣ про царя Максимилиана представляли,—дованчивалъ таинственно Никитушка.—Парѣенка тамъ, потихоньку отъ своего отца, вино пилъ. Выпивши, почалъ куражиться и выхваляться: «Ни за что, шумить, Машутку я барину не уступлю! Ежели бы онъ и жениться на ней задумалъ, я не дозволю: не пойдетъ ежели она за меня по чести, я надсмѣшку надъ нею сдѣлаю, осрамлю такъ, что баринъ и не подумаетъ ее послѣ за себя взять. А ему я ноги еще перебую!»

— Все пустяки! Ничего онъ не посмѣетъ сдѣлать, и напрасно ты пьянаго человѣка слушаешь.

— Знамо, напрасно! Человѣкъ не въ своемъ видѣ... Шабаршить. Такъ ты ужь самъ гляди, дѣлай, какъ тебѣ способнѣе. Мнѣ не учить тебя. Хоть бы отцу, што ли, ты Парѣешкину поговорилъ.

— Да о чемъ?

— Экій ты баринъ! Парѣенка и допрежде слылъ за отчаяннаго, а теперича, поживши на сторонѣ, онъ совсѣмъ въ разбойники приписался. Видѣлъ, рожа-то у него какая?—взглядъ свирѣпый и ручищи, какъ у медвѣдя лапы. Не подѣлалъ бы онъ чего и впрямь надъ Машуткой-то.

— На людяхъ не посмѣетъ, а ночью она никуда одна не выходитъ:

Никита подумалъ, взглянулъ на меня и развеселился:—

И то, промолвилъ онъ,—правда: ничего ему не подѣлать.

Вечеромъ, раньше назначеннаго срока, я отправился. Мѣсяць еще не всходилъ, на улицѣ народа не замѣчалось: Маша уже ждала. Подъ широкимъ навѣсомъ воротъ меня обняли жепскія руки и теплыя уста прильнули къ моимъ.

— Пришелъ, желанный мой. Здравствуй!

— Скажи, радость моя, говорила ты съ матерью?

— Говорила.

— Что же она?

— Усомнилась, было, по началу, что ты жениться на миѣ хочешь, да потомъ увѣровала... Прослезилась моя родимая... Ну, а завтра меня дома не будетъ, уйду въ Шелепиху: сестричка съ зятемъ желаютъ, чтобы я крестною матерью дитя ихъ новорожденнаго была. Ты говорилъ, что надо съ кѣмъ-то повидаться; ты и съѣзди, пока я у сестрички побуду, а послѣ-завтра вернись и въ новый годъ...

— Договаривай: чтò въ новый годъ?

Маша гладила рукою мѣхъ на лацканахъ моей шубы и, точно про себя, тихо говорила:

— Скажу тебѣ слово тайное... Въ новый годъ ты пойдешь за обѣдню, помолишься... отъ всего усердія помолишься, чтобы Богъ послалъ тебѣ счастьяца хорошаго, здоровья да благополучія. Я тоже буду въ Господнемъ храмѣ, стану у Царицы Небесной молить себѣ всякаго благополучія, счастьяца... А изъ церкви ты пройдешь прямо къ намъ въ домъ, скажешь, о чемъ нужно, моему родителю-батюшкѣ съ родимую матушкой, а я въ ту пору буду въ задней горницѣ ожидать... Скоро меня къ вамъ кликнуть, я войду; родитель меня спроситъ: «Марья, вотъ тебя Павелъ Григорьевичъ сватаетъ. Согласна ли ты?» А я ему скажу: «Я изъ воли своихъ родителей-кормильцевъ не выйду. Какъ вы сами удумали, такъ и я». — «Мы съ матерью согласны, — батюшка промолвить. — А ты какъ знаешь: воли съ тебя не снимаемъ». Тутъ мы всё помолимся. Батюшка съ матушкой благословятъ насъ, поздравятъ. Я поклонюсь имъ въ ноги, встану, къ тебѣ подойду, — Маша подняла на меня свое лицо, — и молвлю: «Здравствуй, женихъ мой желанный, здравствуй, Павелъ Григорьевичъ!» Да тутъ же, при родителяхъ, чтобы они видѣли, какъ я люблю, и обниму тебя... вотъ такъ обниму!...

Я съ трудомъ владѣлъ собою: изъ глазъ выступали слезы. Я сказалъ, что насъ могутъ увидѣть; на это Маша тряхнула головою и отвѣтила:

— Пускай ихъ видятъ! Я не съ чужимъ разговариваю да цѣлуюсь, а съ своимъ женихомъ. Я ни отъ кого не потаюсь: «гляди-те, добрые люди, какого сокола я себѣ въ мужья выбрала!»... Да, такъ и скажу... Завтра ты въ Шахру поѣдешь... Если бы не крестины — я увязалась бы съ тобою. Поѣхали-бы... далеко бы проѣхали, и все дальше, дальше ѣдемъ... Хорошо намъ, на душѣ радостно, весело... А теперь ты одинъ, безъ меня уѣдешь... Нѣтъ

г тебя родимой матушки, некому тебя въ путь-дороженьку благо-
зловить,—сирота ты у меня... Дозволь, я тебя перекрещу, мое
сердце.

Я снялъ шапку, и дѣвушка набожно три раза перекрестила
меня. Мы простились. Съ дороги я оглянулся. Моя невѣста вышла
изъ потемокъ навѣса, стояла посреди улицы и провожала меня
глазами.

У П .

Тридцатаго числа, около полудня, мы съ фельдшеромъ кати-
ли уже на парѣ «правленскихъ» въ Шахру. Выѣхавъ за околицу
и проѣхавъ рядъ семенихинскихъ бань (въ деревняхъ почти вездѣ
бани за околицей стоять), мнѣ вдругъ захотѣлось увидать Машу,
взглянуть на нее хотя разъ и встрѣтить ея милую улыбку, взоръ ея
лучистый; я вспомнилъ, что въ Шахру была и другая дорога: изъ
Марьино туда ѣздили прямо на Шелепиху. Но ворочаться назадъ
поздно: пришлось бы сдѣлать версты три крюку. Вчера, возвра-
щаясь послѣ свиданія съ дѣвушкой, я встрѣтилъ Пареена Игнать-
ича, выходявшаго изъ трактира; онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то
мрачно — не злобно, а именно мрачно, зловѣще. Никитушка (онъ
гдѣ-то поджидалъ меня) замѣтилъ, что «безпремѣнно Пареенка что
неладно замыслилъ», и обнадежилъ меня, что ужъ теперь онъ изъ
глазъ этого разбойника не выпуститъ, а утромъ сегодня оповѣ-
стилъ, что Пареенка съ однимъ товарищемъ уѣхалъ въ Максимов-
ку, гдѣ «больно дѣвки баски», и, смотри, не выбирать ли себѣ не-
вѣсту погналъ. Конечно, я не придавалъ никакого значенія ни сло-
вамъ Никиты, что онъ сообщалъ мнѣ о подрядчиковомъ сынѣ, ни
дерзкимъ выходкамъ лично противъ меня самого Пареена. Маша
съ своей стороны никакихъ опасеній мнѣ ни разу не высказывала:
я только зналъ, что онъ ей никогда не нравился, и она этого пе-
редъ нимъ не скрывала... Но странно: почему я обо всемъ этомъ
вспомнилъ, почему я объ этомъ теперь думалъ и сердце во мнѣ такъ
мучительно ныло? Затѣмъ припомнились вдругъ слова Никиты,
сказанныя имъ наканунѣ: «Ты, баринъ, Марью-то, должно, тоже жа-
лѣешь?» И потомъ, услышавъ мой отвѣтъ, спросилъ опять: «Да
ты какъ, гулять съ нею хочешь, али удумалъ за себя взять?»—и
когда я сказалъ, что женюсь на дѣвушкѣ, онъ обрадовался и на-
чалъ шумно смѣяться. «Ай, баринъ! Вотъ такъ молодецъ! Ладно ты
это удумалъ! Право, ей-Богу!» Припомнилъ я — и мнѣ самому ста-
ло весело, я внутренно началъ смѣяться.

Меньше часу мы ѣхали до Шахры. Полъновъ—судебный приставъ—былъ уже тамъ. Я подъѣхалъ прямо къ его квартирѣ (казенной). Онъ выбѣжалъ на встрѣчу. Мы искренно обнялись. Завязался, по обыкновенію, оживленный, но крайне непослѣдовательный разговоръ, говорили и спрашивали другъ друга объ всемъ, ни на чемъ не останавливаясь, и гнали впередъ по-курьерски до тѣхъ поръ, пока оба и одновременно не остановились, проговоривши: «а, вѣдь, мы еще толкомъ-то ни о чемъ съ вами и не переговорили», — сказали это и оба засмѣялись. Я не стану подробно рассказывать, какъ мы бесѣдовали «толкомъ»; скажу, мимоходомъ, Полъновъ мнѣ сообщилъ, что Василій Дмитріевичъ (исправникъ) началъ беспокоиться.

— Я подозреваю, — прибавилъ мой пріятель, — что вашъ дуракъ урядникъ чего не наплелъ ли. Старикъ и самъ отлично знаетъ, что урядникъ дуракъ и невѣрную окраску всему даетъ, но, тѣмъ не менѣе, тоскуетъ и беспокоится.

— Что же сокрушаетъ сердце добраго Василя Дмитріевича?

— А говорить, что *онъ* по бесѣдамъ этимъ все ходитъ? Какой для него, человѣка образованнаго, интересъ представляютъ ихъ дурацкія пѣсни да игры?... Не скрывается ли въ томъ особой мысли?... Я, разумѣется, успокоивалъ старика, объяснилъ, что васъ интересуется...

— Передайте вы ему, что у меня, дѣйствительно, была особая мысль: я искалъ себѣ невѣсту и нашелъ... Я говорю серьезно. Поздравьте меня, Иванъ Васильевичъ: я послѣ святокъ женюсь.

Полъновъ посмотрѣлъ на меня вопросительно: онъ принялъ эти слова за шутку. Я убѣдилъ его повѣрить и назвалъ свою невѣсту.

— А если правду говорите, такъ я васъ отъ души подравляю! — сказалъ онъ и обнялъ меня. — Дай вамъ Богъ... Надо бы жениха бутылочкою шипучки, что ли, поздравить, да, вѣдь, здѣсь гдѣ же достать... Те-те-те, подождите: изъ правленія сейчасъ въ казначейство старшина ѣдетъ, а завтра Николай Порфирьевичъ, земецъ нашъ, пріѣдетъ, такъ онъ съ собою и захватитъ.

— Я сегодня хотѣлъ вернуться домой...

— Ну, мы ужъ васъ никакъ сегодня не отпустимъ: сколько времени не видались и не провести съ нами лишній день... Грѣхъ вамъ, Павелъ Григорьевичъ!

Я недолго колебался. Маши до новаго года я не увижу, думалъ, почему же и не остаться, не пробить лишній день съ пріятелями?

— Я остаюсь, — сказалъ я, — но съ условіемъ: вы съ Николаемъ Порфирьевичемъ непременно должны на моей свадьбѣ быть!

— Съ удовольствіемъ! Если желаете, даже Василья Дмитриевича съ собою привеземъ: онъ будетъ у васъ посаженнымъ отцомъ.

Мы пріятно провели вечеръ, а слѣдующій день и еще пріятнѣе. На квартирнѣ фельдшера устроили обѣдъ съ шампанскимъ (предсѣдатель управы привезъ три бутылки), за которымъ пріятели поздравляли жениха и даже пѣли ему «величаніе». Къ участию въ этой холостой пирушкѣ я пригласилъ и хозяина-фельдшера. Онъ долго упирался, не шель, стѣсняясь присутствіемъ своего начальства; но мнѣ помогъ предсѣдатель: онъ пошелъ самъ къ фельдшеру и привелъ его къ столу. Въ шесть часовъ вечера мы разстались: земецъ и приставъ укатили обратно въ городъ, а я пѣшкомъ отправился въ свою деревню. Напрасно фельдшеръ убѣждалъ меня взять лошадь: «Лучше вамъ ѣхать, — говорилъ онъ, — на дворѣ подуетъ, а изъ деревни выйдете — тамъ, пожалуй, и очень чувствительно... Того гляди, метель подымется: ужь очень давеча заря долго пылала». Но я на-отрѣзъ отказался: давно не пившій вина, я находился въ какомъ-то блаженномъ возбужденіи, мнѣ хотѣлось быть одному, идти и думать, мечтать о своемъ счастьѣ.

Я отправился тою же дорогой, какою вчера ѣхали. Въ улицахъ громадной деревни вездѣ свѣтились огоньки; кое-гдѣ по дворахъ слышались еще голоса, ворота скрижели и за хлопавшими галитками раздавался звонкій дѣвичій смѣхъ. Было темно. Изрѣдка попархивалъ легкій ветерокъ, пробѣгая змѣйками и дымясь по свѣжнымъ крышамъ, на которыя упадалъ свѣтъ изъ оконъ; небо нависло и глядѣло хмуримъ, мрачнымъ. Я вышелъ за околицу. Впереди глянула стемнѣвшая снѣжная равнина, справа выступилъ чернѣющійся лѣсъ; вѣтерокъ свободно гулялъ въ воздухѣ, игралъ по сторонамъ дороги и съ легкимъ посвистываніемъ вился тѣми же змѣйками по снѣгу. Небо казалось еще ниже и мрачнѣе. Я бодро и скоро пошелъ впередъ. На душѣ было такъ тепло, хорошо и весело, что я не обращалъ никакого вниманія на то, что вокругъ меня дѣлалось. Я шель, казалось, уже больше часа, мнѣ представлялось Марьино и улыбалось милое лицо. Еще какой-нибудь часъ — и я въ своей деревнѣ, на квартирнѣ, а завтра... Скорѣе бы это завтра! Я учащаю шаги... «А какая же скотина этотъ урядникъ, — вспомнилъ я рассказъ Полѣнова. — И въ чемъ имъ подозрѣвать меня? Нечего имъ дѣлать, такъ и выдумываютъ, мутятъ... Ахъ, администраторы!» Но что же это вокругъ меня дѣлается? Я ничего передъ собою не вижу: небо спряталось, въ лицо мнѣ бьетъ мелкою холодною

крупой, въ ногахъ что-то крутитъ, отдуваетъ полы моей шубы, по сторонамъ свистъ и жалобное завываніе. Нѣтъ и лѣса! Да это уже настоящая метель разыгралась. Однако, подъ ногами крѣпко: значитъ, я иду по дорогѣ. Я еще «наддаю» и бѣгу. Налетѣвшимъ вихремъ съ меня срываетъ шапку; я успѣваю на-лету схватить ее и снова надѣть. Нога моя попадаетъ въ какую-то не то ямку, не то канавку. Такъ и есть: я иду бороздами, полемъ. Надо найти дорогу. Дѣлаю нѣсколько шаговъ въ одну сторону — нѣтъ; дѣлаю въ другую — тѣ же борозды и дорога пропала. Напрасно вглядываюсь, стараюсь что-нибудь разсмотрѣть — ничего. Неужели я не дойду? — задаюсь я вопросомъ. Не можетъ быть. Всего какихъ-нибудь двѣ версты, — нѣтъ, меньше — и я въ Семенихѣ. Я не теряю присутствія духа и шагаю «на-авось». По временамъ, сдавалось, я попадаю на дорогу, но черезъ минуту, двѣ я проваливался, высвобождая ноги и снова искалъ дороги. Снѣгъ набился въ высокіе ботинки, я чувствовалъ, какъ онъ таялъ, и черезъ сапоги холодъ проникалъ въ ноги. Сколько времени я находился во власти метели, плуталъ, падалъ, вставалъ и опять падалъ — опредѣлить было невозможно; но мнѣ уже казалось, что съ того времени, какъ я вышелъ изъ Шахры, прошла цѣлая вѣчность. Холодъ давно зашелъ мнѣ подъ шубу, въ рукава; острые струйки бѣжали по спинѣ, груди и рукамъ... Я принялся кричать, — напрасно, голосъ мой терялся, пропадалъ безвучно въ крутившейся мглѣ. «Неужели смерть?» — молніей сверкнуло въ головѣ, и ужасъ объялъ все мое существо. «А Маша? А старикъ отецъ? Мои далекіе друзья? Да я еще и молодой, пожить хочется. Вѣдь, я до сихъ поръ еще не жилъ, жизнь только что было мнѣ улыбулась. Господи, спаси меня!» А кругомъ, попрежнему, все такъ и сѣть, мететь и залѣпляетъ глаза. Порою, мнѣ чудилось, откуда-то и будто близко вырывались неясные крики, вопли отчаянія и молящія стоны. Силы меня покидаютъ, страшно измученный, я падаю и теряю сознаніе. Но холодъ спасаетъ меня: «Вѣдь, такъ я замерзну», — промелькнула у меня мысль. Я собираю остатокъ силъ, дѣлаю послѣднія усилія, встаю, порываюсь впередъ и чуть не ударяюсь головой обо что-то черное, сразу завязнувъ въ глубокомъ сугробѣ... И въ ту же минуту на меня пахнуло тепломъ: стѣна! Я нащупываю бревна, пазы и мохъ, сквозь который теплый парокъ пробивается. Я воскресъ! Пролажу сугробомъ по стѣнѣ, нахожу дверь, толкаю — заперта, замокъ виситъ; отыскиваю оконце, отгибаю гвоздики и вынимаю раму... Минута, и я — въ теплой банѣ. Поставивъ на прежнее мѣсто оконце, я вынулъ изъ кармана спички, зажегъ и освѣтился:

широкая лавка у стѣны, полокъ, скамейка и у шестка лежитъ нащепанная лучина. Очевидно, баня днемъ была топлена. Я взглянулъ на свои часы: ровно одиннадцать. При свѣтѣ лучины выколотивъ изъ калошъ снѣгъ, я отряхнулъ шубу, наскоро разстлалъ ее на лавкѣ, сдѣлалъ изъ нея постель и подушку, скинулъ сапоги и, не раздѣваясь, кинулся на лавку. Какое наслажденіе, послѣ всѣхъ испытанныхъ передрагъ, очутиться въ теплѣ и расправить свои усталые члены! Не много, на какую-нибудь четверть, лавка оказалась коротенька, но ничего, просплю ночь,—спать ужасно хотѣлось. Глаза, какъ-то сами собой, закрываются, я чувствую, что быстро опускаюсь внизъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаю засыпать. Чей-то еще неясный, но милый образъ проносится, какіе-то обрывки мыслей, представленій промелькаютъ, и меня сознание оставляетъ... Но въ то же мгновеніе, которое отдѣляетъ состояніе сознательное отъ безсознательнаго, я почувствовалъ, что какъ будто меня кто подергиваетъ за ногу. Я не придаю этому никакого значенія: мало ли какія ощущенія мы испытываемъ, а сегодня и подавно... Гоню изъ сознанія это ощущеніе, стараюсь, если можно такъ выразиться, забыть про него и отдаться всецѣло одождѣваемому все больше и больше благодѣтельному сну; но чѣмъ ближе я ко сну, тѣмъ чувствительнѣе подергиваніе за ногу (правую). Тутъ я вспомнилъ, что лавка коротка, досталъ спички и зажегъ лучину. Дѣломъ нѣсколькихъ секундъ было подставить къ лавкѣ скамейку и снова лечь. Отлично, теперь усну. Я засыпаю... Но опять кто-то дергаетъ. Не встану: пусть дергаетъ! А сонъ такъ и разнимаетъ, спать хочется я не знаю какъ... Дергаетъ!... Что за чортъ!... Должно быть, какой-нибудь звѣрокъ завелся... Вскочилъ. Съ лучинкою заглянулъ подъ лавку, въ углы, подъ полокъ: ничего не видать, дыръ и щелей большихъ, въ которыя пролезъ бы звѣрокъ, тоже не замѣтилъ... Ложныя ощущенія—и только. Легъ. Поворочался минуты двѣ, подождалъ, что еще будетъ, не начнется ли снова... Нѣтъ, все благополучно... Ну, теперь дергай сколько угодно, ни за что не встану. Сонъ уже ждетъ меня: какъ я только послѣднія слова про себя сказалъ, онъ ко мнѣ и подступилъ. Началъ засыпать... «Не спи!»—слышу шепотъ. Ну, галлюцинаціи уже слуха! Вотъ, чувствую, лѣвую ногу за пятку щипнуло; еще—и опять то же подергиваніе... Дергай, мнѣ все равно, я не встану. И вотъ я уже почти совсѣмъ заснулъ. «Не спи!»—въ самое ухо опять шепчетъ и дергаетъ. И какъ я только отдался отъ сна, дерганье и шепотъ прекращаются, а какъ начну засыпать—снова и все сильнѣе, сильнѣе. Съ полчаса шла эта

борьба, были моменты, когда я совсѣмъ забывался, но ощущение отъ сильнаго подергиванія уже за обѣ ноги и шепотъ: «не спи!» возвращали меня снова къ сознанию. Я даже разсердился, вскочилъ, какъ изступленный, и сѣлъ... Вы сами знаете, явленій сверхъестественнаго я не признаю, а объясненія даннаго случая не находилъ... Надѣлъ сапоги, всталъ и зажегъ лучину. Осмотрѣлъ еще разъ всѣ углы, подъ лавкою, полкомъ, даже заглянулъ въ печку, гдѣ близъ самаго чела поставленъ чугуничекъ съ неостывшею еще водой, —нигдѣ и ничего не нашелъ. Развѣ въ передбанѣ заглянуть? Перемѣнилъ лучину, зажегъ и отворилъ тиховько дверь.

(Съ послѣдними словами Платоновъ сильно поблѣднѣлъ, залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды и отеръ потъ на лбу).

Какъ только передбанѣ освѣтилось, изъ угла, съ лавки выдѣлилось блѣдное молодое лицо съ устремленнымъ прямо на меня свѣтлымъ взоромъ... Я остолбенѣлъ.

— Маша!

Она все также, съ устремленнымъ на меня свѣтлымъ взглядомъ, неподвижно сидѣла въ своемъ уголку. Я коснулся ея руки, увидѣлъ на шеѣ пятна... Лучина выпала у меня изъ рукъ, я грянулся къ ногамъ ея и застоналъ.

(Въ эту минуту изъ гостиной послышался слабый стонъ, но Платоновъ не слышалъ).

VIII.

— Напрасно я, поднявшись съ полу, — заговорилъ послѣ длинной паузы рассказчикъ, — отогрѣвалъ въ своихъ рукахъ холодныя руки дѣвушки, покрывалъ поцѣлуями блѣдное лицо, глядѣвшее на меня и среди ночнаго сумрака, —я не могъ возвратить къ жизни свою дорогую невѣсту. Но и сама смерть, какъ будто возмущенная насиліемъ злодѣйства, побоялась уже наложить свою печать на лицо дѣвушки: несмотря на блѣдность, оно оставалось прекраснымъ, какъ у живой, и неподвижный свѣтлый взоръ карихъ глазъ не пугалъ воображенія. Носмотрѣвъ еще разъ при огнѣ на мертвую красавицу, я поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ и вошелъ въ баню, — тамъ какъ-то посвѣтлѣло. Я подумалъ, что уже занялось утро, но, открывъ часы, увидѣлъ, что стрѣлка показывала всего два. Инстинктъ самосохраненія во мнѣ заговорилъ. Я выставилъ раму и черезъ окно вылѣзъ на волю, поставивъ опять на свое мѣсто оконенгу; я прикрѣпилъ ее тѣми же гвоздиками и сталъ выбирать-ся. Метель не унималась, въ воздухѣ, попрежнему, крутило и вездѣ

сыпало, но вверху, свозъ волнистыя тучи, разливался лунный свѣтъ. Я взялъ отъ бани влѣво, разломалъ прясло и, увязая по колѣни въ наметенныхъ сугробахъ, выбрался на дорогу. Ее тоже всю передумо, но я зналъ, что это была дорога, и зналъ, куда мнѣ идти: хотя строеній и не видать было, но Марьино отъ меня находилось въ нѣсколькихъ саженьяхъ.

Если бы въ эти минуты попался мнѣ злодѣй, я также бы задушилъ его своими руками, какъ онъ задушилъ мою безцѣнную Машу.

Долго я стучалъ у воротъ своей квартиры. Наконецъ, услышали, со двора обликнули, я отозвался, и Никитушка, съ починомъ въ рукѣ, отворилъ калитку. Должно быть, лицо мое очень измѣнилось, парень оторопѣлъ:

— Да ты кто такой будешь?

— Или не узналъ своего жильца? Пусти!

— Ба-а-тюшки! — растянулъ Никинушка. — Нашъ баринъ?! Да на тебѣ и лица своего нѣтъ...

— Потеряешь всякое лицо, если въ тагую метель цѣлую ночь проплутать.

Парень началъ было разспрашивать, но я перебилъ его на первомъ словѣ, сказавъ, что спать хочу и завтра все расскажу.

— Да, чать, къ утрени скоро попы ударять, — промолвилъ парень.

Противъ всякаго ожиданія, я, какъ только легъ, заснулъ тотчасъ же крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ человѣка; измученнаго физически и нравственно.

Я спалъ очень долго и проспалъ бы еще дольше, если бы меня не разбудили... Я открылъ глаза: свѣтлица моя полна народа. Я узналъ старшину, нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, урядника и становаго; впереди передо мною стоялъ въ полной формѣ товарищъ прокурора, съ которымъ я былъ знакомъ и игралъ въ преферансъ у нашего исправника.

— Господинъ Платоновъ! — официальнымъ тономъ произнесъ знакомый товарищъ прокурора, — потрудитесь одѣться, вы арестованы и мы произведемъ у васъ обыскъ. Поняты здѣсь?

— Здѣсь, ваше высококорodie! — отвѣтилъ урядникъ, прикладывая руку къ козырьку форменной фуражки.

Я глядѣлъ и ничего не понималъ, что около меня творится. Видѣлъ, какъ вездѣ шарили, все переворачивали, разглядывали на свѣтъ и т. д., и т. д. Наконецъ, я не выдержалъ:

— Позвольте спросить, г. прокуроръ, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?

— Вы сами лучше должны знать, — уклонился онъ отъ прямого отвѣта. — Но если вы не знаете, то вамъ объяснять въ свое время.

Тутъ я вспомнилъ о своей злополучной невѣстѣ и тономъ негодованія сказалъ:

— Неужели вы полагаете, что я могъ совершить это гнусное убійство?

— Мы ничего не полагаемъ, пока дознаніе и слѣдствіе не выяснятъ, — отчеканилъ товарищъ прокурора.

По окончаніи обыска былъ составленъ протоколъ, результатъ котораго вышелъ такой: противузаконнаго ничего въ бумагахъ и вещахъ не оказалось. Поняты недоумѣвали и глядѣли испуганно, а урядникъ ехидно улыбался.

— Господинъ Платоновъ! — провозгласилъ чиновникъ отъ полиціи, — во имя закона и начальства, извольте слѣдовать со мною; насъ ждетъ экипажъ.

У воротъ стояли сани съ кибиткою, на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ помѣщался жандармъ, другой стоялъ у экипажа. Мы съ чиновникомъ усѣлись въ кибитку, стоявшій жандармъ пристроился на облучкѣ. Колокольчикъ залился. Меня сначала привезли въ уѣздный городъ, потомъ смѣнили только лошадей и повезли дальше. Трое сутокъ, нигдѣ не отдыхая, меня везли на лошадяхъ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ вплоть до Петербурга. Съ дебаркадера въ закрытой каретѣ доставили меня къ подъѣзду какого-то громаднаго зданія, потомъ повели по длинному со сводомъ корридору и заперли въ отдѣльную камеру. Въ скоромъ времени потребовали меня на дознаніе: Прокуроръ, высокій господинъ, съ изящными, благородными манерами, длинными и точно выточенными изъ слоновой кости пальцами, въ чудеснѣйшемъ черномъ фракѣ, съ Владиміромъ на шеѣ и моноклею, приступилъ къ дознанію. Въ залѣ, за столомъ, кромѣ прокурора и меня, сидѣли еще два челоувѣка: жандармскій офицеръ и господинъ въ штатскомъ костюмѣ. По соблюденіи извѣстныхъ формальностей, касающихся званія, лѣтъ и пр., прокуроръ прочиталъ мнѣ одну статью изъ уложенія о наказаніяхъ, по которой я обвиняюсь.

— Признаете себя виновнымъ? — съ отгѣнкомъ изящной меланхоліи спросилъ онъ.

— Не только не признаю, но и самое обвиненіе въ подобномъ преступленіи нахожу несправедливымъ... — и я не договорилъ, глубоко возмущенный и обиженный.

— Вы, разумѣется, не ожидали этого, — началъ прокуроръ, — васъ это потрясло. Успокойтесь! Выпейте чаю.

Человѣкъ съ чайнымъ подносомъ очутился около меня. Затѣмъ мнѣ предлагались вопросы о какихъ-то неизвѣстныхъ людяхъ, о моихъ съ ними отношеніяхъ и т. д. Я рѣшительно ничего не понималъ. «Здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе», — говорилъ я. — «По всей вѣроятности, недоразумѣніе», — соглашался прокуроръ. Я не помню подробностей, все происходило точно въ какомъ снѣ, какъ и все послѣдующее. Отчетливо сохранился въ моей памяти штатскій господинъ. Онъ ничего не говорилъ, ни о чемъ не спрашивалъ, а сидѣлъ, наклонясь надъ какими-то бумагами, весь поглощенный ихъ содержаніемъ; но съ его макушки, изъ-за порѣдѣвшихъ черныхъ волосъ, скромно выглядывала какая-то любопытная шишка; мнѣ все время казалось, что она внимательно за мною наблюдаетъ и старается проникнуть въ мои думы и мысли... Помню еще, что меня опять вызывали, потомъ судили и повезли обратно въ Семениху.

Въ полномъ разцвѣтѣ стояла весна, какой я на сѣверѣ еще ни разу не видывалъ. Кругомъ все ярко зеленѣло, вездѣ пестрѣли цвѣты, лѣса синѣли и будто радовались, звенѣли въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ жаворонки, а по берегамъ гулко рѣзвящейся рѣчки въ пышныхъ зеленыхъ кустахъ безъ умолку заливались соловьи. Высокое небо, распростершееся голубымъ сводомъ, ликовало вмѣстѣ съ обновленною природою, а велоколѣпное солнце сыпало миллионы лучей свѣта и тепла на счастливо вздыхавшую землю, вызывая все къ жизни, радости и любви... А я долженъ былъ умереть... За что? что я сдѣлалъ?...

На самомъ возвышенномъ пунктѣ увала, противъ оконъ моей деревенской квартирки, былъ воздвигнутъ помостъ. Меня привезли... Внизу помоста сидѣли: исправникъ и знакомый мнѣ товарищъ прокурора съ одной стороны, волостной старшина и писарь — съ другой. Возвышались два столба съ перекладиною и веревкою, съ готовою петлей, между столбами виднѣлась бочка, къ ней была приставлена лѣстница. Священникъ отсутствовалъ. Я не замѣтилъ и исполнителя казни. Одинъ, по лѣстницѣ, взбираюсь на бочку. Передо мною на десятки верстъ развернулась окрестность, вся — въ яркомъ сіяніи весенняго утра, наполненная чарующими голосами и звуками. Неудержимое, страстное чувство жизни во мнѣ всколыхнулось... Неужели я умру? Еще нѣсколько минутъ — и я не увижу больше ни этого солнца, ни этихъ лѣсовъ, ни ярко зеленѣющихъ высокою рожью полей, перестану слышать и

сердце, бьющееся любовью къ людямъ и природѣ, навѣки замреть?... Я опустилъ глаза внизъ. Вижу печальное, взволнованное лицо Василя Дмитріевича; онъ боязливо, но съ участіемъ поглядываетъ на меня и украдкой вытираетъ глаза. Слышу, товарищъ прокурора говорить:

— Не пора ли приступить?

— Подождать бы, — негромко отвѣчаетъ старшина. — Вонъ, гляди, съ помилованіемъ ѣдутъ!

Я взглянулъ. Изъ зеленой долины поднялись и мчатся къ намъ, тройками, телѣги; въ нихъ сидятъ мужики, размахивая своими руками и показывая что-то бѣлое. Это бумага о помилованіи. Но скоро ли доѣдутъ? Еще пять-десять минутъ — и я спасенъ...

— Осужденный! — раздается голосъ представителя закона, — чего вы ждете? Пора.

— Но гдѣ же палачъ?

— Мы избавляемъ васъ отъ руки палача; вы сами можете это сдѣлать... Но если не хватитъ силы воли, то мы пригласимъ. Гдѣ Паренъ Игнатьевъ?

Я вспомнилъ Машу и вся кровь ударила мнѣ въ голову. Взглянувъ въ послѣдній разъ на голубое небо, на эту дивную природу и мысленно пославъ всѣмъ и всему послѣднее «прости», я схватилъ веревку, быстро накинулъ на себя петлю, оттолкнулъ ногою бочку и повисъ въ воздухѣ. Нѣсколько секундъ я сохранялъ еще сознание: дыханіе перехватило, біеніе сердца замедлялось, прошла по всему тѣлу мучительная судорога, я захлебнулся и духъ изъ меня вышелъ.

И въ то самое мгновеніе, какъ духъ оставилъ повиснувшее тѣло, ко мнѣ воротилось самосознаніе... Что же это? Меня казнили, но я снова чувствую, мыслю... Не довѣряя самому себѣ, я подхожу къ начальствующимъ лицамъ. Исправникъ, горько плача, усаживается въ телѣжку, товарищъ прокурора въ своемъ тарантасѣ уже отѣхалъ, на своихъ мѣстахъ остались старшина и писарь.

— Вы меня знаете? — спрашиваю я.

— Очень хорошо, — отвѣчаетъ старшина, — вы г. Платоновъ.

— Но, вѣдь, меня казнили?

— Сію только минутой. Вонъ и тѣло ваше виситъ.

Я покосился, увидѣлъ... и содрогнулся... Мое уваженіе къ закону доходить въ эту секунду до такой степени, что я подвергаю себя вторичному риску.

— Можеть, это ошибка или недоразумѣніе? — пристаю я къ старшинѣ. — Въмѣсто меня, кто-нибудь другой повѣшенъ?

— Чтò вы, г. Платоновъ! Развѣ такія дѣла зря могутъ производить?

— Но, позвольте, скажите мнѣ, кто же по-вашему теперь я?

— Вы—духъ.

— Стало, я свободенъ и могу теперь уйти?

— Куда вамъ угодно; мы не смѣемъ васъ задерживать. Духъ намъ отъ Бога не предоставлено казнить.

Точно снова возродившійся, освобожденный отъ всякихъ узъ, я почувствовалъ въ себѣ невѣдомый источникъ новыхъ силъ, дивной мощи и небывалой энергіи. И природа, и люди, — все передо мною встало въ иномъ свѣтѣ, преобразованнымъ и чистымъ, какъ оно вышло изъ рукъ Творца въ первыя минуты своего созданія. Я вижу тихо спускающуюся съ лазурныхъ небесъ неземной красоты дѣвушку, въ бѣлой, какъ первый снѣгъ, одеждѣ, съ блистающимъ, изъ живыхъ цвѣтовъ, вѣнкомъ на головѣ и поднятою кверху рукой; она летитъ ко мнѣ на встрѣчу, и я слышу ея голосъ, — нѣтъ, не голосъ, — звуки небесной мелодіи.

— Милый! узналъ ли ты свою невѣсту?

— Дорогая моя!

Но тутъ, откуда взялись, показались люди, похожіе на родовыхъ; впереди ихъ становой, урядники. Они безпокойно озираются, кого-то ищутъ глазами.

— Такъ нельзя, — переговариваются они. — Нужно его изловить. Тѣ дурачье - то, мужики, отпустили его, а развѣ это дозволено?

Но вотъ они увидѣли... Всѣ красные, съ вспотѣлыми лицами, задыхаясь, бѣгутъ и кидаются на меня.

— Лови, лови!

Но они не въ состояніи меня схватить, окружаютъ живымъ кольцомъ, тянутся руками и не могутъ достать.

— Безумцы! — произноситъ моя дивная невѣста, дѣвушка въ блистающемъ вѣнкѣ. — Развѣ вы смѣете къ нему прикоснуться? Взгляните на свои руки, въ чемъ онѣ? А онѣ — духъ, часть самого божества.

IX.

— Баринъ, а баринъ! Да вставай же! Въ который разъ тебя будимъ... Нѣшь не померъ ли? — слышу я знакомый голосъ. — Павелъ Григорьичъ, сударь!

Я проснулся. У кровати стоит хозяинъ, а отъ двери глядятъ встревоженное лицо Никишушки.

— Часъ ужъ времени, — говоритъ хозяинъ. — Вставай!

«Такъ все это былъ сонъ! — подумалъ я. — И злодѣйство — сонъ!» — вспомнилъ я о Машѣ и всѣмъ существомъ обрадовался. Я быстро и весело поднялся.

— А у насъ, баринъ, какое несчастье случилось: дѣвушку въ банѣ мертвую нашли, Андрея Никифоровича дочку, Машу-то. Чай, ты знавалъ ее?

Я уронилъ голову.

— Баринъ, баринъ!... Слышь-ка, што я молвить тебѣ хочу, — заговорилъ Никита. — Ты не подумай, что это Пареевнино дѣло: онъ еще изъ Максимовки не приѣзжалъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— На кого же думаютъ?

— На кого... Коли не Пареевни, такъ не на кого и думать: покойницѣ никто зла не желалъ.

— Да какъ это дѣло обнаружилось? — спрашиваю.

— Ты постой, Никитушка, — остановилъ сына отецъ. — Дай я обскажу. Марьюшка у сестры гостила, знаешь, что въ Шелепиху выдана? Наканунѣ тамъ крестины были, отецъ-то съ матерью домой ушли, а Марья осталась; общала на другой день къ вечеру домой воротиться. Не пришла. Родители на то подумали, что она у сестрицы заночевала, и справки въ тотъ день не дѣлали: утромъ, молъ, седни придетъ домой. Къ обѣднѣ ударили. Изъ Шелепихи Василій, мужъ старшей-то, идетъ. «А гдѣ Маша?» — спрашиваютъ родители. — «Чай, дома, — говоритъ Василій-то, — она вчера, какъ смерлось, порядкомъ ужъ стемнѣло, простилась съ нами и пошла къ вамъ». Кинулись искать. Побѣжали къ дьячковой дочери, — вѣту, не бывала. Навѣдались еще въ избу, двѣ, куда Марья вхожа была, и туда не заглядывала. Куда дѣвалась?... Матка-то, Татьяна Васильевна, паренька своего, Ваняшку, къ намъ присылала: «Вернулся ли вашъ баринъ?» — спросилъ. Мы, знамо, сказали: «дома».

— Да какъ нашли-то Машу, скорѣе говори! — перебилъ я.

— А нашли-то какъ? Хозяйка той самой бани нашла. Утромъ къ достойнѣ ужъ благовѣстили, — хватилась она, что вечеръ, какъ вымылись, позабыла баню запретить, а замокъ-отъ въ передбанѣ на окошечкѣ оставила. Пошла туда, вездѣ сугробы падуло, анъ на банѣ замокъ виситъ. Она, знаешь, къ маленькому окошечку, заглянула въ передбанье, анъ тутъ она и есть, на лавкѣ мертвая

дѣвушка сидитъ. Теперь у Никифоровича такой вой, плачь идетъ — и не приведи только Господь-Батюшка слышать! Дьячковская дочь словно бы внѣ себя, ополоумѣла совсѣмъ дѣвка.

— Гдѣ же теперь убитая?

— А все еще въ банѣ. Дали знать становому; урядникъ караулъ къ банѣ поставилъ. Будто, говорятъ, слѣды около бани обозначились: ночью-то замело, а утромъ сегодня посудуло и видать стало... Сказываютъ: слѣдъ ровно отъ ступни въ калошахъ.

— Запрягай-ка ты лошадь, я поѣду.

Я одѣлся и поѣхалъ въ домъ покойницы. Бакую я тамъ картину увидѣлъ — передавать не буду. Паренъ, между тѣмъ, домой не возвращался. Никто не зналъ о виновникѣ убійства. Но въ народѣ сдержанно называли имя сына подрядчика: «недаромъ онъ третьи сутки пропадаетъ». Товарищъ, съ которымъ онъ тридцатаго числа уѣхалъ, въ тотъ же день возвратился, сказавъ, что Паренъ остался въ Максимовѣ гостить. На другой день по селу и деревнямъ пробѣжало: «убитую рѣзать будутъ»... Эти два слова приводили деревенскихъ людей въ ужасъ.

Я отправился въ правленіе узнать, не пріѣхали ли чиновники. Оказалось, что еще нѣтъ. Вѣлостной писарь, имѣвшій квартиру въ домѣ правленія, пригласилъ насъ съ старшиною къ себѣ на чай. Сидимъ, бесѣдуемъ; тема—убійство. Вошелъ сторожъ, зоветъ «на слово» старшину.

— Что такое, говори!

— Человѣкъ къ тебѣ пришелъ. По дѣлу, рассказываетъ.

— Что-жь, вели, старшина, ему сюда войти,—говоритъ писарь.

Спустя минутъ пять въ комнату вошелъ Паренъ. Онъ былъ въ новомъ, на лисьемъ мѣху, и крытомъ чернымъ сукномъ тулупѣ, въ ботинкахъ и съ куньей шапкой въ рукѣ; лицо его показалось мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, но оно было спокойно. Помолвившись на иконы, онъ поклонился старшинѣ и намъ съ писаремъ.

— Здравствуй, старшина!—промолвилъ паренъ.—Здравствуй, писарь, и ты, баринъ, здравствуй!

— Что скажешь, Паренъ Игнатьичъ?

Тотъ помолчалъ, глядя на свою кунью шапку съ малиновымъ бархатнымъ верхомъ, потомъ, тряхнувши волосами, началъ:

— Я слышалъ, пріѣдутъ чиновники, стануть рѣзать убиенную. Это они напрасно хотятъ. Тѣмъ дѣлу они не помогутъ, а надъ невиннымъ тѣломъ надругаются. Нельзя ли это оставить?

— Мы въ томъ не причинны, дѣло это не наше, Паренъ Игнатьичъ.

— Про это мнѣ извѣстно. Да я не къ тому рѣчь клоню. Ежели дохтуръ съ чиновникомъ хотять узнать, отчего смерть дѣвухѣ приключилась, такъ они про это могутъ по видимости судить. Марья руками задушена.

Всѣ переглянулись. Признаться, я едва совладѣлъ съ собою, когда вошелъ Пареевъ, но, увидѣвъ его лицо и услышавъ его рѣчи, я подавилъ свое чувство и весь превратился въ слухъ.

— Почему же ты знаешь, что дѣвушка руками задушена? — спросилъ старшина. — Развѣ ты свидѣтельствовалъ?

— Не свидѣтельствовалъ, — это не наше дѣло. А ежели я сказалъ, такъ, значить, что-нибудь да знаю, — и Пареевъ снова принялся смотрѣть на свою богатую шапку.

— Можетъ, ты намъ что немножко и повѣдаешь? — полюбопытствовалъ старшина. — Да ты что стоишь-то, Пареевъ Игнатьичъ? Присѣлъ бы! Али ты хочешь мнѣ одному, по секрету, что молвить? Такъ я выйду съ тобою въ правленіе.

— Нѣтъ, я скажу и при другихъ. А сидѣть мнѣ съ вами теперь не приходится, Трофимъ Михайлычъ.

Проговоривъ эти слова, Пареевъ опять и какъ-то энергически тряхнулъ волосами, точно онъ хотѣлъ окончательно что съ себя стряхнуть, повернулся прямо лицомъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Грѣхъ мой: я Марью удушилъ!

Хотя мы и ожидали чего-то отъ Пареева необыкновеннаго, но такое признаніе совершенно насъ поразило. Старшина всплеснулъ, какъ-то по-женски, руками и жалобно воскликнулъ:

— Такъ за что же ты погубилъ ее? Да и себя не пожалѣлъ...

Я не могъ Пареева ни видѣть, ни слышать долѣе и ушелъ. Уже послѣ отъ писаря я узналъ исповѣдь преступника. Въ расчеты его не входило убійство. Не видя дѣвухи на посидѣлкахъ, онъ съ досады началъ пить; парни надъ нимъ подтрунивали: «Что, паря, Машуха-то твоя съ бариномъ катается, а на тебя и глядѣть не хочетъ? Отобьетъ ее у тебя баринъ». Самолюбіе парня было уязвлено. Онъ не разъ поджидалъ Машу, хотѣлъ съ нею поговорить наединѣ; но не удавалось, а то Нигитушка мѣшалъ. Узнавъ, что дѣвушка ушла къ сестрѣ, и зная, когда воротится, онъ составилъ планъ: уѣхалъ съ товарищемъ въ Максимовку, въ тотъ же день отпустилъ его обратно, наказавъ про себя въ деревнѣ сказать, — собственно это для Нигитушки, — что самъ онъ остается еще на три дня. Наканунѣ новаго года Пареевъ забрался въ срубъ, близъ марьиныхъ бань, и оттуда выслѣживалъ ходившихъ въ баню и Машу до самой ночи.

Для смѣлости онъ выпилъ цѣлую бутылку водки. Дѣвушка возвращалась домой около семи часовъ вечера; метель только что начиналась; онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, поздоровался и повернулъ съ нею къ своей деревнѣ. Дорогою говорилъ, что ее давно не видать было, и потому спросилъ, пойдетъ ли она за него замужъ; получивши отрицательный отвѣтъ, Пареевъ сталъ допытываться, почему Маша не дочетъ за него выйти, и, по грубости, не вытерпѣвъ, сказалъ: «Знаю я... ты съ баринномъ гуляешь!» Маша обидѣлась, а затѣмъ прямо объявила, что я женихъ ея. Въ эту минуту они какъ разъ поровнялись съ банею. «Такъ не бывать же тому!—вскричалъ Пареевъ, схватилъ ее въ охапку и бросился въ баню. «Она такъ обробрѣла, — рассказывалъ Пареевъ, — что и крикнуть не успѣла. Притащилъ ее въ передбане и прямо на лавку. Тутъ дѣвушка опаматовалась и, должно, доганувшись, что я хочу съ нею дѣлать, какъ закричить. Я испугался: услышать люди. Ухватилъ ее за горло и не отпускаю: «Нишни, а то задушю!» А она: «Я легче смерть приму, — говорить, — чѣмъ безчестье свое отъ тебя понести!» — и опять кричать. Я еще пуще сдавилъ ей горло. «Перестань!» — говорю, и поотпустилъ. А она: «Павель Григорьичъ, болѣзнь, дай защиту!» — и руками какъ толкнетъ меня. Тутъ началась у меня съ нею возня: здоровая, даромъ что по виду такая нѣжная была. Я остервенился, ухватилъ ужъ изо всей силы руками за горло и крѣпко, крѣпко держу, не выпускаю. Долго эдакъ держалъ... ужъ очень мнѣ обидно показалось, что барина своего упомянула, — ну, и пьянь-то я былъ, туманомъ разумъ заволокло. «Что, перестанешь? Забудь своего любовника, согласишься по доброй волѣ!» Молчить. Я опять, а самъ за горло держу, не отпускаю. Не отвѣчаетъ. Поглядѣлъ, а у ней глаза оставились. Отпустилъ... Не закричала, молчить. «Ну?» Ни слова... Тутъ я доганулъ, что удушилъ дѣвушку. Увидѣлъ на окошкѣ замокъ, ухватилъ его, заперъ баню, да бѣжать. Не хотѣлъ признаваться, да совѣсть начала шибко мучить... Видно, такъ ужъ грѣху тому быть. А не желалось барину-то ее уступить, потому больно ужъ я любилъ покойницу...

— Машу не вскрывали, — закончилъ Платоновъ, блѣдный, съ холоднымъ потомъ на лбу и лицѣ.

Никто еще не могъ освободиться отъ произведеннаго рассказомъ впечатлѣнія, какъ изъ гостинои дверь распахнулась и вошла хозяйка, взволнованная, со слезами на глазахъ, а за нею показалась другая молодая особа.

— Павель Григорьевичъ! — дрожащимъ голосомъ проговорила

Екатерина Петровна. — Что вы только вынесли! — и она крѣпко пожала Платонову руку. — Мы съ Надею все слышали...

Черезъ часъ въ свѣтломъ залѣ всѣ гости Владиміра Александровича сидѣли за ужиномъ, хозяинъ разливалъ по стаканамъ вино и посматривалъ на часы, стоявшіе на угольномъ столикѣ; минутная стрѣлка подходила уже къ часовой, сравнялась и часы начали бить. Всѣ стихли; съ послѣднимъ ударомъ хозяинъ поднялъ стаканъ.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! — отозвалось съ разныхъ сторонъ, послышалось чоканье стакановъ и всѣ пришли въ движеніе.

— Рѣчь, рѣчь! — воскликнула Наденька. — Владиміръ Александровичъ! рѣчь!...

— Рѣчь? Извольте, съ удовольствіемъ скажу, — поднялся хозяинъ.

Гости смолкли.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Что принесетъ намъ съ собою новый годъ — мы не знаемъ, будущее для насъ непроницаемо, говорятъ философы, и говорятъ, по-моему, въ данномъ случаѣ совершенно справедливо. Но какіе бы сюрпризы онъ ни готовилъ намъ, страшиться будущаго нечего: новый годъ уже оказалъ намъ услугу, онъ воротилъ въ нашъ дружескій кружокъ нашего дорогаго товарища и съ нимъ принесъ краснорѣчивое подтвержденіе той истины, что духъ человѣка живъ и всегда будетъ живъ. Такъ вотъ за этотъ-то духъ, не знающій никакихъ оковъ, — духъ, которымъ врасится жизнь человѣка, который вѣчно поддерживаетъ нашу вѣру во все прекрасное на землѣ, добро, правду и любовь, — за этотъ бессмертный духъ я и предлагаю мой тостъ.

— За духъ, за идею! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

— А я, — сказалъ погода одинъ изъ гостей, — предложу, господа, выпить за нашего друга Павла Григорьевича и за тѣ свѣжія, молодые силы, которыми могучимъ ключомъ бьетъ народная жизнь!...

Филиппъ Нефедовъ.

* *
*

Пуcкай на грудь мою, согрѣтую любовью,
Прокралась клеветы холодная змѣя.
Друзей и недруговъ согласному злословью
Свою любовь, какъ щитъ, противопоставлю я.

За то, что, забывъ боязнь и лицемѣрье,
Я душу обнажилъ предъ взорами людей
И все въ ней развѣнчалъ: и вѣру, и безвѣрье,
И снялъ завѣсу лжи съ желаній и страстей,—

Они меня, глумясь, безумцемъ обозвали...
О, если правъ ихъ судъ,—мое безумье въ томъ,
Что тайну вѣчности и неземной печали
Богъ въ сердце мнѣ вписалъ пылающимъ перстомъ.

Мое безумье въ томъ, что разума сомнѣнья
И язвы совѣсти открыты мнѣ до дна.
Мое безумье въ томъ, что истина страшна,
Что люди любятъ ложь и жаждутъ опьяненья!

Н. Минскій.

КАРТИНЫ АНТИЧНАГО МИРА.

I.

К л е о п а т р а .

Романы земныхъ владыкъ не разъ оказывали существенное вліяніе на судьбы народовъ и царствъ, и тамъ, гдѣ исторія упоминаетъ женское имя, мы непремѣнно встрѣчаемся съ романомъ, починающимъ себѣ въ той или иной мѣрѣ ходъ историческихъ событій. Но никогда любовные романы сильныхъ міра не имѣли такого рѣшающаго значенія для всей послѣдующей исторіи человѣчества, какое должно быть признано за романомъ послѣдней египетской царицы Клеопатры. Вся жизнь ея есть непрерывный романъ, и въ исторіи она оставила славное имя не какъ правительница могущественнаго царства, не какъ наслѣдница великихъ Птолемеевъ, а какъ героиня романа, поражающаго своею грандіозностью, силою женскаго очарованія и необычайнымъ блескомъ обстановки, въ которой разыгранъ былъ ея романъ. Въ главныхъ чертахъ романъ этотъ достаточно извѣстенъ изъ исторіи, изъ драмы Шекспира *Антоній и Клеопатра*, изъ нѣкоторыхъ историческихъ повѣстей. И въ нашемъ разсказѣ мы имѣемъ въ виду не столько передать самый романъ, сколько воспроизвести картину античной жизни, среди которой то захватывающею душу драмой, то сказочнымъ праздникомъ, то мрачною трагедіей прошло царствованіе Клеопатры и совершились великія міровыя событія *).

Выродившаяся династія Лагидовъ, потомковъ Птолемея I, сына Лага, доживала свой вѣкъ, а съ нею вмѣстѣ приходила къ концу и независимость огромнаго царства, выдѣленнаго изъ наслѣдія Александра Великаго и просуществовавшаго почти три столѣтія

*) Для нашей цѣли мы воспользовались превосходною книгой Генриха Гуссе (Henry Haussaye): *Aspasie, Cléopâtre, Théodora*. Paris, 1891. Calmann Lévy, éditeur.

подъ скипетромъ тринадцати Птолommeевъ, изъ которыхъ два послѣд-
 ніе были только номинальными властителями Египта, Киренаики
 и другихъ странъ могущественной когда-то монархіи. Сохраняя
 весь ви́шній блескъ, все великолѣпіе полного разцвѣта, богат-
 ства и умственной культуры, Египетъ утратилъ способность со-
 противленія передъ наступающею силой Рима, дорогою цѣной по-
 купалъ его покровительство, по милости котораго удерживалъ еще
 на нѣкоторое время положеніе независимаго государства. Народы,
 его составлявшіе, испытали столько нашествій, столько разъ под-
 падали подъ власть иноземныхъ владыкъ, что о чувствѣ патріот-
 тизма не могло быть и рѣчи. Для нихъ, рожденныхъ въ рабствѣ,
 привыкшихъ ко всѣмъ видамъ деспотизма, было совершенно без-
 различно, передъ кѣмъ падать ницъ: передъ царемъ грекомъ или
 передъ проконсуломъ римляниномъ, кому платить тяжелые налоги
 и подъ чью палку покорно подставлять спины.

Померкла слава древняго Египта, исчезло его бывшее могуще-
 ство, но неотъемлемыми оставались дивныя богатства страны.
 Земледѣліе, промышленность и торговля несли тройнымъ потокомъ
 несчетныя сокровища въ Александрію. Попрежнему, благодатная
 долина Нила служила неисчерпаемою житницей для всего бассейна
 Средиземнаго моря и снабжала его не однимъ только хлѣбомъ. Не
 меньшими источниками богатства были маисъ, ленъ и хлопокъ,
 индиго, папирусъ, лавзонія—растеніе, дававшее краску для ногтей
 женщинъ, —клеверъ, служившій кормомъ безчисленнымъ стадамъ
 коровъ и овецъ, лукъ и рѣпа, которыхъ было съѣдено рабочими
 при постройкѣ пирамиды Хеопса на восемь милліоновъ драхмъ,
 виноградъ, финики, фиги и чудные плоды растущаго на сушѣ ло-
 туса, о которыхъ Гомеръ говорилъ, что «прелесть ихъ можетъ
 заставить забыть родину». Мѣстная индустрія производила бумагу,
 мебель изъ дерева, слоновой кости и металла, оружіе, циновки и
 ковры, бумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, вышитыя и раз-
 рисованныя матеріи, поливныя глиняныя издѣлія, стекло, кубки
 бронзовые и алебастровые, эмали, золотыя ювелирныя вещи, укра-
 шенія изъ самоцвѣтныхъ камней. Торговыя факторіи египтянъ
 существовали въ отдаленнѣйшихъ странахъ Африки и Азии, ихъ
 караваны проходили аравійскую и либійскую пустыни, ихъ без-
 численные корабли бороздили моря отъ Геркулесовыхъ Столбовъ
 до устьевъ Инда и дѣлали Александрію первымъ торговымъ центромъ
 трехъ частей свѣта. При Птолommeѣ XI, отцѣ Клеопатры, прямыя
 налоги, десятины и таможенныя пошлины за вывозъ и ввозъ то-
 варовъ давали царской казнѣ ежегодно двѣнадцать тысячъ пять-

сотъ талантовъ, т. е. около шестидесяти восьми милліоновъ франковъ.

Столица Птолемеевъ, Александрія, вызывала удивленіе и восторги иностранцевъ не только количествомъ и великолѣпіемъ зданій, но, въ особенности, ихъ симметрическимъ расположеніемъ и необыкновенною стройностью всего города. Двѣ огромныя улицы, окоймленныя мраморными колоннадами, пересѣкая одна другую подъ прямыми углами, тянулись черезъ весь городъ. Одна изъ нихъ прорѣзывала городъ въ длину, съ востока на западъ, на разстояніи болѣе тридцати стадій. Поперечная улица, въ семнадцать стадій, вела съ юга къ большому порту. Всѣ остальные улицы, замощенныя большими каменными плитами, шли параллельно двумъ главнымъ проспектамъ. Эта правильность, эти громадныя перспективы придавали Александріи совершенно своеобразный характеръ, дѣлали ее единственнымъ въ своемъ родѣ городомъ древняго міра. Въ противоположность всѣмъ другимъ городамъ, разроставшимся мало-по-малу, Александрія возникла сразу, созданная волею Александра Македонскаго, по заранѣе составленному плану. Владыка гигантской имперіи самъ избралъ мѣсто для новаго города, придавъ его очертанію форму раскинутой македонской хламы, при содѣйствіи своего архитектора Динарха, начерталъ прямыя линіи улицъ и переулковъ, опредѣлилъ мѣста главныхъ зданій и плотинъ, замыкающихъ проектированный портъ. Впослѣдствіи Птолемеи украшали городъ, сооружали безчисленные дворцы и храмы, устраивали дивныя сады; съ востока и запада раскинулись многоядные предместья. Но въ общемъ Александрія стала именно такою, какою она была задумана Александромъ.

Съ Панеума, искусственнаго холма въ шестнадцать сажень вышиной, насыпаннаго въ центрѣ города, открывалась чудная панорама столицы съ безконечными колоннадами, грандіозными портиками, разноцвѣтными карнизами и причудливыми капителями роскошныхъ частныхъ жилищъ, окруженныхъ садами; изъ-за нихъ видѣлись тысячи домовъ и домиковъ, выбѣленныхъ известкой, прорѣзанныхъ разнохарактерными огнями съ деревянными рѣшетками, крытыхъ громаздящимися другъ надъ другомъ плоскими кровлями съ трубами, служащими для вентиляціи, необходимой въ знойныя лѣтнія ночи. Надъ всѣмъ этимъ возвышался, какъ бы царилъ, Серапеумъ. Къ колоссальному зданію вела спиральная лѣстница въ сто ступеней; его гигантскій куполъ покоился на цѣломъ лѣсѣ сіенитовыхъ, коринтскаго ордена колоннъ, вышиною въ тридцать два метра.

Обратившись къ морю, съ Панеума можно было сразу объять глазомъ всю сѣверную часть города, старую гавань и новый портъ, отдѣленные другъ отъ друга гигантскимъ молотомъ въ семь стадій длины, соединяющимъ набережную съ островомъ Фаросомъ. На восточной оконечности этого острова возвышался маякъ, восьмигранная башня въ 111 метровъ вышиной, построенный изъ бѣлаго мрамора. Портъ былъ окаймленъ великолѣпною набережною, застроенною дворцами и храмами. Тутъ зданія чистаго греческаго стиля чередовались съ монументальными египетскими постройками и съ оригинальными сооруженіями, представлявшими удивительное смѣшеніе двухъ архитектуръ. На широкихъ террасахъ, идущихъ вверхъ уступами, раскидывались цвѣтники пестрыми коврами розъ, отъбренныхъ сикоморами, мимозами и пальмами, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ проглядывали то стройные портики дворцовъ, цѣлыя амфилады разноцвѣтныхъ колоннъ и пилястровъ, то павильоны съ конусообразными крышами, то ажурные кіоски и трибуны, поддерживаемыя каріатидами. На площадяхъ и перекресткахъ улицъ, передъ дверями домовъ, красовались гермы, колоссальныя изображенія египетскихъ божествъ, статуи боговъ эллинскихъ, алтари и обелиски, врытыя въ землю высокія мачты съ развѣвающимися многоцвѣтными вымпелами.

Изъ всей массы зданій выдѣлялись, прежде всего, храмъ Изиды на оконечности мыса и сосѣдняя съ нимъ большая царская вилла; далѣе передъ особливимъ, запертымъ Царскимъ Портомъ расположены были зданія верфи и арсенала. За ними начинался Брухіонъ. Окруженный высокими, вѣрными стѣнами и висячими садами, Брухіонъ представлялъ собою какъ бы отдѣльный городъ въ городѣ. То была резиденція Птолмеевъ; каждый изъ нихъ соорудилъ тамъ дворецъ для себя и храмъ для чтимаго божества, воздвигалъ статуи, устраивалъ фонтаны, насаждалъ рощицы акацій и сикоморъ, раздѣлявалъ бассейны, въ которыхъ цвѣли бѣлыя кувшинки и голубые лотусы. Вблизи многихъ царскихъ жилищъ находились храмы Броноса, Изиды Плугіи, малый Серапеумъ, храмъ Посейдона, гимназія съ портиками длиною въ цѣлую стадію, театръ и крытая галлерея, бібліотека, заключающая въ себѣ семьсотъ тысячъ томовъ, и, наконецъ, Сома, огромный мавзолей, гдѣ покоилось тѣло Александра въ массивномъ золотомъ гробѣ, замѣненнымъ впоследствии стекляннымъ саркофагомъ. Тутъ же, въ Брухіонѣ, особенно выдѣлялось своими громадными размѣрами и величавымъ куполомъ еще одно зданіе—Александрійскій музей, бывшій одновременно школой, полу-монашескимъ пріютомъ и ака-

демией. Здѣсь на полномъ содержаніи Птолемеевъ устроено было общежитіе для грамматиковъ, поэтовъ, философовъ, астрономовъ. Въ шутку его называли «Клѣткою Музъ». То была, во всякомъ случаѣ, чудная «Клѣтка»: въ ней пѣли Теокритъ, Каллимахъ, Аполлоній, изъ нея раздавался величавый голосъ александрійской философіи.

Отъ храма Посейдона набережныя тянулись ломанными линіями къ юго-востоку, мимо зданій биржи, храма Арсинои и обширныхъ складовъ, куда стекались товары всего свѣта. Далѣе шли большія судостроительныя заведенія стараго порта, и за стѣнами города, совсѣмъ уже на востокъ, раскидывалось предмѣстье Некрополя, мѣстожительство балъзамировщиковъ.

Столица египетскихъ царей имѣла совершенно космополитическій характеръ. Въ то время, какъ города Верхняго Египта и Гепта-номиды держались еще національной старины, въ Дельтѣ привилась греческая цивилизація, или же, вѣрнѣе, сжилась рядомъ съ древне-египетскою цивилизаціей. Законы и всѣ правительственные акты писались на двухъ языкахъ. Общественныя и государственныя должности были заняты поровну греками и туземцами. Армія состояла изъ греческихъ и гальскихъ наемниковъ, изъ сицилійскихъ разбойниковъ и бѣглыхъ римскихъ рабовъ. Въ Александріи, гдѣ издавна основались многочисленныя переселенцы изъ чужихъ странъ, природные египтяне группировались преимущественно въ старомъ городѣ, носившемъ названіе Рахетиса; число египтянъ едва ли превышало треть всего населенія. Четвертую часть общаго числа жителей составляли евреи, занимавшіе отдѣльные кварталы, гдѣ у нихъ былъ свой особый этнархъ и свой синедріонъ. На улицахъ и площадяхъ той части города, которая лежала на сѣверъ отъ Серапеума, можно было встрѣтить столько же иностранцевъ, сколько египтянъ. Вѣчно двигающаяся, шумная и пестрая толпа состояла изъ грековъ, евреевъ, сирійцевъ, италійцевъ, арабовъ, иллирійцевъ, персовъ, финиціянъ. Тутъ слышался говоръ на всѣхъ языкахъ; въ храмахъ приносились жертвы всѣмъ божествамъ. Каждый народъ приносилъ съ собою свои вѣрованія и суевѣрія, свои вкусы и страсти. Населеніе Александріи, доходившее до трехсотъ двадцати тысячъ душъ, не считая рабовъ, было настолько же безпокойно, насколько были смиренны и покорны жители другихъ городовъ Египта. Въ царствованія послѣднихъ Лагидовъ александрійская чернь вступалась въ дворцовыя революціи, рассчитывая получить при смѣнѣ государей большую свободу и облегченіе налоговъ.

Птоломей XI, прозванный Аулетомъ *), т.-е. флейтистомъ, умеръ въ июль 51 года до Р. X. Послѣ него осталось четверо дѣтей: дочери—Клеопатра и Арсиноя и сыновья, оба носившіе одно и то же имя Птолемея. Согласно завѣщанію отца, на престолъ вступила Клеопатра, съ тѣмъ, чтобы, по обычаю египетскихъ царей, стать супругою своего родного брата, принявшаго царскій титулъ подъ именемъ Птолемея XII и съ прозваніемъ Діонизомъ (Вакхомъ). Клеопатрѣ было въ то время шестнадцать лѣтъ, ея брату—тринадцать. Воспитатель юнаго Птолемея—Діониза, честолюбивый евнухъ Потинъ, пользовавшійся безграничнымъ вліяніемъ на своего ученика, рассчитывалъ забрать всю власть въ свои руки и стать полно-властнымъ правителемъ монархіи. Но ему пришлось скоро убѣдиться въ томъ, что Клеопатра не дастъ распоряжаться ни своему малолѣтнему супругу, ни его учителю. Гордая и властолюбивая царица обладала большимъ умомъ и рѣдкою энергіей, къ тому же, она получила самое блестящее образованіе. Клеопатра говорила на восьми или десяти языкахъ, въ томъ числѣ—на египетскомъ, греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, еврейскомъ, сирійскомъ **). Потинъ ясно понималъ, что молодая царица не уступитъ первенствующаго мѣста супругу-ребенку, руководимому евнухомъ: или она съумѣетъ всецѣло подчинить его себѣ, или же отдѣляется отъ него такъ или иначе и во всякомъ случаѣ станетъ полновластною повелительницей. И евнухъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, могущія погубить юную царицу. Онъ началъ съ того, что возбудилъ ожесточенное соперничество между высшими сановниками государства, довелъ дѣло до открытой борьбы между сторонниками царя и приверженцами Клеопатры и вызвалъ противъ нея народное возстаніе въ Александріи. Онъ обвинялъ Клеопатру въ покушеніи захватить власть въ свои руки, хотя бы ей пришлось для этого обратиться къ содѣйствію вооруженныхъ силъ Рима. По его словамъ, въ этомъ смыслѣ уже состоялось окончательное соглашеніе между Клеопатрой и сыномъ великаго Помпея, Кнеемъ Помпеемъ, когда

*) Птоломей XI Аулетъ былъ незаконнымъ сыномъ Птолемея VIII, прозваннаго Латиромъ (отъ греч. *lathuros*, горохъ, т.-е. „царь-горохъ“), вступилъ на престолъ по низверженіи Птолемея—Александра II въ 65 г. до Р. X.; черезъ семь лѣтъ онъ въ свою очередь былъ свергнутъ съ престола, на который Александрійци посадили его дочь Веронику (*Bérénice*) въ 58 г. до Р. X. Четыре года спустя Птоломей Аулетъ вымогилъ помощь римлянъ, низложилъ свою дочь при содѣйствіи Антонія и Габинія, казнилъ Веронику и царствовалъ еще три года. Умирая, онъ оставилъ тронъ шестнадцатилѣтней дочери Клеопатрѣ, отдавши ее подъ покровительство и подъ опеку римскому полководцу, триумвиру Помпею, названному Великимъ.

**) *Плутархъ*: „Жизнь Антонія“, XXVII.

онъ былъ проѣздомъ въ Александріи въ 49 г. и сдѣлался ея любовникомъ.

Возстаніе грозило стѣнамъ дворца, и отъ зоркости Клеопатры не могло укрыться то обстоятельство, что Потинъ и юный царь, ея супругъ, дѣйствуютъ заодно съ вожаками бунтующей черни. Сопровождаемая нѣсколькими вѣрными ей слугами, Клеопатра бѣжала изъ Александріи, отнюдь не считая, впрочемъ, своего дѣла проиграннымъ. Не такъ легко было заставить ее отказаться отъ короны Египта, которую она носила уже три года. Вскорѣ стало извѣстно въ Александріи, что Клеопатра собрала значительное войско на границѣ Египта и Аравіи и съ нимъ идетъ на Пелузу. Юный царь, во главѣ своей арміи, двинулся ей на встрѣчу.

Молодые супруги—братъ и сестра—готовы были вступить въ рѣшительную борьбу подъ стѣнами Пелузы, когда славный Помпей, побѣжденный при Фарсалахъ, явился просить убѣжища у египтянъ. Онъ рассчитывалъ на благодарность дѣтей Птолемея Аулета, которымъ семь лѣтъ назадъ, по его настоянію, былъ возвращенъ отцовскій престолъ Габиніемъ, проконсуломъ Сиріи. Но теперь Помпей являлся побѣжденнымъ и обезоруженнымъ, тогда какъ Цезарь былъ на верху могущества. Оказывая помощь бѣглецу, отъ котораго ждать уже было нечего, египтяне могли навлечь на себя гнѣвъ побѣдителя. Потинъ и другіе совѣтники царя, ни мало не колеблясь, вышли изъ затрудненія очень просто: они приняли Помпея и приказали убить его, какъ только онъ ступилъ на землю Египта. Голова его, искусно набальзамированная, была поднесена Цезарю, когда онъ, преслѣдуя Помпея, прибылъ въ Александрію. Цезарь отвратилъ взоръ отъ ужаснаго трофея и горько упрекалъ Потина и Аккила за ихъ злодѣйское предательство. Упреки эти не особенно смутили совѣтниковъ юнаго Птолемея. Они были твердо убѣждены въ томъ, что оказали великую услугу Цезарю, избавивши его отъ могущественнѣйшаго врага, и они достаточно знали людей для того, чтобы не усомниться въ великодушіи Цезаря, разъ уже нѣтъ въ живыхъ его опаснаго соперника.

Цезарь скоро узналъ, конечно, и о борьбѣ, происходившей между Птолемеемъ и Клеопатрой, и о ея бѣгствѣ, и о предстоящей битвѣ между двумя арміями, расположенными близъ Пелузы. Римляне всегда держались политики вмѣшательства во всѣ внутренніи смуты сосѣднихъ государствъ. Въ данномъ случаѣ вмѣшательство въ дѣла Египта тѣмъ болѣе было умѣстно, что въ первое консульство самого Цезаря Птолемеи Аулетъ былъ объявленъ союзникомъ Рима и что въ завѣщаніи своемъ онъ умолялъ римскій народъ на-

стоять на точномъ исполненіи выраженной въ немъ его послѣдней воли. Но былъ и другой мотивъ, о которомъ Цезарь умалчиваетъ въ своихъ *Комментаріяхъ*, побуждавшій его принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ Египта. Онъ считалъ умершаго царя своимъ должникомъ и рассчитывалъ получить отъ наслѣдниковъ его крупную сумму въ семь милліоновъ пятьдесятъ тысячъ сестерцій, остававшуюся неуплаченною изъ тридцати трехъ тысячъ талантовъ, которые Птоломей обязался выплатить Цезарю и Помпею въ томъ случаѣ, если поддержка римлянъ поможетъ ему возвратить престоль.

Потинъ же, съ своей стороны, полагалъ, что болѣе, чѣмъ сполна, расплатился съ Цезаремъ головою Помпея. Хитрый евнухъ убѣждалъ Цезаря отплыть скорѣе изъ Египта и поспѣшать туда, куда призывали его болѣе важныя дѣла, чѣмъ борьба Птолемея съ Клеопатрой, а именно въ Понтъ, откуда только что вытѣснены были римскія войска, предводимые Домиціемъ, и въ Римъ, гдѣ Целій волновалъ чернь. На требованіе денегъ Потинъ отвѣчалъ Цезарю, что сокровищницы царскія пусты; на предложенія посредничества между враждующими супругами онъ возражалъ, что иноземцу непристойно вступаться во внутреннія дѣла Египта и что такое вмѣшательство вызоветъ всеобщее возстаніе населенія. Въ поддѣржаніе своихъ словъ Потинъ указывалъ на недовольство, съ какимъ александрійскій народъ смотритъ на лигаторовъ, предшествующихъ Цезарю, и какой ропотъ возбуждаютъ въ толпѣ предносимые ими знаки консульскаго достоинства, почитаемые оскорбительными для царствующаго государя. Потинъ говорилъ объ ежедневно повторяющихся убійствахъ римскихъ солдатъ и объ уличныхъ беспорядкахъ, грозящихъ перейти въ открытое возстаніе, весьма опасное для Цезаря въ виду малочисленности его арміи среди многолюднаго, враждебно настроеннаго города. У Цезаря было всего три тысячи двѣсти легіонеровъ и восемьсотъ человѣкъ конницы.

Никакія отговорки, ни убѣжденія, ни довольно прозрачныя угрозы не могли поколебать упорной воли Цезаря. Видя безуспѣшность своихъ просьбъ, онъ принялъ тонъ повелителя и приказалъ Потину формально, его именемъ, предложить Птоломее и Клеопатрѣ распустить войска и самимъ прибыть въ Александрію для объясненія поводовъ къ распрѣ передъ его консульскимъ судомъ. Евнухъ вынужденъ былъ повиноваться; но хитрый и изворотливый настолько же, насколько Цезарь былъ упрямъ, онъ надумалъ самое вмѣшательство Цезаря, казавшееся вначалѣ такимъ опаснымъ, обратить на пользу своего дѣла. Въ этихъ видахъ онъ пе-

редадь Клеопатрѣ приказаніе Цезаря распустить войско, не говоря ни слова о томъ, что ее вызываютъ въ Александрію; Птоломею же онъ совѣтовалъ явиться безотлагательно, отнюдь не ослабляя своихъ вооруженныхъ силъ. Потинъ рассчитывалъ такимъ образомъ избавиться отъ войска Клеопатры и снискать молодому царю расположение Цезаря. Вскорѣ Птоломеемъ прибылъ въ Александрію, рассыпался передъ Цезаремъ въ изъявленіяхъ дружбы и преданности и, поддерживаемый завѣреніями Потина, Авкила и другихъ своихъ сторонниковъ, изложилъ консулу причины своей распри съ Клеопатрой, причемъ, конечно, вина во всемъ сваливалась на эту послѣднюю. Обмануть Цезаря было, однако же, не такъ легко, какъ то казалось египтянамъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобы юная царица изъ высокоомѣрія и презрѣнія къ нему отклонила приглашеніе пріѣхать въ Александрію. Заподозривши Потина въ томъ, что онъ своими хитрыми изворотами старается не допустить до него Клеопатру, Цезарь тайно отправилъ къ ней довѣреннаго посланца.

Клеопатра съ нетерпѣніемъ ждала вѣстей отъ Цезаря. По первому его требованію, не сполна переданному ей Потиномъ, она поспѣшила распустить свои войска. Она возлагала большія надежды на великаго полководца, котораго уже тогда называли «мужемъ всѣхъ женъ», и хорошо понимала, насколько ей необходимо увидать его, или, вѣрнѣе, насколько необходимо, чтобы Цезарь увидѣлъ ее. Между тѣмъ, дни проходили за днями, а желаннаго приглашенія пріѣхать въ Александрію все не было. Наконецъ, было получено вторичное посланіе консула. Клеопатра узнала, что Потинъ скрылъ отъ нея первый вызовъ. Теперь, когда обнаружались ухищренія ея враговъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что они не задумаются въ крайности прибѣгнуть къ насилію. Несомнѣнно было и то, что они зорко слѣдятъ за нею и уже приняли свои мѣры, чтобы не допустить ея свиданія съ Цезаремъ. Если бы она отправилась въ Александрію сухимъ путемъ, то, навѣрное, попала бы въ руки аванъ-постовъ и разъѣздовъ Птоломеевой арміи; на морѣ ея царская трирема была бы непременно захвачена кораблями Птолемея, сторожившими входы въ гавани. Если бы Клеопатрѣ удалось даже добраться до Александрии, ей, все-таки, предстояла величайшая опасность быть растерзанной чернью, натравленною на нее Потиномъ. Въ самомъ царскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Цезарь въ качествѣ гостя Птолемея, то-есть окруженный египетскою почетною стражей, молодая женщина могла быть схвачена или убита приверженцами Потина.

А потому Клеопатра рѣшилась пробраться въ Александрію не

только безъ царственной обстановки, но даже и не переодѣтою, а просто запакованною въ тюкъ. Въ сопровожденіи одного только вѣрнаго слуги, сицилійца Аполлодора, она тайно сѣла близъ Пелузы на небольшой палубный баркасъ, проскользнувшій ночью въ александрійскую гавань. Судно стало у пристани противъ одного изъ малыхъ входовъ во дворець. Клеопатра приказала запаковать себя въ мѣшокъ изъ грубой холстины, какіе употреблялись путешественниками для перевозки ихъ рухляди. Аполлдоръ обвязалъ мѣшокъ веревкой, взвалилъ его себѣ на плечи, войдя во дворець, направился прямо въ покои, занятые Цезаремъ, и положилъ передъ нимъ свою драгоценную ношу.

Афродита вышла изъ волнъ морскихъ; Клеопатра менѣе эффектно вылѣзла изъ мѣшка. Тѣмъ не менѣе, Цезарь былъ пораженъ изумленіемъ и восторгомъ отъ такого появленія египетской царицы. Клеопатрѣ шелъ тогда девятнадцатый годъ, и она была въ полномъ разцвѣтѣ своей странной и чарующей красоты. Діонъ Кассій называетъ ее красивѣйшею изъ женщинъ. Плутархъ же не ограничивается такимъ короткимъ опредѣленіемъ и говоритъ: «Въ ея красотѣ не было ничего, настолько поразительнаго, чтобы вызвать удивленіе. Но чарующимъ выраженіемъ лица, прелестью всей своей особы, обворожительностью обхожденія Клеопатра поражала всѣ сердца». Клеопатра не была красавицей, но за то одарена была волшебною привлекательностью. Викторъ Гюго такъ выразился объ одной драматической артисткѣ: «*Elle n'est pas jolie, elle est rige*» *). Это очень мѣткое слово какъ нельзя болѣе подходитъ къ Клеопатрѣ. Плутархъ добавляетъ и его свидѣтельство подтверждено Діономъ Кассіемъ, что Клеопатра обладала чуднымъ голосомъ, нѣжности необычайной **).

На слѣдующій день, послѣ продолжительной ночной бесѣды съ Клеопатрой; Цезарь раннимъ утромъ призвалъ къ себѣ Птоломея и объявилъ, что онъ долженъ примириться съ сестрою-супру-

*) „Она не хорошенькая, она хуже того“.

**) Въ „приложеніи“ (IV) къ своей книгѣ Генрихъ Гуссе, разбирая извѣстныя до сихъ поръ изображенія Клеопатры, указываетъ, какъ на заслуживающія наибольшаго вниманія, на тѣ, которыя находятся въ барельефахъ храмовъ Дендераха. Что же касается имѣющагося въ продажѣ и воспроизведеннаго въ Парижѣ съ барельефа, найденнаго въ 1862 г., то авторъ передаваемой нами книги считаетъ его подложнымъ. Изъ монетъ съ изображеніемъ Клеопатры, авторъ обращаетъ особенное вниманіе на тетрадрахму, выбитую въ Антиохіи, изъ коллекціи Кастелани. Кромѣ того, онъ упоминаетъ о пятнадцати медаляхъ, находящихся въ Британскомъ музеѣ и въ Вѣнѣ. За одинъ изъ лучшихъ портретовъ Клеопатры онъ считаетъ изображеніе на медали, находящейся въ нумизматическомъ кабинетѣ въ улицѣ Ришелье, въ Парижѣ.

гой и принять ее сопровительницею. «Въ одну ночь, — говоритъ Діонъ Кассій, — Цезарь сталъ защитникомъ той, надъ которою только что хотѣлъ произнести приговоръ въ качествѣ судьи». Птоломей противился, едва прикрытому словами вѣжливости, приказанію консула. Когда была введена Клеопатра, юный царь, видѣ себя отъ бѣшенства, сорвалъ съ головы своей діадему, бросилъ ее къ ногамъ Цезаря и выбѣжалъ изъ дворца съ крикомъ: «Измѣна! измѣна! къ оружію!» Толпы народа, возбужденнаго этими криками, ринулись къ дворцу. Цезарь, успѣвшій собрать лишь нѣсколько манипулъ своихъ легіонеровъ, видѣлъ всю невозможность съ этою горстью людей вступить въ борьбу съ оставшимъ населеніемъ столицы. Онъ вышелъ на террасу и сталъ издали успокаивать народъ, обѣщая исполнить всѣ требованія египтянъ. Тѣмъ временемъ его воины подоспѣли изъ лагеря, окружили Птолемея, отгѣснили его приверженцевъ и, со всѣми знаками почтительности, силою увели его во дворець, гдѣ онъ и очутился въ положеніи заложника въ рукахъ Цезаря.

На слѣдующій день населеніе города было собрано на площадь. Цезарь, въ сопровожденіи Птолемея и Клеопатры, явился окруженный ликторами и своими римлянами въ боевомъ строю, готовыми оружіемъ подавить всякую попытку къ возмущенію. Цезарь громко прочелъ завѣщаніе Птолемея Аулета и торжественно, именемъ римскаго народа, объявилъ, что заставитъ уважать послѣднюю волю умершаго царя. Въ исполненіе таковой, двое старшихъ его наслѣдниковъ должны совмѣстно царствовать въ Египтѣ. Что же касается двоихъ другихъ, то онъ, Цезарь, даритъ имъ островъ Кипръ и возводитъ ихъ въ царское достоинство.

Сцена эта поразила и устрашила александрійцевъ. Тѣмъ не менѣе, Цезарь опасался возстанія и послѣшилъ вызвать въ Александрію новые легіоны, сформированные имъ въ Малой Азіи изъ остатковъ арміи Помпея. Но много ранѣе, чѣмъ могли подоспѣть эти подкрѣпленія, египетское войско, стоявшее у Пелузы, повинувшись тайному приказанію Потины, вступило въ городъ, чтобы выгнать римлянъ. Въ то же время, меньшая сестра Клеопатры, Арсиноя, бѣжала изъ дворца при помощи евнуха Ганимеда и была провозглашена арміей и народомъ законною наслѣдницею Лагидовъ. Войско, подъ начальствомъ Авкилы, состояло изъ восемнадцати тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи. Большая часть населенія Александріи всоружилась за одно съ войскомъ противъ иноземцевъ.

Въ распоряженіи Цезаря было всего четыре тысячи воиновъ и экипажи его триремъ. Положеніе было въ высшей степени крити-

леское. Съ этою горстью людей онъ засѣлъ во дворцахъ Брухіона. Со стороны города его осаждали войско Аквилы и вооруженная тервь; его флотъ, стоявшій на якорѣ въ большомъ портѣ, запертъ былъ непріателемъ, въ рукахъ котораго находились входы Быка и Тестадиа. Не мало было оснований опасаться, что египтяне овладѣютъ этимъ неподвижнымъ флотомъ и воспользуются имъ для того, чтобы преградить путь съ моря, столь необходимый Цезарю для подвоза подкрѣпленій и продовольствія. Эту опасность Цезарь отстранилъ тѣмъ, что приказалъ сжечь корабли. Громадное пожарище распространилось на городъ, уничтожило множество домовъ и общественныхъ зданій, въ томъ числѣ арсеналь, библіотеку и хлѣбныя склады. Приведенные въ отчаяніе египтяне ринулись на дворець. Но римскіе легіонеры успѣли уже превратить его въ непритупный укрѣпленный лагерь. Римляне не только отразили всѣ нападенія, но успѣли даже овладѣть островомъ Фаросомъ и захватить, такимъ образомъ, въ свое распоряженіе входъ въ гавань.

Египтяне вообразили, что дѣла ихъ пойдутъ много удачнѣе, если во главѣ ихъ будетъ стоять не такая молодая женщина, какъ Крейна, а ихъ царь Птоломей. Они объявили Цезарю, что ведутъ съ нимъ войну лишь потому, что онъ держитъ въ плѣну ихъ государя, и прекратятъ непріязненные дѣйствія, какъ только ему будетъ возвращена свобода. Цезарь согласился на это и отпустилъ Птоломея. Что же касается его ближайшаго совѣтника Потина, то Цезарь перехватилъ его тайныя посланія къ Аквилѣ и приказалъ икторамъ казнить его. Съ освобожденіемъ Птоломея война не только не прекратилась, но разгорѣлась съ новою силой. Но около этого времени къ Цезарю прибыло уже моремъ первое подкрѣпленіе, 17-й легіонъ. До весны слѣдующаго 47 года борьба продолжалась съ замѣтнаго перевѣса той или другой стороны. Весною же получено было извѣстіе о взятіи приступомъ Пелузы войскомъ, шедшимъ на выручку Цезаря. То былъ отрядъ союзниковъ, которыхъ велъ изъ Сиріи Митридатъ Пергамскій. Египтяне, опасаясь очутиться въ Александріи между двумя непріятельскими силами, вытупили на встрѣчу Митридату. Первый бой, близъ Мемфиса, не ривелъ ни къ какимъ результатамъ. Но черезъ нѣсколько дней Цезарь въ свою очередь вышелъ изъ Александріи, соединился съ Митридатомъ и разбилъ египтянъ на голову. Птоломей утонулъ въ плѣ. Послѣ такой побѣды Цезарь во главѣ своихъ войскъ вступилъ въ покорную его волѣ Александрію. Наученное горькимъ опытомъ и на дѣлѣ извѣдавшее тяжесть римскаго оружія населеніе Александріи привѣтствовало консула криками восторга.

Тагъ окончилась «Александрійская война», которую было бы правильно называть *войною изъ-за Клеопатры*, тагъ какъ всѣмъ на эта, ненужная для славы Цезаря, вредная для его личныхъ интересовъ, бесполезная для его отечества, едва не стоившая египетской жизни, велась имъ единственно изъ-за любви Клеопатры *).

За восемнадцать лѣтъ до этихъ событій Цезарь, будучи въ Египтѣ, пытался провести плебисцитъ объ исполненіи послѣдней воли Александра II **), завѣщавшаго Египетъ «римскому народу». Теперь Египетъ былъ во власти Цезаря, и одного его слова достаточно было для того, чтобы превратить эту обширную и богатую страну въ римскую провинцію. Но въ 65 году Клеопатра едва только родилась на свѣтъ, и Цезарь не могъ предвидѣть, насколько глубоко вопьются въ него острые зубы «Нильской змѣйки», какъ называетъ ее Шекспиръ.

Теперь же и помина не было о присоединеніи Египта къ римскимъ владѣніямъ. По возвращеніи въ Александрію Цезарь торжественно объявилъ Клеопатру царицей, а дабы не нарушать египетскихъ обычаевъ, онъ рѣшилъ, что Клеопатра станетъ супругою своего меньшаго брата, Птолемея Младшаго, и съ нимъ раздѣлитъ тронъ. Но, по вѣрному замѣчанію Діона Кассія, какъ бракъ этотъ такъ и раздѣленіе власти были одинаково фиктивными. Птоломей былъ слишкомъ юнъ ***) и Клеопатра, считаясь супругою его и совправительницею, въ дѣйствительности правила государством одна и оставалась любовницею Цезаря.

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ, пока длилась война, Цезарь жила съ Клеопатрой въ осажденномъ дворцѣ Брухіона и покидалъ ее лишь затѣмъ, чтобы сражаться за нее съ египтянами. Но и по окончаніи войны онъ не могъ оторваться отъ очаровательницы, несмотря на то, что дѣла величайшей важности требовали его присутствія въ Римѣ, гдѣ царилъ полная неурядица. Въ Азіи Понтийская Каппадоція и Арменія ускользали изъ-подъ власти римлянъ; въ Африкѣ Катонъ и послѣдніе приверженцы Помпея собрали въ Утикѣ огромную армію ****) противъ Рима; въ Испаніи разгоралось возмущеніе и готово было вспыхнуть возстаніе. Въ объятіяхъ Клеопатры

*) Діонъ Кассій, XLII, 44.

**) Птоломей X, прозванный Александромъ II, былъ свергнутъ съ престола Птоломеемъ Аулетомъ (въ 65 г. до Р. Х.) и умеръ бездѣтнымъ.

***) По однимъ извѣстіямъ, ему было пятнадцать лѣтъ, по другимъ—одиннадцать.

****) Четырнадцать легионовъ, десять тысячъ вумидійской конницы и сто двадцать боевыхъ слоновъ.

цезарь все забывалъ, и свои обязанности, и личные интересы, и столбовіе, и опасности. Онъ собирался покинуть Александрію, но лишь для того, чтобы предпринять съ обворожительною царицей веселительное плаваніе по Нилу.

По приказанію Клеопатры былъ изготовленъ громадный плоскодонный корабль, по образцу тагъ называемыхъ оаламегъ, въ которыхъ цари Египта имѣли обыкновеніе путешествовать по великой рѣкѣ. Это былъ настоящій пловучій дворецъ въ полстадія длины и въ сорокъ футъ вышиной, считая отъ уровня воды. Портки и открытыя галереи обрѣзали каждый его этажъ и увѣнчивались бельведеромъ, покрытымъ пурпурнымъ наметомъ. Многочисленные внутренніе покои были убраны со всѣмъ комфортомъ и со всею роскошью эллино-египетской цивилизаціи. Тутъ были обширныя залы, окруженныя причудливыми колоннадами, великолѣпный *акхейонъ* для пиршествъ, съ тринадцатю мѣстами для возлежанія, покрытый сводчатымъ потолкомъ, на подобіе грота, сверкающимъ узорчато-подобранною мозаикой изъ яшмъ, лаписъ-лазури, ордоликовъ, аметистовъ, аквамариновъ и топазовъ. Корабль построенъ изъ кедра и кипариса, паруса сдѣланы изъ виссона, снаги окрашены пурпуромъ. Все изукрашено тонкою рѣзьбой искусѣйшихъ мастеровъ; художественно сдѣланные цвѣты лотуса перемѣшиваются съ листьями агента, вьются гирлянды изъ стеблей лобовъ и цвѣтовъ финиковой пальмы; вездѣ блестятъ облицовки въ мрамора, лакированного дерева, слоновой кости и оникса; мѣдныя архитравы и капители покрыты густою позолотою черезъ огонь. Собранныя на кораблѣ толпы мимовъ, акробатовъ, музыкантовъ, танцовщицъ и флейтистовъ понесутъ въ тихую пустыню Оиваиды съ радости и наслажденія шумной Александріи.

Цезарь и Клеопатра восторженно мечтаютъ объ этомъ волшебномъ путешествіи. Но чуть не наканунѣ отъѣзда легіонеры начинаютъ роптать; высказываютъ свое недовольство, грозятъ выйти изъ повиновенія; ихъ начальники рѣзко поднимаютъ голоса передъ консуломъ. Цезарь приходитъ въ себя. Ему хотѣлось бы увезти Клеопатру съ собою въ Римъ. Желаніе это оказывается, однако, неисполнимымъ: наибольшая опасность грозитъ со стороны Арменіи, и онъ вынужденъ отправиться сначала въ Арменію. Цезарь оставилъ Клеопатрѣ два легіона, вѣрную и грозную стражу, обеспечивающую спокойствіе въ Александріи, и отплылъ въ Антіохію.

Пока длились кампаніи Цезаря въ Арменіи и въ Африкѣ (съ іюля 47 года по іюнь 46), Клеопатра оставалась въ Александріи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ диктатора она родила сына

и назвала его Птоломеемъ-Цезаріономъ, признавая тѣмъ свои интимныя отношенія къ Цезарю, которыя не были, впрочемъ, тайной для александрійцевъ.

Подавивши въ Афригѣ возстаніе Катона, Цезарь на обратномъ пути въ Римъ писалъ Клеопатрѣ и просилъ ее поспѣшить туда же. По всей вѣроятности, она прибыла въ половинѣ лѣта 46 года, во время празднованія четырехъ триумфовъ Цезаря. Во второмъ изъ нихъ фигурировала ея сестра, Арсиноя, перешедшая на сторону ея враговъ при началѣ александрійской войны. Царица Египта привезла съ собой своего сына Цезаріона, псевдо-супруга Птолемея и многочисленную свиту придворныхъ. Цезарь предоставилъ въ распоряженіе Клеопатры и для помѣщенія ея двора свою великолѣпную виллу на правомъ берегу Тибра *).

Клеопатра была принята въ Римѣ со всеми знаками почта, приличествующими ея царскому сану, ея положенію союзницы республики и гостью Цезаря, бывшаго въ то время на верху своего могущества и славы. Но за внѣшними проявленіями почтительнаго гостепріимства, оказываемаго Клеопатрѣ, таились презрѣніе и недоброжелательство къ чужеземкѣ. И было это не потому, конечно, что римское общество скандализировалось ея открытою связью съ Цезаремъ **). Въ послѣдніе годы республики политическая жизнь Рима была школой преступленій; театръ, въ которомъ, вопреки обычаямъ Греціи, дозволялось женщинамъ бывать на представленіяхъ комедій и безстыдныхъ играхъ мимовъ и канатныхъ плясунновъ, превратился въ школу безнравственности. Моднымъ поэтомъ былъ эротическій пѣвецъ Катулъ; образцомъ изящнаго тона и, въ то же время, ученикомъ и другомъ Цицерона — Целій, ни передъ чѣмъ не останавливающійся честолюбецъ и ничего не стыдящійся развратнигъ. Убіиства сдѣлались обычнымъ средствомъ для устраненія противниковъ; отравленія — средствомъ получать наслѣдства. Со времени проскрипцій Суллы жизнь представляется такою эфемерной, что надо спѣшить ею пользоваться. «Будемъ жить и любить, — говоритъ Катулъ. — Свѣтила могутъ угасать и возрождаться, мы же, — разъ потухъ нашъ краткій свѣтъ, — обречены на безпробудный сонъ во мракѣ». Миновало то время, когда римская ма-

*) Обширная и роскошная вилла Цезаря, окруженная садами, находилась приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ расположена теперь вилла Памфили. Эту-то виллу и эти сады Цезарь завѣщалъ вполнѣ римскому народу. Самъ же диктаторъ занималъ въ то время одно изъ общественныхъ зданій на *Via Sacra*.

**) О нравственности этого общества мы говорили въ статьѣ *Семья древняго Рима* (*Русская Мысль* 1889 г., кн. II и III).

трона сидѣла дома и прjala шерсть. Она увлекается всякими приключеніями, интригуешь, отдается или продается. Обычность разводовъ уничтожила прочность семьи; страсть къ роскоши, честолюбіе, погоня за наслажденіями разрушили понятія о долгѣ и чести. Первые и знатнѣйшія изъ патриціановъ подають примѣръ полной распущенности страстей. Таковы: Валерія, сестра Гортензія, Семпронія, жена Юнія Брута, Клодія, жена Лукулла, и другая Клодія, жена Квинта Метелла Целера; таковы еще: Юнія, жена Лепида, Постумія, жена Сульпиція, Лилія, жена Габинія, Тертулла, жена Брасса, Муція, супруга великаго Помпея, Сервилія, мать Брута...

Въ этомъ обществѣ, опозоренномъ супружескою невѣрностью и проституціей, никто не могъ относиться строго къ тому, что Цезарь измѣнялъ женѣ ради любовницы или даже ради многихъ любовницъ. Но среди всей своей безнравственности вѣчный городъ свято сохранялъ гордость имени римлянина. Побѣдители міра высокоумѣрно смотрѣли на всѣ другіе народы, какъ на низшія и презрѣнныя расы. Никто не возмущался кратковременною связью Цезаря съ Эвной, царицей Мавританіи, и никто не счелъ бы достойнымъ порицанія, если бы въ Александріи онъ развлекался любовью съ Клеопатрой. Но онъ вызвалъ ее въ Римъ, публично признавалъ своею любовницею, — онъ, римскій гражданинъ, бывшій пять разъ консуломъ и три раза диктаторомъ, жилъ въ открытой связи съ египтянкой, и это, по понятіямъ того времени, представлялось чѣмъ-то чудовищнымъ, оскорбительнымъ для Рима. Мериваль вполнѣ вѣрно говоритъ: «Представьте себѣ впечатлѣніе, какое произвела бы въ XV вѣкѣ женитьба пѣра Англіи или града Испаніи на жида, и вы составите себѣ понятіе о томъ, какъ должны были относиться римляне къ связи Цезаря съ Клеопатрой» *).

Цезарь достигъ верховной власти, онъ былъ диктаторомъ на десять лѣтъ, и подъ его статуей въ городѣ красовалась надпись: *Caesari semideo* (Цезарю полубогу). И онъ считалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы не стѣсняться предрассудками римлянъ. Впрочемъ, за послѣдніе два года своей жизни Цезарь, всегда крайне осторожный, искусно привлекавшій къ себѣ расположеніе плебса, ловко имъ пользовавшійся для своихъ цѣлей, сталъ выказывать рѣзкое пренебреженіе къ общественному мнѣнію какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ своей частной жизни. Онъ не только не удалилъ Клеопатру изъ Рима, но еще участилъ свои

*) *Merivale*: „The Romans under the Empire“, II, стр. 345.

посѣщенія виллы по ту сторону Тибра, охотно говорилъ о царицѣ, допускалъ публично называть ея сына Цезаріономъ.

Онъ сдѣлалъ болѣе того: поставилъ въ храмѣ Венеры золотую статую Клеопатры. Такимъ образомъ, къ оскорбленію римскаго народа прибавилось оскорбленіе, нанесенное богамъ Рима. Мало того, что онъ изъ-за любви къ Клеопатрѣ не превратилъ Египта въ римскую провинцію, мало того, что онъ поселилъ эту чужестранку въ Римѣ и оказывалъ ей всяческія почести и знаки своей любви,—онъ еще въ храмѣ національнаго божества водворилъ изображеніе этой александрійской гетеры, варварской царицы страны маговъ и волшебниковъ, евнуховъ и дикарей, обоготворяющихъ чучела птицъ и идоловъ съ звѣриными головами. Распускались слухи, будто диктаторъ готовится внести черезъ трибуна Гельвія Цинну законъ, дозволяющій ему имѣть столько женъ, сколько пожелаетъ, дабы имѣть отъ нихъ дѣтей. Говорили еще, что онъ намѣревается объявить сына Клеопатры своимъ наслѣдникомъ, что, истощивши Италію наборами въ войска и тяжелыми налогами, Цезарь передастъ правленіе надъ Римомъ своимъ креатурамъ и перенесетъ столицу имперіи въ Александрію. Всѣ эти слухи возбуждали недовольство противъ Цезаря и, по словамъ Діона Кассія, должны быть поставлены въ число причинъ, вооружившихъ противъ него руки убійць. Если это вѣрно, то придется признать, что и для Цезаря любовь египтянки была настолько же губельна, насколько впоследствии она роковою оказалась для Антонія.

Несмотря на все недоброжелательство римскаго общества, Клеопатра жила далеко не въ отчужденіи отъ него на своей транстиверинской виллѣ. Изъ угодничества передъ божественнымъ Юліемъ, изъ желанія добиться интимнаго сближенія съ нимъ, цезарянцы скрывали свою антипатію къ чужеземкѣ и заискивали расположенія очаровательной царицы. При египетскомъ дворѣ, перенесенномъ на берегъ Тибра, часто видали Марка-Антонія, Долабеллу, Лепида, въ то время начальника кавалеріи, Опція Куріона, Корнелія Бальбу, Гельвія Цинну, претора Вендидія, Требонія. Одновременно съ приверженцами Цезаря являлись и нѣкоторые изъ тайныхъ враговъ, какъ, напримѣръ, Аттикъ, крупный торговецъ, имѣвшій большія дѣла съ Египтомъ, и даже иные изъ его явныхъ противниковъ, какимъ былъ Цицеронъ. Примирившись съ Цезаремъ, онъ оставался вѣренъ своей страсти къ собиранію книгъ и рѣдкостей и рассчитывалъ, не затрачивая ни одной монетки, обогатить свою бібліотеку. Онъ просилъ Клеопатру приказать привезти для него изъ Александріи, богатой такими сокровищами, нѣ-

которыя греческія рукописи и кое-что изъ египетскихъ древностей. Царица охотно обѣщала исполнить его желаніе, и порученіе это взялъ на себя Аммоній, бывшій ранѣе того въ Римѣ посломъ Птоломея Аулета и тогда еще познакомившійся съ Цицерономъ. Обѣщанное не было, однако, доставлено, и Цицеронъ такъ злобствовалъ за то на Клеопатру, что впоследствии писалъ Аттику: «Я ненавижу царицу (*odi reginam*)», объясняя, притомъ, что ненавидитъ ее за неисполненіе ею обѣщанія. Кромѣ того, бывшій консулъ не могъ простить обиды, нанесенной ему Серапіономъ, однимъ изъ придворныхъ Клеопатры. Египтянинъ пришелъ однажды въ домъ Цицерона и на вопросъ хозяина, что ему угодно, грубо отвѣтилъ: «Я ищу Аттика». Затѣмъ, не говоря ни слова, Серапіонъ вышелъ вонъ *)).

Смерть Цезаря поразила Клеопатру, какъ ударъ грома съ безоблачнаго неба. Царицѣ Египта ничего больше не оставалось дѣлать, какъ скорѣе уѣхать изъ непріязненнаго ей города, гдѣ она далеко не чувствовала себя въ безопасности среди кровавыхъ сценъ, послѣдовавшихъ за убійствомъ диктатора. Но такъ какъ Антоній задумалъ было противопоставить Октавію маленькаго Цезаріона въ качествѣ наслѣдника Цезаря, то Клеопатра прожила въ Римѣ еще до половины апрѣля и уѣхала лишь тогда, когда убѣдилась въ полной неосуществимости своей мечты.

М. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Цицеронъ: „Ad Atticum“, XIV, 8, 20, XV, 15.

* * *
Пусть темна моя дорога,
Пусть ничтожно бытіе,
Но не даромъ чуетъ Бога
Сердце скорбное мое:

Кто подъ гнетомъ нестерпимымъ
Вѣчныхъ мукъ готовъ былъ пасть,
Но любилъ и былъ любимымъ,
Тотъ не можетъ жизнь провѣять!

Д. Мережковскій.

Россия и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ *).

III.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ непосредственныя дипломатическія сношенія между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и англійскою королевою прекратились. Но въ 1580 году царь опять принужденъ былъ получить изъ Англіи нѣкоторые военные припасы, въ которыхъ онъ очень нуждался для нескончаемыхъ войнъ противъ шведовъ и поляковъ. Царь поручилъ одному изъ прикащиковъ лондонскаго общества Горсею, понравившемуся ему своею находчивостью и умомъ, отправиться въ Англію сухимъ путемъ и отвезти англійской королевѣ новую царскую грамоту. Горсей блестящимъ образомъ исполнилъ это весьма опасное порученіе, потому что во время пути чрезъ шведскія, польскія и нѣмецкія владѣнія онъ подвергался опасности быть захваченнымъ какъ русскій шпіонтъ. Царскую грамоту Горсей положилъ въ деревянную баклажку для водки, которую онъ спряталъ подъ гривую своей лошади. Добравшись до Гамбурга, Горсей благополучно выѣхалъ въ Лондонъ, представилъ англійской королевѣ царскую грамоту и весною 1581 года выѣхалъ въ Россію съ 13 судами, нагруженными всѣми потребованными царемъ военными и другими припасами.

Иванъ Васильевичъ остался очень доволенъ результатомъ экспедиціи Горсея и въ слѣдующемъ 1582 году отправилъ въ Лондонъ новое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ дворянинъ Федоръ Писемскій. Этому новому московскому посланнику были поручены, главнымъ образомъ, слѣдующія два дѣла: во-первыхъ, онъ долженъ былъ заключить союзъ съ Англіей противъ польскаго короля Стефана Баторія и требовать вспоможенія людьми, деньгами и всякими военными снарядами. Во-вторыхъ, Писемскому поручено было развѣдать о племянницѣ королевы, княжнѣ «Маріи Хонтинской», т.-е. Маріи Гастинасъ, дочери графа Гонтиндонскаго, за которую царь имѣлъ намѣреніе свататься. Наконецъ, англійскому толмачу Писемскаго было приказано, при соблюденіи строжайшей тайны, передать Елизаветѣ, что царь намѣренъ прибыть въ Англію.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Ни то, ни другое порученіе не могло быть исполнено Писемскимиъ удовлетворительнымъ образомъ. Приѣхавъ въ Англію, московскій посолъ долго не былъ принятъ королевою. «А быти де вамъ вскорѣ у королевы нельзя, — сказали ему отъ имени королевы, — потому что де въ Лундѣ (Лондонѣ) моровое повѣтріе, и она де для мороваго повѣтрія изъ Лунды выѣхала». Когда же посолъ, со всѣми обычными почестями, былъ принятъ королевою и могъ вступить въ общеніе мыслей съ англійскими министрами, онъ весьма скоро убѣдился, что англійское правительство не намѣрено связать себѣ руки союзнымъ трактатомъ съ московскимъ царемъ. Писемскому было объявлено, что вскорѣ прибудетъ къ царю англійскій посланникъ, на котораго возложено будетъ порученіе повончить дѣло о союзѣ.

Настолько же неудаченъ былъ исходъ втораго любопытнаго дѣла о сватовствѣ. Въ Ричмондѣ, на аудіенціи у королевы англійской, московскій посолъ сообщилъ о секретномъ его порученіи и отъ имени царя просилъ, чтобъ «ему ту дѣвицу показали и парсовъ (портретъ) ея написать и прислали бы» царю. Но королева отвѣтила, что дѣвица «Марія Хонтинъ не красна» и написать ея портретъ теперь нельзя, потому что она была больна оспою и лицо ея не чисто. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Писемскому удалось увиѣть молодую англичанку и онъ такъ ее описываетъ: «И княжна Хунтинская Марія Хонтисъ ростомъ высока, тонкая, лицомъ бѣла, очи сѣрыя, волосомъ руса, носъ прямъ, у рукъ пальцы тонки и долги». Королева также обѣщала послать царю портретъ своей племянницы, когда найдется настоящій художникъ, чтобъ его сдѣлать. На томъ кончилось сватовство царя Ивана Васильевича за англійскую княжну, которая, очевидно, не прельстилась мыслью быть шестою или седьмою супругою московскаго 50-ти лѣтняго царя.

Вмѣстѣ съ Писемскимъ выѣхалъ въ 1583 году въ Москву, въ качествѣ посланника англійской королевы, сэръ Еремѣй Баусъ. Главная цѣль этого новаго англійскаго посольства была общая всѣмъ другимъ бывшимъ посольствамъ: онъ долженъ настаивать на новомъ подтвержденіи всѣхъ прежнихъ привилегій англійскаго бѣломорскаго общества и требовать вознагражденія за незаконные поборы и убытки, нанесенные англійскимъ купцамъ. Что же касается союзнаго договора, то Баусъ могъ только заявить, что русское предложеніе всестороннимъ образомъ обсуждается совѣтниками англійской королевы статья за статью. Но, во всякомъ случаѣ, королева настаиваетъ, чтобы по христіанству и по праву международному и по здравому разсудку «не были начаты враждебныя дѣйствія союзными военными силами» противъ какого бы то ни было государя или властителя, не пригласивъ сперва подавшаго поводъ къ непріязни отступить отъ своихъ дурныхъ дѣйствій или отъ того, что подастъ поводъ къ враждѣ».

Кромѣ того, королева предложила свои услуги царю для посредничества между нимъ и шведскимъ королемъ. Въ этомъ предложеніи царь долженъ былъ усмотрѣть новое доказательство союзныхъ и дружескихъ чувствъ англійской королевы. Относительно стараго дѣла объ убѣжищѣ Баусъ дол-

женъ былъ снова подтвердить полную готовность королевы оказать царю самый ласковый пріемъ въ Англіи, «какой только возможенъ при малыхъ нашихъ средствахъ». «Мы хотимъ,—писала Елизавета царю 8 іюня 1583 года,—чтобы королевство и всякія владѣнія наши были открыты для вашего величества точно также свободно, безопасно и благонадежно, какъ они открыты или могутъ быть открыты для насъ самихъ».

Наконецъ, вопросъ о сватовствѣ былъ окончательно поконченъ инструкціями, данными Баусу. Послѣдній долженъ былъ объявить, что «предложенная дѣвица вошла въ такое разстройство здоровья, что остается мало надежды на возвращеніе ей силъ, потребныхъ для (царскаго) сана». Поэтому Баусъ долженъ упираться на «слабосиліе дѣвицы даже въ самомъ здоровомъ ея положеніи и другія затрудненія, которыхъ можно ожидать со стороны дѣвицы и ея родственниковъ».

Посольство сэра Еремѣя Бауса окончилось весьма неудачно, благодаря, въ особенности, заносчивости и дерзкому поведенію самого англійскаго посла. Правда, самъ царь Иванъ Васильевичъ выслушивалъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ противорѣчивыя рѣчи сэра Еремѣя, но за то назначенные царемъ для переговоровъ съ посломъ бояре Никита Романовичъ Захарьинъ, Богданъ Бѣльскій и, въ особенности, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ возмущались поведеніемъ англійскаго посла, который постоянно отрекался отъ сказанныхъ имъ словъ. Такъ какъ онъ въ одинъ день говорилъ, что хотя Марія Гостингъ «по грѣхамъ немощна и болѣзнь великая въ ней есть», за то у королевы, его государыни, «не одна племянница и ближе той племянницы есть ихъ до десяти дѣвокъ, которыя во племени королевы» *). Черезъ нѣсколько же дней англійскій посолъ категорически отказался отъ тѣхъ словъ.

Несмотря на такіе поступки, Баусъ пользовался настолько большимъ довѣріемъ царя, что могъ обвинять думнаго дьяка Щелкалова въ томъ, что онъ подкупленъ голландцами, и постоянно незаслуженнымъ образомъ жаловаться на обиды, будто бы ему нанесенныя царскими чиновниками.

Хотя царь Иванъ Васильевичъ также иногда, въ порывѣ гнѣва, круто поступалъ съ посломъ, все-таки, онъ согласился утвердить снова всѣ торговыя повольности англичанъ и продолжалъ тщетные переговоры о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза. Этого мало: царь настолько увлекался мыслью о женитьбѣ на англичанкѣ, что объявилъ своимъ боярамъ, что если невѣста не пріѣдетъ изъ Англіи, то онъ самъ туда за нею поѣдетъ.

IV.

Внезапная смерть царя Ивана Васильевича 18 марта 1584 г. чувствительнымъ образомъ повліяла на положеніе англійскаго посла. «Твой англійскій царь умеръ»,—прислалъ сказать Баусу думный дьякъ Щелкаловъ

*) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XXXIII, стр. 105 и слѣд.

и, въ то же время, приказалъ оцѣпить домъ, въ которомъ жилъ посоль, и никого не впускать и не выпускать изъ него. Вообще въ продолженіе девяти недѣль, проведенныхъ Баусомъ подъ стражей, съ нимъ обращались настолько плохо, что онъ постоянно ожидалъ еще худшаго. Въ такомъ обращеніи съ нимъ Баусъ обвинялъ Никиту Романовича и Щелкалова, которыхъ онъ называетъ «царями-похитителями» на томъ основаніи, что они захватили власть и управляли всѣми дѣлами.

Но, наконецъ, просьба англійскаго посла была исполнена и онъ бѣжалъ приглашенъ откланяться царю. Но при входѣ во дворецъ у англійскаго посла отняли мечъ и кинжалъ и обезоружили всѣхъ его слугъ. Предполагая намѣреніе Бауса жаловаться царю на обращеніе съ нимъ Никиты Романовича и Щелкалова, послѣдніе распорядились; по словамъ посла, выслать его толмача, такъ что онъ ничего не могъ сказать молодому царю. Самъ же царь ограничился замѣчаніемъ, что онъ желаетъ сохранить съ Англійей такія же добрыя отношенія, какъ его отецъ.

Наконецъ, Баусъ былъ отпущенъ: ему вручили царскую грамоту, подхватили подъ руки, вывели изъ палаты и объявили, что на выѣздъ изъ Москвы ему дано только трое сутокъ сроку. Когда же Баусъ жаловался на оскорбленія, ему нанесенныя, Щелкаловъ будто бы сказалъ: «Пускай онъ благодаритъ Бога: Богъ былъ для него милостивъ. Не пойдя онъ къ царю тогда, какъ онъ пошелъ, его бы разорвали на куски и выбросили бы за стѣны». Тотъ же думный дьякъ, еще при жизни Ивана Васильевича, угрожалъ ненавистному англійскому посланнику, говоря, что его слѣдуетъ высѣчь за данныя имъ русскимъ уполномоченнымъ дерзкіе отвѣты.

Озлобленный такимъ обращеніемъ, англійскій посоль прибылъ, наконецъ, въ августѣ 1584 года въ Архангельскъ и, ставъ на палубу англійскаго корабля, отослалъ обратно царскую грамоту и подарокъ на томъ основаніи, что грамота «ничего важнаго не содержала, а подарокъ — три сорока соболей — потому, что дряннѣе этихъ соболей не могли отыскать во всей Москвѣ».

Этого мало: озлобленный Баусъ приказалъ всѣмъ англійскимъ подданнымъ немедленно выѣхать изъ предѣловъ Московскаго государства. Но купцы не только не исполнили приказанія, но еще жаловались англійскому правительству на поведеніе посла и говорили: «Зачѣмъ было ему пріѣзжать сюда! Да помилуетъ насъ всѣхъ Господь Бог!»

Правительство царя Феодора Ивановича признало нужнымъ отправить въ Лондонъ не посланника, но въ «легкихъ гончихахъ» толмача Бекмана, родомъ изъ Лифляндіи, которому была дана царская грамота, обвиняющая Бауса въ постоянномъ произнесеніи «непригожихъ словъ», «невѣжествъ» и въ совершеніи «непригожихъ поступковъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, эта грамота подтверждаетъ старыя привилегіи англичанъ торговать въ московскихъ владѣніяхъ съ уплатою половинной пошлины «попрежнему».

Однако, совершенно естественно, что дерзкое поведеніе Бауса должно было отзываться на положеніи англійской торговли въ Московскомъ госу-

дарствѣ. Правительство убѣдилось въ чрезвычайной выгодѣ непосредственныхъ торговыхъ оборотовъ, чрезъ Нарву, съ другими, кромѣ англичанъ, европейскими народами, которые стали привозить въ Москву такіе же добротачественные товары, какъ англійскіе, но гораздо дешевле. Кромѣ того, дѣла лондонскаго общества значительно подрывались англійскими же купцами, не желавшими подчиниться эксплуатаціи со стороны агентовъ общества и потому самостоятельно завязавшими торговля сношенія съ русскими чрезъ открытую для всѣхъ Нарву. Наконецъ, въ управленіи дѣлами лондонскаго общества укоренились вопіющія злоупотребленія, отъ которыхъ неоднократно страдало само московское правительство и его подданные, имѣвшіе съ нимъ торговля сношенія.

Разрѣшить всѣ эти недоразумѣнія и непорядки, само собою разумѣется, не въ силахъ былъ простой гонецъ Бекманъ, который въ мартѣ 1585 года прибылъ въ Англію. Но королева Елизавета приняла его не раньше іюня мѣсяца, находясь подъ впечатлѣніемъ жалобъ Бауса. «Для чего нынѣшній государь ко мнѣ не такъ любовень, какъ былъ его отецъ?—спросила она Бекмана на аудіенціи, данной ему въ своемъ саду.—Всякимъ людямъ иныхъ земель велить на Русь ѣздить торговать, а моимъ людямъ отчего не велить?» Бекманъ отвѣчалъ, что никто не запрещаетъ англичанамъ ѣздить въ Россію. Тогда королева спросила призваннаго Бауса, почему онъ говоритъ, что англичанамъ нынѣ запрещено ѣздить съ товарами въ московскія земли? Ех-посолъ, оправдываясь, говорилъ, что онъ только сказалъ, что съ англичанъ берутъ пошлины, а съ другихъ иноземцевъ не берутъ. На это Бекманъ возражалъ: «Это неправда: съ англичанъ берутъ половинную пошлину, а съ другихъ полную; и еслибъ Баусъ государевыхъ грамотъ въ Холмогорахъ не покинулъ, то бы ты, государыня, подлинно провѣдала, какую нынѣшній государь хотѣлъ держать къ тебѣ любовь больше стараго» *).

Королева Елизавета не осталась довольна отвѣтами Бекмана и не приняла его на отпускъ, но приказала своему статсъ-секретарю сэру Франциску Вэльсингему вручить ему грамоту царю. Въ этой грамотѣ королева пишетъ царю, что только «клеветы и противодѣйствіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ и слугъ вашего отца, а потомъ и препятствія, представленныя ими его переговорамъ, разсердили Бауса и заставили его позабыть о своихъ обязанностяхъ. Мы знали его здѣсь за человѣка разсудительнаго и искуснаго въ веденіи дѣлъ. Что же касается желанія царя, чтобъ его подданные могли свободно пріѣзжать въ Англію, то это имъ нисколько не возбраняется, подъ двумя условіями: во-первыхъ, чтобъ пріѣзжающіе русскіе были «природные подданные царя» и, во-вторыхъ, чтобы они, «подъ именемъ своихъ, не возили чужихъ товаровъ» и употребляли пригашниковъ только изъ числа русскихъ природныхъ подданныхъ».

*) Сборникъ Император. Русскаго Историческ. Общества, т. XXXVIII, стр. 146 и слѣд.; Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. VII, стр. 302 и слѣд.

Когда Бекманъ, по возвращеніи въ Москву, доложилъ о своей поѣздкѣ, московское правительство серьезно разсердилось на англійскую королеву, которая приняла московскаго гонца, по его собственнымъ словамъ, «въ капустномъ саду, гдѣ съѣютъ лукъ да чеснокъ». Кроме того, отпускъ былъ данъ Бекману не самою королевой, но «какимъ-то писцомъ».

Вслѣдъ за возвращеніемъ Бекмана въ Москву, въ августѣ 1585 года, былъ отправленъ въ Лондонъ съ новою царскою грамотою, отъ сентября 1585 года, англичанинъ Горсей, управлявшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ московскою конторой лондонской компаніи и находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ шурина царя, боярину Борису Годунову. Царская грамота, привезенная Горсеемъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по содержанію своему, такъ и по тону изложенія.

Прежде всего, снова жалуется царь Феодоръ Ивановичъ на «непригожіе поступки» Бауса, который не только говорилъ «многія непригожія слова, но и выдумывалъ многія неправды на нашихъ бояръ». Ни одному послу, «ни папы римскаго, ни императора германскаго, ни султана, не было оказано такого почета и милости, и не было отпускаемо такихъ кормовъ и не было дано ихъ посольскимъ людямъ свободы по ихъ волѣ всюду ходить», какъ англійскому послу Баусу и его людямъ. Между тѣмъ, Баусъ бросилъ царскую грамоту и «этого ни въ какомъ государствѣ не водится, чтобы посланникъ такъ невѣжливо велъ себя съ государемъ, пренебрегалъ государское къ себѣ жалованье и бросалъ грамоту, которую получилъ отъ онаго государя для отвоза къ собственному своему государю... Что за слуга тотъ, что отказывается везти письмо къ своему господину?» Но, несмотря на всѣ эти великіе проступки посла англійской королевы, царь, все-таки, милостиво подтвердилъ новою жалованною грамотою всѣ права и преимущества англійскихъ купцовъ.

Отъ всѣхъ гостей, пріѣзжающихъ въ Московское государство, «съ незапамятнаго времени» берется полная пошлина, «а съ твоихъ людей, — пишетъ царь королевѣ, — въ преимущество ихъ предъ другими, мы беремъ только половину той пошлины». Между тѣмъ, не взирая на всѣ эти статьи, англійскіе подданные, все-таки, не живутъ по жалованной грамотѣ и постоянно нарушаютъ московскіе законы и порядки. «Имъ указано привозить свои товары оптомъ и не продавать въ розницу, по аршину или жѣрѣ, и имъ не позволено провозить и выдавать за свои товары какихъ-либо иныхъ иностранцевъ, не привозить, выдавая за своихъ, людей иного народа или племени; а твои гости, сестра, покупаютъ и продаютъ свои товары въ розницу, а не оптомъ, и провозятъ и привозятъ товары иныхъ иноземцевъ, выдавая за свои, и вывозятъ чужестранцевъ изъ иныхъ областей въ наши государства подъ именемъ своихъ англичанъ».

Съ другой стороны, царь положительно отказываетъ королевѣ въ ея требованіи, чтобы въ предѣлы Московскаго государства были допускаемы только такіе англичане съ товарами, которые имѣютъ отъ нея особенныя разрѣшительныя грамоты. «Кто бы ни былъ, — пишетъ царь, — или кто бы

изъ какой бы земли ни пріѣхалъ въ наше государство, тому можно и позволено торговать товарами. Обязывать насъ въ томъ, чтобы мы въ своемъ государствѣ не дозволяли другимъ торговлю товарами,—непригоже». Очевидно, что подданные королевы «хотѣли забрать всѣ прибыли для себя однихъ и не хотятъ никого иного допускать приходить въ наши пристанища, а это была бы для нашего государства помѣха».

Во всякомъ случаѣ, совершенно основательно замѣчаетъ царь, «ради однихъ англійскихъ гостей запрещать многимъ людямъ изъ многихъ государствъ приходить къ намъ было бы неразуміе».

Московское правительство не придавало, съ другой стороны, ни малѣйшаго значенія праву, признанному торжественнымъ образомъ англійскою королевою за русскими торговыми людьми свободно пріѣзжать въ Англію и торговать тамъ на общемъ основаніи. Напрасно,—пишетъ царь,—королева такъ много говоритъ о такомъ «маломъ дѣлѣ» и даже «печалуется», что московскіе купцы такъ рѣдко пріѣзжаютъ съ своими товарами въ Англію.

«Купцы наши,—заявляетъ королевѣ царь,—какъ въ прошлое время въ твою землю не ѣздили, такъ и послѣ въ этомъ не будутъ имѣть нужды».

Наконецъ, царь охотно готовъ поддерживать, чрезъ посредство пословъ и гонцовъ, постоянныя сношенія съ любительнѣйшею сестрою королевною Елизаветой. Только въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы королева не присылала пословъ, подобныхъ Баусу, и оказывала царскимъ посланцѣмъ больше почета, нежели было оказано Бекману, которому, напротивъ, было оказано «великое безчестіе». Этого царскаго гонца не только долгое время не допускали къ королевѣ, но, кромѣ того, его отпустила домой не сама королева, но «писецъ» сэръ Францискъ Вэльсинггемъ, который даже осмѣлился приказать гонцу править царю поклоны отъ королевы.

«Гдѣ то слыхано,—съ негодованіемъ спрашиваетъ царь московскій,—чтобы какой-либо государь посылалъ гонца къ намъ, такому великому государю, и поклоны правилъ чрезъ писца? Одинъ государь другому самъ посылаетъ поклоны».

Съ такою царскою грамотой прибылъ Горсей въ Лондонъ. Понятно, что это произведеніе московскаго посольскаго приказа должно было вызвать неудовольствіе англійскаго правительства, которое продолжало считать Бауса ни въ чемъ виновнымъ. Однако, съ другой стороны, весьма важныя коммерческіе интересы и огромныя матеріальныя выгоды, связанныя съ московскою торговлей, заставили лондонское правительство употребить всѣ усилія для улаженія возникшихъ натянутыхъ отношеній. Новый московскій посланецъ, будучи отлично знакомъ съ положеніемъ дѣлъ при московскомъ дворѣ, совѣтовалъ обратиться къ царицѣ Иринѣ и къ царскому шуринау Борису Годунову и обезпечить за англійскою торговлей покровительство тѣхъ вліятельнѣйшихъ особъ.

Совѣтъ Горсея былъ уваженъ англійскимъ правительствомъ. Королева Елизавета написала царицѣ Иринѣ весьма любезное письмо, въ которомъ

утверждается, что «необычайная слава, распространившаяся объ отличномъ разумѣ и рѣдкихъ добродѣтеляхъ и качествахъ» ея, вызвала искреннюю къ ней любовь королевы. Поэтому королева спѣшитъ исполнить желаніе царицы и посылаетъ ей не только «искусную и опытную повивальную бабу», но также и отличнаго доктора, который принесетъ пользу ея здоровью.

Кромѣ того, Елизавета отправила лестную грамоту Борису Годунову, въ которой называетъ его «кровнымъ любительнымъ пріятелемъ» и проситъ его могущественнаго покровительства для англійскихъ купцовъ. Но Борисъ Годуновъ остался недоволенъ королевскимъ письмомъ, находя слова его «непригожими и весьма неприличными», потому что онъ былъ названъ въ письмѣ «дьякомъ» и такимъ образомъ «немалая поруха была нанесена княжескому его достоинству и чести».

Насколько англійское правительство опасалось гнѣва московскаго царя, ясно видно изъ привезенной Горсеемъ въ Москву королевской грамоты отъ марта 1586 года. Королева старается, прежде всего, еще разъ оправдать поведеніе Бауса, котораго очень разсердило приказаніе снимать мечъ при входѣ въ царю. «Въ нашихъ земляхъ,—пишетъ королева,—это великое безчестіе, когда велеть мечъ снять, и за такое безчестіе въ сердцѣ нашего посла великая кручина была, и что ни дѣлалъ, все съ кручиною». Впрочемъ,—немедленно прибавляетъ королева, «теперь сказалъ намъ Горсей, что мечъ отнимаютъ у пословъ по вашему обычаю, какъ у васъ всегда ведется въ царствѣ, и мы, узнавъ это, перестали кручиниться, и надѣемся, что между нами будетъ вѣчная любовь». Но за то, что Баусъ бросилъ царскую грамоту, королева положила было строго его наказать. Если же она, все-таки, не подвергла его никакому наказанію, то только потому, что признала основательными опасенія Бауса вызывать гнѣвъ королевы за принятіе царскихъ подарковъ и грамоты послѣ отнятія у англійскихъ купцовъ всѣхъ ихъ привилегій и нанесенія имъ всевозможныхъ обидъ (sic).

Совершенно также неосновательно неудовольствіе царя по поводу будто бы нанесенныхъ его посланцу Бекману обидъ. Королева не приняла его немедленно, потому что была чрезвычайно занята важнѣйшими государственными дѣлами, и, къ тому же, она знала, что раньше весны онъ не можетъ возвратиться въ Москву.

Что же касается мѣста приема его королевою, то это вовсе не былъ садъ, въ которомъ разводится лукъ и чеснокъ. Это мѣсто «прилегается къ самымъ тайнымъ отдѣленіямъ нашего дворца,—пишетъ королева Елизавета,—и мы, по государскому обычаю, въ видѣ особенной милости, принимаемъ тамъ только тѣхъ, которые наши приближенные и любезные слуги. Въ томъ мѣстѣ не разводится ни лукъ, ни чеснокъ, какъ ложно и злоумышленно клеветаетъ Бекманъ, но это прелестнѣйшій и достойный государя садъ, какъ можетъ засвидѣтельствовать Горсей». Наконецъ, не «писецъ» и не «дьякъ», но главный статсъ-секретарь королевы передалъ Бек-

ману грамоту, потому что на его обязанности обыкновенно передавать отвѣты королевскаго правительства посланникамъ и гонцамъ чужестранныхъ государей.

По мнѣнію королевы, Бекмана за всѣ его «живыя и бездѣльныя спорныя слова не только понаказать, и побить пригоже».

Не менѣе любопытны доводы королевы въ пользу неотложной необходимости исключительныхъ привилегій для англичанъ и ихъ торговли въ предѣлахъ Московскаго государства. «Когда изъ всѣхъ смертныхъ,—писать королева царю,—мы первые открыли путь моремъ въ Московію, много передъ тѣмъ погублено кораблей и многіе пожертвовали жизнью», и вотъ «за толикія утраты и неисчислимыя труды» царь Иванъ Васильевичъ призналъ справедливымъ предоставить англичанамъ совершенно исключительныя права. Вотъ почему королева должна настаивать на освобожденіи англійскихъ товаровъ отъ «всякихъ пошлинъ и сборовъ». Мало того, королева также настаиваетъ на своемъ требованіи, чтобы торговать разрешалось въ Московскомъ государствѣ только тѣмъ англичанамъ, которые принадлежатъ къ лондонской бѣломорской компаніи, «ибо у насъ обычай предоставлять привилегію на плаваніе какимъ-либо путемъ только тому обществу, которое первое откроетъ тотъ путь». Такова грамота, привезенная Горсеемъ въ Москву. Благодаря примирительному тону этого акта, а въ особенности могущественному покровительству Бориса Годунова, привилегіи англійскихъ купцовъ были подтверждены въ 1587 году новою жалованною грамотой, которую Горсей долженъ былъ отвезти въ Лондонъ.

Когда Горсей прибылъ въ Лондонъ, онъ узналъ, что королева отправила въ Москву своего секретаря у принятія челобитныхъ Флетчера, въ качествѣ посла. Тогда Горсей, чувствующій себя виновнымъ въ злоупотребленіи довѣріемъ лондонскаго общества, котораго онъ былъ одно время агентомъ, скрытно уѣхалъ изъ Лондона, не дождавшись королевской аудиенціи. Горсей былъ, въ частности, замѣшанъ въ дѣлѣ другого англичанина, Антона Марша, который взялъ въ долгъ товары и деньги у московской казны, самого Бориса Годунова и у разныхъ частныхъ лицъ, за счетъ лондонской компаніи. Последняя отказалась признать эти долги, и тогда московское правительство, по совѣту думнаго дьяка Щелкалова, распорядилось наложить арестъ, на большую сумму, на товары, принадлежащіе англійскимъ купцамъ и лондонскому обществу. Кроме того, Борисъ Годуновъ приказалъ извѣстному Бекману отвезти арестованнаго Марша въ Англію и передать его на судъ самой королевы.

Несмотря на неудовольствіе, вызванное поведеніемъ Бекмана въ Лондонѣ въ первый его пріѣздъ, онъ, все-таки, рѣшился вновь туда отправиться въ 1588 году. Но онъ не скоро былъ принятъ королевою Елизаветой. Когда, наконецъ, онъ былъ допущенъ, королева приняла его слѣдующими словами: «Я долго не пускала тебя до своихъ очей, потому что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкаго (графа Лейстера); да великая досада была у меня на тебя за то, что ты въ рѣчахъ

своему государю примѣнилъ нашъ потѣшный садъ къ капустному огороду, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ; за такое дѣло ты достоинъ былъ пени, но мы тебѣ не мстили». Бекманъ отвѣчалъ: «Бью челомъ вашему величеству, вели безопадно выговорить». Получивъ отъ королевы разрѣшеніе, Бекманъ сталъ оправдываться и утверждать, что онъ совсѣмъ не это доносилъ, что ему приписываютъ. «Я этого не думалъ, — оправдывался онъ, — не только что не говорилъ, въ чемъ Богъ свидѣтель; если въ царской грамотѣ объ этомъ написано, или кто сможетъ на меня довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпѣть наказанье; нанесъ на меня это лихой человекъ, который хотѣлъ моей доброй славы поруху учинить, и я надѣюсь, что этотъ камень упадетъ на его голову» *).

Королева выслушала Бекмана и сказала, что забудетъ объ этомъ дѣлѣ.

Вслѣдъ затѣмъ начались съ московскимъ гонцомъ переговоры по дѣлу Марша, долги котораго, по требованію Бекмана, должно уплатить лондонское общество. Противъ этого требованія возразилъ англійскій лордъ-назначей, что не слѣдовало вѣрить Маршу и не давать ему такихъ денегъ. Вѣдь, онъ былъ не «гость большой», но скорѣе «простой слуга у гостей, а большіе гости кабалъ не подписывали». Съ этимъ мнѣніемъ никакъ не соглашался московскій гонецъ. «Маршъ былъ на гостиномъ дворѣ, — доказывалъ онъ, — покупалъ, продавалъ, деньги занималъ и самъ въ долгъ давалъ, не какъ слуга, а какъ большой гость, на которомъ все положено; сверхъ того, онъ умѣетъ по-русски читать и писать, и ваши большіе гости не объявили, что ему не вѣрить».

Это же самое дѣло Марша, весьма характеристичное для порядка международныхъ торговыхъ оборотовъ въ XVI столѣтіи, было также однимъ изъ предметовъ посольства Флетчера, прибывшаго въ Москву осенью 1588 года. Этому англійскому послу удалось покончить дѣло Марша, но нельзя сказать, чтобъ его посольство увѣнчалось полнымъ, съ точки зрѣнія англичанъ, успѣхомъ.

Прежде всего, Флетчеръ вызвалъ негодованіе царя Феодора Ивановича незначительностью привезенныхъ отъ имени англійской королевы подарковъ. Сама Елизавета называетъ свой подарокъ «прелестнымъ», но состоялъ онъ изъ монетъ — «поминковъ золотыхъ, и въ полы золотого, и въ четверть золотого, и въ деньгу — золотого, — поминковъ, какихъ прежде между ею и царемъ не бывало». Эти подарки, поднесенные царю, на другой же день были возвращены послу.

Борисъ Годуновъ, названный самими англичанами ихъ «лордомъ-протекторомъ», также былъ недоволенъ присланными ему подарками и, кромѣ того, онъ не могъ не послѣдовать примѣру царя. Поэтому онъ также возвратилъ подарки Флетчеру. Впрочемъ, Годуновъ считалъ себя еще оскорбленнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что посолъ привезъ грамоты отъ королевы Елизаветы не только ему, но также дяку Щедлакову. «Не малая

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. VII, стр. 305 и слѣд.

порука моему боярскому сану,—писалъ онъ Горсею,—что королева и ея сановники писали мнѣ непригоже, смѣшивая дьяка со мною». Между тѣмъ, сама королева знала, что думный дьякъ Щелкаловъ былъ злѣйшимъ врагомъ англичанъ; Годунову же она писала въ іюнѣ 1588 года: «Ты въ началѣ нашихъ подданныхъ бережешь и за твоимъ печалованьемъ грамота имъ жаловальная дана».

Флетчеру было поручено его правительствомъ заключить съ московскимъ правительствомъ «прямой договоръ вѣчной дружбы» и объявить, что королева Елизавета со многими государями въ братствѣ, дружбѣ и любви, но ни съ кѣмъ не имѣетъ такой дружбы и любви, какъ съ царемъ. «Если нѣкоторые англичане,—говоритъ англійскій посолъ,—поступили здѣсь не хорошо, то его величество за немногихъ виновныхъ на другихъ невинныхъ нелюбовья не держалъ бы, не велѣлъ оглашать и поругать всей земли за одного человѣка, потому что нѣтъ такой земли и торговли, гдѣ бы не было лихихъ людей; хотя бы подданные королевины и лихіе люди были, то все въ нихъ столько худаго не было бы, еслибъ государевы люди съ ними въ бездѣлье не мѣшались. Королева надѣется, что государь послѣдуетъ примѣру отца своего, будетъ продолжать сердечное пріятельство къ ней».

Англійскій посолъ представилъ длинный списокъ статей, заключающихъ требованія его правительства. Такъ, оно опять просило, чтобъ царь не позволялъ торговать ни англичанамъ, ни принадлежащимъ къ лондонской компаніи, ни другимъ иностранцамъ. На это Флетчеру отвѣчали, что «это дѣло нестаточное и ни въ какихъ государствахъ этого не ведется». Въ томъ же самомъ смыслѣ писалъ царь королевѣ: «Бьютъ намъ челомъ многіе нѣмцы разныхъ земель, англичане (не изъ компаніи), французы, нидерландцы и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ выгоняютъ? *Божію дорою, океанъ-море, какъ можно перенять, унять и затворить?*»

Когда же Флетчеръ сталъ угрожать, что если англійскимъ подданнымъ не будутъ утверждены прежнія ихъ права и преимущества, то купцы англійскіе прекратятъ всякую торговлю съ Россіей, московскіе приказные люди ему отвѣчали: «англійскимъ гостямъ государево жалованье стало ни во что; а тѣмъ нечѣмъ грозить, что они не поѣдутъ торговать въ наше государство: много гостей и кромѣ англичанъ пріѣзжаютъ къ намъ торговать».

Тогда англійскій посолъ переѣмнилъ свой тонъ и сталъ просить, чтобы царь позволилъ англійскимъ гостямъ проѣзжать чрезъ Россію въ Бухарію, Шемаху, Кезбинъ, Персію, а купцамъ другихъ странъ туда ѣздить запретилъ бы. На это было отвѣчено послу, что царь «велитъ пропускать англійскихъ купцовъ въ эти страны безошлинно, но и государевы люди въ тѣ земли будутъ также ходить». Да «какъ тому можно статьса,—спросили Флетчера,—чтобъ государевымъ людямъ туда не ходить? И то велико госу-

дарево жалованье къ англійскимъ гостямъ, что имъ позволено ходить въ такія дальнія государства, а другимъ иноземцамъ за версту дальше Москвы ходить не велѣно».

Но посоль получилъ рѣшительный отказъ, когда онъ сталъ просить, что, въ случаѣ, если англійскіе гости пошлютъ искать китайской земли, то вольно бы было имъ брать проводниковъ, судовыхъ людей, суда, кормъ на людей и всякіе другіе запасы. «Это дѣло нестаточное,—отвѣтили ему московскіе приказные люди.—Государю нашему чрезъ свое государство пускать на отысканіе другихъ государствъ непригоже».

Другія статьи, предъявленныя Флетчеромъ, касались порядка торговыхъ оборотовъ и, въ частности, дѣла Марша. Такъ, посоль просилъ, чтобы англійскимъ купцамъ разрѣшено было покупать всѣ товары безъ вывѣта. Ему отвѣчали, что разрѣшеніе уже дано, исключая воска, который позволено прожѣвывать только на селитру, порохъ и сѣру. Далѣе, королева просила, чтобъ англичанъ не пытали, когда они заподозрѣны въ совершении какого-нибудь преступленія. Отвѣтъ: англичане никогда не брали и за недѣльщика не давали, о пыткѣ же никогда и помину не было и впередъ не будетъ.

На просьбу королевы, чтобы судъ надъ англичанами порученъ былъ самому Борису Годунову, былъ данъ отвѣтъ: «Дѣло несходное судить купеческія дѣла Борису Ѳедоровичу; Борису Ѳедоровичу приказаны дѣла государственныя, которыми государство держится. Англійскихъ купцовъ будутъ судить приказные люди, а вершить дѣла будутъ, докладывая Борису Ѳедоровичу» *).

Затѣмъ королева просила, чтобы позволено было англичанамъ на Вычегдѣ дворъ поставить, руды желѣзной искать и желѣзо выдѣлывать, и жѣсу дать имъ версть на семь или на восемь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ stanno дворы и мельницы желѣзныя ставить. За это англичане обязуются платить тамги по московскѣ за каждый фунтъ. На это царь согласился. Потомъ посоль просилъ, чтобъ англійскимъ купцамъ разрѣшено было держать у себя и нанимать барышниковъ и скупщиковъ, которымъ они будутъ платить по договору. На эту просьбу послѣдовалъ слѣдующій характеристическій отвѣтъ: «тому быть не пригоже; въ этихъ барышникахъ и наймитахъ большая смута и воровство бываетъ».

Еще посоль просилъ, чтобы позволено было денежнымъ мастерамъ во всѣхъ мѣстахъ передѣлывать на англійскихъ гостей ефимки въ деньги безпошлинно; гости будутъ платить только за уголье и мастерамъ за работу. Это было разрѣшено, но подъ условіемъ, чтобъ пошлина была прежняя общая.

Наконецъ, дѣло Марша возбудило старыи вопросъ о необходимости въ торговыхъ оборотахъ индивидуальной, а не коллективной отвѣтственности за неисполненіе обязательствъ или совершеніе преступленій.

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. VII, стр. 308.

Въ началѣ сношеній съ полуобразованными народами невинные часто должны страдать за виновныхъ и отвѣчать за чужія обязательства, только потому, что принадлежать къ одной съ виновными національности или жить въ общинѣ съ ними законами *). Такъ и англійскіе гости, прибывшіе въ «Московію» съ своими товарами, часто подвергались конфискаціи ихъ собственности, вслѣдствіе обмана или плутовскихъ продѣлокъ не только какихъ-нибудь англичанъ, но даже другихъ иностранцевъ. Вотъ почему королева Елизавета поручила Флетчеру настоятельно просить московское правительство, чтобъ оно отнынѣ запретило своимъ приказнымъ людямъ отнимать силою у англійскихъ гостей ихъ товары. На это тѣ же приказные люди, именемъ царскаго правительства, отвѣтили Флетчеру, что «насилія никакого никакимъ гостямъ казначеи и дьяки не дѣлають, англійскихъ же гостей больше другихъ берегутъ; а если кто взялъ товаръ у англійскаго гостя и денегъ не заплатилъ или какъ-нибудь его обидѣлъ, то ты скажи, кто это сдѣлалъ именно, и государь велитъ расправу учинить».

Въ особенности относительно Марша королева просила, чтобъ англійскихъ купцовъ не принуждали платить его долги, потому что онъ набралъ денегъ въ займы, когда не былъ съ ними въ товарищахъ, а торговалъ самъ по себѣ. Сверхъ того, англійскіе купцы и прикащики предупреждали русскихъ людей не вѣрить Маршу и не торговать съ нимъ. «Чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ царю доуки не было,—продолжалъ англійскій посолъ,—королева бьетъ челомъ, чтобъ приказные люди считали членами компаніи только тѣхъ англичанъ, которыхъ имена принесетъ къ нимъ прикащикъ».

На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Быскано подлинно, что въ то время, какъ Маршъ занималъ деньги, англійскіе купцы жили на своемъ дворѣ всѣ вмѣстѣ и торговали за одно; на то, чтобъ считать принадлежащими къ компаніи только тѣхъ англичанъ, о которыхъ прикащикъ дастъ знать, согласились».

Благодаря могущественному заступничеству «царскаго величества шуринъ, боярина и конюшаго и содержателя государства Базанскаго и Астраханскаго Бориса Федоровича Годунова», дѣло Марша кончилось благополучнымъ образомъ для англійскихъ купцовъ. Только за незначительную часть долговъ Марша должно было отвѣчать лондонское общество; кабалы же Марша, принадлежащія Годунову, послѣдній отослалъ англійской королевѣ, «положивъ ихъ на ея волѣ, какъ она произволитъ».

Имѣя въ виду данные Флетчеру отвѣты, понятно будетъ неудовольствіе королевы англійской результатомъ его посольства.

Когда же извѣстный Горсей, продѣлки котораго открыли въ Москвѣ, снова пріѣхалъ въ 1590 г. съ королевскою грамотой въ Смоленскъ, его задержали и потомъ водворили на жительство въ Ярославль. Привезенную Горсеємъ грамоту англійской королевы признали въ посольскомъ приказѣ

*) См. мое сочиненіе *О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокъ*, 1873, стр. 170 и слѣд.

написанной съ умаленіемъ чести, потому что была безъ полнаго царскаго титула и съ малою печатью королевы. Только благодаря опять Годунову, англійская грамота была принята.

Свое неудовольствіе королева Елизавета выражала, весьма категорическимъ образомъ, въ нѣсколькихъ письмахъ къ царю и Борису Годунову. Королева находила, что обхожденіе съ ея посломъ Флетчеромъ было столь унижительное, «что подобнаго не позволялъ себѣ въ отношеніи къ нашему государскому высочеству ни одинъ государь въ Европѣ». Флетчера болѣе полугода не принимала царь; онъ содержался въ своемъ домѣ «какъ плѣнникъ, подѣ стражею людей низкаго происхожденія». «Прелестный подарокъ» королевы не былъ принятъ царемъ и возвращенъ послу съ «поносительными рѣчами». Врагъ англійскихъ подданныхъ, дьякъ Щелкаловъ, былъ назначенъ уполномоченнымъ на переговоры, хотя на вопіющія злоупотребленія именно только думнаго дьяка посоль долженъ былъ жаловаться. Кроме того, англійскіе купцы постоянно подвергаются насильственному отнятію ихъ товаровъ, или, съ другой стороны, насильно заставляютъ ихъ покупать нѣкоторые русскіе товары, какъ, напримѣръ, воскъ, въ гораздо большемъ количествѣ, нежели они этого желаютъ.

Что же касается неудовольствія царя на сокращеніе его титула, то королева сама нисколько не требуетъ, чтобы ея пространный титулъ, заключающій въ себѣ исчисленіе всѣхъ англійскихъ владѣній, былъ бы пропущенъ. Поэтому она отказывается вѣрить, чтобы сокращеніе титула царя, допущенное въ грамотѣ, привезенной Флетчеромъ, могло быть принято за умаленіе царской чести.

Наконецъ, королева знала, что, по убѣжденію покойнаго отца царя Теодора Ивановича, «хотя по сосѣдству мы далеки, но по дружбѣ мы близки и вѣрны», и она надѣялась, что того же убѣжденія придерживается сынъ. Но она, къ великому прискорбію, въ этомъ ошиблась и «требуетъ отъ его царскаго величества рѣшительныхъ отвѣтовъ на эти статьи» *).

У.

Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что въ царствованіе Теодора Ивановича отношенія между Россіей и Англійей были довольно натянуты и весьма часто принимали острый характеръ. Если же англичанамъ, все-таки, удавалось получать новое подтвержденіе своихъ исключительныхъ правъ, то благодаря только высокому покровительству царскаго шурина, Бориса Годунова.

Понятно поэтому, что королева Елизавета признавала себя обязанною неоднократно благодарить Бориса Годунова за то, что онъ взялъ англійскихъ

*) „Requiring of your Majesty a resolute answer upon the articles following“ (королевская грамота отъ августа 1590 г. Срав. также грамоту отъ 14 января 1592 года (Толстой, № 76).

пушцовъ подѣ свое могущественное покровительство, выслушиваетъ ихъ дѣла и рѣшаетъ ихъ по справедливости. «Мы считаемъ,—писала ему королева 14 января 1592 г.,—что все это сдѣлано ради насъ и потому сознаемъ себя нынѣ, и впредь не перестанемъ сознавать себя, за все сіе-обязанною вамъ».

Самъ Борисъ Годуновъ, въ письмахъ къ королевѣ англійской и къ ея лорду казначейства, лорду Бёрлею, постоянно увѣрялъ, что «напредь не будетъ даваемо повода къ обидѣ гостей ея королевскаго величества, не будутъ они ни къ чему принуждаемы» и могутъ они «покупать по ихъ волѣ и какъ захотятъ, оставаться въ пристанищѣ или отъѣзжать».

Естественно, что извѣстіе о воцареніи Бориса Годунова должно было произвести въ Лондонѣ «великую, сердечную, желательную и братскую радость», какъ призналась сама Елизавета послу Микулину. Самому Борису Годунову королева писала: «Мы радуемся, что нашъ доброхотъ, по избранію всего народа, учинился на такомъ преславномъ государствѣ великимъ государемъ».

Въ 1600 году царь Борисъ Годуновъ отправилъ въ Англію, въ званіи посла, дворянина Микулина, которому, между прочимъ, поручилъ объяснить англійской королевѣ, что новый царь, по завѣщанію покойнаго царя, по послѣдней волѣ царицы Ирины и всего народа, вступилъ на московскій престоль. Теперь же новый царь, посылая Микулина въ Англію, желалъ дать новое доказательство своей братской любви къ англійской королевѣ, подданные которой въ Россіи всегда пользовались его «великимъ жалованьемъ» и покровительствомъ.

Московскій посоль былъ принятъ въ Англіи съ особенными почестями, и англичане пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить Микулину, что ему оказываются совершенно исключительныя почести въ сравненіи съ послами другихъ государей. Когда Микулинъ приблизился къ Лондону, онъ былъ встрѣченъ пущечною пальбой и «приказнымъ человѣкомъ, а съ нимъ посадскихъ людей человѣкъ двѣсти». Когда онъ высадился на берегъ въ Лондонѣ, ему сказалъ англійскій «князь Ульянъ», что «въ томъ мѣстѣ, гдѣ вамъ выйти изъ судовъ, пристаеетъ и выходитъ изъ судовъ государыня наша Елизавета, королевна, а oprичъ королевны никто изъ великихъ ближнихъ людей, ни князья, ни бояре, и некоторыхъ государствъ послы и посланники въ томъ мѣстѣ въ судахъ не пристають».

Пріемъ, оказанный со стороны королевы Елизаветы послу царя Бориса Годунова, былъ самый милостивый. На рѣчь посла сама королева отвѣчала, что она съ великою и сердечною радостью услышала о воцареніи Бориса Годунова, «помня его къ себѣ прежнюю братскую любовь и къ поданнымъ моимъ великое его жалованье, какъ еще онъ былъ во владѣтельномъ правительствѣ при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ».

«Со многими у меня съ великими христіанскими государями братская любовь и ссылка,— заключила свою рѣчь королева,—а ни съ какимъ государемъ у меня такой братской любви и ссылки, и крѣпкой дружбы нѣтъ,

что съ нимъ, съ великимъ государемъ вашимъ. И надежду держу во всемъ на его царскаго величества братскую любовь и противъ его братской любви рада всею душой и доброхотѣньемъ, и дружелюбствомъ воздавать, какъ его царскому величеству угодно».

Микулинъ былъ приглашенъ къ королевскому столу и сидѣлъ съ подъячимъ Зиновьевымъ за особеннымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. «А какъ у королевича столъ отошелъ, — доносить Микулинъ, — и королева изъ-за стола встала и начала умывать руки, и умывъ руки, велѣла серебрянникъ съ водою поднести Григорью (Микулину), и Григорій на королевничѣ жалованѣ челомъ билъ, а рукъ не умывалъ, и говорилъ: «Великій государь нашъ, царское величество, Елизавету королевну зоветъ себѣ любительною сестрой, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится». И «королева начала быть весела, — продолжаетъ статейный списокъ, — и Григорью за то похвалила, что ее почтилъ и рукъ при ней не умывалъ».

Микулинъ выказывалъ, при всякомъ случаѣ, глубокое почтеніе къ английской королевѣ, но, съ другой стороны, онъ еще болѣе тщательно старался поддерживать честь своего государя. Когда ему было предложено пріѣхать къ «лорду Киперу» (т.-е. хранителю государственной печати) для переговоровъ, онъ категорически отказался, говоря, что «намъ къ боярамъ на дворъ по царскому величеству ни къ кому не ѣзживать; а на королевничѣ дворъ мы тотчасъ ѣхати готовы». Тогда Микулину предложили съѣзжаться въ Лондонѣ, на «королевниномъ или казенномъ дворѣ», чтобы говорить о государственныхъ дѣлахъ. На это посольскій согласился и на казенномъ дворѣ началъ переговоры.

Въ другой разъ лордъ-мэръ Лондона пригласилъ его обѣдать, но когда ему сказали, что по древнему обычаю лордъ-мэръ будетъ сидѣть за столомъ выше посла, на «королевниномъ мѣстѣ», тогда Микулинъ на-отрѣзъ отказался отправиться на обѣдъ. «Буде лордъ-мэръ захочетъ насъ видѣть у себя, — сказалъ московскій посольскій, — и ему насъ чтить для царскаго величества имани, и мы къ нему ѣдемъ. А буде ему чину своего нарушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, и мы къ нему не ѣдемъ». Лордъ-мэръ не отказался отъ своего мѣста и Микулинъ съ подъячимъ не удостоили его своимъ присутствіемъ на обѣдѣ.

Наконецъ, относительно переговоровъ Микулина съ английскими уполномоченными можно только сказать, что они касались совершенно случайныхъ обстоятельствъ и ни въ какомъ отношеніи не послужили для лучшаго выясненія взаимныхъ отношеній Россіи и Англій. Въ маѣ 1601 года Микулинъ былъ отпущенъ английскою королевой съ большимъ почетомъ.

Вслѣдъ за посольствомъ Микулина английское правительство отправило въ Москву Ричарда Лея, съ порученіемъ поздравить Бориса Годунова съ восшествіемъ на престолъ. Лестный пріемъ, оказанный английскому посланнику со стороны московскихъ властей, служилъ новымъ подтвержденіемъ близкихъ и дружескихъ отношеній между Россіей и Англійей въ царствованіе Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ былъ чрезвычайно доволенъ исходомъ посольства Мигулина, равно какъ объясненіями, данными королевою насчетъ ея отношеній къ султану и королю польскому Сигизмунду.

Царь пожаловалъ англичанамъ въ 1602 году новую грамоту на беспошлинную торговлю въ Россіи, а королева Елизавета, съ своей стороны, предложила ему женить сына царя на знатной англичанкѣ, очень сожалѣя, что не имѣеть дочери, которую могла бы предложить царевичу въ невѣсты.

Когда послѣ смерти Елизаветы на англійскій престолъ вступилъ король Яковъ шотландскій и Англія и Шотландія были соединены подъ скипетромъ Стюартовъ, въ Москву былъ отправленъ, въ качествѣ великобританскаго посла, Тома Смитъ. На послѣдняго возложено было порученіе извѣстить царя о совершившихся въ Англіи событіяхъ и увѣрить его, что новый англійскій король, «наслѣдовавъ престолъ тетки, желаетъ наслѣдовать и твою (царя) къ ней дружбу». Однако, кромѣ того, Смитъ долженъ былъ домогаться новаго подтвержденія всѣхъ торговыхъ правъ и преимуществъ англичанъ и, въ особенности, права ѣздить чрезъ Россію въ Персію, Индію и Китай.

Прежнія права и вольности англичанъ были подтверждены Борисомъ Годуновымъ, въ послѣдній разъ, въ 1605 году.

Наступило Смутное время, которое должно было самымъ чувствительнымъ образомъ отозваться на торговыхъ оборотахъ англичанъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Правда, лже-Димитрій выразилъ намѣреніе дать англичанамъ еще новыя льготы, но онъ былъ низвергнутъ раньше исполненія своего намѣренія.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи въ XVII вѣкѣ, не бесполезно будетъ указать на тѣ основныя положенія, которыя были созданы для этихъ сношеній въ продолженіе XVI столѣтія. Это представляется тѣмъ болѣе полезнымъ, что характеръ и условія взаимныхъ отношеній обѣихъ державъ въ XVII вѣкѣ нисколько не измѣняются.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ документальныхъ фактовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что исключительно торговыми цѣлями, преслѣдуемыми англичанами, поддерживается извѣстный обмѣнъ мыслей между обоими государствами. Правда, московское правительство временъ царя Ивана Грознаго неоднократно выражало желаніе вступить въ тѣсныя союзныя и даже родственныя отношенія къ англійской королевѣ, но всѣ эти предложенія оставались тщетными, потому что не находили въ Лондонѣ ни малѣйшаго отклика. Съ другой стороны, формы дипломатическихъ сношеній, соблюдавшіяся посольскимъ приказомъ, существеннымъ образомъ отличались отъ порядковъ, принятыхъ лондонскимъ правительствомъ. Представители московскаго правительства относились обыкновенно весьма высокоумѣрно къ англійскимъ посланникамъ и о королевѣ англійской писали, что она можетъ только «челомъ бить» царю, но царь королевѣ не можетъ просить о четь-

либо, а может только требовать от нея. Словомъ, королева англійская никакъ не считалась равною царю московскому особой.

Однако, несмотря на кичливость московскихъ дипломатовъ, все - таки, англичане добивались своихъ завѣтныхъ цѣлей: коммерческой эксплуатаціи московскаго народа. Ихъ исключительныя права и льготы постоянно были подтверждаемы московскимъ правительствомъ, которое, однако, въ случаѣ надобности, не церемонилось произвольно отмѣнять эти права и конфисковать англійскіе товары и собственность безъ всякаго справедливаго основанія.

Правовое положеніе англичанъ и ихъ торговли было въ концѣ XVI столѣтія слѣдующее *).

Англійскимъ поданнымъ было разрѣшено торговать вольною торговлей, не уплачивая никакихъ пошлинъ, ни таможенной, ни судовой, ни проѣзжей, ни мостовщины, ни другихъ. Но англичане не должны были привозить въ Московское государство чужихъ, не англійскихъ товаровъ, и русскимъ поданнымъ запрещено было торговать англійскими товарами, купленными у англичанъ. Закупней англичане не имѣли права посылать по городамъ и должны были мѣнять товаръ на товаръ и не продавать на своемъ дворѣ въ развѣсъ или на аршинъ: сукна продавались кипами и поставами, бархаты—поставцами, вина—куфами. Выѣзжая изъ Россіи въ Англію или другія страны, англійскіе купцы должны были брать товары изъ царской казны, продавать и мѣнять ихъ на товары, потребныя Московскому государству, и отдавать ихъ въ царскую казну.

Англійскіе купцы могли жить свободно, по старинѣ, на дворѣ своемъ у Св. Максима за торгомъ и, кромѣ того, содержать свои дворы въ Холмогорахъ, въ Ярославлѣ и въ Вологдѣ. Русскихъ людей они не могли у себя держать, кромѣ дворника русскаго. Непосредственно всѣ англичане подчинены были посольскому приказу: посольскій дьякъ и царскій вазначей должны были разбирать всѣ иски на англичанъ. «А чего сыскъ не возьметъ,—говоритъ Соловьевъ,—присуживаютъ имъ вѣру съ жребія: чей жребій вынется, тому и вѣру учинить».

Такия обширныя права и вольности англичанъ были за ними оставлены московскимъ правительствомъ послѣ Смутнаго времени.

Когда царь Михаилъ Феодоровичъ вступилъ на царскій престолъ по всенародному избранію, онъ призналъ нужнымъ отправить въ Лондонъ съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи дворянина Зюзина въ 1613 году. Но на Зюзина были возложены еще другія порученія: онъ долженъ былъ просить о помощи англичанъ противъ поляковъ и шведовъ, а также о присылкѣ въ Москву денегъ, пороха, свинца и другихъ военныхъ припасовъ, нужныхъ для отраженія вѣнскихъ враговъ.

Пріемъ, оказанный новому московскому посланнику, былъ самый ласковый.

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи, т. VII, стр. 304.

Король Іаковъ отлично сознавалъ огромную пользу для англичанъ торговли съ Москвою и чрезвычайно радъ былъ, что кончились смуты въ Московскомъ государствѣ. Поэтому король объявилъ посланнику, что онъ будетъ вести съ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ «дружбу свыше прежнихъ королей», и что онъ вполне сознаетъ всѣ неправды поляковъ и шведовъ противъ русскихъ. «Мнѣ извѣстно,—говоритъ король,—какое зло поляки надѣлали въ Москвѣ, и мы короля Сигизмунда за то укоряемъ и съ нимъ ни о чемъ не ссылаемся; и шведскаго короля неправды намъ извѣстны же». Что же касается внимательства Англіи въ войны Россіи съ Польшей и Швеціей, король Яковъ обѣщалъ послать въ Москву особое посольство для переговоровъ по этому предмету. Вообще вопросъ о дѣятельной помощи со стороны Англіи московскому правительству искуснымъ образомъ былъ обойденъ агліискими государственными людьми.

Зюину былъ оказанъ совершенно исключительный почетъ. Король «трижды припоминалъ и своимъ королевскимъ словомъ принуждалъ и прилагивалъ» (т.-е. присѣдалъ на креслѣ), чтобъ посланникъ и дѣякъ Виттовъ въ его присутствіи надѣли шапки. На такую любезность короля посланникъ отвѣчалъ: «Видимъ къ великому государю нашему твою братскую любовь и вѣрную дружбу; слышимъ государскія ваши рѣчи, великаго нашего государя царское имя славится, и ваши королевскія очи близко видимъ, и намъ ли, холопамъ, въ такое время шапки надѣть?» *).

Зюинъ возвратился въ октябрѣ 1614 года въ Москву, куда уже въ августѣ того года прибылъ новый агліискій посланникъ короля Іакова I, Джонъ Мерикъ, именуемый въ королевской грамотѣ княземъ, рыцаремъ и «дворяниномъ тайной комнаты», въ московскихъ же актахъ называемый «князь Иванъ Ульяновъ Мерикъ». На самомъ же дѣлѣ Джонъ Мерикъ былъ агліискій купецъ, прежде торговавшій въ Москвѣ и отлично знавшій московскіе порядки.

На Мерика было возложено порученіе добиться новаго подтвержденія со стороны царя старыхъ привилегій агліискихъ купцовъ и, кромѣ того, получить разрѣшеніе англичанамъ торговать, чрезъ Россію, съ Персіей и искать «путь въ восточную Индію рѣками Обью и Леною». Желая обезпечить достиженіе этихъ цѣлей, агліискій король разрѣшилъ своему посланнику принять на себя посредничество между Россіей и Швеціей, воевавшихъ уже много лѣтъ.

Для московскаго правительства имѣло совершенно исключительное значеніе именно послѣднее порученіе. Царь Михаилъ Теодоровичъ искренно желалъ мира съ Швеціей и потому чрезвычайно милостиво принялъ «князя Ивана Ульяновича», т.-е. Мерика, когда тотъ объявилъ, что ему поручено въ дѣлѣ умиротворенія дѣлать все «по наказу великаго государя», т.-е. царя. Князь Куракинъ, назначенный для переговоровъ съ агліискимъ посланникомъ объ этомъ предметѣ, спросилъ его: «ручается ли онъ,

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. IX, стр. 89.

что король швейцарскій помирится на государевой волѣ? Мерикъ отвѣчалъ: «Швейцарскій король положился на короля нашего, и ему съ государемъ царемъ какъ не мириться». Тогда Куракинъ спросилъ: «что если шведъ не послушаетъ, то будетъ ли король Якубъ съ великимъ государемъ за одно стоять и царскому величеству помогать станеть ли?» Англійскій посланникъ весьма осторожно отвѣтилъ: «Думаю, помогать будетъ», потому что если швейцарскій король не послушаетъ и позабудеть любовь короля нашего, то онъ будетъ государю нашему недругъ. Но московскій уполномоченный не удовольствовался такимъ лаконическимъ отвѣтомъ; онъ настаивалъ, чтобъ англійскій посланникъ сказалъ, какъ, когда и чѣмъ будетъ помогать король Якубъ царю, и можетъ ли посланникъ закрѣпить свои слова письменнымъ актомъ. На это Мерикъ отвѣчалъ, что его государь «не только казною, но и всякими мѣрами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочеть», что онъ хотѣлъ послать казну съ посломъ царскимъ Зюзинымъ, но въ то время казнѣ его расходъ былъ большой. «А послѣ царскаго посла,—продолжалъ Мерикъ,—государь нашъ Якубъ король учинилъ соборъ (парламентъ) съ боярами своими и со всѣми земскими людьми о сборѣ казны на его королевскіе расходы и на вспоможеніе царскому величеству, и какъ я отъ государя своего поѣхалъ, то соборъ еще объ этомъ на мѣрѣ не постановилъ, и закрѣпить мнѣ о томъ не наказано, а какое будетъ царскаго величества у государя нашего объ этомъ прошеніе, то государь нашъ велѣлъ мнѣ о томъ къ себѣ написать». Наконецъ, князь Куракинъ спросилъ англійскаго посла, ручается ли онъ въ томъ, что король можетъ помочь царю эту весной? «Какъ мнѣ ручаться?—воскликнулъ Мерикъ,—дорога дальняя, а кромѣ Шведской земли, другой дороги нѣтъ».

Но Мерикъ добросовѣстнымъ образомъ взялся за посредничество между Россіей и Швеціей. Онъ самъ отправился на шведскую границу для переговоровъ съ уполномоченными шведскаго короля Густава-Адольфа. Было назначено мѣсто съѣзда уполномоченныхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Между тѣмъ, Густавъ-Адольфъ не приостановилъ военныхъ дѣйствій, но пошелъ со своими войсками на Псковъ. Тогда Мерикъ въ негодованіи писалъ московскіи уполномоченнымъ, что «король шведскій въ грамотѣ своей ко мнѣ вѣрно и крѣпко обѣтъ далъ, что никакого утѣсненія городу Пскову не сдѣлаеть, пока не узнаеть, что отъ васъ, великихъ пословъ, на съѣздѣ въ нынѣшнихъ дѣлахъ отродится; а теперъ онъ, король, обѣтъ нарушилъ къ своему безчеству и къ повѣртію, а тотъ его листъ у меня за его порукою и печатью, и сколько я у нихъ ни былъ, правды мало находилъ».

При такихъ обстоятельствахъ царь Михайлъ Феодоровичъ призналъ нужнымъ послать въ Лондонъ новаго гонца, Грязова, съ грамотою, доказывавшею необходимость для Англійскими военными силами оказать Россіи помощь противъ шведскаго короля. Англійскій король обѣщалъ царю принять всѣ мѣры для обезпеченія успѣха посредничества. Если же оно не удастся, тогда помогать царю всяческими способами.

Однако, Мерикъ, все-таки, удалось устроить миръ между Россіей и Шве-

дѣй. Когда московскіе послы прибыли на съѣздъ, они старались всѣми средствами вооружить еще болѣе англійскаго посланника противъ шведовъ. Между прочимъ, они стали ему доказывать, что шведы въ своихъ грамотахъ «не величаютъ его, какъ слѣдуетъ», и умаляютъ его честь. На это англійскій посланникъ удачно отвѣтилъ слѣдующее: «Вы, господа великіе послы, объявляете мнѣ, что свейскіе послы мнѣ не по достоинству пишутъ: я это себѣ ни во что ставлю, честь мнѣ дана отъ великаго моего государя, а имъ того у меня не отнять». «И не дивлюсь я, господа, что они такъ пишутъ; имъ имя мое не любо: какъ случается имъ говорить про царское величество и про васъ, великихъ пословъ, и про нынѣшнее дѣло непригоже, то я ихъ встрѣчаю прямою правдой, а самому королю я въ томъ не молчалъ, такъ ему за то имя мое не любо стало; но я знаю, отъ кого я посланъ, и не постыжусь правду говорить. Они показываютъ, будто радѣютъ о нынѣшнемъ добромъ дѣлѣ: какъ Богъ принесетъ васъ къ съѣзжему мѣсту, то ихъ радѣнія объявятся, а мое радѣніе и промыселъ Богъ видитъ. На этомъ свѣтѣ ничего больше я не желаю, какъ только чтобъ это дѣло къ доброму концу пришло».

Но не скоро Мерику удалось достигнуть этого желаннаго конца. Между московскими и шведскими уполномоченными происходили постоянныя пререканія и высказывались взаимныя обвиненія. Присутствіе на съѣздѣ голландскихъ пословъ, также въ качествѣ посредниковъ, еще болѣе усложнило дѣло умиротворенія. Въ началѣ 1616 года Мерику возвратился въ Москву, будучи въ отчаяніи отъ упорства шведскихъ уполномоченныхъ и интригъ голландцевъ. Но царь Михаилъ Ѳеодоровичъ упрасивалъ «князя Пвана Ульяновича» еще разъ попробовать уговорить шведовъ и «вычитывать имъ ихъ неправды и побуждать ихъ къ доброму дѣлу». Мерику вновь выѣхалъ съ московскими послами въ маѣ 1616 года въ Тихвинъ а оттуда съѣздъ былъ перенесенъ въ деревню Столбово, гдѣ и состоялось 26 февраля 1617 года подписаніе знаменитаго Столбовскаго мирнаго трактата между Россіей и Швеціей.

Понятно, что извѣстіе о заключеніи этого мира сильно обрадовало московское правительство, и царь велѣлъ спросить Мерику, какой онъ желаетъ награды. На это посоль англійскій отвѣтилъ: «Царскихъ мнѣ милостей и жалованья много, а служить царскому величеству я радъ, это я долженъ дѣлать: у себя я въ англійской землѣ родился, а на Руси взрость. Столько хлѣба не ѣдалъ въ своей землѣ, сколько въ Московскомъ государствѣ, и мнѣ какъ не служить?» Но царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ Мерику золотую цѣпь съ «парсуною», т. е. съ своимъ портретомъ, и много другихъ драгоценныхъ подарковъ.

Окончивъ такимъ блестящимъ образомъ дѣло посредничества, Мерику возобновилъ свои ходатайства въ пользу англичанъ по различнымъ торговымъ вопросамъ. Прежде всего, онъ просилъ о подтвержденіи всѣхъ старыхъ вольностей англійской торговли въ Московскомъ государствѣ. Это желаніе было исполнено. Затѣмъ Мерику просилъ, чтобы англійскимъ куп-

цать разрѣшили повольную торговлю на Волгѣ и оттуда въ Персію. На это требованіе князя Ивана Ульяновича отвѣчали, что на Волгѣ воруютъ многіе вору, убѣжавшіе съ Заруцкімъ, поэтому по Волгѣ англійскимъ гостямъ ходить нельзя. Въ Персію также нельзя ѣхать имъ, такъ какъ московскіе гости сами не ѣздятъ въ Персію, потому что персидскій шахъ вступилъ въ принадлежащую московскому царю Грузинскую землю и съ нимъ идетъ по этому предмету ссылка.

Точно также было отклонено требованіе англійскаго посланника, чтобы англійскимъ купцамъ было разрѣшено отыскать путь въ Индію и Китай рѣкою Обью. Ему было объяснено, что Сибирь страна далекая и студеная и что сами обыватели Сибири не знаютъ, откуда вышла рѣка Обь и куда она вошла. Относительно же Китая московскіе правители сказали Мерику, что «про Китайское государство сказываютъ, что невеликое и небогатое, и добывать въ нему нечего» *).

Нельзя не прибавить, что когда правительство московское желало узнать жнѣніе русскихъ торговыхъ людей насчетъ домогательства англичанъ открыть новый путь въ Индію, оно получило слѣдующее заявленіе: «Англичанамъ нужна не Персія, а проекиваютъ они дорогу въ Индѣйское государство, куда они ходятъ моремъ, тогда какъ путь этотъ очень тяжелъ, а государевою землей имъ ходить будетъ легче, только отъ того государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлинъ не берутъ и товаровъ ихъ не пересматриваютъ, а русскимъ людямъ въ томъ изьянъ будетъ. Русскимъ людямъ сообща съ англичанами торговать нельзя: англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется».

Англійскій посолъ «князь Иванъ Ульяновичъ», пользуясь своими заслугами предъ престоломъ царя Михаила Феодоровича, предъявлялъ еще разныя другія просьбы. Такъ, онъ объявилъ, что на недавно приобрѣтенной Англіей землѣ «Гирлянъ» (Гренландія) нѣтъ людей, но много оленей и промыселъ большой: бьютъ китовъ, моржей и т. д. И вотъ Мерику просилъ, чтобы царь отпустилъ въ эту землю 20 или больше лопарей для ловли оленей и занятія упомянутымъ промысломъ, съ тѣмъ, чтобы научить англичанъ этимъ дѣламъ. Когда англичане научатся, лопарей возвратятъ царю. Эта просьба была уважена. Далѣе Мерику просилъ, чтобы разрѣшено было англійскимъ рудокопамъ («златцамъ») и инженерамъ пріѣзжать въ Россію для разработки рудъ желѣзныхъ, оловянныхъ и для добыванія алебастра. Московскіе торговые люди, спрошенные по этимъ дѣламъ, находили, что если англичане будутъ находить руды и выдѣлывать желѣзо, то никому убытка не будетъ, а только прибыль. Потому что, говорили они, «какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышленять». Добываніе же англичанами алебастра можетъ быть только полезно, потому что «если они станутъ его брать отъ берега, то судамъ легче ходить будетъ».

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. IX, стр. 109.

Наконецъ, англійскій посланникъ еще настаивалъ на удовлетвореніи по кабаламъ вѣхъ англійскихъ гостей со стороны ихъ должниковъ—московскихъ подданныхъ. Царское правительство обѣщало принять мѣры, чтобы это законное требованіе англичанъ было удовлетворено.

Таковы были главнѣйшія дѣла, разрѣшенія которыхъ добивался Мерикъ. Московское правительство весьма благосклонно относилось къ наиболѣе важнымъ просьбамъ посланника и дало ему полное удовлетвореніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно также, съ своей стороны, предъявило представителю Англіи свои желанія. Такъ, царь Михайль Ѳеодоровичъ настаивалъ на подписаніи Мерикомъ особеннаго договора дружбы и союза между Россіей и Англіей. Проектъ такого трактата былъ изготвленъ, но Мерикъ отказался его подписать, ссылаясь на недостаточность своихъ полномочій.

Другое дѣло также сильно занимало московское правительство и было предъявлено англійскому послу. При Борисѣ Годуновѣ нѣсколько русскихъ были отправлены въ Англію для обученія различнымъ искусствамъ и ремесламъ. Но имъ такъ понравилось въ Англіи, что они отказались возвратиться обратно на родину. Зюзину поручено было потребовать ихъ выдачи отъ англійскаго правительства, но онъ получилъ отказъ на томъ основаніи, что русскіе сами выѣхать не желаютъ и никакого преступленія не совершили. Теперь Мерикъ было категорически заявлено, что англичане скрываютъ этихъ русскихъ, и что если королевское правительство дорожить дружбою царскаго правительства, то выдача должна имѣть мѣсто. Въ виду такого энергическаго требованія, Мерикъ долженъ былъ обѣщать доложить своему правительству объ этомъ дѣлѣ и настаивать на высылкѣ этихъ подданныхъ царя изъ предѣловъ Англіи.

Осенью 1617 года Мерикъ выѣхалъ чрезъ Архангельскъ въ Лондонъ, куда отправилось, вмѣстѣ съ нимъ, новое московское посольство, состоявшее изъ дворянина С. Н. Волынскаго и дьяка Поздѣева. Въ ноябрѣ 1617 года это посольство прибыло въ Лондонъ и немедленно было принято англійскимъ королемъ на торжественной аудіенціи. Волынскій, прежде всего, еще разъ выразилъ признательность царя за заключеніе мира съ Швеціей при посредничествѣ Англіи. Но вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ предлагать заключеніе особеннаго трактата дружбы и союза между Россіей и Англіей, въ силу котораго царь долженъ былъ получить право на союзную помощь Англіи противъ Польши. Англійскій король долженъ былъ дать субсидію для войны противъ Польши тысячъ на 200 или на 100, по самой послѣдней мѣрѣ на 80 или 70 тысячъ рублей. Меньше 40,000 Волынскій не смѣлъ принять.

Послу московскаго царя оказываемъ былъ въ Лондонѣ большой почетъ, но ни на заключеніе союзнаго трактата, ни на выдачу субсидіи англійское правительство не соглашалось.

Впрочемъ, вмѣстѣ съ Волынскимъ прибылъ въ Архангельскъ англійскій посолъ Диксъ, съ порученіемъ поднести московскому правительству, въ видѣ пособія, 100,000 рублей. Но, узнавъ въ Архангельскѣ, что Москва

осаждается поляками, Диксъ туда не отправился и послалъ, чрезъ двухъ англійскихъ коммерсантовъ, только 80,000 р. или 40,000 ефимковъ.

Въ 1620 году Мерикъ вновь прѣхалъ въ Москву и, само собою разумѣется, возобновилъ свое ходатайство въ пользу предоставленія англичанамъ права ходить въ Персію и Китай и, сверхъ того, онъ просилъ, чтобы англійскіе купцы въ Россіи находились подъ особеннымъ покровительствомъ попечителя, назначеннаго московскимъ правительствомъ изъ бояръ. Последняя просьба была отклонена на томъ основаніи, что посольскій приказъ вѣдаетъ англичанъ и о всякомъ мало-мальски важномъ дѣлѣ докладываетъ царю. Что же касается новаго домогательства англійскаго посла насчетъ беспошлинной торговли англичанъ съ Персіей и Китаемъ, то московское правительство соглашалось съ мнѣніемъ своихъ торговыхъ людей, бывшихъ противъ такой беспошлинной торговли англичанъ.

Такъ какъ голландцы,—доказывали спрошенные московскіе торговые люди,—предлагали польскому королю, въ то время, когда ожидали, что Москва завоевана будетъ поляками, сто тысячъ рублей за право ходить чрезъ Россію въ Персію, то въ настоящее время нѣтъ основанія отдавать англичанамъ такое право даромъ. Лучше поторговаться съ голландцами и англичанами вмѣстѣ и отдать это право тому, кто больше дастъ. «Брать же съ англичанъ небольшую пошлину,—говорили московскіе люди,—и думать нельзя, потому что московскимъ торговымъ людямъ быть безъ промыслу, такъ какъ имъ съ англичанами не стянуть».

Московское правительство согласилось съ мнѣніемъ торговыхъ людей, и Мерикъ получилъ отказъ. Впрочемъ, самъ Мерикъ, узнавъ про мнѣніе московскихъ торговыхъ людей, взялъ назадъ свое домогательство. «Если вы думаете,—сказалъ онъ боярамъ,—что отъ нашей торговли съ Персіей государевой казнѣ и людямъ убытокъ будетъ, то я и говорить объ этомъ перестану: король мой убытка государю и его людямъ не желаетъ».

Съ другой стороны, Мерикъ никакъ не соглашался подписать проектъ союзнаго договора, изготовленный въ посольскомъ приказѣ. Англійскій посланникъ отказался его подписать подъ предлогомъ, что онъ не уполномоченъ дать, отъ имени своего короля, присягу въ добросовѣстномъ исполненіи договора.

Вслѣдъ за Мерикомъ въ Лондонъ было отправлено въ 1621 г. новое посольство, во главѣ котораго поставленъ стольникъ Погожевъ. Царь былъ недоволенъ отказомъ присягнуть на проектированный союзный договоръ, и Погожеву было поручено жаловаться англійскому правительству на такой отказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый московскій посланникъ долженъ былъ подтвердить отказъ царскаго правительства дозволить англичанамъ ходить въ Персію, настаивать на выдачѣ «робятъ», ушедшихъ въ Англію при Борисѣ Годуновѣ, и, наконецъ, жаловаться на поведеніе нѣкоторыхъ англійскихъ гостей, обвиняемыхъ въ совершеніи различныхъ беззаконій.

Англійское правительство не только милостиво приняло новое москов-

ское посольство, но также подтвердило свое желаніе заключить съ московскимъ царемъ союзный трактатъ. Только весьма любопытно слѣдующее предложеніе англійскаго правительства: «Не пожелаетъ ли,—спросило оно,—московское правительство отнынѣ вести переговоры и сношаться по вѣсѣмъ дѣламъ только посредствомъ однѣхъ грамотъ, не посылая пословъ или посланниковъ, дѣлающихъ не малое въ дѣлахъ затрудненіе?»

Объщаніе англійскаго правительства заключить съ московскимъ царемъ союзный трактатъ, казалось, должно было осуществиться въ 1623 году, когда въ Москву пріѣхалъ англійскій посланникъ Коксъ (или Кукъ) съ проектомъ такого акта. На основаніи этого проекта, поданнаго Коксомъ въ посольскій приказъ, московскій и англійскій народы должны любить другъ друга, «яко братья, и пребывать яко единый народъ, желая доброй чести и славы другъ другу словомъ и дѣломъ». Въ случаѣ какой-нибудь войны, оба союзника имѣютъ право набирать войска въ странѣ другой договаривающейся стороны и, кромѣ того, обязаны оказывать другъ другу всякую помощь. Теперь московское правительство отказалось подписать этотъ проектъ союзнаго трактата, очевидно, потому, что въ немъ всѣ привилегіи и вольности англійскихъ купцовъ были вновь подтверждены самымъ торжественнымъ образомъ.

Вообще, огромныя льготы, предоставленныя англичанамъ, все болѣе и болѣе вызывали неудовольствіе и ропотъ въ московскомъ народѣ, который не въ состояніи былъ вступить въ борьбу, на поприщѣ коммерческой конкуренціи, съ англійскими торговцами.

При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ англійскому правительству удалось сохранить за англійскою торговлею прежнія привилегіи и права. Оно даже добилось разрѣшенія со стороны московскаго правительства нѣкому Шмидту оставаться въ Москвѣ въ качествѣ старшины или «консула» для англичанъ, торгующихъ въ Россіи. Это было въ 1627 г. Кромѣ того, само англійское правительство пожелало, чтобы въ Россію были допускаемы всѣ англичане, а не только купцы, принадлежащіе къ лондонской компаніи.

Однако, съ самаго начала царствованія царя Алексѣя Михайловича совершается рѣзкая переměна во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи.

УІІ.

Съ извѣщеніемъ о воцареніи новаго государя былъ отправленъ въ Англію, въ августѣ 1645 года, гонецъ Герасимъ Дохтуровъ. Московскій гонецъ былъ принятъ въ Лондонѣ съ большимъ почетомъ, но очень удивился, когда узналъ, что короля Карла I нѣтъ въ англійской столицѣ и что съ нимъ парламентъ уже нѣсколько лѣтъ ведетъ войну. Тогда Дохтуровъ спросилъ встрѣтившихъ его англійскихъ купцовъ, за что же у нихъ такая война съ своимъ королемъ? Ему отвѣчали: «У насъ война съ коро-

лемъ началась за вѣру: какъ женился король нашъ у французскаго короля на дочери, а вѣры она папешской, то королева и короля привела въ свою папешскую вѣру. Да, сверхъ того, король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ на своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а здѣсь искони земля вольная и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣли всѣмъ парламентъ, думные люди. Началь было король все дѣлать по своей волѣ; но парламентъ этого не захотѣлъ, архиепискупа и иезуитовъ многихъ казнили; и видя король, что парламентъ началъ владѣть по своему обычаю, какъ искони повелось, а не по королевскому хотѣнію, выѣхалъ изъ Лондона съ королевою самъ, никто его не высылалъ, а сказалъ, что поѣхалъ гулять въ другіе города; выѣхавши изъ Лондона, началъ воевать. Но парламентская сторона сильнѣе».

Потомъ Дохтурова спросили, какой у него приказъ или грамота къ парламенту? Онъ отвѣчалъ: «Въ парламенту грамоты и приказу никакого нѣтъ; пусть парламентъ отпустить меня къ королю немедленно, пристава, кормъ и подводы мнѣ дать; да велѣтъ бы парламентъ мнѣ быть къ себѣ, и я стану говорить имъ самимъ». Но московскаго гонца изъ Лондона не выпускали и отъ имени «владѣющаго парламентомъ» объявили: «Парламентъ тебя къ королевскому величеству не отпустить, чтобы царскаго величества имени порухи не учинилось и на дорогѣ надъ тобою отъ воинскихъ людей какаго дурна не было; да и потому не отпустить, что за королевскимъ величествомъ тѣхъ людей, которые торгуютъ въ Московскомъ государствѣ, никого нѣтъ, вся компанія за парламентомъ, а не за королемъ». Если же король возвратится въ Лондонъ, то тогда, обѣщано было Дохтурову, онъ будетъ къ нему отпущенъ; если же нѣтъ, его отпустить парламентъ «съ великою честью». Тогда гонецъ потребовалъ, чтобы его отпустили немедленно домой, потому что ему дѣлать нечего въ Лондонѣ. Но его, все-таки, задержали до весны 1646 г., когда ему могли сообщить, что король Карлъ I сдался парламенту. Тогда Дохтуровъ сталъ настаивать, чтобы его отпустили къ королю, который теперь во власти парламента. Но и тутъ онъ получилъ рѣшительный отказъ: «Хотя король и у парламента въ рукахъ,—сказали ему,—однако, тебя къ нему отпустить нельзя, потому что онъ ничѣмъ не владѣетъ».

Между тѣмъ, англичане никакъ не хотѣли отпустить московскаго гонца изъ Лондона, не оказавъ ему всякихъ почестей. Слишкомъ крупныя интересы были связаны съ торговыми оборотами съ Московскимъ государствомъ. Дохтурову предложили обѣдъ, но онъ отказался на томъ основаніи, что короля не видѣлъ. Но онъ принялъ обѣдъ, устроенный у него на квартирѣ.

Наконецъ, гонецъ согласился явиться въ парламентъ, и 13 іюня 1646 года онъ былъ съ особеннымъ торжествомъ принять сперва палатою лордовъ, а потомъ палатою общинъ. При входѣ московскаго гонца, всѣ члены парламента сняли свои шляпы, встали и стоя выслушали рѣчь Дохтурова. «Посланъ я,—сказалъ онъ,—отъ великаго государя къ ваше-

и англійскому Карлусу королю въ гонцахъ наскоро для великихъ государскихъ дѣлъ, которыя годны имъ, великимъ государямъ, и всему христіанству въ тишинѣ и покоѣ. Приѣхавши въ здѣшній городъ Лондонъ, съ 16 ноября по нынѣшній день говорилъ я вамъ безпрестанно и проѣзжую царскую грамоту вамъ кавалъ много разъ, чтобъ вы меня къ королевскому величеству пропустили; и вы меня изъ Лондона не отпустили ни къ королю, ни къ царскому величеству, а во всеѣхъ окрестныхъ государствахъ царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чистъ».

На эту рѣчь «начальныйъ человекъ» въ палатѣ лордовъ, «бояринъ» юрдъ Менчестеръ, отвѣчалъ: «Почему мы тебя въ Лондонѣ держали и къ королевскому величеству не отпустили, о томъ къ царскому величеству пиали мы подлинно» *). Сказавъ эти слова, лордъ Менчестеръ обратился къ Дохтурову съ приглашеніемъ: «Добро пожаловать съѣты!» Гонцу подали большое кресло, обитое краснымъ атласомъ, по которому вышито золотомъ и обнизано жемчугомъ. Дохтуровъ сѣлъ, и тогда только сѣли все жены палаты. Посидѣвъ немного, все опять встали и лордъ Менчестеръ, давая гонцу грамоту для царя, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Какъ будешь у великаго государя, извѣсти ему, что мы, здѣшняго королевства царю, ему, великому государю, челомъ бьемъ и о томъ просимъ и молимъ: дай Богъ ему, великому государю, многолѣтнее здорovie».

Получивъ, такимъ образомъ, отпускъ отъ палаты лордовъ, Дохтуровъ вшелъ въ палату общинъ, гдѣ его встрѣтили съ державою королевства, которая была серебряная вызолоченная и сдѣлана фонаремъ». Державу понесли передъ гонцомъ въ палату, гдѣ опять все члены встали, сняли шляпы и «рѣчникъ (спиверъ) Ленталь» сказалъ ему рѣчь, подобную той, которую сказалъ лордъ Менчестеръ.

Только 23 июня 1646 г. Дохтуровъ могъ выѣхать изъ Лондона.

Понятно, что донесеніе этого гонца произвело на московское правительство весьма непріятное впечатлѣніе. Англичане были, въ глазахъ царя Алексея Михайловича и его совѣтниковъ, народъ бунтовщиковъ, возставшихъ противъ своего законнаго государя Карлуса. По словамъ же англійскаго правительства бунтовщиковъ, лондонская бѣломорская компанія и съ англійскіе купцы, торгующіе въ Московскомъ государствѣ, признаютъ только «владѣющій парламентъ», т.-е. правительство, взявшее въ плѣнъ воюго законнаго государя. Неудовольствіе московскаго правительства еще значительно возросло, когда въ маѣ 1647 г. явился въ Москву посланникъ съ плѣннаго короля Карла I, Нейтингель, который прямо объявилъ, что фоль чрезвычайно доволенъ лишеніемъ лондонской компаніи права безшлянной торговли и уничтоженіемъ ея монополіи, потому что англійскіе граждане бунтуются. Вѣстѣ съ тѣмъ, король просилъ отпустить въ Англию 300,000 четвертей хлѣба. Но царь разрѣшилъ отпустить только 30,000 четвертей. Любопытно, что въ то время, когда Нейтингель еще находился

* По архивнымъ источникамъ это заявленіе не подтверждается.

въ Москвѣ, прибылъ другой англійскій посланникъ, Бонде, также съ королевскою грамотой, въ которой король Карлъ просилъ царя возвратити англійскимъ купцамъ ихъ прежнія привилегіи. Въ слѣдствіе сего, въ началѣ 1648 г., пріѣхалъ въ Москву отъ королевича Карла (впослѣдствіи Карла II) полковникъ Броа и объявилъ, что королевичъ идетъ выручать своего отца изъ рукъ бунтовщиковъ и нуждается въ 40,000 четверт. хлѣба. Наконецъ, въ сентябрѣ того же года опять пріѣхалъ въ Москву Нейтингэль съ новою королевскою грамотой, подписанною на островѣ Уайтѣ, въ которой король выражалъ благодарность за отпущенные, годъ тому назадъ, 30,000 четвертей хлѣба и просилъ отпустить ему еще разъ такое же количество.

Но въ то время, когда съ Нейтингэлемъ уже вступили въ сношеніе московскіе бояре, одинъ изъ пріѣхавшихъ съ посланникомъ англичанинъ объявилъ посольскому приказу, что Нейтингэль самозванецъ и что привезенная имъ королевская грамота подложная, потому что король Карлъ I, находясь въ заключеніи, подписать ее не могъ. Тогда Нейтингэль, съ своей стороны, сталъ объяснять, что англійскіе купцы намѣрены совершить набѣгъ на русскій берегъ близъ Архангельска и ограбить русскихъ людей. И такъ какъ Нейтингэлю удалось войти въ сношеніе съ вліятельнымъ тестьемъ царя, бояриномъ Милославскимъ, то доносъ этотъ произвелъ желательное дѣйствіе. Нейтингэль не только не былъ казненъ, какъ самозванецъ, но даже отпущенъ, какъ посланникъ.

Эти внутреннія смуты въ Англій, плѣнъ короля и, наконецъ, поведеніе англійскихъ посланниковъ и купцовъ были обстоятельствами, которыя должны были отразиться на положеніи англійской торговли въ Московскомъ государствѣ. Справедливый ропотъ русскаго народа на тягостныя монополіи англичанъ и на безпощадную эксплуатацію русской промышленности и торговли заставилъ, наконецъ, правительство царя Алексѣя Михайловича измѣнить политику въ отношеніи Англій.

Въ 1646 году московскіе купцы подали молодому царю жалобу на иностраннхъ купцовъ и умоляли спасти ихъ отъ окончательнаго разоренія.

«Послѣ московскаго разоренія,—писали въ своей челобитной купцы,—какъ воцарился отецъ твой государевъ, англійскіе нѣмцы, зная то, что имъ въ торгахъ отъ Московскаго государства прибылъ большая, и желая всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли изъ посольскаго приказа грамоту, что торговать англійскимъ гостямъ у Архангельскаго города и въ городахъ Московскаго государства 23 человекамъ; а намъ челобитье ихъ встрѣтити и оставити въ то время некому было, потому что всѣ были разорены до конца и отъ разоренія, бродя, сятались по другимъ городамъ. И какъ взяли они, нѣмцы, грамоту изъ посольскаго приказа, то и начали пріѣзжать въ Московское государство англичанъ человекъ по 60 и по 70 и больше, построили и покупали себѣ у Архангельскаго города, на Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославѣ, на Москвѣ и въ другихъ городахъ дворы многіе и

шбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить въ Московскомъ государствѣ безъ сѣзду; у Архангельскаго города русскимъ людямъ свои товары перестали продавать и на рускіе товары мѣнять, а начали свои всякіе товары въ Москву и въ другіе города привозить»...

«Всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу больше не ѣдимъ». Но, кромѣ того, они «все Московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю». Не только на своихъ корабляхъ, но также на голландскихъ, брабантскихъ и гамбургскихъ судахъ тайно и беспошлинно вывозятъ товары «и твою государеву пошлину градутъ». «У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенію ихъ короля Карлуса; но они, англичане, торговые люди, всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нами четвертый годъ».

Наконецъ, ни англійскіе, ни нѣмецкіе купцы не допускаютъ мысли, чтобы рускіе купцы могли привозить въ ихъ земли свои товары и тамъ ихъ продавать. Это попробовалъ сдѣлать одинъ ярославскій купецъ, который поѣхалъ въ Голландскую землю съ соболями и другими мѣхами и съ ними же возвратился, потому что никто купить тамъ этихъ товаровъ не захотѣлъ. «Мы сдѣлаемъ то,—говорили иностранные купцы,—что московскіе купцы настоятся въ деньгахъ на правѣжѣ, да и впередъ заставимъ ихъ торговать лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары!»

Этотъ замѣчательный актъ кончается слѣдующими знаменательными словами: «Милосердый государь! Пожалуй насъ, холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ, бѣдныхъ, и не дай намъ, природнымъ твоимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять!» *)

Просьба купцовъ не была вполне уважена, но, все-таки, царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на пристрастіе къ иностранцамъ вліятельнѣйшаго боярина Морозова, принялъ мѣры, весьма непріятныя для англичанъ и другихъ иностранныхъ гостей. Въ 1646 году на всѣ иностранные товары, исключая англійскихъ, наложена была двойная пошлина: «для пополненія ратныхъ людей».

Наконецъ, 1 іюня 1649 года послѣдовалъ царскій указъ слѣдующаго содержанія: «Вамъ, англичанамъ, со всѣмъ своимъ имѣніемъ ѣхать за море, торговать съ московскими торговыми людьми всякими товарами, пріѣзжая изъ-за моря, у Архангельскаго города; въ Москву же и другіе города съ товарами и безъ товаровъ не ѣздить. Да и потому вамъ, англичанамъ, въ Московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ по про-

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. X, стр. 129 и слѣд.

шенію государя вашего англійскаго Карлуса короля, для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что англчане всею землей учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убили до смерти, за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось».

Этотъ царскій указъ былъ роковымъ ударомъ для англійской торговли въ Россіи, и долгое время англчане не могли оправиться отъ чувствительныхъ потерь, причиненныхъ имъ распоряженіемъ московскаго правительства. Лишая англчанъ права жить во внутреннихъ городахъ государства и отбѣняя безпошлинную ихъ торговлю даже въ томъ единственномъ городѣ, въ который они отнынѣ могли пріѣзжать — въ Архангельскѣ, царь Алексѣй Михайловичъ желалъ дать удовлетвореніе справедливымъ жалобамъ своихъ подданныхъ. Но, кромѣ того, его возмущала казнь Карла I, и онъ проникся чувствомъ ненависти къ англчанамъ, одобрявшимъ это преступленіе.

Вотъ почему царь, съ другой стороны, оказалъ ласковый пріемъ графу Кульпереру, прибывшему въ 1650 году въ Москву, въ качествѣ посла претендента на англійскій престолъ, Карла II, жившаго въ то время во Франціи. Графъ Кульпереръ объявилъ, что три королевства: Англійское, Шотландское и Ирландское бунтуются, и бунтовщики убили короля Карла I. Сынъ его намѣренъ отомстить за воишія злодѣяства и собралъ уже войско, которое должно идти противъ бунтовщиковъ. Только онъ нуждается въ средствахъ и проситъ царя оказать ему денежную помощь въ 100,000 р.

Въ письменномъ изложеніи просьбы Карла II, поданномъ графомъ Кульпереромъ, между прочимъ, говорится: «Три короны—англійская, шотландская и ирландская, по истинному утвержденному уложенію, не избирательныя, но вотчинныя и природныя, и никакого спору объ этомъ прежде не было. Покойный король владѣлъ этими коронами праведно послѣ кончины отца своего, короля Якова, по прямому праву, по старой степени, отъ многихъ предковъ; двѣ палаты парламента стоятъ только по королевской помѣтѣ, по его произволенію, король можетъ ихъ созвать и распустить; а нынѣшній парламентъ держится обманомъ и насиліемъ; большая часть королевства отъ его тяжкихъ налоговъ вздыхаетъ и сильно желаетъ возвратиться къ природному королю».

На это отвѣчалъ царь Карлу II письмомъ, въ которомъ было сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Слыша про такое злое и страшное дѣло, что учинилось надъ отцомъ вашего королевскаго величества отъ подданныхъ его измѣнниковъ, слыша, что теперь тѣ же измѣнники и въ вашемъ королевскомъ достойномъ наслѣдіи помѣшку и непослушанье чинять и войну ведутъ, жалостно скорбимъ и, памятуя отца нашего съ вашимъ дѣдомъ и нашу съ отцомъ вашимъ братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наслѣдіе и надъ измѣнниками побѣды и одолѣнія, дали мы вашему послу Джону Кульпереру соболей на 20,000 руб.». Графу Кульпереру дѣйствительно было от-

пущено изъ царской казны соболей на указанную сумму. Но посолъ просилъ, чтобы на 10,000 руб. взяли обратно и отпустили бы, взамѣнъ, такую же сумму хлѣба. Это желаніе не вполнѣ было уважено: только на 5,000 руб. отпущено было хлѣба, а на 15,000 руб. мѣховъ. На общую сумму Бульпереръ долженъ былъ дать обязательство за своею подписью и печатью. Кромѣ того, отъ имени своего короля онъ долженъ былъ объявить, что за такую оказанную денежную помощь король Карлъ II обязанъ «вѣчно воздавать всякою любовью».

Если царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на скудость собственной казны, охотно согласился оказать претенденту на англійскій престолъ значительное денежное вспоможеніе, то онъ, съ другой стороны, категорически отказался уважить ходатайство англійскаго посла въ пользу англійскихъ купцовъ. Графъ Бульпереръ просилъ, чтобы англійскимъ купцамъ были возвращены прежнія права и чтобы они опять могли жить внутри Московскаго государства. На эту просьбу было отвѣчено, что англичанамъ, «багрившимъ руки въ крови короля своего, не можетъ быть разрѣшено жить въ Московскомъ государствѣ. Въ маѣ 1650 года графъ Бульпереръ получилъ отъ царя отпускъ и черезъ мѣсяцъ выѣхалъ изъ Москвы.

VIII.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ дипломатическія сношенія съ Англіей были прекращены. Но въ февралѣ 1654 года прибылъ въ Москву посланникъ англійскаго протектора Кромвеля, Вильямъ Придакъ, привезшій письмо отъ Оливера (Кромвеля) къ царю. Въ этомъ письмѣ протекторъ объясняетъ, почему онъ сдѣлался властителемъ Англій и долженъ считаться законнымъ главою англійскаго правительства. Великій земскій сеймъ, — говорилось въ письмѣ, — отчаявшись «въ исправленіи многихъ дуростей, бывшихъ въ Англійской землѣ при державѣ прежнихъ королей, перемѣнилъ правленіе и поставилъ самаго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовью поклонъ къ кесарскому величеству, великому государю кесарю Алексѣю Михайловичу». Тутъ же Кромвель просилъ о возвращеніи англійскимъ купцамъ прежнихъ вольностей по торговлѣ въ Московскомъ государствѣ.

Придакъ былъ принятъ царемъ, который, однако, не всталъ, когда спросилъ о здоровьѣ Кромвеля. Посланникъ, зная установленный обычай, протестовалъ противъ такого неуваженія къ властителю Англій и сталъ показывать, что «хотя нынѣ въ Англійской землѣ и учинены статьи (республика), однако, государство ничѣмъ не убыло; испанскій, французскій и португальскій короли и венеціанскіе (голландскіе?) статьи воздаютъ владѣтелю нашему честь такую, какъ и при прежнихъ короляхъ».

На эту рѣчь посланника послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «Англійскому королевству учинилось премѣненіе. Отъ владѣтеля вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты присланъ, про то цар-

скому величеству было невѣдомо; а венеціанскіе и голландскіе владѣтели царскому величеству не примѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось». Тогда посланникъ не удержался и въ сердцахъ сказалъ: «Въ какихъ государствахъ я ни былъ, такой почести себѣ не видывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону и шпагу съ меня сняли». На это бояре ему отвѣчали: «Какъ въ Московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ. А тебѣ въ чужомъ государствѣ про чины выговаривать не годится».

Понятно, что, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ между англійскимъ посланникомъ и московскимъ правительствомъ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія къ отказу на просьбу Кромвеля о возвращеніи англичанамъ прежнихъ коммерческихъ вольностей.

Самъ царь, въ отвѣтномъ письмѣ Кромвелю, рѣшительно, но вѣжливо отклоняетъ эту просьбу. Вотъ что онъ писалъ: «Оливеру, владѣтелю надъ статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель и государствъ, которыя къ нимъ пристали. Что вы съ нами дружбы и любви ищете, то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами, протекторомъ, быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ владѣтельствахъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что ваша честность (sic!) ищите о торговыхъ людяхъ, намъ теперь объ этомъ дѣлѣ вскорѣ разсмотрѣнье учинить за воинскимъ временемъ нельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоеенъ обоимъ государствамъ въ покое, прибыли, дружбѣ и любви» *).

На этомъ покончили всѣ сношенія Московскаго государства съ Англійей во время протектората Кромвеля. Посланникъ Придакъ выѣхалъ въ іюль 1655 года изъ Москвы обратно въ Англійю.

Упраздненіе въ Англійи республики и восшествіе на престолъ короля Карла II сильно обрадовали царя Алексѣя Михайловича, и немедленно возобновились прежнія дружескія сношенія съ Англійей. Только царь не считалъ возможнымъ возвратить англичанамъ прежнія льготы по торговлѣ.

Въ это время состоялъ въ Гаагѣ, въ качествѣ московскаго резидента или «коммиссаріуса», англичанинъ Геддонъ. Когда воцарился Карлъ II, Геддонъ явился въ Лондонъ и просилъ, именемъ царя, отпустить въ Россію вспомогательный отрядъ войскъ въ 3,000 человекъ. Англійскій король принялъ русскаго агента-англичанина весьма милостиво и разрѣшилъ ему свободно набирать войско въ предѣлахъ всей Англійи. Кромѣ того, король объявилъ русскому «коммиссаріусу», что онъ никогда не забудетъ знаковъ дружескаго расположенія, оказанныхъ ему московскимъ царемъ. Такимъ знакомъ особенной дружбы король призналъ царскій указъ 1649 года, лишившій неповорныхъ его подданныхъ прежнихъ торговыхъ привилегій въ Московскомъ государствѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, король выразилъ увѣренность, что послѣ его воцаренія на родительскомъ престолѣ стародавнія

*) Сравни. *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XII, стр. 231 и слѣд.

права англійской торговли будутъ возстановлены его другомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Эта надежда не оправдалась, хотя въ 1662 году было отправлено въ Лондонъ великое московское посольство, которое должно было еще болѣе закрѣпить дружбу и союзъ между королемъ Барломъ II и московскимъ царемъ. Во главѣ этого посольства находились князь Прозоровскій и дворянинъ Желябужскій. На это посольство были возложены слѣдующія порученія: 1) поздравить короля Барла II съ воцареніемъ, 2) увѣрить его во «взаимной любительной дружбѣ и пріятной перепискѣ» и 3) подтвердить «склонность царя возвратить англичанамъ прежнія вольности и отнятыя отъ нихъ дворы, если король пришлетъ въ Москву своихъ пословъ для переговоровъ по этому предмету. Наконецъ, Желябужскому было поручено тайнымъ образомъ занять въ разныхъ государствахъ 31,000 ефимковъ, а въ Англии, въ частности, «10,000 пудъ» ефимковъ.

Московское посольство было принято съ великими почестями со стороны англійскаго правительства и народа. Когда посольство ѣхало по Темзѣ, то на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ, и народъ встрѣчалъ пословъ громкими криками. Самъ же король Карлъ II неоднократно заявлялъ посламъ, что никто, кромѣ русскаго царя, не оказалъ ему столько дружбы и милости «во время нечестиваго смятенія». Теперь же король съ благодарностью возвращаетъ царю свой долгъ—40,000 ефимковъ, полученныхъ имъ, когда онъ находился въ изгнаніи. Эта сумма была вручена князю Прозоровскому.

Однако, Алексѣй Михайловичъ не только рассчитывалъ на возвращеніе этого долга, онъ желалъ еще получить взаймы значительную сумму отъ англійскаго короля. Послы просили дать взаймы 10,000 пудъ ефимковъ, которые царь обязался уплачивать товарами, пенькою и поташомъ, ежегодно. Но англійскіе министры отвѣтили, что такой заемъ дѣло великое и скоро рѣшить его нельзя. Самъ же король, отпуская въ іюнѣ 1663 года посольство, откровенно сказалъ князю Прозоровскому, что его казна разорена, и онъ самъ нуждается въ деньгахъ.

«Я вседушно бы радъ,—сказалъ король,—помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновь, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и янѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ».

Получивъ отказъ отъ короля, второй посолъ Желябужскій вошелъ въ переговоры съ англійскими купцами о займѣ въ 31,000 ефимковъ. Лордъ-маршъ или «воевода» лондонскій сказалъ послу, что онъ радъ «работать великому государю и станеть говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дастъ, что сможетъ». Однако, несмотря на поддержку лорда-марша, все-таки, англійскіе купцы ничего не дали послу. «Теперь,—говорили они Желябужскому,—нельзя давать въ займы: у Архан-

гельска въ торгахъ стала неправда и неповольность; если дать въ займы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ хуль, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ... Отдаемъ здѣсь ваши товары дешевле, чѣмъ покупаемъ, да и то никто не покупаетъ; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадаетъ на московскихъ людяхъ, сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ».

Посолъ сильно разсердился на такія рѣчи купцовъ и сказалъ имъ: «Почему-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотите дать ефимковъ, да и говорите затѣйное дѣло! Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропало. Если,—продолжалъ увѣщевать посолъ,—купцамъ должники не платили, они должны были бить челомъ великому государю, и будетъ розыскъ и расправа по справедливости. Теперь же онъ желаетъ получить въ займы не для холоповъ великаго государя, но для самого царя, отъ имени котораго дастъ запись».

Однако, англійскіе купцы остались неумолимы насчетъ займа и отвѣчали Желябужскому: «Въ Архангельскѣ мы всегда о долгахъ своихъ и задаткахъ бьемъ челомъ и у воеводъ указа просимъ; воеводы намъ въ долгахъ и задаткахъ расправу чинятъ, а въ обидахъ отъ головъ и цѣловальниковъ отказываютъ, будто имъ, воеводамъ, до нихъ дѣла нѣтъ; а какъ прежде головъ и цѣловальниковъ вѣдали воеводы, то намъ было лучше ѣздить съ товарами».

Желябужскій не ошибся, говоря, что этотъ рѣшительный отказъ англійскихъ купцовъ дать царю займа деньги «затѣйное дѣло» и что купцы дѣйствуютъ по наговору. Дѣйствительно, русскій резидентъ въ Голландіи, Геддонъ, бывший въ ссорѣ съ посломъ, убѣдилъ купцовъ не давать денегъ Желябужскому и ждать, пока царь пришлетъ грамоту самимъ купцамъ или напишетъ ему объ этомъ дѣлѣ.

Въ 1664 году прибыло въ Москву великое англійское посольство, во главѣ котораго находился графъ Карлейль, на котораго король англійскій возложилъ двоякаго рода порученіе: во-первыхъ, подтвердить желаніе короля находиться съ царемъ въ тѣсной дружбѣ и союзѣ и, во-вторыхъ, добиться возвращенія англійскимъ купцамъ прежнихъ привилегій по торговлѣ. Для переговоровъ съ посломъ были назначены князья Николай Одоевскій и Юрій Долгорукій, вмѣстѣ съ окольнымъ Волынскимъ.

Весьма долго продолжались эти переговоры, но англійскій посолъ остался крайне недоволенъ ихъ исходомъ. Графу Карлейлю было объявлено, что царь очень радъ поддерживать съ англійскимъ королемъ прежнюю дружбу, но возвратитъ англійскимъ купцамъ прежнихъ вольностей не можетъ. «Торговали англичане въ Московскомъ государствѣ,—заявили московскіе уполномоченные гр. Карлейлю,—безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали и заповѣдныя товары провозили и вывозили тайкомъ. Одинъ изъ купцовъ лондонской компаніи пріѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить цар-

скихъ подданныхъ, которые ѣздить въ Швецію для торговли. Мы думаемъ, — прибавили бояре, — что королю все это неизвѣстно, иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ».

Несмотря ни на какія увѣщанія и просьбы англійскаго посла, московское правительство не измѣнило своего рѣшенія. Но одну незначительную уступку оно, все-таки, сдѣлало, которая, однако, нисколько не удовлетворила графа Карлейля.

Послу англійскому было объявлено слѣдующее окончательное рѣшеніе московскаго правительства: «Великій государь, для прошенія любезнѣйшаго и вождѣннѣйшаго своего брата, указалъ англійскимъ гостямъ ѣздить въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Москву десяти человѣкамъ, людямъ добрымъ и въ правдѣ свидѣтельствованнымъ и королевскому величеству годнымъ, которыхъ королевское величество изволитъ выбрать вновь. Эти 10 человѣкъ могутъ въ Москвѣ дворъ купить; пошлину съ своихъ товаровъ будутъ они платить наравнѣ съ другими иноземцами, поа у царскаго величества съ польскимъ королемъ и крымскимъ ханомъ война. А какъ война кончится, въ то время царское величество велитъ англійскимъ гостямъ указъ учинить по своему государскому милосердому разсмотрѣнію, какъ возможно».

Графъ Карлейль былъ чрезвычайно раздраженъ такимъ рѣшеніемъ и воскликнулъ: «Если царское величество привилегій не возвратитъ, то какъ между обоими великими государями основанію дружбы быть вѣрному?»

На этотъ вопросъ бояре ехидно отвѣтили другимъ вопросомъ: «А когда король отказалъ дать взаимны денегъ, то, вѣдь, отъ этого дружба не нарушилась».

Когда англійскій посолъ убѣдился, что его рѣзкости не производятъ никакого впечатлѣнія на уполномоченныхъ царскаго правительства, онъ перемѣнилъ тонъ и любезно предложилъ свое посредничество для примиренія Россіи съ Польшею. Это предложеніе было принято, и гр. Карлейля просили немедленно отправить своего гонца къ польскому королю. Но посолъ требовалъ, чтобы сперва привилегіи англійскихъ купцовъ были восстановлены. Тогда послу категорически объявили, что разъ принятое на этотъ счетъ рѣшеніе не будетъ измѣнено.

Графъ Карлейль немедленно взялъ назадъ свое посредничество, просилъ объ отпускѣ и объявилъ, что «впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ».

Благодаря посольству графа Карлейля, взаимныя сношенія между Россіей и Англіей значительно измѣнились къ худшему.

Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Англію, въ августѣ 1664 г., посланника Дашкова съ порученіемъ принести жалобу на дерзкое поведеніе гр. Карлейля и предупредить дѣйствіе враждебныхъ его замысловъ противъ московскаго правительства. Но Дашковъ, по прибытіи въ Англію, немедленно убѣдился, что донесенія гр. Карлейля уже успѣли произвести свое дѣйствіе. Новый московскій посланникъ былъ принятъ въ Лондонѣ

самымъ небывалымъ образомъ: ему никакой почетной встрѣчи не было сдѣлано и ему не дали ни подводъ, ни кормовъ, ни квартиры. Только по отъѣздѣ изъ Лондона король приказалъ выдать ему 1,200 рублей, въ видѣ вознагражденія за то, что жилъ на своемъ иждивеніи.

Такимъ образомъ окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о торговыхъ вольностяхъ англичанъ въ Россіи въ смыслѣ подчиненія ихъ порядкамъ, существующимъ для всѣхъ другихъ иностранцевъ. Но англійское правительство еще долго не могло примириться съ этимъ новымъ положеніемъ и неоднократно повторяло попытки вернуть англійской торговлѣ ея прежнія привилегіи.

Такъ, въ 1667 году прибылъ въ Москву извѣстный Геддонъ, въ качествѣ англійскаго посланника, и настоятельно просилъ о возвращеніи англичанамъ прежнихъ привилегій. Но онъ также получилъ рѣшительный отказъ, несмотря на свои связи при московскомъ дворѣ. Та же самая участь постигла посольство англійскаго кавалера Вейча, прибывшаго съ такимъ же порученіемъ въ Москву въ 1669 году. Царь Алексѣй Михайловичъ остался непоколебимымъ до своей смерти въ 1676 году и не отменилъ рокового указа 1649 года.

Только вступленіе на престолъ императора Петра I дало отношеніямъ Россіи къ Англіи совершенно новое направленіе и русской политикѣ новыя цѣли. Вмѣстѣ съ коммерческими интересами, почти исключительно господствовавшими во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ до конца XVII вѣка, обнаруживается съ царствованія Петра I дѣйствіе политическихъ цѣлей, поставленныхъ русской политикѣ гениальнымъ умомъ великаго преобразователя.

Ф. Мартенсъ.

Мотивы Лермонтовской поэзии *).

VII.

Литературная известность Лермонтова начинается, собственно, только съ 1837 г., именно съ того стихотворенія *На смерть Пушкина*, которое тотчасъ же и повлекло за собой переводъ или, вѣрнѣе, ссылку на Кавказъ, такъ что эта дѣятельность обнимаетъ всего четыре года. Попытаемся же опредѣлить, въ самыхъ общихъ чертахъ, что именно представляеть для насъ, черезъ полвѣка по смерти поэта, эта оригинальная поэзія со стороны изображенія и субъективной оцѣнки русской жизни.

Посмотримъ, прежде всего, какою представлялась поэту современная ему русская литература, какъ онъ самъ смотрѣлъ на поэзію и чего отъ нея требовалъ. Сидя за дуэль съ Барантомъ, въ мартѣ 1840 г., въ Петербургѣ на арсенальной гауптвахтѣ, Лермонтовъ написалъ оригинальный разговоръ между журналистомъ, читателемъ и писателемъ, напоминающій подобный же *Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ* Пушкина. Какою жалкой представляется поэту эта литература, поставленная въ узкія цензурныя рамки, запрещающія касаться мало-мальски живыхъ вопросовъ!

„О чемъ писать? Востокъ и Югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Вывали съ тайною мольбою
Изъ Н. Н., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.
Стихи—такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянуть каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?—
И въ приемахъ часто недочетъ“.

А если и придуть поэту въ голову благія мысли, тронуть его глубокія чувства и со всѣмъ жаромъ свободнаго вдохновенія онъ довѣритъ ихъ бумагѣ, то

*) *Русская Мысль*, кн. I.

„Эти странныя творенья
 Читаетъ дома онъ одинъ,
 И ими часто безъ зазрѣнья
 Онъ затопляетъ свой каминъ“.

И когда захочетъ онъ смѣло предать позору «приличьемъ скрашенный порокъ», гдѣ жестоко и неумолимо выскажетъ правду, онъ не рѣшится показать «этихъ горькихъ строкъ неприготовленному взору» непонимающихъ поэта читателей...

„Къ чему толпы неблагодарной
 Мнѣ злость и ненависть навлечь,
 Чтобъ бранью назвали коварной
 Мою пророческую рѣчь?“

На первомъ же вдохновенномъ трудѣ, вызванномъ гибелью любимѣйшаго поэта, Лермонтовъ испыталъ справедливость этихъ горькихъ словъ, и въ одномъ изъ стихотвореній, извѣстныхъ по-нѣмецкому переводу Боденштедта, говорилъ слѣдующее: «Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги; но когда мнѣ захотѣлось пойти на своихъ ногахъ и когда я задумалъ взглянуть своими глазами, я долженъ былъ поплатиться за это, какъ за преступленіе». Какою злою ироніей звучатъ слова журналиста о томъ, что поэтось нашихъ вдохновляетъ ссылка, какъ и до сихъ поръ, но уже въ серьезъ, утверждаютъ нѣкоторые наивные люди, увѣряющіе, какъ благотѣтельно будто бы подѣйствовала она на Пушкина и особенно на Достоевскаго:

„За то какая благодать,
 Какъ небо вздумаетъ послать
 Ему (поэту) изгнанье, заточенье,—
 Тотчасъ въ его уединеніи
 Раздастся сладостная пѣснь“.

Жалки стихи, плоха и проза. Сѣробумажные журналы тридцатыхъ годовъ съ сотней печатокъ полны переводовъ,

„А если вамъ и попадутся
 Разказы на родимый ладъ,
 То, вѣрно, надъ Москвой смѣются
 Или чиновниковъ бранять.“

.....
 Когда же на Руси безплодной,
 Разставшись съ ложной миссурой,
 Мысль обрететь языкъ простой
 И страсти голосъ благородный?“

Обратиться ли къ критикѣ, тамъ

„мелкія нападки
 На шрифтъ, виньетки, печатки,
 Намеки тонкіе на то,
 О чемъ не вѣдаетъ никто.
 Въ чернилахъ вашихъ, господа,
 И жолчи ѣдкой даже нѣту,
 А просто грязная вода.“

.....

Скажите, каково прочесть
 Весь этот вздоръ, всё эти книги,
 И все затѣмъ, чтобы сказать,
 Что ихъ не надобно читать“.

Какова же, по мнѣнію Лермонтова, читающая публика, видно изъ предисловія ко второму изданію *Героя нашего времени*. «Наша публика,—говоритъ авторъ,—такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ книгѣ нѣтъ правоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи, она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность избобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и, тѣмъ не менѣе, смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной вѣжнѣйшей дружбы». И Лермонтовъ правъ: большинство современниковъ дѣйствительно не поняли его романа и ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ будто бы ставятъ въ примѣръ безнравственнаго человѣка, какъ герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣтили, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ. «Вы говорите, что отъ изображенія Печорина не выигрываетъ нравственность? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ,—нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины».

Но какъ ни жалка и эта литература, и эта публика, Лермонтовъ не отворачивается отъ нея высокомерно, не заключается, подобно Пушкину въ послѣдніе годы, въ чистое, безотносительное къ современности искусство,—онъ требуетъ, чтобы поэзія была хранительницей и воспитательницей высшихъ идеаловъ добра и истины, пророкомъ общества, которое шло бы за своимъ поэтомъ, какъ за святымъ вождемъ, къ болѣе разумной и человѣчной жизни. Такой взглядъ на искусство у Лермонтова проходитъ опредѣленно и послѣдовательно во всѣхъ произведеніяхъ, относящихся къ этому предмету. Какъ ода *На смерть Пушкина* вызвана негодованіемъ на то, что не умѣло общество сохранить своего великаго учителя, такъ и послѣднее предсмертное стихотвореніе Лермонтова *Пророкъ* есть голосъ за того же поэта-пророка, непонятаго современниками и оскорбляемаго ими, но все же не усидѣвшаго въ своей пустынѣ на испосылаемой свыше пищѣ и торопливо пробирающагося въ тотъ же городъ, откуда его выгнали жалкимъ нищимъ, всѣми презираемымъ за его высокую миссію. Требуя, чтобы «мечты поэзіи, созданія искусства шевелили сладостнымъ восторгомъ умъ» (*Дума*), Лермонтовъ строго относится къ молодому мечтателю, для котораго поэзія—только «раздраженіе плѣнной мысли» или «тяжелый бредъ души больной», интересный только для самого автора, и въ стихотвореніи *Поэтъ* сравниваетъ голосъ истиннаго

поэта съ «вѣчевымъ колоколомъ, звучащимъ во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ». Такая постановка общественной роли поэзии на точку зрѣнія общечеловѣческихъ и историческихъ требованій составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Лермонтова, который въ этомъ отношеніи вполне сходится съ Гоголемъ, въ его объясненіяхъ къ *Ревизору* и въ *Мертвыхъ душахъ* прямо указывавшимъ на ту же роль искусства. То, что у Пушкина проглядывало болѣе случайно и нерѣдко затемнялось другими стихотвореніями, гдѣ поэтъ являлся служителемъ Аполлона, съ преврѣніемъ глядѣвшимъ на толпу, то у Лермонтова было неизмѣннымъ убѣжденіемъ до самой смерти.

VIII.

Относясь съ такими широкими требованіями къ искусству, Лермонтовъ, какъ ни кратковременна была его литературная дѣятельность и какъ ни была она стѣснена цензурными рамками, все-таки, оставилъ яркую картину современнаго ему общества, которая достаточно объясняетъ скорбь, такъ рѣзко отличающую всю его лирическую поэзію. Не надобно забывать только, что картина эта обрисовываетъ не всѣ слои нашего общества, а только тотъ кругъ общества высшаго, преимущественно богатой помѣщицкой молодежи, гдѣ пришлось поэту вращаться. На ряду съ этимъ обществомъ жило въ это же время и то поколѣніе болѣе серьезно образованнаго меньшинства, которое, имѣя своимъ центромъ Бѣлинскаго, извѣстно подъ именемъ людей сороковыхъ годовъ. Но этому меньшинству, какъ мы упоминали раньше, Лермонтовъ остался чуждъ, хотя нѣкоторыя попытки къ сближенію съ нимъ въ послѣдніе годы жизни поэта и были (отношенія къ *Отечественнымъ Запискамъ*, сближеніе съ Краевскимъ, свиданіе съ Бѣлинскимъ на гауптвахтѣ).

Во главѣ произведеній Лермонтова, обрисовывающихъ жизнь интеллигентной молодежи, поставили бы мы *Думу*. Это стихотвореніе, при всей своей извѣстности, кажется намъ еще не вполне оцѣненнымъ во всей глубинѣ своего значенія. Это какъ бы увертюра, программа дальнѣйшей нашей литературы, продолжавшей въ разныхъ типахъ представлять русскую интеллигенцію. Въ какихъ-нибудь 44 стихотворныхъ строкахъ поразительной желѣзной силы соединено здѣсь столько глубочайшихъ мыслей, столько содержанія, что всѣ эти изображенія интеллигентныхъ пошляковъ и тряпичныхъ юношей у Григоровича и Писемскаго, лишнихъ людей у Тургенева, включая сюда даже и Рудина съ Лаврецимъ, скучающихъ интеллигентовъ у Некрасова, кажутся только различными художественными воплощеніями этихъ самыхъ мыслей. Что же касается той потрясающей скорби, которою эта *Дума* проникнута, то, кажется, во всей русской литературѣ еще и до сихъ поръ нѣтъ стихотворенія, могущаго съ ней въ этомъ отношеніи сравниться. Оно настолько жизненно, настолько глубоко и общезахватываетъ самый жгучій вопросъ о нашемъ образованіи, что кажется

написаннымъ какъ будто вчера, и уже одно, независимо ни отъ какихъ другихъ прекраснѣйшихъ произведеній Лермонтова, дѣлаеть это имя особенно дорогимъ для насъ и чрезъ полвѣка послѣ его смерти.

Страшная картина рисуется передъ читателемъ. Оторванная отъ народа, коснѣющаго въ невѣжествѣ и бѣдности, чуждая интересамъ общечеловѣческимъ, которые едва проникають въ общество, не имѣющая свободнаго поля для дѣятельности, да и получившая, вмѣсто истиннаго образованія, одинъ ненужный хламъ школьныхъ познаній, въ полезности которыхъ для развитія и для жизни можно сомнѣваться, эта молодежь, «надежда, цвѣтъ для царства», старѣеть въ бездѣйствіи. Не имѣя ни солиднаго образованія, которое могло бы помочь разобраться въ этой сложной жизни, ни преданій историческихъ, которыми можно было бы гордиться, ни разумныхъ удовольствій, ни гуманнаго воспитанія сердца, характера, силы воли, направленной къ высшей цѣли, эта молодежь «спѣшитъ безъ счастья къ гробу, глядя насмѣшливо назадъ».

Мысли, выраженные въ *Думѣ*, воплощаются въ цѣльный образъ въ *Героѣ нашего времени*. Что такое представляетъ собою этотъ пресловутый Печоринъ, иронически названный *героемъ* лермонтовскаго *времени*, и въ самомъ дѣлѣ бывшій имъ въ глазахъ тогдашняго, мало требовательнаго общества, и особенно дамъ, вродѣ Вѣры и княжны Мери? Это молодой челоувѣкъ, полный физическихъ силъ, здоровый и ловкій, съ изящными манерами, съ отличными французскимъ языкомъ, мастеръ и въ танцахъ, и въ верховой ѣздѣ,—словомъ, получившій блестящее свѣтское воспитаніе. Онъ богатъ настолько, что можетъ вести большую игру, покупать отличныхъ коней и оружіе, путешествовать. Отъ природы онъ одаренъ недюжиннымъ, аналитическимъ умомъ, и можетъ критически относиться къ чужимъ и къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Условія, и природныя, и экономическія, въ которыхъ этотъ челоувѣкъ поставленъ, повидимому, самыя благоприятныя для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, попробовать доучиться серьезно, и потомъ хоть на чемъ-нибудь попытать силы для разумной дѣятельности въ отечествѣ. Но для того, чтобы самостоятельно продолжать свое образованіе, нужна любознательность, которой въ немъ не пробуждено вовсе, а чтобы попытаться разумно приложить къ дѣлу свои знанія и развитіе, нужно разнаніе своихъ обязанностей передъ обществомъ и родиной. Но ни такой любознательности, ни подобнаго сознанія какъ въ Печоринѣ, какъ и во всѣхъ другихъ Лермонтовскихъ герояхъ изъ высшаго общества (наприм., Арбенинъ) нѣтъ и помину. Все это узкіе эгоисты до мозга костей, прожигающіе жизнь въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, кутежахъ, карточной игрѣ и любовныхъ похожденияхъ, ничего не оставляющихъ ни сердцу, ни уму. Такой эгоистъ *durch und durch* и Печоринъ, сознающій въ себѣ какія-то необъятныя силы, которымъ нѣтъ простору и которыми онъ кокетничаетъ въ своемъ дневникѣ, хотя силъ-то этихъ въ романѣ и не видать. Идя массивно за общимъ теченіемъ, онъ опредѣляется въ военную службу, вѣроятно, въ одинъ изъ блестящихъ столичныхъ полковъ, но за какою-то

исторію (можетъ быть, за дуэль изъ пустяковъ, за мальчишескую выходку противъ начальника, наконецъ, просто за какую-нибудь провинность противъ дисциплины) его ссылаютъ на Кавказъ, и авторъ показывается намъ этого представителя молодежи въ трехъ отношеніяхъ: *во-первыхъ*, по отношенію къ простымъ людямъ (Бэла, дѣвушка въ Тамани и Максимъ Максимовичъ); *во-вторыхъ*, въ обществѣ офицеровъ; *въ-третьихъ*, по отношенію къ женщинамъ своего круга, Вѣрѣ и княжнѣ Мери. Весьма непригляднымъ, чтобъ не сказать больше, обрисовывается Печоринъ въ своей чистой животной страсти къ Бэлѣ, которую онъ погубилъ, и слава Богу, что она погибла во-время, еще имъ не брошенная. Съ какимъ убійственнымъ высокомернымъ презрѣніемъ относится онъ къ добряку Максиму Максимовичу, когда тотъ уже больше ему не нуженъ! Въ какомъ комическомъ положеніи очутился онъ самъ, когда въ своихъ любовныхъ похлываніяхъ наскокилъ на дѣвушку-контрабандистку, съ которой уже готовъ былъ завести легкую интригу, прикрывая ея противузаконный промыселъ, но которая чуть-чуть его не утопила! Одно удовлетвореніе прихотливой, не знающей удержа, страсти—вотъ что руководить этимъ интереснымъ интеллигентомъ, находящимъ въ этомъ удовлетвореніи единственное развлеченіе въ своихъ странствованіяхъ по Кавказу.

Но вотъ онъ въ обществѣ офицеровъ въ Пятигорскѣ. Какую роль играетъ онъ здѣсь и какъ проводитъ время? И здѣсь, также какъ и въ трехъ другихъ разказахъ (*Бэла, Тамань, Максимъ Максимовичъ*), для него только средство убить праздное время, которое нельзя же наполнить все охотой да поѣздками въ горы, а стычки съ горцами бывають не каждый день. И вотъ интеллигентъ, съ презрѣніемъ смотрящій на всѣхъ этихъ въ самомъ дѣлѣ ничтожныхъ Грушницкихъ, друзей своихъ капитановъ, адъютантовъ и сближающійся съ однимъ недалекимъ простакомъ себѣ на умѣ Вернеромъ, поить ихъ виномъ, играетъ съ ними въ карты и удивляетъ ихъ подвигами безумной и ненужной храбрости какъ, напримѣръ, въ разказъ *Фаталистъ*. А какимъ ничтожествомъ рисуется этотъ Печоринъ въ своемъ травленіи жалкаго мальчишки Грушницкаго, котораго убиваетъ навѣрняка даже безъ угроженія совѣсти!

Что сказать объ его отношеніяхъ къ Вѣрѣ и княжнѣ? И эти обѣ женщины для него опять только средство убить праздное время и потѣшить мелкое самолюбіе легкою побѣдой. Для него ничего не значать репутація и спокойствіе любящей его Вѣры, которой жизнь разбиваетъ онъ окончательно, а все это ухаживаніе за Мери, сердцемъ которой онъ играетъ какъ кошка съ мышью, крайне возмутительно, тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ умѣетъ и понимаетъ и даже подробно анализируетъ свои поступки!

Такъ въ любовныхъ приключеніяхъ и времяпровожденіи среди нервитаго офицерства прожигается жизнь этого человѣка, полного силъ и молодости и ума. Уже изображеніе такого бесплоднаго прожиганія жизни однимъ изъ многихъ представителей тогдашней русской интеллигенціи составляетъ заслугу писателя, представившаго это прожиганіе въ такомъ

яркомъ свѣтѣ, что оно возбуждаетъ въ читателѣ отвращеніе и ужасъ. Но есть въ Печоринѣ другая сторона, которая если его, конечно, и не оправдываетъ, то, по крайней мѣрѣ, возбуждаетъ къ нему интересъ и вниманіе: это — полнѣйшее пониманіе имъ самимъ всей пошлости, бесплодности, ненужности своей жизни, и, въ то же время, неузнаніе, незнаніе, какъ устроить ее иначе. Какъ ни отвратительно его поведеніе, этимъ самымъ пониманіемъ ничтожности своего существованія онъ неизмѣримо выше всѣхъ окружающихъ его людей, и ни за что не пережѣнилъ бы онъ своей жалкой жизни на прозябаніе Грушницкаго, драгунскаго капитана, мужа Вѣры и даже Максима Максимовича. Онъ, дѣйствительно, смутно сознаетъ въ себѣ какія-то высшія силы для чего-то лучшаго, но въ чемъ это лучшее, на что бы именно могъ онъ направить эти силы, романъ отвѣта не знаетъ, ограничиваясь темными намеками вродѣ сравненія Печорина съ вѣнцемъ, прикованнымъ къ чиновничьему столу, или съ человѣкомъ атлетическаго сложенія, вынужденнымъ вести слишкомъ умѣренную жизнь. За какую самолюбивую рисовку передъ самимъ собою критика не разъ упрекала Печорина, но, какъ намъ кажется, не совсѣмъ справедливо. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ только и могъ показать своего героя въ его любовныхъ дѣлахъ да въ обществѣ офицеровъ; коснуться же мучающей Печорина жажды дѣятельности общественной, политической, которая у него, какъ у человѣка умнаго, должна была проявиться, не было въ то время никакой возможности. И пришлось автору ограничиться одними недоговоренными анализами внутреннихъ страданій героя и намеками на необъятныя силы духа, которыхъ некуда приложить. Эти-то страданія, не дающія герою покоя даже среди наслажденій, никогда не позволяющія ему удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ удовлетворяются всѣ, и, въ концѣ-концовъ, гонящія его, бѣднаго ситальца Русской земли, умирать въ Персію, представляютъ особый интересъ и возбуждаютъ къ Печорину даже нѣкоторое сожалѣніе. Выставилъ эту неудовлетворенность и тоску по дѣятельности въ Евгениѣ Бѣлинѣ и Пушкинѣ; но куда же умнѣе Онягина Печоринъ, и насколько въ болѣе глубоко и ярко выставлены страданія послѣдняго! Вы можете сколько угодно осуждать поступки Печорина, его отношенія къ окружающимъ; но что онъ человѣкъ глубоко несчастный, совершенно одинокій въ окружающей его толпѣ, до которой онъ не можетъ опуститься и которой не въ состояніи возвыситься, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Явственно ищетъ онъ успокоенія въ любви, не дающей ему ничего, кромѣ физическаго удовлетворенія; въ обществѣ, скоро надоѣдающемъ своею пустотой, въ игрѣ, въ природѣ, наконецъ, — этого покоя нѣтъ для него нигдѣ, и онъ естественно становится едва ли не фаталистомъ, ожидая, что или шальная пуля горца или персидская лихорадка прекратили его жалкое, никому ненужное существованіе. У Рудина были университетскій кружокъ и наука, показавшіе впереди благородныя цѣли, были хоть попытки общественной дѣятельности; у Печорина не было ничего: онъ былъ безжалостно брошенъ судьбой со всѣмъ своимъ умомъ и способностями

совершенно одинокимъ въ общество кавказскихъ дикарей и офицеровъ. И онъ, все-таки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при всемъ эгоизмѣ, не потерялъ въ себѣ человѣческаго облика: недаромъ его любятъ такіе люди какъ Максимъ Максимовичъ, и всѣ находятъ въ немъ что-то такое, что невольно влечетъ къ нему, и, по словамъ Вѣры, разъ полюбивъ, его уже нельзя забыть никогда. Только обликъ-то этотъ обыкновенно скрытъ по личиной напускной холодности и высокоумнаго презрѣнія, не допускающаго осмѣлиться заглянуть въ эту гордую душу. Когда же Печоринъ остается самъ съ собою и предаетъ бумагѣ свои настоящія мысли и чувства, какъ этотъ обликъ неслыханно печаленъ, сколько въ немъ глубокаго затаеннаго страданія, самобичеванія, презрѣнія къ самому себѣ! Пошлость - ловеласовъ и всякихъ аристократическихъ прожигателей жизни до Лермонтова, выставляла русская литература, хотя бы Марлинскій; но облачили пошлость этихъ лицъ и послѣ Лермонтова, особенно Писемскій только одинъ Лермонтовъ сумѣлъ представить въ Печоринѣ не одну только пошлость, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и горькое сознаніе этой пошлости при ясныхъ стремленіяхъ къ болѣе человѣческому существованію. Но современники поняли Печорина слишкомъ односторонне и, не умѣя читать между строкъ, проглядѣли именно эту симпатичную сторону его характера и увидѣли въ немъ только эгоиста-ловеласа, кромѣ Бѣлинскаго, который обратилъ вниманіе и на нее, но прямо высказаться не могъ. Теперь же, истеченіи цѣлаго полустолѣтія съ появленія романа, можно сказать прямо что ни въ одномъ русскомъ произведеніи не выставленъ съ такою силой и такъ ярко, какъ въ Печоринѣ, русскій одинокій интеллигентъ, «книжка въ дѣйствиіи пустомъ» и, въ то же время, такъ глубоко страдающій своимъ одиночествомъ, оторванностью и отъ общества, и отъ народа, и отъ родины, съ которой онъ не связанъ никакою нравственною связью. Романъ *Герой нашего времени*, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, до сихъ поръ не потерялъ интереса какъ по изображенію нравовъ, так и въ особенности по психологическому анализу характера Печорина, который сознаніе ненормальности своей жизни по необходимости долженъ былъ хранить въ душѣ, довѣряясь только одному дневнику.

IX.

Неизмѣримо ниже Печорина свѣтское общество, изображенное Лермонтовымъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Дерзко бросилъ поэтъ ему въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью» (*Первое января*) и цѣломъ рядѣ прекрасныхъ лирическихъ произведеній, изъ которыхъ *Смерть Пушкину* достигаетъ поразительной силы негодования. Вездѣ рисуется это общество, можетъ быть, нѣсколько пристрастно, совершенно пустымъ, преданнымъ сплетнямъ, завистливымъ ко всему, что сколько нибудь отличается умомъ, такъ или иначе поднимается надъ уровнемъ общей плоскости. Разоснѣлое въ предрасудкахъ, безчувственное, неиз-

ественное, надменное своимъ высокимъ родовымъ положеніемъ, съ высокимъ презрѣніемъ относится оно даже къ такому гению, какъ Пушкинъ, павшій жертвой мести этого общества, и безжалостно давить малѣйшее проявленіе свободнаго чувства, мысли или слова. Ложь, продажность, коварство этихъ людей, сильныхъ своимъ положеніемъ, глубоко возмущаютъ поэта, и онъ осыпаетъ ихъ иѣткими стрѣлами негодующей сатиры, мы вполне понимаемъ озлобленіе противъ Лермонтова, дошедшее до того, что одна особа, узнавъ о его гибели, такъ-таки прямо и выразилась: «туда ему и дорога!» Въ сожалѣнію, кромѣ лирики, мы находимъ изображеніе этого общества только въ *Маскарадѣ*, сказать кстати, въ свое время не пропущенномъ на сцену «по мрачности картинъ».

Но и это одно произведеніе даетъ не мало матеріала для знакомства съ обществомъ игроковъ, проигрывающихъ цѣлыя состоянія, принимающихъ въ свою среду шумеровъ и всякихъ проходивцевъ подъ блестящею внѣшностью, — обществомъ, гдѣ одному ничего не стоитъ завести интригу съ женой пріятеля, другому оклеветать бѣдную женщину, а третьему, поддающему страстямъ дикаря, отравить свою жену. Какими странными кажутся теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, эти нравы въ томъ кругу, который считалъ себя образованнымъ представителемъ націи! А, между тѣмъ, эти нравы дѣйствительно существовали рядомъ съ нравами *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора*, и оба великіе писателя сошлись въ изображеніи всѣхъ этихъ ужасовъ; только Гоголь изобразилъ ужасъ нравовъ помещиковъ и чиновниковъ, а Лермонтовъ, конечно, съ большею, не отъ него зависѣвшею скромностью — ужасъ нравовъ класса высшаго. Одинъ — Гоголь — надъ своими изображеніями свозъ горькій смѣхъ плавалъ; другой — Лермонтовъ — стодалъ, призывая гнѣвъ на все то, что мѣшало свѣту и болѣе осмысленной человѣческой жизни.

X.

Судя по юношеской драмѣ *Menschen und Leidenschaften*, гдѣ цусарская есть съ готовностью защищать ее кровью и цусарское слово, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства поэта съ военною молодежью, выдвинуты довольно ярко; повидимому, въ ранней юности военная служба возбуждала въ немъ симпатію въ Лермонтовѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и поступленіе въ юнкерскую школу наперекоръ волѣ бабушки, какъ говорятъ, чуть не въ колынахъ умолявшей внука оставить свое легкомысленное намѣреніе. Когда съ ея военно-удальными нравами могла также увлечь юношу, искавшего въ попойкахъ и нескромныхъ похожденияхъ простора для кипучихъ страстей рано развившейся физически и значительно испорченной домашнимъ баловствомъ природы, и онъ отдалъ щедрую дань товариществу, падшему до фривольнаго эрота, цѣлымъ рядомъ порнографическихъ стиховъ и безшабашныхъ проказъ; и товарищи, надобно отдать имъ справедливость, это сберегли для потомства сокровища этой цусарской поэзии. Но эта

военщина тронула душу поэта только слегка, не оставивъ въ ней глубокаго слѣда; только познакомивъ его ближе съ тою жизнью, которая могла увлекать его, юношу, своимъ внѣшнимъ блескомъ и призрачною свободой. Уже въ школѣ онъ пишетъ известную *Юнкерскую молитву*, гдѣ съ ироніей относится къ своему новому положенію, а въ его письмахъ отъ этого времени, и позже, до ссылки, проглядываетъ, какъ тѣсно бывало ему подчасъ въ этой казарменной жизни и какъ иронически относился онъ къ своему времяпровожденію и товарищамъ. Какъ известно, Лермонтовъ былъ плохимъ офицеромъ по службѣ, весьма нелюбимымъ требовательнымъ начальствомъ, наблюдавшимъ строго за дисциплиной, и нерѣдко бравировалъ несоблюденіемъ формы и мальчишескими выходками, приводившими въ ужасъ тогдашнихъ фронтовиковъ-начальниковъ. Жизнь въ военной службѣ послѣ первой ссылки должна была стать особенно тяжела для поэта, и онъ нѣсколько разъ рвался выйти въ отставку; но родные, отъ коихъ онъ, привыкшій къ роскоши, вполнѣ въ матеріальномъ отношеніи зависѣлъ, не пустили, а, можетъ быть, по разнымъ соображеніямъ не выпустило начальство, неохотно дававшее ему даже отпуска, и онъ поневолѣ остался военнымъ до самой смерти. Какою ироніей судьбы звучитъ написанный въ Ставрополѣ полковымъ писаремъ затребованный изъ штаба для послѣдняго въ жизни Лермонтова отпуска отзывъ о его поведеніи, читанный случайно имъ же самимъ: *«Поручикъ Лермонтовъ служитъ исправно, ведетъ жизнь трезвую и добropорядочную и ни въ какихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ»* (*Русская Старина* 1875 г., № IX: *Воспоминанія Костенецкаго*).

Самъ военный, часто изображавшій, особенно въ юношескихъ произведеніяхъ, боевыя сцены, Лермонтовъ не сторонникъ войны. Отдавая устами стараго служака въ *Бородинѣ* должную честь храбрымъ защитникамъ родины въ великой патріотической битвѣ, онъ устами Измайла-Белого говоритъ русскому офицеру:

„За славой

Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
 Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
 Съ необразованной толпой.
 За что завистливой рукой
 Вы возмущали нашу долю?
 За то, что бѣдны мы, и волю,
 И степь свою не отдадимъ
 За злато роскоши нарядной;
 За то, что мы боготворимъ,
 Что презираете вы хладно?
 Не бойся, говори смѣлѣй,
 Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
 Какою грубостью своей
 Простой народъ тебя обидѣлъ?“

Не прельщаясь «славой, купленной кровью» (*Родина*), поэтъ хорошо знаетъ цѣну этой славы, и въ одномъ изъ превосходнѣйшихъ предсмерт-

ныхъ произведеній, въ *Валерикъ*, представляетъ потрясающую картину войнѣ рѣзни съ черкесами, когда сама рѣва покраснѣла отъ крови и глуми валились другъ на друга человѣческія тѣла. Ужасъ охватываетъ читателя этого страшнаго описанія, въ которомъ такими трогательными, гуманными чертами выдѣляется смерть любимаго капитана, оплакиваемаго гарыми усачами:

„И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?“

Такого отношенія къ войнѣ, да еще въ такое военное время, когда и въ Лермонтовѣ, не находимъ мы ни у кого изъ русскихъ поэтовъ до самаго графа Л. Н. Толстаго въ его севастопольскихъ разсказахъ, такою инициатива разсмотрѣнія войны именно съ этой гуманной стороны всегдѣ принадлежитъ Лермонтову.

Не чужда Лермонтовская поэзія и изображеній современнаго поэту воинаго, собственно офицерскаго быта, до него въ литературѣ нашей почти не затронутаго, если не считать Грибоѣдовскаго Скалозуба, немногихъ отличенныхъ чертъ у Пушкина, да повѣстей Марлинскаго, искусственныхъ идеализированныхъ. Какъ ни прискорбно, что юный поэтъ отдалъ такъ много творческихъ силъ журналу *Школьная Заря*, издававшемуся въ рукописи въ юнкерской школѣ, гдѣ воспѣвалъ юнкерскіе подвиги, но и эти произведенія нескромной музы ярко рисуютъ времяпровожденіе золотой молодежи, на *шалости* которой смотрѣлось сквозь пальцы, благо серьезная мысль не волновала юнаго ума, строго поставленнаго въ извѣстныхъ амни.

Въ послѣднемъ отзвукѣ этой шаловливой музы, въ напечатанной еще при жизни поэта *Казначейши*, фигурируютъ удалые, «буйные усачи», ланы, съ презрительнымъ отношеніемъ къ штатскимъ и непремѣннымъ сожалѣніемъ къ дамскому полу, не остающемуся равнодушнымъ къ усамъ и шпорамъ. Въ этой поэмкѣ, повидимому, уже проглядываетъ колкая иронія къ побѣдителямъ женскихъ сердець вообще и къ герою разсказа особенно:

„Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ,
Штабъ-ротмистръ, строевъ, какъ корнетъ;
Взоръ пылкій, усъ довольно черный,—
Короче, идеалъ дѣвиць,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“.

Прокутивъ все отцовское имѣніе еще корнетомъ, онъ жилъ, какъ птица, привыкъ лежать и спать, не вѣдать,

„Чѣмъ завтра будетъ пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ,
То на курьерскихъ, то верхомъ,

То полуяннымъ ремонтеромъ,
 То волокитой отпускнымъ...

 Страстями земными не смущаемъ,
 Омъ не терялся никогда...“

и всюду, гдѣ только представлялся малѣйшій случай, срывалъ цвѣты удовольствія. И надобно признаться, что этотъ типъ неунывающего военного россиянина немного приаписческаго характера очерченъ поэтомъ очень ярко. Полнѣе и разностороннѣе очерченъ военный бытъ въ *Герои нашего времени*. Здѣсь передъ нами, во-первыхъ, армейецъ-службистъ, окуренный порохоми, добросердечный и прямодушный простакъ, Максимъ Максимовичъ, выставленный авторомъ безъ малѣйшей утрировки и встающій передъ нами, какъ живой, во всей симпатичности своей нетронутой натуры; во-вторыхъ, какъ совершенный контрастъ съ нимъ, аристократическій Печоринъ.

«Въ то время,—разсказываетъ одинъ изъ кавказскихъ сослуживцевъ Лермонтова,—былъ у насъ на Кавказѣ особенный извѣстный родъ изящныхъ молодыхъ людей,—людей великосвѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорившихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами и высокоумно презиравшихъ весь остальной людъ: всѣ эти барчата съ высотъ величія гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера и сходились съ нами только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы въ свою очередь смотрѣли на нихъ презрительно и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Въ этой категоріи принадлежала большая часть гвардейскихъ офицеровъ, ежегодно тогда посылаемыхъ на Кавказъ (*Русск. Стар.* 1875 г., № IX). Этотъ-то живой человекъ и разоблаченъ авторомъ въ Печоринѣ, въ изображеніи котораго Лермонтовъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ.

Рядомъ съ Печоринымъ выставлена другая разновидность военного типа—совсѣмъ уже ничтожный Грушницкій, по мнѣнію сослуживцевъ Лермонтова, напоминающій его убійцу, рисующійся передъ дамами военной формой и напускною разочарованностью, трусъ въ душѣ и хвастунъ, пошлякъ, не подозрѣвающій своего убожества.

Если къ этимъ тремъ фигурамъ, очерченнымъ болѣе подробно, присоединить еще забіяку драгунскаго капитана и все вообще выставленное здѣсь офицерское общество, съ кутежами, картежами, волокитствомъ и особливо щекотливостью по отношенію къ мундирной чести, которую можно защитить или омыть одною только кровью, то нужно признать, что офицерство того времени обрисовано поэтомъ довольно полно. Съ особенною же яркостью выступаетъ въ *Герои нашего времени* легкомысленное отношеніе этихъ людей къ жизни. Не имѣя за душой никакого серьезнаго дѣла, никакой опредѣленной цѣли, загрузѣвъ въ дисциплинѣ казовой замкнутости и кровавыхъ бояхъ, гдѣ ежеминутно жизнь подвергается риску,

эти люди ставят ее ни во что и доходятъ до фанатизма. Общество офицеровъ совершенно равнодушно присутствуетъ при возмутительномъ испытаніи слѣпой судьбы въ разсказѣ *Фаталистъ*; это же общество допускаетъ подлость съ пистолетами при дуэли Печорина, и даже такой умный человѣкъ, какъ докторъ Вернеръ, не только не дѣлаетъ ничего, чтобы этому воспрепятствовать, но даже становится своимъ секундантствомъ участникомъ прямо въ убійствѣ человѣка, а затѣмъ благоразумно сторонится отъ законной кары, давъ свидѣтельство, что Грушницкій свалился въ пропасть самъ. Удивляться ли при такихъ нравахъ тому, что и самъ поэтъ былъ убитъ изъ-за какого-то вдора, въ присутствіи друзей-секундантовъ, какиихъ-то Мартыновымъ, котораго, какъ, наприм., г. Костенецкій въ своихъ воспоминаніяхъ, откуда отрывокъ мы приводили, рисуетъ личностью ничтожнѣйшею? Смерть Грушницкаго, такъ прекрасно изображенная поэтомъ, напоминаетъ до нѣкоторой степени смерть самого Лермонтова.

XI.

Весьма видное мѣсто занимаетъ въ Лермонтовской поэзіи, какъ и въ поэзіи Пушкина, женщина и вообще любовь. У Лермонтова, пожалуй, этому предмету, сравнительно, удѣлено мѣста даже больше, особенно принимая во вниманіе количество написаннаго тѣмъ и другимъ. Въ нихъ по отношенію къ изображенію любви много общаго. И тотъ, и другой изображали любовь эротическую, животную; оба въ восточныхъ дикаркахъ и непосредственныхъ натурахъ искали идеала, не находямаго въ современномъ обществѣ; оба изображали пустоту и бессодержательность русской женщины такъ называемаго образованнаго общества; оба, наконецъ, пытались отыскивать въ этомъ обществѣ идеалъ положительный (у Пушкина—Татьяна и Полина въ отрывкѣ *Рославль*; у Лермонтова—Ольга въ *Юношеской поэтсѣ*, Ольга въ позднѣйшей редакціи *Маскарада*, повидимому, дѣвушка въ *Сказкѣ для дѣтей* *). Но въ отношеніяхъ къ женщинѣ и любви у обоихъ поэтовъ и большая разница. Пушкинъ относится къ женщинѣ снисходительно, часто шутливо, съ легкою ироніей, и только иногда, какъ, наприм., къ Татьянѣ или Дунѣ (*Станціонный смотритель*), съ глубокимъ сожалѣніемъ; находитъ въ любви удовлетвореніе; такъ или иначе, примиряется съ женщиной, которая для поэта источникъ счастья и, по-своему, сама счастлива. Лермонтовъ, согласно своему всегда протестующему характеру, часто относится къ женщинѣ съ горчайшею ироніей и негодующимъ осужденіемъ, съ острою сердечною болью за ея пустоту, легкомысліе и кокетство:

„За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,

*) См. о женщинѣ у Пушкина въ моей книгѣ: *Памяти Пушкина. Очерки пушкинской Руси*. Спб., 1880 г., стр. 68—79.

За горечь слезъ, отраву поцѣлуд,
 За мечь враговъ и клевету друзей;
 За жаръ души, растроченной въ пустынѣ,
 За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
 Устрой лишь такъ, чтобы тебя отиши
 Недолго я еще благодарить“ (*Благодарность*).

Поэтъ, доходитъ даже до полнѣйшаго отчаянiя найти въ любви счастье («И скучно, и грустно») и глубоко страдаетъ, видя въ женщинѣ пустую свѣтскую куклу или игрушку страсти. Положенiе хорошей женщины въ обществѣ, которое осуждаетъ всякое искреннее чувство и не прощаетъ наибѣйшаго увлеченiя, наполняетъ его душу скорбью:

„Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
 И знаю: молодость цвѣтущую твою
 Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
 За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
 Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
 Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ“ (*Отчею*).

Гибель Бѣлы, Тамары, разбитая въ конецъ жизнь Вѣры (*Герой нашей времени*) изображены съ трогательнымъ участiемъ къ ихъ судьбѣ. Въ той любви, которую поэтъ испытываетъ, онъ не находитъ удовлетворенiя никогда и беспощадно анализируетъ ее въ минуты, когда всякiй другой беззавѣтно весь отдался бы счастью. Словомъ, любовь не удовлетворяетъ ни его самого, да не даетъ радости и женщинѣ; или же эта любовь кратковременная и покупается слишкомъ для нея дорогою цѣной, какъ, наприм., любовь Бѣлы, Вѣры, Ольги (*Бояринъ Орша*). Поищемъ же причины таково отношенiя къ любви въ обстоятельствахъ жизни поэта.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣнiй Лермонтова, запавшихъ въ душу, былъ образъ юной страдальницы-матери, глубокого несчастной съ мужемъ, баюкавшей сына, сквозь слезы, колыбельною пѣсенкой. Эта грустная пѣсня едва ли не единственной для него дорогой женщины звучала въ его ухахъ всю жизнь. Онъ не можетъ равнодушно слышать музыки, которой звуки

„жадно ловить сердце,
 Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
 Каплю водъ живыхъ...
 И въ душѣ опять они рождаютъ
 Сны веселыхъ лѣтъ,
 И въ одежду жизни одѣваютъ
 Все, чего ужъ нѣтъ.
 Принимаютъ образъ эти звуки,
 Образъ милый мнѣ;
 Мнится, слышу тихiй плачь разлуки,
 И душа въ огонь...“ (*Звуки*).

Отзвуки этихъ дѣтскихъ пѣсенъ слышатся и въ чудныхъ стихотворенiяхъ: «Есть рѣчи—значенье...», «Слышу ли голосъ твой», а воспоминанiя объ этихъ ласкахъ рано погибшей матери, образъ которой никогда не оставлялъ поэта, навѣяли ему такiя трогательныя пѣсы, какъ *Козачья*

комбельная тсня, Ребенку («О грезах юности томимъ воспоминаемъ»), «Ребенка милаго рожденье», «Я, Матерь Божія», дышащія особенною любовью къ дѣтямъ. Въ этомъ-то глубокомъ чувствѣ къ матери, а также и въ рановременной поэтической любви къ какой-то дѣвочкѣ на Кавказѣ, о которой неоднократно вспоминаетъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ (наприм., *Первое января*), видимъ мы источникъ того меланхолическаго, нѣжнаго отношенія къ женщинѣ вообще, которое замѣчается во многихъ его произведеніяхъ. Эти два образа чистой любви, матери и невиннаго бѣлокурого ангела-дѣвочки, оба безвозвратно исчезнувшіе, и положили въ душѣ поэта основу того пѣломудреннаго идеализма, который, при всей страстности, прони и скептицизмѣ, не оставлялъ поэта до самой смерти. Довольно вспомнить стихотворенія послѣдняго года его жизни: «Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски», *Утесъ, Дубовый листокъ*, «Выхожу одинъ я на дорогу». Во всѣхъ нихъ, какъ и во многихъ произведеніяхъ, начиная отъ ранней юности, звучитъ у Лермонтова требованіе любви чистой, сердечной, вѣра въ ея существованіе, независимо отъ одной только физической страсти, но, не находя удовлетворенія этому требованію въ женщинахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, и такъ часто въ нихъ разочаровываясь, онъ естественно впадаетъ въ элегическій тонъ, полный глубокой печали. Тосковали по идеалу чистой любви и Жуковский, и самъ Пушкинъ, но ни у кого изъ нихъ требованіе этой духовной сердечной привязанности не выразилось такъ постоянно, настойчиво и съ такою поразительною силой, какъ у Лермонтова, который такъ трогательно выражаетъ это требованіе въ аллегорическомъ образѣ бѣднаго дубоваго листочка, тщетно просящаго приюта у гордой чинары, а въ другомъ стихотвореніи выражаетъ желаніе, чтобы даже и надъ могилой поэта, слухъ его лелѣя, сладкій голосъ пѣлъ ему про любовь.

Неестественно рано пробудилась въ поэтѣ, подъ вліяніемъ болѣзненнаго развитія фантазіи а, можетъ быть, и помѣщичьихъ нравовъ, рисующихся въ поэмѣ *Сашка*, носящей, повидимому, въ значительной степени біографическій характеръ, и физическая страсть, разжигаемая постояннымъ пребываніемъ въ кругу барышень. Шестнадцати лѣтъ въ стихотвореніи *Первая любовь* онъ говоритъ:

„Въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной.
На мягкомъ ложѣ сна не разъ во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампы образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой,
Я видѣлъ женскій ликъ...“

Цѣлый рядъ стихотвореній къ женщинамъ, заигрывавшимъ съ мальчишомъ, рисуетъ съ разныхъ сторонъ по преимуществу физическую красоту, страстныя къ ней стремленія, неудовлетворенность желаній или быстрое разочарованіе въ предметахъ любви, и все это въ возрастѣ отъ 14—17 л.

А стихотвореніе «Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой», и картина перваго страстнаго романа мальчика съ дворовою дѣвушкой въ поэмѣ *Сашка* позволяютъ допустить, что эротическія наслажденія, при легкости помѣщичьихъ нравовъ, стали доступны поэту очень рано. И хотя и въ стихотворенія, и въ поэму вложено много участія къ несчастной судьбѣ красавицы, не знавшей матери и проданной пятнадцати лѣтъ какому-то злодѣю, равно какъ и къ судьбѣ вѣрнопостной дѣвушки, сначала соблазненной барномъ, а потомъ сосланной за ласки къ мальчику, его сыну; но нельзя не признать, что подладка и тамъ, и тутъ чисто-эротическая. Эта же страсть даетъ такую обильную пищу юнкерской поэзіи, звучитъ въ *Демонъ* и въ послѣдніе годы жизни Лермонтова, время отъ времени, вызываетъ у него такіе, въ своемъ родѣ единственные шедевры, какъ *Дары Терека*, *Тамара*, *Сосѣдка*, *Русалка*, *Морская царевна*.

Но какъ ни часто звучать у поэта, особенно въ юности, страстные мотивы, тѣмъ не менѣе, какъ сказали мы выше, онъ ищетъ, все-таки, любви не только красивой одалистки, но и женщины-человѣка. Что же находитъ онъ вонругъ себя въ тотъ возрастъ, когда формируется душа и образуется характеръ? Передъ нимъ цѣлый рой пустыхъ барышень, занятыхъ только кокетствомъ, хотя бы, за неимѣніемъ лучшаго, даже съ нимъ, мальчикомъ, балами, кавалерами, блестящими партіями, свѣтскими интригами и легкими измѣнами. Записки Хвостовой именно своею наивною откровенностью представляютъ для изученія этой женской среды матеріалъ неоцѣненный. Поразительно, читатель, до какой степени пуста жизнь этихъ представительницъ большаго свѣта, какъ бѣдны и жалки ихъ интересы: ни одной мысли о своемъ настоящемъ положеніи, ни одной попытки критически отнестись къ окружающему, ни малѣйшаго поползновенія сколько-нибудь дополнить свое убогое образованіе. И какъ результатъ такого умственного развитія—скука, убійственная скука, если нѣтъ впереди бала или другаго свѣтскаго развлечения. Неудивительно, что Лермонтовъ, по своему уму и начитанности, хотя бы и поверхностной, отрывочной, былъ выше всѣхъ этихъ «молодыхъ красавицъ» неизмѣримо, и съ своими идеальными потребностями долженъ былъ глубоко страдать, съ одной стороны, ими увлекаясь, а съ другой—сознавая ихъ умственное и нравственное убожество. Немудрено, что въ своихъ юношескихъ поэмкахъ онъ противопоставляетъ имъ, какъ и въ *Герою нашего времени*, непосредственныхъ полудикаровъ (Зара, Тамара, Бала, дѣвушка въ Тамани), или ищетъ покою на груди продажныхъ красавицъ, въ разгулѣ, пирушкахъ и вихрѣ свѣта, отъ котораго, все-таки, въ немъ выросши, не можетъ отдѣлаться. Немудрено, что единственный свѣтлый женскій образъ среди всѣхъ этихъ изящныхъ куколъ у Лермонтова—Оленька въ драмѣ *Маскарадъ*, да и та компаньонка свѣтской барыни.

Намъ говорятъ, что у Лермонтова любовь всюду несетъ за собой непросвѣтленіе, а гибель, начиная отъ первыхъ юношескихъ опытовъ и кончая *Героемъ нашего времени*. Да оно иначе и быть не могло. Въ томъ,

кругу, гдѣ вращался Лермонтовъ, счастливая прочная любовь, основанная на разумныхъ духовныхъ симпатіяхъ, была рѣдкостью. Большею частью мы видимъ здѣсь или удовлетвореніе страстей съ крѣпостными дѣвушками, кончавшееся ихъ гибелью, если онѣ только имѣли несчастье полюбить своего обольстителя, или бракъ по расчету, или же адюльтеръ съ замужнею женщиной, а то и съ дѣвушкой, терявшей при этомъ всю свою репутацію и даже положеніе. У Хвостовой есть прямые указанія на гибель дурочекъ, вродѣ какой-то Лизы, увлеченной офицеромъ, и на вполне резонныя заботы родныхъ о томъ, чтобы уберечь дѣвушекъ отъ сѣтей черезъ-чуръ смѣлаго соблазнителя. Видя вокругъ себя съ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ несчастнаго супружества матери, большею частью печальныя послѣдствія любви, поэтъ изображалъ эту любовь съ глубокою болью за ненормальность такого порядка *).

Это сочувствіе къ женщинѣ, жертвѣ своей естественной потребности счастья, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Съ какимъ трогательнымъ участіемъ относится поэтъ къ Зарѣ и къ ссылаемой въ дальнюю деревню Маврушкѣ (*Сашка*), и къ Тамарѣ, и къ Белѣ, и къ Оленькѣ, и къ грѣшной рабѣ своихъ страстей Вѣрѣ, и даже къ этой барышнѣ-птичкѣ Мери, увлекшейся сначала «интереснымъ» Грушницкимъ, а потомъ еще болѣе интереснымъ Печоринимъ. Съ другой стороны, даже по тому немногому, что успѣлъ написать Лермонтовъ, очень опредѣленно обрисовывается въ дѣломъ рядъ женщинъ (Нина, баронесса, Вѣра, Мери) вся умственная беспомощность и незнаніе жизни, дѣлающія женщину игрушкой и рабой мужчины. Затронуть поэтомъ и кругъ семейный, котораго такъ боятся его герои. Семья въ юношескихъ драмахъ, въ неоконченной повѣсти, замужество Вѣры, семья въ *Маскарадѣ*, наконецъ, въ *Казначействѣ*, гдѣ мужъ проигрываетъ жену въ карты и при гостяхъ сдаетъ ее усачу штаб-ротмистру, производитъ впечатлѣніе ужаса. Можно сказать, что Лермонтовъ едва ли не первый изъ нашихъ поэтовъ поставилъ семейный вопросъ такъ серьезно и отнесся съ такимъ негодующимъ осужденіемъ къ семейнымъ безобразіямъ. Въ настойчивомъ требованіи для женщины и для ея любви большаго содержанія внутренняго, въ отношеніяхъ семейныхъ большей человѣчности и смысла Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина и открылъ дорогу позднѣйшимъ писателямъ-прозаикамъ—Тургеневу и Писемскому и поэту Некрасову. Въ этомъ-то сочувственномъ отношеніи Лермонтова къ женщинѣ и его запросъ для нея большаго счастья въ ея привязанностяхъ, можетъ быть, и заключается особенная симпатія къ Лермонтову женщинѣ, а не въ изображеніи вулканическихъ страстей и интересныхъ военныхъ, какъ иногда и до сихъ поръ еще говорятъ.

*) Отсылаемъ читателя къ любопытнымъ статьямъ г. Южакова: *Любовь и счастье въ русской поэзии* въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1888 г.

XII.

Отъ изображенія разныхъ сторонъ современной Лермонтову жизни болѣе или менѣе интеллигентнаго общества перейдемъ къ его отношеніямъ къ родинѣ вообще, народу, и тѣмъ немногимъ произведеніямъ, гдѣ обнаруживается политическое развитіе поэта.

Еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Гётевской пѣсни Миньоны, пишетъ онъ *Жалобы турка*, называя родину «дикимъ краемъ»,

„гдѣ являются порой
Умы, и хладны, и твердые, какъ камень.
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!
Друзь! Этотъ край—моя отчизна!“

Тотъ же скорбный мотивъ слышится въ 1829 г. въ прекрасной пьесѣ *Монологъ* («Повѣрь, ничтожество есть благо въ этомъ свѣтѣ!»):

„И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжело, и душа тоскуетъ“.

Въ шестнадцать лѣтъ посѣщеніе Новгорода вызываетъ у Лермонтова горячее обращеніе къ вольному когда-то городу, въ отрывкѣ: «Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ святая колыбель», и въ этомъ же году задумываетъ онъ писать драму изъ времени татарскаго полона *Мстиславъ*, изъ которой уцѣлѣла художественная обработка народной пѣсни: «Что въ полѣ за пылъ пылить», обнаруживающая въ поэтѣ будущаго автора *Пьесы о купцѣ Калашниковѣ*. Мы уже указывали на отношенія Лермонтова къ народу въ драмахъ, въ повѣсти и въ поэмѣ *Сашка*. Въ послѣдней есть интересныя строфы о Москвѣ съ ея историческимъ кремлемъ, производившимъ на поэта глубокое впечатлѣніе своею величавостью и историческими воспоминаніями. Увлеченіе современнымъ поэту военнымъ могуществомъ Россіи вызываетъ у него *Два великана*, *Бородино*, *Споръ* и навѣянный пушкинскимъ *Клеветникамъ Россіи* слабый отрывокъ, сохранившійся въ бумагахъ Лермонтова: «Опять народные вѣтн». Но этому военному патриотизму, какъ мы указали, поэтъ развиться не далъ. Въ 1837 г. онъ создаетъ такое, единственное по чутью народности, произведеніе, какъ *Пьеса о купцѣ Калашниковѣ*, показывающая, какимъ истинно народнымъ поэтомъ Лермонтовъ, постоянно шедшій въ своемъ поэтическомъ развитіи впередъ, могъ бы сдѣлаться. Въ этомъ утверждаетъ насъ и одно изъ лучшихъ стихотвореній послѣдняго года его жизни—*Родина*. Здѣсь поэтъ высказываетъ прямо, что любить въ родинѣ не кровавую ея славу, не заносчивое самолюбіе, не темныя преданія старины, а любить ея природу и этотъ темный закрѣпощенный народъ, на рѣдкое благосостояніе котораго и убогія удовольствія онъ, поэтъ, смотреть «съ отрадой, многимъ незнакомой». Высказать такъ прямо и опредѣленно подобный патриотизмъ во

времена Лермонтова, да еще для него, опального офицера, была заслугою немалой. Какъ же дорожилъ онъ своимъ назначеніемъ служить родинѣ своимъ поэтическимъ гениемъ, какъ заботился о томъ, чтобъ его поняли и оцѣнили хоть въ потомствѣ, это видно изъ многихъ его произведеній разныхъ годовъ и, между прочимъ, изъ слѣдующаго, сохраненнаго Боденштедтомъ въ нѣмецкомъ переводѣ: «Вы не хотѣли понимать меня, вы все у меня отняли, не отняли только гордости моей и силы. Поколѣнія приходятъ и уходятъ, поколѣнія уходятъ и приходятъ, и сжѣна эта—благо. Пройдете и вы, и другіе заступятъ ваше мѣсто, съ новою, болѣе чистою кровью въ жилахъ, и они поймутъ меня, если услышатъ мое слово, и сознание это—благо».

Не разъ уже указывалось на несостоятельность взглядовъ Лермонтова на Европу, Наполеона и просвѣщеніе, но эта несостоятельность — естественное слѣдствіе какъ недостаточной образованности самого поэта, такъ и времени, котораго онъ былъ представителемъ. Такъ, какъ думали Бѣлинскій и его друзья, думали весьма немногіе; большинство же, съ европейскою наукой и новыми политическими задачами Запада незнакомое, лишенное возможности критически отнестись къ своей національной жизни и сравнить ее съ европейскою и наивно увлеченное блескомъ военнаго величія Россіи, естественно, въ невѣжествѣ своемъ смотрѣло на Европу свысока, полагая, что Западъ уже отжилъ свою миссію и долженъ передать ее намъ. Эта мысль высказывается и славянофилами, слышится въ обществѣ и поддерживается въ официальныхъ сферахъ. Что же удивительнаго, что юноша Лермонтовъ, выросшій и проведеншій всю краткую жизнь свою въ аристократическихъ военныхъ кругахъ и не успѣвшій выработать себѣ опредѣленнаго возрѣнія, не былъ въ вопросахъ подобнаго рода выше своего времени? Основательнаго, серьезнаго европейскаго просвѣщенія Лермонтову было видѣть негдѣ, а то, что по большей части предлагалось подъ видомъ образованія тогдашними учебными заведеніями, могло въ самомъ дѣлѣ показаться ему «сушащей умъ бесплодною наукой» и «ненужнымъ бременемъ познаній». Александръ Гумбольдтъ, просмотрѣвъ программы нашихъ кадетскихъ корпусовъ, изумился разносторонней образованности русскихъ кадетъ, а товарищъ Лермонтова, А. М. Миклашевскій, рассказываетъ (*Русск. Старина* 1884 г., № XII), что въ лучшемъ учебномъ заведеніи того времени—Благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ, гдѣ Лермонтовъ учился, въ послѣднемъ, 6-мъ классѣ, «сосредоточились почти всѣ университетскіе факультеты. Тамъ преподавали всѣ науки, и потому у многихъ во время экзамена выходилъ какой-то хаосъ въ головѣ. Нужно было приготовиться, кажется, изъ 36 предметовъ». Читали даже тактику, механику и фортификацію, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ и судопроизводствомъ. Это ли не «время познаній», да еще для мальчиковъ 16 — 17 лѣтъ?

Ошибка Лермонтова была только въ томъ, что, осудивъ просвѣщеніе русское, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкомысленно осудилъ и истинное про-

свѣщеніе Европы, которымъ мы еще не воспользовались. Увлеченіе личностью Наполеона (*Послѣднее новоселье*), которымъ увлекался и Пушкинъ, и вообще общество такого военного государства, какъ тогдашняя Россія, понятно. Трагическая же судьба этого генія, такъ чудесно возвысившагося, такъ громко прогремѣвшаго по всему міру и такъ неожиданно павшаго, увлекла даже самого Байрона, Гейне, и, естественно, поразила и Лермонтова. Видя гибель всего сколько-нибудь выдающагося въ своемъ отечествѣ (у Лермонтова гибнуть всѣ личности, сколько-нибудь выдающіяся надъ толпой; гибель прекраснаго и въ *Памяти Одоевскаго*, и въ *Трехъ пальмахъ*), поэтъ поразила и гибелью Наполеона и отнесся къ нему сочувственно, не вдумавшись въ то, что величіе этого деспота несло за собой зло. Но, справедливо протестуя противъ ничтожности и дряблости современнаго общества, Лермонтовъ не всегда отдавалъ себѣ отчетъ, въ чемъ главная причина этого ничтожества и дряблости. Когда же поэтъ относился къ жизни съ непосредственнымъ чутьемъ правды, что почти всегда и было, онъ являлся горячимъ поборникомъ гуманности, истиннаго патріотизма и подавляемой личности человѣка, какъ это мы и видѣли въ его отношеніяхъ къ крѣпостному праву, къ семьѣ, къ народу, къ войнѣ, къ женщинѣ. Насколько расширилось бы и опредѣлилось социальное развитіе Лермонтова, сказать, конечно, трудно, но что онъ становился съ годами серьезнѣе и глубже и сталъ работать надъ собой, въ этомъ убѣждаютъ насъ произведенія послѣднихъ лѣтъ его жизни. Не забудемъ, что, говоря о Лермонтовѣ, приходится имѣть дѣло съ его интимными юношескими тетрадами, съ подготовительными работами, набросками и планами, и только какими-нибудь четырьмя годами печатной дѣятельности.

XIII.

Указавъ въ общихъ чертахъ въ Лермонтовской поэзіи мотивы изъ русской жизни, независимо отъ Байрона, постараемся въ заключеніе нашего этюда опредѣлить, какимъ же представляется намъ значеніе Лермонтова теперь, черезъ цѣлыхъ полстолѣтій отъ его преждевременной смерти? Въ нашихъ выводахъ, какъ дѣлали и раньше, мы, главнымъ образомъ, будемъ основываться на томъ, что поэтъ считалъ достойнымъ печати самъ и что, независимо отъ значенія біографическаго и бібліографическаго, должно считаться священнымъ достояніемъ русской поэзіи.

Значеніе это, прежде всего, *эстетическое*, художественное, и не только для насъ, русскихъ, но и для литературы всемірной, общечеловѣческой*). Подобно великимъ европейскимъ поэтамъ—Гёте, Байрону, Гейне, Лермонтовъ обладалъ талантомъ геніальнымъ и, по мнѣнію такого компетентнаго критика, какъ Боденштедтъ, представляетъ интересъ не только для насъ,

*) Эстетическая оцѣнка поэта сдѣлана нами, главнымъ образомъ, на основаніи статьи Боденштедта, переведенной (въ статьѣ покойнаго М. М. Михайлова *Заметки о Лермонтовѣ въ Современн.* 1862 г.

но и для всего образованнаго міра. «Онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ, причеиъ высшее проявленіе этой народности, такой исключительной, чуждой Европѣ, какъ древне-русская въ *Письмѣ о купцѣ Калашниковѣ*, не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятнымъ для всѣхъ». «Въ этой поэмѣ видна поистинѣ Гомеровская вѣрность, сила и простота, почему пьеса производила сильнѣйшее впечатлѣніе во многихъ германскихъ городахъ, гдѣ ее въ переводѣ читали публично. Не меньшее художественное значеніе имѣетъ *Мцыри* и цѣлый длинный рядъ известныхъ всѣмъ пьесъ, превосходныхъ по образности, сжатости, опредѣленности и мелодичности точно выкованнаго стиха. То же должно сказать и о Лермонтовской прозѣ». «Лермонтовъ имѣетъ съ великими писателями всѣхъ временъ еще то общее, что творенія его вѣрно отражаютъ его время со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью, и что они имѣли въ виду бороться съ этими дурными особенностями и съ этою глупостью. Но нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ болѣе широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосыгаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу удовлетворить, въ одно и то же время, и естествоиспытателя, и эстетика, оставаясь вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей». «Рисуешь ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикою козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горныя аулы и лѣса Дагестана или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», или на коня, несущагося по, синей, безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвы,—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

«Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ - рѣкѣ, сцены битвы въ *Измаилъ-Бетъ*, картины вродѣ слѣдующей:

„Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она корни не знаетъ ледяной;
Цѣпей зимы и хлада не боится.
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между свѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!

Порою, как согнутое стекло,
 Меж длинных травъ, прозрачно и свѣтло
 По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
 Теряется во мракѣ, и надъ ней
 Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
 Пугливыхъ, сивыхъ, вольныхъ голубей...
 Зеленымъ жемчужникомъ покрыты,
 Надъ мрачной бездной гробовна плиты
 Висятъ и ждуть, когда замолкнетъ вой,
 Чтобы упасть и все покрыть собой.
 Напрасно ждуть онѣ! Волна не дремлетъ:
 Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
 Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь,
 И снова полетитъ въ далекій путь!“

„Или:

„Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
 Свернувъ душистые листья,
 Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
 Полузавядшіе цвѣты,
 И въ часъ урочный молчаливо
 Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
 Играетъ, тѣшится лѣнливо,
 И серебрится чешуя
 Надъ перегибистой спиною“ и т. д.

„Или такія мѣста, какъ-то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленной головой Лейлы:

„Послушный конь его, объятый
 Внезапно страхомъ неземнымъ,
 Храпитъ и пѣнится подъ нимъ;
 Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
 Грызетъ стальныя удила,
 Ни словъ, ни повода не слышитъ
 И мчится въ горы, какъ стрѣла...“

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній,—все это высочайшія красоты поэзіи“.

Пусть назовутъ намъ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно было бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ природою и населеніемъ этой своеобразной страны, чѣмъ изъ поэмъ Лермонтова или *Героя нашего времени*.

Та же художественная сила описаній отличаетъ и всѣ другія изображенія поэта, наприм., кулачный бой, описаніе зари надъ Москвою, картины битвъ, степи (*Три пальмы*), дѣвушки-контрабандистки. Эта изображительность соединяется у поэта съ необыкновенною простотою выраженія и чувствомъ мѣры, чему онъ научился у своего великаго предшественника, а также съ поразительною жизненностью и реальностью. При всей яркости и разнообразіи фантазіи, Лермонтовъ, что бы ни описывалъ, вездѣ остается, такъ сказать, на землѣ, давая воображенію вполне ясныя, опре-

всленныя представленія. При этомъ нельзя не обратить вниманія и на необыкновенную способность поэта рисовать одинаково хорошо словомъ, какъ расками, предметы самыя разнообразныя. И небо, и земля, и дикарь, и вѣтскій человѣкъ, и современникъ, и опричникъ, и купецъ шестнадцатаго вѣка, и мужчина, и женщина, и дитя, и греза фантазій,—все находитъ въ перстѣ живописца неопѣннаго, глубоко постигающаго человѣческое сердце, которое такъ сильно умѣетъ онъ трогать своею задушевностью. Во всемъ этомъ, какъ со стороны формы, языка стиха, такъ и со стороны художественной изобразительности, Лермонтовъ всегда остается для всѣхъ поэтовъ образцомъ, по которому необходимо учиться, и никто изъ нашихъ поэтовъ позднѣйшихъ по художественной силѣ не только его до сихъ поръ не превзошелъ, но даже къ нему и не приблизился.

Велико для насъ и до сихъ поръ остается значеніе Лермонтовской поэзіи *этическое*, въ смыслѣ подъема духа, неотразимаго вліянія этой поэзіи на душу, возбужденія въ ней стремленій къ лучшему, высшему, благороднѣйшему, что и составляетъ важнѣйшую задачу серьезнаго искусства. При своей способности объективироваться и трактовать сюжеты разнообразныя, это поэтъ вполне субъективный, оригинальный, цѣльный, всюду остающійся вѣренъ себѣ, никогда не примирающійся и не входящій въ компромиссы съ самимъ собою. Надъ всѣмъ, что бы онъ ни изображалъ, вездѣ царитъ глубоко-любящая человѣка и протестующая противъ зла, лжи и пошлости личность поэта. Всюду возстаетъ онъ противъ ничтожности, мелочности, эгоизма; зоветъ къ борьбѣ, и самую смерть предпочитаетъ примиренію. Не видя силы душевной и цѣльности натуры въ современникахъ, онъ ищетъ богатырей духа между дикарями Кавказа, въ эпохѣ Ивана Грознаго (*Бояринъ Орша*, *Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ*), въ герояхъ бородинскаго боя (*Бородино*: «Да, были люди въ наше время»), наконецъ, въ фантастическомъ *Демонѣ*, а найдя въ современномъ обществѣ одного Печорина, разоблачаетъ этого героя его собственнымъ дневникомъ, прямо говоря въ предисловіи къ роману: «Довольно людей кормили сластями, у нихъ отъ этого испортился желудокъ,—нужны горькія лѣкарства, вѣднія истины». Эти-то лѣкарства далъ поэтъ своимъ современникамъ въ такихъ, наприм., вещахъ, какъ *На смерть Пушкина*, *Дума* или *Герой нашего времени*. Этотъ-то неукротимый духъ Лермонтова, всегда зовущій къ борьбѣ со зломъ и безопасно разоблачающій красивую пошлость современнаго героя, и привлекаетъ особенно къ Лермонтову, даже предпочтительно передъ равнымъ ему по генію Пушкинымъ, который, все-таки, такъ или иначе, примирялся съ жизнью, уходя отъ нея такъ часто въ область чистаго искусства. Лермонтова называли въ нашей литературѣ мрачнымъ пессимистомъ; находили даже въ немъ мало любви при очень большой ненависти; говорили, будто онъ подрываетъ вѣру въ человѣка, разбиваетъ идеалы, наполняя душу однимъ отчаяніемъ. Но такое отношеніе къ поэту крайне ошибочно. Довольно вспомнить такія вещи, какъ обѣ молитвы, *Ребенку*, *Памяти Одоевского*, *Завѣщаніе*, *Слышу ли голосъ твой*, *Сосѣдъ*,

Ветка палестины, Когда волнуется, Оправданіе, Казбеку, Козачья тѣня, чтобы видѣть, какой неизякаемый источникъ безконечной любви, трогательной нѣжности таится въ душѣ этого глубоко несчастнаго чело-вѣка, клеймившаго позоромъ современное ему поколѣніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣвшаго въ дѣтяхъ, которыхъ онъ такъ любилъ, зарю лучшаго будущаго (*Ребенку, О презанъ юности, Я, мать Божія, Козачья ко-мбельная тѣня*).

А съ какою любовью относился Лермонтовъ къ женщинѣ и чего въ ней искалъ, нами уже указано. «Лермонтовская поэзія,—справедливо говоритъ г. Южаковъ въ своей статьѣ *Любовь и счастье въ русской поэзіи*,—дѣйствительно разбиваетъ прежнюю вѣру и прежніе идеалы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она поселаетъ въ душѣ такую жажду вѣры, такую потребность идеаловъ, какъ никакая идеалистическая поэзія, какъ никакая безмятежная вѣра». Въ этомъ-то страстномъ стремленіи къ свѣту, къ идеалу, при твердой убѣжденности въ неизмѣнномъ существованіи этого идеала, который, во что бы то ни стало, долженъ рано или поздно осуществиться, и заключается великое *этическое* значеніе Лермонтова не только для его современниковъ, но и для насъ самихъ. Какъ и они, мы еще и до сихъ поръ не только испытываемъ отъ Лермонтовской поэзіи высокое художественное наслажденіе, но и почерпаемъ въ ней вѣру въ вѣковѣчность добра и правды и силы для неустанной борьбы съ преходящимъ зломъ.

Не менѣе велико значеніе Лермонтова *историческое*. Явившись въ литературу въ годъ смерти Пушкина съ своею знаменитою одой, за которую онъ тотчасъ же и поплатился и которая была достойною увертюрой всей его дальнѣйшей кратковременной поэзіи, онъ былъ посредствующимъ звеномъ между поэзіей Пушкинской, высоко-художественной, но еще не вполне общественной и послѣдовательной во всей своей цѣлостности, и литературой писателей сороковыхъ годовъ съ единственнымъ болѣе крупнымъ, хотя и сильно дидактическимъ стихотворцемъ Некрасовымъ, развернувшимся, какъ и она, только съ наступленіемъ новаго царствованія. Появленіе Лермонтова одновременно съ Бѣлинскимъ, Кольцовымъ и Гоголемъ, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, указываетъ на историческую связь поэзіи съ назрѣвавшими въ обществѣ понятіями теоретическими, требовавшими строгой критики современности. Всѣ названные писатели отнеслись къ этой современности отрицательно. Бѣлинскій въ статьяхъ критическихъ указывалъ на несостоятельность литературы и на ея существенныя задачи. Кольцовъ въ пѣсняхъ оплакивалъ тщетные порывы къ свободѣ чувства, къ образованію, къ болѣе разумной жизни простолюдина, закрѣпощеннаго если не крѣпостнымъ правомъ, то мракомъ царящаго въ этой средѣ невѣжества. Гоголь, этотъ совѣтъ непосредственный самородокъ, горькимъ смѣхомъ смѣялся надъ пошлостью и деморализаціей преимущественно чиновничьей и помѣщичьей среды. Благодаря именно смѣху, который не вдругъ поняли,—смѣху надъ подьячими-чиновниками да оригинальными помѣщиками, надъ кѣмъ всѣ смѣялись, благодаря личнымъ свя-

зямъ,—Гоголю удалось высказаться наиболѣе полно и ясно, не подвергаясь, подобно Пушкину и Лермонтову, гоненію. Много помогло Гоголю также и нападеніе не столько на извѣстный порядокъ, на общественныя условія, сколько на нравственно-извращенную натуру человѣка вообще. Положеніе Лермонтова въ этотъ тяжелый историческій моментъ было несравненно болѣе трагическое. Онъ своею одой *На смерть Пушкина* открылъ картину сразу; но какъ ни пострадалъ отъ этого, однако, остался вѣренъ себѣ, продолжая бичевать общество и бросивъ ему въ лицо перчатку своею *Думой* и *Героемъ нашего времени*, на котораго слѣдуетъ смотрѣть только какъ на начало будущихъ твореній: поэтъ самъ обѣщаетъ написать вторую часть романа и въ послѣдній годъ жизни пишетъ *Сказку для дѣтей*. Положеніе его—и вообще какъ сатирика, и какъ опальнаго офицера особенно—было очень щекотливое, но онъ, все-таки, остался самимъ собою, продолжая работать надъ своимъ развитіемъ. Въ числѣ отрывковъ и бѣглыхъ пьесъ, переведенныхъ Боденштедтомъ съ рукописи, есть одна очень характерная, прямо указывающая на то, что поэтъ вполнѣ понималъ свое положеніе. «Одно милостивое слово,—говоритъ онъ,—одно слово раскаянія открыло бы мнѣ путь къ старой благосклонности. Но скорѣе я умру, чѣмъ скажу хоть одно слово, чтобы ложно спасти себя».

„Ein einziges Wort der Gnade,
Ein einziges Wort der Reue
Eröffnete mir der Pfade
Der alten Gunst auf's Neue.

Doch lieber zusammenbräche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh' ich ein Wort nur spräche
Durch Züge mich zu retten“.

И вотъ, вѣрный себѣ, какъ ни трудно было его положеніе, какъ ни кратковременна дѣятельность, Лермонтовъ, все-таки, какъ мы видѣли, представилъ яркую картину нашего интеллигентнаго общества, мужскаго и женскаго, какимъ оно было въ большинствѣ, и бичомъ своей сатиры заклеилъ его болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ, выставилъ на видъ его пустоту, лицемеріе, дрянность и зоологическія вождельнія. Въ этомъ смыслѣ онъ прямой продолжатель Пушкина въ его лучшихъ стремленіяхъ, какъ они выразились въ стихотвореніяхъ *Лицинію*, *Деревня*, *Евгеній Очумилъ*, *Дубровский*, въ *Истории села Горохина* и нѣкоторыхъ другихъ, — только продолжатель наиболѣе опредѣленный и яркій. Отсюда понятно, что въ произведеніяхъ Лермонтова, по словамъ А. Н. Пыпина, встрѣчали выраженіе своихъ чувствъ тѣ лишніе люди, которые съ своими порывами къ общественной дѣятельности, съ своими идеалами и стремленіями, даже съ своимъ образованіемъ находили себя совершенно чуждыми въ господствующихъ нравахъ». И если Гоголь указывалъ, на чемъ слѣдуетъ останавливаться писателямъ въ изображеніи быта нетронутой образованіемъ части Россіи, то Лермонтовъ довольно ясно указалъ на ничтожность и уродли-

вость интеллигентнаго большинства. Это-то большинство и стали представлять болѣе детально и подробно позднѣйшіе писатели—Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, гр. Л. Толстой, Салтыковъ и, какъ поэтъ-стихотворецъ, Некрасовъ. Послѣдній по таланту, конечно, стоялъ неизмѣримо ниже Лермонтова, но сходился съ нимъ по общему характеру скорби и отчасти темамъ, которыя, сообразно болѣе благоприятнымъ условіямъ времени, могъ разрабатывать гораздо свободнѣе. Отсюда такое сочувствіе къ Некрасову его современниковъ, видѣвшихъ въ немъ носителя лучшихъ своихъ думъ. Какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ, конечно, былъ сыномъ своего времени и носилъ въ себѣ многіе недостатки современниковъ, отразившіеся отчасти и на его поэзіи; но онъ имѣлъ передъ послѣдними, независимо отъ своего генія, то великое преимущество, что, воспитавшись и вращаясь между ними, остался вѣренъ въ своей поэзіи служенію высшимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ, подобно своему *Поэту и Пророку*, представляющимъ какъ бы предсмертный завѣтъ позднѣйшимъ писателямъ. Можетъ быть, негодующая скорбь Лермонтова, поддерживаемая и разжигаемая, какъ мы видѣли, обстоятельствами его жизни и мрачностью времени, и накладываетъ на общество иногда нѣсколько густыя краски; но не забудемъ того, что поэтъ успѣлъ выразиться по преимуществу какъ лирикъ, который всегда особенно страстно относится къ жизни. Въ этой-то лирикѣ видимъ мы даже особенное историческое значеніе Лермонтова: она дала могучій аккордъ, громогласно раздавшійся посреди общей тишины и молчанія и разбудившій современниковъ. Что же касается эпическаго и драматическаго дарованія поэта, то даже по тому немногому, что въ этихъ родахъ онъ успѣлъ дать (*Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ*, *Герой*, *Сказка*, драматическіе элементы въ поэмахъ, юношескихъ драмахъ и замыслахъ), то, несомнѣнно, у него было и оно, и мы потеряли въ немъ величайшаго національнаго генія, къ которому вполне примѣнимы слова его великаго учителя, что «умолившая лира» Лермонтова «гремучій, непрерывный звонъ въ вѣкахъ поднять могла» и что «его страдальческая тѣнь унесла съ собою въ могилу святую тайну; и для насъ погибъ его животворящій гласъ». Но если и погубили съ поэтомъ великіе замыслы, не успѣвшіе осуществиться, уже одного того немногаго, что отъ него намъ осталось, слишкомъ достаточно, чтобы всегда наслаждаться этою чудною поэзіей, независимо отъ времени, когда она создавалась, и съ благодарностью видѣть въ поэтѣ благороднаго выразителя идей и чувствъ лучшихъ изъ своихъ современниковъ.

Викторъ Острогорскій.

Тюремный міръ.

Есть на землѣ особыя, зачумленные уголки, въ которыхъ гнѣздится и особое, своеобразное населеніе, состоящее изъ различныхъ жизненныхъ незадачниковъ, у насъ, на Руси, справедливо называемыхъ «несчастненькии». Во всѣхъ государствахъ существуютъ уголки эти и имя имъ—тюрьмы. Въ нихъ, въ уголкахъ этихъ, склапываются отбросы общества, представляющіе собою вполне достойные плоды господствующихъ въ немъ отношеній, порядковъ и нравовъ.

Тюрьмы теперь почти повсюду сосредоточиваютъ на себѣ усиленное вниманіе. Вопросы ихъ становятся вопросами многоядныхъ международныхъ конгрессовъ и въ различныхъ мѣстахъ они получаютъ и различное усовершенствованное устройство, но вездѣ сохраняютъ и одинъ общій основной характеръ,—характеръ зачумленного, нечистаго мѣста, сопряженіе съ которымъ налагаетъ позорное клеймо. И немудрено. Значительная часть того, что не устояло въ современной ожесточенной жизненной борьбѣ, что искалѣчилось и испортилось ею, что сбилось съ прямаго пути, и, притомъ, нерѣдко наследственно сбилось,—все это скопцается въ тюрьмѣ и образуетъ собою ея своеобразное и несчастное населеніе.

Въ недавно вышедшей въ полномъ и законченномъ видѣ замѣчательной работѣ д-ра Лаугентъ *) мы находимъ прекрасное и обстоятельное описаніе этого населенія. Д-ръ Лаугентъ—врачъ центральной больницы парижскихъ тюремъ. Онъ долго и близко стоялъ къ тюремному населенію, приобрѣлъ его довѣріе, имѣлъ полную возможность тщательно изучать его и «выскрывать его совѣсть». Работа его отъ начала до конца изобилуетъ фактами, ясно свидѣтельствующими о богатствѣ опыта ея автора. Она—сбораніе фактовъ, ярко воспроизводящихъ особенности различныхъ категорій тюремнаго люда, мало еще извѣстнаго большой публикѣ.

Послѣдуемъ же за докторомъ Лаугентъ'омъ. Не торопясь пройдемъ по тюрьмѣ, заглянемъ въ ея различные уголки и кельи и попытаемся внимательно присмотрѣться къ ея подневольнымъ обитателямъ. Прогулка наша бу-

*) *Les habitués des prisons*. Paris, 1890.

деть весьма полезна и поучительна. Пришло время, когда, по справедливому замѣчанію автора, мы должны начать пользоваться нашими тюрьмами такъ, какъ мы давно уже пользуемся нашими госпиталями, служащими не только для леченія помѣщенныхъ въ нихъ, но, въ то же время, и для прогресса знанія, а чрезъ то и для улучшенія положенія человѣка.

Въ населеніи тюрьмы, которое теперь пройдетъ передъ нами, мы, прежде всего, подмѣтимъ двѣ основныя категоріи. Одна изъ нихъ постоянная и устойчивая: она состоитъ изъ истинныхъ гражданъ тюрьмы. Другая — измѣнчивая, какъ бы забѣглая и случайная. Входящіе въ нее считаютъ за собой по одному, много по два осужденія. Всѣ они болѣею частью люди очень сомнительной нравственности, но, побывавъ однажды въ тюрьмѣ, они рѣдко въ нее возвращаются и становятся болѣе осторожными. Лица первой категоріи, напротивъ, насчитываютъ за собой по двадцати, тридцати и болѣе предшествующихъ осужденій. Они «привычки» тюрьмы и выходятъ изъ нея только «на побывку». Нищенство, бродяжество, кражи, лишенія жизни, противонравственныя преступленія и пр. постоянно ихъ снова и снова приводятъ въ тюрьму. Они какъ бы predeterminedъ особенностями своего существа къ пороку и преступленію. Они нравственно помѣшанные или эпилептики, или вырождающіеся вообще, у которыхъ наблюдаются ненормальныя умственно-нравственныя состоянія — печальное слѣдствіе многочисленныхъ расстройствъ спино-головной нервной системы ихъ восходящихъ.

Здѣсь, въ тюрьмѣ, мы въ сферѣ наследственности. Дурная наследственность царитъ въ ней, и потому почти каждый преступникъ носить на себѣ многочисленныя наследственныя тары. Въ ряду его восходящихъ мы находимъ душевныя расстройства, эпилепсію, чаще истерію и неврозизмъ. Когда же нѣтъ налицо этихъ факторовъ, ищете алкоголизмъ. Будьте увѣрены, что въ девяти случаяхъ изъ десяти вы найдете его у одного изъ восходящихъ, а иногда и у обоихъ родителей вмѣстѣ. Алкоголь — это ужасный бичъ и могучій факторъ дурной наследственности. Онъ поражаетъ и вырождаетъ нервную систему, уничтожаетъ волю, физически и нравственно деградируетъ потомство, органически портитъ его и тѣмъ самымъ предрасполагаетъ къ пороку и преступленію. Немудрено поэтому, что тюрьма въ значительной своей части населена несчастнымъ потомствомъ алкоголиковъ. Вотъ здѣсь, наприм., одинъ изъ довольно шаблонныхъ случаевъ этого рода. Алкоголикъ отецъ. Онъ имѣетъ 5 несчастныхъ дѣтей. Старшій изъ нихъ самъ пьяница и крайне грубый и буйный человѣкъ. За собой онъ считаетъ уже три или четыре осужденія за пьянство и насилія. Младшій сынъ никуда негодный, бродяга и воръ, прошедшій чрезъ обыкновенныя и каторжныя тюрьмы. Въ его послужномъ спискѣ насчитывается до двѣнадцати осужденій и одно изъ нихъ — смертный приговоръ, устраненный помилованіемъ. Два другихъ сына также имѣютъ каждый отъ пяти до шести осужденій. Наконецъ, пятая дочь — жертва проституціи. И подобныя семьи въ потомствѣ алкоголиковъ вовсе не рѣдкость.

Въ формированіи населенія тюрьмы легочная чахотка также имѣетъ свою долю участія. Объдняя организацію, она нерѣдко бываетъ причиною появленія въ ряду нисходящихъ людей слабыхъ, оскудѣлыхъ, бѣдныхъ мускулами, умою и волей, и потому составляющихъ, при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ, сравнительно легкую добычу порока и преступленія.

Теперь поприсмотримся поближе къ двумъ основнымъ категоріямъ тюремнаго люда. Измѣнчивое и забѣглое населеніе тюрьмы составляется изъ «преступниковъ по случаю» и «случайныхъ преступниковъ». Одни на другихъ мало похожи. Первые подчиняются и увлекаются случаемъ. Они дѣйствуютъ быстро, безъ разсужденій, безъ предумышленія и безъ оцѣнки предпринимаемаго. Совершивъ его, они и сами поражаются сдѣланнымъ и отдаются раскаянію съ живостью. Главный недостатокъ этихъ часто во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ нормальныхъ и обладающихъ даже строгою совѣстью лицъ—*всегда запаздывающая* дѣятельность размысленія, запаздывающая оцѣнка совершаемаго. Вотъ, наприм., передъ нами одинъ изъ такихъ «преступниковъ по случаю». Это 18-ти лѣтній прекрасный рабочій, осужденный за кражу. Однажды онъ прогуливался съ своею молоденькою любовницею мимо плодоваго сада. «О, какія восхитительныя я, должно быть, вкусныя груши!»—воскликнула молодая дѣвушка. Восклицанія было вполнѣ достаточно. Влюбленный въ одно мгновеніе, безъ размысленій перелѣзаетъ черезъ заборъ, имѣя въ виду только одно удовольствіе своей возлюбленной. Онъ возвращается къ ней съ двумя прелестными грушами. Но, увы, онъ замѣченъ, пойманъ и осужденъ на три мѣсяца въ тюрьму. Здѣсь онъ предается раскаянію и неудержимому отчаянію, въ припадкѣ котораго однажды бросается со втораго этажа и переламываетъ себѣ руку.

Такіе преступники хотя иногда и приходятъ снова въ тюрьму, но за преступленія съ прежнимъ характеромъ, совершонныя подъ вліяніемъ того же недостатка ихъ существа, а иногда—за преступленія, являющіяся прямымъ слѣдствіемъ ихъ перваго осужденія.

«Случайные преступники», напротивъ, пользуются удобнымъ и соблазнительнымъ случаемъ. Они обдумываютъ и входятъ въ сдѣлку съ своею совѣстью, благо она у нихъ обыкновенно очень растяжима, что и составляетъ ихъ основной недостатокъ. Послѣ осужденія они не раскаяваются искренно и часто жалуются на несправедливость поразившаго ихъ приговора. Наказаніе не дѣлаетъ ихъ болѣе нравственными, но за то дѣлаетъ ихъ болѣе осмотрительными и осторожными и они уже рѣдко снова приходятъ въ тюрьму. Если же и послѣ наказанія они продолжаютъ, напротивъ, пользоваться представляющимися случаями, что бываетъ съ болѣе плохими натурами, то они легко становятся тогда «привычными преступниками» и заведомыми тюрьмы. Такія лица сначала обыкновенно бываютъ нерѣшительны. Они боятся, сдерживаются и сами не вызываютъ удобныхъ случаевъ. Въ это время они еще только дебютанты преступленія. Но привычка и навыкъ дѣлаютъ свое дѣло: совѣсть постепенно умолкаетъ и дур-

ныя склонности вполнѣ развиваются. Преступленіе постепенно становится ихъ повседневною работою и единственнымъ средствомъ существованія, и они тогда образуютъ уже категорію постоянного населенія тюрьмы.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой второй категоріи принадлежитъ бродягамъ и нищимъ, которые представляютъ много разновидностей. Однимъ изъ нихъ мѣсто вовсе не въ тюрьмѣ, а въ убѣжищахъ и богадѣльняхъ. Они постоянные тюремные жители только по странному недосмотру и злой ироніи судьбы. Это различные калѣки, лишенные средствъ зарабатывать свой скудный кусокъ хлѣба. Неминуемо осужденные на нищенство и бродяжество—ихъ единственное средство борьбы за жалкое существованіе—они вполнѣ дѣти несчастья.

Вторая часть образуется изъ самыхъ нелюбимыхъ и обдѣленныхъ пасынковъ природы. Это все люди, лишенные характера, энергіи, воли и пастойчивости. Ихъ умственные способности слабы и они не умѣютъ бороться за свое существованіе. Они опускаются и падаютъ при первой неудачѣ и не могутъ уже снова подняться. Они слабудушны, легкомысленны, инертны и вообще дурно вооружены для борьбы за жизнь. Неспособные, беспечные и безпорядочные работники, они повсюду терпятъ неудачи, легко падаютъ духомъ, пассивно подчиняются своей участи, испытываютъ всевозможныя лишенія и не знаютъ радостей. Разъ начавъ бродяжить и нищенствовать, они уже не перестаютъ потомъ и постоянно все снова и снова возвращаются въ свое наслѣженное мѣсто—тюрьму. Одни изъ нихъ дѣти нищеты, бездомовыя и заброшенныя дѣти улицъ большого города, которыя не знали заботы и любви, а иные—даже наслажденія полного желудка. «Я не знаю, что значить выпить чрезъ шѣру»,—печально говорилъ одинъ изъ нихъ. Другіе родились болѣе счастливо и прежде занимали болѣе выгодное жизненное положеніе. Но и они всегда были людьми безъ инициативы, безъ бодрости, людьми, живущими изо дня въ день. Наступила неудача и они пали подавленные. Ихъ бѣдной энергіи не хватило на подъемъ и они сошли въ ряды бродягъ и нищихъ, чтобы навсегда уже остаться въ нихъ. Нѣкоторые же пали вслѣдствіе перваго проступка, который закрылъ имъ двери и вызвалъ столь извѣстный отвѣтъ: «Намъ не нужно такихъ». Тогда и началось ихъ невольное бродяжество, попрошайничество, иногда и кражи, а затѣмъ шатанія по тюрьмамъ, въ которыхъ имъ суждено страдать и умереть.

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ и разсмотримъ нравственно-помѣшанныхъ и природенныхъ преступниковъ. Если нѣкоторые рождаются съ естественною склонностью къ добру, которая потомъ легко развивается и дѣлаетъ ихъ избранниками человечества, то другіе, напротивъ, рождаются съ столь же естественною и непреодолимою склонностью ко злу. Это и есть нравственно-помѣшанные и природенные преступники. Послѣдніе представляютъ собою самыя ужасныя фигуры въ средѣ преступнаго люда. Какъ бы печать отверженія—ужасное знаменіе Каина—отмѣчаетъ ихъ съ самаго ранняго дѣтства. «Вслѣдствіе движенія поступленій и выходовъ, я ви-

жу въ тюрьмѣ Santé около двадцати или тридцати преступниковъ ежедневно,—говоритъ авторъ,—и я не колеблюсь утверждать, что, по меньшей мѣрѣ, одинъ или двое изъ этого числа страдаютъ этимъ извращеніемъ нравственнаго чувства». Нравственно-помѣшанные и прирожденные преступники—это члены одной и той же семьи, сосѣднія звенья одной и той же цѣпи. Гдѣ начинается нравственное помѣшательство и кончается прирожденная преступность—сказать трудно. Крайніе типы сравнительно еще легко различимы. Однако, на ряду съ ними существуютъ и типы промежуточные, которые легко отнести къ той или другой категоріи. И обѣ онѣ слагаются изъ «вырождающихся наследственниковъ, изъ несчастныхъ, ввившихся на свѣтъ съ порокомъ въ крови», изъ «существъ, пораженныхъ нравственною слѣпотой». Такое утверждение, повидимому, противорѣчитъ распространеннымъ идеямъ. «Я вовсе не хочу,—отвѣчаетъ на это намъ авторъ,—вдаваться въ обсужденіе столь деликатнаго вопроса. Я наблюдалъ и теперь тщательно и точно передаю все, что видѣлъ. Тѣмъ хуже, если факты находятся въ противорѣчій съ циркулирующими идеями. Одинъ хорошо наблюденный и выясненный клиническій фактъ рѣдко можетъ быть неправъ предъ идеей, которая, притомъ же, чаще всего опирается только на метафизическія разсужденія».

Въ животномъ царствѣ наблюдаются сходные факты. Извѣстно, что нѣкоторыя лошади представляютъ особое дурное образованіе носа. И у всѣхъ такихъ лошадей можно почти навѣрное встрѣтить столь дурные инстинкты, что арабы отказываются пускать ихъ въ свои табуны. Выстѣ съ дурнымъ образованіемъ носа такія лошади наследственно передаютъ и свои пороки. Тоже и человекъ. Онъ наследственно передаетъ своему потомству свои болѣзни, свои черты лица, красоты и недостатки своего тѣла. Почему же бы онъ не передавалъ ему и мозгъ, анатомически и физиологически похожій на свой собственный, а вслѣдствіе того—и свои инстинкты, свои страсти и пороки?

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ занимающихъ насъ странныхъ лицъ. Въ немъ трудно рѣшить, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Это нѣкто В. Онъ всегда отличался лѣнью и угрюмымъ, предательскимъ характеромъ. Съ самаго ранняго дѣтства В. любилъ истязать домашнихъ животныхъ и жестоко обращался съ своими младшими сестрами и братьями. Однажды, заманивъ одного маленькаго мальчика въ уединенное мѣсто, онъ беспощадно сѣкъ его, жестоко укусилъ, царапалъ ему руки и тѣло и грозилъ убить принесеннымъ ножомъ. Послѣ того онъ началъ украдкой рѣзать горла и тѣмъ убивать лошадей своихъ сосѣдей, которые очень боялись его и не были спокойны за свой скотъ. Уличенный однажды, онъ былъ осужденъ на годъ въ тюрьму. Когда кончился срокъ заключенія и В. получилъ свободу, тогда, немного спустя, онъ сдѣлалъ попытку задушить своего груднаго брата, а вскорѣ потомъ укралъ у отца значительную сумму денегъ, за что и былъ снова осужденъ на семь лѣтъ въ тюрьму. Отбывъ наказа-

ніе, онъ поступилъ въ полкъ, гдѣ утопилъ непонравившуюся ему казенную лошадь въ болотѣ и потомъ дезертировалъ изъ службы.

Однажды впоследствии онъ увидалъ у отца обильно текущую изъ пораненной руки кровь. В. при этомъ сильно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, сдѣлался безпокоенъ и нервенъ, а слѣдомъ за тѣмъ пробрался на сосѣднюю ферму, гдѣ и зарѣзалъ лошадь. Опасаясь ответственности, онъ спрятался въ лѣсу и здѣсь случайно повстрѣчалъ молоденькую дѣвушку. Онъ изнасиловалъ ее и за это былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, однако, была замѣнена для него пожизненнымъ заключеніемъ. Черезъ 10 лѣтъ онъ былъ помилованъ и выпущенъ на свободу. Возвращаясь къ роднымъ изъ тюрьмы, онъ по дорогѣ убилъ лошадь въ стадѣ, при чемъ страшно изуродовалъ ее.

На этотъ разъ, въ виду странности его преступленія, В. былъ признанъ сумасшедшимъ и помѣщенъ въ асиль. Здѣсь онъ убивалъ животныхъ и птицъ, кастрировалъ одного слабоумнаго, другому прокололъ вилкой животъ, искусалъ ему все тѣло и приучилъ многихъ больныхъ къ отвратительному пороку. Бѣжавъ, наконецъ, изъ заведенія, онъ сдѣлалъ попытку изнасилованія.

Несмотря на свое звѣрство, В. всегда былъ большимъ трусомъ и нападалъ только на слабѣйшихъ. Кромѣ своихъ извращенныхъ дѣйствій, вытекавшихъ у него изъ его врожденной жестокости и любви къ крови, какъ у тигра, онъ не представлялъ ничего особеннаго.

Другіе экземпляры, выводимые авторомъ въ качествѣ нравственно-пожѣшанныхъ и прирожденныхъ преступниковъ, не лучше этого. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, наприм., — а все его поведеніе вполне подтверждали слова, — что существованіе человѣка для него ничего не значитъ. «За сто су (5 франковъ) я не задумаюсь, — говорилъ онъ, — перерѣзать горло любому буржуа». Другой прямо признавался, что онъ любитъ кровь. Этотъ за папирску или стаканъ вина охотно продавалъ себя своимъ сотоварищамъ для удовлетворенія ихъ грубыхъ страстей. Наказанія по отношенію къ такимъ субъектамъ не оказывали никакого вліянія. Крайній эгоизмъ, жестокость, отсутствие всякаго сочувствія къ людямъ и всякаго нравственнаго чувства, — вотъ что ярко отмѣчало всѣхъ этихъ несчастныхъ выроdkовъ. «Если бы хотѣли представить идею схемою, — замѣчаетъ по этому поводу авторъ, — то можно бы сказать съ достаточною степенью точности, что область преступленія представляетъ собою треугольникъ, двѣ стороны котораго образуются привычкою ко злу и отсутствіемъ нравственнаго чувства. Двѣ эти стороны пересекаются въ вершинѣ, занятой вырожденіемъ, а двѣ другія оконечности тѣхъ же сторонъ соединены алкоголемъ, который служитъ основаніемъ и линіей соединенія».

Кромѣ прирожденныхъ преступниковъ, людей вполне несоціальныхъ, тюрьма заключаетъ въ себѣ не мало и другихъ разновидностей вырожденія, отмѣченныхъ дурною наследственностью. Нервность и истерія со

стороны матери, эпилепсія, помѣшательство, а, главное, алкоголизмъ со стороны отца—вотъ наиболѣе часто наблюдаемыя явленія. «Это мой дѣдъ заставилъ меня выпить мой первый стаканчикъ бирша (вишневая водка), желая, чтобы въ семьѣ были только карманники,—говаривалъ одинъ изъ такихъ вырождающихся.—И вотъ съ тѣхъ поръ я принялся молодецки пить вино, пиво, водку и абсентъ»,—прибавлялъ онъ иронически. За собою онъ насчитывалъ уже болѣе 30 осужденій за пьянство, нищенство, бродяжество, кражи и нанесеніе побоевъ и ранъ. Его дѣдъ, отецъ и всѣ братья также были пьяницы. Послѣдніе начали пить съ самаго ранняго возраста. Самъ онъ никогда ни чему не могъ научиться, хотя и долго посѣщалъ школу. Онъ признаетъ, что онъ негодяй вполнѣ. «Это у меня наследственное»,—поясняетъ онъ при этомъ съ цинизмомъ.

Всѣ эти выродки приносятъ на свѣтъ болѣе или менѣе рѣзко выраженные состоянія аномальности и неизгладимую печать своего несчастнаго происхожденія—различныя физическія тары и стигматы. Переходя изъ обыкновеннаго госпиталя въ тюрьму, вы невольно поражаетесь рѣзко бросающимся въ глаза различіемъ. Даже въ азіяхъ для душевно-больныхъ не встрѣчается большаго скопленія отмѣтокъ органическаго регресса. Всевозможныя дурныя образованія и аномаліи черепа у преступниковъ наблюдаются замѣчательно часто. Къ этимъ неправильностямъ присоединяются и частыя неправильности въ образованіи лица—его ассиметрія, неправильное положеніе носа, прогнатизмъ, часто встрѣчаемый и у проституттокъ, и проч. Весьма часто наблюдается также дурное образованіе и дурная постановка ушей и зубовъ. У нѣкоторыхъ мужчинъ замѣчается чрезмѣрное развитіе груди, а на ряду съ этимъ наблюдается нѣкоторая женственность и низшая степень умственныхъ способностей, спускающаяся часто до слабоумія. Особенно важное проявленіе физическаго вырожденія, нерѣдко наблюдаемое у преступниковъ,—общая задержка въ развитіи и зависящій отъ того почти дѣтскій внѣшній видъ. Имѣющіе 18 или 20 лѣтъ кажутся по своему развитію имѣющими не болѣе 14 или 15 лѣтъ. У таковыхъ умственное развитіе часто запаздываетъ настолько же, насколько и развитіе физическое. Это слабыя души въ слабыхъ тѣлахъ. Они уступаютъ безъ сопротивленія и рѣшительно неспособны реагировать противъ дурныхъ вліяній и совѣтовъ.

Неправильное образованіе и аномаліи конечностей, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ, между преступниками встрѣчаются также нерѣдко. Частыя аномаліи у нихъ представляетъ и двигательная сфера. Уклоненія въ ней являются у нихъ слѣдствіемъ прирожденнаго недостатка уравновѣшенности въ дѣятельности нервныхъ центровъ. Одни изъ нихъ дѣйствуютъ чрезмѣрно сильно, а другіе—чрезмѣрно слабо, вслѣдствіе чего и зависящіе отъ нихъ и приводимые ими въ движеніе мускулы легко ускользаютъ изъ-подъ вліянія воли.

Всѣ эти и многія другія аномальныя особенности физической организаціи не суть, однако, спеціальныя особенности, наблюдаемыя у престу-

никовъ. Напротивъ, это общія проявленія физическаго вырожденія, которыя особенно часто встрѣчаются между преступниками, какъ вырождающимися по преимуществу.

Но что такое вырожденіе? По опредѣленію Morel'я, оно есть болѣзненное уклоненіе отъ первоначальнаго типа. Magnan дополняетъ и тѣснѣе обограничиваетъ это опредѣленіе. Согласно его взгляду, вырожденіе представляетъ большее или меньшее, смотря по различію случаевъ, накопленіе въ наслѣдственномъ прошломъ субъекта разстройствъ cerebro-спинальной нервной системы, наклонныхъ вліять на особенности потомства.

Такимъ образомъ, вырождающийся есть индивидуумъ, который, вслѣдствіе вліянія прошлаго, приноситъ съ собою на свѣтъ еще при рожденіи особыя органическія условія и аномальныя состоянія, которыя налагаютъ на него неизгладимую печать. Все его существо затропуто. Съ физической стороны масса стигматъ, указывающая съ перваго же взгляда на его болѣе низшую организацію: дурныя образованія, задержки въ развитіи, гипертрофій, атрофій и даже исчезновеніе нѣкоторыхъ органовъ. Со стороны нравственно-умственной не меньшее скопленіе соотвѣствующихъ психическихъ стигматъ, проявляющихся всевозможными душевными уклоненіями, странностями и прорѣхами.

Въ тюрьмахъ изъ вырождающихся наиболѣе часто встрѣчаются оскудѣлые, затѣмъ высшіе вырождающіеся и, наконецъ, слабоумные. Тюрьмы наполнены оскудѣлыми, которые представляютъ собою существа рѣшительно неспособныя къ сосредоточиваюу вниманія и къ усиліямъ. Они лишены воображенія, обдѣлены со стороны умственныхъ способностей и пассивно подчиняются внушеніямъ другихъ. Таковъ, наприм., нѣкто D. Онъ происходитъ отъ отца-пьяницы и матери, женщины очень легкаго поведенія. D. всегда испытывалъ отвращеніе къ женщинамъ и чувствовалъ влеченіе только къ субъектамъ собственнаго пола. Онъ отличается крайнею лѣзвю и усиленною склонностью къ пьянству и лжи. Онъ самъ заявляетъ, что готовъ сдѣлать все, что угодно, лишь бы ему дали денегъ за то. Онъ уже насчитываетъ нѣсколько осужденій за пьянство, кражи и драки.

Высшіе вырождающіеся, отмѣченные недостаткомъ уравновѣшенности, напротивъ, встрѣчаются въ тюрьмахъ сравнительно не часто. Они хорошо одарены отъ природы и ихъ странности гораздо чаще приводятъ ихъ въ азіли для душевно-больныхъ. Типичнымъ примѣромъ ихъ можетъ служить нѣкто F., попавшій въ одну изъ парижскихъ тюремъ за покушеніе на карманную кражу въ театрѣ. F.—карманникъ-артистъ. Онъ любитъ воровство для воровства. Онъ любитъ его такъ, какъ другіе любятъ музыку, поэзію и пр. Онъ происходитъ изъ очень достаточной семьи въ Пенсильваніи и по своему семейному положенію могъ бы жить очень счастливо и безъ малѣйшей нужды. И, тѣмъ не менѣе, съ 15 лѣтъ онъ живетъ только кражами. Послѣ смерти своего отца онъ пустился въ путешествія по Европѣ и Америкѣ, имѣя лишь 15 лѣтъ отъ роду. Вездѣ онъ отличался большими странностями, вездѣ безъ удержу бѣгалъ за женщинами и пьянствоу.

валъ. Въ Китаѣ онъ курилъ опиумъ до опьяненія, а возвратясь въ Европу, замѣнилъ его морфіемъ. F. говорить на нѣсколькихъ языкахъ; онъ достаточно образованъ и очень одаренъ отъ природы.

Болѣе рѣдки въ тюрьмахъ вполнѣ слабоумныя—существа по преимуществу инстинктивныя и импульсивныя. Ихъ полная душевная несостоятельность слишкомъ уже рѣзко выражена и потому они большею частью попадаютъ на свое мѣсто — въ пріюты для душевно-больныхъ. Но случается иногда, что и эти явно-несовершенные люди помѣщаются въ тюрьмы и обитаютъ въ нихъ. Таковъ, наприм., нѣкто L. Онъ происходитъ отъ душевно-больнаго отца и уже пять разъ осужденъ за нищество, а въ шестой разъ за оскорбленіе общественной нравственности. Это человекъ съ обезьяньимъ лицомъ, съ вдавленнымъ лбомъ, съ выдающимися впередъ челюстями и со многими другими рѣзко выраженными признаками вырожденія. Его умственныя способности чрезвычайно слабы, говорить онъ очень медленно и неясно, не умѣетъ ни читать, ни писать и въ жизни имѣетъ только двѣ страсти — бутылку и билліардъ. За пять франковъ онъ продалъ себя для отвратительнаго порока и однажды открыто предавался ему на улицѣ, подъ окнами одного дома. Объ этомъ онъ всегда говорилъ по томъ съ циническимъ смѣхомъ, какъ о самомъ обыденномъ дѣлѣ.

Разнообразные эпизодическіе синдромы, описанные у вырождающихся иромъ Магнап'омъ и его учениками, встрѣчаются въ тюрьмахъ довольно часто, хотя и рѣдко обращаютъ на себя вниманіе окружающаго персонала. Такова, наприм., неодолимая патологическая боязнь открытыхъ пространствъ или агарофобія. Таковы же и различныя извращенія полового чувства, нерѣдко порождающія невыносимые характеры и отвратительныя страсти. Будучи заносимы въ тюрьмы, эти страсти вызываютъ ужасающее извращеніе въ средѣ ихъ населенія.

Эпилептики, которые по преимуществу суть личности выраждающіяся, въ тюрьмахъ встрѣчаются въ весьма большомъ числѣ. Здѣсь они представляютъ всѣ тѣ же формы и фазы, какія наблюдаются у нихъ и въ пріютахъ для душевно-больныхъ. И тамъ, и тутъ они мало отличаются другъ отъ друга. Эпилепсія во всѣхъ своихъ формахъ оказываетъ могущественное вліяніе на характеръ и въ промежутки между приступами. Эпилептики поэтому отличаются крайнею впечатлительностью и раздражительностью всей нервной системы, не выключая и нервной системы растительной жизни, порождающей, подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующихъ стимуловъ, массу чрезвычайно неприятныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, изъ которыхъ и слагается самочувствіе эпилептиковъ, отмѣченное нерѣдко и злобнымъ отѣтникомъ. Значительная склонность ихъ нервно-кровеносной системы къ безпорядочнымъ распредѣленіямъ крови въ мозгу и къ чрезмѣрнымъ ея скопленіямъ и приливамъ часто влечетъ за собой большую или меньшую степень потемнѣнія и утраты сознанія и слѣсныя и неупорядоченныя разряженія скопившагося раздраженія. «Большинство эпилептиковъ, по словамъ Шюле, представляютъ оссбый складъ ума и настроенія. Ихъ характеру присуща болѣзненная веныль-

чивость, которая, подобно конвульсивной судорогѣ, неудержимо влечетъ къ двигательному разряженію, по большей части въ формѣ насилія. Это угрюмые, подозрительные, нравные люди, живущіе въ разладѣ сами съ собой; при ближайшемъ ихъ изслѣдованіи обыкновенно оказывается, что совершенныя ими преступныя дѣянія—причина ихъ помѣщенія въ тюрьму, несмотря на кажущуюся свободу рѣшеній, почти всегда бываютъ совершены подъ вліяніемъ эпилептического состоянія или того состоянія, которое Krafft-Ebing называетъ «сумеречнымъ состояніемъ эпилепсіи».

Въ средѣ эпилептиковъ тюрьмы весьма часто встрѣчаются осужденные за періодическія и рѣшительно необъяснимыя кражи, которыя удивляютъ даже ихъ самихъ. Вотъ, наприм., одинъ изъ такихъ странныхъ воровъ, нѣкто В. Онъ сынъ пьяницы и имѣетъ сестру эпилептичку. Онъ началъ страдать эпилепсіей съ десяти лѣтъ. Съ самаго дѣтскаго возраста онъ испытывалъ какую-то странную потребность воровать. Сначала онъ воровалъ игрушки, а потомъ сталъ воровать все, что только попадалось ему подъ руку, по большей части предметы, вовсе не имѣющіе цѣнности и для него совершенно бесполезныя. Онъ уже подвергся двумъ осужденіямъ за кражи съ магазинныхъ выставокъ какихъ-то бездѣлицъ, которыя онъ и не утилизировалъ вовсе.

Между эпилептиками нерѣдко встрѣчаются осужденные за оскорбленія общественной нравственности и, притомъ, отличающіеся такимъ же страннымъ характеромъ. Но особенно часто встрѣчаются осужденные за преступления, совершенныя подъ вліяніемъ эпилептическихъ импульсовъ или неудержимыхъ влеченій, повторяющихся отъ времени до времени и представляющихъ родъ душевной судороги.

Истерія вовсе не представляетъ собою болѣзнь однѣхъ только женщинъ, какъ это показываютъ новѣйшія изслѣдованія. Она часто поражаетъ и мужчинъ и имѣетъ своихъ представителей, и, притомъ, повидимому, довольно нерѣдкихъ, въ тюремномъ населеніи. Истерикъ вообще—это протей, представляющій разнообразныя метаморфозы. Онъ существо душевно-подвижное, измѣнчивое, беспорядочное, чрезвычайно живое, крайне легковѣрное, легко увлекаемое и удивительно легко поддающееся проходящимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Истерикъ весьма склоненъ ко всевозможнымъ эксцентричностямъ; онъ любитъ всякій шумъ, стремится заставить говорить о себѣ и приобрести извѣстность какою бы то ни было цѣной. Таковъ истерикъ вообще, таковъ онъ и въ тюрьмѣ.

Вслѣдствіе особенностей своего существа, истерики рѣдко дѣйствуютъ одни и имъ рѣдко принадлежитъ инициатива преступления. Они обыкновенно легко увлекаются и подчиняются людямъ съ болѣе сильною волей. Въ тюрьмѣ они остаются людьми странными и недисциплинированными, а потому и вносятъ съ собой беспорядки и ссоры и оказываютъ дурное вліяніе на своихъ сотоварищей. Наказанія дѣйствуютъ на нихъ эфемерно; они быстро забываютъ ихъ и снова принимаются за старое. Какъ личности

слабовольныя, легковѣрныя, необдуманныя и легко увлекаемыя, они становятся въ свою очередь игрушкой и забавой для своихъ сотоварищей, которые натапливаютъ ихъ на тѣ или другіе дурныя поступки. Въ тюрьмахъ истерики только портятся. Они выйдутъ изъ нихъ гораздо худшими, потому что ихъ дурныя особенности въ развращенной тюремной средѣ легко получаютъ усиленное развитіе.

Преступники и въ особенности тюремные обитатели,—что бы тамъ ни говорили, — доставляютъ сумасшествію гораздо бѣдшій контингентъ, нежели прочіе люди. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вырождающіеся эпилептики, истерики и алкоголики образуютъ собою наибольшую часть тюремнаго населенія. А, вѣдь, все это лица чрезвычайно предрасположенныя къ бредовымъ явленіямъ, особенно подъ вліяніемъ потрясеній, обыкновенно сопровождающихъ совершеніе преступленія и его раскрытіе.

Явленія душевнаго расстройства, однако, мало обращаютъ на себя вниманіе тюремной администраціи. «На три случая сумасшествія,—говоритъ д-ръ Laurent,—самое большее, если одинъ замѣчается и регистрируется въ официальной статистикѣ. Остальные же остаются незамѣченными. Вначалѣ я указывалъ на нихъ администраціи, но мнѣ отвѣчали: «Оставьте насъ въ покоѣ; это васъ не касается». Аргументъ не допускалъ возраженій и несчастные въ тюрьмѣ заканчивали свое наказаніе. А сколько еще случаевъ ускользало отъ меня!»

По большей части бываетъ, что человекъ, казавшійся прежде здоровымъ и представлявшій только нѣкоторыя, мало замѣчавшіяся странности характера, вдругъ совершаетъ то или другое преступленіе. Его арестуютъ и доставляютъ въ тюрьму, гдѣ и замѣчаютъ потомъ иногда, что имѣютъ дѣло съ помѣшаннымъ, бѣдзнь котораго и констатируется впослѣдствіи экспертизой. Въ другихъ случаяхъ чаще всего вырождающіяся или оскудѣлыя личности, прежде проявлявшія лишь нѣкоторыя странности характера или слабость умственныхъ способностей, вдругъ уступаютъ неодолимому влеченію къ убійству или поджогу и совершаютъ преступленіе. И только уже потомъ, въ тюрьмѣ, обнаруживается ихъ ненормальное душевное состояніе. Случается также, что вполне помѣшанные совершаютъ преступленія и во время суда не подвергаются достаточному изслѣдованію. Они доставляются въ тюрьму и здѣсь отбываютъ свое наказаніе. Надо замѣтить, что очень большое вліяніе оказываютъ условія перваго столкновенія съ правосудіемъ. Если ненормальное состояніе было замѣчено сразу и вызвало помѣщеніе въ пріютъ для душевно-больныхъ, то и при послѣдующихъ обвиненіяхъ по большей части повторяется то же самое. Напротивъ, незамѣченные при первомъ осужденіи, душевно-больные часто всю жизнь потомъ посѣщаютъ тюрьмы. Бываетъ также, что бредъ впервые развивается уже въ самой тюрьмѣ. Это обыкновенно случается съ лицами, предрасположенными, подъ вліяніемъ испытаннаго ими потрясенія.

Въ тюрьмахъ преимущественно наблюдается бредъ мрачнаго характера. Меланхолики, преслѣдуемые и гипохондрики—вотъ наиболѣе часто встрѣчаемые типы.

Алкоголь, какъ уже замѣчено выше, парализуетъ мозговыя функціи. Онъ уничтожаетъ волю и даетъ просторъ раздражительности, дурнымъ инстинктамъ и импульсамъ. Немудрено поэтому, что алкоголики чрезвычайно многочисленны въ тюрьмахъ. Конечно, не всѣ алкоголики становятся преступниками, но всѣ легко могутъ стать ими. «Я не колеблюсь сказать,—замѣчаетъ д-ръ Laurent,—что на десять преступниковъ восемь суть алкоголики. И говоря восемь, я несомнѣнно говорю слишкомъ мало. Воздержанный преступникъ, по моему мнѣнію, птица счель рѣдкая».

Особенно вредное вліяніе производитъ алкоголь, когда онъ воздѣйствуетъ на подготовленную почву,—почву вырожденія. Въ этихъ случаяхъ ядъ доканчиваетъ нравственную деградацию, начало которой заложено наследственной передачей. Поэтому алкоголь въ соединеніи съ вырожденіемъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ въ этиологіи преступленія.

Алкоголики совершаютъ преступленія и приходятъ въ тюрьму во всѣ періоды отравленія ядомъ. Но наиболѣе многочисленные въ тюрьмахъ алкоголики хроническіе. Между ними встрѣчаются достигнушіе той степени физическаго паденія и душевнаго озвѣренія, при которой наблюдается полное уничтоженіе всѣхъ нравственныхъ чувствъ. Впавшіе въ такое состояніе не могутъ уже объяснить мотивовъ своихъ беспорядочныхъ влеченій. Они предаются неупорядоченному и безцѣльному бродячеству и ихъ существованіе протекаетъ тогда въ самой ужасной апатіи и душевномъ индифферентизмѣ, причѣмъ волевыя дѣйствія замѣщаются у нихъ тупымъ автоматизмомъ. Таковъ, наприм., нѣкто А. Онъ сынъ пьяницы и самъ сталъ неупорядоченнымъ пьяницей еще въ ранней молодости. Послѣ возвращенія изъ военной службы онъ отличался самымъ дурнымъ поведеніемъ. За свое разнузданное пьянство онъ былъ изгояемъ отовсюду и впоследствии сталъ бродячимъ пѣвцомъ. По мнѣнію А., «дѣйствительное средство быть счастливымъ, это—быть постоянно пьянымъ». А. насчитываетъ по меньшей мѣрѣ 24 осужденія за кражи, нищенство, бродячество, пьянство и буйство. Онъ озвѣрѣлъ вполне и никогда не проявляетъ никакого раскаянія. Его отвѣты поражаютъ своимъ возмутительнымъ цинизмомъ. Его взглядъ представляется отупѣлымъ, и силы его въ крайнемъ упадкѣ. Онъ съ трудомъ понимаетъ то, что ему говорятъ, а его собственная рѣчь очень медленна и затруднена.

Объ одномъ общемъ преступномъ типѣ говорить, очевидно, нельзя. Въ тюрьмѣ существуютъ «преступные типы, болѣе или менѣе характерные, но ни въ какомъ случаѣ не специфическіе». Поэтому если и можно говорить о преступникѣ вообще, то весьма относительно,—въ смыслѣ наиб-

лѣе часто встрѣчаемаго большинства. Въ этомъ смыслѣ «преступники вообще» представляютъ и нѣкоторыя общія особенности, о которыхъ мы и скажемъ теперь.

Размѣръ головы у преступниковъ вообще меньше средней нормальной величины. Лица ихъ невольно поражаютъ почти всякаго нѣкоторою особенностью и взаимнымъ, какъ бы родовымъ сходствомъ. Последнее есть слѣдствіе скопленія вишнихъ стигматъ физическаго вырожденія, рѣзко бросающагося въ глаза и обыкновенно не встрѣчающагося у нормальныхъ людей. Вообще лица преступниковъ, въ большинствѣ случаевъ, отличаются своею некрасивостью: они неправильны и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ гармоніи. Даже лица, представляющія исключеніе, отличаются тою же неправильностью и тѣмъ же недостаткомъ гармоніи. Они могутъ нравиться только людямъ съ мало развитымъ вкусомъ.

Въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ преступники не представляютъ однообразія. Нѣкоторые изъ нихъ весьма индифферентны и рѣшительно предпочитаютъ наслажденія кабака наслажденіямъ любви. Другіе, напротивъ, проявляютъ слишкомъ преждевременное развитіе и чрезмѣрную повышенность инстинкта. Девять десятыхъ этихъ послѣднихъ ищутъ только самыхъ грубыхъ удовольствій и не разбираютъ въ женщинѣ ни ея лѣтъ, ни ея красоты. Они видятъ въ ней исключительно самку и больше ничего. Въ тюрьмѣ они предаются самымъ ужаснымъ порокамъ и для этой цѣли отыскиваютъ между своими сотоварищами проститутокъ-мужчинъ. Другіе находятъ себѣ лицъ съ извращенными проявленіями, которыхъ не мало въ тюрьмѣ и которые практикуютъ въ ней самый ужасный развратъ. Нѣкоторые же сами развращаютъ еще молодыхъ и неопытныхъ и съ ними завязываютъ связи, продолжающіяся иногда и по выходѣ изъ тюрьмы.

Умственные способности громаднаго большинства преступниковъ значительно ниже средняго уровня. Между ними очень много такихъ, которые никогда ничему не могли выучиться и которые, несмотря на прохожденіе школы, не умѣютъ ни читать, ни писать. «У меня тугая голова», — поясняютъ нѣкоторые изъ нихъ. Вылающимъ умственнымъ порокомъ преступниковъ является недостатокъ послѣдовательности въ идеяхъ, недостатокъ уравновѣшенности въ концепціяхъ, а вслѣдствіе того, удивительная непредусмотрительность — неизбѣжный результатъ необдуманности. Припомнимъ, напримѣръ, поистинѣ безумную и губившую многихъ изъ нихъ откровенность по отношенію къ первому встрѣчному.

Вслѣдствіе своей непредусмотрительности, преступники не суть люди завтрашняго дня. Они живутъ изо дня въ день и проводятъ жизнь въ полной безпечности, которая дѣлаетъ ихъ неспособными успѣшно бороться и что-либо предвидѣть.

Воображеніе у преступниковъ чрезвычайно мало развито и потому слабо, что весьма ярко проявляется въ тюремной литературѣ. Даже восхвалявшіеся приемы ихъ хитрости настолько же древни, какъ и сама тюрь-

на. Преступники очень рѣдко выдумываютъ что-либо новое. По большей части они пользуются старымъ и заѣзженнымъ. Тюремныхъ надзирателей съ ихъ по большей части, низкимъ уровнемъ развитія вполне достаточно, чтобы разгадывать ихъ хитрости, обдумывавшіяся нерѣдко въ теченіе долгаго времени.

Чувство симпатіи къ людямъ у преступниковъ представляется вполне истощеннымъ. «Я убиваю человѣка, какъ я выпиваю стаканъ вина», — говорилъ Ласепаиге. Это, конечно, отчасти хвастливая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во многомъ и глубоко правдивая фраза. Припомнимъ, напримѣръ, хотя бы Boutellier. Убивъ свою мать 50-ю ударами ножа, онъ почувствовалъ себя усталымъ, легъ около нея и спокойно уснулъ.

За то различныя сильныя страсти, вытекающія изъ дурныхъ инстинктовъ, вполне владѣютъ преступниками и вполне свободно пробиваются наружу. Отсюда и проистекаетъ внутренняя борьба, постоянно наполняющая ихъ душу и порождающая ихъ крайнее непостоянство и измѣнчивость: сегодняшній искренній другъ безъ всякой достаточной причины становится заклятымъ врагомъ на завтра. По основной пороку преступниковъ — ихъ непреборимая лѣнь. Она является у нихъ основаніемъ множества другихъ пороковъ. «Я часто пробовалъ, — такъ рассказывалъ одинъ изъ нихъ, — но я не могу; работа убиваетъ меня».

Въ глаза опасности они не умѣютъ смотрѣть. По большей части это подлые и трусливыя натуры, дрожація при всякомъ представленіи о боли и страданіи. Тѣмъ не менѣе, громаднѣйшее большинство изъ нихъ до крайности тщеславно и хвастливо. Они нерѣдко кичатся своими мнимыми ужасными злодѣяніями, желая казаться героями хоть преступленія.

Воля у значительнаго числа преступниковъ представляется одной изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ ихъ существа. Она поистинѣ больна у нихъ. У однихъ замѣчается полная недостаточность волевыхъ импульсовъ. Это натуры инертныя, неподвижныя и лишеныя всякой инициативы. У другихъ, напротивъ, наблюдается недостатокъ координаціи и задерживающей способности, слѣдствіемъ чего является значительная импульсивность и автоматизмъ. Существуетъ, наконецъ, и третья категорія, состоящая изъ лицъ не способныхъ къ внимательности и обдуманности, а потому и къ необходимому самоуправленію въ своихъ дѣйствіяхъ.

Совѣсть у большинства преступниковъ совѣсть нѣма. Голосъ ея или не раздавался вовсе, или очень рано былъ заглушенъ громкимъ голосомъ необузданныхъ страстей и влеченій. Религіозное чувство, за весьма рѣдкими исключеніями, также почти не звучитъ въ нихъ. Одни иррелигіозны, а другіе — и такихъ значительное большинство — вполне индифферентны.

За рѣдкими исключеніями, преступники не любятъ чтенія. Если и читаютъ, то чтобы только убить время. Читаютъ больше въ кельяхъ и больницахъ, и весьма мало въ общемъ заключеніи, гдѣ свободное время проходитъ въ болтовнѣ и обдумываніи преступныхъ предпріятій на будущее. Самыя лучшія мѣста прочитанныхъ книгъ не трогаютъ ихъ и въ концѣ

наиболѣе возвышенныхъ страницъ можно найти замѣтки вродѣ слѣдующихъ: «слабоумный», «враль» и пр. Въ тюрьмахъ всего болѣе любятъ произведенія сальныя. Сами же преступники пишутъ сравнительно много, но литература тюрьмы, отражающая особенности души ея авторовъ, очень низкаго качества. Только благородныя чувства и могутъ порождать возвышенныя идеи, а эти-то чувства у преступниковъ и отсутствуютъ или же существуютъ въ совершенно недоразвитомъ состояніи. Только одно чувство съ трудомъ замираетъ въ душѣ этихъ несчастныхъ—это чувство любви къ матери, которое вызываетъ иногда трогательныя и горячія строки. «О моя матушка, хотя и разлученный съ тобою, я всегда недалеко отъ тебя! — писалъ своей матери одинъ молодой итальянецъ, уже насчитывавшій за собой очень много осужденій. — Ты ангель-хранитель, бдящій надъ моимъ сномъ, дорогой и печальный образъ, являющійся мнѣ, когда ночь спускается надъ нами. Твои нѣжныя слова ободренія могущественно звучатъ въ моемъ сердцѣ; ихъ я слышу еще и тогда, когда безжалостный день удаляетъ тебя и призываетъ меня къ печальнымъ впечатлѣніямъ дѣйствительности. О ты, которая любила меня, когда я, еще не знающій жизни, лежалъ у тебя на груди, ты уже тогда страдала за меня!» «О мать моя, прости меня. Ты, которая была слишкомъ добра ко мнѣ, прости мнѣ мои ошибки! Пролитыя тобой слезы—ужасное осужденіе меня предъ престоломъ Предвѣчнаго. Прости меня во имя воспоминаній о моемъ дѣтствѣ, когда, безхитростный и невинный, я жилъ на твоихъ колыбельныхъ». «О мать моя, прости меня, что я не могу уже быть болѣе такимъ, какимъ ты произвела меня: я осквернилъ кровь отъ крови твоей, кость отъ кости твоей и плоть отъ плоти твоей!» «Ты одна можешь понять, что испытываю я, когда, при своемъ пробужденіи, я не вижу твоего дорогаго и столь добраго для меня лица подставляющимся моимъ губамъ». «О матушка, одно сохранилось во мнѣ нетронутымъ: сердце мое всегда продолжаетъ сильно биться, когда твой образъ и образъ отца моего представляютъ душѣ моей!» Но столь трогательныя проявленія чувства встрѣчаются не часто. Большинство же сохраняютъ о своихъ матеряхъ только почтительныя воспоминанія.

Другіе мотивы тюремной литературы не создаютъ ничего хотя сколько-нибудь подобнаго. Наиболѣе распространенный родъ тюремной поэзіи—непристойныя эротическія пѣсни. Далѣе слѣдуютъ анархическія теоріи. Преступники любятъ обсуждать важнѣйшія общественныя проблемы и рѣшать труднѣйшіе общественные вопросы. Чувство же, которое господствуетъ въ тюремной поэзіи, это—ненависть. Убийцамъ удивляются, воровство прославляютъ и преступленіе ставятъ на пьедесталъ.

Въ тюремныхъ рисункахъ проявляется та же внутренняя нищета. Преступникъ только копируетъ то, что онъ видѣлъ или видитъ. Онъ ничего не творитъ воображеніемъ, ничего не убавляетъ и не прибавляетъ ничего. Въ его произведеніяхъ нельзя уловить никакой идеи и подмѣтить никакой эмоціи. Баррикатура ему не удается также. Онъ не обладаетъ тою живостью

ума и тонкостью сужденія, которыя даютъ возможность уловить слабую и почти незамѣтную смѣшную сторону лица и воспроизвести ее въ каррикатурѣ въ преувеличенномъ видѣ. Ихъ шаржи тяжелы, банальны, лишены воображенія и соли и часто непристойны. Наиболѣе частымъ сюжетомъ для ихъ творчества служатъ эротическія сцены, воспроизводящія ужасающія оргіи и безобразія.

Языкъ преступниковъ, или такъ называемый воровской языкъ, не есть языкъ въ собственномъ смыслѣ. Онъ развѣ только извращенный діалектъ. Его господствующія особенности — грубая, циничная иронія и злобѣщая веселость. Онъ изыскиваетъ образы, которые пачкаютъ и унижаютъ, и метафоры, которыя покрываютъ грязью. Письмо же преступниковъ представляетъ значительныя черты сходства съ письмомъ душевно-больныхъ.

Всѣ описанныя особенности преступниковъ, какъ и вообще всѣ особенности организма и натуры, отчасти унаслѣдуются въ крови, а отчасти прививаются подъ влияніемъ недостатка хотя сколько-нибудь надлежащаго воспитанія, задача котораго — выработка хорошихъ привычекъ, развитіе совѣсти и живаго пониманія необходимости общественныхъ связей и благородныхъ чувствъ. Преступники выходятъ по преимуществу изъ дурныхъ и пьяныхъ семей. Бѣдность и скудость, грязныя и отвратительныя домашнія сцены — вотъ что по большей части окружаетъ ихъ раннее дѣтство и даетъ имъ ихъ первыя дѣтскія впечатлѣнія. Кромѣ органическаго наслѣдія, ихъ семьи даютъ имъ по большей части и самыя дурныя примѣры. Онѣ предоставляютъ имъ по цѣлымъ днямъ бѣгать по улицамъ и даже пить, а потомъ нерѣдко сами эксплуатируютъ ихъ пороки и въ особенности пороки дѣвочекъ.

Съ теченіемъ времени къ неблагопріятнымъ условіямъ первоначальнаго воспитанія присоединяется и неблагопріятное влияніе дурныхъ знакомствъ и компаній, которыя рано приводятъ въ дурныя мѣста увеселеній, доканчиваютъ многое недоконченное домашнимъ воспитаніемъ и уничтожаютъ послѣднія остающіяся колебанія и сомнѣнія. Конечною же школою порока и развращенія безспорно бываетъ тюрьма. При теперешней ея организаціи, она, по справедливому замѣчанію *Emil'я Gautier*, «является поистинѣ клоакой, извергающей въ общество потокъ гнилой жидкости и массы зародышей фізіологической и нравственной заразы». Человѣкъ, два или три раза побывавшій въ современной тюрьмѣ, уже не подаетъ надежды: онъ загангренированный членъ общественнаго организма и совершенный типъ нравственнаго паденія. «Съ этихъ поръ онъ обреченъ жить въ борьбѣ съ обществомъ до тѣхъ поръ, пока послѣднее не захватитъ его съ рукою въ карманѣ или съ рукою въ крови и безжалостно не раздавитъ его, какъ сквернаго клопа, между двумя страницами уголовного кодекса, который читать ему было не надо».

Такова неприглядная тюремная действительность и таково поминѣи глубоко несчастное и органически обездоленное постоянное тюремное население, подѣ влияніемъ пагубнаго воспитанія и дурныхъ жизненныхъ условій постепенно подготовляющееся и формирующееся въ средѣ дурныхъ родовъ и семей, которыя въ свою очередь являются *по большей части* необходимымъ результатомъ общественныхъ настроеній, несправедливостей и зла. Говорятъ, что «общество заслуживаетъ своихъ преступниковъ». И въ этомъ выраженіи есть глубокая правда. Крайне дуренъ и вреденъ плодъ, — спору нѣтъ, — но еще прежде него были уже крайне дурны и вредны условія, его породившія. А условія эти суть условія, благопріятствующія физическому и нравственному вырожденію породы. Послѣднимъ постепенно по преимуществу и подготовляются дурные и порочные роды и семьи, изъ которыхъ столь часто предназначено произойти привычнымъ преступникамъ. Посмотримъ же, что для борьбы съ послѣдними намъ рекомендуемъ д-ръ Laurent, тщательно изучившій обездоленное тюремное население:

«Я описалъ этихъ индивидуумовъ, *дурно вооруженныхъ для борьбы за жизнь*, — говоритъ онъ. — Я изучилъ ихъ слабыя умственные способности, ихъ бѣдное воображеніе, ихъ ослабѣвшую волю и ихъ безмолвную совѣсть. Я отыскалъ на ихъ тѣлѣ многочисленныя стигматы физическаго вырожденія — столь частое соответствіе вырожденія психическаго. Я описалъ ихъ отличными и отъ душевно-больныхъ, но отличными также и отъ прочихъ людей и образующими особый классъ существъ». И что же? Для этого «особаго класса существъ» онъ рекомендуетъ, какъ общую мѣру, исключительно наказанія, которыя, какъ говоритъ онъ, «приходятъ на помощь негодяимъ» и сдерживаютъ дурныя влеченія и страсти.

Въ частности для бродягъ и нищихъ и нѣкоторыхъ категорій алкоголиковъ д-ръ Laurent рекомендуетъ особыя отдѣленія въ тюрьмахъ, гдѣ безъ чрезмѣрно суровой дисциплины ихъ приучали бы работать и своими собственнымъ трудомъ покрывать издержки ихъ содержанія, предоставляя только избытокъ въ ихъ собственную пользу. Такія же особыя отдѣленія тюрьмы онъ рекомендуетъ для истериковъ и эпилептиковъ. Для воровъ и привычныхъ преступниковъ онъ совѣтуетъ исключительно одиночную келью, которая, по его мнѣнію, укрощаетъ наиболѣе неукротимыхъ. Для тѣхъ же, на которыхъ не дѣйствуетъ и это суровое средство, и самый карцеръ, лишенный свѣта, тепла и въ значительной мѣрѣ даже воздуха, онъ рекомендуетъ физическую боль и страданіе и напоминаетъ при этомъ о возможности восстановленія битья палками, а въ случаѣ неуспѣха этого энергичнаго средства — и примѣненія эшафота. «Убиваютъ же дикаго звѣря, на котораго не удается надѣть намордникъ», — поясняетъ онъ.

Таковы нѣсколько радикальныя мѣры борьбы, которыя рекомендуетъ намъ д-ръ Laurent, и таковы выводы, къ которымъ приходитъ онъ въ концѣ своей замѣчательной работы. Вполнѣ признавая выдающіяся достоинства послѣдней въ отношеніи изученія особенностей тюремнаго населе-

нiя, мы не можемъ вполне признать ихъ въ отношенiи всѣхъ ея конечныхъ заключенiй, какъ они формулированы авторомъ. Они видятъ только одну изъ дѣйствующихъ сторонъ въ преступленiи и, повидимому, только съ точки зрѣнiя другой стороны обсуждаютъ широкiй социальный вопросъ.

Тщательное изученiе тюремнаго населенiя въ печальныхъ исторiяхъ его прошлаго имѣетъ глубокий смыслъ и значенiе. Оно знакомитъ насъ съ истинными, хотя часто и отдаленными факторами преступности, и тѣмъ самымъ невольно указываетъ и на широкiя и гуманныя мѣры предупрежденiя, которыя, воздѣйствуя на самыя причины, однѣ только и могутъ быть признаны вполне дѣйствительными и надежными средствами борьбы съ порчей и преступленiемъ. Знакома съ роковымъ сдѣланиемъ причинъ и слѣдствiй, это изученiе учитъ насъ сочувственно относиться даже и къ преступникамъ, но, конечно, не за ихъ пороки и развращенiе, которые дурны и отвратительны, а за ихъ глубокое, въ сущности, несчастiе, за ихъ физическую обездоленность и за несомый ими жизненный вѣстъ, который часто подавляетъ ихъ своею тяжестью. Они глубоко несчастны въ самомъ своемъ невольномъ сознании всей своей недостаточности и незадачливости, обрекающей ихъ на невзгоды, позоръ и тюрьму. Они глубоко несчастны и въ своемъ неуравновѣшенномъ и, по большей части, тяжело настроенiи, часто побуждающемъ ихъ искать успокоенiя въ винѣ и различныхъ оргiяхъ. Въ скорбныхъ листахъ обитателей тюремныхъ келiй предъ внимательнымъ и спокойнымъ наблюдателемъ проходятъ одна за другою поучительныя исторiи отиѣченныхъ семей, изъ которыхъ преимущественно и выходятъ преступники. Въ нихъ, въ этихъ иногда долгихъ исторiяхъ часто ярко отражаются общественная несправедливость, мелкiя обиды и жизненные незадачи и утѣсенiя, которыя, дѣйствуя въ своей постоянной ежедневной множественности, незамѣтно понемногу портятъ характеры и постепенно вырабатываютъ неприглядные типы уклоненiя, съ отиѣчающими ихъ черствостью, пороками и развращенiемъ. Бѣдность, обездоленность, отсутствiе развитiя и воспитанiя—вотъ господствующiе мотивы скорбныхъ листовъ обитателей тюремныхъ келiй.

Теорiя «дикаго звѣря», которой иногда оперируютъ, успокаивая общественную совѣсть и возстановивъ одну часть общества—жизненныхъ успѣшниковъ, противъ другой его части—жизненныхъ незадачниковъ, можетъ, по нашему глубокому убѣжденiю, способствовать успѣшному рѣшенiю серьезной задачи о человѣческой преступности. Бастонады и казни—плохiя средства къ тому. Онѣ способны лишь огрублять само общество и ослаблять въ немъ живительное чувство сочувствiя и благожелательности къ ближнимъ. Обходился же мы, и обходился съ полнымъ успѣхомъ, безъ этихъ жестокихъ средствъ по отношенiю къ самымъ опаснымъ душевно-больнымъ, свобода которыхъ рѣшительно немислима. Трудно сказать, почему же бы мы не могли обойтись безъ нихъ и по отношенiю къ тѣмъ *исключительнымъ преступникамъ*, которые, по признанию самого д-ра Laurent, органически «не могутъ

чувствовать добра» и надъ совѣстью которыхъ, по его мнѣнію, нависла безпросвѣтная ночь? Очевидно, что тѣ и другіе одинаково органическіе выродки и незадачники, и не по отношенію къ нимъ—этимъ несчастнымъ нравственнымъ калѣкамъ и нищимъ—должна свирѣпствовать издовожающая справедливость. Не будемъ забывать великаго изреченія, что только съ того, кому много дано, много и взыщется. Нѣтъ спору, что общество не можетъ и не должно оставаться беззащитнымъ предъ ужаснымъ зломъ преступленія, которое подтачиваетъ самыя основы общественности. Нѣтъ, оно должно энергично бороться и поражать преступленіе, но всегда дѣйствительными и разумными средствами, въ числѣ которыхъ нѣтъ и не должно быть мѣста вовсе ненужной жестокости. Внимательное и тщательное изученіе всѣхъ факторовъ преступности, въ которыхъ и лежитъ центръ тяжести всего вопроса, и принятіе указываемыхъ ими мѣръ разумнаго и справедливаго предупрежденія—вотъ дѣйствительныя средства борьбы съ преступленіемъ, къ которымъ можно и должно присоединить вполне правильно и хорошо устроенныя тюрьмы, рассчитанныя на подъемъ и дѣйствительное исправленіе осмотрительно заключаемыхъ въ нихъ.

Дмитрій Дриль.

Современная французская молодежь.

(Посвящается русскому студенчеству).

I.

Что такое представляет собою, въ духовномъ отношеніи, современная французская интеллигентная молодежь? Чѣмъ она живетъ, что думаетъ, къ чему стремится, какія нравственныя цѣли передъ собою ставить? Каковы ея вѣрованія, убѣжденія, упованія, идеалы? Насколько намъ извѣстно, всѣ эти вопросы почти совсѣмъ даже и не затрогивались нашею печатью, удѣляющею, однако же, не мало вниманія явленіямъ политической, общественной, литературной и научной жизни Франціи; а, между тѣмъ, они, эти вопросы, чрезвычайно интересны и сами по себѣ, и по своему отношенію къ ближайшимъ судьбамъ Французской республики, стоящей на передовомъ посту цивилизаціи. Обыкновенно говорятъ,—и говорятъ совершенно справедливо,—что на молодежи покоятся всѣ надежды страны. Смѣло можно утверждать, что какова сегодняшняя молодежь, таковъ въ значительной степени будетъ, по своему умственному и нравственному содержанію, и завтрашній день. Сегодня представители ея толпятся въ стѣнахъ университетовъ, поглощены профессорскими лекціями, учебниками, книгами, работаютъ въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, библіотекахъ, живутъ болѣе или менѣе замкнуто и обособленно въ своей товарищеской средѣ; но завтра они сойдутъ со школьной скамьи, выступятъ активными гражданами на общественную арену, смѣнятъ собою теперешнихъ дѣятелей, предъявятъ къ жизни свои требованія, внесутъ въ эту жизнь свое внутреннее содержаніе, будутъ задавать тонъ въ политикѣ, въ сферѣ социальныхъ отношеній, въ литературѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Они разсѣются по всѣмъ областямъ мысли и практической дѣятельности, на все наложатъ рѣзкую печать своего генія, явятся въ роли руководителей общественнаго мнѣнія, будутъ въ извѣстной мѣрѣ направлять и рѣшать судьбы страны, будутъ «дѣлать исторію»... Въ виду всего этого, права ихъ на наше вниманіе не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ какомъ же направленіи складываются и формируются идеи и чувства теперешняго французскаго интеллигентнаго юношества? Чего ждатель

отъ университетской молодежи французскому обществу и народу? Посильный отвѣтъ на эти животрепещущіе вопросы мы и постараемся дать въ нижеслѣдующихъ строкахъ, причѣмъ намъ, для выполнения нашей задачи, нужно будетъ, прежде всего, выслушать и прокомментировать то, что говорить на этотъ счетъ сами французскіе студенты. А они на эту тему говорятъ и, притомъ, вещи чрезвычайно любопытныя.

Въ концѣ января прошлаго года, въ Парижѣ, въ одной изъ комфортабельныхъ залъ роскошнаго *Maison des Étudiants*, принадлежащаго *Association des Étudiants de Paris*, въ присутствіи многочисленной аудиторіи, состоявшей, по меньшей мѣрѣ, изъ пятьсотъ человекъ (все студенты), происходила одна изъ обычныхъ въ ассоціаціи конференцій. Лекторомъ на этотъ разъ былъ студентъ словеснаго факультета, Генрихъ Беранже. Тема конференціи—*La jeunesse intellectuelle et le roman français contemporain* *). Для насъ, въ виду предпринятой нами работы, конференція эта оказывается настоящимъ кладомъ, такъ какъ въ ней мы находимъ весьма недвусмысленно выраженное *profession de foi* современной французской интеллигентной молодежи; для читателей же нашихъ она, по всей вѣроятности, будетъ настоящимъ откровеніемъ.

II.

«Въ романѣ, т.-е. въ художественномъ воспроизведеніи жизни,—ска- залъ, между прочимъ, Беранже въ началѣ своей замѣчательной лекціи,—молодые люди жадно ищутъ ключа къ жизненной загадкѣ, къ тайнѣ чужихъ душъ и, въ особенности, къ тайнѣ своей собственной души. Въ виду этого, казалось бы, что наши новѣйшіе романисты прежде всего и съ особенною заботливостью должны были бы постараться о томъ, чтобы начертать для этой интеллигентной молодежи достойный ея портретъ, который былъ бы, въ одно и то же время, вѣренъ и идеалу, и дѣйствительности, въ кото- ромъ молодежь могла бы узнать себя и по которому пожелаала бы формироваться. Великій писатель могъ бы создать при этомъ прекрасное произведеніе и такимъ образомъ оказать чрезвычайно благотворное влія- ніе». И, однако же, ни одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей французской художественной литературы не выполнялъ этой благодарной задачи. Если знаменитые романисты въ произведеніяхъ своихъ и затроги- вали по временамъ тему о людяхъ молодаго поколѣнія, то дѣлали это почти всегда мелькомъ, такъ сказать, мимоходомъ, да, къ тому же, и типы молодежи обрисовывались ими при этомъ исключительно съ одной только внѣшней стороны; въ душу же молодежи никто изъ нихъ никогда не за- глядывалъ, эволюціею этой души не интересовался. Объясняется это, глав- нымъ образомъ, тѣмъ, что ни Гонкуръ, ни Золя, ни кто бы то ни было

*) Конференція эта напечатана въ журналѣ ассоціаціи *L'Université de Paris* 1890, février, № 31.

другой изъ корифеевъ французской натуралистической школы не былъ самъ студентомъ, въ точномъ значеніи этого слова, не дышалъ воздухомъ университетской среды, не переживалъ тѣхъ кризисовъ, черезъ которые проходили мысль и чувство юной интеллигенціи, а потому и не могъ изобразить эту послѣднюю иначе, какъ только внѣшнимъ образомъ, по установившимся шаблонамъ, да по предвзятымъ, слишкомъ ужъ упрощеннымъ теоріямъ. Только за самые послѣдніе годы, благодаря начавшейся реакціи противъ «натурализма» и возрожденію идеалистическихъ тенденцій въ литературѣ, на сцену выступили два молодыхъ романиста, Поль Бурже и Морисъ Баррессъ, въ цѣломъ рядѣ художественныхъ монографій видимо носящихъ на себѣ автобиографическій характеръ, попытавшіеся явиться изобразителями и истолкователями души интеллигентной молодежи. Оба эти писателя, — къ слову сказать, далеко не одинаковаго достоинства, — рисуютъ намъ, однако же, типы не теперешней молодой интеллигенціи, а той, къ которой каждый изъ нихъ самъ принадлежалъ: отъ произведеній Бурже вѣетъ на насъ духомъ 70-хъ годовъ, произведенія же Барреса отдаютъ специфическимъ букетомъ годовъ 80-хъ. На этихъ двухъ писателяхъ, какъ на представителяхъ и выразителяхъ духа двухъ юныхъ поколѣній, предшествовавшихъ поколѣнію теперешнему, поколѣнію 90-хъ годовъ, Беранже и остановилъ вниманіе своихъ слушателей. Съ незаурядною силой анализа подошелъ онъ къ продуктамъ творчества названныхъ авторовъ, выбралъ изъ нихъ наиболѣе характерныя, типичныя черты, слилъ ихъ въ два цѣльные, живые образа, которые затѣмъ и сопоставилъ съ образомъ современнаго интеллигентнаго юноши, готоваго выступить на арену общественно-политической дѣятельности, лихорадочно работающаго надъ вопросами: куда идти, что дѣлать, зачѣмъ жить?—и вдумчиво вглядывающагося въ будущее. Результатъ талантливо сдѣланнаго сопоставленія получился въ высокой степени поучительный.

Въ какомъ свѣтѣ представляется намъ молодое поколѣніе 70-хъ годовъ, плотью отъ плоти котораго является самъ Поль Бурже, въ 1872 г. бывшій еще студентомъ *École des Hautes Études*, имѣвшій тогда всего двадцать лѣтъ и всецѣло жившій жизнью юношества Латинскаго квартала, — того самаго юношества, интеллектуальные типы котораго онъ, немного позднѣе, очерчивалъ въ своихъ произведеніяхъ? Это было глубоко-несчастное, отравленное жизнью поколѣніе, проникнутое мрачною меланхоліей и безнадежною тоской. Очень печально, съ душевною болью смотрѣло оно и на себя, и на окружавшую его дѣйствительность. Да и не могло оно смотрѣть иначе, не могло выработать бодрата взгляда на жизнь, создать себѣ жизнерадостное міросозерцаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, тогда только что ушли пруссаки, разгромившіе, растоптавшіе и принизившіе отечество. Одни изъ представителей тогдашняго молодого поколѣнія, — тѣ, что постарше, — сами выстали, съ ружьемъ на плечѣ, на парижскихъ форпостахъ, сами бились съ врагомъ, отстаивая истекающую кровью родину, сами проливали свою и вражескую кровь и угнета-

лись развертывавшиеся передъ ними во всеѣ своемъ безобразіи картиной кровавыхъ ужасовъ, гибели, смерти, разрушенія. А тѣ, что помоложе, смотрѣли и содрогались при видѣ того, какъ дождемъ сыпавшіяся на осажденный городъ непріятельскія бомбы несли съ собою опять ту же гибель, то же разрушеніе... А тамъ, тотчасъ послѣ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, — борьбы, окончившейся такъ унижительно, такъ позорно, — новая кровавая борьба, на этотъ разъ братоубійственная, борьба съ коммуной... Отчаянный бой «федералистовъ» съ «версальцами»... Парижъ, великій Парижъ, свѣточъ цивилизаціи, залитъ по колѣно кровью, гибнетъ въ пламени... Разгромъ коммуны... «Кровавая недѣля»... безпощадныя репрессіи, звѣрская расправа съ побѣжденными, безчеловѣчная бойня, массовые разстрѣлы... Если даже теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, намъ, людямъ, не имѣющимъ съ Франціей кровныхъ связей, при одномъ воспоминаніи объ этихъ неописуемыхъ ужасахъ жутко дѣлается и страшно за человѣка становится, то что же, спрашивается, должны были вынести и переиспытать сами французы, современники и очевидцы всѣхъ этихъ ужасныхъ дѣлъ и событій?! Что, въ особенности, должны были почувствовать и пережить тѣ подростки и юноши, которые относятся къ интересующему насъ поколѣнію?! Какія убійственно-мрачныя, подавляющія впечатлѣнія должны были до краевъ переполнить ихъ душу, только что раскрывшуюся для «ощущеній бытія»? Нашъ авторъ или, точнѣе, ораторъ не останавливается надъ всѣмъ этимъ, не ставитъ такихъ вопросовъ, ограничиваясь только бѣглымъ фактическимъ указаніемъ на характеръ тогдашней эпохи. Но вовсе не нужно быть и особенно тонкимъ психологомъ, чтобы понять, какъ эта эпоха должна была отразиться на молодомъ поколѣніи, какую глубокую, неизгладимую складку должна она была провести въ душѣ каждаго живаго и мыслящаго представителя молодежи того времени. Молодежь эта, — какъ и всякая другая, еще не осклопленная практикою жизни, — порывалась къ правдѣ, свѣту, свободѣ; мысль и чувство ея работали въ направленіи гуманитарныхъ идеаловъ; головы юношей полны были благородными, святыми мечтами о людскомъ равенствѣ, братствѣ, о царствѣ права, справедливости, мира, любви... И чѣмъ же отвѣтила дѣйствительность на эти порыванія къ свѣтлому идеалу, на эти высокія, чистыя, золотыя мечты? Рѣками пролитой человѣческой крови, наглымъ торжествомъ грубаго насилія, поруганіемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ, оргіей разнузданныхъ животныхъ страстей, всеокрушающимъ разливомъ челоуѣконенавистничества! Можно ли было, спрашивается, продолжать культивировать мечты о правѣ, справедливости, гуманности, когда въ окружавшей дѣйствительности безраздѣльно и безконтрольно господствовала одна только грубая физическая сила, когда свирѣпый кулакъ оказывался единственнымъ регуляторомъ человѣческихъ отношеній и побѣдоносно доказывалъ всѣмъ идеалистамъ, что гдѣ сила, тамъ и право? Можно ли было даже и помышлять о царствѣ мира, братства, любви, когда «люди-братья» съ бѣшеною злобой набрасывались другъ на

друга, перегрызали другъ другу горло, какъ дикіе звѣри, когда воздухъ переполненъ былъ зловѣщими звуками вражды, ненависти, когда кругомъ повсюду раздавались раздражающіе душу стоны, проклятія, скрежетъ зубовъный?! Какою горькою, ядовитою насмѣшкой должны были въ ту пору звучать хорошія слова: братство, любовь, солидарность! И такая ужасная пора оказалась возможною во второй половинѣ XIX столѣтія, въ самый разгаръ цивилизаціи, въ моментъ грандіознаго, небывалаго еще прогресса знанія, науки, искусства! Да какой же, въ такомъ случаѣ, смыслъ и въ этой хваленной цивилизаціи, и въ этомъ прогрессѣ, если они не способствуютъ очеловѣченію людей, если они безсильны обуздать въ человѣкѣ звѣря! Да и настанетъ ли когда-нибудь это очеловѣченіе, возможно ли желанное царство гуманности, любви, братства людскаго? Любовь, братство... не пустыя ли все это слова? Не дѣтскія ли грѣзы, разсѣвающіяся отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, всѣ эти мечтанія о свѣтломъ идеалѣ? Не созданіе ли ребяческой фантазіи и самый-то этотъ идеалъ? Да, да,—твердили про себя сверстники Бурже, раздавленные ужасами пережитыхъ ими страшныхъ дней,—все это пустыя, лишеныя всякаго реального содержанія слова, все это—грѣзы, фантазіи, обманчивые миражи—и ничего болѣе!... А по мѣрѣ того, какъ они все это твердили, взоръ ихъ все болѣе и болѣе тускнѣлъ, горячій энтузіазмъ, наполнявшій прежде ихъ души, погасалъ, смѣнялся холодомъ, гордо поднятыя головы свѣшивались на грудь, опускались обесилѣвшія руки... Нѣжный цвѣтокъ широкаго, свѣтлаго общечеловѣческаго идеала захватило морозомъ—и онъ свернулся, поблѣлъ, умеръ... Возвратимся, однако, къ рѣчи нашего молодого оратора.

Помимо всего вышесказаннаго, крушенію и замиранію широкихъ идеалистическихъ тенденцій въ тогдашней молодежи весьма сильно способствовали, между прочимъ, также и другія обстоятельства. Желая доискаться основныхъ причинъ того, почему дѣйствительность такъ возмутительно дурна, представители юной интеллигенціи того времени невольно оглядывались на недавнее прошлое Франціи, на вчерашній день французской исторіи—и находили тамъ позоръ второй имперіи, на убійственное, развращающее вліяніе которой Беранже вскользь, въ двухъ-трехъ словахъ, и указываетъ. Но мы и безъ него знаемъ, чѣмъ была вторая имперія и какое вліяніе оказала она на несчастную Францію. Пришелъ предприимчивый бандитъ, подкрался, какъ тать въ ночи, къ народному самодержавію, упразднилъ его, перешагнувши при этомъ черезъ законъ и, не отступивъ предъ клятвопреступленіемъ, взялъ затѣмъ въ руки палку, силою заставилъ ошеломленную страну признать себя «спасителемъ» и повелителемъ, и началъ командовать. Страна, въ лицѣ ея «просвѣщенныхъ», «культурныхъ» классовъ, во всѣ глаза смотрѣла на счастливыя похождения удачливаго бандита и на примѣръ этого послѣдняго училась тому, какъ надо устраивать свои дѣлишки. Урокъ, преподнесенный сверху, сводился къ апологіи успѣха. Законъ, право, честь, совѣсть, человѣческое достоинство, все это вздоръ, къ которому серьезно могутъ относиться

только глупцы и на который давно бы пора махнуть рукой всёми разумнымъ, практическимъ, «трезвенно» смотрящимъ на жизнь людямъ. Главное въ жизни—добиться успѣха во что бы то ни стало, какими-бы то ни было путями и средствами, по отношенію къ которымъ разборчивость является просто-на-просто глупостью. Успѣхъ все оправдываетъ, все санкционируетъ. Передъ нимъ все преклоняется, потому что онъ даетъ силу, власть, изобиліе благъ земныхъ,—короче, все, что нужно для того, чтобы обезпечить себѣ въ сей юдоли полную чашу наслажденій. А, вѣдь, наслажденіе — единственная цѣль жизни; внѣ его, вѣдь, нѣтъ ничего, къ чему стоило бы стремиться. Какіе-то тамъ высшіе интересы, гражданскія доблести, идеалы?... Всѣ эти и имъ подобные пустяки тоже давнымъ-давно пора сдать въ архивъ. Они до добра обыкновенно не доводятъ, да и голодомъ съ ними насидишься... Идеаль для понимающаго жизнь и умѣющаго жить человѣка, это — хорошій кушъ, это — теплое мѣстечко, это — благоволеніе правящихъ и власть имущихъ сферъ, это — завлекательный боковой разрѣзъ въ одѣяніи пышной г-жи Шнейдъръ, подвизающейся въ роли Прекрасной Елены... А прочее—все вздоръ... И такъ, да здравствуетъ успѣхъ, да здравствуетъ наслажденіе жизнью!

Эта легкая, удобная, потакавшая всёми низменнымъ страстямъ и вожделѣніямъ мораль, подъ подпѣвающіе звуки оффенбаховской оперетки, явившейся символическимъ выраженіемъ всего тогдашняго режима, проводилась изъ Тюильри въ общество и усерднѣйшимъ образомъ культивировалась въ немъ второю имперіей, которая не безъ основанія смотрѣла на нее какъ на прекрасный презервативъ противъ «завиральныхъ» идей и какъ на вѣрнѣйшій залогъ внутренняго мира и спокойствія. Старанія въ этомъ направленіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: брюшные аппетиты выиграли, началась оргія всеческаго свинства. Проституціонная мораль пришла, какъ нельзя болѣе, по плечу и по вкусу «культурнымъ» классамъ французскаго общества, представители которыхъ густою толпой хлынули на путь спекуляцій, наживы, обогащенія. Деньги, наслажденіе стали культомъ... Души продавались и покупались задешево. У лавочки режима, сыпавшаго золотомъ, происходила жестокая давка. Самый безстыдный канганъ чрезвычайно быстро завоевалъ себѣ полное право гражданства въ палатѣ депутатовъ, въ сенатѣ, на судейскихъ скамьяхъ, на прокурорскихъ трибунахъ, на профессорскихъ кафедрахъ, въ публицистикѣ, въ литературѣ. «Культурная» Франція стала все больше и больше походить на одинъ сплошной, грандіозный публичный домъ, въ которомъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, среди бѣла дня, на глазахъ у всей Европы, совершались всевозможныя непотребства и въ которомъ честь, совѣсть, убѣжденія летѣли «кувыромъ, кувыромъ»... И все это длилось почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ, причемъ деморализація расплывалась по странѣ какъ масляное пятно по бумагѣ. Само собою разумѣется, что все честное, чистое, живое въ нравственномъ отношеніи, что еще оставалось въ странѣ, должно было задохнуться въ этой душной, миазматической атмосферѣ, должно было, волей или неволей, уходить со сцены

и уступать мѣсто самодовольному, торжествующему свинству. Характеры измельчали, убѣжденія размѣнялись на звонкую монету, таланты исчезли, — вѣдь, такіе злаки не произрастаютъ въ свиномъ хлѣбѣ. Во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности воцарилась пошлая посредственность, которая и наложила на все свою печать. Все принижилось, загрязнилось, источники духовной жизни стали изсякать, всякое творчество, за исключеніемъ канканно-опереточнаго, прекратилось. Въ систематически развращаемомъ обществѣ оказался полнѣйшій недостатокъ въ живыхъ силахъ, благодаря чему протитудіонный режимъ и закончилъ свое существованіе банкротствомъ, естественнымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ котораго явилась катастрофа 70-го года.

Беранже не нарисовалъ передъ своими слушателями всей этой неприглядной картины жизни французскаго общества въ эпоху второй имперіи, онъ только, повторяемъ, мелькомъ указалъ на эту имперію, какъ на фактора, развратившаго Францію до мозга костей и весьма сильно поспособствовавшаго упадку духа интеллигентной молодежи 70-хъ годовъ. Какъ же, спрашивается, и чѣмъ именно поспособствовалъ онъ этому упадку? Имѣя въ виду все, только что сказанное нами о наполеоновскомъ времени, мы безъ труда найдемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вглядываясь въ развертывавшуюся передъ ея глазами картину того поворнаго времени, молодежь новой, уже республиканской, Франціи должна была, прежде всего и больше всего, поражаться не фигурою узурпатора, клятвопреступника, развратителя страны и виновника тѣхъ національныхъ бѣдствій, которыя, какъ мы видѣли, такъ убійственно въ нравственномъ смыслѣ отразились на юномъ поколѣніи, — нѣтъ, сверстниковъ и товарищей Бурже долженъ былъ поражать, главнымъ образомъ, тотъ общій фонъ, на которомъ вырисовывалась упомянутая фигура, то общество, которое обезпечило успѣхъ бандита, которое рукоплескало, преклонялось, распростиралось у ногъ этого злаго генія Франціи. Это общество оказалось способнымъ дойти до полной утраты и забвенія человѣческаго образа, до послѣдней степени нивости, подлости, всяческаго разврата, до безнадежнаго нравственнаго упадка. Оно съ величайшею готовностью потянулось къ злонамѣренно поставленному передъ нимъ корыту съ «жратвой», съ живѣйшимъ удовольствіемъ погрузилось въ уготованную для него грязь и, что всего ужаснѣе, барахтаясь въ этой грязи, чувствовало себя точно въ родной стихіи и оглашало воздухъ радостнымъ, самодовольнымъ хрюканьемъ. И это — «цвѣтъ» страны, высшіе, наиболѣе «культурные», «цивилизованные», «просвѣщенные» ея представители! И это — заправилы, распорядители и вершители судебъ народныхъ! Вѣдь, при видѣ того, чѣмъ было это общество, олицетвореніемъ какой мерзости оно являлось, тошно становится, дрожь отвораченія охватываетъ!... Было, являлось? Такъ ли, полно? Можно ли говорить обо всемъ этомъ только въ прошедшемъ времени? Въ томъ-то и бѣда, что нельзя. Вѣдь, такимъ это общество было не сотни дѣтъ тому назадъ, а вчера. Не могло оно за одну ночь существенно

измѣниться, не могли свиные рыла въ такое короткое время преобразиться въ человѣческія лица. И они, дѣйствительно, не измѣнились, не преобразились, объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствовало безчисленное множество фактовъ дѣйствительности 70-хъ годовъ. Дѣйствительность эта, несмотря на перемѣну декорацій на сценѣ, несмотря на смѣну второй имперіи третьей республикой, по существу своему, оставалась непосредственнымъ продолженіемъ и повтореніемъ того, что было и раньше, до 70-го года; она продолжала быть глубоко-реакціонною во всѣхъ смыслахъ, угнетающею, отталкивающею. И вотъ, среди такой-то дѣйствительности, въ такомъ-то обществѣ, передъ которымъ безпристрастная исторія, несомнѣнно, поставитъ на своихъ страницахъ знакъ минуса, интеллигентная молодежь интересующаго насъ поколѣнія обречена была жить и дѣйствовать... Какая безрадостная, безнадежная перспектива раскрывалась передъ этою молодежью! Созерцаніе этой-то именно перспективы и должно было угнетающимъ, обезсиливающимъ, парализующимъ образомъ вліять на духъ молодаго поколѣнія. Такъ мы понимаемъ ретроактивную роль эпохи второй имперіи въ процессѣ формировація міросозерцанія у тогдашнихъ представителей юной части интеллигентнаго французскаго общества. Да, если только мы вѣрно поняли его невысказанную, выраженную бѣглымъ намекомъ, мысль, такъ же, повидимому, понимаетъ дѣло и самъ Беранже, сдѣлавшій въ своей рѣчи указаніе на наполеоновское время.

Но если молодежь этого періода не находила опоры для своихъ идеалистическихъ тенденцій въ окружающей ее живой дѣйствительности, то, быть можетъ, она могла найти ободряющіе нравственные стимулы въ сферѣ отвлеченной идеи, въ философіи, въ наукѣ? Къ величайшему сожалѣнію, не могла, слышимъ мы отъ юнаго Беранже. Дѣло въ томъ, что и въ философіи, и въ наукѣ давно уже произошла глубокая революція, результаты которой, по утверженію нашего оратора, были весьма неблагоприятны для подъема духа мыслящей личности.

«Столь различные по своему происхожденію и столь противоположные по своимъ тенденціямъ кантовскій критицизмъ и англо-французскій позитивизмъ соединили свои усилія для того, чтобы разрушить абсолюты старой метафизики и чтобы поставить на мѣсто этихъ абсолютовъ, считавшихся безсмертными, ученіе объ универсальной относительности. Французская революція была ничѣмъ инымъ, какъ провозглашеніемъ абсолютнаго права на землѣ: она выставила, въ качествѣ непреложнаго и священнаго, тотъ принципъ, что всѣ люди братья, что всѣ они свободны и равны». Это была абсолютная метафизика, и вотъ эту-то метафизику и ниспровергъ кантизмъ въ союзъ съ континизмомъ. «Да и сама наука, мало-по-малу овладѣвшая душами, стала провозглашать, что въ мірѣ существуютъ только одни законы и что желѣзная сѣть всеобщаго детерминизма охватываетъ весь міръ, какъ духовный, такъ и вещественный. Эти два новые принципа,—всеобщей относительности и всеобщаго детерминизма—сильнѣйшимъ образомъ поколебали прежнія идеи о свободѣ, объ абсолют-

номъ правѣ, о всемірномъ братствѣ,—идеи, которыя вдохновляли людей вѣны прошлаго вѣка, доводили ихъ до высочайшаго героизма и увлекали ихъ и покоренію міра. Какъ столбы храма, падая, увлекаютъ въ своемъ крушеніи крышу, своды, священныя изображенія боговъ и самый божественный алтарь, такъ пали, вмѣстѣ съ этими абсолютами, которые назывались свѣтою и правомъ, и выводы разума, и сердечныя вѣрованія, и, вообще все зданіе прежнихъ моральныхъ идей». Кромѣ желѣзнаго закона неодолимости, правящаго всею міромъ и совершенно недоступнаго человѣческимъ воздѣйствіямъ, нѣтъ ничего непреложнаго, ничего безусловно-нестычнаго, ничего такого, на что умъ могъ бы опереться, какъ на неземную опору. Истина и заблужденіе, добродѣтель и порокъ, добро и зло,—все это оказывается относительнымъ, все это является естественнымъ и неизбежнымъ результатомъ дѣйствія высшихъ міровыхъ силъ, не подлежащихъ человѣческому контролю. Фатально развѣтывается безконечная цѣпь причинъ и слѣдствій, и ни одного звена въ этой роковой желѣзной цѣпи, скрывающей жалкаго, безсильнаго человѣка, этотъ послѣдній не можетъ ни переставить, ни измѣнить по своему произволу. Все въ мірѣ идетъ такъ, какъ того безапелляціонно требуетъ неумолимый, стихійный законъ всеобщей причинности, и человѣкъ, самъ всецѣло находящійся подъ властью этого закона, ничего съ даннымъ порядкомъ и ходомъ вещей поделать не въ состояніи. Такова, по словамъ Беранже, была покорившая умъ философія детерминизма,—съ психологической точки зрѣнія, ошибочно понятаго и истолкованнаго,—прибавимъ мы отъ себя. Эта философія не замедлила наложить свою печать и на историческую науку, и на художественную литературу. Она дала о себѣ знать, прежде всего, въ произведеніяхъ Тэна, а затѣмъ и Ренана, тенденціями ея прониклись и романисты ставшей господствующею натуралистической школы—Флоберъ, братья Гонкуры, а за ними и Золя, съ его подражателями и учениками. Смертельнымъ холодомъ вѣяло на молодежь отъ этой философіи, отъ этой исторіи, отъ этой литературы. Благодаря имъ, «нравственная энергія молодыхъ людей оказалась жестоко поколебленною, парализованною».

Каковъ же былъ конечный результатъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ вліяній,—идейныхъ, историческихъ и бытовыхъ? Чрезвычайно прискорбный. Молодежь оказалась разбитою духовно, глубоко во всемъ разочарованною, ни во что не вѣрующею, обезсиленною. Сверху, изъ идейныхъ сферъ, лился на нее холодный, негрѣющій свѣтъ; окружающая дѣйствительность вызывала въ ней чувство отвращенія; жизнь представлялась ей жалкою, бессмысленною, пошлою, безцѣльною. Нѣтъ въ этой жизни ничего такого, чѣмъ бы стоило душевно заинтересоваться, къ чему бы стоило относиться хоть сколько-нибудь серьезно, на что бы можно было съ пользою и охотою затрачивать душевныя силы. Отсюда — глубокий пессимизмъ, дилетантизмъ, индифферентизмъ и, какъ логическій результатъ всего этого, узкій эгоизмъ, культъ своего собственнаго «я». Въ самомъ дѣлѣ, если жизнь окружающей среды такова, что не стоитъ въ

ней принимать ни малѣйшаго участія, что нечего въ ней любить, нечему удивляться и поклоняться, то для мыслящаго человѣка остается только отвернуться душевно отъ этой жизни, уйти въ себя, замкнуться въ своемъ личномъ внутреннемъ мірѣ, жить только для самого себя, равнодушно смотря на жалкія перипетіи жалкой трагикомедіи, разыгрываемой жалкими актерами на жалкой житейской сценѣ. Къ этому дѣйствительно и пришли даже лучшіе представители молодежи 70-хъ годовъ, — представители, въ числу которыхъ, несомнѣнно, принадлежитъ и самъ Бурже; всѣ они превратились въ мрачныхъ пессимистовъ и эгоистовъ, изрѣдка утонченныхъ, деликатныхъ, изящныхъ, чаще же всего довольно грубыхъ и жесткихъ. Но это духовное дезертирство изъ жизни окружающей ихъ среды, это обособленіе отъ міра, это сидѣніе «въ кельѣ подъ елью» не дало имъ нравственнаго удовлетворенія, не сдѣлало ихъ счастливыми, — о, нѣтъ! Съ одной стороны, ихъ грызла тоска по утраченнымъ широкимъ, общечеловѣческимъ идеаламъ, а съ другой, порвавъ духовную связь со средой, они обрекли себя на полное безсиліе: вѣдь, человѣкъ животное общественное, внѣ тѣсной, живой связи съ общественнымъ организмомъ, изъ котораго онъ постоянно черпаетъ свою силу, неизбѣжно долженъ сохнуть, хирѣть, замирать... Несчастные дезертиры - эгоисты! Они вполне ясно сознавали свое всестороннее безсиліе, — безсиліе въ дѣйствіи, въ мысли, въ чувствѣ, — и жестоко мучились, страдали отъ этого сознанія, такъ это прекрасно видно на примѣрѣ всѣхъ молодыхъ героевъ романовъ Бурже. Некрасивое, въ нравственномъ смыслѣ, явленіе они, конечно, представляли собою, — что хорошаго въ самодовлѣющемъ эгоистѣ! — но они и сами очень хорошо это знали, а потому и не помышляли любоваться собою, напротивъ, они отчетливо понимали глубокую ненормальность своего нравственнаго существованія и расплачивались за это пониманіе душевною мукой, что и придаетъ имъ человѣчный, благородный характеръ. «Поэтому-то, несмотря на все остальное, — воскликнулъ Беранже, — мы и любимъ ихъ, признавая въ нихъ нашихъ братьевъ, братьевъ страдавшихъ, израненныхъ жизнью и не имѣвшихъ возможности излечиться отъ своихъ ранъ... Мы ихъ любимъ и отпускаемъ имъ ихъ грѣхи, потому что, въ сущности, они были только невольными наследниками трагическаго прошлаго, потому что они приняли это наследство съ глубокою меланхоліей, потому, наконецъ, что имъ и въ голову не приходило ставить себѣ въ заслугу, гордиться или извлекать для себя какую-либо пользу изъ ихъ нравственной болѣзни». Такими-то чертами обрисовываетъ и такъ оцѣниваетъ представитель современной молодежи, — видимо, одинъ изъ лучшихъ, — молодое поколѣніе 70-хъ годовъ. Послушаемъ теперь, что онъ скажетъ намъ о своихъ собратяхъ годовъ восьмидесятыхъ.

III.

Если при видѣ представителей того несчастнаго молодого поколѣнія, къ которому относятся Бурже и герои его романовъ, мы испытывали тя-

желое, болѣзненное чувство, смѣшанное съ состраданіемъ и сердечнымъ участіемъ, то, попадая въ среду представителей молодежи только что минувшаго десятилѣтія, мы начинаемъ прямо-таки задыхаться, насъ охватываетъ какая-то оторопь, мы ощущаемъ въ себѣ страстное желаніе закрыть глаза, зажать носъ, заткнуть уши, отвернуться и бѣжать прочь, безъ оглядки. Эти люди,—въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ рисуетъ намъ Беранже,—совсѣмъ не походятъ на тѣхъ искалѣченныхъ жизнью и мучительно страдающихъ юношей, о которыхъ мы говорили выше. Отъ нихъ разить запахомъ тлѣнья, они представляютъ собою ничто иное, какъ гробы повапленные, съ такимъ внутреннимъ содержаніемъ, которое вызываетъ въ насъ невольную дрожь гадливаго отвращенія. Это—люди, имѣющіе теперь 25—35 лѣтъ и подвизающіеся, въ качествѣ дѣятелей, на сегодняшней политическо-общественной сценѣ. Идейнымъ выразителемъ и апологетомъ ихъ является ихъ сверстникъ, молодой, не особенно талантливый, но очень искренній романистъ Морисъ Баррессъ, обратившій на себя вниманіе двумя очень характерными, по своему внутреннему смыслу, произведеніями—*Sous l'oeil des Barbares* и *Un Homme libre*. Замѣтимъ тутъ же мимоходомъ, что Баррессъ, кромѣ того, еще и политическій дѣятель, депутатъ, принимавшій дѣятельное участіе въ заговорѣ «браваго генерала» противъ республики и по горло перепачканный въ грязи буланжизма. Въ только что названныхъ произведеніяхъ своихъ,—носящихъ на себѣ несомнѣнный автобіографическій характеръ,—онъ съ поразительнымъ цинизмомъ раскрываетъ передъ читателями тайники своей и своихъ сверстниковъ мертвой души. Преодолѣемъ же наше инстинктивное отвращеніе къ мертвечинѣ и присмотримся къ тому, что такое представляютъ собою эти души.

На страницахъ своихъ произведеній Баррессъ попытался дать портретъ родственнаго ему по духу современнаго «свободнаго человѣка», «интеллигента», живущаго подъ устремленными на него взорами «варваровъ». Но, прежде всего, кто такіе эти «варвары»? Это, видите ли, всѣ представители демократіи, это всѣ люди, серьезно относящіеся къ жизни и дѣятельно работающіе на всѣхъ поприщахъ труда, умственнаго и физическаго, это—весь народъ, вся трудовая масса, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, «интеллигентовъ» (*intellectuels*). Впрочемъ, даже и это опредѣленіе не совсѣмъ точно: «варвары», строго говоря, это—вся толпа, все общество, всѣ люди, все человѣчество, за исключеніемъ *одного* его, «интеллигента» (Баррессъ — «интеллигентъ», конечно). А что такое «интеллигентъ»? О, это замѣчательнѣйшій экземпляръ человѣческой породы! Это—избранное, высшее существо, это—соль земли, это—перлъ творенія, это—ярко-сверкающій всѣми цвѣтами радуги алмазь въ навозной кучѣ (т.-е. въ человѣчествѣ), это—тончайшая квинтъ-эссенція всяческой красоты, это—олимпіецъ, замирающій отъ восхищенія при созерцаніи своего величія и своего духовнаго совершенства и съ холоднымъ презрѣніемъ смотрящій на копошащуюся вокругъ него человѣческую толпу, на эту

лучу жалкихъ червяковъ... Шапки долой передъ этимъ величественнымъ, лучезарнымъ образомъ! Однако... однако, кто же это сопричислилъ нашего «интеллигента» къ рангу олимпійцевъ, кто его превознесъ на такую головокружительную высоту надъ окружающимъ міромъ? Да онъ самъ себя сопричислилъ, самъ себя превознесъ. По какому праву? О, правъ на это у него, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ достаточно. Какой, спрашивается, высочайшій атрибутъ человѣческой природы? Несомнѣнно, конечно, свобода духа. Ну, такъ вотъ, онъ, «интеллигентъ», обладаетъ этимъ атрибутомъ въ полной мѣрѣ. Въ то время, какъ жалкая людская толпа, жалкое человѣчество барахтается на землѣ, по рукамъ и по ногамъ связанное всяческими путями, всевозможными обязанностями, обязательствами и пр. и пр., онъ, «интеллигентъ», совершенно свободенъ, свободенъ рѣшительно отъ всего, свободенъ, какъ птица небесная, а потому и можетъ плавно и легко, не стѣсненный никакимъ бесполезнымъ, затрудняющимъ движеніе, грузомъ, подняться подъ облака и парить надъ ничтожною толпою «варваровъ». Эта толпа, почти сплошь состоящая изъ совершенно безнадежныхъ глупцовъ и идіотовъ, сочинила для себя какую-то мораль, играющую роль кандаловъ на ногахъ, выдумала какія-то нелѣпыя понятія о нравственномъ долгѣ, о нравственныхъ обязанностяхъ, по временамъ ставитъ передъ собою какіе-то «святые» идеалы и ступаетъ передъ ними лбомъ объ землю, изнываетъ надъ какими-то «вопросами», безсилно доискивается, — о, *sancta simplicitas!* — какіе-то высшихъ цѣлей существованія, какого-то высшаго смысла жизни... Какъ все это глупо!... Какъ же, въ виду всего этого, ему, «интеллигенту», не сознавать своего неизмѣримаго превосходства надъ всѣми этими слѣпорожденными, надъ всѣми этими кротами? Какъ ему не презирать ихъ, — ему, орлу, порвавшему всѣ путы, не знающему никакихъ стѣсненій, эмансипировавшемуся отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ «долговъ» и «обязанностей», вырвавшемуся изъ клятки на волю и высоко парящему надъ житейскимъ болотомъ? Ему не изъ-за чего волноваться, не надъ чѣмъ изнывать, нечего доискиваться: онъ постигъ истину, онъ уловилъ смыслъ существованія, онъ знаетъ цѣль своей жизни. Онъ знаетъ, а они, жалкіе «варвары», не знаютъ, — и вотъ, это-то именно знаніе и ставитъ его такъ безконечно-высоко надъ толпою и оправдываетъ его презрѣніе къ этой толпѣ.

Какъ и все гедіальное, придуманное «интеллигентомъ», рѣшеніе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ оказывается удивительно простымъ. Это рѣшеніе цѣлкомъ сводится къ очень коротенькому, но весьма выразительному словечку — «я». Это «я» только одно и реально, кромѣ его ничего не существуетъ для личности, оно есть единственная цѣль личной жизни; весь окружающій міръ имѣетъ для человѣка интересъ, смыслъ и цѣну ровно постольку, поскольку онъ служитъ этому «я», этому богу, помимо котораго нѣтъ никакихъ другихъ боговъ. Въ интересахъ и хотѣніяхъ «я» заключается *весь* — и единственный — законъ, выше котораго лѣтъ и быть

не может никаких законовъ. Неустанно культивировать это «я», какъ можно полнѣе удовлетворять его аппетитъ, развивать его способности къ наслажденію, доставлять ему возможность переживать *maximum* желательныхъ для него ощущеній,—вотъ къ чему должна сводиться вся активная жизнь «интеллигента». Если при этомъ хотѣнія «я» придуть въ коллизію съ интересами другихъ людей или всего общества,—*tant pis* для этихъ интересовъ, такъ какъ «интеллигентъ», не задумываясь и не колеблясь, принесетъ ихъ въ жертву на алтарь своего бога, если только это окажется возможнымъ. Да и странно было бы ему задумываться, колебаться, останавливаться передъ средствами для достиженія его цѣли: вѣдь, служа своему богу, онъ *все* можетъ дѣлать, *все* считаетъ для себя дозволеннымъ! Вѣдь, окружающій міръ на то исключительно только и пригоденъ, чтобы пользоваться имъ, чтобы утилизировать его въ интересахъ собственнаго «я»! Пользуемся же мы, въ видахъ удовлетворенія нашихъ нуждъ и потребностей, живыми созданіями Божьими: однихъ изъ нихъ мы заставляемъ возить себя, другихъ стрижемъ для полученія шерсти, съ третьихъ сдираемъ шкуру, нужную намъ для приготовленія одежды и обуви, четвертыхъ убиваемъ и кладемъ въ супъ, жаримъ подъ всякими соусами... Такимъ же точно образомъ и съ такимъ же легкимъ сердцемъ считаетъ себя вправѣ относиться къ окружающей его людской толпѣ и то высшее существо, которое гордо называетъ себя «интеллигентомъ». Правда, и представители толпы, и презрѣнные «варвары», не уловившіе своимъ умомъ великой тайны жизни, тоже сплошь и рядомъ дозволяютъ себѣ очень большую свободу отношеній къ окружающей средѣ; но, не обладая тою «истиной», которая извѣстна «интеллигенту» и при свѣтѣ которой они сами для себя могли бы теоретически обосновать и оправдать свои «свободныя» дѣянія, они обыкновенно смущаются, иногда самоугрызаются, нерѣдко даже каются и, вообще, ведутъ себя самымъ безтолковымъ образомъ. Совсѣмъ другое дѣло — «интеллигентъ»: чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, онъ всегда считаетъ себя безусловно-правымъ, что сообщаетъ ему удивительную самоувѣренность, душевное спокойствіе, дѣлаетъ его духовно-сильнымъ и возноситъ его, въ его собственныхъ глазахъ, на недостижимую для обыкновенныхъ смертныхъ высоту. Онъ — единственный, верховный судья своихъ поступковъ,—судья, всегда самъ себя оправдывающій, и до нравственнаго суда, до приговоровъ окружающей его среды ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Въ сущности, онъ до такой степени переполненъ сознаніемъ своего превосходства надъ окружающими, такъ доволенъ собою, такъ поглощенъ заботами о своемъ «я», что становится совершенно индифферентнымъ къ средѣ; мало того, онъ, пожалуй, готовъ былъ бы облить всю эту среду керосиномъ и поджечь,—это доставило бы еще неизвѣданное ощущеніе его «я». Но, къ сожалѣнію, сдѣлать ему этого нельзя: вѣншній міръ ему нуженъ для питанія и ублаженія того же драгоценнаго «я»,—безъ него онъ обойтись никакъ не можетъ. А потому, хотя онъ и относится съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ обществу,

еди котораго бросила его судьба, но изъ общества этого онъ не бѣ-
тъ, не уединяется отъ него, не садится въ «келью подъ елью»... Та-
въ «интеллигентъ».

Мы набросали эту характеристику подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ
хъ подлинныхъ цитатъ изъ произведеній Барреса, которыя Беранже при-
лъ въ своей рѣчи (самихъ этихъ произведеній мы, къ сожалѣнію, подъ
нами въ данную минуту не имѣемъ), а также и подъ вліяніемъ знаком-
ва съ кое-какими другими продуктами современнаго французскаго худо-
ственнаго творчества, о которыхъ мы скажемъ слова два ниже. Что
сается упомянутыхъ сейчасъ выдержекъ изъ писаній Барреса, то вотъ
я примѣра нѣкоторыя, наиболѣе характерныя изъ нихъ; въ виду ихъ
гатель получить возможность судить, насколько сдѣланная нами выше
рактика вѣрна.

«Я люблю, потому что мнѣ нравится любить,—говоритъ про себя одинъ
героевъ Барреса,—причемъ, въ сущности, я люблю только самого се-
...» «Любить, обнимать міръ я могу не иначе, какъ только обнимая
мого себя, безконечно любя самого себя...» «Не то чтобы я удивлялся
восторгался собою во всѣхъ деталяхъ, но... я безгранично нравлюсь
тому себѣ» (*je me plais infiniment*). Чтобы съ полнымъ душевнымъ спо-
йствіемъ ублаговотворять вождѣнія своего собственнаго „я“, этотъ Нар-
съ создаетъ себѣ «міръ, изъ котораго изгнана всякая идея о долгѣ...»
ся суть заключается въ томъ, чтобы убѣдить себя, что истины ни въ
мъ нѣтъ, а есть только равныя точки зрѣнія (*manières de voir*), что
ждая изъ нихъ противорѣчитъ другой и что мы, при нѣкоторой ловко-
и, можемъ становиться на любую изъ нихъ, смотря по обстоятель-
вамъ...» Ясное дѣло, что разъ это такъ, разъ такое убѣжденіе Нарци-
мъ приобрѣтено, то ему уже нѣтъ ни малѣйшей нужды въ какихъ бы
ни было другихъ убѣжденіяхъ. Если, наприм., онъ политическій дѣя-
ль, то ему совсѣмъ не зачѣмъ ограничивать себя рамками какой-либо
ной доктрины и оставаться вѣрнымъ этой послѣдней; нѣтъ, онъ можетъ
ворачиваться въ любую сторону, сообразно съ ходомъ обстоятельствъ,
въ интересахъ своего «я», «дозволять себѣ немного даже крутые пово-
ты фронта». А чтобы продѣлывать все это съ достоюющею ловкостью
успѣхомъ, для этого нужно быть постоянно готовымъ «пустить въ ходъ
ѣ ресурсы, всѣ силы, которыми располагаешь, въ тѣхъ видахъ, чтобы
учась же можно было бы изобразить изъ себя то, что оказывается вы-
днымъ по ходу обстоятельствъ...» «Конечно, я прекрасно понимаю,
то стѣдить, само по себѣ, это комедіанство высшей школы (*cabotinage
prérieurs*), я его презираю, какъ презираю все на свѣтѣ, но я его обо-
аю» (*je l'adore*)... И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Пусть читатель
зшь припомнить дѣянія извѣстнаго ему героя драмы А. Додэ: *Борьба
и существованіе*, Поля Астье, этого характернаго для текущей современ-
ости *struggle-for-life* ера, о которомъ нашъ ораторъ, студентъ Беранже,
чему-то не упомянулъ въ своей рѣчи, и тогда онъ пойметъ, къ чему

должно приводить, и приводить, примѣненіе на практикѣ полныхъ возмутительнаго цинизма эгоистическихъ взглядовъ героевъ Мориса Барреса. Весьма выразительнымъ обращеніемъ почти того же самаго типа является и герой романа *Disciple*, также не безызвѣстнаго русской публикѣ и написаннаго Бурже подѣ влияніемъ негодованія противъ глубоко возмущающихъ нравственное чувство тенденцій барресовскихъ персонажей. Этотъ герой, Робертъ Грелу, тоже характерный «интеллигентъ», тоже хищная душа, тоже дошедшій до звѣринаго состоянія эгоистъ, желѣющій свое собственное «я», признающій законность всѣхъ своихъ вожделѣній, помышляющій только о трепетаніи своихъ собственныхъ нервовъ, съ легкимъ сердцемъ производящій въ этихъ видахъ жестокіе эксперименты надъ живыми людьми окружающаго среды и хладнокровно творящій при этомъ величайшія мерзости, оправдывая ихъ философіею и наукою...

А вотъ, далѣе, какіе звуки издаютъ поэты того молодаго поколѣнія, къ которому принадлежитъ самъ Барресъ и герои его произведеній, т. е. поколѣнія 80-хъ годовъ. Въ *Revue des Deux Mondes* за прошедшій годъ (отъ 1 февраля) напечатано слѣдующее характерное стихотвореніе, вылившееся изъ-подъ пера Эдм. Гаракура и названное *La Citadelle*:

„Si tu veux être grand, bâtis la citadelle
Loin de tous et trop haut, bâtis la pour toi seul;
Qu'elle soit imprenable et vierge, et qu'autour d'elle
Le mont fasse un rempart et la neige un linceul!..

C'est là qu'il faut bâtir l'asile de ton âme,
Et pour que ton désir y soit la seule loi,
Que rien n'accède à lui, de l'éloge ou du blâme,
Grave sur ton seuil blanc le mot magique: *Moi*.

Tu n'as qu'une patrie au monde, c'est toi-même!
Chante pour elle, et sois ton but, et suis ton vœu;
Chante, et quand tu mourras, meurs dans l'orgueil suprême
D'avoir vécu ton âme et fait vivre ton dieu!..“ *)

Какое великолѣпное презрѣніе къ окружающему міру, какое упоеніе своимъ собственнымъ божественнымъ «я», какой безпредѣльный эгоизмъ звучитъ въ этихъ строкахъ!

Таковъ-то вотъ духовный представитель молодаго поколѣнія 80-хъ годовъ. Это—крайній, самодовольный, ничѣмъ не смущающійся дилетантъ,

*) Если ты хочешь быть великъ, строй себѣ крѣпость вдали отъ всѣхъ и какъ можно выше, строй ее для одного себя. Пусть она будетъ недоступна ни для кого, пусть гора послужитъ для нея защитительнымъ валомъ, а снѣгъ — покровомъ... Тамъ именно нужно устроить тебѣ убѣжище для твоей души. А чтобы твоя воля была тамъ единственнымъ закономъ, чтобы ничто не доносилось туда, — ни хвала, ни хула людская, — выгравировуй на твоёмъ чистомъ порогѣ магическое слово: „Я“... У тебя только одно отечество въ мірѣ, это—ты самъ!... Пой для него, и будь самъ для себя единственною цѣлью, сосредоточивай на самомъ себѣ всѣ свои помисли и желанія... Пой, а когда придетъ время умирать, то умирай съ гордымъ сознаниемъ, что твоя душа жила и что ты служилъ твоему богу!...

отъявленнѣйшій скептикъ, не имѣющій *ni foi, ni loi*, рафинированный, безпощадный, самопоклоняющійся эгоистъ. Но откуда же, спрашивается, онъ явился? Воснувшись этого вопроса, Беранже замѣтилъ, что эти барресовскіе «интеллигенты», эти молодые люди 1880 года имѣютъ черты фамиліаго сходства съ ихъ предшественниками 1872 года. «Какъ и эти послѣдніе, они скептики, какъ и тѣ, они дилетанты и адепты культа собственнаго «я», являющагося въ ихъ глазахъ единственно реальною вещью въ жизни. Они читали тѣ же самыя книги, подвергались однимъ и тѣмъ же социальнымъ вліяніямъ. Но, благодаря тому, что они *родились позже*, имъ пришлось *меньше страдать*». Будучи свободными отъ тѣхъ угнетающихъ мрачно-пессимистическихъ настроеній и горькихъ, мучительныхъ разочарованій, которыя достались на долю ихъ предшественникамъ, «они восприняли и возвеличили тѣ самыя идеи, которыя этими ихъ предшественниками приняты были только послѣ тяжелой внутренней борьбы, приняты со стыдомъ...» «Въ той нравственной болѣзни, жертвами которой тѣ (предшественники) оказались и отъ которой не имѣли возможности исцѣлиться, они (люди 80-хъ годовъ) усмотрѣли для себя здоровье,—фигтивное здоровье, худшее самой смерти...» «Они отличаются характерною чертой: въ то время, какъ Бурже и его друзья уходили въ сферу мечты, Барресъ и тѣ молодые люди, типичнымъ образомъ которыхъ онъ является, выступили на поприще активной дѣятельности и занялись практическимъ примѣненіемъ ихъ теорій...»

Такова, по Беранже, родословная объявившихся въ 80-хъ годахъ молодыхъ «интеллигентовъ» и «свободныхъ людей», являющихся настоящими «героями нашего времени». Родословную эту можно было бы пояснить, дополнить еще кое-какими и другими элементами, но, за недостаткомъ мѣста, дѣлать этого мы теперь не будемъ.

IV.

«Съ тѣмъ ли же самымъ духомъ, что и предъидущее, вступаетъ въ жизнь новое поколѣніе, представители котораго имѣютъ теперь отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ? Не будетъ ли и оно также поколѣніемъ дилетантовъ и не разрѣшитъ ли задачу существованія путемъ того же индивидуалистическаго пессимизма?»—спрашиваетъ Беранже, переходя къ нравственной характеристикѣ и оцѣнкѣ *своею* поколѣнія, поколѣнія начала 90-хъ годовъ. Желая дать читателю какъ можно болѣе точное представленіе о духовной эволюціи теперешней французской интеллигентной молодежи и о томъ, какъ представляетъ себѣ эту эволюцію сама молодежь, мы постараемся говорить, по возможности, подлинными словами нашего ратора:

«Интеллигентная молодежь 1890 года,— замѣтилъ, между прочимъ, Беранже,—рѣшительно порвала и, притомъ, въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, со своими непосредственными предшественниками. Въ средѣ ея

совершается теперь эволюція,—пока еще не вполне отчетливо опредѣлившаяся, а потому и таинственная, но, быть можетъ, грандіозная. Пробужденіе *соціологическаго духа* даетъ о себѣ знать съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, и полное торжество этого новаго направленія умовъ есть только вопросъ времени. Сознаніе того, что ни одна мысль не является изолированной въ жизни, что есть коллективная душа, составленная изъ всѣхъ индивидуальныхъ душъ, — это сознаніе проникаетъ собою всѣ урованія, всѣ мечты, всѣ дѣйствія новаго поколѣнія...» Обнаруживается сильный подъѣмъ, мощное, многообъщающее возрожденіе духа. Строго говоря, это возрожденіе началось не съ сегодняшняго дня; съ нѣкотораго времени оно исподволь подготавливалось отдѣльными избранными мыслителями, явившимися въ роли предтечъ новаго умственнаго движенія. Эти мыслители устранили тѣ подводные камни, на которые прежде натывалась и объ которые разбивалась мысль молодежи, искавшей истины и стремившейся къ свѣту; они разломали ту глухую стѣну, въ которую эта молодежь упиралась лбомъ въ своихъ поискахъ за отвѣтомъ на «проклятые» вопросы и, такимъ образомъ, расчистили дорогу для юной интеллигенціи, раскрыли передъ взорами этой послѣдней широкіе умственные горизонты. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ самъ Беранже. Изъ авторовъ, наиболѣе способствовавшихъ освобожденію юныхъ умовъ изъ-подъ тяжелаго гнета прежнихъ, доводившихъ до безнадежнаго пессимизма, философскихъ ученій, онъ указываетъ, прежде всего, на Бутру́, который, въ своемъ произведеніи *Contingence et lois de la Nature*, «нанесъ тяжелый ударъ догмѣ детерминизма, ясно показавъ, что въ каждомъ явленіи есть нѣчто недоконченное, недетерминированное, и что фактъ этой недетерминированности заставляетъ предчувствовать въ основахъ природы элементъ самопроизвольности...» Вслѣдъ за Бутру́ выступили на сцену Фузье *) и Гюйо **), прочно обосновавшіе ученіе объ «идеяхъ-силахъ» (*idées-forces*) и, такимъ образомъ, выяснявшіе ту великую истину, что человѣкъ есть далеко не автоматъ, далеко не слѣпая пѣшка, пассивно подчиняющаяся внѣшнимъ стихійнымъ силамъ и вліяніямъ и покорно идущая туда, куда ее толкаютъ эти силы и вліянія, а существо активное, могущее своею мыслью оказывать воздѣйствіе на міръ, видоизмѣнять его сообразно со своими желаніями, строить его по своей волѣ, по своему плану. Въ томъ же направленіи работали и нѣкоторые представители художественной и философской критики, какъ, на примѣръ, Брюнетьеръ, сильно дискредитировавшій натуралистическую литературную школу, — Мельхиоръ де-Вогюэ, познакомившій французскую публику съ «русскою душой», поскольку она отразилась въ

*) *Liberté et Determinisme.—L'idée du Droit.—L'avenir de la morale, de l'art et de la religion.—Critique des systèmes de morale contemporains.—L'évolutionnisme des idées-forces.*

**) *Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction.—L'irréligion de l'avenir.—Les problèmes de l'esthétique contemporaine.—L'art au point de vue sociologique.—Education et hérédité.*

русскомъ романѣ, — Габриэль Сарразенъ, указавшій на большое социальное значеніе произведеній Шелли, Теннисона и другихъ великихъ англійскихъ поэтовъ, — Эмиль Эннекенъ (*La critique scientifique*), «разрушившій детерминистскія теоріи Тэна и установившій ту, предугаданную уже Карлейлемъ, истину, что ничто иное, какъ именно человѣческій духъ, героическій духъ великихъ людей вызываетъ социальныя или литературныя движенія».

Таковы были, по указанію Беранже, главнѣйшіе учителя теперешней юной французской интеллигенціи. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько основательны категорическія утвержденія нашего оратора, что такіе-то и такіе-то мыслители «нанесли тяжелый ударъ», пошатнули или даже и совсѣмъ «разрушили» такія-то и такія-то философскія ученія или концепціи, не будемъ разбирать, дѣйствительно ли, наприм., вѣрно, что научный детерминизмъ убитъ работами Бутру или Эннекена. Все это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, да, къ тому же, не имѣетъ теперь для насъ и существеннаго значенія. Въ данномъ случаѣ намъ важно знать не то, вѣрно ли оцѣнивала интересующая насъ молодежь значеніе указанныхъ выше работниковъ мысли, а то, что эти работники произведеніями своими сильно дѣйствовали на молодежь, будили ея мысль, открывали передъ нею широкія и свѣтлыя идейныя перспективы, восстанавливали и оживляли вѣру въ силу личности, въ возможность активнаго воздѣйствія на среду, толкали на путь широкой и живой дѣятельности, ободряли, поднимали духъ, — короче, вліяли на юные умы и сердца стимулирующимъ, обновляющимъ, животворнымъ образомъ. А это все они дѣйствительно дѣлали, какъ о томъ свидѣтельствуетъ намъ Беранже.

Каковъ же былъ результатъ этихъ идейныхъ воздѣйствій и вліаній? Эти послѣднія оторвали молодежь отъ узкаго, холоднаго, наводящаго уныніе позитивизма, отъ сухаго, мертвящаго матеріализма и увлекли воскресшія, благодаря этому, юныя души въ высшую, идеальную сферу, гдѣ ихъ воснулось дыханіе мировой жизни, гдѣ личное «я» стало казаться слишкомъ мелкимъ и ничтожнымъ, чтобъ дѣлать его исключительнымъ центромъ всѣхъ личныхъ помысловъ. Поднявшись въ эту чистую сферу, мыслящая молодежь не замедлила увидѣть и понять, что, кромѣ маленькаго личнаго «я», существуетъ еще нѣчто безконечно болѣе великое, возвышенное, важное и интересное, нѣчто такое, внѣ чего «я» не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, въ чемъ оно черпаетъ свою силу и благодаря чему оно только и живетъ, и развивается, и совершенствуется, и наслаждается. Это нѣчто — великая среда живыхъ людей, общество, человѣчество. Личность можетъ достигать наивысшаго развитія и совершенства, можетъ обезпечить для себя наивысшій максимумъ радостей и наслажденій не иначе, какъ только сливаясь съ этимъ великимъ цѣлымъ, безконечно малую интегральную часть котораго она составляетъ, не иначе, какъ только растворяясь въ немъ, отдавая ему всѣ свои силы, всю свою душу и всецѣло забывая о себѣ. Чѣмъ полнѣе будетъ все это она дѣлать, тѣмъ больше сдѣлаетъ

она и для своего «я», тѣмъ вѣрнѣе обезпечить и свое счастье. Но подавляюще-большую часть этого великаго дѣла составляютъ трудовыя массы, народъ, въ точномъ и широкомъ значеніи этого слова. Значить, интересы этого самаго народа, а не того, узенькаго мірка, въ которомъ вращается теперь представитель современной интеллигенціи, и должны стать единственнымъ объектомъ всѣхъ помысловъ живой мыслящей личности. Но служить этимъ интересамъ можно не иначе, какъ только сдѣлавъ ихъ *своими* интересами, не иначе, какъ только озаряя и согрѣвая темную народную массу животоорнымъ свѣтомъ знанія, являясь въ средѣ этой массы проводникомъ науки, этого могучаго эмансипирующаго фактора... И такъ, *знаніе* и *народъ*—вотъ тѣ два магическія слова, которыми резюмируются смыслъ и дѣль личной жизни, которыя ясно выражаютъ искомую истину, даютъ ключъ къ жизненной загадкѣ и указываютъ на источникъ живой воды. Въ нихъ, въ этихъ двухъ многозначительныхъ словахъ, «весь законъ и всѣ пророки».

Быть можетъ, мы нѣсколько полнѣе, систематичнѣе и категоричнѣе выразили новое, еще только слагающееся *profession de foi* современной французской интеллигентной молодежи, чѣмъ это сдѣлалъ нашъ юный ораторъ въ своей рѣчи. Но что мы ни на одну іоту не погрѣшили противъ основнаго смысла этой рѣчи и не навязали оратору своихъ собственныхъ мыслей и взглядовъ, въ этомъ читатель во-очію можетъ убѣдиться по слѣдующимъ отрывкамъ изъ заключительной части интересующей насъ конференціи: «Новая генерация будетъ, прежде всего, *соціальною* (*sociale*),—говорить намъ Генрихъ Беранже,—другими словами, она будетъ проявлять, въ искусствѣ и политикѣ, въ дѣйствіяхъ и въ мысли, свое тяготѣніе къ новому обществу, свою вѣру въ науку и демократію, свою любовь къ народу и отечеству». Наука и демократія—это два самые главные, самые могущественные фактора будущей общественной эволюціи. Дилетанты предшествовавшихъ поколѣній не хотѣли, а, можетъ быть, и не могли этого понять. «Они порѣшили, что наука и демократія дошли до банкротства. Это было бы дѣйствительно вѣрно, если бы въ конечномъ результатѣ науки оказался только позитивизмъ да индустриализмъ, если бы демократія оказалась способною привести только къ торжеству пошлой плутократіи. Но, вѣдь, все это—явленія переходящія, зло исцѣляемое,—зло, изъ-за котораго мы не должны забывать о великомъ движеніи, увлекающемъ новый міръ. Позитивизма уже не существуетъ больше, а настанетъ, конечно, день, когда будетъ разрѣшенъ и вопросъ объ индустриальномъ трудѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ о плутократіи». Въ послѣднемъ счетѣ, «новѣйшею эволюціей долженъ руководить духъ; а самымъ высшимъ, самымъ активнымъ, самымъ плодотворнымъ началомъ этого духа является любовь...» Таковы идеи и вѣрованія, толкающія впередъ новое поколѣніе интеллигентной молодежи. «Благодаря имъ, можетъ быть заново создано общество, въ которомъ «я» каждаго не будетъ стоять въ антагонизмѣ съ коллективностью и въ которомъ мечта является сестрою живаго дѣла...»

«Вмѣсто искалѣченнаго, умаленнаго, исходящаго кровью «я», составляющаго все достояніе дилетантовъ и пессимистовъ, выростутъ серьезные и сильныя души, способныя вполне проникнуться новымъ духомъ и явиться живыми выраженіями его...» «Не иначе, какъ только поворачиваясь въ сторону новаго свѣта (*nouvelle lumière*), проникаясь духомъ науки и демократіи, одушевленныхъ моральною идеей, и приобщаясь къ великой коллективной душѣ, мы можемъ вновь обрѣсти и энергію, и вѣру, этихъ матерей великихъ дѣяній и произведеній».

Таковы тѣ, поистинѣ, грандіозные результаты, которые, по словамъ Беранже, съ каждымъ днемъ все яснѣе и отчетливѣе начинаютъ теперь намѣчаться въ процессѣ духовной эволюціи современной французской интеллигентной молодежи. Говоря о факторахъ этой эволюціи, объясняя эту послѣднюю, нашъ ораторъ, какъ мы видѣли, ограничился указаніемъ на одни только идейныя вліянія, которыя исходили отъ разныхъ передовыхъ мыслителей вроде Гюйо, Фулье и пр. По всей вѣроятности, читателю нашему покажется, — какъ это показалось и намъ самимъ, — что одного такого указанія, одного такого объясненія въ данномъ случаѣ слишкомъ недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, неужели интересующіе насъ юноши сидѣли и почитывали хорошія книжки, да только подъ впечатлѣніемъ этого чтенія и стали отшатываться отъ эгоистическаго міросозерцанія, такъ всецѣло господствующаго въ окружающей ихъ средѣ, круто повернулись въ сторону общечеловѣческихъ идеаловъ и потянулись къ народу, къ демократіи? Неужели только поэтому? Едва ли. Говоря это, мы, само собою разумѣется, вовсе не думаемъ отрицать или даже только умалять великое, само по себѣ, животворное вліяніе хорошей книжки, живаго, ободряющаго душу слова. Мы очень хорошо знаемъ и признаемъ огромное значеніе идейныхъ вліяній; мы вполне раздѣляемъ, въ основныхъ его чертахъ, современное ученіе объ «идеяхъ-силахъ», въ которыхъ видимъ ничто иное, какъ высшее изъ извѣстныхъ намъ преобразованій той же самой живой мировой энергіи, которая служитъ первоисточникомъ силъ электрической, свѣтовой и пр.; на человѣчество же смотримъ какъ на одинъ огромный аккумуляторъ «идей-силы» или психической силы, при достаточномъ запасѣ которой человѣкъ, въ концѣ-концовъ, и покоритъ всецѣло міръ, и осуществитъ въ немъ свой идеаль. При такомъ взглядѣ мы не можемъ, конечно, не видѣть въ идеяхъ, въ идейныхъ вліяніяхъ одного изъ крупнѣйшихъ факторовъ духовной эволюціи; но, при всемъ томъ, мы полагаемъ, что для проявленія идеи, какъ живой, активной силы, необходимы извѣстныя условія и что одной ея мало для объясненія эволюціоннаго процесса. Мы знаемъ, что въ жизни человѣческихъ обществъ бывають такія эпохи, такіе дни, когда даже и великія идеи оказываются безсильными и когда выражающее ихъ слово замираетъ, какъ въ пустынѣ, не находя для себя почти никакого отклика; но знакомы намъ по исторіи и другіе моменты, когда та или другая идея носится, какъ говорятъ, въ воздухѣ и когда достаточно бываетъ только формулировать

ее, облечь живымъ словомъ, чтобы она тотчасъ же произвела пожаръ въ умахъ и сердцахъ. Отсюда слѣдуетъ, что есть еще нѣчто помимо комплекса отвлеченныхъ идей, что обуславливаетъ данную духовную эволюцію или, по крайней мѣрѣ, ускоряетъ ее. Это нѣчто, несомнѣнно, должно играть весьма существенную роль и въ занимающемъ насъ умственномъ движеніи, совершающемся теперь въ средѣ французскаго интеллигентнаго юношества. Вѣдь, и предшествовавшія два поколѣнія молодыхъ людей (70-хъ и 80-хъ годовъ) духовно слагались не исключительно только подъ вліяніемъ однихъ идейныхъ вѣяній. Говоря о тѣхъ поколѣніяхъ, Беранже указалъ на эти вѣянія, но при этомъ онъ сослался еще и на другія вліянія, — историческія, бытовыя. Толкуя же о юношествѣ 90-го года, онъ, повторяемъ, поспешилъ на объясненія, ограничившись ссылкой на бодршія, оживляющія ученія Гюйо, Фулье и т. д. Получается, такимъ образомъ, пробѣлъ въ объясненіяхъ, и, притомъ, весьма крупный и существенный. О пробѣлѣ этомъ намъ придется еще сказать слова два ниже; тогда читатель увидитъ, что это пустое мѣсто и само по себѣ представляетъ собою весьма интересное явленіе. Теперь же, пока что, постараемся вратцѣ отвѣтить вотъ на какіе, возможные со стороны читателя, вопросы: дѣйствительно ли вѣрно все то, о чемъ Беранже говорилъ въ своей конференціи? Дѣйствительно ли умственное движеніе современной французской интеллигентной молодежи носить на себѣ такой свѣтлый и возвышенный характеръ, какъ это мы, по указаніямъ нашего оратора, изобразили на предыдущихъ страницахъ? Не явился ли этотъ ораторъ выразителемъ только своихъ собственныхъ идей, чувствъ, вѣрованій и тенденцій? Не представляетъ ли собою студентъ Генрихъ Беранже только «одну ласточку», какъ извѣстно, «не дѣлающую весны»?

Нѣтъ, движеніе именно таково, и Беранже вовсе не «одна ласточка», такъ что въ наступленіи «весны» не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. У насъ имѣется не мало данныхъ, могущихъ служить довольно вѣскими и убѣдительными доказательствами справедливости нашего утвержденія. Прежде всего, напоминаемъ читателю о томъ немаловажномъ обстоятельстве, что извѣстная уже намъ конференція читалась въ присутствіи полутысячной толпы студентовъ, обращаясь къ которымъ, Беранже и говоритъ: вотъ что такое вы собою представляете, вотъ что думаете и чувствуете, вотъ къ чему стремитесь. Аудиторія отвѣтила на это восторженными рукоплесканіями и тѣмъ самымъ торжественно засвидѣтельствовала справедливость утвержденій оратора, категорически заявила, что студенчество (по крайней мѣрѣ, парижское) дѣйствительно именно такъ думаетъ, чувствуетъ и вѣруетъ. Помимо этого, мы можемъ указать здѣсь еще и на другія обстоятельства, говорящія намъ о томъ же самомъ.

Есть въ Парижѣ молодой еще профессоръ, Эрнестъ Лависсъ, занимающій кафедру исторіи на словесномъ факультетѣ. Популярностью среди парижской учащейся молодежи онъ пользуется необычайною: это — идолъ студентовъ. На лекціяхъ его всегда давка, слушать его собираются студенты

всѣхъ факультетовъ. Читаетъ онъ, дѣйствительно, замѣчательно хорошо, живо, увлекательно. Парижъ знаетъ немало громкихъ университетскихъ именъ, каковы, наприм., Гизо, Маркъ Жирарденъ, а изъ позднѣйшихъ Каро (недавно умершій). Лекціи этихъ знаменитыхъ, модныхъ въ свое время профессоровъ тоже привлекали большія толпы слушателей,—толпы, на большую долю состоявшія изъ представителей большого свѣта, изъ солидныхъ, сановныхъ особъ, изящныхъ аристократическихъ дамъ, фешенебельныхъ кавалеровъ,—однимъ словомъ, изъ «сливокъ» парижскаго общества. Что же касается Лависса, то аудиторія у него совсѣмъ, совсѣмъ другая: это все почти сплошь молодежь Латинскаго квартала,—молодежь, для которой Лависсъ исключительно только и читаетъ, которой онъ отдаетъ весь свой недюжинный талантъ и всѣ свои силы и жизнью которой онъ живетъ самъ. Почти все свое время онъ проводитъ въ студенческой средѣ, постоянно онъ окруженъ студентами. Безъ него не обходится почти ни одна студенческая сходка, ни одно собраніе, причемъ онъ всегда является желаннымъ, дорогимъ гостемъ, онъ посѣщаетъ запросто студентовъ въ ихъ квартирахъ, собираетъ ихъ у себя, дѣлится съ ними своими завѣтными идеями и мечтами, отдаетъ имъ свою душу; студенты платятъ ему тою же монетой: передъ нимъ у нихъ душа на распаху, они боготворятъ его, видятъ въ немъ близкаго, интимнаго друга, старшаго брата... Счастливые студенты, счастливыя профессоры!...

Ну, такъ вотъ этотъ самый Лависсъ вздумалъ недавно побесѣдовать съ публикою о своихъ, такъ близко и хорошо ему извѣстныхъ, молодыхъ дорогихъ друзьяхъ, студентахъ, и напечаталъ въ *Journal des Débats* (въ началѣ февраля прошлаго года) небольшую, но очень интересную статью, въ которой, говоря объ извѣстной намъ конференціи Беранже, высказалъ свои соображенія о томъ, что такое представляетъ собою въ духовномъ отношеніи нынѣшняя интеллигентная молодежь. Показанія этого авторитетнаго и компетентнаго свидѣтеля вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что набросанный нами выше портретъ представителя современной молодой французской интеллигенціи какъ нельзя болѣе сходенъ съ оригиналомъ. «Что касается лично меня,—писалъ, между прочимъ, этотъ свидѣтель,—то я имѣю нѣкоторыя основанія надѣяться, что эта рѣчь (Беранже) вовсе не есть гласъ вопіющаго въ пустынь. Среди молодежи я знаю много *homines bonae voluntatis*. Они съ вѣрою смотрятъ въ будущее, и эта вѣра, на нашихъ глазахъ, растетъ изъ года въ годъ. Каждый день мы получаемъ много и устныхъ, и письменныхъ заявленій, свидѣтельствующихъ намъ о надеждѣ на возрожденіе». По наблюденіямъ Лависса, теперешняя французская интеллигентная молодежь распадается на три различныя категоріи. «Одна часть этой молодежи,— правда, наименьшая, можно даже сказать, составляющая ничтожное меньшинство,—группируется сомкнутыми рядами вокругъ церкви. Это—студенты вѣрующіе и рѣшительно, открыто, какъ бы официально придерживающіеся религіозной обрядности. Другая часть, тоже малая, также религіозна, но мечтаетъ объ обновленіи церкви, о томъ»

чтобы въ основу этой послѣдней положено было ученіе Конфуція. Наконецъ, третья категория молодежи, самая значительная, составляющая сильное большинство, ищетъ высшаго принципа (*un au-delà*) въ наукѣ, въ политикѣ, въ демократіи, ищетъ, не зная хорошенько, что это за принципъ, но глубоко вѣруя въ то, что онъ существуетъ именно въ этой сферѣ и что нужно стремиться къ его познанію. Такимъ образомъ, одною изъ характерныхъ чертъ современной молодежи, той, которая мыслить (вѣдь, въ каждой генерациіи есть вялая, инертная масса, и большинство всегда и вездѣ представляетъ собою стадо), является, такъ сказать, тоска по божественному элементу (*la nostalgie du divin*)... «Изъ этихъ трехъ группъ молодежи,—продолжаетъ нашъ профессоръ,—первая, признаюсь, возбуждала бы во мнѣ тревогу, еслибъ ей предстояло сдѣлаться господствующею,—тревогу потому, что она узка, нетерпима, исключительна, непримирима; но... преобладать и господствовать она никогда не будетъ. Остальныя двѣ группы меня также беспокоили бы, если бы онѣ обречены были истощать свой интеллектъ въ мечтательныхъ поискахъ непознаваемого, беспокоили бы потому, что намъ, прежде всего и во что бы то ни стало, нужно,—нужно не завтра, а сегодня,—не мечтать, а *дѣйствовать*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, теперь вовсе нѣтъ нужды обладать слишкомъ тонкимъ слухомъ, чтобы отчетливо слышать громовые раскаты Везувія». Но за эту часть молодежи, въ особенности за послѣднюю, самую многочисленную категорию ея, Лависсъ не боится; она сгораетъ жаждою дѣятельности, ищетъ руководящаго принципа тамъ, гдѣ его только и можно найти, и, вообще, стоитъ на вѣрномъ пути.

Есть въ Парижѣ еще другой человѣкъ, пользующійся въ средѣ учащагося юношества тоже большою популярностью и вліяніемъ, хотя и гораздо меньшими, чѣмъ Лависсъ. Это — Мельхиоръ де-Вогюэ. Популярность этого человѣка сама по себѣ представляетъ, съ интересующей насъ точки зрѣнія, довольно любопытный и знаменательный фактъ. Лависсъ, о которомъ мы только что говорили, есть горячій адептъ свободной мысли, проникнутый идеалистическими, гуманитарными и демократическими тенденціями, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что молодежь, тоже тяготящая къ гуманитарному идеализму и демократіи, носить его на рукахъ. Но Вогюэ? Вѣдь, онъ — мистикъ и католикъ, вѣрный сынъ католической церкви, къ которой принадлежитъ и по традиціи, и по душевному влеченію. Какимъ образомъ, чѣмъ онъ могъ завоевать симпатіи молодежи, въ огромномъ большинствѣ своемъ, какъ мы знаемъ, совсѣмъ не католической? Загадка эта разрѣшается очень просто: по своимъ убѣжденіямъ, симпатіямъ и стремленіямъ Вогюэ принадлежитъ къ народившейся за послѣдніе годы группѣ католиковъ-соціалистовъ или соціальныхъ католиковъ, выгодно отличаясь отъ весьма многихъ изъ нихъ своею полнѣйшею искренностью. Онъ постоянно и горячо проповѣдуетъ молодежи противъ «дикаго индивидуализма», толкаетъ ее въ сферу идеала, говорить о гуманности, братствѣ, стремится вдохнуть въ нее вѣру, возбудить въ ней жажду

нравственнаго возрожденія, подвига. Въ проповѣди его весьма отчетливо звучатъ мистическія, религіозныя ноты, но... молодежь пропускаетъ какъ-то эти ноты мимо ушей, истолковываетъ его горячія рѣчи въ смыслѣ благопріятномъ для нарождающихся въ ней самой симпатій и тенденцій, беретъ изъ этихъ рѣчей то, что оказывается пригоднымъ для складывающагося въ ней новаго міросозерцанія, и восторженно рукоплещетъ проповѣднику. Выходитъ какъ будто бы маленькое недоразумѣніе, которое, однако же, какъ оказывается, нисколько не мѣшаетъ учителю и его слушателямъ жить въ мирѣ, согласіи и любви. Заговорили мы здѣсь о Вогюэ потому, что онъ, какъ и Лависсъ, является для насъ тоже очень цѣннымъ свидѣтелемъ. Въ томъ же самомъ студенческомъ журналѣ, *L'Université de Paris*, въ которомъ напечатана интересовавшая насъ выше конференція студента Беранже, — только мѣсяцемъ раньше, — Мельхиоръ де-Вогюэ помѣстилъ весьма любопытный этюдъ свой — *Ceux qui ont vingt ans*. Въ этюдѣ этомъ онъ, между прочимъ, заявляетъ, что въ современномъ французскомъ интеллигентномъ юношествѣ его поражаютъ три, бросающіяся въ глаза, вещи: во-первыхъ, серьезное и искреннее стремленіе къ высшему нравственному идеалу; во-вторыхъ, страстное желаніе практической дѣятельности и, въ-третьихъ, рѣзко выраженная тенденція направлять свою дѣятельность въ сферу социальныхъ вопросовъ, съ цѣлью способствовать матеріальной и духовной эволюціи демократіи. Считаемъ не лишнимъ прибавить при этомъ, что на тѣ же самые симптомы указывали, между прочимъ, въ своихъ рѣчахъ и проф. Гебгардтъ, и Жюль Ферри, присутствовавшіе, въ началѣ мая прошлаго года, въ качествѣ почетныхъ гостей на многолюдномъ банкетѣ, устроенномъ парижскими студентами въ память четвертой годовщины основанія ихъ «ассоціаціи».

Таковы свидѣтельства, категорически, какъ видимъ, подтверждающія справедливость всего сказаннаго нами выше о направленіи и характерѣ умственнаго движенія, совершающагося теперь въ средѣ французскаго интеллигентнаго юношества. Но, помимо всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, мы можемъ указать еще и на кое-какіе факты, весьма недвусмысленно говорящіе намъ о томъ, что для юношества этого наступила пора духовной весны, пора обновленія. Начавъ думать и чувствовать въ томъ направленіи, что такъ жить, какъ жили ихъ предшественники, дольше нельзя, что узкій индивидуалистическій эгоизмъ только сушитъ, калѣбитъ и губитъ души, что спасеніе можетъ быть найдено только въ сферѣ широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, что безусловно необходима активная борьба за эти идеалы, энергическое воздѣйствіе на окружающую среду въ гуманитарно-демократическомъ духѣ, представители молодежи мало-по-малу пришли къ тому сознанію, что пока они будутъ оставаться разьединенными, разрозненными, до тѣхъ поръ они будутъ оказываться бессильными, неспособными сдѣлать что бы то ни было серьезное въ смыслѣ своихъ идей и чувствъ и оказать благотворное вліяніе на окружающій ихъ міръ. И вотъ ихъ охватываетъ горячій, могучій порывъ ко взаимной солидарности,

къ тѣсному союзу, къ братскому единенію. Точно по волшебству, вырастаетъ огромная, сильная *Association des Étudiants de Paris*, объединяющая въ себѣ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Парижѣ, насчитывающая въ настоящее время болѣе 4,000 дѣйствительныхъ членовъ (не считая множества почетныхъ—профессоровъ, депутатовъ, писателей, художниковъ и т. д.), располагающая весьма почтеннымъ денежнымъ фондомъ, имѣющая свой собственный, обширный и прекрасный домъ, предоставляющая къ услугамъ своихъ членовъ богатую библіотеку, цѣлый рядъ учебныхъ кабинетовъ со всѣми пособиями, шевелиющая юныя головы и сердца постоянными публичными лекціями, конференціями, на широкихъ началахъ организовавшая дѣло взаимной всесторонней помощи... И все это большое, крупное предпріятіе создано, окрѣпло и развилось всего въ какіе-нибудь четыре года! Но этого мало. Объединившись, университетская молодежь почувствовала себя достаточно сильною, чтобы выступить на поприще практической дѣятельности, на активное служеніе своимъ широкимъ и свѣтлымъ идеаламъ. Она рѣшила понести свѣточъ знанія, науки, въ темную народную среду, пошла въ рабочіе кварталы, стала устраивать тамъ, все при помощи той же ассоціаціи, разнаго рода образовательныя и филантропическія учрежденія. Далѣе, вполне основательно полагая, что въ существующихъ республиканскихъ учрежденіяхъ заключается все спасеніе страны, что на этихъ учрежденіяхъ покоятся всѣ надежды демократіи, она рѣшительно выступила, какъ извѣстно, на политическую арену, объявила войну врагамъ республики, дружно, какъ одинъ человѣкъ, повела и энергично, стойко выдержала до конца долгую и трудную кампанію противъ буланжизма.

V.

Въ то самое время, какъ въ Латинскомъ кварталѣ, среди учащагося юношества, идетъ то въ высокой степени симпатичное и многообѣщающее умственное движеніе, о которомъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ, на правомъ берегу Сены, въ средѣ молодыхъ писателей-художниковъ, совершается духовная эволюція, запечатлѣнная тѣмъ же самымъ характеромъ, что и лѣвобережная.

Осенью прошлаго года, въ одномъ изъ скромныхъ кафе праваго берега, собрались разъ вечеромъ побесѣдовать шесть человѣкъ писателей, среди которыхъ оказались люди и съ довольно извѣстными, даже громкими именами. Такъ, въ числѣ собесѣдниковъ былъ немолодой уже лѣтами, но совсѣмъ еще юный душою Леонъ Владель, извѣстный (только, къ сожалѣнію, не у насъ) авторъ длиннаго ряда чрезвычайно талантливыхъ и въ высокой степени симпатичныхъ по своему внутреннему смыслу беллетристическихъ произведеній. Тутъ были далѣе Роні (*Rosny*), тоже немолодой и тоже очень талантливый мыслитель-романистъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе и создавшій себѣ прочное положеніе въ литературѣ своими

нѣсколько своеобразно написанными, но глубокими по замыслу и полными жерезнаго внутреннего содержанія социальными романами: *Bilateral*, *Mare Fane* и др., Жорж Ренаръ, человекъ среднихъ лѣтъ, ученый профессоръ Лозаннскаго университета, изъ-подъ пера котораго вышло не мало цѣнныхъ трудовъ по социальнымъ вопросамъ, затѣмъ Февръ, Бернье и Табаранъ, всѣ трое совсѣмъ еще молодые люди, всецѣло посвятившіе себя литературѣ, но еще не успѣвшіе приобрести извѣстности за предѣлами парижскихъ литературныхъ круговъ. Все это люди одного и того же литературнаго направленія, одной эстетической вѣры, одинаковыхъ убѣжденій и взглядовъ на задачи литературы и искусства. Всѣ они сходятся въ томъ, что современная французская художественная литература находится въ крайнемъ упадкѣ, что она страшно опошлѣлась, измельчала, что она приравливается къ низменнымъ вкусамъ и потакаетъ низменнымъ аппетитамъ и вождельніямъ толпы, улицы, что на поприщѣ ея подвизается теперь все заполонившая собою армія людей, эмансипировавшихся отъ всякихъ идей и убѣжденій, совсѣмъ забывшихъ даже и о существованіи какихъ бы то ни было идеаловъ, въ жалкихъ произведеніяхъ своихъ рисующихъ, ничтоже сумняшеса, «натуру», преимущественно въ самыхъ грубыхъ, пошлыхъ и отталкивающихъ ея проявленіяхъ, и только способствующихъ стугубому разврату мысли и чувства и безъ того уже не особенно развитой и нравственной средней публики. Такова, по мнѣнію поименованныхъ выше лицъ, современная литература, таково ея растлѣвающее вліяніе на общество. А, между тѣмъ,—думаютъ эти лица,—перо, вѣдь, можетъ быть могучимъ, благороднымъ оружіемъ; литература, искусство—огромная сила, могущая оживлять, одухотворять среду, способствовать духовному подъему этой среды, быстрыми шагами вести эту послѣднюю по пути прогресса. Это сила творческая, синтезирующая, преобразующая, обогащающая содержаніе внутренней жизни, потому что всякій истинный художникъ, въ какой бы сферѣ искусства онъ ни работалъ, даетъ обществу гораздо больше, чѣмъ беретъ отъ него. И вотъ, этою-то великою, божественною силой завладѣли теперь презрѣнные люди, обрекли на бездѣйствіе или, что еще безконечно хуже, обратили ее на служеніе «дьяволу». Теперь почти совсѣмъ нѣтъ настоящихъ писателей, художниковъ, артистовъ, носящихъ въ себѣ искру Божію, а есть только художественныхъ и литературныхъ дѣлъ подмастерья и мастера, работающіе на-заказъ, за поденную или поштучную плату. Да и не могутъ быть эти жалкіе, удовлетворяющіе требованіямъ уличнаго рынка ремесленники творцами, художниками, въ истинномъ смыслѣ этого благороднаго слова, не могутъ потому, что духъ ихъ питается только мiazмами того затхлаго угла, въ которомъ сами они прозябаютъ, потому, что «вдохновеніе» свое они черпаютъ только въ той грязной лужицѣ, въ которой сами они барахтаются. Истиннымъ художникомъ, произведенія котораго жгутъ святымъ огнемъ сердца людей и никогда не умираютъ, служа источникомъ живой воды для многихъ и многихъ вѣровъ, можетъ быть названъ только тотъ, кто, по словамъ Гёте, «наполняетъ свой умъ и свое сердце

идеями и чувствами своей эпохи», кто съ головой уходитъ въ общественную жизнь своего времени, кто разгадываетъ внутренній смыслъ переживаемой имъ, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, историческаго момента, кто сродняется съ гениемъ народа и вдумчиво вглядывается въ грядущія судьбы этого послѣдняго. Такими именно чертами и отличались всѣ дѣйствительно великіе художники, которыхъ знаетъ и любить міръ, которымъ онъ удивляется и передъ которыми благоговѣнно преклоняется. Стоитъ только насторожить ухо, чтобы въ звукахъ ихъ голоса тотчасъ же услышать дуновение духа пережитаго художниками-творцами времени, услышать могучій голосъ того народа, который пѣлъ вокругъ этихъ творцовъ. Поэтому-то самому они, эти творцы, и велики, и бессмертны. Не всякому, конечно дано быть Аристофаномъ, Данте, Рабле, Мольеромъ, Шекспиромъ, Гёте, — такіе великаны нарождаются — увы! — вѣнами, являются немногими единицами на многіе миллионы. Но всякій, кто претендуетъ на великое званіе художника слова (если ужъ говорить только о такомъ художникѣ), можетъ хоть издали, далеко отставая, идти по слѣдамъ этихъ великановъ, хоть въ маломъ масштабѣ дѣлать то, что дѣлали эти великаны, хоть въ крошечной миниатюрѣ быть тѣмъ, чѣмъ были они, т.-е. носителями живо-творящаго свѣта, выразителями жизни. Наше время есть время крупныхъ социальныхъ интересовъ, вопіющихъ о признаніи и удовлетвореніи, времени огромныхъ, жгучихъ социальныхъ вопросовъ, настойчиво требующихъ разрѣшенія. Въ сферу этихъ именно интересовъ и вопросовъ и долженъ погружаться современный художникъ, если только онъ хочетъ быть не литературною тлей, не ремесленникомъ-торгашомъ, а истиннымъ художникомъ; въ этой именно сферѣ онъ долженъ искать и вдохновенія, и матеріала для своего творчества. Но задачи творчества въ социальномъ духѣ такъ сложны, трудны, такъ огромны, такъ грандіозны; силы же художниковъ, которые пожелали бы принять участіе въ рѣшеніи этихъ задачъ, такъ малы... Да, это такъ: индивидуальныя силы, пожалуй, и незначительны, хотя, — почему знать? — быть можетъ, между ними скрываются пока подъ спудомъ и крупныя, большія. Но пусть малы. Вѣдь, горю этому можно было бы помочь. Чтò, если бы эти скромныя, не претендующія на большое самостоятельное значеніе, силы попытались соединиться, слиться во-едино во имя одной общей цѣли и, будучи воодушевлены одною и тою же основною идеей и поддерживая, подкрѣпляя одна другую, дружно принялись бы за работу? Вѣдь, отъ такого сложенія даже и малыхъ индивидуальныхъ силъ могла бы получиться великая сила! Вѣдь, результатъ таковой коллективной работы могъ бы оказаться грандіозно-большимъ!

Основать *Club de l'Art social*, — клубъ, который былъ бы центромъ объединенія для всѣхъ живыхъ, «чающихъ движенія воды» служителей литературы и искусства, — клубъ, который явился бы лабораторіею коллективной мысли, служилъ бы опорой для единичныхъ силъ, помогалъ бы, ободрялъ и стимулировалъ эти послѣднія...

Идея эта показалась нашимъ собесѣдникамъ слишкомъ хорошею, слиш-

омъ многообщающею, чтобы можно было по поводу ея ограничиться одними только разговорами, — и вотъ они, какъ живые люди, постѣпили перейти отъ словъ къ дѣлу. Въ скоромъ времени выработанъ былъ общими силами статутъ—и *Club de l'Art social* изъ области туманной мечты перешелъ въ сферу живой дѣйствительности. По имѣющимъ у насъ юдъ руками печатнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ замѣчательномъ, по своему внутреннему смыслу, начинаніи, представляющемъ такую полную аналогію съ извѣстною уже намъ *Association des Étudiants de Paris*, къ названному клубу можетъ примкнуть всякій, чья мысль работаетъ въ направленіи социальныхъ вопросовъ, устремляется въ сторону социальныхъ идеаловъ. Статутъ клуба существующую во Франціи республику ставить выше какихъ бы то ни было споровъ и пререканій и требуетъ отъ членовъ республиканскаго *profession de foi*. Противники республики въ члены клуба ни подъ какимъ видомъ не допускаются; этою статьей статута имѣется въ виду предохранить клубъ отъ «вторженія ретроградовъ»... Слѣшимъ, впрочемъ, замѣтить, что это новое учрежденіе совсѣмъ не замыкается въ узкія національныя рамки; по буквѣ и по духу статута, оно носитъ на себѣ вполнѣ *международный* характеръ и широко открываетъ свои двери всѣмъ *hominibus bonae voluntatis*, къ какой бы странѣ или національности они ни принадлежали. Инициаторы дѣла очень серьезно относятся къ печатному слову, къ литературѣ, и предъявляютъ къ писателю очень большія требованія. Они полагаютъ, что современный писатель, чтобы быть авторитетнымъ и вліятельнымъ глашатаемъ истины, долженъ обладать почти универсальными познаніями. Литература, въ силу требованій времени, должна все болѣе и болѣе сосредоточивать свои усилія на истолкованіи человѣческаго духа,—другими словами, должна становиться все болѣе и болѣе психологическою. А разъ это такъ, то писателю, очевидно, безусловно необходимо основательно ознакомиться съ психологіею, въ широкомъ значеніи этого слова. Но психологія, сама по себѣ, есть только одно изъ звеньевъ великой цѣпи наукъ и внѣ связи съ остальными звеньями не можетъ быть ни изучаема, ни понимаема. Въ виду этого, писатель, прежде чѣмъ браться за перо и поучать публику, долженъ предварительно хорошо освоиться съ широкою сферой наукъ биологическихъ и социологическихъ. Исходя изъ этихъ мыслей, основатели интересующаго насъ клуба внесли въ статутъ этого послѣдняго параграфъ, гласящій, что члены клуба ставятъ себѣ одною изъ главныхъ задачъ «заниматься сообща научными работами, имѣющими отношеніе къ биологіи и социологіи». Что же касается тенденцій и направленія всей вообще дѣятельности клуба, то о нихъ читатель можетъ себѣ составить довольно вѣрное понятіе по тому «исповѣданію вѣры», котораго держатся извѣстные уже намъ члены-основатели и о сущности котораго мы сказали нѣсколько словъ выше. Отъ имени клуба появилось уже въ печати заявленіе, что имъ въ самомъ близкомъ будущемъ выпущена будетъ, подъ общимъ заглавіемъ—*La grande Enquête*, цѣлая серія романовъ-этюдовъ,

посвященныхъ изслѣдованію теперешняго общества и научному опредѣленію схемы завтрашнихъ социальныхъ формъ и отношеній. Въ заявленіи этомъ сказано, между прочимъ, что принимать дѣятельное участіе въ этой *коллективной* работѣ выразили уже желаніе весьма многіе молодые, талантливые писатели.

Идея о названномъ клубѣ, очевидно, носилась уже въ воздухѣ. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, по тому, что едва только *клубъ* основался и заявилъ о своемъ существованіи, какъ на него тотчасъ же со всѣхъ сторонъ посыпались заявленія о присоединеніи. Огромное большинство этихъ заявленій идетъ отъ литературной *молодежи*, такъ что отъ новаго, еще только что вчера зародившагося учрежденія, въ теперешнемъ его видѣ, вѣетъ свѣжимъ, бодрымъ духомъ юности. Учрежденіе это, повидимому, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрастается, привлекая къ себѣ силы изъ разныхъ странъ. «Письма съ заявленіями о желаніи поступить въ число членовъ клуба,—говоритъ одинъ изъ членовъ-учредителей, Адольфъ Табаранъ,—носятъ клейма почтовыхъ конторъ Брюсселя, Льежа, Берлина, Лондона, Женева, Рима, Лиссабона, Мадрида... уже почти всей Европы! Мы ждемъ письма, на которомъ окажется почтовое клеймо города Тулузы и въ которомъ будетъ заключаться душевное присоединеніе къ намъ того гениальнаго сумасброда (*de ce toqué de génie*), который носить имя Льва Толстаго» (это ожиданіе, — замѣтимъ мы отъ себя,—очевидно, основывается на недоразумѣніи).

Какъ видитъ читатель, духовная эволюція, съ тѣмъ же самымъ характеромъ, что и въ средѣ современнаго французскаго учащагося юношества, совершается теперь въ сферѣ и литературной французской молодежи. Умственное движеніе, основныя черты котораго мы попытались изобразить на предъидущихъ страницахъ, видимо, ширится, разрастается, обобщается, втягивая въ себя все новые и новые элементы... «Ласточки», возвѣщающія о «веснѣ», носятъ въ воздухѣ уже цѣлыми стаями.

Въ высокой степени интересно, знаменательно и поучительно это новое движеніе молодой французской интеллигенціи, этотъ горячій порывъ послѣдней въ сторону широкаго, свѣтлаго общечеловѣческаго идеала. Вѣдь, всѣ эти движущіеся, шевелящіеся, порывающіеся вверхъ юные элементы французскаго общества, — все это дѣти буржуазіи, той самой буржуазіи, которая уже «совершила въ предѣлахъ земныхъ все земное», изжила все свое бывшее духовное богатство, утратила всякіе высшіе идеалы, а вмѣстѣ съ ними и горячія вѣрованія, и сильныя убѣжденія, и возвышенныя чувства. Она, эта буржуазія, обнищала духовно, лишилась горѣвшей въ ней прежде искорки Божіей, того живаго духа, который въ бывшее время дѣлалъ ее способною на великіе дѣла и подвиги,—и вотъ, теперь, благодаря полному истощенію въ ней живой, творческой силы, день ото дня все болѣе и болѣе вырождается, теряетъ образъ и подобіе Божіи, гложетъ, замираетъ духовно, готовая скатиться въ ту могилу, въ которую безжалостная

исторія считаетъ все, потерявшее *raison d'être* своего существованія. Сама она гибнетъ,—это съ душевною болью констатируютъ и многіе изъ ея наилучшихъ представителей стараго поколѣнія,—но жаждущія жизни ея дѣти не хотятъ, очевидно, раздѣлить ея печальную участь, не хотятъ умирать и, повинувшись инстинкту самосохраненія, отшатываются отъ нея въ сторону, порываютъ духовную связь съ отцами и страстно устремляются на поиски «живой воды», новаго, уже совсѣмъ не буржуазнаго смысла жизни. Но, по мѣрѣ того, какъ они выходятъ на путь этого исканія, ихъ подхватываетъ какое-то мощное теченіе и стихійно уноситъ къ невѣдомымъ имъ самимъ берегамъ. Да, невѣдомымъ. Что это за теченіе, что оно обозначаетъ, съ какой стороны идетъ, куда именно, къ какой конечной цѣли несетъ,—обо всемъ этомъ отдающаяся на волю теченія молодежь имѣетъ, повидимому, очень смутное представленіе, ничего этого она хорошенько не знаетъ,—все это, какъ она сама откровенно заявляетъ, для нея *тайна*, признаніе которой и составляетъ довольно характерную черту теперешняго фазиса интересующаго насъ движенія.

Какъ мы видѣли выше, студентъ Беранже, объясняя или, точнѣе, пытаясь объяснить причины совершающейся теперь въ средѣ университетской молодежи духовной эволюціи, сослался на идейныя вліянія новой философской школы, да тѣмъ и ограничился. Но, повидимому, самъ ораторъ чувствовалъ, что одной этой ссылки мало для объясненія, что идейныя вліянія,—хотя они и несомнѣнно дѣйствовали и дѣйствуютъ,—въ данномъ случаѣ далеко еще не все и что, пожалуй, не въ нихъ даже и главная суть, а потому онъ и счелъ нужнымъ прибавить къ своей рѣчи одну очень характерную фразу, которую мы съ умысломъ пропустили тогда, приберегая ее къ концу. Фраза эта слѣдующая: «таинственная сила (*poussée mystérieuse*) влечетъ молодое поколѣніе»... Замѣтьте: *таинственная* сила. Молодежь, въ лицѣ Беранже, очевидно, еще не сообразила, не поняла, что, собственно, это за сила. Фактъ этого непониманія обратилъ на себя вниманіе и профессора Лависса. «То же самое, то же заявленіе о таинственной силѣ,—говоритъ этотъ послѣдній въ своемъ, цитированномъ уже нами выше, этюдѣ,—мнѣ много разъ приходилось встрѣчать какъ въ интимныхъ разговорахъ со студентами, такъ и въ ихъ письмахъ ко мнѣ». Такъ дѣло стоитъ въ средѣ учащейся молодежи. Но, обращаясь къ молодымъ литературнымъ кругамъ, о которыхъ намъ пришлось упомянуть по поводу *Club de l'Art social*, мы, къ немалому удивленію своему, и здѣсь наталкиваемся на нѣчто вродѣ той же «тайны». Такъ, упомянутый нами Адольфъ Табаранъ, говоря о своемъ клубѣ, замѣчаетъ, что члены этого послѣдняго, пока что, намѣтили только самое общее направленіе пути, по которому она пойдутъ; но куда, къ какой конечной цѣли несетъ ихъ теченіе, этого они не знаютъ, цѣль остается для нихъ неизвѣстною, неясною (*un but encore mal défini*). Таинственная сила, тайна, неразгаданная цѣль,—все это указываетъ намъ на то, что умственное движеніе, о которомъ мы говоримъ, носитъ на себѣ стихійный характеръ, что оно да-

лего еще не ясно сознано самою молодежью, которую увлекаетъ въ него, въ значительной степени, просто здоровый инстинктъ.

Намъ, стоящимъ вдали отъ этого движенія и наблюдающимъ его со стороны, ясно, конечно, въ чемъ тутъ дѣло, что это за «тайственная сила», но поводу которой недоумѣваетъ движущаяся молодежь. Это, конечно, есть ничто иное, какъ то мощное вѣяніе, которое исходитъ изъ нижнихъ общественныхъ слоевъ, изъ народныхъ, трудовыхъ массъ, повсюду просыпающихся теперь къ новой жизни. Это вѣяніе въ настоящее время сильнѣйшимъ образомъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ сферахъ жизни цивилизованныхъ обществъ, оно же увлекаетъ и юную французскую интеллигенцію въ сторону великаго гуманитарнаго идеала. Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что интеллигенція эта не сегодня-завтра дастъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ, а тогда и конечная цѣль движенія для нея сама собою опредѣлится, и явится точная формула самаго движенія.

И. Д—овъ.

Ш е л л и.

(Gabriel Sarrazin: „La Renaissance de la Littérature Anglaise“).

Всюду наступаетъ для Шелли часъ апогеоза. Всюду распространяется волшебный блескъ этой чистой славы, всюду проникаетъ глубокое обаяніе этой ангельской души: для сердца, его избравшаго, онъ любимый учитель, дорогой другъ, прибѣжище и радость внутренней жизни. Этого драгоценнаго мѣста никто не отниметъ у него, потому что его произведенія не только служатъ для насъ могущественною нравственною поддержкой, но доставляютъ намъ и несравненные поэтическія ощущенія. Въ этомъ смыслѣ одинъ простой эпитетъ говорить больше, нежели цѣлый рядъ фразъ: его горячіе приверженцы называютъ его «поэтомъ поэтовъ». Причина этой столь сильной и рѣдкой симпатіи объясняется весьма просто, она выражается въ слѣдующихъ словахъ: Шелли любилъ людей самую возвышенною любовью, а люди поздно, увя, слишкомъ поздно отозвались на его любовь.

Ничто не могло иссушить въ немъ священнаго источника любви, надежды и слезъ, — ни преслѣдованія, ни нетерпимость, ни одиночество. Всѣ его произведенія можно назвать однимъ общимъ именемъ любви, — любви къ человѣку и къ природѣ, къ землѣ и вселенной, къ безконечнымъ превращеніямъ жизни и смерти, любви всеобъемлющей. Необычайный умъ этого человѣка, пытливо проникавшій въ суть міровъ, погружавшійся въ науку и метафизику, былъ, однако, въ полномъ подчиненіи у сердца, и возвышенности его инстинкта приходится еще болѣе удивляться, чѣмъ сложности его мысли. Всякій другой на его мѣстѣ ожесточился бы или потонулъ бы въ безднѣ отчаянія. Онъ съумѣлъ остаться любящимъ до конца. Обманутый въ настоящемъ, онъ завѣщалъ будущему осуществленіе своихъ благородныхъ грѣзъ о справедливости и въ восторженномъ порывѣ всѣ свои надежды устремилъ на наступленіе эры братства.

Нельзя сказать, чтобы ему не доставало той гордой замкнутости, которая одна только и создаетъ могучихъ личностей; я сомнѣваюсь, чтобы какой-либо поэтъ носилъ въ себѣ идеалъ болѣеишей изолированности, болѣе

шей способности витать на высотахъ. Такъ какъ онъ умѣлъ сближаться съ вѣшними предметами, въ то же время, отдаляясь отъ нихъ, любить другихъ, не отрѣшаясь отъ самого себя, быть, въ одно и то же время, личнымъ и безличнымъ, эгоистомъ и самоотверженнымъ, человѣкомъ и ангеломъ, то поэзія его приняла неизмѣримую ширину и объемъ. Онъ развился во всѣхъ направленіяхъ. Раббъ *) справедливо говоритъ, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ подюжину поэтовъ: «поэта-философа въ *Царицѣ Мабъ*, *Прометей*, *Атласской вомиебницѣ*, поэта-трагика въ *Ченчи* и *Кармъ I*, поэта интимной жизни въ *Джусуланъ* и *Мадалло* и въ *Письмѣ къ Маріи Джисборнъ*, поэта-сатирика въ *Peter Bell III*, поэта-юмориста въ *Swellfoot the Tyrant*, поэта-мистика въ *Epirpsychidion*, поэта элегическаго въ *Adonais*, поэта лирическаго въ хорахъ *Прометей* и *Эллады* и въ сотнѣ другихъ мелкихъ стихотвореній».

Но, можетъ быть, подобные термины слишкомъ аналитичны. Можетъ быть, не слѣдовало бы подвергать дѣленію и дробленію умъ съ столь безконечно смѣшанными и измѣнчивыми оттѣнками. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ оттѣнокъ, занимающій далеко не послѣднее мѣсто, энтузіазмъ къ человѣчеству, выступалъ, безъ сомнѣнія, болѣе ярко, обрисовывался рѣзкими и огненными чертами, но метафизическая муза Шелли, наоборотъ, всегда оставалась неуловимой и необъятной. Поэтому я лучше попытаюсь выразить характеръ его произведеній въ нѣсколькихъ менѣе опредѣляющихъ и поддающихся болѣе гибкому синтезу словахъ. Пламенный культъ гуманности, пантеистическое проникновеніе во вселенную, чудный, воздушный полетъ мечты,—вотъ, какъ мнѣ кажется, главные элементы этой поэзіи, элементы, сливающиеся въ горнилѣ мистики—аффективной и, въ то же время, интеллектуальной, идеальной и страстной, жгучей, какъ лучъ лѣтняго солнца, высокой, какъ звѣздное сіяніе.

Прежде чѣмъ приступить къ поэту, рассмотримъ человѣка: припомнимъ его жизнь, столь же необычайную, какъ и его творенія, удивительно смѣлую, тревожную, поэтическую.

I.

Шелли, какъ человѣкъ.

Перси-Биши Шелли родился въ Фильдъ-Плэсѣ 14 августа 1792 г. Главою его древней и знатной фамиліи, находившейся въ родствѣ съ Сиднеями и Нортумберландами, былъ въ то время богатый баронетъ, сэръ Биши, дѣдъ нашего поэта. Надменный и суровый старикъ, вѣзломощный и сварливый, усвоившій себѣ духъ отрицанія и либерализма XVIII вѣка и, тѣмъ не менѣе, аристократъ и приверженецъ Норфольковъ, царившихъ въ Суссексѣ, сэръ Биши былъ довольно типичнымъ представителемъ англійскаго джентльмена старой школы (взвухъ, безъ сомнѣнія, унаслѣдовалъ

*) Французскій переводчикъ Шелли.

отъ дѣда запальчивый и раздражительный тонъ, внесенный имъ, авторомъ *Sensitive Plant*, въ статьи и разсужденія о социальномъ и религіозномъ порядкѣ въ прошломъ и настоящемъ). Что касается Тимофея Шелли, отца Перси, то онъ былъ заурядный помѣстный дворянинъ, вовсе не идиотъ и не злой, какъ это утверждали, но довольно-таки пошлый и преклонявшійся предъ всякими предрассудками человѣкъ. Естественно, что между Шелли и его отцомъ не замедлила обнаружиться антипатія, приведшая ихъ послѣ оксфордской исторіи къ полному разрыву.

Юной душѣ Шелли, преисполненной благожелательства и наивной доброты, школа показала жизнь въ неожиданномъ и ужасномъ свѣтѣ. Въ Сіонскомъ пансіонѣ и въ Итонѣ онъ долженъ былъ вынести всѣ пытки, выпадающія на долю новичка. Но, несмотря на негодованіе и отвращеніе, возбужденныя въ немъ этою жестокою забавой, его вѣра во все доброе и прекрасное еще болѣе воспламенилась и на жестокость онъ отвѣчалъ стремленіемъ къ справедливости, принимавшимъ характеръ вызова. Уже въ Итонѣ онъ отличался безусловною смѣлостью философскихъ мнѣній. Въ то же время, любознательность его была безмѣрна, работалъ онъ поразительно, прихотливо разбрасываясь во всѣ стороны. Его товарищи, рѣшительно не понимавшіе бурной нервности его ранняго генія, изумлялись, видя, какъ онъ поглощалъ всѣ отрасли знанія, перескакивалъ отъ греческаго языка къ метафизикѣ, отъ этой послѣдней къ химіи и магіи, или же пускалъ во весь опоръ свое поэтическое воображеніе, фабрикуя съ быстротою молніи фантастически-нелѣпные романы. Они называли его «сумасшедшимъ Шелли» или «атеистомъ Шелли», но перестали его преслѣдовать, потому что, выведенный изъ терпѣнія, онъ уже не владѣлъ собою, и гнѣвъ его былъ такъ страшенъ.

Это рвеніе не измѣнило ему и въ университетѣ. Періодъ его жизни въ Оксфордѣ останется навсегда знаменательнымъ. Нашъ герой стоитъ еще передъ нами рядомъ съ своимъ другомъ Хоггомъ (Hogg), веселымъ юношей, съ сильнымъ умомъ и крѣпкимъ организмомъ, почувствовавшимъ глубокое влеченіе къ очаровательному идеалисту, котораго случай сдѣлалъ его школьнымъ товарищемъ. Лицо юнаго поэта выражало трогательное чистосердечіе, и никто изъ тѣхъ, кому случилось видѣть его въ это время, не могъ позабыть его большихъ ясныхъ глазъ съ открытымъ и пристальнымъ взоромъ, почти женскаго рта и густыхъ, вьющихся каштановыхъ волосъ. Голова, съ нѣсколькими неправильными чертами, была замѣчательно мала; высокій, стройный, тонкій, съ узкою грудью, онъ слегка наклонялся впередъ, и вся его внѣшность производила впечатлѣніе рѣдкой, неземной прелести. Погруженный въ свои научныя занятія, онъ читалъ и работалъ иногда по шестнадцати часамъ въ сутки, развлекаясь прогулками и спорами съ друзьями, поддѣрживая свои силы лишь хлѣбомъ, виномъ и чаемъ, такъ какъ онъ былъ тогда почти вегетаріанцемъ. Помимо этого, демонъ писательства не выпускалъ его изъ своихъ когтей, и

въ сотрудничествѣ съ Хоггомъ онъ сочинялъ еще весьма незрѣлые рассказы, которые печаталъ на средства своего дѣда. Но вдругъ ихъ послѣднее произведеніе потерпѣло неудачу. Это былъ пресловутый памфлетъ *О необходимости атеизма*. Шелли, лихорадочно возбужденный, отдалъ его въ печать, воображая, что нанесетъ имъ рѣшительный ударъ и вызоветъ настоящій переворотъ въ совѣсти большинства своихъ согражданъ. Никакого разстройства планетной системы не воспослѣдовало, но оба студента-публициста были удалены изъ университета.

Этотъ жестокой приговоръ глубоко поразилъ болѣзненную чувствительность Шелли, тѣмъ болѣе, что, благодаря ему, онъ окончательно разошелся съ своимъ отцомъ, приведеннымъ въ ужасъ его дерзостью. Правда, что мистеръ Шелли соглашался простить сына подъ извѣстнымъ условіемъ, но Перси гордо отвергнулъ это прощеніе. Изгнанный изъ родительскаго дома, лишенный своей пенсїи, онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ его ожидали сердечныя приключенія, по меньшей мѣрѣ, столь же странныя, какъ и все то, что происходило въ его умственномъ мірѣ.

Едва успѣлъ онъ прїѣхать въ столицу, какъ познакомился съ прїятельницей своихъ сестеръ, Гарриэтъ Уэстбрукъ. Романтическая и кроткая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, довольно умная и образованная, Гарриэтъ воображала себя несчастной, потому что ее принуждали ходить въ школу. Въ качествѣ пылкаго революціонера, Шелли захотѣлъ привить ей идеи возмущенія, которыя онъ всѣмъ проповѣдывалъ и которыя достигли въ немъ крайней напряженности послѣ оксфордскаго приговора. Такъ какъ апостольскій привлекательность, то юная неопитка охотно дала убѣдить себя и до такой степени увлеклась имъ, что захворала и написала ему, что не можетъ жить безъ него. Хотя онъ, собственно говоря, и не любилъ ея, но она была настолько мила, что онъ сжалился надъ нею, увезъ ее, и они обвѣнчались въ Эдинбургѣ, по обряду шотландской церкви. Благодаря ходатайству дяди Шелли, ему была возвращена его пенсїя, а м-ръ Уэстбрукъ, съ своей стороны, назначилъ дочери ежегодное пособіе, такъ что молодая чета могла сводить концы съ концами. Съ этой поры началось скитальческое существованіе, которое Шелли велъ всю свою жизнь. Супруги постоянно странствовали по горамъ и по доламъ; изъ Эдинбурга переѣхали въ Йоркъ, затѣмъ въ Кесвикъ, въ Кумберландѣ, гдѣ Шелли познакомился съ Саути, оттуда въ Ирландію, гдѣ нашъ поэтъ ринулся въ борьбу за эмансипацію католиковъ, потомъ снова снялся съ лагера и отправились въ Девонширъ, затѣмъ въ Уэльсъ, повинувшись бродячему инстинкту, гнавшему ихъ изъ одного графства въ другое. Но бывало и такъ, что ихъ внезапно выпровождали изъ того или другаго города вслѣдствіе исторій, какія могли случаться только съ Шелли: въ Лимуѣ его слуга былъ притянутъ къ суду по обвиненію въ политической пропагандѣ, въ Тремадокѣ поэтъ заявилъ однажды вечеромъ, что на него напали злоумышленники, и былъ ли это дѣйствительный фактъ или простая галлюцинація, такъ и осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Среди этихъ вѣчныхъ передвиженій,

домашняя жизнь его начинала мало-по-малу омрачаться. Онъ находилъ, что жена его холодна и вульгарна. Между ними возникали ссоры, отъ которыхъ они оба страдали, и онъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ нея. Хотя онъ, можетъ быть, и черезъ-чуръ преувеличивалъ недостатки Гарриэтъ, но несомнѣнно, что она не годилась въ подруги такому необыкновенному человѣку. Онъ чувствовалъ себя страшно несчастнымъ близъ нея, проводилъ большую часть времени у *м-ше Voinville*, гдѣ встрѣтилъ общество, пришедшееся ему по-сердцу, и возвращался домой съ ужасомъ и отвращеніемъ. Кромѣ того, онъ жаловался на нервные припадки и принималъ противъ нихъ опиумъ. Разъ онъ вздумалъ отравиться и усилилъ дозу. Его успѣли спасти, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ расстался съ Гарриэтъ (1814 г.).

Въ самый моментъ этой разлуки Шелли не имѣлъ возможности предусмотрѣть ея послѣдствій: онъ только что передъ тѣмъ встрѣтилъ женщину, которая должна была сдѣлаться его истинною подругой, и увлекся ею до безумія.

Мери Уолльстонкрафтъ Годвинъ, въ то время семнадцатилѣтняя дѣвушка, была дочерью знаменитаго автора *Caleb Williams*. Съ независимымъ и рѣдкимъ умомъ, столь же прямодушная, какъ и прекрасная, она исповѣдывала, подъ влияніемъ своего отца и окружавшихъ ея лицъ, самые революціонные принципы. Такъ какъ она часто бывала у *м-ше Voinville*, то Шелли познакомился съ ней въ этомъ домѣ. Сначала онъ любилъ ее молча, но потомъ, встрѣтивъ ее какъ-то на кладбищѣ св. Панкратія, онъ въ потокъ слезъ излилъ предъ ней свою любовь. Онъ повѣдалъ ей свое «ужасное прошедшее», рассказалъ ей, «до чего онъ былъ несчастенъ и дурно направленъ, какъ онъ надѣялся, поддерживаемый любовью къ ней, начертать свое имя рядомъ съ именами добрыхъ и мудрыхъ борцовъ, подвизавшихся за своихъ ближнихъ, рядомъ съ именами тѣхъ людей, которые, вопреки всякимъ невзгодамъ, остались вѣрны дѣлу гуманности». Она безъ колебаній соединила съ Шелли свою судьбу.

Они переправились черезъ Ламаншъ, путешествуя скромнымъ образомъ, почти съ пустымъ кошелькомъ, и посѣтили Францію, Швейцарію и Рейнъ. Вскорѣ послѣ ихъ возвращенія въ Лондонъ матеріальное положеніе Шелли измѣнилось. Это было очень кстати, потому что судебные пристава не давали ему больше отсрочки. Сдѣлавшись прямымъ наслѣдникомъ титула баронета, онъ сталъ получать ежегодную ренту въ тысячу фунтовъ. Обезпеченный отнынѣ въ безбѣдномъ существованіи и чувствуя себя вполне счастливымъ съ Мери, онъ положилъ начало своимъ безсмертнымъ поэмамъ, создавъ *Аластора*, свое первое гениальное произведеніе, написанное близъ Виндзорскаго лѣса, въ Марло, гдѣ они поселились на короткое время. Затѣмъ, страданіе легкихъ побудило его вернуться къ бродячей жизни, которую онъ такъ любилъ, и онъ снова уѣхалъ на материкъ.

Къ его пребыванію въ Женевѣ относится встрѣча его съ Байрономъ.

Преслѣдуемый яростными нападками, Чайльдъ Гарольдъ горделиво обрекъ себя на вѣчное изгнаніе. Онъ и Шелли почувствовали взаимную симпатію, и столь же знаменитой, какъ была дружба Гёте и Шиллера, сдѣлалась дружба, связавшая этихъ двухъ послѣднихъ скальдовъ, этихъ двухъ героев вдохновенія, эти двѣ души, въ которыхъ возродился и затѣмъ умолкъ среди прощальнаго лучезарнаго сіянія лирической и пламенный духъ Эдды.

Для тѣхъ, кто хранитъ въ себѣ культъ этихъ двухъ геніевъ, ихъ отблескъ еще не исчезъ, и пейзажъ Лемана остается какъ бы озареннымъ воспоминаніями о нихъ. Они его освѣщаютъ и наполняютъ собою, они, эти несравненные звѣзды, и понынѣ не угасшія для сердечнаго взора и еще болѣе чарующія насъ, въ силу своей изолированности. Вокругъ нихъ не было двора, и жалкій и несносный шумъ литературныхъ сплетенъ не заглушаетъ ихъ рѣчей. Они жили тамъ, на берегу глубокого озера, наслаждаясь уединеніемъ и прелестью мечтаній. Ихъ удивленіе другъ къ другу изливалось въ закушечныхъ бесѣдахъ, неумиравшія отголосокъ которыхъ сохранился въ ихъ поэмахъ. Въ теченіе девяти дней они вмѣстѣ объѣзжали озеро, съ умиленнымъ чувствомъ воскрешая въ своей памяти сцены *Новой Элоизы*, причаливая въ своей лодкѣ ко всѣмъ мѣстностямъ, ознаменованнымъ безсмертною любовью Сень-Прѣ. И во время этихъ поѣздокъ складывались ихъ самыя возвышенныя и могучіе стихи, тѣ стихи, о которыхъ можно сказать, что они, дѣйствительно, сыны водъ и горныхъ вершинъ. На этомъ озерѣ бушевала буря, описанная въ третьей пѣснѣ *Чайльдъ Гарольда*, это же озеро внимало воплямъ Шиллеронскаго узника, а съ безмолвныхъ высотъ дивной горы, господствующей надъ нимъ, снизошла на чело Аластора та безмятежность, какою проникнуты его величественныя, блестящія образами созерцанія.

Но всякой радости наступаетъ конецъ, и друзьямъ пришлось разстаться. Байронъ направился въ Италію, Шелли же возвратился въ Англію, гдѣ его ожидалъ цѣлый рядъ испытаній. Прежде всего, ему сообщили о самоубійствѣ сводной сестры Мери, Фанни Имлей, которую подозрѣвали, безъ всякаго, впрочемъ, серьезнаго основанія, въ безнадежной страсти къ Шелли. Затѣмъ поэтъ узналъ, что Гарриэтъ Уэстбрукъ тоже покончила съ собой, бросившись въ Серпентину. Этотъ второй ударъ совершенно сразилъ его, но это еще было не все. Англійская судебная власть, за одно съ прессой и общественнымъ мнѣніемъ считавшая Шелли безнравственнымъ богохульникомъ и носителемъ пагубныхъ идей, лишила его попечительства надъ его дѣтьми, рожденными отъ несчастной Гарриэтъ. На этотъ разъ его враги попали въ самую цѣль: эта обида почти столь же раздражила его, сколько заставила его страдать. Мало-по-малу онъ, однако, пришелъ въ болѣе спокойное душевное состояніе, благодаря нѣжной любви своей Мери, которую онъ только что назвалъ своею женой предъ лицомъ закона, а также и дружбѣ Ли Гента. Въ эту же эпоху онъ познакомился

съ Китсомъ и напечаталъ поэму *Лаонъ и Цитна* *), доконченную въ Марло. Онъ снова поселился здѣсь и дѣлилъ свое время между работой и благотворительностью. Необыкновенно щедрый и сострадательный, онъ ссужалъ средствами всѣхъ своихъ нуждавшихся пріятелей, имѣлъ открытый столъ и старался облегчить нищету окрестныхъ рабочихъ - кружевниковъ. Посѣщая ихъ хижины, онъ схватилъ довольно серьезное воспаленіе глазъ.

Здоровье его замѣтно слабѣло, и припадки его легочной болѣзни становились опасны. Онъ снова покинулъ Англію, которую ему не суждено было болѣе видѣть, и отправился съ женой и дѣтьми въ Италію.

Въ Венеціи онъ опять встрѣтился съ лордомъ Байрономъ и, подъ впечатлѣніемъ одной изъ бесѣдъ своихъ съ нимъ, написалъ поэму *Джуміанъ и Мадалло*. Этотъ послѣдній періодъ его жизни (1818—1822 гг.) былъ чрезвычайно производительнъ: солнце Италиі заставило внезапно развернуться листья и цвѣты его поэзіи. *Джуміанъ и Мадалло*, *Освобожденный Прометей*, *Ченчи*, *Адоначъ*, *Ерѣсичидіонъ* непосредственно слѣдовали другъ за другомъ, не говоря объ *Атласской волшебницѣ* и объ *Элладѣ*, написанныхъ въ тѣ же годы, но вышедшихъ въ свѣтъ лишь послѣ смерти поэта.

Торопясь увидѣть Римъ и Неаполь, онъ прожилъ только два мѣсяца въ Венеціи. Въ Эсте онъ потерялъ свою маленькую дочь, а нѣсколько позже, въ Римѣ, — своего сына Уильяма. Эти двѣ утраты повергли его въ глубокое горе, нѣсколько смягчившееся лишь съ рожденіемъ третьяго ребенка, теперешняго баронета Перси. Римъ произвелъ на него громадное впечатлѣніе. Неаполь ему меньше понравился, тѣмъ болѣе, что тамъ его сильно мучила болѣзнь, и онъ спѣшилъ во Флоренцію. Музеи этого послѣдняго города доставили ему несравненные художественныя наслажденія и вызвали въ немъ рядъ размышленій, разсѣянныхъ въ его письмахъ. Смотрѣлъ ли онъ на статую или на картину, первая забота его была направлена не къ тому, чтобы связать искусство съ средой, какъ это сдѣлалъ бы ученый, а къ тому, чтобы открыть, «въ какой степени и слѣдуя какимъ правиламъ осуществляется во внѣшнихъ формахъ тотъ прекрасный идеалъ, который мы такъ живо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ смутно предъугадываемъ». Больше всего онъ, разумѣется, восторгался греческимъ искусствомъ, «искусствомъ боговъ», какъ онъ говорилъ. Многія другія его увлеченія представляются менѣе основательными. Раздѣляя вкусъ своего времени, онъ ставилъ Гвидо и Сальватора выше Рафаэля. Мигель-Анджело онъ сначала не выносилъ, хотя потомъ призналъ несправедливость своей первоначальной оцѣнки; но Леонардо да-Винчи очаровалъ его. Въ особенности же, какъ до, такъ и послѣ своего посѣщенія Помпей, онъ постоянно возвращался къ Греціи и къ всеобъемлющему величію ея генія. «Я понимаю теперь, — писалъ онъ, — почему греки были такими великими поэтами и, главное, я могу, какъ мнѣ кажется, отдать себѣ отчетъ въ

*) Эта поэма болѣе известна подъ заглавіемъ *Возмущеніе Ислама*. Прим. перев.

гармоніи, единствѣ и равномъ превосходствѣ всѣхъ ихъ художественныхъ произведеній. Въ ихъ театры смотрѣли горы и небо... въ ихъ города проливалось благоуханіе и свѣжесть полей».

Между тѣмъ, страсть его къ Мери остыла. Ихъ семейная жизнь, конечно, никогда не знала раздоровъ, и Шелли до самой смерти продолжалъ любить свою жену, но пламя любви въ собственномъ смыслѣ этого слова уже исполнило свое назначеніе: оно угасло и мѣсто его заступила дружба, сіявшая нѣсколько блѣднымъ свѣтомъ. Мери уже не была для него настолько нова, лучезарна и прекрасна, чтобы принимать въ его грѣзахъ образъ «Химеры» или хотя бы «Сестры его души». Страстно мечтая объ идеалѣ, неудержимо стремясь познать высшую, совершенную любовь, онъ ожидалъ новой зари и ожидалъ звѣзды.

Она явилась ему въ 1820 году, въ Пизѣ. Бѣдная, скорбная, такъ рано угасшая звѣздочка, видѣвшая одну единственную зарю, Эмилія Вивіани всегда останется его Беатриче, несмотря на то, что неблагоприятный отресея отъ нея. Но, между тѣмъ, какъ ея флорентинская сестра какъ бы парить, окруженная ангелами, въ волнахъ ароматнаго воздуха, наполняющаго городъ цвѣтовъ, Эмилія, наоборотъ, выдѣляется одиноко на темномъ фонѣ, блѣдная, глубоко печальная. Беатриче рано покинула свѣтлый міръ радости, но въ своихъ смежившихся очахъ она унесла съ собой взоръ возлюбленнаго, навѣки устремленный на нее. Глаза Эмиліи внезапно встрѣтили пустоту и съ того момента для нея «остальное—молчаніе».

Быть можетъ, она даже не знала, что не вся она погрузилась въ этотъ вѣчный мракъ. Прежде чѣмъ бросить свою прощальную искру, ея любовь вылилась въ нѣсколькихъ словахъ, горѣвшихъ такимъ ослѣпительнымъ пламенемъ, что они зажгли въ Шелли самый чистый огонь мистическаго вдохновенія, какой когда-либо рождался въ человѣческой душѣ со временъ Данте и Микель-Анджело. Гимнъ Шелли *Epipychidion* былъ навѣянъ ему мелодическими устами Эмиліи. Она говорила: «Любовь, душа міра, источникъ добра и красоты, чѣмъ была бы вселенная безъ твоего творческаго лика? О той любви говорю я, которая овладѣваетъ всѣмъ нашимъ сердцемъ, всю нашу волю и, сильная, безмѣрная, непорочная, внушаетъ людямъ лишь высокія дѣла во славу своего всемогущаго и кроткаго имени... О, любовь! я вся—одна любовь. Я не могу существовать безъ любви. Моя душа, мое сердце, всѣ мои мысли, всѣ мои ощущенія, все существо мое претворяется въ одно чувство любви, и это чувство будетъ жить вѣчно. Безъ любви жизнь была бы мнѣ мучою, міръ казался бы мнѣ страшною пустыней, населенною лишь призраками, столь ужасными для моего взора, что, спасаясь отъ нихъ, я бросилась бы въ таинственное и спокойное жилище смерти» *).

«День наступилъ, — отвѣчалъ онъ, — и ты улетишь со мною. Для

*) Отрывокъ изъ *Писемъ о любви* Эмиліи Вивіани, которая приводится Медвиномъ въ его біографіи Шелли.

всего того, что есть во мнѣ грубо-смертнаго, останься сестрой-весталкой; съ тѣмъ, что есть во мнѣ мощнаго, глубокаго, нетѣннаго, съ тѣмъ, что не принадлежит мнѣ, а составляет мое «я», соединишь отнынѣ, какъ навѣста, чарующая и очарованная. Часъ насталъ: взшла та звѣзда, которая должна остановиться надъ пустою темницей. Эмилиа, у пристани качается корабль... скажи, сестра моего сердца, хочешь ты отплыть со мною?...» *).

Замѣчательна была первая встрѣча этихъ двухъ дѣтей Аріэля. Они предстали другъ передъ другомъ въ старомъ монастырѣ св. Анны, въ Пизѣ, этомъ городѣ массивныхъ, мрачныхъ, вымершихъ дворцовъ. Заключенная въ монастырь по настоянію своей мачихи, безсердечной кокетки, юная графиня Эмилиа Вивіани, едва достигшая семнадцатилѣтняго возраста, начала въ холодныхъ стѣнахъ его свою жизнь одинокой и страдальческой музы. Черезъ общаго друга Мери Годвинъ и Шелли узнали исторію прелестной затворницы и получили разрѣшеніе посѣтить ее въ пріемной монастыря. Она явилась предъ ними, величественная, какъ богиня. Античный лобъ, украшенный массою черныхъ волосъ, положенныхъ на головѣ простымъ узломъ, увѣнчивалъ безукоризненныя черты. Въ контрастѣ словно изваянной красотѣ лицеваго угла, нѣсколько германскіе контуры блѣдныхъ, мраморныхъ щекъ придавали этой итальянской головкѣ что-то индивидуальное и странное, а влажные глаза, подобные глазамъ Беатриче Ченчи у Гвидо, таили въ себѣ тоску любви и порывы къ безконечному счастью. Черные или свѣтлые, смотря по настроенію души, они поочередно отражали ея меланхолію и ея надежды.

Шелли тотчасъ же призналъ въ ней самый яркій отблескъ своего недостижимаго идеала и они полюбили другъ друга неземною любовью. Они обмѣнивались письмами и слезами, она посылала ему цвѣты **) и локоны своихъ волосъ, а онъ окружилъ ореоломъ мраморное чело этой дочери Беатриче, написавъ *Eipsychidion*, поэму, столь родственную Дантовской *Vita Nuova*.

Конецъ этой исторіи глубоко печаленъ. Насильно выданная замужъ въ 1822 г. за человѣка, котораго она не любила, Эмилиа послѣ шести лѣтъ невыносимаго существованія добилась, наконецъ, возможности порвать эту ужасную цѣпь и умерла отъ горя и отъ чахотки въ Мареммѣ, въ полуразрушенномъ загородномъ замкѣ, куда отецъ разрѣшилъ ей удалиться.

Такъ сошла она въ могилу, нѣсколькими годами позже Шелли, еще вся трепещущая отъ воспоминанія о немъ, проливая слезы при одномъ его имени. Онъ слишкомъ скоро позабылъ ее. Его неутолимая жажда идеала не позволяла ему быть постояннымъ въ любви. По поводу этого въ его перепискѣ встрѣчаются двѣ любопытныя фразы, одна — несправедливая и

*) *Eipsychidion*.

**) См. прелестное стихотвореніе Шелли, посвященное Эмилии Вивіани: „Madonna, wherefore hast thou sent to me“ etc. *Прим. перев.*

жестокая, другая—меланхолическая и поражающая своею глубиной: «Я не могу видѣть *Эпитихидіона*, — говоритъ онъ въ первой изъ нихъ. — Личность, которую онъ воспѣваетъ, была не Юноной, а облакомъ». А вотъ и вторая фраза: «Нѣкоторые изъ насъ любили въ предшествовавшемъ существованіи Антигону и не могутъ найти полнаго удовлетворенія въ нашихъ бы то ни было смертныхъ узахъ...» Мысль, являющаяся какъ бы реквиемомъ всѣхъ любовныхъ увлеченій поэта... Увы, бѣдная Эмилія!

И такъ, въ 1821 и 1822 гг. Шелли находился въ Пизѣ, гдѣ судьба послала ему нѣсколько часовъ самаго высокаго и безмятежнаго счастья. Въ эту эпоху онъ и Мери уже не вели прежней замкнутой жизни; обстоятельства создали имъ маленькій оригинальный кружокъ друзей. Прежде всего, они сблизились съ лейтенантомъ Уилліамсъ и его женой, и оба семейства съ тѣхъ поръ не разставались. Уилліамсъ былъ молодой отставной офицеръ индійской арміи, честный, смѣлый, образованный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно любившій физическія упражненія на открытомъ воздухѣ; Шелли часто сопровождалъ его въ его экскурсіяхъ. По вечерамъ Джень Уилліамсъ, прелестное созданіе, своею утонченною и нѣжною натурой напоминавшая поэту его идеальную лэди въ *Sensitive Plant*, услаждала ихъ музыкой.

Затѣмъ къ нимъ присоединились Томасъ Медвинъ, двоюродный братъ поэта, изучавшій вмѣстѣ съ нимъ арабскій языкъ и оставившій намъ интересную біографію Шелли, храбрый морякъ Трелауни (Trelawny), вскорѣ сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ преданныхъ почитателей и друзей автора *Sensitive Plant*, князь Маврокордато, пламенный греческій патриотъ, которому Шелли посвятилъ свою *Элладу*. Байронъ пріѣзжалъ къ нимъ изъ Равенны, и прожилъ съ ними шесть мѣсяцевъ. То было время разцвѣта любви его къ графинѣ Гвиччиоли. Этотъ послѣдній приливъ счастья заставилъ его оторваться отъ отчаяннаго разгула, которому онъ предавался въ Венеціи и наканунѣ Миссолонги герой пилъ свою чашу блаженства. Слѣдуетъ также упомянуть имена графа Гамба, капитана Гэй, импровизатора Сгривчи, мистера Тофъ въ числѣ лицъ, избравшихъ своимъ центромъ маленькую пизанскую колонію. Эта послѣдняя дѣлила свое время между работою мысли, спортомъ и дилетантизмомъ. Думали было, что къ ней примкнетъ и Китсъ, только что высадившійся въ Италиі. Въ несчастію, бѣдный поэтъ былъ слишкомъ болѣнъ: не проѣзжая чрезъ Тоскану, онъ отправился въ Римъ дожидаться своей печальной кончины.

Эти дни, полные оживленія, дни, когда внутренній миръ и здоровье, казалось, все больше и больше возвращались къ Шелли, когда онъ создавалъ и выпускалъ въ свѣтъ такія чудныя поэмы, какъ *Атласская волшебница*, *Адонаисъ*, *Эллада*, были послѣдними его днями. Катастрофа приближалась.

Лѣтомъ 1822 г. Уилліамсы и Шелли съ женой покинули Пизу и поселились на берегу моря, въ Casa Magni, между Леричи и Санъ-Теренцо. Домъ, который они наняли, представлялъ собою бывший монастырь іезуи-

товъ, уединенное зданіе, господствовавшее надъ великолѣпнымъ дикимъ пейзажемъ. У Шелли съ Уилліамсомъ была лодка, названная ими *Донъ-Жуаномъ*, и они почти все время проводили на морѣ. Погода стояла въ этомъ году чрезвычайно жаркая, но жизнь на вольномъ воздухѣ и сильныя жары благотворно вліяли на организмъ Шелли.

Получивъ извѣстіе о томъ, что другъ его Ли Гентъ прибылъ въ Ливорно, онъ рѣшилъ выѣхать къ нему на встрѣчу. Они отправились съ Уилліамсомъ въ своей лодкѣ, и въ этотъ первый переѣздъ, продолжавшійся съ половиною часовъ, все обошлось благополучно. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ ими въ Ливорно и въ Пизѣ, въ обществѣ Гента и Байрона, между которыми шли въ то время переговоры объ основаніи *Либерала*, они должны были подумать о возвращеніи въ Casa Magni, опять-таки подъ парусомъ. Какъ разъ въ этотъ день температура была вестерпимо-удушлива, все предвѣщало грозу. Ни Уилліамсъ, ни Шелли не были опытными моряками, а Трелауни, сторожившій въ Ливорно яхту Байрона, не могъ сопровождать ихъ.

Вскорѣ густой туманъ покрылъ море, окуталъ лодку и затѣмъ разразилась страшная буря. Шелли и Уилліамсъ были поглощены волнами, и только послѣ двѣнадцатидневныхъ неустанныхъ поисковъ удалось найти, близъ Via Реджіо, ихъ обезображенные тѣла. Въ карманахъ платья Шелли нашли трагедіи Эсхила и томъ сочиненій Китса.

Эта трагическая смерть была, къ тому же, облечена тайной, до сихъ поръ не разгаданной. Уѣзжая изъ Ливорно, Шелли на глазахъ у всѣхъ взялъ съ собою въ лодку мѣшокъ, наполненный тосканскою монетою. А потому явилось подозрѣніе, что двѣ итальянскія фелуки, въ одно время съ нимъ вышедшія изъ гавани, потопили его лодку. Но есть ли тутъ какая-нибудь доля правды? Тщательное изслѣдованіе судна, дѣйствительно, мало основаніе думать, что оно не само собою опрокинулось, и, кромѣ того, утверждаютъ, что одинъ старый итальянскій морякъ, умершій лѣтъ двадцать тому назадъ, покаялся въ этомъ преступленіи на своемъ смертномъ одрѣ. Но во всемъ этомъ, повторяю, нѣтъ ничего достовѣрнаго.

Между тѣмъ, шли приготовленія къ погребальному обряду. По тосканскому закону, всякій трупъ, выброшенный волнами, подлежалъ сожженію, изъ опасенія чумы. У подошвы Аппенинъ, на берегу моря, былъ воздвигнутъ костеръ. Друзья принесли ладону, масла, укуса, вина и соли. Около костра стояли: Байронъ, Ли Гентъ, Трелауни; военный врачъ и взводъ солдатъ надзирали за церемоніей. День былъ великолѣпный, солнце трепетало въ небѣ и пламя поднималось вдоль костра, надъ которымъ кружилась морская ласточка. Отъ времени до времени совершались погребальныя возліянія. Мало-по-малу тѣло приняло синій, почти черный оттѣнокъ. Подъ самый конецъ, когда все уже испепелилось, кромѣ нѣсколькихъ кусочковъ костей, всѣ присутствующіе съ изумленіемъ увидѣли, что сердце осталось нетронутымъ. Трелауни успѣшилъ выхватить его изъ огня, прѣчемъ сильно обжегъ себѣ руку.

Оно было перевезено вмѣстѣ съ пепломъ въ Римъ и погребено подъ надгробнымъ камнемъ на протестантскомъ кладбищѣ рядомъ съ Квйтсомъ. На памятникѣ были вырѣзаны слова: *Cor cordium*.

Четыре года передъ тѣмъ поэтъ посѣтилъ эту обитель мертвыхъ. «Эт самое торжественное и самое прекрасное кладбище въ мірѣ, — писалъ онъ какъ бы подъ вѣяніемъ предчувствія. — Когда видишь, какъ переливаются солнечные лучи на травѣ, блиставшей при нашемъ первомъ посѣщеніи осеннею росой, когда слышишь шумъ вѣтра въ листьяхъ деревьевъ, осѣняющихъ могилу Цестія, и трескъ почвы, согрѣтой солнцемъ, когда разсматриваешь могилы, подъ которыми лежатъ по большей части женщины и дѣти, то является желаніе, если ужъ смерть неизбежна, уснуть тѣмъ сномъ, какимъ покоятся они». Четыре года спустя на этомъ кладбищѣ у подножія пирамиды Цестія, среди могилъ женщинъ и дѣтей, подъ шумъ вѣтра въ листьяхъ и подъ осеннею росой почило навсегда сердце Шелли.

Такимъ образомъ, поэзія, его вѣрная фея, бывшая для него въ жизни источникомъ очарованія и утѣшенія, не измѣнила ему и послѣ его смерти. Это угасшее сердце она перенесла въ одно изъ своихъ благороднѣйшихъ убѣжищъ и положила его въ ароматное лоно цвѣтовъ.

Но оно не осталось одинокимъ въ своихъ грѣзахъ: вокругъ его могилы внезапно поднялся цѣлый сонмъ душъ. Въ нихъ нашло таинственный отзвукъ бѣніе этого ангельскаго сердца. Эхо разнеслось далеко; на его учащенные призывы собрались всѣ энтузіасты мечты, всѣ идеалисты нравственной жизни, всѣ вѣрные служители поэтическаго спиритуализма. Герои вызвали поклоненіе и состраданіе; ангель былъ окруженъ культомъ, созданнымъ ему чудною красотой его жизни, трагическою красотой его смерти, чистою, нѣжною, несравненною красотой его генія. Шеллианизмъ — фактъ совершившійся. Онъ представляетъ самыя высокія стремленія отважныхъ умовъ и сердець, беззаветно утвердившихъ свои вѣрованія въ мистическомъ идеализмѣ. Это рѣдкій типъ людей, и обыденный строй міра подвергаетъ ихъ жизненность тяжкимъ испытаніямъ. Но пока они существуютъ, не угаснутъ свѣтильники предъ алтаремъ ихъ учителя и каждый день будутъ появляться на немъ свѣжіе цвѣты.

II.

Шелли, какъ поэтъ.

I. Гуманность.

«Братья, мы свободны! Плоды сверкаютъ подъ звѣздными лучами, и ночные зефиры струятся надъ созрѣвшими нивами; птицы и звѣри предаются грѣзамъ. Отнынѣ кровь птицы или звѣря никогда не будетъ освѣрнять своими отравленными потоками человѣческихъ пиришествъ и ея испаренія не будутъ подниматься къ чистымъ небесамъ, какъ свидѣтельство противъ человѣка. Мстительные яды перестанутъ порождать болѣзни, страхи и безуміе. Обитатели земли и воздуха будутъ радостно толпиться вокругъ

ась, ища близъ насъ пищи и пріюта. Наши усилія извлекутъ изъ мысли амыя лучезарныя формы, чтобы украсить эту землю, наше жилище; и аука, и ея сестра, поэзія, одѣнуть свѣтомъ поля и города свободныхъ людей!

«Побѣда, побѣда поверженнымъ въ прахъ народамъ! Будьте свидѣтелями—и, ночь, и вы, безмолвыя созвѣздія, устремляющія на насъ свои очи въ хрустальныхъ колесницъ! Родились помыслы, силы которыхъ не знаютъ сна. Побѣда, побѣда! Отдаленнѣйшій край земли, области, стонущія юдъ антарктическими звѣздами, зеленыя страны, убаюкиваемые шумомъ ападныхъ волнъ, и обширныя и населенныя пустыни, окаймляющія океаны, гдѣ утро покрываетъ багрянцемъ свои золотистыя кудри, раздѣляютъ искорѣ съ нами наши восторги. Всемогущій страхъ, услышавъ наше волшебное имя, исчезнетъ какъ тѣнь изъ своихъ безчисленныхъ храмовъ, между тѣмъ какъ истина возсядетъ вмѣстѣ съ радостью на его престолѣ и станетъ править ускользнувшимъ изъ его рукъ царствомъ!»

Вотъ нѣсколько словъ изъ гимна, которымъ Шелли пріивѣтствуетъ въ поэмѣ *Лаонъ и Цитна* видѣніе освобожденной земли; такимъ представлялось ему въ восторженныхъ мечтахъ обновленіе человѣчества.

Какъ только онъ началъ мыслить, онъ уже вообразилъ себѣ, что нашелъ разрѣшеніе проблемы добра и зла въ обществахъ, и, провозглашая ея причину, онъ сталъ провозглашать и средство искоренить ее. Въ порывѣ пламеннаго негодованія, вызваннаго въ немъ зрѣлищемъ вѣковой борьбы Ормузда и Аримана,—борьбы, доставлявшей Ормузду лишь мимолетныя побѣды, за которыми слѣдовали подавляющія пораженія, онъ поспѣшилъ примкнуть навѣки къ сторонникамъ свѣтлаго начала. Своимъ оружіемъ онъ избралъ старый парадоксъ Руссо: «Человѣкъ рождается добрымъ, общество его развращаетъ», и въ разгарѣ битвы возвѣщалъ трубными звуками торжество принципа, за который сражался.

Быть можетъ, это громкое ликованіе было преждевременно. Иныя аксіомы *Царичи Мабъ*, напримѣръ, способны дѣйствительно смутить насъ. Гдѣ видимъ мы, что во вселенной «всѣ существа совершаютъ дѣло радости и любви»? Но отъ поэтовъ нельзя требовать ни точности анализа, ни кропотливой логики, ни философскаго сомнѣнія, и, въ концѣ-концовъ, можетъ случиться, что ихъ интуиція рѣшительно восторжествуетъ надъ нашею придирчивою діалектикой. Ужасный вопросительный знакъ, которому долго суждено носиться надъ простымъ вопросомъ — будетъ ли разъ навсегда страсть покорена мудростью—навѣрное не существовалъ для Шелли. Правда, что человѣчество, то человѣчество, которое онъ любилъ «безъ границъ», по его собственному выраженію, встрѣчающемуся въ его письмахъ еще за годъ до его смерти, допустило сковать себя вслѣдскими цѣпями, но какъ ни былъ тяжелъ гнетъ рабства, оставалась надежда его свергнуть и грядущія времена должны были освободиться отъ него. По крайней мѣрѣ, поэтъ не переставалъ утверждать это и нигдѣ не выразилъ онъ этого такъ живо и такъ просто, какъ въ поэмѣ *Джуманъ*

и *Мадало*: «Слова, которыя вы сказали мнѣ вчера вечеромъ,—говорить Шелли Байрону,—омрачили мою душу. Еслибъ человѣкъ былъ таинъ пассивнымъ существомъ, какимъ вы его считаете, тогда старыя преданія не представляли бы большаго вреда, но у меня другая вѣра... Наша воля—вотъ что поработаетъ насъ терпимому нами злу. Мы могли бы быть такими, какими видимъ себя въ нашихъ мечтахъ, счастливыми, благородными, великими. Гдѣ красота, гдѣ любовь и истина, которыхъ мы ищемъ, какъ не въ нашемъ собственномъ сердцѣ? И еслибъ мы не были слабы, то развѣ мы были бы мельче въ дѣлахъ, чѣмъ въ желаніяхъ?»—«Да, *если бы* мы не были слабы,—отвѣчаетъ Байронъ.—Мы стремимся, и какъ тщетно, быть сильными! То, что вы говорите, одна утопія».—«Остается узнать,—возражаетъ его собесѣдникъ,—насколько крѣпки цѣпи, сковывающія нашъ умъ; можетъ быть, онѣ такъ же хрупки, какъ стекло. Намъ говорятъ, что многое изъ того, что насъ давитъ и угнетаетъ, мы можемъ побѣдить и многое можемъ вынести. Мы знаемъ, что имѣемъ надъ собою власть дѣлать и терпѣть... что, собственно, этого мы не знаемъ, пока не испробовали, но, несомнѣнно, что—нибудь болѣе благородное, нежели жизнь и смерть. Такъ учили насъ цари древней философіи, и тотъ, кто страдаетъ вмѣстѣ съ своими страждущими братьями, чувствуетъ, что ихъ вѣра есть религія».

Эта вѣра—революціонная вѣра. Но въ такихъ чистыхъ устахъ, какъ у Шелли, слово «революція» не имѣетъ никакого низменнаго и свирѣпаго значенія. Не о рѣзнѣ и не о мести идетъ здѣсь рѣчь, а о законной борьбѣ во имя права и о возсозданіи міра при посредствѣ республиканской демократіи. Никто не клеймилъ такимъ осужденіемъ, какъ Шелли, преступленій, совершаемыхъ во имя свободы, никто не проповѣдывалъ такъ горячо всеобъемлющей любви, всеобъемлющаго состраданія, примиренія и прощенія. Онъ часто повторялъ ту фразу, въ которой Руссо объявляетъ, что согласенъ лучше поддерживать существующій порядокъ вещей, чѣмъ допустить пролитіе хотя бы одной капли крови. Приведемъ изъ *Laon and Cythna* слѣдующія слова: «Солдаты,—восклицаетъ Лаонъ,—наши братья и друзья перебиты; это вы зарѣзали ихъ, пока они спали?... Но они прощаютъ васъ. О, зачѣмъ зло всегда приводитъ къ злу, зачѣмъ страданіе вѣчно порождаетъ еще болѣе тяжкое страданіе?» Въ *Освобожденномъ Прометей* встрѣчается другая знаменитая фраза. Земля, внявъ мольбамъ своего страдальца сына, повторяетъ ему проклятіе, нѣкогда брошенное имъ въ лицо Юпитеру отъ имени человѣческаго рода. Устрашенный призывомъ къ мщенію, которымъ оно заканчивается, Прометей беретъ его назадъ: «Это были мои собственныя слова, о, мать?—Твои собственныя.—Я раскаиваюсь въ нихъ; они опрометчивы и суетны: скорбь на время ослѣпляетъ насъ, такъ было и со мною. *Я не желаю страданія ни одному живому существу*».

Замѣтьте, что эти слова были написаны раньше 1820 г., и, слѣдовательно, опережаютъ на сорокъ лѣтъ ту эпоху, когда самый могучій изъ

Французскихъ лириковъ выступилъ поборникомъ гуманности. Рядомъ съ именемъ Шелли имя Гюго невольно просится подъ перо и тождественность къ темъ бросается въ глаза. Оба они одинаково клеймили деспотизмъ раскаленнымъ желѣзомъ поэтическаго негодованія, оба были апостолами милосердія, оба начертали грезившуюся имъ картину всемірной республики. Но разница въ томъ, что Гюго началъ свою проповѣдь сравнительно поздно и училъ тономъ риторика и литератора, окруженный восторженнымъ божаніемъ, тогда какъ наивное и возвышенное сердце бѣднаго Шелли явилось въ пустынѣ. Одинъ любилъ ради того, чтобы любить; другой, хотя и преисполненный любви, не упускалъ изъ вида своей позы и своего педестала.

А потому я лучше предпочелъ бы сопоставить великаго англійскаго поэта съ недавно открытыми проповѣдниками, напоминающими его своею любвеобильною простотою,—съ русскими романистами. Трое изъ нихъ принадлежатъ къ числу самыхъ симпатичныхъ геніевъ, какихъ когда-либо ожидало человѣчество: Тургеневъ, Толстой и Достоевскій. И пусть амъ читатель судить, насколько основательно это сопоставленіе ихъ къ Шелли. Вотъ какія слова встрѣчаются въ *Laon and Cythna*:

Не укоряй души своей, но познай самого себя; не питай ненависти ни къ преступленію другаго, ни къ своему собственному. Только урююе самообожаніе требуетъ, чтобы тогда, когда наши мысли и дѣла же исчезли, человекъ плакалъ, истекалъ кровью и стоналъ. О безплодое искупленіе! Успокойся: прошедшее принадлежитъ смерти, а будущее въ твоихъ рукахъ: любовь и радость могутъ {создать изъ самаго чуждаго сердца цветущій рай, въ которомъ миръ советъ свое изъдо».

Взвѣ это не тотъ же финалъ, которымъ каждый изъ насъ хотѣлъ бы авершить повѣсть жизни Раскольникова? О, да, безъ сомнѣнія, эта исерзанная душа должна придти къ любви и къ любви должны придти исерзанная души всѣхъ несчастныхъ, къ любви, милосердію, состраданію, самоотверженію, воплощеннымъ въ такихъ ангелахъ свѣта и самоотреченія, какъ Цитна и Соня, какъ «Лэди» въ *Sensitive Plant* и Наташа Ихмева. Такимъ образомъ, нашъ поэтъ, по страстности своей филантропической и общественной миссіи примыкающій къ Виктору Гюго, соприкаается съ русскими писателями нѣкоторыми мѣстами своихъ произведеній, миленными и почти наивными, болѣе юными и безыскусственными, нежели тѣ рѣчи, какія слышатся въ старѣющихъ литературахъ. Можно было бы провести дальше эти сравненія и найти, опять-таки въ гуманитанизмѣ, соединительную черточку между безнадежнымъ самоотреченіемъ Эдита и безумными упованіями Шелли; точно также не безъ основанія указываютъ на родство его поэзіи съ философіей Огюста Кюнта, продолжателя энциклопедистовъ; наконецъ, Бетховенъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тотъ же Шелли въ сферѣ музыки.

Идея гуманности такъ наполняетъ произведенія изучаемаго нами поэта, что, выставивъ на видъ ея преобладающую роль, необходимо отмѣ-

тять, по крайней мѣрѣ, главные способы ея выраженія. У Шелли двѣ излюбленных картины. Сначала негодующею рукою онъ изображаетъ всяческія бѣдствія, ежеминутно бичующія землю. Затѣмъ занавѣсъ опускается надъ картиною зла, сцена мѣняется: снова появляется древній Эдемъ. Земля и люди побѣдили своихъ тирановъ и, озаренные свѣтомъ совершеннѣйшей красоты, совершеннѣйшей благодати и истины, живутъ отнынѣ въ любви.

Перечисленіе всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ ярко выступаетъ эта двойственная форма поэзіи Шелли, представило бы слишкомъ трудную задачу; намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ процитировать всѣ его произведенія цѣликомъ. Они до такой степени проникнуты гуманностью, что она становится ихъ постояннымъ боевымъ кликомъ, какъ бы неизмѣннымъ руководящимъ мотивомъ. Впрочемъ, прочитавъ хоть одно изъ его крупныхъ произведеній, будетъ ли оно философское или лирическое, трагическое или сатирическое—*Царицу Мабъ*, *Прометей* или *Элладу*, *Ченчи* или *Swellfoot the Tyrant*, мы поймемъ это лучше, чѣмъ изъ цѣлаго ряда отрывочныхъ цитатъ, такъ какъ они непрерывно передаютъ другъ другу одну и ту же идею. И каждое изъ нихъ заканчивается все тѣмъ же свѣтлымъ образомъ двойственной картины: апофеозомъ будущаго надъ разрушеннымъ прошлымъ.

Надъ разрушеннымъ прошедшимъ... и надъ прошедшимъ прощеннымъ. Оставляя въ сторонѣ слишкомъ суровыя обличенія, могущія своею ѣдкостью нанести ущербъ лиризму, я укажу читателямъ на первую страницу *Освобожденнаго Прометей*, этой лирической драмы, символизирующей освобожденіе человѣческаго духа и, безъ сомнѣнія, являющейся, вмѣстѣ съ *Фаустомъ*, величайшею поэмой нынѣшняго вѣка. Она не имѣетъ отношенія ни къ будущему, ни къ прошедшему, это страница настоящаго: отъ идеала мы спускаемся къ дѣйствительности, отъ торжества переходимъ въ разгаръ борьбы. Поэтъ здѣсь болѣе спокоенъ, его умъ паритъ выше, чѣмъ во времена *Царицы Мабъ*; онъ уже не преслѣдуетъ врага дикими криками. Вызовъ, брошенный титаномъ, остается въ прежней силѣ, и скорбь его все та же, но къ нимъ приѣшивается болѣе кроткое чувство и какъ бы ясный отблескъ упованія. Вотъ отрывокъ изъ этой страницы, дополняющей Эсхила и достойной стать рядомъ съ нимъ:

«Увы, горе мнѣ! Страданія, страданія навѣки, безъ конца!

«Ни перемины, ни остановки, ни надежды! И все же я терплю. Я спрашиваю тебя, земля, развѣ горы не слышали? Я спрашиваю тебя, небо, развѣ всевидящее солнце не видѣло? Развѣ въ бурю и въ тишь глухія волны моря, этой вѣчно мѣняющейся тѣни неба, распростертой внизу, развѣ онѣ не слышали моей тоски? Увы, горе мнѣ! Страданія, страданія навѣки, безъ конца!

«Я говорю отъ глубины скорби, а не ликованія, потому что во мнѣ нѣтъ больше ненависти съ тѣхъ поръ, какъ несчастье умудрило меня. Проклятіе, нѣкогда произнесенное мною, я желалъ бы взять назадъ. Вы,

горы, многоголосное эхо которыхъ отнесло въ туманъ водопадовъ грома этого заклинанія! Вы, ледяные ручьи, застывшіе подъ узорчатою корою морова, вы, которые содрогнулись, услышавъ меня, и съ трепетомъ скрылись въ Индію! Ты, прозрачный воздухъ, по которому проходитъ безъ лучей палящее солнце! И вы, быстрые вихри, безмолвно и недвижно повисшіе отяжелѣвшими крыльями надъ замолакшею бездною, когда вселенная заколыхалась отъ грома, болѣе страшнаго, чѣмъ вашъ собственный,—если тогда мои слова имѣли власть,—хотя я измѣнился такъ, что во мнѣ умерло всякое злое желаніе, хотя у меня не осталось воспоминанія о томъ, что такое ненависть,—пусть слова мои не утратятъ этой власти теперь! Что гласило это проклятіе? Вѣдь, всѣ вы слышали меня».

II. Вселенная.

Если, приступивъ впервые къ чтенію Шелли, вы сразу поражаетесь его культомъ гуманности, то, въ то же время, вамъ бросается въ глаза и вторая, не менѣе важная черта его,—я говорю объ его любви къ вселенной.

Выраженіе этой любви у него необыкновенно своеобразно, до того своеобразно, что можетъ на минуту ввести въ заблужденіе читателя насчетъ истиннаго темперамента поэта. Онъ одушевляетъ предметы такою силой самостоятельной, независимой жизни, онъ погружаетъ ихъ въ такое необъятное, тихое и ослѣпительное море метафоръ, что намъ чудится, будто они плывутъ по этому морю одни, оторванные отъ своего творца, освобожденные отъ всякой связи съ нимъ.

Безъ сомнѣнія, это такъ, но, прежде чѣмъ придать имъ этотъ стремительный полетъ величавыхъ лебедей, онъ ихъ вызвалъ въ своей фантазіи. И что за идеальные образы вызвалъ онъ! О, конечно, они живутъ теперь своею собственною жизнью, они отдѣлились отъ него, и восторгъ, въ который повергаютъ его пѣніе жаворонка, порывы западнаго вѣтра, безмятежность Монблана, кажется восторгомъ какъ бы созерцающаго и чуть ли не безличнаго существа. Впрочемъ, остается извѣстный оттънокъ; не слѣдуетъ забывать, что эти представленія не совсѣмъ сохранили свой прежній видъ съ того момента, какъ онъ коснулся ихъ своимъ взоромъ и своимъ волшебнымъ жезломъ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ пантеиста, который былъ бы такимъ великимъ чародѣемъ, какъ Шелли! Онъ изображаетъ намъ не вселенную вообще, а свою собственную вселенную. Великолѣпіе міровъ приняло колоритъ его души, изукрасилось тысячами арабесковъ его чувства. Вотъ заговорили горы и песчинки, былинки и океаны, небесныя свѣтила и цвѣты, но вслушайтесь—развѣ нѣтъ въ ихъ голосахъ трепетнаго серебристаго звука, тревожнаго и вѣснаго содроганія, обличающаго присутствіе изгнаннаго Аріэля? Пусть симфонія *Прометей* вздымается все выше и все шире, пусть ея заключительный хоръ гремитъ раскатами торжественнаго ликованія, даже и здѣсь вы можете уловить нѣкоторые вибраціи слишкомъ глубокиа, избытокъ нервной радости и что-то несовмѣстимое съ великою, безмятежною гармоніей. Сравните эту симфонію со

вторую частью *Фауста*, если хотите провести различіе между ангеломъ и полубогомъ.

Однако, если Шелли не совсѣмъ походитъ на Гёте, то онъ еще дальше отстоитъ отъ Байрона и отъ романтиковъ въ собственномъ смыслѣ слова: если онъ не совершенно исчезаетъ во вселенной, то еще менѣе относится онъ къ ней, какъ къ рабынѣ. Между природою и нимъ установился самый рѣдкій видъ любви—любовь раздѣленная; ни онъ, ни природа не остаются въ долгу другъ предъ другомъ; онъ возвращаетъ ей то, что она даетъ ему. Это «брачный союзъ»,—сказалъ глубокій умъ, Джемсъ Дармстетеръ. Изъ этого брачнаго союза, ежечасно возобновляемаго, происходитъ поэзія смѣшанная, вполне оригинальная, на половину дѣйствительность, на половину мечта,—поэзія, которая, «пустивъ корни въ жизни, разцвѣтаетъ въ сновидѣніи», какъ выразился тотъ же Дармстетеръ. Съ несмѣтнымъ сомнѣніемъ одушевленныхъ и фантастическихъ абстракцій, непрерывно порождаемыхъ душою поэта, сплетаются образы видимаго міра: галлюцинація и грѣзы становятся рядомъ, головокружительный хороводъ поэзіи наполняетъ сцену. За ней притаился поэтъ, на половину скрытый своими символами, довольный тѣмъ, что сумѣлъ вдохнуть въ нихъ все величіе и всенѣжность своей души, и все же настолько проглядывающій въ нихъ, что его можно узнать по одному колориту самой музыкальной пѣсни, какая когда-либо исходила изъ англійскихъ устъ.

Чтобы дать себѣ отчетъ въ этой формѣ столь необычнаго воображенія, стоитъ только раскрыть Шелли на любой страницѣ: будетъ ли то мелкое стихотвореніе, или длинная поэма, мы увидимъ, что эта форма владычествуетъ всюду. Всюду, изъ голубой дымки мечтаній выплываетъ задумчивый образъ: вырвавшись въ внезапномъ порывѣ безумной радости, онъ играетъ въ потокахъ свѣта, изливающагося изъ міровой жизни, въ этихъ волнахъ, золотящихся его метаморфозы. Онъ шелеститъ, благоухаетъ, восхищается, онъ таетъ, онъ сияетъ и поетъ: онъ и ручей, и фея, и вѣтерокъ, и растеніе, и птица, и женщина, и звѣзда; онъ воплощаетъ въ себѣ тысячи прелестныхъ формъ и тысячи формъ зловредныхъ: онъ и змѣя, и ядъ, и война, и ненависть, и болѣзнь, и чума.

И это воображеніе само по себѣ до такой степени способно видоизмѣняться, что приходится быть чрезвычайно осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ о немъ и постоянно возвращаться къ нимъ. Хотя поэтъ примѣшивается почти ко всѣмъ своимъ пантеистическимъ идеямъ, хотя всюду мы ощущаемъ его легкое прикосновеніе, тѣмъ не менѣе, иногда, въ силу его необычайной гибкости, ему случается вполне отрѣшаться отъ нихъ и оставлять тотъ или другой образъ великаго Пана наединѣ съ самимъ собою. Его стихотвореніе *Облако* служитъ типическимъ примѣромъ этого приема, благодаря которому инстинктивно современное и полунаучное созерцаніе облекается самыми яркими красками первобытной арійской или мнѣической фантазіи. Здѣсь Шелли не только исключаетъ себя изъ описываемой имъ природы, не только ограничиваетъ ее ея собственною сущ-

ностью, но сквозь покровъ метафоръ, которыми онъ ее украшаетъ, онъ усматриваетъ и указываетъ элементарныя формы, вырабатывающія виды,— формы, отдѣленные отъ насъ сотнями тысячелѣтій. Наоборотъ, въ *Аласторъ*, созданномъ въ иномъ настроеніи духа, приемъ инстинктивно измѣняется: Шелли уже не отодвигаетъ природу, а приближаетъ ее къ себѣ, весь проникается ею: въ ней воплощаетъ онъ свою меланхолію. Наконецъ, въ *Sensitive Plant* мы видимъ какъ бы наслоеніе этихъ двухъ приемовъ: обыкновенные цвѣты, ландышъ, жасминъ, тубероза живутъ здѣсь своею жизнью цвѣтовъ, глубокою и сладостною, но ихъ душа, все-таки, ниже души высшаго цвѣтка, мимозы, души человѣческой, олицетворяющей поэта. Короче сказать, мы не должны терять изъ вида той фразы во вступленіи къ этой статьѣ, въ которой мы предупреждали читателя, что муза Шелли представляется намъ, прежде всего, неуловимой и необъятной.

Его муза—и ручей, и фая, и вѣтерокъ, и растеніе, и птица, и женщина, и звѣзда, сказали мы нѣсколькими строками выше, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она—и, змѣя, и ядъ, и война, и ненависть, и болѣзнь, и чума. Дѣло въ томъ, что Шелли извѣстна и другая сторона пантеизма, и онъ знаетъ, что невозможно отрицать ее. Его глубокій геній, столько же размышлявшій, сколько и чувствовавшій, заявлялъ уже въ *Царицѣ Мабъ*, что духъ природы, всемогущая сила и необходимость, все животворитъ, но все и разрушаетъ своимъ дыханіемъ, что онъ, въ одно и то же время, и добро, и зло, и жизнь, и смерть. Точно также, въ томъ саду, гдѣ цвѣтеть мимоза, красота должна уступить мѣсто ужасу; ненавистная зима умертвить и вѣнчики, и ароматы. Точно также, когда, достигнувъ пещеры Демогоргона, Азія и Пантея будутъ спрашивать у него великую разгадку міровой тайны и имя неизяснимой причины, то ихъ сильнѣе поразятъ бѣдствія, проистекающія изъ этой послѣдней, нежели ея благодѣянія: это очевидно изъ перечисленія Азіей преступленій, вычужденныхъ самою вселенной на оборотной сторонѣ ея медали. Но приведемъ лучше слѣдующій отрывокъ изъ *Царицы Мабъ*, въ которомъ сконцентрирована вся философія Спинозы:

«Духъ природы! Сила, все наполняющая собою! Необходимость, мать вселенной! Прихоть слабой воли человѣка такъ же чужда твоей неизмѣнной гармоніи, какъ и непостоянныя страсти, волнующія его сердце. Рабъ, гнусныя вожелѣнія котораго распространяють въ мірѣ бѣдствія, и доблестный человѣкъ, съ благородною гордостью воспаряющій всѣмъ существомъ своимъ при видѣ счастья, проистекающаго изъ его собственныхъ дѣлъ, ядовитое дерево, подъ тѣнью котораго увядаетъ всякая жизнь, и прекрасный дубъ, своимъ густолиственнымъ куполомъ представляющій храмъ, гдѣ произносятся обѣты счастливой любви,—всѣ они равны предъ тобою. Ты не лелѣешь въ себѣ ни любви, ни ненависти, не знаешь мщенія и пристрастія и самаго худшаго желанія, желанія славы. Все, что заключаетъ въ себѣ громадный міръ, все это лишь твои безвольныя ору-

дія, и ты смотришь на нихъ неліцепріятнымъ окомъ. Ты не можешь чувствовать ихъ горя и радости, потому что въ тебѣ нѣтъ челоуѣческаго чувства, потому что ты не челоуѣческая душа».

Эти послѣднія слова, пожалуй, самыя знаменательныя во всемъ отрывкѣ, потому что они составляютъ переходъ отъ только что передъ тѣмъ изложенной безстрастной теоріи къ пламенному видѣнію всеобщаго счастья, свѣтлую зарю котораго вскорѣ возвѣститъ намъ конецъ поэмы. Но кто же не видитъ, что этотъ ледъ и это пламя вполне противорѣчатъ другъ другу, и что Шелли готовъ попасть въ тенета антиміи? Какъ согласовать здѣсь разсудокъ съ фантазіей? какимъ образомъ примирить существованіе духа необходимости съ утвержденіемъ, что челоуѣкъ можетъ, если захочетъ, избавиться отъ своихъ заблужденій, преобразовать свою судьбу и царство зла, навѣки уничтоженное, замѣнить царствомъ добра? И въ силу какой логики возможно, послѣ исповѣданія детерминизма въ *Царицѣ Мабъ*, послѣ манихейскихъ признаній въ *Sensitive Plant*, въ *Ченчи*, въ *Прометей* и разныхъ другихъ произведеніяхъ, провозгласить свободу воли?

Задача, не разрѣшимая для обыкновеннаго ума, но не для поэта, а мы знаемъ, до какой степени былъ поетомъ Шелли. Онъ съумѣетъ выпутаться изъ своихъ сѣтей, благодаря совершенно платоновской высотѣ полета. Прочъ все безобразное, все ложное и злое; надо спасти высшія существа! Безъ сомнѣнія, необходимость безпрестанно сталкиваетъ оба принципа другъ съ другомъ и заставляетъ ихъ вступать въ борьбу, но почему бы доброму началу не остаться, въ концѣ-концовъ, властелиномъ челоуѣческаго духа и, разъ оно овладѣетъ такимъ могущественнымъ рычагомъ, почему бы не приподнять ему вселенную и не измѣнить лица земли? Оно уже привлекло на свою сторону множество философовъ, художниковъ, поэтовъ, людей дѣйствія: почему бы вскорѣ не привлечь ему къ себѣ и толпу, и почему бы этой послѣдней не преобразовать въ свою очередь низшія животныя міръ? И, къ тому же, злое начало, быть можетъ, ничто иное, какъ призракъ; быть можетъ, усиліе, подобное челоуѣческому идеалу, до сихъ поръ мучить нашъ міръ «невѣдѣніемъ, заблужденіемъ и борьбой»? Да, если только самый этотъ жалкій міръ не обманъ, если онъ не извращеніе настоящаго міра, скрытаго подъ обезображивающею его маской. Чтò, если эта маска, наконецъ, спадетъ и Божій ликъ появится изъ-подъ нея? Но при такихъ гипотезахъ разсудку нечего дѣлать: онъ можетъ исчезнуть, потому что вѣра будетъ изрекать послѣднія слова. Поэтъ *утроивалъ* въ платоновскія грѣзы и его вѣра выразилась въ пѣснопѣніяхъ, пламенные и нѣжные звуки которыхъ указывали на его мистическую любовь къ идеалу. Не говоря уже о *Лаонъ и Циттъ*, объ *Элладѣ*, *Джуміантѣ* и *Мадало* и почти всѣхъ остальныхъ поэмахъ, возьмемъ въ примѣръ лишь три вышеупомянутыя, въ силу своего безпристрастія не отрицающія существованія злого начала; присовокупимъ къ нимъ *Adonais* и посмотримъ на ихъ заключеніе. *Царица Мабъ* кончается освобожденіемъ земли, *The Sensitive Plant*—философскою надеждою, *Adonais*—наиболѣе лирически-

идеалистическими стихами во всемъ этомъ произведеніи, *Прометей*—какъ бы торжественною ракетой, вѣнчающею конецъ міровъ. И больше того, въ одномъ или двухъ мѣстахъ, указанныхъ мною, лучъ свѣта озаряетъ даже самую бездну, поглотившую отъ начала вѣковъ столько живыхъ существъ: смерть пріотворяетъ свои врата предъ ихъ пристальнымъ взоромъ. Нѣтъ, Адонайсъ *) не погибъ навсегда, нѣтъ, не умерли нѣжныя подруги мимозы и кроткая фея, лелѣвшая ихъ:

«Этотъ чудный садъ, эта прелестная лѣда, всѣ эти нѣжные образы и ароматы, въ сущности, не исчезли; мы измѣнились, а не они.

«Для любви, для красоты и радости нѣтъ ни смерти, ни переменъ: ихъ сила слишкомъ могуча для нашихъ органовъ, которые не выносятъ свѣта, потому что сами погружены во мракъ».

III. Вдали отъ действительности.

Бываютъ часы просто меланхолическіе, когда испытываешь желаніе уйти «куда бы то ни было, исчезнуть изъ міра». Ни вселенная, ни люди не интересуютъ васъ больше: одни въ необъятной жизни, вы ничего не любите, кромѣ вашего собственнаго сердца, къ вѣчному, безутѣшному біенію котораго вы прислушиваетесь среди томительныхъ дней.

Но бываютъ часы и меланхолическіе, и трепетные, когда это біеніе становится стремительнѣе и учащеннѣе: ваше сердце внезапно переполнилось какою-нибудь неосуществимою химерой, какою-нибудь мечтой о безоблачномъ счастіи и совершенномъ забвеніи среди томительныхъ дней.

Теперь эта мечта разсѣялась, небо закрылось, сердце снова бьется своимъ медленнымъ и однообразнымъ ритмомъ... О, если бы вернулся меланхолическій и трепетный часъ, чтобы ты, одинокое сердце, могло взлетѣть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы еще на одно мгновеніе тебя посѣтила радость среди томительныхъ дней!

Читатель догадывается, что третья характеристическая черта Шелли состоитъ въ его способности порывать по своему желанію всѣ связи съ дѣйствительностью. Въ предъидущей главѣ мы рассматривали преимущественно тѣ поэмы, въ которыхъ совершился брачный союзъ видимой природы и внутреннего представленія: человѣкъ и вселенная принесли поэту свой драгоценный матеріалъ и глубоко запечатлѣлись въ его любви. Въ нѣкоторыхъ другихъ поэмахъ, какъ *Adonais*, *Alastor*, *Epipsyehidion*, душа поэта, наоборотъ, вполне отрѣшилась отъ внѣшняго міра: можно подуматъ, что въ ней изсякла любовь къ нему и что онъ умеръ для нея. Когда видимыя данныя стануть толпаться въ ея дверь, она, безъ сомнѣнія, будетъ вынуждена впустить ихъ, но тотчасъ же поспѣшитъ поглотить ихъ и потопить въ потокѣ своихъ личныхъ оттѣнковъ, послѣ чего она останется неподвижной, вперивъ взоры въ свой собственный центръ; она не хочетъ больше воспроизводить себя во внѣ, отливать себя въ форму

*) Китсъ.

среди других формъ. Исключительно погрузившись въ свое «я», она замкнулась въ себѣ и не желаетъ имѣть никакого другаго предмета для созерцанія, кромѣ самой себя.

Эту способность сосредоточиваться въ своемъ собственномъ сердцѣ, способность, свойственную германскому духу, обстоятельства развили въ Шелли столь же мучительнымъ, какъ и необычайнымъ образомъ: она явилась порожденіемъ его безчисленныхъ разочарованій и безчисленныхъ скорбей. Въ извѣстныхъ минуты дѣйствительная жизнь внушала ему тѣмъ большее отвращеніе, что она не только была безконечно далека отъ жизни, снившейся ему въ его грѣзахъ, но особенно груба и жестока по отношенію къ нему. Обезумѣвъ отъ страданій и отъ неутолимой тоски, онъ презрительно отрясъ прахъ съ своихъ крыльевъ на всякіе прозаическія вѣрованія, на всякіе земные кумиры и устремилъ свой отчаянный полетъ въ царство мечты ради мечты, въ царство химеры ради химеры.

Обширное царство, въ которомъ онъ былъ чуднымъ властелиномъ! Въ лицѣ Шелли мы можемъ привѣтствовать одного изъ царей фантазіи. Всѣ созданія, ея населяющія, вышли изъ его рукъ въ видѣ образныхъ абстракцій и аллегорическихъ призраковъ, которымъ онъ сумѣлъ сообщить такой колоритъ, такую осязаемость, что мы стоимъ передъ ними въ нѣжномъ изумленіи. А, между тѣмъ, объяснить это чудо не трудно: умъ, въ которомъ воображеніе сливалось съ способностью къ абстракціи, неизбѣжно долженъ былъ *одушевлять символы и украшать цвѣтами чистую идею*. Этотъ даръ до такой степени присущъ ему, что въ своемъ *Adonais*, — элегій, посвященной памяти Китса, гдѣ онъ окружаетъ могилу молодого умершаго поэта плачущею толпой безтѣлесныхъ, воздушныхъ, волнистыхъ образовъ, онъ невольно переселяется самъ въ одинъ изъ нихъ и въ результатѣ оказывается нѣчто такое, что было бы невозможно для всякаго другаго: этотъ образъ рисуетъ его такъ живо, какъ не могло бы этого сдѣлать болѣе реалистическое описаніе или прямой и точный портретъ, снятый авторомъ съ самого себя:

«Среди другихъ, менѣе славныхъ, нежели эти послѣдніе, явился хрупкій образъ, призракъ между людей, одинъ, безъ товарищей, какъ послѣдняя туча замирающей грозы, громъ которой служитъ ей погребальнымъ звономъ. Подобно Актеону, онъ, навѣрное, созерцалъ красу природы въ ея наготѣ; теперь же своими слабыми шагами онъ скитался въ пустынь міра, и на этомъ неровномъ пути его собственныя мысли преслѣдовали, какъ разъяренные псы, своего отца и свою добычу.

«Духъ, похожій на леопарда, прекрасный и быстрый, любовь подъ кровомъ печали, сила, опоясанная немощью; онъ съ трудомъ выдерживаетъ на себѣ гнетъ подавляющей его минуты. Это гаснущій свѣтильникъ, это ливень, падающій съ неба, это волна, разбивающаяся о берегъ, — въ тотъ самый часъ, какъ мы говоримъ это, быть можетъ, она ужъ разбилась? Смертоносное солнце радостно сіяетъ надъ увядающимъ цвѣткомъ; жизнь можетъ сверкать кровью на ланитахъ, тогда какъ сердце разрывается.

«Голова его была увѣнчана поблекшими фіалками, бѣлыми, пестрыми и голубыми цвѣтами. Въ рукѣ у него было легкое копье, завершавшееся шишкой кипариса, съ грубымъ древкомъ, обвитымъ темными вудрами плюща, съ которыхъ еще падали капли полуденной чистой росы; и оно дрожало, когда неумолчно бившееся сердце заставляло трепетать слабую руку, державшую его. Онъ пришелъ послѣднимъ, одиногій, сиротливый, словно олень, пораженный стрѣлой охотника и погнутый стадомъ».

Это царство мечты было не только обширно, оно было безпредѣльно: м-ръ Стопфордъ Брукъ отмѣтилъ это съ такою тонкостью и проницательностью, что идти дальше его невозможно, а остается только привести его собственные слова:

«Онъ воплотилъ, насколько это было осуществимо, неосязаемыя грѣзы поэтическаго темперамента, тѣ грѣзы, которыя, если онѣ зародились въ минуту счастья, онъ выражаетъ въ маленькомъ стихотвореніи *On a poet's lips y slept*, затѣмъ и другія, менѣе радостныя,— одинокія странствованія сожалѣнія, воображеніе въ часы его наивныхъ игръ съ образами, моменты, находящіеся на томъ рубежѣ, гдѣ чувство и мысль безпрестанно смѣняются другъ друга, картины природы, которыя мы создаемъ, но которыя, однако, не природа, неизъяснимую печаль и уныніе, причины которыхъ мы не можемъ указать, бездны страстной фантазіи, гдѣ мы не только не сознаемъ больше своего соприкосновенія съ человѣчествомъ, но гдѣ сознание этого соприкосновенія возбудило бы въ насъ ужасъ... Въ области любви никто не выражалъ такъ прекрасно неизгладимаго сожалѣнія объ утратѣ того, чего мы не хотѣли взять, и затѣмъ, надеждъ, опасеній, мечтаній, создаваемыхъ сердцемъ единственно ради собственнаго удовольствія или огорченія, когда оно играетъ любовью, которую воплощаетъ въ себѣ, никогда не думая воплотить ее во внѣ. Это царство привлекаетъ къ себѣ такое множество людей, что они должны быть благодарны Шелли за то, что онъ изобразилъ его. Никто еще не дѣлалъ этого, а онъ сдѣлалъ это неподражаемо» *).

Если подобная поэзія можетъ питаться лишь самыми тонкими и самыми чистыми элементами, если нѣтъ поэзіи, производящей болѣе совершенное впечатлѣніе одухотворенности и, если, въ силу этого, она неизбежно является поэзіей поэзіи, то по этой же причинѣ ей приходится и страдать. Атмосфера, въ которой горитъ ея голубое пламя, до того рѣдка, что, кромѣ нея, въ ней не можетъ жить ни одно существо, и такая изолированность оказывается для нея смертельною. Объ этомъ свидѣтельствуется предисловіе къ *Аластору*, и не только предисловіе, но и вся поэма, самая субъективная изъ всего, имъ написаннаго. Мы такъ любимъ эту пламенную поэму одинокой души! И мы чувствуемъ, что многіе и многіе изъ нашихъ современниковъ должны также сильно любить ее! Гдѣ во всей новѣйшей поэзіи могли бы они найти столь же полное выраженіе

*) *Poems of Shelley*, selected and arranged by Stopford Brooke.

самыхъ глубокихъ тайниковъ своей внутренней жизни, и развѣ въ слѣдующемъ, прозрачномъ, какъ хрусталь, отрывкѣ не смотреть на нихъ ихъ собственный образъ?

«Повинуясь свѣту, сіявшему въ его душѣ, онъ шелъ, слѣдуя изгибамъ долины. Подъ лѣсною почвой, по множеству зеленыхъ овраговъ, протекалъ рѣзвый и дикій ручей. Порою онъ падалъ на мохъ съ глухимъ, мрачнымъ, глубокимъ звукомъ. То онъ прыгалъ по гладкимъ камнямъ и съ дѣтскимъ смѣхомъ продолжалъ свой путь, то, спокойно извиваясь, стался по равнинѣ, отражая въ себѣ каждую травку и каждую почку, наклонившуюся надъ его безмятежною поверхностью. О, потокъ, съ недоступно-глубокимъ источникомъ, куда стремятся твои таинственныя воды? Ты представляешь собою мою жизнь. Твое угрюмое безмолвіе, твои сверкающія струи, твои то звучныя, то глухія пучины, твой невѣдомый источникъ и незримое теченіе, — все это имѣетъ свой образъ во мнѣ. И какъ необъятное небо и неизмѣримый океанъ не откроютъ, какую тинистую пещеру и какое блуждающее облако заключаютъ въ себѣ твои воды, такъ и вселенная не скажетъ, гдѣ обрѣтаются эти живыя мысли, когда, распростертое на твоихъ цвѣтахъ, мое бездыханное тѣло будетъ истѣбать подъ вѣяніемъ проносащагося мимо вѣтра».

Но особенно чарующее дѣйствіе производитъ на насъ видѣніе Аластора:

«Поэтъ, странствуя по Аравіи и Персіи и дикой Караманской пустынѣ и по высокимъ горамъ, низвергающимъ Индъ и Оксусъ изъ своихъ ледяныхъ пещеръ, продолжалъ свой путь съ радостью и ликованиемъ и, наконецъ, достигнувъ долины Кашмира и самаго уединеннаго уголка ея, тамъ, гдѣ душистыя вѣтви сплели природную бесѣдку подъ расцѣлинами скалъ, онъ далъ отдыхъ своимъ утомленнымъ членамъ близъ сверкающаго ручейка. Его сонъ осѣнило видѣніе, то были грѣзы, исполненныя надеждъ, никогда еще до той поры не вызывавшихъ румянца на его ланиты. Ему пришло въ голову, что дѣва, окутанная покрываломъ, сидѣла рядомъ съ нимъ и говорила тихо и торжественно. Ея голосъ былъ подобенъ голосу его собственной души, когда онъ слышалъ его, погрузившись въ спокойствіе размышленія; его протяжная музыка, подобная звукамъ, сотканнымъ изъ волнъ и изъ легкаго вѣтра, завладѣла задушевейшими чувствами поэта, очарованнаго ея многоцвѣтною, переливчатою тканью. Она бесѣдовала съ нимъ о знаніи, объ истинѣ и добродѣтели, о высокихъ надеждахъ на божественную свободу, о мысляхъ, наиболѣе дорогихъ для него, и о поэзіи, такъ какъ онъ самъ былъ поэтъ. Вскорѣ торжественное настроеніе ея чистаго духа зажгло во всемъ его существѣ насквозь пронизывающее пламя. Тогда она запѣла дивную пѣснь голосомъ, заглушаемымъ судорожными рыданіями, отдавшимся во власть собственному взволнованному чувству. Только прекрасныя кисти рукъ, извлекавшія изъ чудной арфы чудную симфонію, были обнажены у нея и въ ихъ развѣтвлявшихся жилахъ краснорѣчивая кровь рассказывала невыразимую повѣсть. Слышно было, какъ біеніе ея сердца наполняло собою промежутки въ этой музыкѣ, и ея ды-

ханіе бурно раздавалось при внезапныхъ перерывахъ ея пѣсни. Вдругъ она встала, какъ будто бы ея сердце не могло болѣе выносить разрывавашаго его бремени. Онъ обернулся и увидѣлъ при теплохъ свѣтѣ ихъ собственной жизни ея горячіе члены подъ волнистымъ покровомъ изъ сотканнаго вѣтра, ея протянутыя къ нему руки, теперь совсѣмъ обнаженныя, ея темныя кудри, развѣваемыя дуновеніемъ ночи, ея лучезарные глаза, опускавшіе свой взоръ, ея полуоткрытыя уста, блѣдныя, страстно трепетавшія. Мощное сердце его ослабѣло и изнемогло отъ избытка любви. Онъ расправилъ свои дрожащіе члены, затаилъ тяжелое дыханіе и распростеръ объятія на встрѣчу этой трепещущей груди. Она отступила сначала, потомъ, поддавшись непреодолимой радости, съ безумными движеніями и короткимъ, перерывистымъ крикомъ она прижала его къ себѣ своими расплывавшимися въ воздухъ руками. Въ эту минуту мракъ спустился въ его отуманенные взоры, ночь окутала видѣніе и поглотила его. Сонъ, словно темный потокъ, задержанный въ своемъ пути, опять нахлынулъ на его отяжелѣвшій мозгъ».

IV. Ave, stella maris...

Надъ этимъ моремъ поэзіи сіяла звѣзда. Невидимое большинству смертныхъ, ея пламя, тѣмъ не менѣе, утѣшало міры; ихъ смутное сознаніе чувствовало его надъ собою и изъ вѣка въ вѣкъ они жили надеждой на нее. Безпрестанно покрываемая брызгами изъ черныхъ вулкановъ преисподней, изъ вулкановъ зла, оскорблявшихъ ея ликъ, она порой затмѣвалась, но не могла умереть, потому что она была звѣзда великой любви.

Но по временамъ лучъ этой звѣзды, казалось, нисходилъ въ глаза женщины, въ глаза одной изъ нашихъ смертныхъ сестеръ. Проходившіе мимо нея поэты и философы останавливались въ восторгѣ: тамъ, въ тайникахъ безконечной нѣжности меланхолическихъ глазъ, просвѣчивало безконечное чаяніе міровъ. Тогда, преклонивъ колѣна, поэты говорили чудной сестрѣ:

— Встрѣчалъ ли я тебя въ дѣйствительной жизни, или же ты мечта больной души?

— Ты встрѣчалъ меня въ дѣйствительной жизни, и я мечта твоей больной души.

Потомъ, въ фантазіи своихъ восторженныхъ возлюбленныхъ, такія лица идеализировались еще болѣе и одухотворялись до такой степени, что дѣлались истинными символами абсолютнаго, — символами, имена которыхъ были: Беатриче, Эльвира, Елена, Юлія *), Леонора.

Шелли вознесся въ свою очередь къ этой звѣздѣ и воспарилъ, быть можетъ, выше всѣхъ своихъ великихъ предшественниковъ. Тотъ видъ любви, о которомъ мы говоримъ, любовь на половину метафизическую, въ такой же мѣрѣ происходящую изъ полета мысли, какъ и изъ энтузіазма

*) Юлія Ламартина.

сердца, онъ сдѣлалъ принципомъ своей поэзіи, матерью всяческой красоты и царицей міра. Всю жизнь свою онъ призывалъ ее и протягивалъ ей руку въ будущемъ: онъ воспѣвалъ ее во всѣхъ своихъ поэмахъ, были ли онѣ посвящены гуманности, вселенной или его собственной душѣ. Каждая изъ его женскихъ фигуръ представляетъ собою благородный образъ этой любви,—она улыбается намъ въ чертахъ соннаго видѣнія въ *Аласторъ*, «лэди» въ *Sensitive Plant*, въ чертахъ Янты, Беатриче Ченчи, Цитны, Азіи и Океаниды. Онъ искалъ ее въ жизни, въ исторіи и даже въ легендахъ. Подъ конецъ ему казалось, что онъ открылъ самое законченное выраженіе ея въ трогательномъ типѣ Антигоны: «Нѣкоторые изъ насъ любили въ предшествовавшемъ существованіи Антигону и не могутъ найти полного удовлетворенія въ какихъ бы то ни было смертныхъ узахъ». Но въ особенности *Эпичесхидіонъ* явился его лучезарнѣйшимъ твореніемъ въ этомъ родѣ, крылатымъ цвѣткомъ его поэзіи. Я уже говорю, при какихъ обстоятельствахъ создалась эта поэма, возникшая у него въ самый свѣтлый моментъ восторга: онъ написалъ ее въ тотъ день, когда бѣдная Эмилія предстала предъ нимъ, какъ воплощеніе «той силы красоты, знанія и любви, которая паритъ въ необозримой вселенной»; и какъ «подобіе безконечности». Такого мистическаго посланія человѣчество не видало со временъ Данта:

«Небесный серафимъ, слишкомъ кроткій, чтобы быть человѣкомъ, скрывающій подъ этимъ лучезарнымъ обликомъ женщины весь свой свѣтъ, всю любовь и все безсмертіе, ослѣпляюще взоръ! Чудное благословеніе среди вѣчнаго проклятія! Скрытая слава этого мрачнаго міра! Сіяніе луны изъ за тучъ! Живой образъ среди мертвыхъ! Звѣзда, мерцающая сквозь грозу! О ты, чудо, красота и ужасъ! Ты, гармонія искусства природы, зеркало, въ которомъ, какъ въ блескѣ солнца, ярко отражается все то, на что ты устремляешь свои очи!... Смертный образъ, облеченный любовью, жизнью, свѣтомъ и божествомъ, призракъ золотого сна, нѣжный отблескъ вѣчной луны любви, приводящей въ движеніе тяжелыя волны жизни...»

И далѣе:

«Супруга, сестра, ангелъ! Кормчи́и судьбы, протекавшей по беззвѣдному пути! О, ты, которую я слишкомъ поздно полюбилъ, слишкомъ скоро началъ боготворить! Въ безсмертныхъ селеніяхъ мой духъ прежде всего преклонился бы предъ твоимъ духомъ, предъ присутствіемъ божества въ божественной обители, или же слѣдовалъ бы рядомъ съ нимъ на этой землѣ, какъ тѣнь этого существа, отъ самаго рожденія,—не такъ, какъ теперь. Я люблю тебя, да, я чувствую, что къ роднику моего сердца приложена печать, хранящая его воды чистыми и свѣтлыми для тебя, такъ какъ ты находишь усладу въ этихъ слезахъ. Мы, развѣ же мы не созданы другъ для друга, какъ звуки музыки, хотя и несходные, несходные тѣмъ различіемъ, которое не нарушаетъ гармоніи, но вызываетъ самыя сладкія мелодіи, заставляющія трепетать всѣ души, словно шелестящія листья, среди непрерывнаго напѣва?»

И еще далѣе:

«Истинная любовь тѣмъ отличается отъ золота и глины, что дѣлать не значить въ ней отнимать. Любовь подобна разуму, который становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше истинъ онъ созерцаетъ. Она подобна, воображеніе, твоему свѣту, который изъ земли и неба и изъ безднъ человѣческой фантазіи, какъ изъ тысячи призмъ и зеркалъ, извлекаетъ чудные лучи, наполняетъ ими вселенную и множествомъ яркихъ, какъ солнце, стрѣлъ своихъ отраженныхъ молній умерщвляетъ червя заблужденія. Узко то сердце, которое любить, тотъ умъ, который созерцаетъ, та жизнь, которая несетъ въ себѣ, тотъ духъ, который создаетъ лишь одинъ предметъ и одинъ образъ и этимъ строитъ себѣ вѣчную гробницу».

Г. Орлы.

«О, видѣли ли вы когда-нибудь въ лицо Шелли? Остановливался ли онъ и говорилъ ли съ вами, а вы говорили ли тоже съ нимъ? Какъ это кажется странно и ново!

«Но вы жили и раньше того, и продолжаете жить и послѣ, и воспоминаніе, при которомъ я содрогаюсь, и мое содроганіе вызываетъ въ васъ смѣхъ!»

«Я проходилъ черезъ степь, у которой есть свое имя и, безъ сомнѣнія, известное значеніе въ мірѣ, и, однако-жъ, на ней лежитъ лишь самый слабый отблескъ его среди блѣдныхъ окрестныхъ пространствъ:

«Потому что тамъ я поднялъ въ верескѣ и спряталъ на груди своей упавшее перо. То было перо орла! Я забылъ все остальное» *).

Бываютъ гении, которые выступаютъ за предѣлы искусства, освобождаются отъ всякихъ цѣпей и ходячихъ условностей, перелетаютъ черезъ тонкости и недѣлности эстетики и, залыхаясь въ окружающей ихъ атмосферѣ, уносятся въ адъ или рай, чтобы тамъ искать отвѣта на свою нескончаемую тоску. Предъ ихъ твореніями забываешь почти всѣ впечатлѣнія современной литературы; отвлекаешься отъ своей профессіи, перестаешь подмѣчать приемы, выискивать недостатки въ книгахъ; форма уже ничего не значить, идея искусства для искусства исчезла; вы уже не обращаете вниманія на вѣншее мастерство произведенія, на то, есть ли въ немъ «прорѣхи»; съ моря внезапно подулъ порывистый вѣтеръ поэзіи и мысли и освѣжилъ вамъ лицо. Снова завладѣли вами высокія идеи, величественныя и ужасающія проблемы и душа ваша, увлекаемая сомнѣніемъ и жаждою увѣренности, обливаясь кровью отъ муки за человѣка и отъ стремленія къ Богу, совершаетъ среди усиленнаго умственнаго напряженія свое восхождение на тѣ вершины, надъ которыми парятъ созерцающіе солнце орлы.

Они, дѣйствительно, парятъ тамъ, орлы и древнихъ, и новыхъ временъ, и по высотѣ полета нѣкоторые изъ нихъ могутъ состязаться съ небесными свѣтилами. Таковы Эсхиль, Лукрецій, Данте, Шекспиръ, Гёте,

* Стихотвореніе Роберта Броунинга.

Мильтонъ; я беру только поэтовъ, иначе я долженъ былъ бы назвать Платона, Микель-Анджело, Паскаля, Спинозу, Руссо, Бетховена, Огюста Конта. Безъ сомнѣнія, найдутся и другіе, имъ равные, такъ что къ этому списку, составленному наудачу, можно прибавить и еще нѣсколько славныхъ гениевъ и однимъ изъ нихъ будетъ Шелли. Къ этому послѣднему и великіе поэты, и великіе прозаики относятся съ полнымъ единодушіемъ: воображеніе и разумокъ соревнуютъ между собою въ удивленіи и энтузіазмѣ. Послѣ мечтательнаго и вдохновеннаго стихотворенія Броунинга выслушаемъ назидательныя слова Маколея:

«Изъ самыхъ неопредѣленныхъ положеній суровой, мрачной, холодной системы метафизики онъ нашелъ средство извлечь блестящій пантеонъ, полный прекрасныхъ, величественныхъ, живыхъ образовъ. Онъ превратилъ атеизмъ въ мифологію, изобилующую столь же лучезарными видѣніями, какъ тѣ боги, которые живутъ въ мраморѣ Фидіа, и какъ тѣ дѣвы, которыя намъ улыбаются съ картинъ Мурильо. Духъ красоты, доброе и злое начало теряли свою отвлеченность, когда онъ говорилъ о нихъ; они принимали форму и цвѣтъ. Подобно тому, какъ самымъ вѣрнымъ признакомъ отсутствія поэтическаго дарованія является влеченіе, столь общее писателямъ французской школы, — превращать образы въ отвлеченныя идеи, Венеру, наприимѣръ, въ любовь, Минерву въ мудрость, Марса въ войну, Вакха въ веселье, такъ истиннымъ признакомъ истинно-поэтическаго дарованія является олицетвореніе общихъ идей. Нѣкоторые изъ метафизическихъ и моральныхъ теорій Шелли были, конечно, весьма нелѣпы и вредны. Но мы сомнѣваемся, чтобы какой-либо другой современный поэтъ обладалъ въ равной степени съ нимъ нѣкоторыми изъ высшихъ свойствъ древнихъ поэтовъ. Слова *бардъ* и *вдохновеніе*, кажушіяся столь холодными и напыщенными въ примѣненіи къ другимъ писателямъ, получаютъ свое прежнее истинное значеніе, когда мы прилагаемъ ихъ къ нему. Это былъ не авторъ, это былъ бардъ. Его поэзія представляется не искусствомъ, а вдохновеніемъ» *).

Эти строки Маколея тѣмъ болѣе поразительны, что онъ не имѣетъ привычки расточать восторженныя похвалы своимъ современникамъ. Онъ зналъ, что тотъ, кто смотритъ на слишкомъ близкомъ разстояніи, рискуетъ ошибиться, и понималъ, что для полноты впечатлѣнія необходимо известное отдаленіе отъ разсматриваемаго предмета. Но что касается Шелли, то его величіе, даже и на близкомъ разстояніи, было очевидно для проницательнаго взора знаменитаго историка. Этотъ пышный расцвѣтъ, на одной

*) *Опытъ лорда Маколея. Джонъ Бѣнманъ.* — Здѣсь встаетъ будетъ напомнить слова другаго знаменитаго историка: „Гдѣ великіе поэты съ тѣхъ поръ, какъ кончился Елизаветинъ вѣкъ? За исключеніемъ Шелли, который, еслибъ онъ прожилъ долѣе, быть можетъ, былъ бы признанъ великимъ поэтомъ, мы не видимъ ни одного. Да, у Шелли была искра этой жгучей страсти, этого священнаго огня, воспламеняющаго душу, у него былъ этотъ лучъ, какъ бы исходящій отъ Божества. Но смерть похитила его въ цвѣтъ лѣтъ, на самой зарѣ его блестящей гениальности“ (*Бокль: „Исторія цивилизаціи въ Англіи“*).

изъ высокихъ стадій цивилизаціи, совершенно новыхъ образовъ, подобныхъ лианамъ дѣвственнаго лѣса, до такой степени изумилъ Маколей, что онъ, повидимому, не можетъ объяснить его себѣ и смотреть на него почти какъ на чудо. Блуждъ къ этому чуду скрывался, однако, въ двухъ словахъ,—въ словахъ, начертанныхъ на могилѣ поэта.

Если Маколей счумѣлъ такъ хорошо подмѣтить въ произведеніяхъ Шелли свѣжесть и искренность поэтического чувства, то, съ другой стороны, онъ отнесся безъ всякой симпатіи къ его метафизикѣ. Но предъ нимъ былъ одинъ изъ тѣхъ героевъ мысли, которые появляются внезапно, чтобы снова затронуть великіе вопросы, гнетущіе насъ, и дать имъ такое блестящее разрѣшеніе, что оно мгновенно ослѣпляетъ наши взоры. Нельзя сказать про нихъ, что имъ болѣе, чѣмъ другимъ, посчастливилось взорвать куполь храма тьмы, но за то они съ разбѣга взлетаютъ на него, какъ пламя.

Иные, и въ томъ числѣ Матью Арнольдъ, не преминули бы найти, что мы заходимъ слишкомъ далеко въ энтузіазмѣ къ нашему поэту и слишкомъ высоко ставимъ его. Всемирная республика литературы и искусства нѣсколько медлитъ раздѣлить стремленія группы своихъ членовъ къ автору *Освобожденнаго Прометея*, она нѣсколько вслеблется провозгласить его однимъ изъ владыкъ поэзіи. Приобрѣтетъ ли когда-нибудь волшебное имя Шелли ту мировую славу и тотъ неоспоримый авторитетъ, которые даются только признаннымъ главамъ школы? Займетъ ли онъ когда-нибудь мѣсто среди великихъ классиковъ и сдѣлается ли насущнымъ хлѣбомъ, кровью отъ крови юныхъ умовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ все еще покрытъ мракомъ. Дѣйствительно, Шелли не создалъ театра, какъ Эсхилъ и Шекспиръ, не изобразилъ цѣлаго цикла событій, какъ Данте, не взялъ приступомъ будущаго, какъ энциклопедисты, не воспламенилъ, какъ Бетховенъ или Мигель-Анжело, величіемъ звука или шрапора, героическихъ избраниковъ-дилетантовъ, за которыми слѣдовала послушная имъ толпа. Онъ былъ слишкомъ мало понятъ при жизни, а чтобы ни говорили общія мѣста о посмертной славѣ, безусловное пренебреженіе современниковъ рѣдко вознаграждается вполнѣ.

Намъ нечего говорить, какъ несправедливо кажется намъ это пренебреженіе; однако-жъ, волей-неволей, намъ, все-таки, приходится констатировать его и, по отношенію къ нашимъ выводамъ, до нѣкоторой степени считаться съ нимъ. Бываютъ часы, когда мы соглашаемся съ глубокими словами Джемса Дармстетера: «Шелли обращается къ еще болѣе ограниченному числу избраниковъ, чѣмъ Вордсвортъ, потому что, если спиритуалистическое воображеніе встрѣчается рѣже, чѣмъ матеріалистическое, то идеалистическое воображеніе встрѣчается еще рѣже, чѣмъ то и другое, и знаменуетъ собою болѣе высокое развитіе мысли и шагъ впередъ въ его усиліяхъ подчинить себѣ матерію. Поэзія Шелли не только не должна ничего проиграть съ теченіемъ времени, но, наоборотъ, она можетъ лишь утвердить свои захваты въ этой тѣсной, но глубокой области. Все болѣе и болѣе расширяющееся владычество мысли надъ внѣш-

нимъ міромъ можетъ привести лишь къ развитію внутренняго міра на счетъ внѣшняго: всякая увѣренность и всякое знаніе, какъ и всякое душевное движеніе, исходятъ изъ внутренняго міра, и мнимое торжество матеріализма въ нашемъ вѣкѣ есть лишь предвѣстникъ научнаго идеализма. Внѣшній міръ проявляетъ стремленіе возвратиться въ нѣдра внутренняго представленія, продолженіемъ и начертаніемъ котораго онъ служить. Этотъ способъ міросозерцанія, безъ сомнѣнія, всегда будетъ удѣломъ лишь немногихъ, и Шелли всегда останется роднымъ поэтомъ для такихъ умовъ»^{*)}).

Мы принуждены сдѣлать, однако, оговорку,—оговорку, которая, если она окажется справедливой, должна будетъ открыть для Шелли гораздо болѣе широкое будущее. Присоединяясь къ мнѣнію Дармстетера относительно участи метафизическихъ теорій Шелли, мы не можемъ раздѣлить его оцѣнки социальной и моральной сторонъ его произведеній. Вотъ эта оцѣнка: «Своимъ изумительнымъ успѣхомъ за послѣдніе годы онъ обязанъ, прежде всего, причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его гениальностью: его поэтическая и печальная судьба привлекла къ нему всѣ сердца; пробужденіе революціоннаго духа въ Англіи возвело на вершину славы поэта революціи; наконецъ, личные качества Шелли, какъ человѣка, сдѣлали его богомъ. Правда, какъ говоритъ Шарпъ, что политикъ, социальный реформаторъ, который избралъ бы Шелли своимъ пророкомъ, дошелъ бы вскорѣ до послѣдняго предѣла рациональнаго фанатизма, худшаго изъ всѣхъ; но на политическія и социальныя теоріи поэта слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на вопросъ поэзіи, потому что онѣ вытекаютъ изъ одного и того же источника, изъ формъ его воображенія...» Поистинѣ мы не можемъ сочувствовать такому взгляду, въ особенности въ настоящую минуту, когда столько людей погружается во мракъ пессимизма, когда такъ дорого всякое слово жизни, преображенія и социальнаго воскресенія, такъ неоцѣнимъ всякій призывъ къ будущему. Благодаря именно этому мятежному элементу, заключающемуся въ ней, поэзія Шелли и найдетъ отзвукъ во всѣхъ концахъ вселенной. Я ничуть не думаю превозносить утопіи, которыми она преисполнена, но всякій благородный умъ долженъ признать, что подъ этимъ бредомъ воображенія кроется принципъ справедливости. Пусть онъ теперь неприменимъ къ дѣйствительности—это возможно; но что самъ по себѣ онъ ободряетъ душу, съ этимъ тоже необходимо согласиться.

И если бы, неожиданнымъ образомъ, демократическій идеалъ нашелъ свое лучезарное выраженіе, если не въ Европѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ той Америкѣ будущаго, которую провидитъ въ настоящій моментъ вдохновеніи янки Уольфъ Уитмана, еслибъ его царство смѣнило, хотя бы на одинъ только день, царство идеала аристократическаго, то въ этотъ день новое человѣчество оглянулось бы назадъ, чтобы преклониться предъ его провозвѣстниками. И среди этихъ послѣднихъ сіялъ бы самымъ трогательнымъ сіяніемъ образъ героя, образъ «полубога, гонимаго свѣтомъ и гонимаго волнами...»

^{*)} *Essais de littérature anglaise*, p. 245.

Журналы для народа.

„Званія, прибрѣтеныя въ городѣ, какъ будто остаются; знанія, прибрѣтаемыя въ деревнѣ, теряются“. (Изъ журнала *Ясная Поляна*).

Въ виду того усиленнаго интереса, какой существуетъ у насъ въ настоящее время къ народному чтенію, въ виду заботъ интеллигенціи о новыхъ изданіяхъ для народа, о созданіи народной газеты, народнаго журнала, необходимо обернуться назадъ и подвести итогъ тому, что сдѣлано прошлыми десятилѣтіями въ этой области. Попытки такого свода сдѣланы мной въ области народной книги *) и народной газеты **). Предлагаемая же статья имѣетъ цѣлью познакомить съ существовавшими и существующими у насъ попытками изданія народнаго журнала.

Народные журналы ведутъ у насъ свою исторію давно, даже не съ воскресныхъ школъ, какъ ведется, напримѣръ, народная газета или хорошая народная книга. Народный журналъ древнѣе. Онъ зародился на Руси еще въ тѣ времена, когда среди интеллигенціи были далеко не всѣ одного мнѣнія насчетъ полезности просвѣщенія для народа. Первый народный журналъ появился много раньше времени освобожденія, появился тогда, когда народная литература не могла насчитать въ своемъ каталогѣ ни одной порядочной или сколько-нибудь пригодной для деревни книги, если не причислять сюда *Письмовника* Курганова, *Книги Наума о великомъ Божьемъ мирѣ* и не считать нѣкоторыхъ книжекъ князя Одоевскаго.

Значить, исторія народнаго журнала на Руси восходитъ еще къ сороковымъ годамъ. Вотъ съ которыхъ поръ мелькало среди интеллигенціи желаніе бросить лучъ просвѣщенія въ деревенскія избы, поддержать въ молодыхъ грамотникахъ деревни, число которыхъ было далеко небольшое, тѣ знанія, тотъ интересъ къ просвѣщенію и развитію, который успѣла

*) *Слѣд. Вѣст.* 1889 г., май; июнь, июль: *Народныя книги для чтенія въ ихъ двадцатилѣтней борьбѣ съ любочными.*

**) *Рус. Мысль* 1889 г., кн. XII: *Были ли у насъ газеты для народа.*

заронить школа. И журналы дореформенной эпохи, какъ первыя попытки, какъ первыя зародыши народной журналистики, имѣють большой историческій интересъ. Но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ народныя журналы оказалось возможнымъ разыскать *). Извѣстно, наприм., что въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ издавалось *Чтеніе для Солдатъ*, гдѣ началъ литературную дѣятельность А. Ѳ. Погоскій, помѣстивъ свою *Репетищку*, но разыскать этотъ журналъ за тѣ годы не удалось. За то въ московскомъ публичномъ Румянцевскомъ книгохранилищѣ уцѣлѣло другое изданіе сороковыхъ годовъ—извѣстное всѣмъ *Сельское Чтеніе*, составившееся изъ трудовъ: А. Ѳ. Вельмана, Н. С. Волгова, С. С. Гадурина, В. И. Дала, И. П. Иванова, М. Н. Загоскина, И. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке—княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. И. Заблоцкимъ.

Это собственно не журналъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать; это—не *периодическое* изданіе: книжки выходили время отъ времени, безъ всякаго опредѣленнаго срока. Въ первый 1843 годъ вышла всего одна книга, за то въ этотъ же годъ она была перепечатана вторымъ изданіемъ; оба изданія,—замѣчу мимоходомъ,—дали 9,000 экземпляровъ. Въ 1844 вышла вторая; въ 1845—третья; въ 1846 вышло 5-е изданіе первой и 2-е изданіе второй; въ 1848 году—четвертая, а въ 1863 эта четвертая вышла уже четвертымъ изданіемъ. Журналъ продолжалъ переиздаваться еще въ шестидесятыхъ годахъ.

Кромѣ *повременности* изданія, *Сельское Чтеніе* отличалось еще одною рѣзкою особенностью отъ журналовъ вообще: каждая его книжка представляла нѣчто *заключенное, цѣльное* само по себѣ, потому каждая могла издаваться отдѣльно: въ каждой давались цѣльныя законченныя статьи.

Съ вѣншей стороны *Сельское Чтеніе* тоже мало походило на журналъ: книжки не имѣли ни одинаковой для всѣхъ обложки, ни виньетки.

На первой книгѣ *Сельскаго Чтенія*, вышедшей въ 1843 г., стояли слова: *за прилежаніе и благоправіе*. Надо думать, что составители: кн. В. Ѳ. Одоевскій и А. И. Заблоцкій предназначали свой журналъ для награды ученикамъ, кончающимъ въ сельской школѣ. Давали его въ руки, какъ тотъ свѣточъ, который долженъ былъ поддерживать въ школьнигахъ и по выходѣ изъ школы не только грамотность, но и дальнѣйшее умственное развитіе и образованіе. Отсюда объясняется и специальный, какъ бы учебный характеръ книжекъ. Каждая представляетъ для школьника дальнѣйшую ступень развитія.

Князь Одоевскій и А. И. Заблоцкій, какъ всѣ лучшіе люди 40 годовъ, смотрѣли на образованіе, на просвѣщеніе, какъ на единственное средство, долженствующее не только просвѣтить, улучшить нравственную сторону крестьянина, но и поднять его матеріальное благосостояніе. Потому всѣ

*) Пользуюсь случаемъ выразить мою глубокую благодарность завѣдующему каталожной въ московскомъ публичномъ Румянцевскомъ музеѣ, многоуважаемому Н. Ѳ. Федорову, за его указанія и постоянную готовность помочь въ отысканіи матеріала.

статьи направлены къ одной цѣли: дать знаніе, разсѣять суевѣріе, исправить отъ пороковъ, однимъ словомъ, цѣль журнала—*поучать*.

Мы знаемъ уже, къ чему приводятъ подобныя цѣли въ народныхъ изданіяхъ *): скучная мораль, ради морали выдуманнные рассказы, которые настолько походятъ на изображеніе дѣйствительной жизни, насколько манекены походятъ на живыхъ людей. Задаваясь цѣлью поучать, самые лучшіе изъ народныхъ издателей едва ли когда уберегались отъ неизбежной въ подобныя случаи крайности.

Сельское Чтеніе въ этомъ отношеніи какъ разъ поражаетъ пріятною неожиданностью. Юный читатель воспринимаетъ уроки незамѣтно, такъ какъ каждая статья представляетъ интересъ сама по себѣ помимо нравоченія. Читатель съ первыхъ же словъ чувствуетъ, что авторъ знатокъ цѣля, знатокъ не только того предмета, о которомъ ведетъ рѣчь, но и вообще—знатокъ крестьянской жизни, самого крестьянина,—его развитія, интересовъ, пониманія. Онъ знаетъ, насколько повернуть къ читателю выбранный предметъ, знаетъ, съ какой стороны этотъ предметъ можетъ возбуждать въ деревнѣ интересъ и оказаться пригоднымъ для самой крестьянской жизни. Вотъ эта-то послѣдняя практическая сторона, которая сильно должна притягивать деревенскаго читателя, чувствуется въ разработкѣ почти каждой статьи и говоритъ за близкое знаніе деревенской жизни и быта деревни въ составителяхъ книжекъ. Это же сказывается и въ умѣньи авторовъ бесѣдовать съ деревенскимъ читателемъ. Въ языкѣ *Сельскаго Чтенія* нѣтъ ни той неопытности, которой часто страдаютъ и современные авторы народныхъ книжекъ, ни той поддѣлки подъ народную рѣчь, которая замѣчалась особенно въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ и выдавала все незнаніе, всю неопытность учителей, кривлявшихся передъ народомъ.

Сельское Чтеніе свободно отъ многихъ подобныхъ ошибокъ; оно говоритъ толковымъ, простымъ, понятнымъ для необразованнаго крестьянина языкомъ. Составители изъ непосредственнаго знакомства съ деревней знаютъ, какое понятіе, какое слово ей доступно, какое нѣтъ, потому предпочитаютъ лучше употребить цѣлую длинную фразу, вмѣсто какаго-нибудь одного непонятнаго народу книжнаго термина. Напримѣръ, вмѣсто слова «оглавленіе», въ *Сельскомъ Чтеніи* читаемъ: *О томъ, что въ этой книжкѣ есть, къмъ разсказано и на какой сторонѣ листа или страницы написано*. Вмѣсто принятаго у насъ предисловія, книга начинается слѣдующимъ обращеніемъ: «Вѣкъ живи, вѣкъ учись, но учись доброму, тогда и дурное на умъ не пойдетъ... Была бы охота,—учиться не трудно, а не въ примѣръ легче тому, кто знаетъ грамоту. Грамота на то и выдумана, чтобы легче было учиться. Кто грамотенъ, читай эту книжку самъ, читай и другимъ, пусть слушаютъ, да научаются. Лучше слушать доброе, чѣмъ болтать пустое, да думать грѣшное. А въ этой книжкѣ на-

* См. *О народныхъ книжкахъ для чтенія* (Сыб. Вѣстн. 1889 г.).

печатано все такое, что не мѣшаетъ знать каждому *). Прочтешь разъ, прочти въ другой и третій, а выразишь все, тогда напечатаетъ другую такую книжку».

Такимъ тономъ, такъ просто, толково пишутся почти всѣ статьи, принадлежащія перу Заблоцкаго и кн. Одоевскаго. Ихъ статьи—по умѣнью говорить съ крестьянами—наилучшія въ журналахъ.

Если внимнуть въ порядокъ и расположеніе статей въ одной и той же книжкѣ, не трудно подмѣтить строго обдуманнѣйшій планъ. Статья *Откуда пошло русское государство*, гдѣ неминуемо придется упоминать о рѣкахъ, моряхъ, предшествуется статьей изъ географіи, гдѣ читатель знакомится съ картой Россіи, именами ея главныхъ рѣкъ, городовъ и т. д.

Ту же разумную постепенность можно услѣдить и въ послѣдовательности книжекъ относительно другъ друга; потому при всей законченности и цѣльности каждой, онѣ, тѣмъ не менѣе, всѣ имѣютъ между собой внутреннюю связь. Третья книга, напримѣръ, содержитъ статью: *Что такое растеніе, какъ оно живетъ и чѣмъ оно питается*. Четвертая уже вводитъ читателя изъ міра растительнаго въ міръ животный: *О томъ, что такое животное, какъ оно живетъ, что ему здорово и что нездорово*. Вполнѣ уразумѣть послѣднюю можетъ только тотъ школьникъ, который знакомъ съ первой. Послѣдующая книжка нерѣдко напоминаетъ о статьяхъ въ предыдущихъ и рекомендуетъ, въ случаѣ, если онѣ забыты, снова перечитать.

Сельское Чтеніе не ограничивается научно-теоретическими сообщеніями: за статьей *О томъ, что такое животное* непосредственно слѣдуютъ статьи практическаго, прикладнаго характера, какъ бы примѣненіе зоологическихъ знаній къ жизни: *Какъ барышники продаютъ лошадей, и что надо смотреть при покупкѣ лошадей* и т. п. И въ разработкѣ каждой такой темы видѣнъ знатокъ дѣла.

Такое же знаніе деревенской жизни и мужика чувствуется и въ статьяхъ, направленныхъ къ искорененію пороковъ. Составители не разыгрываютъ роли добродушныхъ Донъ-Кихотовъ, не борятся съ вѣтранными мельницами, а направляютъ стрѣлу въ цѣль, указываютъ мужику на дѣйствительно существующіе въ немъ недостатки: русскую авоську, дѣнь, пьянство... и указываютъ не прямо, пуская шиломъ въ глазъ, а встать, къ дѣлу, рассказывая какой-нибудь случай изъ жизни, гдѣ безъ прописной морали видно, какое зло наносятъ, наприм., здоровью человѣка не-

*) Въ 1-ю книжку *Сельскаго Чтенія* входятъ слѣдующія статьи: *Откуда пошло русское государство* А. И. Заблоцкаго; *Что называется міромъ и что такое земля и о томъ, какъ велико славное русское государство и что въ немъ есть* А. И. Заблоцкаго; *Что такое чертежъ земли, иначе планъ, карта, и на что все это пригоднѣе* кн. В. Ѳ. Одоевскаго; *Какъ надобно пахать землю, чтобы хорошо хлѣбъ родился* А. И. Заблоцкаго; *Рассказъ о томъ, какъ крестьянинъ Спиридонъ научилъ крестьянина Ивана не пить вина и что изъ того вышло* Побѣдина; *Расчетъ о томъ, сколько можно сберечь денегъ не пивши вина* Гадурнипа; *О мясахъ, осысахъ и дѣтлахъ* и др.

чистота, нечистоплотность и т. д. Рекомендуемые средства почти всегда отзываются удобопримчивостью, пригодностью въ деревнѣ и вовсе не напоминаютъ тѣхъ народныхъ книгъ по гигиенѣ, гдѣ нерѣдко рекомендуется мужику имѣть столько-то кубическихъ дюймовъ воздуха на cadaго обитателя избы или брать ежедневныя ванны и т. п.

Такимъ образомъ, журналъ *Сельское Чтеніе* является руководителемъ дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія сельскихъ школьничковъ; онъ замѣняетъ для окончившаго въ сельской школѣ какъ бы дальнѣйшіе классы училища и даже больше: является ему хорошимъ нравственнымъ и практическимъ совѣтчикомъ.

Немудрено, что *Сельское Чтеніе* было встрѣчено въ литературѣ добрымъ словомъ. Особенно радовался его появленію Бѣлинскій. Почти каждую книжку критикъ встрѣчалъ восторженными привѣтствіями и покрывалъ похвалами имена составителей *). «И будутъ честны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ людей; подъ просвѣщеннымъ покровомъ которыхъ каждый можетъ возложить свою посильную лепту на алтарь общаго дѣла». А по выходѣ третьей книги прибавляетъ: «*Сельское Чтеніе* составляетъ собою эпоху въ исторіи едва начинающагося у насъ образованія низшихъ классовъ». «Это образецъ яснаго изложенія, вполне доступнаго для крестьянина, понятій не совѣмъ общихъ и не такъ-то простыхъ» **).

Насколько пригодны оказались книги *Сельскаго Чтенія*, показало время. Каждая книжка разошлась въ нѣсколькихъ изданіяхъ, каждое изданіе—въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Успѣхъ былъ колоссальный: двѣ первыя книги въ теченіе двухъ лѣтъ разошлись въ числѣ 30 тысячъ. Понятно, такой успѣхъ могъ соблазнить многихъ. Были, впрочемъ, и до *Сельскаго Чтенія* попытки такого же рода ***) , но всѣ онѣ, равно какъ и послѣдующія за *Сельскимъ Чтеніемъ*, представляють неудачные опыты, неуцѣлое подражаніе; онѣ всѣ забывались и исчезали тутъ же, при самомъ зародженіи. У подражателей и предшественниковъ недоставало одного: непосредственнаго знанія сельскаго быта и сельскаго человѣка, что дало такой колоссальный успѣхъ книжкамъ Заблоцкаго и Одоевскаго. Въ исторіи русской народной журналистики *Сельское Чтеніе* навсегда останется тѣмъ нерукотворнымъ памятникомъ, какой воздвигли себѣ Заблоцкій и князь Одоевскій своею безкорыстною дѣятельностью,—эти два первыхъ народныхъ журналиста.

II.

Какъ ни заманчивъ казался успѣхъ *Сельскаго Чтенія*, но на протяженіи полутора десятилѣтій, вплоть до появленія на журнальной аренѣ другого народнаго радѣтеля—А. Ѳ. Погоскаго, не встрѣчаемъ ни одного

*) Соч. Бѣлинскаго, т. VП, стр. 242—246; т. 11, стр. 452—462.

**) Тамъ же, т. X, 172—173 стр.

***) Тамъ же, т. VI, стр. 420.

имени, которое бы оставило глубокий слѣдъ въ народной журналистикѣ. Только въ концѣ 50-хъ годовъ также бодро и не менѣе удачно принялся за изданіе народнаго журнала Погоскій. Долгая жизнь съ народомъ, непосредственное знакомство съ его характеромъ и бытомъ дали этому писателю право на тотъ трудный постъ, который онъ избиралъ добровольно, становясь въ немногочисленный до тѣхъ поръ рядъ народныхъ журналистовъ.

Имя передъ собою такой ободряющій примѣръ, какъ успѣхъ *Сельско-ю Читенія*, Погоскій въ 1858 г. сталъ издавать маленькій журналъ подъ названіемъ *Солдатская Бесѣда*.

Это изданіе вполне подходило къ типу нашихъ обычныхъ журналовъ: книжки выходили периодически, въ опредѣленномъ числѣ, съ опредѣленною подписною цѣной, издавались по опредѣленной программѣ, раздѣлявшейся на отдѣлы. Вся разница съ нашими журналами заключалась въ сокращеніи программы, въ меньшемъ числѣ отдѣловъ. Положеніе Погоскаго, какъ издателя, было далеко не такое счастливое, какъ составителей *Сельскою Читенія*. У Погоскаго въ первое время, да даже больше, въ продолженіи всѣхъ первыхъ четырехъ лѣтъ, не было ни одного сотрудника, не потому, чтобы не находилось людей даровитыхъ и способныхъ, но, думается, Погоскій затруднялся найти людей, такъ же хорошо въ то время знавшихъ народъ, какъ онъ; потому неудивительно, что въ первый годъ онъ выпустилъ всего три книги, и только на слѣдующій, нѣсколько свыннувшись съ издательскимъ дѣломъ, сталъ выпускать *Солдатскую Бесѣду* по 6 книгъ въ годъ, установивъ годовую подписную цѣну въ рубль, вмѣсто первоначальной 50 копѣекъ.

Въ первой книгѣ, въ обращеніи къ солдатамъ, онъ такъ опредѣляетъ направленіе и содержаніе своего журнала: «Рѣчь пойдетъ о нашемъ жить-бытьѣ, — разсмотримъ-ка его. Струя мутной воды черезъ 9 камешковъ пробѣжитъ, какъ стекло, просвѣтитъ, а наше дѣло пойдетъ черезъ тысячу головъ, должно заиграть оно, какъ солнышко. *Солдатская Бесѣда* будетъ простая, нехитрая бесѣда. Будетъ тутъ говорено все больше подходящее, нашинское; все, что нужно знать солдату, да не помѣшаетъ и каждому человѣку. Ну, исподволь, да пошамельку доберемся и до премудрости кое-какой...» При этомъ, указывая на книжку *Бесѣды*, говоритъ: «Какъ видите, книжки-то все поджарыя; ну, да пока и такъ живетъ; а будетъ отъ нихъ прокъ, такъ и онѣ растолстѣютъ. Впрочемъ, господа, патронъ самъ-то съ палець, а богатыря валить: только бы маху не дать, а мѣтить-то мы по правилу въ лобъ да въ сердце».

Въ этой же самой книгѣ Погоскій высказывается за необходимость и превосходство образованія передъ невѣжествомъ. Говоритъ онъ такимъ же, какъ и приведенное обращеніе, полушутливымъ тономъ, перемишывая серьезную рѣчь балагурствомъ, какою-нибудь пословицей, шуткой, анекдотомъ. «Было время, — говоритъ онъ, — не очень давно, что за одного битаго двухъ небитыхъ давали, а теперь настало другое время, съ инымъ обычаемъ: те-

перь битые ни почемъ, а все ученыхъ ищутъ, и за одного ученаго, пожалуй, что пятерыхъ неучей отдадутъ...» «Значить, битыхъ ужь больше не требуется, а давай ученыхъ, т.-е. выходить, что нуженъ не лобъ крѣпкій, а голова разумная. Вишь, ты, время какое привередливое настало, — переиѣна большая».

Погоскій, въ противоположность серьезному тону *Сельскаго Чтенія*, беретъ тонъ шутки. Его журналъ долженъ былъ давать народу знаніе не въ формѣ просто знанія, а съ постороннею приправой или даже, вѣрнѣе, въ видѣ приправы, чтобы незамѣтно рядомъ съ пріятнымъ народъ воспринималъ полезное. Здѣсь разница въ основномъ взглядѣ съ Заблоцкимъ и кн. Одоевскимъ: по мнѣнію Погоскаго, народъ надо забавлять и при этомъ незамѣтно сообщать знаніе. Заблоцкій же и кн. Одоевскій того мнѣнія, что знаніе само по себѣ можетъ восприниматься съ удовольствіемъ, безъ всякой поволоты, только умѣй подносить въ-время и въ удобовоспринимаемой формѣ, отсюда и основная разница въ тонѣ обѣихъ первыхъ нашихъ журнальныхъ попытокъ для народа.

Солдатская Бесѣда, давая рядомъ съ пріятнымъ полезное, въ то же время, держала своего читателя *à la coupant* всѣхъ выдающихся событій времени, а, главное, тѣхъ явленій, которыя имѣли близкое отношеніе къ простому народу. Журналъ сообщалъ о всѣхъ возникающихъ интересныхъ для деревни учрежденіяхъ, о сберегательныхъ кассахъ, о сельскихъ страховыхъ обществахъ, о крестьянскихъ бібліотекахъ при церквяхъ и т. д., сообщалъ и о нововыходящихъ народныхъ книгахъ съ критическими замѣчаніями на нихъ. Журналъ не упускалъ сообщать и о повседневныхъ событіяхъ, — о томъ, что составляетъ обычное содержаніе дневника, — но все это въ журналѣ Погоскаго сообщалось умѣло, съ необходимыми педагогическими приспособленіями. Никогда ни одно сообщеніе не подносилось читателю въ томъ сыромъ, хаотическомъ видѣ, ничѣмъ несвязанныхъ другъ съ другомъ фактовъ, какъ даетъ, наприм., наша газета въ рубрикѣ: «Дневникъ происшествій». Редакція *Солдатской Бесѣды* всегда дѣлаетъ предварительно выборку фактовъ, руководствуясь какою-нибудь опредѣленною идеей. Наприм., собираетъ рядъ газетныхъ извѣстій о несчастныхъ случаяхъ съ крестьянскими дѣтьми и предпосылаетъ ему какое-нибудь общее предисловіе. Наприм., въ данномъ случаѣ, берется то мѣсто Евангелія, гдѣ Христосъ говоритъ о дѣтяхъ, и авторъ тутъ же спрашиваетъ: такъ же ли и мы смотримъ на дѣтей? прилагаемъ ли къ уходу за ними достаточную заботу? А вотъ посмотримъ. И за этимъ слѣдуетъ, какъ демонстрація, рядъ подобранныхъ несчастій, — какъ таковой-то ребенокъ по недосмотру родителей упалъ въ колодезь, обжогся и т. д., — все факты изъ дѣйствительности, которые въ связи съ предисловіемъ, а также и по причинѣ умѣлой группировки и простоты передачи производятъ сильное впечатлѣніе на читателя и внушительно говорятъ ту простую истину, что дѣти требуютъ за собою ухода и заботы, — истину, которая прошла бы мимо ушей, если бы ее свести на простую, голословную мораль.

Какъ извѣстно, время конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ было живое, горячее, полное не только радужныхъ надеждъ, но и великихъ событій. Поэтому Погоскому было чѣмъ порадовать своихъ читателей. Всѣ такія событія находили радостный, торжественный откликъ въ его собственной душѣ. Едва ли кто такъ хорошо понималъ, наприм., ужасъ тѣлеснаго наказанія, какъ Погоскій! Онъ самъ во время службы въ солдатахъ былъ приговоренъ къ наказанію палками. Съ наименьшимъ торжествомъ привѣтствовалъ онъ 19 февраля 1861 г., отмѣтивъ въ журналѣ яркою чертой этотъ великій моментъ въ жизни русскаго народа. *Солдатская Бесѣда* по случаю такого событія отодвинула на цѣлый мѣсяць появленіе своей первой книжки. Погоскому захотѣлось открыты годъ освобожденія словами о дарованной свободѣ. «Есть сила, да воли не было,—говоритъ онъ,—а вотъ же и Богъ далъ! Съ нею—съ волею доброю—все хорошее въ нашихъ рукахъ. Только захоти. Хотящему добро—честь и поклонъ, нехотящему—да будетъ стыдно!» *).

Моментъ освобожденія, разумѣется, былъ, въ то же время, и моментомъ призыва интеллигенціи на новый трудъ, новое служеніе—служеніе народу. До освобожденія словно какъ бы и людей не было для веденія хотя бы той же *Солдатской Бесѣды*, а съ наступленіемъ воли и люди нашлись. И мы видимъ, что въ слѣдующій 1862 годъ журналъ Погоскаго вырастаетъ не только въ количествѣ листовъ,—книжка вышла толщиною уже въ 10,—но и самая программа журнала значительно расширилась и опредѣлилась. Въ ней ясно обозначились пять отдѣловъ: 1) *Правительственныя распоряженія*; 2) *Словесность*; 3) *Наука*; 4) *Народное здравіе*; 5) *Смѣсь*.

Съ этого 1862 г. Погоскій рѣшается расширить и самый контингентъ читателей. До сихъ поръ онъ имѣлъ въ виду только солдатъ, теперь же, съ момента освобожденія, должны были быть призваны къ просвѣщенію и освобожденные жители деревни. «Такъ какъ нравственные и умственные потребности войска и народа, въ сущности, однѣ и тѣ же,—говоритъ Погоскій,—то съ 1862 г. журналъ этотъ (т.-е. *Солдатская Бесѣда*), значительно увеличенный въ объемъ (160 стр. въ номерѣ), издается для народа подъ названіемъ *Народная Бесѣда*, въ которой первый отдѣлъ,—для солдатъ специально военный,—замѣняется извѣстіями и правительственными распоряженіями, касающимися крестьянъ. Прочіе отдѣлы какъ въ *Солдатской*, такъ и въ *Народной Бесѣдѣ* тѣ же самыя».

Теперь изъ одного журнала стало какъ бы два. Каждый выходитъ по 6 книгъ въ годъ, подписная цѣна съ пересылкою 2 рубля. При журналѣ давались приложенія; издавалась масса книгъ, составлявшихъ перепечату помѣщенныхъ въ журналѣ статей.

Но если эти оба журнала, исключая перваго отдѣла, представляли одно и то же, тѣмъ не менѣе, такъ сильно растолстѣвшая *Солдатская Бесѣда* требовала уже значительнаго труда. Какъ ни талантливъ и, вмѣстѣ съ

*) А. О. Погоскій, ст. А. В. Арсеньева. 1878 г.

тѣмъ, какъ ни трудолюбивъ былъ Погоскій, все же одиѣхъ его силъ на изданіе обоихъ журналовъ, даже хотъ съ чисто - внѣшней стороны, было бы недостаточно, и, дѣйствительно, теперь, кромѣ имени Погоскаго, въ журналахъ встрѣчаемъ въ числѣ сотрудниковъ имена: А. Майкова, Д. Рутувича, Н. Лабзина, В. А. Слѣпцова, Ф. Толя, проф. Бекетова, І. Палисадова, В. Василича (онъ же Дерикеръ), Н. Наумова, Н. Некрасова, крестьянина Обнорскаго. Вводя сотрудниковъ, Погоскій устанавливаетъ общее правило для всѣхъ: подписывать свои фамиліи. «Надо говорить только правду, а правда дѣло открытое, потому каждый авторъ долженъ подписывать свою фамилію подъ статьей».

Задавшись желаніемъ рядомъ съ занимательнымъ и интереснымъ чтеніемъ сообщать и здоровыя идеи, вѣрный взглядъ на окружающее, редакция ради послѣдняго помѣщаетъ рядъ статей вродѣ: *Нищіе, паломники, юродивые, дурачки*, гдѣ сильно и рѣшительно высказывается противъ странниковъ, рѣзко отзываясь о нихъ, вродѣ, наприм., того, что «изъ этихъ же шляющихся и излѣнившихся попрошаекъ выходятъ ложные *пророки* и *пророчицы*, нарушающіе общее спокойствіе. Недавно одинъ полумный чудагъ предсказывалъ свѣтопреставленіе въ іюлѣ мѣсяцѣ и переполошилъ не только свое село, но и всѣ сосѣднія селенія. Хорошо, что его засадили, а іюль прошелъ и свѣтъ стоитъ, какъ стоялъ, ну, люди и опомнились» *).

Здравое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гуманное направленіе сквозило въ каждой статьѣ. Это былъ несомнѣнно прекрасный журналъ, помимо приличной внѣшности, отличавшійся нравственною порядочностью, доброю, заботою и любовью къ ближнему; онъ давалъ въ доступной формѣ массу интереснаго по разнымъ отдѣламъ: тутъ были и бесѣды о воздухѣ, растеніяхъ, о войнѣ, о международныхъ законахъ, о полиціи и т. д. Сколько добрыхъ идей, добрыхъ чувствъ забрасывалъ въ читателя хотя бы отдѣлъ разныхъ извѣстій—*Смѣсь!*

Все, что мы говоримъ о *Солдатской Бесѣдѣ*, одинаково относится и къ *Народной*, издававшейся Погоскимъ. Потому и наоборотъ—одобрительный отзывъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* **) и неодобрительный *Библиотеки для Чтенія* ***) о *Народной Бесѣдѣ* одинаково могутъ быть отнесены и къ солдатскому журналу.

Въ концѣ 1863 года Погоскій уѣхалъ лечиться за границу и дѣло народнаго изданія передалъ одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ — Дерикеру (Василичу), который съ 1864 года выступаетъ уже въ качествѣ самостоятельнаго редактора издателя обѣихъ *Бесѣдъ*.

Но если бы объявленіе и не оповѣстило о происшедшей перемѣнѣ редакціи, читатель догадался бы и безъ него. Журналъ по уходѣ Погоскаго

*) *Солдатская Бесѣда* 1863 г., № 2, стр. 9—10.

**) 1863 г., № 3, стр. 116.

***) 1863 г., № 12.

разомъ поблечь. И обертка, и бумага, и программа, и отдѣлы, и толщина книжекъ,—все было, казалось, прежнее, а журналъ сталъ не тотъ: въ немъ не стало жизни, не стало души, не стало того, чѣмъ онъ, какъ *народный*, отличался отъ типа обычныхъ интеллигентныхъ журналовъ. Онъ сталъ скученъ, сухъ, непонятенъ. Языкъ сухой, книжный, безъ всякаго приспособленія къ читателю, да и самыя темы вышли уже изъ того круга, который опредѣлялся личнымъ знаніемъ редактора, знаніемъ той среды, того читателя, для которыхъ предназначался журналъ. И журналъ разомъ оказался непригоденъ для деревни, какъ непригоденъ для нея любой изъ нашихъ толстыхъ, и только еще статьи Бететова продолжали напоминать о прежнемъ золотомъ времени *Народной Бесѣды*.

Всѣ прежніе сотрудники ушли вслѣдъ за Погоскимъ. Послѣ этого немудрено, что Дерикеръ, если бы и не лишенъ былъ той любви къ народу, какой былъ всецѣло проникнутъ Погоскій, долженъ былъ уступить въ достоинствѣ первой редакціи: у него недоставало ни таланта литературнаго, ни званія народа, ни того чутья, какимъ въ богатой степени обладалъ А. Ѳ. Погоскій, ни талантливыхъ сотрудниковъ, какъ В. А. Слѣпцовъ, П. А. Некрасовъ и др. И про народный журналъ, съ удаленіемъ Погоскаго, можно сказать, что онъ хирѣлъ, скрипѣлъ, но не жилъ. Съ каждымъ послѣдующимъ годомъ скрипъ становился рѣзче, движенія замедлялись... книжки запаздывали выходомъ, а въ 1867 году, съ выходомъ третьей, журналъ и совсѣмъ замеръ.

Такъ прекратилась *Бесѣда* Погоскаго, которую уже давно не одобряли, и, должно быть, только одно *Руководство для сельскихъ пастырей* выразило сожалѣніе по поводу закрытія журнала *).

III.

Если измѣрять развитіе и прогрессъ народной журналистики числомъ возникающихъ новыхъ органовъ, то каждое послѣдующее десятилѣтіе, начиная съ эпохи освобожденія, можетъ свидѣтельствовать, что народная журналистика у насъ развивалась и процвѣтала съ каждымъ десятилѣтіемъ все сильнѣе и сильнѣе.

Въ 60-хъ годахъ возникло не мало народныхъ журналовъ, не считая такихъ, которые, подобно *Народной Школѣ* (1869 г.) или *Воскресному Читенію*, открыли на своихъ страницахъ отдѣлъ для народнаго чтенія. Каждое слѣдующее за освобожденіемъ десятилѣтіе можетъ насчитать не менѣе пяти новооткрытыхъ журналовъ. Въ шестидесятые годы возникаютъ: *Блюстителъ здравія и хозяйства*, *Народная Библіотека*, *Грамотный*, *Мірской Вѣстникъ*, *Досугъ и Дѣло*, не считая книжекъ при журналѣ *Ясная Поляна*; въ семидесятые годы: *Русскій Рабочій*, *Сельское Читеніе*, *Русь*, *Сельская Бесѣда* и *Родина*, а въ осьмидесятые годы: *Чтеніе для*

*) Р. д. с. п. 1867, № 20.

народа, Воскресенье, Сотрудникъ, Читальня Народной Школы, Кормчий, — только день ихъ рожденія не восходитъ раньше второй половины нашего десятилѣтія.

Самый богатый періодъ народной журналистики по числу изданій совпадаетъ съ семидесятыми годами, когда не только возникали новые народные органы, но продолжали процвѣтать и журналы 60-хъ годовъ — *Грамотный*, *Мірской Вѣстникъ*, — и даже болѣе ранняго десятилѣтія, какъ *Чтеніе для Солдатъ*. Но долголѣтіе журналовъ шестидесятыхъ годовъ отнюдь не слѣдуетъ принимать за превосходство этихъ органовъ передъ журналами пятидесятихъ и сороковыхъ годовъ. Ихъ долголѣтіе лежитъ внѣ литературныхъ и журнальныхъ достоинствъ; оно обуславливается тѣмъ живымъ интересомъ, какимъ было охвачено все общество къ народному просвѣщенію въ 70-е годы не въ одной литературѣ, а и въ жизни, и журналы въ глазахъ общества были однимъ изъ главныхъ и самыхъ удобныхъ проводниковъ развитія и образованія для деревни, а отчасти и составомъ обѣихъ редакцій *Грамотья* и *Мірскаго Вѣстника*, которыхъ не утратила денежная невыгода. Ни г. Алябьевъ, редактировавшій *Грамотья* въ 70-хъ годахъ, ни генералъ-майоръ Гейротъ не могли имѣть въ основѣ изданія никакихъ коммерческихъ или другихъ подобныхъ цѣлей; для нихъ важно было само дѣло, — и если оно съ настоящей точки зрѣнія — при современныхъ требованіяхъ и можетъ вазаться неудовлетворяющимъ своей задачѣ, то въ семидесятые годы и для общества, и для самой редакціи оно могло представляться совѣмъ инымъ.

Но среди народныхъ журналовъ дѣло, разумѣется, не обходилось безъ аферъ и спекуляцій. Кто только ни пробовалъ своего издательскаго таланта въ области народной журналистики, начиная съ 40-хъ годовъ! За изданіе брались и люди титулованные — князья, графы... художники, землевладѣльцы, профессора, учителя, кончая книгопродавцами и содержателями типографій.

Петербургскій книгопродавецъ Лермонтовъ еще въ пятидесятихъ годахъ сталъ издавать *Народное Чтеніе* *). Но оно жило недолго, — даже не пережило цвѣтущей эпохи пробужденія интереса къ народу, которую представляли шестидесятые годы. Лермонтовъ жаловался, что у него мало подписчиковъ, что изданіе журнала обходится дорого. Пробовалъ было онъ ради уменьшенія расходовъ перепечатывать безъ позволенія авторовъ статьи изъ другихъ журналовъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ подворотные издатели, и попался. Противъ него начато было преслѣдованіе; его обвинили въ плагиатъ. Судъ взялъ сторону автора, а Лермонтовъ, хотя и оправдывался тѣмъ, что издаетъ не какой другой журналъ, а *народный*, что въ качествѣ издателя народнаго журнала онъ имѣетъ право пользоваться всѣмъ печатнымъ, ссылаясь, что всѣ произведенія печати есть общее достояніе народа и т. д., но судъ все же призналъ его виновнымъ. Въ

*) *Книжный Вѣстникъ* 1862 г.

1863 году Лермонтовъ закрылъ свою лавочку, гдѣ, прикрываясь модными словами: «народъ», «народный», на пользу народную, думалъ торговать чужимъ добромъ.

Хотя еще до эпохи освобожденія народная журналистика уже имѣла образцы опытовъ вродѣ *Сельскаго Читенія* Заблоцкаго и кн. Одоевскаго, *Солдатской* и *Народной Бесѣды* Погоскаго, *Чтенія для Солдатъ* ген.-майора Гейрота и *Народнаго Читенія* Лермонтова, но и въ 60-е годы изданіе народнаго журнала казалось дѣломъ далеко не установившимся и даже какъ бы совсѣмъ новымъ. Въ эту эпоху брались за дѣло всѣ, кому пришлось, брались безъ должной подготовки, безъ должнаго знанія и самаго журнальнаго дѣла, и народа, брались люди всякіе—и талантливые, и совсѣмъ безталанные, — хватались за дѣло на-спѣхъ, впопыхахъ, безъ необходимаго знакомства со всѣми ранними попытками этого дѣла, которыя, возможно, могли бы ихъ, какъ новичковъ, научить чему-нибудь полезному. И какъ это часто бываетъ при начинаніи всякаго новаго дѣла, народные издатели стали искать примѣра, образца въ томъ, что было передъ глазами, — въ типѣ интеллигентнаго журнала. Самое слово *журналъ*, казалось, представляло уже достаточно опредѣленное, крѣпко установившееся понятіе, чтобы его обсуждать и обдумывать, — это могло бы, пожалуй, показаться нарушеніемъ здраваго смысла. Интеллигентная журналистика давала новичку изъ народныхъ журналистовъ массу конкретныхъ образцовъ—выбирай любой; вся трудность дѣла сводилась какъ бы только къ примѣненію, приспособленію того или другаго типа интеллигентнаго журнала къ деревнѣ, къ народу. Въ этомъ приспособленіи собственно и состоялъ весь трудъ, все дѣло народныхъ издателей-редакторовъ не только шестидесятыхъ, но и семидесятыхъ и почти всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ, а также и вся особенность журналовъ за этотъ длинный періодъ. Всѣ они—за весьма ничтожными исключеніями—представляютъ сколки съ типа нашихъ интеллигентныхъ журналовъ, сводя нерѣдко все приспособленіе на выборъ новаго названія или на объявленіе отъ редакціи, гдѣ давались большія обѣщанія и ставились широкія задачи. Но обыкновенно обѣщаніями все дѣло и ограничивалось. Издатели, выпуская журналъ, рѣдко помнили о сдѣланныхъ обѣщаніяхъ, въ большинствѣ обѣщанія оставались только обѣщаніями на бумагѣ и служили какъ бы укоромъ для ихъ собственной совѣсти. Встрѣчались между издателями, разумѣется, и такіе, которые по своимъ способностямъ и разумѣнію старались, такъ сказать, приладить свое изданіе къ народу. Въ этомъ приспособленіи сказывались одновременно личность, творческая способность и умѣнье издателя. Чѣмъ этого умѣнья было больше, тѣмъ больше было отступленія отъ типа и, наоборотъ, чѣмъ меньше — тѣмъ труднѣе найти въ такъ называемомъ народномъ журналѣ что-нибудь такое, чтò бы ясно и рѣзко отмѣчало его, какъ изданіе для народа, отъ обычнаго интеллигентнаго журнала. Возьмемъ хотя бы *Сельское Читеніе* С. Поля, издававшееся въ 1877 году въ Вильно и выходившее тетрадка-ми. Это не то газета, не то журналъ. Можно просмотрѣть массу нуме-

овъ и не догадаться, что въ рукахъ у васъ народное изданіе: все, какъ въ интеллигентномъ — и языкъ, и содержаніе. Никому и въ голову не придетъ, читая, напримѣръ, статью: *Что такое огонь* *), — гдѣ объ открытіи Лавуазье трактуется, какъ о чемъ-то давно и хорошо извѣстномъ, — то подобная статья предназначалась для деревни, для народа. Совершенно такимъ же тономъ написаны и всѣ другія статьи; даже книжный указатель, и тотъ остается при рекомендаціи книгъ вродѣ *Практическаго руководства къ изученію еврейскаго языка сравнительно съ русскимъ*, составленнаго Влячко. Перепечатка высочайшихъ повелѣній отличается тѣмъ же отсутствіемъ надлежащаго выбора и вниманія, и даже прекрасная статья г. Арсеньева: *Темное царство любочныхъ книгъ* при всѣхъ своихъ достоинствахъ кажется совершенно неумѣстной и совсѣмъ уже не наталкиваетъ на мысль, что читатель имѣетъ въ рукахъ народный журналъ. Объ этомъ напоминаетъ развѣ только «календарь», которымъ первое время начинался каждый нумеръ; въ календарѣ приводились краткія выписки изъ житія святаго, но опять безъ малѣйшаго приспособленія въ языкѣ. Впрочемъ, если *Сельское Чтеніе* иногда и рѣшалось прибѣгать къ приспособленію, то едва ли это не было еще хуже, — выходило что-то вродѣ издѣвательства надъ мужикомъ, его рѣчью и деревней. Такова статья *О курныхъ избахъ*, гдѣ авторъ дословно передаетъ свой разговоръ съ крестьянами насчетъ вреда курныхъ избъ **) для здоровья и довольно развязно бранитъ деревенскихъ дѣтей тупоумными, кривоногими.

Кромѣ самаго названія журнала, его календаря, да, пожалуй, еще виньетки, изображающей локомотивъ, глобусъ, вдали Божій храмъ, а вблизи, подъ навѣсомъ цвѣтовъ и колосьевъ, читающаго мужика, возлѣ котораго остановились послушать двѣ бабы и мужикъ съ граблями, ничто даже намека не дѣлаетъ читателю, что онъ держитъ въ рукахъ народное изданіе. Если же мы заносимъ *Сельское Чтеніе* С. Поля въ число народныхъ, то въ этомъ новинны тѣ общанія, съ которыми С. Поля выступилъ въ качествѣ издателя. «Мы думаемъ, — говорилъ онъ, начиная журналъ, — что сельское населеніе, пройдя школу хотя первоначальную, нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту, непосредственно приложимыя въ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полного уразумѣнія природы, среди которой живетъ и работаетъ селянинъ, и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней жизни нашего отечества и со- сѣднихъ государствъ... Затѣмъ сельское населеніе наравнѣ съ городскимъ нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребно-

*) 1877 г., № 29. Статья *Что такое огонь* начинается такъ: „Въ прошломъ столѣтіи, передъ открытіемъ Лавуазье, доказавшимъ, что горѣніе тѣлъ есть ничто иное, какъ соединеніе ихъ съ кислородомъ воздуха, химики предполагали, что тѣла во время горѣнія выделяютъ изъ себя какое-то неизвѣстное вещество, которое и было названо флегистономъ“ и т. д.

**) *Сел. Чт.* 1877 г., № 19.

стямъ ума, воображенія, сердца». За такимъ общаніемъ слѣдуетъ перечисленіе безчисленнаго множества отдѣловъ, долженствующихъ входить въ *Сельское Чтеніе* С. Поля.

Но одни общанія, безъ малѣйшей тѣни выполненія, разумѣется, не дѣлаютъ журналъ тѣмъ, что общано въ программѣ. А внѣшній видъ—тетрадка—невольно заставляетъ смѣшивать *Сельское Чтеніе* съ газетой, на которую потомъ сбивается и сама редація и съ которой сама смѣшиваетъ свой журнальный титулъ. Дѣлая объявленіе на 1879 годъ, редація говоритъ: «Въ такомъ видѣ, выработанномъ по указанію опыта, *Сельское Чтеніе*, сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, *можетъ замѣнить сельскому жителю газету*, доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни».

Видно, сама редація не уяснила себѣ хорошо, что слѣдуетъ издавать для сельскаго населенія—журналъ или газету; стала издавать журналъ, а вдругъ вышло, что этотъ самый журналъ можетъ для деревни замѣнить газету,—для кого же тогда онъ остается журналомъ?

Годъ основанія *Сельскаго Чтенія* какъ разъ совпалъ съ военными событіями, нарушающими обычную жизнь деревни. Въ деревнѣ въ такіе моменты необходима газета, необходимъ ручей, по которому бы протекали въ деревенское захолустье событія дня, новости минуты, необходима газета, какъ источникъ новостей. С. Полю понялъ это уже позднѣе того, чѣмъ опубликовалъ планъ изданія, только тутъ онъ увидалъ, что моментъ требовалъ не журнала, а деревенской газеты. Но онъ не видитъ большой разницы между тѣмъ и другимъ, и безъ малѣйшаго колебанія предлагаетъ свой журналъ, какъ газету.

Потому неудивительно, что, несмотря на всѣ общанія, несмотря на одобреніе *Сельскаго Чтенія* самимъ ученымъ комитетомъ народнаго просвѣщенія, который нашелъ *Сельское Чтеніе* пригоднымъ для библіотекъ и начальныхъ народныхъ училищъ, и учительскихъ семинарій, журналъ существовалъ недолго,—уже въ 80-хъ годахъ, если не ошибаюсь, онъ не выходилъ.

IV.

Въ такимъ грубымъ сколкамъ съ интеллигентнаго журнала, какъ сейчасъ разсмотрѣнное *Сельское Чтеніе* С. Поля, можно отнести всѣ вышеназванные изданія, возникшія въ семидесятыхъ годахъ,—и *Сельскую Бесѣду*, и *Русь*, и *Русскаго Рабочаго*, и *Родину*. Семидесятые годы больше, чѣмъ предшествующее десятилѣтіе, выказываютъ отсутствія творческой способности въ дѣлѣ созданія народнаго журнала. Они повторяютъ только старое. Еще въ 60-хъ годахъ были попытки основать народный журналъ спеціальнаго характера, который бы давалъ свѣдѣнія для практическаго примѣненія къ деревенской жизни, къ сельскому хозяйству. Таковъ *Бюллетенемъ здоровья и хозяйства*, народно-гигіеническій врачебный журналъ для грамот-

ыхъ людей всѣхъ сословій *), или журналъ Кошелева *Сельское Благоустройство*. Въ 70-е годы видимъ попытку въ томъ же направленіи, въ 1878 году возникаетъ сельско-хозяйственный журналъ *Сельская Бесѣда* въ Петербургѣ при содѣйствіи смоленскаго земства, которое дало на журналъ субсидію въ 7—8 тысячъ. Во главѣ изданія стоятъ: землевладелецъ Смоленской губерніи Кордо-Сысоевъ и бывший профессоръ земледѣльческаго института А. М. Бажановъ.

Но, несмотря на свой специальный характеръ, и этотъ журналъ составляетъ полнѣйшій сколокъ съ интеллигентнаго. Вся самостоятельность его, все приспособленіе издателей ограничивается только одною внѣшнею стюною: *Сельская Бесѣда*, вмѣсто обычныхъ большихъ книгъ интеллигентнаго журнала, стала выходить *маленькими*, и не въ общепринятомъ числѣ 12, а вдвое больше—въ числѣ 24 книжекъ въ годъ,—единственный журналъ, выходяшій въ такомъ большомъ числѣ книгъ. На каждой книжкѣ выставлялась цѣна 20 к., вмѣсто одной общей виньетки, каждая книжка имѣла на обложкѣ новую картинку. Вотъ все, въ чемъ высказалось приспособленіе редакторовъ-издателей, все, въ чемъ они полагали основную разницу народнаго журнала.

Хотя обзоръ специальныхъ изданій не долженъ входить въ мой очеркъ, но *Сельская Бесѣда* имѣетъ рядомъ съ специальными и литературный отдѣлъ, потому это обяываетъ сказать о ней нѣсколько строкъ. Къ тому же, *Сельская Бесѣда*, кажется, единственный народный журналъ, который былъ зачатъ по почину земства и при его хотя бы денежномъ участіи, и уже по одному этому на немъ нельзя не остановиться. Цѣль изданія была поставлена широкая: «провести помощью печатнаго слова въ среду земледѣльческаго населенія разумныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству со всѣми отраслями, его составляющими». Сюда же должны были входить и «статьи къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня поселянъ», и «кустарная промышленность, и народное здравіе, и скотоврачеваніе, и земское дѣло (разныя мѣропріятія земства, клонящіяся къ улучшенію быта поселянъ), рассказы и новости, и нововыходящія книги для народа».

Вся пригодность этого журнала для народа сказывается единственно въ программѣ и цѣляхъ редакціи, которыхъ не оправдываютъ книжки *Сельской Бесѣды*, похожія скорѣе на учебники по сельскому хозяйству, чѣмъ на журналъ. Уже во второмъ номерѣ (1878 г.) читатель встрѣчаетъ предлиннѣйшую статью редактора-издателя Кордо-Сысоева, растянувшуюся на цѣлыхъ двадцать страницъ, гдѣ авторъ старается убѣдить не то себя, не то интеллигентную публику въ полезности сельско-хозяйственнаго журнала для крестьянъ. Но причежь же тутъ народный читатель?

А объ языкѣ уже и говорить нечего,—это совершенно учебникъ съ своими «во-первыхъ», «во-вторыхъ», неумѣстными въ народной книгѣ и затемняющими пониманіе иногда весьма интересныхъ для народа вопросовъ,

*) Издавали Н. Глинскій и Дериверъ.

какъ, наприм., «изъ чего строить избы?» и т. п. Потому про журналъ можно сказать—по мысли и по цѣлямъ достоинъ всякаго уваженія, а по выполнению—не годенъ. Приговоръ *Отечественныхъ Записокъ* былъ много строже. Онъ отнесли *Сельскую Бесѣду* къ области спекуляціи *).

Слѣдовательно, приспособленіе этой редакціи къ народу сказалось единственно въ маленькомъ форматѣ, двойномъ числѣ книгъ и въ разнообразіи вишетоковъ—въ картинкѣ.

Но картинка въ народномъ журналѣ ведетъ свое начало едва ли не съ первой попытки нашихъ народныхъ журналистовъ. Еще въ *Сельскомъ Читаніи* кн. Одоевского и Заблоцкаго встрѣчаемъ картинки, и маленькія въ текстѣ, и величинаю въ цѣлую страницу; правда, въ то время онѣ не могли похвалиться ни красотой, ни изяществомъ выполненія. Въ этомъ отношеніи едва ли не принадлежитъ первенство изданію г-жи Пейкеръ *Русскій Рабочій*, гдѣ дается картинъ чуть ли не больше текста, картины большія, въ цѣлую страницу и всегда прекрасно исполненныя. Но изданіе г-жи Пейкеръ не только по иллюстраціямъ, а и по изяществу всей виѣшности, шрифта, бумаги, можетъ считаться первымъ изданіемъ среди народныхъ журналовъ. Оно выходило 12 номерами въ годъ съ опредѣленною подписною годовою платой 60 к., а съ доставкой и пересылкою—1 рубль, выходило тетрадями въ одинъ печатный листъ. Цѣль журнала: *успокоить часы досуга рабочихъ людей и давать имъ утѣшеніе въ минуты тужи и примѣръ для ободренія*. Какъ видимъ, цѣль высоконравственная, а, главное, трудно выполняемая: какъ и чѣмъ утѣшить человѣка, находящагося въ безвыходной бѣдности, нищетѣ, въ какой явуть мастеровые, рабочіе, крестьяне?... чѣмъ можно утѣшить, какимъ словомъ, какими разсказами? Но г-жа Пейкеръ далеко не чувствуетъ подобнаго затрудненія, въ каждомъ № даетъ одинъ-два, а то и три разсказа религиозно-нравственнаго содержанія на какую-нибудь евангельскую тему. Многие изъ нихъ переиздаются отдѣльными книжками «обществомъ распространенія полезныхъ книгъ», съ которыми названный журналъ совершенно совпадаетъ въ направленіи и характерѣ разсказовъ, составляющихъ все содержаніе журнала.

Какъ и въ изданіяхъ «общества распространенія полезныхъ книгъ», въ разсказахъ *Русскаго Рабочаго* встрѣчаемъ постоянныя наставленія на тему, что надо ласково, хорошо обращаться съ женой, дѣтьми, ходить въ церковь, развивать въ себѣ смиреніе и т. д. Случается, наставленія даются въ видѣ сухой морали, не прикрытой никакою фавулой **).

*) *Отечественныя Записки* 1878 г., № 8, стр. 302.

***) Для примѣра приведу выдержку изъ статьи *Урокъ смиренія отъ природы*: „По чему дерево, чѣмъ выше растетъ, тѣмъ глубже пускаетъ свои корни въ землю? Оно, возносясь, смиряется, а смиряясь, возносится. Такъ должно поступать и тебѣ. Если ты возвышаешься преимуществами умственными или нравственными, или благодатными (?), всегда и вездѣ тѣмъ болѣе смирай себя. Безъ глубокихъ корней смиренія ты никогда не будешь безопасенъ отъ паденія“ (1884 г., № 10).

Но наставленія *Русскаго Рабочаго* не всегда касаются только нравственной стороны, иногда они имѣютъ чисто-практическій, житейскій характеръ. Г-жа Пейкеръ очень часто даетъ совѣты по части аккуратности, порядка, озаглавливая прямо: *Нѣсколько простыхъ совѣтовъ на каждый день*. «Встань рано и помолись Богу,—учить г-жа Пейкеръ.—Ты, мужъ, помогай своей хозяйшкѣ прибирать въ домъ, особливо, если у васъ есть дѣти, и ты, хозяйшка, принаравливайся къ характеру мужа... Зимой не мѣшаешь съ вечера убрать комнату и приготовить дрова въ печи... Если у тебя мутная вода, то поставь ее кипятить, брось въ нее чайную ложечку толченыхъ квасцовъ, это отдѣляетъ всѣ нечистоты и гнилыя частицы... Положимъ, ты хозяйшка очень бѣдная и имѣешь только двугривенный въ день на харчи, но не бери ни гнилой, ни плохой провизіи, на ней всегда обочтешься, она не кормитъ, а здоровье портитъ».

Этихъ строкъ достаточно, чтобы догадаться, что журналъ издается лицомъ нѣмецкаго происхожденія, и, притомъ, женщиной, всѣ совѣты устремлены на хозяйственные мелочи, на проповѣдь о хозяйственныхъ добродѣтеляхъ, которыя иногда доходятъ до смѣшнаго, вродѣ того, чтобы, наприм., не бросать тряпочекъ, а шить для нихъ особый мѣшечекъ и бросать туда все негодное, всякій негодящійся доскутъ, потому что современемъ и онъ можетъ пригодиться.

Съ такою же предусмотрительностью и практичностью рекламируетъ г-жа Пейкеръ и свое изданіе, освѣщая подписку на *Русскаго Рабочаго* чуть ли не дѣломъ благотворенія. «Смѣемъ надѣяться,—говоритъ она,—что всѣ заботящіеся о дѣлахъ и пользѣ народа не откажутъ въ своемъ содѣйствіи къ возможно большому распространенію этого журнала».

И ожиданія г-жи Пейкеръ были не обмануты: въ первый же годъ журналъ разошелся въ числѣ 4,799 экз. Цифра громадная, въ особенности для начинающаго журнала! Но любопытно, изъ кого состояли подписчики? неужели это были простые рабочіе? Простыхъ рабочихъ не было или было очень мало. *Русскій Рабочій* выписывался больше хозяевами - землевладѣльцами, директорами фабрикъ, заводовъ, предводителями дворянства, мировыми судьями. Нѣкоторые изъ нихъ выписывали заразъ по 50, по 100 экземпляровъ *). Заставляла выписывать, во-первыхъ, кажущаяся дешевизна, во-вторыхъ, подходящія для хозяевъ наставленія рабочему человѣку, какими переполняется журналъ г-жи Пейкеръ, образцы которыхъ приведены выше; мораль г-жи Пейкеръ, клонящаяся къ тому, чтобы приучить народъ къ выносливости, къ терпѣнію, смиренію, является, разумѣется, одной изъ главныхъ приманокъ для хозяина и дѣлаетъ ея журналъ важнымъ помощникомъ для капиталистовъ.

Не малую приманкой для подписчика,—сказала я,—служитъ и дешевизна. Послѣ *Солдатской Бесѣды* Погоскаго, которой въ первый годъ подписная цѣна была 50 к., журналъ г-жи Пейкеръ самый дешевый изъ

*) От. Зап. 1878 г., № 8.

всѣхъ: за такое изящное изданіе — и всего 1 рубль въ годъ, да еще съ пересылкою и доставкою: «Неслыханная дешевизна!» И до послѣднихъ лѣтъ эта «дешевизна» служила приманкой, несмотря на неоднократныя толкованія въ печати, что дешевизна такихъ журналовъ, какъ *Русскій Рабочій*, только кажущаяся. И понять это вовсе не такъ трудно. Г-жа Пейкеръ даетъ въ годъ 12 печатныхъ листовъ, слѣдовательно, беретъ рубль въ годъ только за 12 печатныхъ листовъ. Это далеко не дешево. Посмотрите, сколько листовъ на 1 рубль даетъ такъ называемый толстый журналъ, котораго подписная цѣна, повидимому, такъ дорога? Дорогой толстый журналъ, въ сущности, обходится подписчику дешевле: онъ за 17 р. въ годъ, полагая каждую книжку среднимъ числомъ въ 28 листовъ (12×28), даетъ приблизительно 336 печатныхъ листовъ, значить, на 1 рубль подписчикъ имѣетъ въ годъ почти 20 листовъ. Вотъ какая громадная цифра сравнительно съ тѣмъ, что даетъ журналъ г-жи Пейкеръ!

Цѣна на народный журналъ, начиная съ сороковыхъ годовъ, за все время колебалась между 50 к. и 5 р. съ полтиной; но, несмотря на низкую подписную плату, все же наши народные журналы не могутъ похвалиться тою дешевизной, которая составляетъ всеобщее и единственное отличіе народныхъ изданій отъ интеллигентныхъ заграничій—во всей Западной Европѣ, не исключая при этомъ и Америки. Наши народные журналы еще значительно превышаютъ цѣну интеллигентныхъ, хотя на первый взглядъ, подобно *Русскому Рабочему*, и кажутся дешевы.

И, такимъ образомъ, благодаря своей кажущейся дешевизнѣ, а также и своему религіозно-нравственному направленію, журналъ *Русскій Рабочій* просуществовалъ болѣе десяти лѣтъ. И только въ 1886 году онъ замѣтилъ, что число подписчиковъ порѣдѣло. Тогда редакция пробуетъ обратиться къ публикѣ за сочувствіемъ, не разъ перепечатываетъ свою программу, напоминаетъ о цѣляхъ журнала съ слѣдующимъ прибавленіемъ: «Усердно просимъ всѣхъ сочувствующихъ способствовать по мѣрѣ силъ большому распространенію изданія» *). Но на этотъ разъ ничто не помогло, журналъ, видимо, шелъ къ неминуемой смерти. Редакция начала проявлять предсмертную вялость — апатію, усталость, запаздывала выходомъ нѣсколькихъ номеровъ заразъ и съ наступленіемъ 1887 года окончательно замерла.

Е. Нецрасова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) *Книжный Вѣстникъ* 1862 г., стр. 190: *О народныхъ журналахъ*.

***) *Русскій Рабочій* 1886 г., № 6.

Женское творчество *)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Нохановская и Хвоцинская-Заюнчовская.

I.

«Что такое убъжденія? Убъжденій нѣтъ и быть не можетъ», — говорил тургеневскій Пигасовъ въ своемъ извѣстномъ спорѣ съ Рудинымъ. — «Это ваше убъжденіе?» — спросилъ Рудинъ. — «Да». — «Такъ какъ жѣ вы говорите, что нѣтъ убъжденій, вотъ вамъ одно на первый разъ!» — ловко поймалъ его Рудинъ.

Диалектическая побѣда, конечно, была на сторонѣ Рудина. Дѣло, однако, не такъ просто, чтобы его можно было рѣшить диалектическими средствами. Разумѣется, если всякое мнѣніе и даже всякое знаніе можетъ быть названо убъжденіемъ, то у всѣхъ людей безъ исключенія имѣются самыя твердыя убъжденія, и не только у людей, но и у низшихъ животныхъ, у всѣхъ существъ, обладающихъ органами чувствъ и хоть какою-нибудь долей разума. Однако, если лошадь можетъ составлять *мнѣнія* и если корова обладаетъ не широкими, но весьма опредѣленными *знаніями*, все-таки, говорить объ *убъжденіяхъ* этихъ полезныхъ животныхъ можно только для смѣха. Ясно, что убъжденіе есть такое духовное завоеваніе, которое далеко не всякому по силамъ, и съ этой точки зрѣнія парадоксъ Пигасова совсѣмъ не такъ далекъ отъ истины, какъ это кажется съ перваго взгляда. Не только сатирики, но и философы увѣряютъ насъ, что люди-лошади и люди-коровы всегда и во всѣхъ обществахъ составляютъ подавляющее большинство, и надо днемъ съ фонаремъ искать между ними *человѣка*.

Вотъ мыслитель, могучій и проникательный умъ котораго успѣшно разбирается среди самыхъ сложныхъ явленій природы и человѣческой жизни. Путемъ тщательнаго и безстрастнаго анализа онъ приходитъ къ выводамъ, объективная истинность которыхъ защищается имъ какъ математическая теорема. Онъ доказываетъ намъ, что справедливость есть благоразуміе,

*) *Русская Мысль*, кн. I.

добро—разсчетъ, альтруизмъ—эгоистическая выгода, добродѣтель—счастье. Наилучшій способъ помогать себѣ состоитъ, по его ученію, въ томъ, чтобы помогать другимъ; послѣднія грани чистѣйшаго идеализма суть, въ то же время, первыя грани практическаго реализма и житейскаго утилитаризма; каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго,—это послѣднее требованіе самаго крайняго идеализма есть, въ то же время, первое требованіе самой элементарной разсудительности. Самое полное самоотреченіе есть, въ то же время, наилучшее самоогражденіе. Нравственные мотивы и побужденія сводятся нашимъ воображаемымъ мыслителемъ къ разсудочнымъ доводамъ, къ логическимъ выкладкамъ,—почти къ математическимъ формуламъ, и его теорія есть именно только теорія, т.-е. продуктъ абстрактной мысли. Вотъ вамъ учебникъ социальной гигиены, которая оздоровитъ общественную жизнь, если ея указанія будутъ строго выполняться всѣми вообще и каждымъ въ отдельности, а тамъ пусть будетъ какъ угодно. Алкоголь—ядъ,—говоритъ намъ врачъ,—и если вы будете злоупотреблять имъ, васъ ждутъ такія-то и такія-то зловредныя послѣдствія, а тамъ дѣлайте какъ хотите. И нашъ воображаемый философъ, и этотъ врачъ совершенно правы въ отвлеченномъ смыслѣ,—ихъ указанія вѣрны, какъ таблица умноженія, а мы, все-таки, чувствуемъ себя неудовлетворенными. Намъ хотѣлось бы услышать призывъ убѣжденнаго человѣка, а мы слышимъ, вмѣсто того, только холодное свидѣтельство эксперта. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, у врача, такъ прекрасно изложившаго намъ весь вредъ алкоголя, глаза что-то подозрительно яри, а щеки неестественно красны, лекцію же о вредѣ никотина онъ началъ лишь послѣ того, какъ тщательно раскуривъ свою крѣпчайшую сигару. Очевидно, тутъ что-то не такъ. Должно быть, математика—математикой, а жизнь—жизнью, и если въ отвлеченіи дѣйствительно разумный эгоизмъ то же, что разумный альтруизмъ, то на практикѣ и въ субъективномъ сознаніи это совсѣмъ различныя между собою вещи; если алкоголь и никотинъ—яды, то все же эта непоколебимая химическая или физиологическая истина въ реальной человѣческой жизни часто выворачивается на изнанку, такъ что несомнѣнные яды для химика превращаются для живаго, утомляющагося, страдающаго, борющагося человѣка въ столь же несомнѣнные житейскія (не химическія) противоядія. Научная истина не то же, что жизненная правда, и если первая можетъ быть объектомъ познания, то лишь вторая можетъ явиться предметомъ и содержаніемъ убѣжденія.

Вотъ другой человѣкъ, въ проповѣди котораго нѣтъ уже почти ничего разсудочнаго, рационалистическаго, абстрактно-логическаго. Онъ говоритъ во имя идеала, который прекрасенъ, не потому, что благороденъ, выгоденъ, удобенъ, а потому, что исходитъ изъ лучшихъ нравственныхъ началъ и инстинктовъ человѣка. Самоотреченіе не потому хорошо, что ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ наилучшей, наисправедливѣйшей формѣ общественной, и истина вообще не потому благо, что съ ея помощью въ жизни можно устроить безпроигрышную лотерею и даже на алтынъ рубль купить, истина хороша потому, что она истина, и самоотверженіе хорошо

потому, что оно нравственный подвигъ. Если у нашего философа, какъ у лисицы сказки, было тысяча-тысячь думушекъ и столько же всяческихъ доказательствъ и доводовъ, то у этого проповѣдника, какъ у журавля той же сказки, только одна-единственная думушка, могучая, властительная, страстная, но ровно ничѣмъ въ теоретическомъ смыслѣ не обоснованная и не защищенная. Философа послушается тотъ, кто его пойметъ, а этого фанатика-энтузіаста послушается тотъ, кто его полюбитъ. Ядъ или не ядъ никотинъ, онъ этого не знаетъ, по крайней мѣрѣ, доказать не съумѣетъ, но онъ, не задумываясь долго, на собственномъ примѣрѣ докажетъ, что безъ куренья можно обойтись, и такое доказательство для очень многихъ людей гораздо убѣдительнѣе всякихъ химическихъ и физиологическихъ диссертаций. Онъ не находитъ, а схватываетъ истину, и не ведетъ, а увлекаетъ людей за собою. Его сила не въ знаніи, а въ вѣрѣ, корень и происхождение которой надо искать въ тайникахъ его души и его совѣсти. А вѣра, какъ и голое, отвлеченное знаніе, опять-таки, не есть убѣжденіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и, стало быть, пессимистическое замѣчаніе тургеневскаго героя получаетъ новое подтвержденіе.

Ни знаніе, котораго источникъ и сила въ разумѣ, ни вѣра, которая есть дѣло совѣсти, сама по себѣ, въ своемъ безпримѣсномъ состояніи, не даютъ никакихъ ручательствъ за плодотворность результатовъ. «Вѣра безъ дѣлъ мертва», но не такъ же ли мертва дѣла, сдѣланные безъ вѣры? Для того, чтобы умѣть—достаточно знать, но для того, чтобы дѣлать, необходимо не только знать, но и вѣрить. Истинное убѣжденіе, въ настоящемъ и высшемъ значеніи этого большаго слова, есть именно синтезъ знанія и вѣры, мысли и воли, умѣнія и желанія. Вспомнимъ два всемірно-знаменитые общечеловѣческіе типы, Гамлета и Донъ-Кихота: ни герой Шекспира, ни герой Сервантеса не были, конечно, людьми убѣжденія въ нашемъ смыслѣ этого термина, и въ этомъ причина ихъ практическаго безсилія и бесплодія. Гамлетъ знаетъ, что ему нужно и должно сдѣлать, знаетъ до мельчайшихъ подробностей—и не трогается съ мѣста. Донъ-Кихотъ потерялъ всякое жѣрило вещей, всякое чутье жизни, всякое различіе между реальною дѣйствительностью и образами своей фантазіи и, снѣдаемый жаждой подвига, безстрашно сражается съ вѣтряными мельницами и геройски избиваетъ стада барановъ. *Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!* Умная пословица говорить, конечно, не о метрической молодости и старости, а о молодости и старости души, имѣетъ въ виду не возрасты, а нравственные типы. Если бы Донъ-Кихотъ зналъ, если бы Гамлетъ могъ!

Между этими двумя крайностями, — Гамлетомъ, какъ представителемъ разсудочной рефлексіи, и Донъ-Кихотомъ, какъ представителемъ непосредственнаго чувства и интуитивной вѣры, — заключается вся длинная цѣпь человѣческихъ умовъ и характеровъ, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ въ нихъ одного изъ этихъ основныхъ духовныхъ элементовъ. Небольшая группа счастливицевъ, въ которыхъ эти элементы находятся въ полной гармоніи и полномъ равновѣсіи, группа людей «цѣльныхъ» могла бы удовле-

творить требованіямъ даже построже пугасовскихъ, но наша рѣчь не о нихъ идетъ. Женщины вообще и женщины-писательницы въ частности, какъ давно уже сообразилъ читатель, должны быть по своему духовному темпераменту поставлены ближе къ тому концу цѣли, послѣднимъ звеномъ котораго является сервантесовскій герой. Давно уже кѣмъ-то остроумно и вѣрно замѣчено, что женщины никогда не были основательницами ученій и вѣроученій, за то всегда являлись первыми и самыми ревностными прозелитками всевозможныхъ новаторовъ и реформаторовъ. Путь женскаго мышленія, а стало-быть и женскаго творчества приблизительно всегда одинъ и тотъ же—не отъ фактовъ къ выводамъ, а отъ выводовъ къ фактамъ. А выводъ, та общая идея, которой онѣ служатъ и которую защищаютъ, подсказывается имъ преобладающими свойствами ихъ нравственной природы. Свои симпатіи, которыхъ единственно онѣ только и слушаются, женщины возводятъ на степень своихъ убѣжденій, и если изображаютъ, анализируютъ и группируютъ факты, то непремѣнно съ тайнымъ или явнымъ умысломъ найти для своихъ симпатій теоретическія, идейныя оправданія. «Не по хорошу миль, а по милу хорошъ»,—эта пословица заключаетъ въ себѣ полную характеристику всѣхъ формъ и всѣхъ методовъ женскаго мышленія.

Все, что можетъ показаться читателю неяснымъ или неопредѣленнымъ въ этихъ общихъ нашихъ соображеніяхъ, разъяснится, надѣюсь, на анализѣ конкретныхъ примѣровъ, къ которому мы теперь и перейдемъ.

II.

Яркій литературный талантъ Бохановской не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но съ Бохановской приключилась бѣда, которая и въ жизни часто постигаетъ женщинъ: полюбила ее ворона пуще яснаго сокола. Она была человѣкомъ девятнадцатаго столѣтія только въ хронологическомъ смыслѣ, всѣ же помыслы и всѣ симпатіи ея принадлежали «святой Руси»—не той реальной Россіи, которую всѣ мы знаемъ, въ которой живемъ и которую любимъ, какъ свое отечество, а той фантастической Руси, которая мерещилась нашимъ славянофиламъ вродѣ Константина Аксакова. Нѣтъ ничего легче и даже естественнѣе, какъ идеализировать явленія, уже отошедшія въ прошлое: что прошло, то будетъ мило. Человѣку съ большимъ воображеніемъ нетрудно разукрасить даже завѣдомо уродливыя или пагубныя явленія и прескверно умилиться передъ ихъ фантастическою красотой. Вотъ, какъ, напримѣръ, говорилъ поэтъ, чрезвычайно родственныи Бохановской по своимъ тенденціямъ и симпатіямъ:

„Эти бѣдныя селенія,
Эта скучная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край тѣ русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменинъ,“

Что сквозить и тайно свѣтить
 Въ наготѣ твоей смиренной.
 Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ, царь небесный
 Исходилъ, благословляя“.

По силѣ и искренности лирическаго чувства это стихотвореніе во всей нашей поэзіи имѣетъ очень немногихъ равныхъ себѣ произведеній. Можно же, значить, восхищаться и «возводить въ перлъ созданія» даже такія явленія, которыя, казалось бы, неизбѣжно должны вызывать у наблюдателя не восхищеніе, а скорбь и горечь! Въ смыслѣ пейзажа «бѣдныя селенія» съ чисто-эстетической точки зрѣнія могутъ имѣть свою красоту («какъ хороша эта гнилая солома на крышѣ!» «какъ оригиналенъ этотъ повалившійся заборъ!»), точно также какъ и «скудная природа»; но чѣмъ надо быть и какое сердце надо имѣть, чтобы рѣшиться къ такимъ явленіямъ примѣнять эстетическую мѣрку? Далѣе—«край долготерпѣнья». Если рѣчь идетъ о терпѣнии и даже долготерпѣіи отдѣльнаго человѣка или цѣлаго края, намъ тѣмъ самымъ естественно внушаютъ мысль, что въ условіяхъ жизни этихъ терпѣливцевъ далеко не все хорошо и благополучно. Для человѣка съ сколько-нибудь развитымъ общественнымъ чувствомъ, съ настоящимъ, здоровымъ патриотизмомъ, прежде всего, представится именно эта сторона дѣла и о нравственной красотѣ долготерпѣнья (если только тутъ есть какая-нибудь красота) онъ и думать не станетъ. Бѣдность, скудость, терпѣливое страданье, смиренная нагота... тутъ есть о чемъ поскорбѣть, есть надъ чѣмъ подумать и есть надъ чѣмъ поработать; но чѣмъ же тутъ восхищаться и чѣмъ гордиться? Между тѣмъ, нашъ поэтъ именно гордится и патриотически радуется: «не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный, что сквозить и тайно свѣтить» и т. д. Смѣемъ осведомиться, вашъ, читатель, не иноплеменный взоръ, что именно усматриваетъ въ смиренной наготѣ своей родины? Думаемъ, то же самое, что усматриваемъ и мы, то самое, что вообще можно усмотрѣть во всякой смиренной наготѣ,—забитую приниженность и тяжелыя лишенія. Взгляните на дѣло не черезъ очки теоріи, а простыми глазами, отнеситесь къ «смиренной наготѣ» съ простымъ человѣческимъ чувствомъ, и вамъ опротивѣтъ это эстетическое любованье поэта чужою наготой и чужимъ смиреніемъ. Говоримъ—*чужою* и *чужимъ* потому, что—не беспокойтесь, пожалуйста!—въ своемъ собственномъ обиходѣ всѣ такіе платоническіе и эстетическіе патриоты всегда являются и прекрасно одѣтыми, и нисколько не смиренными людьми. Кто такой этотъ поэтъ, съ такимъ паэосомъ воспѣвшій величіе и красоту смиренной наготы? Богатый и родовитый російскій баринъ, Тютчевъ!

Поэтъ и самъ, очевидно, чувствовалъ, что надо хоть какъ-нибудь объяснить свою странную гордость «наготой» роднаго края и на выручку ему, какъ это чрезвычайно часто бываетъ у поэтовъ и у женщинъ, явилась

красивая метафора, эффектное сравнение: Христосъ въ рабскомъ видѣ исходилъ, благословляя, всю Русскую землю, а, стало быть, ея смиренная нагота «естъ не только не несчастіе, а печать богоизбранности, признакъ богоугодности, выраженіе высшаго нравственнаго совершенства...»

Говорите послѣ этого, что *comparaizon n'est pas raison!* Но сравненіе Тютчева невѣрно и какъ сравненіе. Развѣ иноплеменики съ гордымъ взоромъ — не хрістіане? Развѣ Христосъ сходилъ на землю для спасенія не всѣхъ, а только русскихъ людей? И неужели благословить на жизнь значитъ непремѣнно благословить на страданіе? Достаточно здравому смыслу поставить эти вопросы, чтобы тутъ же отвѣтить на нихъ, и отъ этихъ отвѣтовъ, какъ цвѣточные лепестки отъ мороза, облетаютъ и блежнутъ махровыя метафоры стихотворенія Тютчева. Такова судьба всѣхъ возврѣній, основывающихся не на объективныхъ данныхъ, а исключительно на субъективныхъ фантазіяхъ и аспираціяхъ: «рано или поздно ихъ сладкій недугъ исчезнетъ при словѣ разсудка».

Идея стихотворенія Тютчева была одною изъ любимѣйшихъ идей Божановской, потому мы и остановились на немъ. Божановская прямигала къ той фракціи нашихъ славянофиловъ, которую слѣдовало бы назвать руссофильской и во главѣ которой можно бы поставить Достоевскаго, какъ самаго талантливаго и послѣдовательнаго выразителя тенденцій этой фракціи. Сущность этихъ тенденцій состоитъ въ томъ, что Россія — величайшее во всѣхъ отношеніяхъ государство, которое *потому* не нуждается ни въ какихъ западныхъ формахъ, русскіе — народъ исключительный, богоизбранный и *потому* осужденный или благословенный на вѣчную скудость, нищету и смиренную наготу. «Страданіе спасительно» — вотъ психологическая основа и первая заповѣдь этого ученія. Оно *спасительно* не какъ средство, а какъ самоцѣль, — не какъ переходное, а какъ постоянное состояніе, — не какъ приготовленіе къ жизни, а какъ содержаніе жизни. Чѣмъ больше мы страдаемъ, тѣмъ полнѣе наша жизнь, тѣмъ больше мы наслаждаемся; чѣмъ мы бѣднѣе, тѣмъ богаче, — чѣмъ смиреннѣе, тѣмъ независимѣе, — чѣмъ невѣжественнѣе, тѣмъ геніальнѣе. Какъ видите, это тоже своего рода прогрессъ и движеніе, но движеніе затылкомъ впередъ. Божановская, не обладая ни талантомъ, ни смѣлостью Достоевскаго, не рѣшалась на слишкомъ широкія и рѣзкія обобщенія, но, тѣмъ не менѣе, высказывалась въ этомъ смыслѣ довольно опредѣленно. Въ одной изъ своихъ повѣстей она, прямо отъ своего авторскаго лица, дѣлаетъ, напри- мѣръ, такое обращеніе: «Говорите же мнѣ ваше горе сполна, какъ оно томило васъ. Я хочу узнать всю цѣну той свѣтлой, тихой радости, которою Господь благословляетъ насъ». Развѣ это не стихотвореніе Тютчева, переложенное въ прозу? Горе, которое томить насъ — это радость, которую Господь благословилъ насъ. Это больше, чѣмъ фатализмъ, и серьезнѣе, чѣмъ мистицизмъ: это — какая-то благожелательная безчеловѣчность и добродѣтельная жестокость, страшная не прямолинейностью своею, а своею извращенностью, своимъ антигуманнымъ и антиобщественнымъ духомъ: вѣдь,

«если горе есть «тихая радость», то по неизбежной логикѣ нищета есть богатство, невѣжество—знание, глупость—умъ и д. т.

Остановимся подольше на этой повѣсти, въ которой мы обрѣли удивительный афоризмъ Кохановской. Повѣсть эта—*Послѣ обѣда въ гостяхъ*, самое сильное произведение Кохановской и въ смыслѣ литературной живописи она дѣйствительно прекрасна. Повѣсть имѣетъ форму діалога между авторомъ и одною старосвѣтскою мелкопомѣстною помѣщицей, которая рассказываетъ о своей дѣвичьей жизни и своемъ замужствѣ съ цѣлью доказать нехитрый тезисъ, что «свѣтъ бѣлый на томъ стоитъ, что жены мужьями мудрятъ,—охъ, мудрятъ!» Дѣйствіе происходитъ приблизительно въ первой четверти текущаго столѣтія и читателя, прежде всего, поражаетъ бытовая сторона повѣствованія: вѣистину встарину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ! Авторъ, прежде всего, этого именно впечатлѣнія и добивался и, какъ настоящій талантъ, онъ достигаетъ желаннаго результата очень простыми средствами. Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ изъ разсказа героини повѣсти:

«— Городъ ли, деревня, въ мое время, бывало, не сразу разберешь; только потому будто и признаешь за городъ, что бабы на улицахъ бублики продають. Ну, да все же душа моя, городъ,—съ свѣтлымъ какимъ-то умиленіемъ сказывала Любовь Архиповна.— Церкви Божіи на красу стоятъ, все каменныя да пятиглавыя; яблочки подъ крестами, какъ одно, всѣ золоченыя. Не чаешь дожидаться праздничка Господня; а какъ дождешься-то его, да колокола загудятъ, народъ валомъ повалитъ въ церкви и сама-то идешь между народомъ, вырядившись: платьице на тебѣ цвѣтное, да береженое; матушкины большія серьги въ ушахъ, да еще какъ угораздишь алую ленту вокругъ головы положить и бантомъ сбоку пустить—фу, ты, душа моя! Кажется, что краше-то тебя, молодой, и во всемъ мірѣ нѣтъ! Идешь, земли подъ собой не слышишь.

«— Ахъ, моя милая, Любовь Архиповна!—сказала я.

«— Вотъ то-то и есть, что милая,—сказала она.—Послѣ обѣдни выйдешь на паперть, такъ это благочинно, тихо; остановишься на крылечкѣ съ подругами поговорить. Говоришь, будто и не глядишь никуда, а видишь, что судейскіе молодые господа на тебя всѣ глаза просматрѣли. Пойдемъ мы это, барышни, за руки взявшись, вокругъ церкви пройдемся, и они слѣдомъ тихонечко за нами. Останутся гдѣ-нибудь такъ, чтобы мы ихъ проминули, заложать руки въ карманы и ждуть насъ. Только что мы поравняемся съ ними, а они и заговорятъ къ намъ: „Какія вы, барышни, распрекрасныя, хорошія да пригожія! Хоть бы намъ у нашего судьи съ большаго носу очки снять, да въ четыре глаза сморгать на васъ.“—„Глядите себѣ хоть въ пятеро, — отвѣтимъ мы,— да мы-то на васъ и однимъ глазомъ не посмотримъ.“ И пойдемъ себѣ, будто намъ и нужды нѣтъ; а, все-таки, потихонечку посматриваемъ...“

Въ такомъ ликующемъ тонѣ написана вся повѣсть, такъ что, несмотря на свой мрачный сюжетъ, она, повторяемъ, производитъ совсѣмъ не мрачное впечатлѣніе. Между тѣмъ, упрекнуть автора, какъ художника, не за что: вѣдь, разсказъ ведется отъ лица Любови Архиповны и въ психологическомъ смыслѣ вполнѣ вѣроятно, что старушка вспоминаетъ о *своемъ* времени, т. е. о времени *своей* молодости, съ чувствомъ глубокаго умиленія. Это личное свѣтлое чувство своей героини Кохановская очень искусно сообщаетъ и читателю, такъ что, въ концѣ-концовъ, вмѣсто обыкновеннаго соболѣзнованія о безвозвратно прошедшей молодости расказицы,

выходить панегиригъ «доброму старому времени» вообще: не потому героинѣ жилось прежде веселѣе и легче, что она была молода, а потому, что прежде жизнь была вообще лучше, проще и чище. Иллюзія эта очень нехитрая и мало-мальски догадливый читатель ей не поддастся; но не подлежитъ сомнѣнію, что сама Кохановская раздѣляла ее съ своею героиней вполне. Она не обманывала читателя, она преискренно обманывалась сама.

Жизнь уѣзднаго русскаго городка, сѣренькое существованіе одного изъ нашихъ захолустій, раскрашивается всѣми радужными цвѣтами творческой фантазіи. Объ этомъ прозябаніи безъ мысли, безъ цѣли, безъ воли, безъ всякаго содержанія Кохановская рассказываетъ въ былинно-эпическомъ духѣ, такъ что городничій напоминаетъ собою не гоголевскаго Сивозника-Дмухановскаго, а Владимира Красное Солнышко, и «судейскіе господа» являются Алешами Поповичами и Добрынями. Это не «желѣзные носы», не «крапивное сѣмя», не «стрекулисты», какъ ихъ называлъ народъ, а все *добрыя молодцы*, не молодцы, а мѣлодцы, лихачи-кудрявичи. «Презрѣнною прозой говоря», эти добрые мѣлодцы — штатные и сверхштатные писцы какого-нибудь земскаго суда, получавшіе три рубля въ мѣсяцъ мѣдью содержанія и возмѣщавшіе его недостаточность разнаго рода добродетельными даяніями со стороны обывателей, съ вымогательствомъ или безъ вымогательства. Въ поэтическомъ представленіи Кохановской они являются исключительно свято-русскими богатырями, у которыхъ поѣздочка молодецкая, вся поступочка богатырская. Между этими писарями-богатырями одинъ, по прозвищу Черный («черный воронъ», «бѣлый голубъ», «орелъ сизый»), является не только героемъ повѣсти, но и героемъ жизни. Прежде всего, онъ замѣчательный поэтъ и сочиняетъ пѣсни, напоминающія совсѣмъ не тѣ «жестокіе романы», которые пользуются популярностью въ провинціи, а лучшія древнія народныя былины. Далѣе, онъ диковинный пѣвецъ, далеко превосходившій самого Орфея, потому что Орфей трогалъ своею игрою только камни, а Черный очаровывалъ даже мѣстныхъ купцовъ до того, что они, «завидѣвъ его, выбѣгали на встрѣчу» и говорили: «Ваша милость, отецъ родной, что хочешь изъ лавки бери, спой только». Черный гордо отказывался даже отъ цѣлой штуки сукна цвѣта наваринскаго дыма съ пламенемъ и уходилъ пѣть на берегъ рѣки, «и какъ надойдетъ (sic!) надъ (sic!) гору и станетъ на ней, а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумить, и онъ стоитъ и поетъ: *расплескалася, разливалася*, просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его». Смерть Чернаго была тоже героическая: отнюдь не отъ перепоя, а отъ того, что, спасши мужика отъ потопленія, онъ бросился затѣмъ спасать мужицкую лошадь: «его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всѣ отъ него какъ листья посыпались». Простудился богатырь и умеръ, какъ разъ на Святой недѣлѣ. Описаніе его похоронъ до того характерно для Кохановской, что нѣкоторую часть его необходимо привести въ подлинникѣ:

„Народъ къ нему валомъ валить, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: „иди,

воль, иди, поклонися Черному!" И весь город шель—просто, говорили, какъ рѣка текъ. Въ среду на вечерню его внесли въ церковь, а на утро-то, значитъ, въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдно служилъ (одно то, что Черный его приходъ былъ, а другое, что и купцы простили). И знаешь, дни праздничные, въ храмѣ Божіемъ свѣтлость такая, царскія двери открыты, тѣмъ радостное на обѣдѣ ѣстся и Черный просто незнаваемъ въ гробу лежалъ, сказывали сестрицы. Большой такой, да хорошей; болѣзнь съ него черноту сила, и онъ, матушка, побѣглый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ, заснулъ, высоко на разубранной подушкѣ въ красотѣ лежать! Отвѣли погребеніе, и какъ пришло это время, что дадимъ послѣднее цѣлованіе, отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ; наклонился онъ и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: „Христосъ воскрес!“—сказалъ онъ и трижды, какъ христосуясь, поцѣловалъ Черного. А тутъ недалеко, у самаго гроба женщина съ дитятемъ на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. „Дай мнѣ, дитя, твое яичко“,—сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою и протянуло яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собою благовѣстіе Христово. И такъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему и, прежде чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ, „Христосъ воскресъ“ скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы нести гробъ, и какъ понесли его, день такой прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробѣ какъ жаръ горитъ, и откуда ни возмись, двѣ ласточки вьются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ, въ удивленіе привели народъ. Просто сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачивалъ его, опускалъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертью смертью поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“.

Оспротѣлые троянцы, погребающіе своего Гектора—какая картина! Въ самомъ дѣлѣ, заставьте на минуту замолчать «духа отрицанья и сомнѣнья», нашептывающаго вамъ разныя скептическія замѣчанія и наблюденія, и вы невольно поддадитесь обаянію въ высшей степени красиваго разсказа Кохановской, тѣмъ болѣе, что *абсолютно-невозможно* въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего. И малютка съ пасхальнымъ яичкомъ, и двѣ ласточки, щебечущія надъ гробомъ, и яркое солнце, и всеобщее умиленіе и удивленіе,—все это не противорѣчитъ законамъ природы. А фальшь, тѣмъ не менѣе, чувствуется. Вы чувствуете, что тутъ не реальная проза, а былинная поэзія, не краски жизни, а сусальное золото, не правдивое повѣствованіе, а званъ гусларный. Не все то правдиво, что не противуестественно, а въ искусствѣ правдиво только то, что типично. Исключительный случай можетъ быть предметомъ анекдота, пожалуй, разсказа, но не художественнаго произведенія, претендующаго на мысль, на обобщеніе, на изображеніе типовъ. «Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» (героиня очень извѣстнаго лубочнаго романа этого названія), и коллежскій регистраторъ Черный—поэтъ, пѣвецъ, герой, богатырь, добрый молодецъ, умирающій жертвою своего геройства,—это явленія одного разряда, ничего собою не выражающія и не представляющія.

Идеализируя людей «добраго стараго времени», Кохановская съ такимъ же усердіемъ идеализируетъ и нравы, и бытъ того времени. Любовь Ар-

хиповна рассказываетъ, какъ мать принуждала ее къ замужству съ ненавистнымъ человѣкомъ. «Матушка выходитъ къ намъ изъ своей комнаты, а мы, знаешь, при ней усердно такъ работаемъ. Она прошла разъ-другой передъ нами. «Полно, говорить, оставьте работу. Любаша, я тебя просватала». — «За кого?» — говорю. — «За комиссіонера». Я ушамъ своимъ не повѣрила. «За кого, матушка?» — «Что ты, глуха, что ли? Говорятъ тебѣ за комиссіонера, — сказала матушка. — И ступай одѣвайся, — женихъ къ вечеру будетъ». Я, душа моя, и не знаю, — всплеснула руками Любовь Архиповна, — какъ и съ чего я начала говорить и голосомъ голосить, что лучше бы меня живую въ гробъ положили, что пусть меня матушка убьетъ, а я не пойду за комиссіонера. «Убить я тебя не убью, — сказала матушка, — а поучить хорошо поучу, чтобы ты знала, какъ слушаться матери». А я ей на это какъ-то скажи, что она меня за связку Ѳескиныхъ бублиговъ отдастъ комиссіонеру, такъ уже матушка дала мнѣ знать бублиги! «Иди, — говорить, одѣвайся». Я пошла, съѣла въ нашей горенкѣ, и таки не одѣваюсь. Глаза у меня отъ слезъ, какъ кулаки, напухли; коса моя русая растрепанная лежитъ на шеѣ. Пришла матушка опять ко мнѣ. «Одѣвайся, — говорить. — Я тебя еще побью». И другимъ приѣмомъ меня побила».

Ничего, конечно, нѣтъ удивительнаго въ объективномъ спокойствіи, съ какимъ Любовь Архиповна рассказываетъ о грубомъ насиліи, совершенномъ надъ нею; дѣло, во-первыхъ, прошлое, а, во-вторыхъ, дѣло житейское. Но насъ занимаетъ Бохановская. Даже Любовь Архиповна, рассказывая дальше о своихъ мученіяхъ, объ истязаніяхъ, которымъ подвергала ее мать, лирически воскликнула: «охъ, горечко, горе лютое! И нѣту на свѣтѣ другого такого горя, какъ бываетъ горе женское!» — а Бохановская, именно на эту жалобу, говорить: «Богъ съ нимъ (съ горемъ), Любовь Архиповна! Пойдете дальше. Скоро вы уѣхали отъ матушки?» Я нахожу это въ высшей степени характернымъ для Бохановской. Когда Любовь Архиповна рассказывала о своемъ удалствѣ и «досужествѣ», о своихъ пѣсняхъ и пляскахъ, о своихъ подругахъ «голубочкахъ сизовкрылыхъ», о судейскихъ «добрыхъ молодцахъ, соколахъ ясныхъ, господахъ веселыхъ» и пр., и пр., Бохановская и не думала прерывать свою собесѣдницу, а только поощряла ее. Промолвилась Любовь Архиповна о «горѣ лютомъ», и Бохановская говорить: «Богъ съ нимъ, пойдете дальше». Если это деликатность, то она очень эгоистична. Вѣрнѣе же, это выраженіе той психологической черты, которую подмѣтила Заіончковская въ женщинахъ: «Женщины, поступая противъ здраваго смысла, не могутъ не рассказать кому-нибудь объ этомъ». А еще вѣрнѣе, это — чисто-женское нежеланіе видѣть и слышать то, что противорѣчитъ мнѣніямъ и симпатіямъ, составленнымъ заранѣе, *предъ* какимъ бы то ни было *разсужденіемъ*. Бохановская, какъ мы видѣли выше, не прочь послушать о горѣ, но о горѣ, какъ о «свѣтлой, тихой радости», не иначе. Реальное горе, которое вызываетъ не умиленіе и нравственное успокоеніе, а жалобы и стоны, ей рѣшитель-

но не по нервам и она съ деревяннымъ квіетизмомъ говорить о немъ: «Богъ съ нимъ».

Но послѣднее слово повѣсти и конечный, высшій смыслъ ея заключается, все-таки, не здѣсь, не въ идеализированномъ изображеніи характеровъ и нравовъ, а въ ея морали, которая достойно вѣнчается дѣло. Истерзанная нравственно и физически, Любовь Архиповна принуждена была выйти за ненавистнаго человѣка, продолжала страстно ненавидѣть его, какъ мужа, и вдругъ—опять-таки на *Святой* недѣлѣ, замѣтите!—страстно его полюбила. Какъ это произошло? Но кто же, отвѣтимъ мы на вопросъ вопросомъ, спрашиваетъ, какъ произошло чудо? Чудо можно отвергать или принимать, но анализировать его причины, его происхождение—нелогично. Слабыя попытки Бохановской объяснить этотъ душевный крутой переломъ своей героини естественными психологическими процессами ничего не объясняютъ, да и ни къ чему и не нужны: мы готовы повѣрить автору и на слово,—повѣрить именно чуду, потому что это для насъ съ читателемъ, для нашихъ общихъ воззрѣній ничуть не опасно. Чужая душа потемки,—говоритъ пословица, — и мало ли что можетъ дѣлаться въ этихъ потемкахъ! Но что же дальше? Любовь Архиповна полюбила мужа, — слѣдуетъ ли отсюда, что была права ея мать? Любовь Архиповна осушила свои слезы, — слѣдуетъ ли отсюда, что дѣвочки слезы — вода? Любовь Архиповна счастливо и мирно зажила съ своимъ мужемъ, — слѣдуетъ ли отсюда, что непременно «стерпится—слюбится»? Слѣдуетъ ли вообще изъ личной исторіи и личной удачи Любви Архиповны какое-нибудь общее заключеніе? По логикѣ Бохановской—слѣдуетъ, и слѣдуетъ даже не одинъ, а цѣлый рядъ общихъ выводовъ, къ которымъ именно она и вела, для которыхъ она и всю повѣсть свою написала. Перечислять эти выводы нѣтъ нужды, потому что всѣ они слишкомъ извѣстны и давно занесены и въ пословицы («яйца курицу не учать», «выше лба уши не растутъ», «плетью обуха не перешибешь», «не такъ живи, какъ хочется», и пр., и пр.), и въ литературныя формулы («смирись, гордый человѣкъ», Достоевскаго), и въ поэтическіе образы («смертный! силѣ насъ гнетущей покоряйся и терпи» и пр.). Но что, если бы анекдоту, рассказанному Бохановскою, мы противопоставили длинный рядъ подлинныхъ исторій, окончившихся не такъ гладко и благополучно? Что, если бы передъ лицомъ счастливой Любви Архиповны мы поставили длинную-длинную вереницу измученныхъ женскихъ фигуръ, для которыхъ, какъ для Катерины Островскаго, успокоеніе нашлось только на днѣ омута? Что сказала бы Бохановская? Она сказала бы: «Богъ съ ними, пойдемте дальше». Чего тутъ больше: неразсудительности или бездушія—трудно рѣшить.

«Чего хочетъ Бохановская, того хочетъ Богъ», можемъ сказать мы, пародируя извѣстную французскую поговорку. Для нея не то истинно, что убѣдительно для ума, обязательно для логики, согласно съ фактами, а то, что соответствуетъ ея личнымъ нравственнымъ потребностямъ и вкусамъ. Правится ей наша «старина» (такъ называется другая ея повѣсть) и ни-

какою аргументаціе этого пристрастія поколебать нельзя, — потому нельзя, что основаніе этого пристрастія лежит вообще за предѣлами разума. Литературный талантъ Кохановской, чисто - реалистическій по своей сущности, не позволяя ей слишкомъ обезображивать живые факты, такъ что основа ея разсказа почти всегда точна, но освѣщеніе этихъ фактовъ изумительно. Такъ, разсказавши въ *Старинѣ* о сотникѣ Ефимѣ Лазаревичѣ, одномъ изъ тѣхъ деспотовъ и самодуровъ, какихъ могла воспитывать именно только темная, крѣпостная «старина» наша, Кохановская слѣдуетъ поставить читателя на надлежащую точку зрѣнія: «Намъ, — говоритъ она, — при теперешнемъ владычествѣ общественнаго мнѣнія, почти непонятнымъ является значеніе одиночной личности, не подходящей ни подъ какой уровень и въ своей средѣ превывсившей все, и, какъ дубъ, непоколебимый въ корняхъ, не знающей измѣны и колебанія въ сказанномъ словѣ. То, чего мы достигаемъ теперь общепринятыми формами, силой и посредствомъ закона, тогда полноправно вѣрялось одному достоинству подобной личности, и какъ эта личность умѣла вынести на себѣ честь и долгъ довѣреннаго дѣла!» Вотъ извольте разговаривать съ такими мыслительницами! Двухъ-трехъ элементарнѣйшихъ соображеній было бы достаточно, чтобъ эта мнѣнія «одиночной личности» разсѣялась какъ дымъ, но Кохановской нужны и важны не практическія соображенія, а поэтическія метафоры. «Дубъ, непоколебимый въ корняхъ, дубъ, дубъ, дубъ», — твердитъ она и въ этомъ уподобленіи всѣ ея доказательства. Таковъ нашъ первый обращикъ «женскаго творчества».

III.

Разговариваютъ два человѣка, спорятъ, разбираютъ свою жизнь и пр. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Тяжело ли вамъ вдругъ перенестись отъ высокаго, волнующаго, радующаго вашу душу на вашу обыкновенную жизнь, на вашъ обѣдъ и прочее?... Знаю, что часто это необходимо; но тяжело ли вамъ? Трудно ли, неловко ли, по крайней мѣрѣ, если вы уже не понимаете, что тяжело? Грустная вещь такое воспитаніе, какъ мое! Съ одной стороны, строгое, почти суровое, отдѣленное отъ дѣйствительной жизни и толкующее истины, примѣняемая къ дѣйствительной жизни, оно заставляло меня разбирать всѣ движенія всѣхъ человѣческихъ страстей и, вѣсть съ тѣмъ, твердило, что узнавать ихъ не должно и не стоить. Кажется, я назначенъ былъ жить одною мыслью, прикасаясь, но не приобщаясь земному. Съ другой стороны, раннее свободное чтеніе раскрыло такой широкій кругъ моихъ понятій, что я не зналъ, на чемъ остановиться. Понимаете ли вы, что такое полу-ученье, когда въ классѣ выучать васъ *одному*, а о миллионѣхъ *друго* дадутъ только сбитое понятіе, когда ребенкомъ вы читались того, что не въ пору почувствовать иному взрослому, когда, на обѣду, вы половину забыли, не поняли или поняли превратно, а напомнить, выучить и растолковать некому, некогда, нѣтъ средствъ, нѣтъ времени, наконецъ, къ стыду, нѣтъ охоты...?» и пр., и пр.

Разговоръ этотъ происходилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и намъ хотѣлось бы спросить читателя, кто были, по его мнѣнiю, собесѣдники? Вѣроятно, Бѣлинскiй съ Грановскимъ, — скажетъ онъ. Догадка читателя, хотя и правдоподобная, будетъ, все-таки, невѣрна въ виду того, что одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ дѣлаеть въ разговорѣ цитаты на греческомъ языкѣ, а другой можетъ изъясняться по-латыни, о новыхъ же языкахъ и говорить нечего: оба собесѣдника знаютъ ихъ превосходно. А Бѣлинскiй, какъ извѣстно, былъ плохой лингвистъ, да и Грановскiй затруднился бы, конечно, бесѣдовать по-гречески или по-латыни. Нѣтъ, разговоръ происходилъ между двумя очень молодыми людьми — отставнымъ сельскимъ учителемъ и сельскимъ учителемъ, состоящимъ на службѣ, и нашли мы его въ одномъ изъ самыхъ раннихъ (1850 года) произведенийъ Заіончковской-Хвоцинской, называющемся *Приходскiй учитель*. Александръ Гумбольдтъ, познакомившись съ учебною программой нашихъ кадетскихъ корпусовъ, сказалъ, что онъ не смогъ бы выдержать по ней экзамена. Познакомившись съ нашими сельскими учителями, какъ ихъ изображаетъ Заіончковская, онъ долженъ былъ бы сознаться, что еще не доросъ до ихъ общества, а ужъ объ университетскихъ профессорахъ того времени, конечно, и говорить нечего...

Реальная, прозаическая дѣйствительность была, какъ извѣстно, нѣсколько иная. Изъ тогдашнихъ буръ (герои Заіончковской бурсами) выходили не философы, а искатели «мѣстовъ» и «невѣсть», Табли и шести-ухіе Чабри (герои Помяловскаго); что же касается университетовъ, то, незадолго до описываемаго Заіончковскою времени, въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ катедру философіи занималъ отставной полицейскiй чиновникъ. Заіончковской было двадцать пять лѣтъ отъ роду, когда она писала свою повѣсть, и какъ бы ни велико могло быть невѣдѣніе жизни со стороны провинціальной барышни, она, все-таки, не могла доходить до фантастическихъ преувеличеній, тѣмъ болѣе, что это была не заурядная барышня, а будущая звѣзда русской литературы. Въ чемъ же объясненіе?

Прошу читателя позволить мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Три года тому назадъ, рецензируя послѣднiй романъ Заіончковской *Обязанности* (*Сѣверный Вѣстн.*, апрѣль 1888 г.), я, между прочимъ говорилъ, *): «любовь къ человѣчеству и вѣра въ нравственные идеалы слишкомъ живучи и дѣятельны у г. Крестовскаго (псевдонимъ Заіончковской), чтобы допустить его до безотрадннхъ общихъ выводовъ. «Я мало встрѣчалъ хоро-

*) Къ слову сказать, г. Семевскiй въ своихъ статьяхъ о Заіончковской (*Рус. Мысль* 1890 г., кн. XII), на основанiи какаго-то «раскрытія» г-жи Винницкой, ошибочно приписалъ эту нашу рецензію другому лицу. Дѣлаемъ эту поправку не только въ видахъ фактической точности, но и нравственной справедливости: Хвоцинская была очень недовольна, по свидѣтельству г. Семевскаго, этою рецензіей, и пусть же отвѣтственность за это недовольство падаетъ на голову дѣйствительнаго виновника, на нашу голову.

шихъ людей, но не можетъ быть, чтобы ихъ и на дѣлѣ было мало, потому что живъ Богъ и жива душа моя»,—вотъ та логика или, вѣрнѣе, то чувство, которое руководитъ г. Брестовскимъ незамѣтно для него самого. Его добродѣтельные герои добродѣтельны до сверхъестественнаго, добродѣтельны какъ пропись, какъ букварь, и именно потому въ нихъ очень мало человѣческаго. Эти слова, сказанныя нами о романѣ *Обязанности*, цѣликомъ могутъ быть примѣнены и къ повѣсти *Приходскій учитель*, а такъ какъ между этими двумя произведеніями лежитъ промежутокъ почти въ сорокъ лѣтъ, въ который укладывается вся литературная дѣятельность Заіончковской, то понятно, что они характеризуютъ и всю эту дѣятельность, не имѣвшую никакихъ крупныхъ и рѣзкихъ переломовъ.

Какъ видитъ читатель, задача, поставленная себѣ Заіончковской, та самая задача, которая занимаетъ и Бюхановскую. Рѣшаютъ эту задачу обѣ писательницы по-своему и рѣшенія ихъ противорѣчатъ другъ другу; но важность, которую онѣ придаютъ индивидуально-нравственному идеалу, этому искомому *иску* своей задачи, совершенно въ ихъ глазахъ одинаково велика. Личность въ глазахъ Заіончковской совершенно заслоняетъ собою общество. Если человѣкъ вооружился солидными знаніями, запасся умственнымъ развитіемъ и глубоко проникся правилами здоровой морали, то этого, по мнѣнію Заіончковской, и достаточно вполне, чтобы обезпечить ему и успѣшную дѣятельность, и радостную жизнь, и невозмутимый миръ чистой совѣсти. Но если бы писательница Заіончковская, съ тѣмъ же своимъ блестящимъ литературнымъ талантомъ и съ тою же своею страстью къ моральной пропагандѣ, жила среди повально безграмотнаго и повально безнравственнаго общества,—развѣ она не оставила бы свои литературныя занятія? И если бы не оставила, то ея упорство развѣ не было бы въ такой же степени смѣшно, какъ и безпомощно? Если же нельзя работать безъ публики, то можно ли работать безъ общества? Допустимъ, что въ провинціальной дореформенной глуши нашей появился такой исключительный герой, какъ приходскій учитель Заіончковской. Все есть у него: умъ, образованіе, огромная начитанность, молодая энергія, готовность на всякіе труды и лишенія, не хватаетъ только одного: воздуха. Да, воздуха, нравственной атмосферы, той, скажемъ устарѣлымъ словомъ, *среды*, которая бы давала возможность жить и дышать. Вчера равнодушіе, сегодня непониманіе, завтра подвохъ, послѣ-завтра предательство, и такъ изо дня въ день, безъ отдыха, безъ просвѣта, безъ тѣни поддержки и сочувствія, — такого испытанія не выдержитъ никакой идеалистъ и найдетъ себѣ тотъ или другой исходъ: или уйдетъ поближе къ умственнымъ центрамъ страны, гдѣ будетъ чувствовать и сознавать себя не однимъ въ полѣ воиномъ, или превратится въ ожесточеннаго *реалиста*, или, наконецъ, надорветъ или прямо разобьетъ свое физическое существованіе. Такими исторіями полны наша жизнь и наша литература, но чтобы человѣкъ и дѣятель, опираясь единственно только на свои внутреннія силы, счумѣлъ не только сохранить, но и утилизировать свои высшія ду-

ховныя свойства, несмотря ни на какія помѣхи и препятствія,—этого никогда въ жизни не бывало, а случалось нѣчто подобное только въ сказкахъ, при содѣйствіи благодѣтельныхъ волшебниковъ. Божественное приказаніе:

„Встань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполниись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“—

это приказаніе можетъ быть исполнено не только при наличности *пророка*, но и при наличности *людей*, у которыхъ есть *сердца*. Желудки и утробы довольно трудно разжечь глаголами, хотя бы то и пророческими.

Въ болѣе позднемъ своемъ произведеніи, романъ *Баритонъ*, Заіончковская стала на болѣе прочную почву, на почву изображенія личности, взятой не внѣ условій времени и мѣста, а въ связи съ общимъ характеромъ жизни. Въ дѣятельности Заіончковской можно вообще легко замѣтить борьбу двухъ литературныхъ теченій, изъ которыхъ одному—индивидуалистическому и моральному—она служила по натурѣ, по органической склонности, другому—общественному—она приносила извѣстныя жертвы ради своихъ теоретическихъ принциповъ. А такъ какъ натура, конечно, сильнѣе какихъ бы то ни было принциповъ, то въ дѣятельности Заіончковской анализъ личности и моральная пропаганда занимаютъ гораздо большее мѣсто, нежели анализъ общественныхъ формъ и отношеній. Даже въ такомъ произведеніи, какъ *Первая борьба*,—произведеніи, задуманномъ и написанномъ прямо въ духъ партіи и на тему, тѣсно соприкасающуюся съ злобой дня, Заіончковская осталась, въ сущности, моралисткой. Она неумолимо казнить своего героя и, можно сказать, съ грязью его мѣшаетъ; но за что, главнымъ образомъ? Не за то, что онъ — вредный дѣятель, а за то, что онъ—дурной человекъ.

Самымъ значительнымъ, по крайней мѣрѣ, самымъ популярнымъ произведеніемъ Заіончковской является ея романъ *Большая медведица*, на которомъ мы теперь и остановимся—не для подробнаго разбора, конечно, а для иллюстрированья основной мысли нашихъ статей. Съ перваго же приступа къ роману читатель встрѣчаетъ нѣсколько глубокихъ и блестящихъ страницъ, заставляющихъ ожидать отъ автора очень многого. Страницы эти содержатъ въ себѣ характеристику русскаго общества въ эпоху крымской кампаніи,—характеристику одинаково замѣчательную какъ по красотѣ слова и энергіи негодующаго чувства, такъ и по глубокой внутренней своей правдѣ. Характеристика эта понадобится намъ дальше и мы сдѣлаемъ теперь изъ нея небольшое извлеченіе:

„Общество не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ—не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса. Оно существовало; оно было формально устроено, формально ограждено. Тому, кто умѣлъ, не запрещалось богатѣть, какъ умѣлъ; на способы смотрѣли снисходительно; если они были обставлены нужною формальностью, о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Выработывалась легкая совѣсть;

никому не запрещалась удача. Перед удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней неопредѣленной печали стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу, тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство; можетъ быть, отъ порчи, въѣдавшейся въ это довольное рабство. Последнее едва ли не вѣрнѣе: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи: преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу. Своекорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельчало мыслью, сжималось по кружкамъ, дробилось на единицы, и каждая въ этихъ единицахъ привывала дорожить только собою. Самое слово „гражданскій долгъ“ считалось фразой. Выработывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключающій всякое прямое названіе вещей по имени. Но языка сильнѣе было и не нужно, — говорить было нечего. Для такъ называемыхъ „высокихъ предметовъ“ были высокіе казенные образцы слога, и тѣ повадобились только въ последнее время, и то для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Укрѣплялось и укрѣпилось одно убѣжденіе: что все хорошо какъ есть, потому что такъ — покойно... Общество облежалось на узкой и короткой постелѣ, гдѣ засыпало, и осмѣивало, осуждало тѣхъ немногихъ, которые смѣли увѣрять, что мириться съ подобнымъ положеніемъ и невыгодно, и нечестно. Но такіе голоса раздавались рѣдко и осторожно; такихъ людей презирали, когда не боялись; отъ нихъ сторонились. Въ свою очередь мельчали и эти люди, тратя на звонкія слова и провинціальныя придирки душевную силу, при другихъ условіяхъ годную для многого хорошаго; въ свою очередь и они дѣлались виноватыми, когда, уставъ отъ своего одинокаго протеста, не вида отъ него пользы ни себѣ, ни другимъ, вдругъ круто сворачивали въ общую колею, во всѣмъ предестямъ лѣни, барства, крѣпостнаго права, бессмыслия, всего, въ чемъ погрязали всѣ, — и эти всѣ встрѣчали ихъ сначала съ насмѣшкой, какъ новообращенныхъ, потомъ съ привѣтомъ, какъ своихъ. Эти новообращенные только хуже подрывали кредитъ правды, здраваго смысла и достоинства: на нихъ указывали какъ на примѣръ того, что съ ихъ прежними понятіями жить нельзя и не должно, какъ на доказательство и подтвержденіе благоустройства общества въ его настоящемъ видѣ“...

Разсуждать объ этой характеристикѣ по существу намъ нѣтъ надобности и для насъ важно отмѣтить лишь то, что эта характеристика, сдѣланная публицистомъ Заіончковской, содержитъ рядъ вѣскихъ указаний для романистки Заіончковской. Въ самомъ дѣлѣ, если общество «благоговѣло передъ удачей», то справедливо ли и нужно ли негодовать противъ удачниковъ? Если общество было «своекорыстно отъ отсутствія всякаго общаго интереса», то за что же взыскивать съ людей, не понимавшихъ ничего, кромѣ личнаго интереса? Если господствовало убѣжденіе, что «все хорошо какъ есть, потому что такъ — покойно», то откуда же было взятъ протесту? Если вообще «самое слово *гражданскій долгъ* считалось фразой», то не напрасно ли было бы искать гражданъ въ такомъ обществѣ? При такихъ условіяхъ мыслителю тутъ было бы о чемъ подумать, — хотя бы, на примѣръ, объ «узкой и короткой постелѣ», — но моралисту, проповѣднику личнаго нравственнаго идеала тутъ, конечно, дѣлать было нечего. Между тѣмъ, Заіончковская, такъ хорошо освѣтившая *общее* положеніе дѣлъ того времени, является въ своемъ романѣ чистѣйшею моралисткой, которая караетъ грѣшниковъ и награждаетъ праведниковъ. За что она караетъ первыхъ? Вѣдь, они только приспособились къ положенію, не ими созданному. И гдѣ Заіончковская взяла вторыхъ? Вѣдь, даже и лучшіе люди «круто сворачивали въ общую колею, во всѣмъ предестямъ лѣни, барства, крѣпостнаго права, бессмыслия».

Заюнчковскую не затруднили эти вопросы, хотя они вытекали из ее же собственной характеристики, и она, как истая ригористка и моралистка, вѣруя, что подлинная добродѣтель ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, даетъ намъ въ лицѣ управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Багрянскаго такого героя долга и чести, съ которыми только едва-едва можно поставить рядомъ Аристида, Брута и Катона. Да, въ то время, когда одинъ славянофилъ громилъ тогдашніе суды, полные «неправды черной», когда другой славянофилъ въ тяжеломъ раздумьи спрашивалъ себя:

„Служить или не служить? да, вотъ вопросъ!
Какъ сильно онъ мою тревожитъ душу!
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обѣтъ нарушу?“—

въ это время Заюнчковская безъ всякихъ хлопотъ обрѣла въ «палатѣ» удивительнаго человѣка, который тридцать лѣтъ шелъ рука объ руку, съ одной стороны, съ пострадавшимъ за правду Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ, а съ другой—съ угождавшимъ всѣмъ людямъ безъ изъятія Молчалинымъ и, тѣмъ не менѣе, не оставилъ на своей совѣсти ни единого пятнышка. Мало того, что не оставилъ пятна на *своей* совѣсти, палатскій Аристидъ не можетъ снисходительно смотрѣть и на чужіе грѣхи. «Что такое?—вскричалъ Багрянскій,—кому это права? кому это устроить жизнь? Какія имъ блага нужны? Да стоять ли жизни эти люди? Долой ихъ совсѣмъ съ лица земли, уничтожайте ихъ, казните, законно избавляйте отъ нихъ общество! Человѣческой природѣ должно быть возмутительно преступленіе, а не кара. Щадить плевелы... За что Господь низложилъ Саула? За то, что тотъ не до послѣдняго истребилъ нечестивыхъ, разсуждать вздумалъ, сдѣлалъ уступочку во имя состраданія... Щадить злодѣя... Давайте мнѣ его, я съ наслажденіемъ, крестясь, подпишу ему смертный приговоръ!»

«Ахъ, какія нѣжности при нашей бѣдности», какъ говоритъ какая-то купчиха у Островскаго. Дѣйствительно, нѣжности при бѣдности: общество размышлять не выучилось, азовъ общественности не знаетъ, утратило различіе между бѣлымъ и чернымъ, честнымъ и безчестнымъ и «доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности», а Багрянскій рекомендуетъ «истреблять нечестивыхъ», «законно избавлять отъ нихъ общество»! Чтобы остаться послѣдовательнымъ, нашему Аристиду слѣдовало бы обратиться въ Калигулу и пожелать, чтобы у общества была только одна голова: только такимъ способомъ и можно было бы избавить общество отъ общества. Правда, что тогда Багрянскому пришлось бы остаться одному, среди необозримыхъ пустынь «государственныхъ имуществъ», за то торжество прикладной морали было бы полнѣйшее.

Любопытно, конечно, посмотрѣть на этого героя въ его дѣятельности. Читатель долженъ уже заранѣе догадываться, что это собственно не дѣя-

тельность, а война, избіеніе палатскихъ младенцевъ, которые, исчезая съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, изъ нѣдръ палаты, никакъ не поймутъ, за что на нихъ обрушиваются эти египетскія казни: работали они, «какъ всѣ», взятки брали, «какъ всѣ», къ начальству относились почтительно, съ подчиненными были строги, съ просителями благосклонны и предупредительны. Чего еще больше? Но на Багрянскаго не угодишь, и вотъ какъ онъ, не безъ очевиднаго чувства самодовольства, рассказываетъ о своихъ служебныхъ подвигахъ: «Вотъ, сейчасъ вы застали, она (дочь) всѣми силами держитъ, не пускаетъ меня въ палату. Почему? Потому, что я тамъ камня на камнѣ не оставлю! Я тоже, вотъ, положился, сантиментальничалъ, а меня провели! Меня!... Лѣсъ тамъ одинъ... Надѣялись, я въ ту сторону не взгляну,—далеко болота,—а я будто чувствовалъ: прямо туда. Доносили мнѣ, писали,—все въ порядкѣ; все есть, и планы, и вѣдомости. Приѣхалъ, а лѣса одна опушка, декорация... Ужъ лѣсничій съ окружнымъ слѣдили, а господинъ совѣтникъ лѣснаго отдѣленія... Вотъ вамъ люди! женился недавно, сорокъ тысячъ приданого взялъ,—это онъ, прахъ его возьми, на казенный лѣсъ невѣстѣ подарочки дѣлалъ! Надѣялись, я не спохвачусь,—некогда, подати, наборъ... А, наборъ!... Черти, они меня уложили! Вѣдь, я тамъ что дѣлалъ, въ округахъ, въ волостяхъ? Ловилъ, ловилъ мошенниковъ, какъ гончая! Шпіоновъ держать за ними надобно, самому надо такимъ же быть, только тогда ихъ постигнешь... Извольте, напримѣръ, списокъ рекрутскій; точка противъ имени муха сдѣлала; что съ нея возьмешь? Я смотрю, что ужъ такъ много. А точка значить *затылокъ*; точки-то все богатенькія, большія семьи, власти сельскія; кто отнесъ окружному, кто доктору... Вѣдь, сами своихъ продаютъ, безумные, Бога забыли, дворы разоряютъ,—двойниковъ, одиночекъ... Баба въ волостномъ правленіи скатилась мертвая, тутъ и пришло, —сына взяли послѣдняго... Все это видѣть, все это разобратъ... Вѣдь, это что такое было? я съ утра до ночи кричалъ, ругался, дрался; окружныхъ трехъ истребилъ, а ужъ писарей, головъ... Но своего добился, чисто все сдѣлано, передъ Богомъ». Такова была дѣятельность Багрянскаго. Безполезно, надѣмся мы, доказывать, что его самодовольное «своего добился» было сладкимъ самообманомъ. Багрянскій могъ добиться кое-чего въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, но такъ какъ общій принципъ сохранялъ всю свою силу и не Багрянскому было бороться съ нимъ, то все, въ сущности, оставалось по-старому: на мѣсто прогнаннаго Чичикова опредѣлялся другой, а когда Багрянскій прогонялъ и этого, являлся третій, точь-въ-точь такой же. Исторія эта не новая и извѣстная, и ее, только въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ, продѣлалъ самъ главный начальникъ Багрянскаго—тогдашній министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ. Если ужъ этотъ государственный человѣкъ, далеко выходявшій изъ ряду вонъ по своему уму и по своей энергіи, не могъ ничего сдѣлать въ своемъ министерствѣ, которое было его созданиемъ и въ которомъ онъ рас-

поряжался совершенно безконтрольно, то напрасно было Заюнчковской расписывать подвиги такой мелкой сошки, какъ Багрянскій, дѣятельность котораго, не говоря уже о сколько-нибудь крупныхъ практическихъ результатахъ, не имѣла даже значенія морализующаго примѣра: «собака на снѣгѣ», говорили про него прогнанные чиновники и отправлялись красть въ другое мѣсто. То, что Багрянскій считалъ общественнымъ служеніемъ, въ ихъ глазахъ было не болѣе, какъ личнымъ юродствомъ, подражать которому нисколько не обязательно и даже изъ рукъ вонъ глупо.

Заюнчковская не только отдаетъ свои симпатіи этому бюрократическому ригористу, но и сооружаетъ для него нѣкоторый пьедесталь, «дабы всѣмъ видѣнъ былъ, какъ городъ на горѣ». Для моралистики это послѣдовательно: превознося Багрянскаго, она защищаетъ свое собственное дѣло. Съ отвлеченно-нравственной точки зрѣнія, Багрянскій въ самомъ дѣлѣ безукоризненъ: онъ знаетъ, что восьмая заповѣдь гласитъ «не укради», и послѣдовательно проводитъ это свое знаніе или свое убѣжденіе на практикѣ, т. е. и самъ не крадетъ, и другимъ красть мѣшаетъ. А утилитарное соображеніе, что онъ *не можетъ* помѣшать красть при данныхъ условіяхъ, что его хлопоты и заботы *не могутъ* дать никакихъ прочныхъ результатовъ,—это соображеніе его не касается. Позволительно ли спрашивать о возможности, когда рѣчь идетъ объ обязанности? Развѣ «должно» и «можно», въ сущности, не одно и то же? «Хоть тресня, да полѣзай», какъ выразился солдатъ въ извѣстномъ анекдотѣ. Хорошо,—замѣчаетъ на это живая человѣческая личность,—я, извольте, «тресну»: что же дальше-то? Вѣдь, «треснувши», я ужъ окончательно лишуюсь всякой надежды «пролѣзть» хотя бы въ далекомъ будущемъ. «Да, возразить моралистъ, но за то почтенъ нравственный идеалъ, а въ этомъ все дѣло. Не идеалъ для тебя, а ты для идеала». Не дай Господи попасть въ руки этимъ изувѣражъ и фанатикамъ бездушнѣйшей отвлеченности!

Какъ характеръ, какъ типъ, Багрянскій обрисованъ авторомъ очень строго, вѣрно и выпукло: это неумолимый и неуклонный Донъ-Бихоть, который самоотверженно куврыкается и мужественно бьетъ барановъ въ честь Дульцинеи Тобовской. Какъ сказано, Заюнчковская симпатизируетъ своему герою и уважаетъ его, но ей сердцу еще ближе настоящая героиня романа—Катерина, дочь Багрянскаго. И недаромъ: воззрѣнія Катерины отличаются какъ разъ тою же двойственностью и нерѣшительностью, какая замѣчается и въ воззрѣніяхъ самой Заюнчковской. Приведемъ два обращенія рѣчей Катерины Багрянской. «Всякій воленъ дѣлать свое дѣло. Дѣлать должно, какое бы оно ни было маленькое. Если въ силахъ больше—тѣмъ лучше; разница въ способностяхъ, въ возможности, въ случайностяхъ. А заслуга одинакая: одинаково необходимо, одинаково трудно—сравнительно. И обязанность одна: дѣлай до конца, бейся, погибни на дѣлѣ... Не крупными дѣлается дѣло, а всѣми. По-одиночкѣ — капля, въ сложности—волны, хорошія, сильныя...» Это говоритъ дочь, но съ пол-

нымъ правомъ могъ бы сказать и отецъ, потому что, очевидно, это вариации все на ту же тему: «хоть тресни, а полъзай». Если «всякій воленъ дѣлать свое дѣло», то, конечно, всякій подлежитъ ответственности за бездѣлье. Если человѣкъ есть «капля» и его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы быть частицею «волны», то, конечно, не для чего особенно озабочиваться участіемъ этой капли: пусть даже «треснетъ», лишь бы «лѣзла». Какъ видите, все то же, тѣ же знакомые мотивы. Бъ удивленію, на слѣдующей же страницѣ мы находимъ такую тираду Катерины: «Отчего лѣнливые—лѣнливы, безсовѣстные—безсовѣстны? Оттого, что у нихъ, ни много, ни мало, отнято право не только имѣть гражданское чувство, но даже право понимать, что это такое. Удивительно! Гражданское чувство, гражданскій долгъ—простѣйшія вещи, всѣмъ близкія, всѣмъ общія,—изъ нихъ сочинено Богъ вѣсть что, заоблачное, недоступное, однимъ великимъ міра подобающее. Что глаза закрывать, что себя обманывать? Въ обществѣ нѣтъ гражданскаго чувства—умерло,—такъ пусть оно поднимется въ народѣ». Не изумительно ли это? Съ одной стороны, далеко не всякій воленъ имѣть гражданское чувство; съ другой стороны, всякій воленъ дѣлать свое дѣло. Но какое же не личное дѣло я могу дѣлать, если во мнѣ нѣтъ гражданскаго чувства? Я воленъ читать какія угодно мнѣ книги, но азбукъ выучиться я не воленъ и у меня «отнято право даже понимать», что такое азбука: неужели это не на смѣхъ сказано? Объ аркадской фантазіи Катерины—пробудить гражданское чувство въ закрѣпощенномъ народѣ, конечно, не стоить и говорить, какъ, впрочемъ, не стоило бы говорить и о ея логикѣ, если бы эта логика не была, въ то же время, логикой самой Заіончковской. Да, высокогалантливая писательница всю жизнь старалась и всю жизнь не могла совлечь съ себя ветхаго человѣка, и заключила свою литературную дѣятельность, повторяя тѣ же самыя вокабулы индивидуализма и морализма, съ которыми она и вступила въ литературу. Не совсѣмъ, впрочемъ, тѣ же. Проповѣдь (тоже чисто-моральная) непротивленія злу, громко раздавшаяся въ нашей литературѣ, не осталась безъ вліянія на Заіончковскую. Послѣдній большой романъ ея *Обязанности* написанъ подъ очевиднымъ вліяніемъ этой проповѣди и отсюда регрессъ Заіончковской даже въ родной ей сферѣ личной морали. Авторъ *Большой медвѣдицы* училъ насъ понятію о долгѣ, говорилъ о святости труда («если бы мнѣ власть, я заморила бы на работѣ»,—говорила любимица Заіончковской—Катерина Багрянская), о ненависти къ преступленію, о законности борьбы и т. д. Авторъ *Обязанностей*, прямо отъ своего авторскаго лица, предлагаетъ слѣдующее многозначительное изреченіе: «чтобы остаться правымъ, должно прощать безконечно». Прошу позволенія и по этому пункту привести свои прежнія слова: «Хороша эта мораль, да съ нею жить нельзя. Въ безконечномъ прощеніи нѣтъ правды, потому что нѣтъ справедливости. *Мнѣ отщепеніе, и Азъ воздамъ*,—но мы, люди, созданы по образу и подобию Божію, и если мы въ силахъ, то, значить, и въ правѣ приобщиться

къ божественному чувству справедливаго возмездія—и не изгоняйте насъ изъ этого рая, не лишайте насъ этой послѣдней радости. Мораль, рекомендующая вести жизненную борьбу не руками, а собственными богами, никогда не привьется къ людямъ прочно, *и у курицы есть сердце*,—позвольте сердиться, негодовать, ненавидѣть и намъ, людямъ».

Читатель ждетъ, конечно, общихъ выводовъ. Ему придется повременить, пока мы сдѣлаемъ нѣкоторую экскурсію къ произведеніямъ г-жъ Смирновой и Шапиръ, откуда постараемся добыть новыя данныя, и тогда, во всеоружіи фактовъ, попытаемся подвести общій итогъ.

М. Протопоповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ статьѣ „Н. Д. Хвощинская-Заюнчковская“.

Въ октябрьской книгѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ, въ статьѣ *Н. Д. Хвощинская-Заюнчковская*, В. И. Семевскій говоритъ, что въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ нѣкоторыя стороны во взглядахъ Хвощинской крайне раздражали тогдашнихъ передовыхъ людей. Раздражительно относился къ Хвощинской и М. Ил. Михайловъ. «Это отношеніе къ ней Михайлова, а также откровенное выраженіе Хвощинскою антипатіи къ нѣкоторымъ полемическимъ приемамъ сотрудниковъ *Русскаго Слова* могло, по мнѣнію В. И. Семевского, создать почву для того рѣзкаго и незаслуженнаго осужденія ея произведеній, какое мы видимъ въ статьѣ журнала *Дѣло* 1870 года, подъ названіемъ *Женское бездушіе*».

Въ ноябрьской книгѣ В. И. Семевскій дѣлаетъ выдержки изъ этой статьи, въ примѣчаніи приводитъ мѣста изъ моего письма къ Надеждѣ Дмитріевнѣ въ декабрѣ 1874 года и ея слова по поводу этого письма: «Я отвѣчала ему и все свое письмо исплакала».

Вотъ это письмо Надежды Дмитріевны:

10 декабря 1874 г. Рязань.

«Сію минуту прочтала ваше письмо, Николай Васильевичъ, и протягиваю вамъ обѣ руки. Оно меня много, горько обрадовало. Не перечесть всего, что оно мнѣ напомнило, далекаго, хорошаго, тяжелаго лучшихъ годовъ. Если вамъ хотѣлось бы поплакать, то я пишу вамъ и плачу. Но я не могу быть не сама собой, особенно передъ вами; я не могу не высказаться именно вамъ теперь, когда вы сами вспомнили меня. Я не удивилась, что вы мнѣ написали: вы никогда не могли и не имѣли права отказать отъ меня, какъ отъ человѣка. Я тогда, три года назадъ, удивилась, что вы отдали на осужденіе всѣхъ нашихъ общихъ недруговъ всю мою дѣятельность, какъ человѣка... Въ художественномъ отношеніи занимала и я свое мѣсто; никто лучше меня не видитъ моихъ промаховъ, незнанія,—словомъ, всего, что справедливо осмѣивается. Я давно никогда бы не писала, если бы не необходимость работать; изъ-за нея я и пишу такъ много. Но, рѣшившись на эту поденщину, я сказала себѣ, что никогда не проговорюсь нечестнымъ словомъ, не измѣню той правдѣ, которой вѣра

общая съ лучшими людьми; эту вѣрой я равна съ этими людьми. И вдругъ *вы* (*вы*—только одно это слово!) говорите, будто *все*, что я дѣлала слишкомъ двадцать лѣтъ, *нечестно!* Никакими словами не скажешь, что я вынесла этой нравственной боли, этого сомнѣнія въ самой себѣ. Мнѣ было необходимо пройти всю свою жизнь, всѣ помыслы и дѣйствія, чтобъ убѣдиться снова, что я не виновата. Виноватый были вы. Это мнѣ было также горько. Вы не подумали, когда писали вашу статью, что бдете не по тупому самолюбію, а по живому, по душѣ и убѣжденіямъ чловѣка. Но говорю вамъ, какъ честный чловѣкъ, я не почувствовала ничего, кромѣ глубокаго горя, и вы остались для меня тѣмъ же высокоуважаемымъ дѣятелемъ, на котораго мы должны глядѣть, какъ на примѣръ. Вы только ошиблись и не досмотрѣли. Вы, можетъ быть, думали, что это примется легко. Странно сказать: можетъ быть, у васъ на глазахъ бывали примѣры, что такія сужденія принимались легко. Теперь, когда это прошло, когда у меня въ глазахъ ваше письмо, — этотъ залогъ вашего добраго, дорогаго для меня чувства, — я только попрошу васъ всегда помнить, что я *ваша*, что мои убѣжденія нераздѣльны съ моею жизнью, а другую сторону — художественность, писательство — предоставляю кому угодно, не только вамъ, отдѣлывать по заслугамъ. Это только работа, а не мои внутреннія чувства. Жизнь, которою мы живемъ, слишкомъ темна, чтобы я, писатель десятаго разряда, осмѣливался прибавлять къ ней и свое зло. Этого не бывало и никогда не будетъ. Я не могу высказывать все, что думаю, да и не хватаетъ у меня на это дарованія, но ручаюсь за себя: до конца жизни не скажу того, чего не думаю, и ничто меня не заставить. Счастье въ нашей темнотѣ—вотъ оно: чрезъ много лѣтъ встрѣтить воспоминаніе, которое и радуешь, и ободряешь, съ которымъ связано столько дорогаго и общественнаго, и личнаго.

«Не знаю, какъ васъ благодарить за письмо. Слѣдую тоже своему первому движенію и высказываюсь: какъ бы хотѣлось, чтобы еще когда-нибудь, когда у васъ будетъ лишняя минута и захочется сказать слово, которое будетъ судомъ критика, вы написали мнѣ еще. Какъ бы это было хорошо! Крѣпко обнимаю Людмилу Петровну и желаю вамъ всевозможнаго лучшаго.

«Преданная вамъ

Н. Заюнчковская».

Давно все это было и для этого давняго наступила уже исторія. Прибавлю—исторія безпристрастная.

По словамъ В. И. Семевского выходитъ какъ будто, что на мой отзывъ о Надеждѣ Дмитриевнѣ имѣло вліяніе раздражительное отношеніе къ ней Мих. И. Михайлова и ея антипатіи къ полемическимъ приѣмамъ *Русскаго Слова*. Но Михайловъ оставилъ Петербургъ въ 1861 году, а статья *Женское бездушіе* явилась въ 1870 году; антипатіи Хвоцинской относились къ полемическимъ приѣмамъ сотрудниковъ *Русскаго Слова*, а статья была напечатана въ *Дѣлѣ*, въ которомъ эти сотрудники уже не участвовали.

Хвоцинская по своему умственному развитію принадлежала къ преж-
нему «дудышкинскому» времени. Потому ея взгляды нѣсколько пополни-
лись и въ *Альбомъ* (послѣ котораго я написалъ ей письмо) являются
уже новыя струйки. Надежда Дмитріевна была очень хорошій человекъ *во-
обще* и съ сильно развитымъ чувствомъ гуманности и справедливости.
Очень можетъ быть, что именно поэтому-то политическое мышленіе, кото-
рое всегда партійно, а тѣмъ болѣе его крайнія направленія, не обнаружи-
вало надъ нею своей власти. Хвоцинская не была боевымъ человекомъ.
Она была больше всего сестра милосердія.

Въ 1870 году, когда было написано *Женское бездушіе*, шла борьба
крайнихъ политическихъ идей и вопросъ о *своихъ* и *не своихъ* ставился
довольно тѣсно.

Статья моя, правда, была написана рѣзко, да, вѣдь, не рѣзко и пи-
сать бы не стоило. И по времени все это было такъ и иначе быть не
могло.

Въ теперешнее время подобная статья, конечно, не появилась бы и
была бы несправедлива, потому что рамки для *своихъ* и *не своихъ* порас-
ширились.

Поэтому мнѣ думается, что на это прошлое дѣло нужно смотрѣть или
поуже, съ партійной, политической точки зрѣнія, или *пошире*—съ объ-
ективной, исторической, чтобы не получалось сторонъ, если имѣется въ
виду дать общую картину времени.

Это замѣчаніе, пожалуй, непримѣнимо къ статьѣ, о которой идетъ
рѣчь. Авторъ стоитъ на психологической точкѣ зрѣнія, судить Хвоцин-
скую по ея совѣсти, какъ это и слѣдуетъ, и остается вездѣ послѣдова-
теленъ. Истина хотя и получается, но не вся.

Въ статьѣ *Женское бездушіе*, кромѣ того, что я говорилъ о Хвоцин-
ской (статьи этой у меня нѣтъ и провѣрить себя я не могу), было, вѣ-
роятно, что-нибудь и общее. У меня сохранилось два письма, вызванныхъ
этою статьѣй. Оба изъ провинціи и отъ женщинъ.

«Только что прочла вашу статью въ сентябрьской книжкѣ *Дѣла: Жен-
ское бездушіе*,—говорится въ одномъ письмѣ,—и крѣпко жму вамъ за нее
руку. Вы освѣжили, отрезвили провинціальную женщину. Побольше, по-
больше такихъ статей, господинъ Шелгуновъ, и вы и Крестовскаго, авось,
направите на истинный путь, а что провинцію женскую пошевелите, такъ
объ этомъ и говорить нечего. Правда, вы говорите рѣзкую правду, но
васъ, я увѣрена, полюбятъ...» и т. д.

Въ другомъ письмѣ говорится уже совсѣмъ иное, хотя и это письмо
вызвано тоже общимъ содержаніемъ *Женскаго бездушія*: «Ваши постоян-
ныя нападенія на женщинъ вообще и на провинціальныхъ въ особенно-
сти вызываютъ насъ сказать хоть нѣсколько словъ въ свою защиту.
Вашъ взглядъ на этотъ вопросъ несправедливъ. Во-первыхъ, вы забыва-
ете свое собственное правило: никогда не писать о томъ, что за глазами
и чего положительно не знаешь, а вы въ провинціи или совсѣмъ не жи-

ш, или оставили ее давно и все еще живете подъ тѣми же вынесенными въ былое время впечатлѣнїями (статью я писалъ въ провинціи). Во-вторыхъ, несправедливо и то, будто все развитое, энергичное и мыслящее ѣхать въ Петербургъ, оставляя въ провинціи лишь однѣ дырлыя голубы...» и т. д. Идетъ опроверженіе тѣхъ обвиненій, которыя были въ статьѣ, и перечисляется, что приходится дѣлать женщинѣ по воспитанію цѣтей, домашнему хозяйству и проч.

Письма эти я привелъ, между прочимъ, и для характеристики нашего читателя. Одинъ читатель у насъ теоретическій, идейный, ищущій и стремящійся. Онъ всегда на сторонѣ того, что толкаетъ и будитъ. Поэтому онъ на сторонѣ порицающаго автора.

Другой читатель (личникъ) смотритъ на все черезъ очки своего «я» и не переноситъ никакихъ порицаній, даже самыхъ общихъ; сейчасъ же приметъ все на свой счетъ, сдѣлаетъ автору выговоръ, а о себѣ скажетъ, что онъ не такой. Водился у насъ такой не общественный читатель двадцать лѣтъ назадъ и сохранился онъ еще и до нынѣ.

Н. Шелгуновъ.

Послѣдняя сессія московскаго земскаго собранія.

Четыре мѣсяца тому назадъ Москва праздновала двадцатипятилѣтній юбилей дѣятельности г. Наумова въ качествѣ предсѣдателя московской губернской земской управы. На торжествѣ юбиляру высказаны были похвалы за его многолѣтнюю, безупречную дѣятельность, за его неослабное охраненіе земскихъ интересовъ, за то, наконецъ, что его энергическими и разумными усиліями московское земство поставлено на степень образцоваго общественнаго учрежденія. Газеты вторили этимъ юбилейнымъ рѣчамъ, закрѣпляя въ обществѣ увѣренность въ томъ, что московское земское самоуправленіе нашло достойныхъ исполнителей въ лицѣ губернской управы и ея предсѣдателя.

Черезъ два мѣсяца послѣ юбилея открылось очередное губернское земское собраніе. Управа предстала передъ гласными съ тѣмъ спокойствіемъ, которое должно быть присуще людямъ, исполнившимъ свой долгъ; публика отнеслась довольно безучастно къ предстоящей сессіи, справедливо ожидая, что она собрана лишь для формальнаго подтвержденія полномочій своимъ опытнымъ и добросовѣстнымъ исполнителямъ. Но произошло нѣчто совершенно неожиданное. На земскомъ собраніи раздались смѣлые и громкіе голоса, утверждавшіе, что земское хозяйство ведется ненадлежащимъ образомъ, указанъ былъ цѣлый рядъ ошибокъ и упущеній со стороны управы, потомъ предъявлены были прямыя обвиненія въ небрежности, нерадѣніи къ земскимъ интересамъ, неразумномъ расходованіи денегъ и, наконецъ, сдѣланъ общій выводъ, что дѣйствія управы заслуживаютъ порицанія собранія. Противники земскихъ учреждений, въ лицѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, пошли еще дальше: формулируя всѣ сдѣланныя на собраніи обвиненія, они пришли къ заключенію, что дѣятельность управы «обнаруживаетъ полнѣйшую беспорядочность самой системы земскаго хозяйства», что дѣятельность эта «полна возмутительнѣйшихъ злоупотребленій, внушаетъ ни малѣйшаго чувства довѣрія» и наглядно доказываетъ всю непригодность земскихъ учреждений.

Сбитое всѣмъ этимъ съ толку общественное мнѣніе и поднесъ продолжаетъ недоумѣвать: съ одной стороны, переходъ отъ славословія къ пори-

ніямъ произошелъ слишкомъ быстро, чтобы къ нему можно было отнестись съ довѣріемъ, съ другой же стороны—порицатели такъ смѣло выавили свои фактическія обвиненія, что имъ нельзя не довѣрять. Гдѣ же правда?

Теперь, когда земское собраніе окончилось и улеглись страсти, вызванія борьбою партій, наступило время для спокойнаго обсуждения въ пети этого прискорбнаго случая, имѣющаго весьма важное значеніе въ нашей общественной жизни. Печать должна придти на помощь общественному мнѣнію уже потому, что публикѣ извѣстны лишь обвиненія противъ равы, переданныя враждебными земству газетами; что же касается возженій противъ обвиненій, то они погибли въ обстоятельныхъ докладахъ, еціальныхъ объяснительныхъ запискахъ и сухихъ рѣчахъ, обыкновенно ставляющихъ достояніе одного лишь земскаго собранія.

Разсмотримъ важнѣйшія изъ нареканій противъ управы, формулированныхъ впоследствии въ статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Земской управѣ ставится въ вину то обстоятельство, что, благодаря лѣнности, пристрастію къ формализму и неумѣнью вести живое дѣло, она въ теченіе 15 лѣтъ не могла привести къ удовлетворительному разршенію вопросъ объ устройствѣ земской больницы для душевно-больныхъ, между тѣмъ какъ одинъ гласный изъ рядовъ оппозиціи съумѣлъ разршить этотъ вопросъ въ теченіе 15 минутъ. Дѣйствительно, вопросъ о психіатрической больницѣ имѣетъ свою длинную исторію. Одновременно съ введеніемъ земскихъ учрежденій были упразднены мѣстные приказы общественного призрѣнія, на обязанности которыхъ лежали заботы о народномъ разіи; но, возлагая на земство эти заботы, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, передало ему всѣ лечебныя заведенія и всѣ капиталы мѣстныхъ приказовъ, создавъ такимъ образомъ тотъ первоначальный фондъ, безъ котораго трудно было бы обойтись земству на первыхъ порахъ его дѣятельности. Исключеніемъ изъ общаго правила являлись только столичныя земства, въ виду того, что въ Петербургѣ и Москвѣ лечебныя заведенія и капиталы приказовъ общественного призрѣнія переданы были мѣстнымъ управамъ. Тѣмъ не менѣе, московское земство дѣятельно заботилось о народномъ здравіи, учредило нѣсколько лечебныхъ заведеній и ввело организацію санитарнаго надзора, признаваемую специалистами за образцовую. Въ 10 тому назадъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о необходимости устройства больницы для душевно-больныхъ. Этотъ вопросъ не могъ олучить немедленнаго разршенія на земскомъ собраніи, въ виду того, что больницы для душевно-больныхъ поставлены по закону въ исключительныя условія: въ то время, какъ обыкновенныя больницы устраиваются а определенное число кроватей и приемъ сверхкомплектнаго числа больныхъ не обязательенъ,—въ больницахъ для душевно-больныхъ законъ не опускаетъ никакого ограниченія приема больныхъ (ст. 623—629 Св. зак. .XIII, Уст. прик. общ. призр. и цирк. мин. внут. дѣлъ 9 февраля 1878 г.,

№ 1241), а потому учрежденіе, устроившее такую больницу, принимает на себя обязательство давать пріютъ всему тому количеству больныхъ которое будетъ доставлено изъ какихъ бы то ни было мѣстностей. такъ какъ многія земства въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Московской не имѣли средствъ устроить у себя больницы для душевно-больныхъ, а больницѣ московскаго земства угрожала опасность быть тотчасъ же переполненною не только мѣстными больными, но и привезенными изъ соседнихъ губерній. Конечно, при такихъ условіяхъ приходилось отнестись и дѣлу съ крайнею осторожностью и, во всякомъ случаѣ, собрать предварительно самыя точныя свѣдѣнія о размѣрѣ больницы и предстоящихъ затратахъ.

Въ 1885 г. управа, по порученію собранія, добыла всѣ необходимыя свѣдѣнія, причемъ оказалось, что разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ больницы представляетъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ предполагалось ранѣе. Въ Московской губерніи (кромя г. Москвы) къ 1885 году было душевно-больныхъ 1,662 человекъ. Предполагая, что въ больницу будетъ принята лишь часть буйныхъ и постоянно-безпокойныхъ больныхъ оказывалось, что для нихъ необходимо устроить помѣщеніе на 266 кроватей; а такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, ежегодный притокъ новыхъ больныхъ долженъ составлять не менѣе 12 человекъ въ годъ и при устройствѣ дорого-стоющей больницы необходимо имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, десятилѣтній новый притокъ, то оказывалось, что больница должна быть устроена не менѣе, какъ на 400 кроватей. Этотъ расчетъ не только не былъ преувеличеннымъ, но, наоборотъ, его можно было упрекнуть въ томъ, что выведенная имъ цифра слишкомъ мала, такъ какъ не приняты во вниманіе притокъ больныхъ изъ Москвы и соседнихъ губерній. Но даже при устройствѣ больницы на 400 кроватей наименьшій единовременный расходъ долженъ былъ составить 800,000 руб. (по 2,000 р. на кровать) и ежегодный—около 120,000 р. (по 300 р. на кровать); и если бы даже земство нашло возможнымъ воспользоваться субсидією правительства, въ размѣрѣ 50%, на установленныхъ для этихъ случаевъ условіяхъ, то и тогда единовременный расходъ въ 400,000 руб. оказывался не по силамъ земству.

Но устройствомъ лечебнаго заведенія для буйныхъ и постоянно-безпокойныхъ больныхъ не исчерпывался еще вопросъ о пріютѣ для умалишенныхъ: для многихъ изъ остальной массы больныхъ, находящихся на помѣщеніи родныхъ въ деревняхъ Московской губерніи, и въ особенности для временно-безпокойныхъ и хрониковъ, изъ числа первоначально принятыхъ въ земскую больницу, являлась необходимость въ устройствѣ колоніи, такъ же требующей значительныхъ затратъ.

При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ на земскихъ собраніяхъ, впервые высказано было мнѣніе, что, прежде чѣмъ прибѣгать къ увеличенію обложенія имущества земскихъ плательщиковъ, и безъ того высоко обложенныхъ, необходимо изыскать новые источники обложенія, причемъ, какъ

а примѣръ, указывались имущества г. Москвы, которыя освобождены отъ обложенія, въ то время, какъ имущества всѣхъ остальныхъ городовъ, не включая Петербурга, привлечены къ земскому обложенію. Въ 1888 году, когда въ городскомъ управленіи поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ больницы для умалишенныхъ, земство вошло въ думу съ предложеніемъ кредитъ въ этой больницѣ 100 кроватей для больныхъ московскаго земства, причѣмъ расходы по содержанію этихъ 100 кроватей оно предлагало принять на себя; но дума, не нашла возможнымъ удовлетворить просьбу земства.

Такимъ образомъ, радикальное и основательное разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ земскаго лечебнаго заведенія для душевно-больныхъ въ главахъ городскихъ гласныхъ представлялся равносильнымъ переходу къ обложенію городскихъ имуществъ и смять этотъ вопросъ, подставить какую-нибудь палліативную мѣру, являлось весьма выгоднымъ съ ихъ точки зрѣнія. Городской голова, г. Алексѣевъ, послѣ эффектной рѣчи о медлительности и неспособности управы, предложилъ устроить въ теченіе 10 дней *временную* больницу на 100 кроватей для душевно-больныхъ, общалъ оудѣйствіе города въ снабженіи больницы бѣльемъ, кроватями и другими приспособленіями и даже намекнулъ, что у него въ карманѣ лежатъ деньги, пожертвованныя на это дѣло «добрыми людьми, откликнувшимися на призывъ» его, городского головы. Тогда произнесены были, среди рукоплесканий взятаго врасплохъ собранія, знаменитыя слова о «15 минутахъ», помужившія впоследствии укоромъ всему земству.

Мы не знаемъ, чѣмъ собственно провинилось земство. Если нашлось гениальное лицо, сумѣвшее въ 15 минутъ разрѣшить вопросъ, который 15 лѣтъ казался неразрѣшимымъ нѣсколькимъ сотнямъ лицъ, то это дѣлаетъ только честь генію и не должно служить укоромъ для людей среднихъ способностей. Гениальныя открытія тѣмъ и отличаются, что разрѣшаютъ просто такія вещи, о которыхъ никому и въ голову не приходило. Неужели же можно винить все человѣчество за то, что оно раньше Шварца не выдумало пороха? Въ данномъ случаѣ дѣло еще болѣе усложняется тѣмъ, что г. Алексѣевъ, въ сущности, никакого пороха не выдумалъ и предложенное имъ въ 15 минутъ разрѣшеніе вопроса ни на одну іоту не подвинуло впередъ дѣла *постояннаго* призрѣнія душевно-больныхъ въ губерніи. Мало того, даже въ предложенной имъ редакціи вопросъ разрѣшенъ съ тою основательностью, которая соотвѣтствуетъ 15-ти минутному размысленію: черезъ три дня послѣ найма указаннаго г. Алексѣевымъ помѣщенія оно оказалось неудобнымъ, сырымъ, совершенно несоотвѣтствующимъ своему назначенію, и земство вынуждено было нанять другое, отказавшись отъ пожертвованія «добрыхъ людей».

Интересно знать, что сказали бы противники земства, если бы оно разрѣшало вопросы съ такимъ легкомысліемъ?

Второе и самое серьезное нареканіе было вызвано беспорядками въ дорожномъ отдѣлѣ, обнаруженными ревизіонною комиссіей. Несмотря на

то, что управа и завѣдующій дорожнымъ отдѣломъ представили обстоятельныя возраженія противъ обвиненій ревизіонной комиссіи, несмотря на то, что собраніе признало удовлетворительными эти соображенія, а ревизіонная комиссіа отказалась отъ своего заключительнаго предложенія выраженія порицанія управѣ за способъ веденія дорожнаго хозяйства, — *Московскія Видомости* утверждаютъ, что управление дорожнымъ отдѣломъ «полно возмутительнѣйшихъ безпорядковъ и не внушаетъ ни малѣйшаго чувства довѣрія». По словамъ газеты, «оказалось», что

1) камень для земскихъ шоссе покупался по 70 р. за кубъ, въ то время, какъ городское управление платило всего лишь 50 р., и, притомъ, за камень лучшаго качества;

2) со времени передачи въ завѣдываніе земства казенныхъ шоссе послѣднія «систематически, изъ года въ годъ, ухудшаются», слой щебенки постоянно уменьшается, а песчаная подстилка мѣстами совершенно исчезла;

3) способъ закупки матеріаловъ и расходованія денегъ не подвергается никакому контролю и все дѣло фактически и безотчетно передано въ руки десятичниковъ, которые обчитываютъ и земство, и крестьянъ — поставщиковъ камня.

Для рѣшенія вопроса, дѣйствительно ли все это «оказалось», намъ придется обращаться къ докладу ревизіонной комиссіи, къ возраженію на этотъ докладъ со стороны управы, къ запискѣ завѣдующаго дорожнымъ отдѣломъ, г. Рихтера, и къ газетнымъ отчетамъ о преніяхъ, происходившихъ на земскомъ собраніи.

Изъ этихъ данныхъ видно, что шоссеиныхъ дорогъ въ завѣдываніи московскаго губернскаго земства въ настоящее время находится — 50 верстъ, переданныхъ изъ казны, и 528 в., устроенныхъ самимъ земствомъ а всего 1,035 в. Первая категорія шоссеиныхъ дорогъ была въ 1871 г. передана казною въ завѣдываніе земству съ субсидіею — вначалѣ по 400 руб. на версту, а съ 1889 г. по 330 р., причемъ учрежденъ постоянный правительственный надзоръ за правильнымъ содержаніемъ этихъ дорогъ. Эти условія передачи шоссеиныхъ дорогъ оказались выгодными для обѣихъ договорившихся сторонъ: правительство избавилось отъ излишнихъ расходовъ (содержаніе и ремонтъ каждой версты прежде обходился около 560 руб.), при полной гарантіи въ исправномъ содержаніи путей сообщенія, а земство, при разумномъ отношеніи къ дѣлу, могло часть взимаемаго шоссеинаго сбора употреблять на устройство новыхъ шоссеиныхъ дорогъ. Въ виду этого, обвиненія оппозиціи въ неисправномъ содержаніи казенныхъ шоссеиныхъ дорогъ приобретаютъ весьма важное значеніе, ибо если они справедливы, министерство путей сообщенія можетъ принять дороги обратно въ свое завѣдываніе и земство лишится возможности продолжать въ прежнихъ размѣрахъ проведеніе новыхъ шоссеиныхъ дорогъ. Отнеслась ли оппозиція съ достаточною осторожностью къ этому важному вопросу, или, въ пылу борьбы, она не остановилась ни передъ чѣмъ для достиженія побѣды?

Одною изъ важнѣйшихъ статей расхода по дорожному отдѣлу является заготовка камня для ремонта шоссе. Матеріалъ этотъ добывается частью изъ карьеровъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, частью на крестьянскихъ поляхъ и по берегамъ рѣкъ. Количество и качество камня не вездѣ одинаковы, а потому не всѣ шоссе находятся въ одинаковыхъ условіяхъ относительно заготовки камня: на нѣкоторыя изъ нихъ хорошій камень можетъ быть доставленъ изъ ближайшихъ мѣстностей, на другія камень привозится по желѣзной дорогѣ изъ отдаленныхъ мѣстностей и уже изъ Москвы доставляется на мѣсто гужомъ. Вначалѣ поставка камня на всѣхъ дорогахъ производилась подрядчиками, но впоследствии управа нашла возможнымъ перейти къ способу хозяйственной заготовки во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можно было рассчитывать на доставку камня мѣстными крестьянами. Насколько выгодна была эта система, видно изъ слѣдующаго сопоставленія цѣнъ подрядческой и хозяйственной заготовки 1 куб. саж. щебня на Петербургскомъ шоссе:

	1883 г. цѣна: подрядч. поставки.	1886 г. цѣна: хозяйств. поставки.
II перегонъ шоссе	53 руб.	39 р. 3 к.
III » »	43 »	31 » 43 »
IV » »	39 »	31 » 89 »
V » »	39 »	30 » 45 »
VI » »	39 »	28 » 2 »

Эти цифры показываютъ, что управа дѣйствовала въ интересахъ земства. Иногда случалось, что временно цѣна поднималась на отдѣльныхъ перегонахъ, и какъ только она доходила до размѣра подрядческой цѣны, управа тотчасъ сдавала поставку на этомъ перегонѣ подрядчику, впредь до новаго пониженія цѣны.

Какова же была въ 1889 г. средняя цѣна щебня на подмосковныхъ участкахъ земскихъ шоссе? Ревизіонная комиссія утверждаетъ, что земству куб. саж. обошлась отъ 65 до 70 р., въ то время, какъ городу только въ 60 р. Изъ отчета дорожнаго отдѣла видно, что это утвержденіе невѣрно. На калужскомъ шоссе куб. саж. обошлась въ 30 р., на варшавскомъ—40 р., на стромынкѣ—48 р., на можайскомъ—51 р., на дмитровскомъ—54 р. и только на одномъ измайловскомъ—70 р. Всего въ 1889 г. на всѣхъ подмосковныхъ участкахъ поставлено 738 куб. саж., за нихъ заплачено 39,104 р.,—слѣдовательно, куб. саж. обошлась въ среднемъ по 52 р. 93 к.

Въ то же время, утвержденіе ревизіонной комиссіи, что щебень приобрѣтался московскою городскою управой по 60 р., также невѣрно, такъ какъ для Алексѣевской водокачки онъ обошелся въ 65 р.,—слѣдовательно, въ среднемъ на 8—13 р. дороже, чѣмъ въ земствѣ. Что же касается четырехъ участковъ земскихъ шоссе, на которыхъ цѣна щебня оказалась выше 60 р., то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что для этихъ участковъ щебень получается по желѣзнымъ дорогамъ и развезется съ

московскихъ станцій, т.-е. тѣмъ же путемъ, что и для города, съ тою, однако, существенною разницею, что разстояніе перевозки на земскія шоссе значительно больше; а такъ какъ цѣна щебня на каждую версту провоза гужомъ повышается на 2 р., поставка же въ среднемъ производится не ближе, какъ на 3 версты за заставы (не считая провоза по городу), то разница противъ цѣнъ въ городѣ доходить до 6—8 р. на куб. сажень.

Цифры сравнительной стоимости камня для мостовыхъ въ земствѣ и городской управѣ также краснорѣчиво доказываютъ всю неосновательность нападокъ на земскую управу за проявленную якобы ею неосмотрительную трату денегъ. По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, земство платило за куб. саж. камня 70 р., а городская управа лишь 50 р., и, притомъ, за матеріалъ лучшаго качества. На самомъ дѣлѣ, изъ отчета дорожнаго отдѣла видно, что 70 р. уплачено лишь на измайловскомъ и можаи-скомъ шоссе, на двухъ шоссе меньше 60 р., на двухъ менѣе 65 р. и на двухъ менѣе 70 р. Изъ отчетовъ, напечатанныхъ въ *Извѣстіяхъ Московской Городской Думы*, видно, что въ 1889 г. городская управа приобрѣла 2,000 куб. саж. камня у двухъ подрядчиковъ по 79 р. и не болѣе 100 куб. саж. (5%) отсортированного брака по 56 р.; въ 1890 г. у тѣхъ же подрядчиковъ приобрѣтено 2,035 куб. по 79 р. и на другіе участія заключены подряды также по 79 р. Такимъ образомъ, цѣна камня, купленнаго земствомъ, не только въ среднемъ ниже цѣны, уплаченной городской управой, но даже максимальная земская цѣна значительно ниже средней городской. Для того, чтобы затемнить этотъ выводъ, комиссія сопоставила наибольшую земскую цѣну съ цѣною на бракъ, а *Московскія Вѣдомости* еще уменьшили эту послѣднюю. Что же касается сравненія качества камня, приобрѣтеннаго городомъ и земствомъ, то приходится недоумѣвать, какимъ путемъ оно добыто. Вѣдь, ревизіонная комиссія производила лишь ревизію дѣлопроизводства, на шоссе она не выѣзжала, не видѣла ни городского, ни земскаго камня, да если бы и видѣла, то, за неимѣніемъ специальныхъ познаній, не могла бы сдѣлать правильнаго вывода. Откуда же она вывела свое заключеніе? Остается предположить, что его подсказалъ участвовавшій въ ревизіи городской голова, безпристрастію котораго относительно качества городского камня мы вправѣ не довѣрять.

«Казенныя шоссе,—говоритъ комиссія, а за нею повторяютъ *Московскія Вѣдомости*,—со времени передачи ихъ въ завѣдываніе земства систематически ухудшаются. Это признано министерскою комиссіей, осматривавшею шоссе въ 1887 году». Предоставимъ отвѣчать на это обвиненіе той самой комиссіи министерства путей сообщенія, на которую ссылается оппозиція. Въ заключеніи, представленномъ въ министерство, комиссія говоритъ:

«1. Щебеночная одежда казенныхъ шоссе вообще находится въ хромшемъ состояніи. Средняя толщина слоя по всему шоссе составляетъ болѣе соотвѣтственной средней толщины по промѣрамъ 1871 г. на 1½ дюйма, а промѣрамъ 1880 г. на ¾ дюйма. Изъ 504 верстъ всего проти-

женія шоссе 364 вер. имѣютъ среднюю поперстную толщину щебеночнаго слоя не ниже нормальной толщины, установленной министерствомъ путей сообщенія по соглашенію съ земствомъ. Средняя поперстная толщина остальныхъ 140 верстъ меньше нормальной; щебеночная одежда 54 верстъ изъ этого протяженія будетъ утолщена въ настоящемъ году сплошными розсыпями, для чего на шоссе имѣется достаточное количество щебня, и тогда толщина слоя на этихъ верстахъ достигнетъ нормальной величины.

«Поверхность щебеночной одежды шоссе представляется вообще ровною и довольно гладкою, за исключеніемъ нѣсколькихъ участковъ на 2 и 3 перегонахъ варшавскаго и измайловскаго шоссе, на которыхъ имѣются небольшія неровности. Встрѣчающіяся мѣстами выбоины и колеи тщательно заремонтированы. Слой щебеночной одежды вообще достаточно плотенъ, но расположенъ на многихъ верстахъ непосредственно на глибѣ. Щебеночная одежда на этихъ мѣстахъ склонна къ разстраиванію весною отъ образованія пучинъ и потому должна быть постепенно перестроена съ подсыпкою песку. *При передачу московскихъ шоссе въ завѣдываніе земства въ 1871 г. протяженіе такихъ, подверженныхъ пучинамъ, мѣстъ шоссе было еще больше и земство въ теченіе 16 лѣтъ завѣдыванія сдѣлало довольно много для исправленія этихъ мѣстъ. Обязанности земства въ этомъ отношеніи можно было бы считать совершенно выполненными, если бы изъ 32 верст. пучистыхъ участковъ было перестроено 6 верстъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ.*

«2. Каменный матеріалъ, имѣющійся на шоссе въ видѣ щебня и изрѣдка въ видѣ камня, относится къ хорошимъ сортамъ мѣстныхъ породъ, обладаетъ надлежащими качествами и большею частью одинаковъ съ тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго состоитъ щебеночная одежда; мѣстами замѣтно стремленіе замѣнить слабый матеріалъ болѣе крѣпкимъ. Щебень набитъ, за незначительными исключеніями, въ щебенки требуемой крупности и выставленъ довольно правильно въ осмущахъ надлежащей мѣры. Количество стоящаго на шоссе матеріала настолько значительно, что имъ вполне обезпечивается отъ разстройства щебеночная одежда шоссе. Распределеніе каменнаго матеріала по участкамъ и верстамъ правильно и соответствуетъ дѣятельности проѣзда, состоянію шоссе и степени трудности поставкі матеріала.

«4. Мостовыя сооруженія на московскихъ шоссе находятся въ очень хорошемъ состояніи, за исключеніемъ рязанскаго тракта, на которомъ находится не мало ветхихъ и требующихъ исправленія мостовъ и трубъ; но въ общемъ состояніе мостовыхъ сооруженій весьма удовлетворительно, особенно если принять во вниманіе, что значительная часть ветхихъ и неисправныхъ сооруженій будетъ перестроена и исправлена въ текущемъ году. При сравненіи техническихъ описей комиссіи съ пріемочными описями, замѣчается, что за время завѣдыванія земства общее протяженіе мостовъ сокращено и что отношеніе числа ветхихъ и неисправныхъ соору-

женій къ числу вполне прочныхъ сильно уменьшилось; то же можно замѣтить при сравненіи состоянія мостовъ въ настоящее время и въ 1880 году.

«6. Во время осмотра шоссе комиссія видѣла производство работъ по срѣзкѣ обочинъ, бойкѣ щебня, утолщенію и перестройкѣ щебеночной одежды, перестройкѣ деревянныхъ мостовъ и рельсовыхъ трубъ и по исправленію каменныхъ устоевъ моста. Всѣ эти работы производятся правильно, сообразно съ мѣстными условіями и родомъ работъ.

«7. Вообще казенныя шоссе Московской губ., переданныя въ завѣдываніе земства, находятся въ настоящее время въ удовлетворительномъ состояніи. Состояніе это гораздо лучше того, въ которомъ они переданы были земству въ 1871 г.; кромѣ того, въ состояніи шоссе замѣтно значительное улучшеніе и со времени послѣдняго осмотра комиссіей отъ министерства путей сообщенія въ 1880 году».

Вотъ къ какому заключенію пришла комиссія инженеровъ путей сообщенія, командированная министерствомъ для осмотра казенныхъ шоссе, переданныхъ въ завѣдываніе московскаго земства. Дороги находятся въ удовлетворительномъ состояніи, работы производятся правильно, матеріалъ заготавливается хорошій и въ достаточномъ количествѣ, вообще замѣчается постоянное улучшеніе переданныхъ въ завѣдываніе земства казенныхъ путей сообщенія. Казалось бы, никакого иного вывода нельзя сдѣлать изъ яснаго и категорическаго заключенія правительственной комиссіи. Но ревизіонная комиссія и московская газета умѣютъ, какъ выразился глава оппозиціи г. Алексѣевъ, «читать между строкъ», а потому первая увѣряла земское собраніе, а вторая— всю читающую публику, что правительственная ревизія доказала «систематическое ухудшеніе» казенныхъ шоссе. Въ этомъ случаѣ мы удивляемся не столько поведенію газеты, которая не разъ уже доказала свое неуваженіе къ печатному слову и общественному мнѣнію,—мы удивляемся тѣмъ земскимъ дѣятелямъ, которые, для достиженія побѣды, позволяютъ себѣ подобными искаженіями истины оскорблять то общественное учрежденіе, представителями котораго они сами избраны.

Но спросить насъ, быть можетъ: оппозиція имѣла ли въ своемъ распоряженіи какія-либо инныя данныя для выводовъ о «систематическомъ ухудшеніи» казенныхъ шоссе? Да, имѣла, и вотъ эти данныя. Изъ отчетовъ дорожнаго отдѣла ревизіонная комиссія усмотрѣла: 1) что до 1879 года управа расходовала на ремонтъ шоссе по 6½ куб. щебня на версту, а съ 1879 по 1886 г. лишь 4 куба, и 2) средній на версту расходъ по ремонту казенныхъ шоссе въ послѣдніе годы значительно уменьшился. Отсюда выводъ: казенныя шоссе «систематически ухудшаются» и будутъ «отобраны» министерствомъ путей сообщенія, а земство лишится источника дохода для проведенія новыхъ шоссе. «Вотъ къ чему привела эта своеобразная экономія и это неосмотрительное хозяйство!»

Ознакомившись съ приведеннымъ выше заключеніемъ правительственной комиссіи о состояніи казенныхъ шоссе, безпристрастный читатель,

наоборотъ, долженъ придти къ самому утѣшительному выводу: если хорошее состояніе шоссе достигнуто попутнымъ уменьшеніемъ расходовъ, это доказываетъ, что дорожное хозяйство ведется осмотрительно и экономно. Управа слѣдующими цифрами разъясняетъ размѣръ этой экономіи. До 1879 года расходъ щебня составлялъ 3,000 куб. саж. въ годъ, а средній ежегодный приростъ слоя на дорогахъ, по изслѣдованію правительственной комиссіи, составлялъ 0,₆₆ дюйма или 600 куб. саж. въ годъ; съ 1879 по 1886 г., съ увеличеніемъ опытности въ дѣлѣ дорожнаго хозяйства, земство стало расходовать всего 2,000 куб. саж., а приростъ составлялъ уже 0,₇₇ дюйма или 800 куб. саж. Такимъ образомъ, изъ числа разсыпаннаго по дорогамъ щебня въ первомъ періодѣ ежегодно обращались въ пыль и пропадали безвозвратно 2,400 куб. саж., а во второмъ періодѣ лишь 1,200 к. с. «Слѣдовательно, во 2-мъ періодѣ земство ежегодно сохраняло, не пускало на вѣтеръ 1,200 к. с., стоящихъ 60,000 р., а въ 7 лѣтъ земство сохранило 420,000 р. Кроме того, ежегодное утолщеніе слоя шоссе во 2-мъ періодѣ на 0,₇₇ д., или на 800 куб. саж., стоящихъ 40,000 р. с., представляетъ какъ бы запасъ на будущее время, положенный въ шоссе; за 7 лѣтъ этотъ запасъ составилъ 280,000 р., а прибавляя къ нимъ сохраненные въ кассѣ земства 420,000 р., получимъ 700,000 рублей. Вотъ результаты, которыхъ мы достигли *своеобразною экономіей и неосторожнымъ* расходоуаніемъ земскихъ денегъ!»

На земскомъ собраніи и въ печати заявлено было обвиненіе въ томъ, что дѣлопроизводство дорожнаго отдѣла ведется безъ соблюденія общепринятыхъ формъ, а дѣйствія агентовъ управы не подвергаются контролю. Мы охотно вѣримъ, что въ первой части этого обвиненія заключается значительная доля правды: ревизіонная комиссія подробно ознакомилась съ состояніемъ дѣлопроизводства, въ оцѣнкѣ котораго она совершенно компетентна, а потому, за неимѣніемъ конкретныхъ указаній, ей необходимо вѣрить. Но при этомъ нельзя забывать того обстоятельства, что ревизіонная комиссія была слишкомъ мрачно настроена и слишкомъ склонна была видѣть всюду недостатки и злоупотребленія. Въ интересахъ живаго, практическаго дѣла иногда поневолѣ приходится пренебрегать формальностями, чрезмѣрное введеніе которыхъ, согласно желанію ревизіонной комиссіи, можетъ нанести серьезный вредъ дѣятельности земскаго дорожнаго отдѣла. Это предположеніе мы черпаемъ изъ заявленія главы земской оппозиціи, г. Алексѣева, который два дня спустя послѣ земскаго собранія отвѣтилъ приблизительно слѣдующее гласнымъ думы, требовавшимъ измѣненія порядка отчетности городской управы: «Къ сожалѣнію, въ думѣ завелись любители бухгалтеріи, требующіе ломки установленныхъ формъ дѣлопроизводства, въ угоду ихъ кабинетнымъ измышленіямъ. Мы ведемъ живое, практическое дѣло, которое пострадаетъ отъ этой ломки. Избавьте меня отъ нея!» Дума согласилась съ городскимъ головой и избавила его отъ ломки. Остается сожалѣть, что онъ забылъ старинное изреченіе: «не желай другому того, что нежелательно тебѣ самому».

Что касается второй части приведеннаго выше обвиненія противъ дорожнаго отдѣла, то справедливость его мы можемъ провѣрить на конкретныхъ указаніяхъ ревизіонной комиссіи. Въ распоряженіе инженеровъ отпускаются слишкомъ значительныя авансовыя суммы; имъ выдано авансомъ, слѣдовательно, пока безотчетно, 57,000 р. Это невѣрно, говоритъ управа и приводитъ выписку изъ бухгалтерскихъ книгъ, изъ которой видно, что 57,000 р. авансомъ выдано по всѣмъ отдѣламъ управы, у инженеровъ же находится всего 11,500 р. Уже эта справка лишаетъ упрекъ ревизіонной комиссіи всякой силы. Но, быть можетъ, авансовыя выдачи совсѣмъ не нужны и ихъ слѣдуетъ избѣгать? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что онѣ необходимы и избѣгать ихъ невозможно: вѣдь, дорожныя сооруженія раскинуты на тысячу верстъ и каждая изъ нихъ требуетъ расходовъ на покупку матеріаловъ и производство различныхъ работъ; если каждаго крестьянина, привезшаго возъ камня или работавшаго три дня по исправленію шоссе, заставлятъ для полученія расчета приходиться въ Москву, никто не захочетъ имѣть дѣла съ земствомъ. Можно, конечно, устроить такъ, чтобы большинство расчетовъ производились особыми артельщиками или кассирами, постоянно разъѣзжающими по линіямъ шоссеинныхъ дорогъ. Но, во-первыхъ, на рукахъ у нихъ будутъ тѣ же авансы, а, во-вторыхъ, сколько же понадобится затратить денегъ на содержаніе толпы кассировъ, для того только, чтобы замѣнить систему, въ которой не обнаружено никакихъ злоупотребленій? Столько же неосновательныя нареканія на дорожный отдѣлъ за то, что приѣмкою камня и расчетомъ съ рабочими на линіи фактически завѣдуютъ десятки, «представляющіе въ видѣ оправдательныхъ документовъ какіе-то лоскутки бумаги съ подписями прохожихъ за неграмотныхъ крестьянъ, якобы получившихъ деньги». Кто же долженъ завѣдывать этимъ на протяженіи 1,000 верстъ? Инженеры? Но для этого понадобится цѣлая бригада ихъ. Или, можетъ быть, особые «прикащики» съ установленнымъ нравственнымъ и имущественнымъ цензомъ? Мы думаемъ, что въ томъ и другомъ случаяхъ измѣнятся только названія доверенныхъ лицъ и размѣръ расходовъ на ихъ содержаніе, ревизіонной же комиссіи останется прежній просторъ для нареканій, ибо и инженеры, и «прикащики» вынуждены будутъ представлять въ видѣ оправдательныхъ документовъ лоскутки бумаги съ незасвидѣтельствованными у нотаріуса подписями «прохожихъ» за неграмотныхъ крестьянъ.

До какой виртуозности дошла оппозиція въ своихъ нападкахъ, служить изобрѣтенное ею *bon-mot* о «земскомъ аршинѣ», ставшемъ, благодаря усердію *Московскихъ Вѣдомостей*, притчею во языцѣхъ. Почему вы называете камень «аршинникомъ»? — спрашиваетъ оппозиція завѣдующаго дорожнымъ отдѣломъ. — Потому, что онъ покупается у крестьянъ мелкими партіями и принимается на ящикъ, называемый аршиномъ. — Какой мѣры употребляется ящикъ? — Различной, смотря по мѣстности и въ зависимости отъ крупности камня, чаще онъ имѣетъ отъ 18 до 20 вершковъ въ сторонѣ. — Слѣдовательно, «земскій аршинъ» больше обыкновеннаго! Слѣдовательно, вы об-

жѣриваете крестьянъ!—съ негодованіемъ говоритъ оппозиція.—На самомъ дѣлѣ, конечно, никто никого не обжѣриваетъ, такъ какъ камень покупается на ящикъ, размѣръ ящика извѣстенъ крестьянамъ, а цѣна его соотвѣтствуетъ размѣру. Весьма возможно, что во время казеннаго завѣдыванія шоссе мѣрный ящикъ соотвѣтствовалъ ровно 16 вершкамъ и получилъ названіе «аршина»; со времени введенія земствомъ хозяйственной заготовки камня оказалось болѣе удобнымъ принять мѣрный ящикъ возможно большаго размѣра, въ виду того, что принимаемый камень имѣетъ видъ большихъ кусковъ неправильной, угловатой формы, которая не даетъ возможности надлежащимъ образомъ заполнить пустоты между углами камня и сторонами небольшого мѣрнаго ящика. Въ этомъ отношеніи, конечно, лучше всего было бы примѣнять мѣрный ящикъ или «аршинъ», соотвѣтствующій кубической сажени, но это представляется неосуществимымъ, такъ какъ отдѣльному крестьянину пришлось бы возить двѣ-три недѣли камень для наполненія такого ящика.

Такія неосновательныя нареканія на дорожный отдѣлъ мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ уменьшить предстоящіе расходы, увеличить цифру предполагаемыхъ доходовъ и доказать безцѣльность обложенія торгово-промышленныхъ заведеній г. Москвы; а такъ какъ дорожный отдѣлъ въ своемъ докладѣ требовалъ детальнаго ассигнованія суммъ на отдѣльные предметы, въ то время, какъ по другимъ отдѣламъ ассигнованія испрашивались въ общей цифрѣ, такъ сказать, огульно, то наибольшіхъ урѣзковъ расходной смѣты можно было достигнуть именно въ дорожномъ отдѣлѣ. Для этого, предварительно, необходимо было расшатать, подорвать довѣріе къ самой системѣ дорожнаго хозяйства.

Этимъ же объясняется и послѣдній маневръ оппозиціи въ вопросѣ о пресловутой «утайкѣ» 118,000 руб. шоссезнаго сбора.

«Начать съ того,—говорятъ *Московскія Вѣдомости*,—что въ земствѣ, при составленіи бюджета, оставались *непоказанными* въ доходахъ такія громадныя суммы, какъ 118,000 руб. (шоссеинный сборъ). Не отрицая необходимости оборотнаго капитала, ясно, во всякомъ случаѣ, что это очень странный способъ обращенія съ этимъ капиталомъ». Это извѣщеніе произвело на непосвященную часть общества ошеломляющее впечатлѣніе, такъ какъ конструкція фразы и слова: «не были показаны»—заставляли предполагать какое-то злоупотребленіе со стороны земской управы. На самомъ дѣлѣ это простой стратегическій маневръ оппозиціи. Прежде всего, въ счетѣ доходовъ каждаго года показывается сумма шоссезнаго сбора, она была показана въ этомъ году и будетъ показана въ будущемъ,—слѣдовательно, ни о какой утайкѣ не можетъ быть рѣчи. Дѣло сводится лишь къ тому, что въ доходахъ на удовлетвореніе надобностей настоящаго года показывается сумма шоссезнаго сбора, поступившая за прошлый годъ. Происходить это вслѣдствіе того, что предполагаемые по смѣтѣ доходы поступаютъ въ теченіе всего года, а, между тѣмъ, управа имѣетъ надобность въ деньгахъ тотчасъ же по утвержденіи смѣты. Если бы въ распоряженіе управы

былъ оборотный капиталъ, она въ началѣ года дѣлала бы изъ него позаймствованія, а въ концѣ года пополняла бы его. Но такого капитала нѣтъ, положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ онъ не предусмотрѣнъ, а потому и не можетъ быть образованъ. Чтобы вывести изъ затруднительнаго положенія управу, земское собраніе лѣтъ 10 тому назадъ предложило не вносить на этотъ годъ въ счетъ предполагавшихся поступленій шоссейный сборъ. На самомъ дѣлѣ онъ поступилъ и былъ надлежащимъ образомъ, куда слѣдуетъ, записанъ, управа въ началѣ года дѣлала изъ него позаймствованія на экстренныя надобности, а по мѣрѣ поступленія смѣтныхъ сборовъ пополняла его и къ концу года онъ полностью находился въ кассѣ и былъ занесенъ земскимъ собраніемъ въ смѣту доходовъ. То же самое происходило и во всѣ послѣдующіе годы, т.-е. ежегодно въ смѣту доходовъ вносился шоссейный сборъ въ той суммѣ, которая въ дѣйствительности была собрана въ теченіе предшествовавшаго года. Ясно, что нѣ объ утайкѣ, ни о растратѣ не можетъ быть рѣчи. Въ минувшей сессіи оппозиція настаивала на внесеніи въ смѣту доходовъ какъ той суммы, которая поступила въ 1890 г., такъ и той, которая должна поступить въ 1891 г.; этимъ она достигала увеличенія смѣты доходовъ въ 1891 году на 120,000 р., а что такимъ путемъ земская управа могла быть поставлена въ началѣ года въ невозможность производить расходы на самыя неотложныя надобности, до этого, конечно, оппозиціи не было никакого дѣла.

Бъ счастью, земское собраніе не допустило до этого: внеся, по требованію оппозиціи, въ смѣту доходовъ шоссейный сборъ за 1891 годъ, оно ассигновало управѣ 120,000 р. на «непредвидѣнные расходы». Строго говоря, это также незаконно съ формальной точки зрѣнія, ибо у земства не можетъ и не должно быть «непредвидѣнныхъ» расходовъ на такую громадную сумму, но собраніе было право какъ въ этомъ случаѣ, такъ и десять лѣтъ тому назадъ, ибо своимъ постановленіемъ оно пополняло недосмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, не предвидѣвшаго необходимости въ оборотномъ капиталѣ.

И такъ, говоря словами *Московскихъ Вѣдомостей*, «сессія московскаго губернскаго земскаго собранія кончилась, оставивъ по себѣ одни тяжелые воспоминанія, недоумѣнія, раздоры». Она надолго останется краснорѣчивою страницей, характеризующею наше современное общественное положеніе, при которомъ лица, избранныя отъ города гласными земскаго собранія, считаютъ себя вправѣ изъ меркантильныхъ расчетовъ наносить земству существенный вредъ, а печать прибѣгаетъ къ недостойнымъ приемамъ изъ боязни, чтобы это земство «не закатилось чистою звѣздой».

И. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Паденіе министерства Криспи послѣ недавнихъ общихъ выборовъ въ парламентъ, изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ, было неожиданностью, тревожною для однихъ, успокоительною для другихъ. Всѣ общанія Криспи о сбереженіяхъ въ расходахъ, о томъ, что народъ не будетъ обремененъ новыми налогами, оказались избирательнымъ маневромъ. Криспи, быть можетъ, продержался бы еще нѣсколько времени во главѣ правительства, если бы не его диктаторскія замашки и не тѣ оскорбленія, которыя онъ горяча бросилъ вождямъ правой стороны парламента.

Но финансовое и экономическое разстройство Италіи, вызванное международною политикою Криспи, не можетъ быть поправлено иначе, какъ съ измѣненіемъ этой политики. Чтобы представилась возможность обойтись безъ дефицита и безъ новыхъ податей, необходимо сократить военные расходы, т. е. отказаться отъ соперничества съ Франціей, отъ экономической борьбы съ нею, отъ замысловъ на Триполи. Новый министръ-президентъ Рудини принадлежитъ къ правой сторонѣ палаты. Въ составъ кабинета вошли и представители лѣвой, какъ Никотера. Смѣшанный характеръ министерства, смѣнившего кабинетъ Криспи, быть можетъ, и предохранитъ его отъ скорого паденія, но едва ли разрешитъ затрудненія парламентскаго положенія. Рудини принадлежитъ къ числу сторонниковъ тройственнаго союза, а участіе въ этомъ союзѣ обязываетъ Италію непрерывно вооружаться и поддерживать непріязненные отношенія къ Франціи. Можно рассчитывать, однако, на то, что нынѣшнее итальянское правительство не будетъ обострять отношенія къ Французской республикѣ, не станетъ искать предлоговъ для столкновеній съ нею. Во всякомъ случаѣ, паденіе Криспи не только не ухудшаетъ благопріятныхъ видовъ на сохраненіе европейскаго мира, но значительно увеличиваетъ шансы на устраненіе войны. Можно даже надѣяться, что итальянское общественное мнѣніе, національное тщеславіе котораго искусно раздражалось бывшимъ министромъ-президентомъ, въ настоящее время вѣрнѣе отнесется къ оцѣнкѣ международного положенія Италіи, къ задачамъ ея иностранной и внутренней политики.

Не меньшею неожиданностью въ политическомъ мѣрѣ было распущеніе

цислейтанскаго рейсрата. Политика графа Таафе въ последнее время потерпѣла серьезное пораженіе. Чешско-нѣмецкое соглашеніе, которому правительство придавало очень большое значеніе, рѣшительно не удалось, благодаря сильной оппозиціи младо-чеховъ. Общественное мнѣніе Богеміи все болѣе и болѣе склонялось на сторону враговъ той крайне уступчивой политики, которой держался Ригеръ и его товарищи. Не желая идти на дальнѣйшія уступки славянамъ, гр. Таафе рѣшилъ распустить рейсратъ, чтобы опереться потомъ на новое большинство. вмѣстѣ съ тѣмъ, къ великому удовольствію нѣмецкой партіи, выходитъ въ отставку министръ финансовъ Дунаевскій. Если между младо-чехами и старо-чехами не установится въ короткій срокъ передъ выборами опредѣленнаго соглашенія, то правительству удастся разбить на разрозненныя группы чешскую національную партію. При сильномъ административномъ давленіи, во многихъ случаяхъ могутъ рассчитывать на побѣду кандидаты консервативной и либеральной нѣмецкихъ партій. Министерству трудно будетъ обойтись безъ содѣйствія этой послѣдней, если политика графа Таафе направится теперь противъ національных чешскихъ стремленій. Во всякомъ случаѣ, для австрійскихъ славянъ нынѣшній годъ можетъ явиться началомъ многихъ и значительныхъ затрудненій на пути къ автономіи и уравниенію съ нѣмцами и мадьярскими населеніемъ имперіи. Вновь обострившаяся національная вражда поведетъ, конечно, и къ тому, что многіе важные вопросы экономической и юридической жизни не получатъ въ ближайшемъ будущемъ никакого разрѣшенія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя не отмѣтить продолжающихся успѣховъ французскаго законодательства. Въ настоящее время парламентъ французской республики обсуждаетъ законопроектъ о регламентаціи женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. Очень оживленныя пренія возбудила статья третья законопроекта, устанавливающая для малолѣтнихъ и женщинъ десятичасовой рабочей день. Ларошъ Жуберъ внесъ по этому поводу поправку, въ которой предлагалъ ввести такое ограниченіе лишь для дѣтскаго труда, но поправка эта была отвергнута громаднымъ большинствомъ четырехсотъ девятнадцати голосовъ противъ семидесяти шести.

Немаловажнымъ признакомъ времени слѣдуетъ признать и учрежденіе при министерствѣ высшаго рабочаго совѣта (Conseil superieur du Travail). Члены этого совѣта назначаются министромъ и въ составъ его должны входить представители рабочихъ. Роль совѣта совѣщательная. Само собою разумѣется, что возлагать на этотъ совѣтъ большихъ ожиданій не слѣдуетъ, соціального вопроса онъ не разрѣшитъ, но онъ не можетъ не оказать благотворнаго воздѣйствія на правительственную и парламентскую дѣятельность. По всей вѣроятности, нынѣшняя сессія палаты депутатовъ ознаменуется нѣсколькими мѣрами, которыя улучшатъ положеніе рабочаго класса. Президентъ палаты депутатовъ Флоке, вновь избранный на эту должность громаднымъ большинствомъ голосовъ, въ своей вступительной рѣчи заявилъ, что французскій парламентъ перешелъ съ 1891 годомъ въ навбо-

лѣе плодотворный періодъ законодательной дѣятельности. Флоре перечислилъ цѣлый рядъ законопроектовъ, поступившихъ уже въ палату или разрабатывающихся въ парламентскихъ комиссіяхъ, которые имѣютъ въ виду серьезныя экономическія реформы. Президентъ палаты депутатовъ подчеркнул, что всѣ послѣдніе выборы служили блестящимъ подтвержденіемъ того, что общественное мнѣніе рѣшительно переходитъ на сторону республики и миролюбивой политики ея нынѣшняго правительства.

Для этого правительства и для парламента предстоитъ много неотложныхъ задачъ. Экономическое положеніе народа и состояніе правовъ во Франціи требуютъ заботливаго вниманія законодательнаго собранія и административной власти. Слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ отношеніи нѣкоторые благоприятныя признаки. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ министра юстиціи за 1888 годъ (этотъ отчетъ былъ представленъ президенту республики въ январѣ нынѣшняго года) констатируется нѣкоторое уменьшеніе числа преступленій, сравнительно съ двумя предшествующими годами. Въ 1888 году подвергалось суду присяжныхъ 4,258 человекъ, въ 1887 году—4,298, въ 1886 году—4,397. Нѣкоторые виды преступленій продолжаютъ, однако, упорно держаться, таково, напримѣръ, дѣтубійство *). Къ сожалѣнію, попережь дороги всѣмъ добрымъ начинаніямъ для поднятія экономическаго состоянія и нравственнаго уровня будутъ стоять чрезмѣрные военные расходы. Вотъ новыя данныя, подтверждающія всю тяжесть современнаго милитаризма: въ 1887 году военные расходы достигали (въ металлическихъ рубляхъ):

Въ Россіи	210.000,000
Во Франціи	250.700,000
Въ Германіи	196.756,000
Въ Австро-Венгріи .	110.744,000
Въ Италіи	108.160,000
Въ Англіи	162.780,000
Въ Испаніи	51.436,000

Съ 1882 года по 1888 этими семью державами истрачено на армію и флотъ въ совокупности 5.934.400,000 рублей металл. За тотъ же періодъ времени и тѣми же государствами на народное образованіе истрачено было 1.016.500,000. Легко вообразить, какъ велики были бы успѣхи просвѣщенія и благосостоянія, еслибъ на высшее, среднее и низшее образованіе пошли тѣ шесть миллиардовъ, которые были поглощены военными расходами **). Необходимо прибавить, что на ряду съ возрастаніемъ военнаго бюджета съ страшною быстротой увеличивается и сумма платежей по займамъ, которые повсюду въ Европѣ были вызваны, главнымъ образомъ, новыми вооруженіями.

Естественно поэтому, что государство въ Западной Европѣ играетъ

*) Въ настоящее время въ палату депутатовъ поступилъ обстоятельный законопроектъ, имѣющій цѣлью охрану покидаемыхъ дѣтей.

**) Заимствуемъ эти цифры изъ газеты *Новое Время* (14 января 1891 года).

болѣе регламентирующую, чѣмъ созидающую роль. Но вмѣшательство современнаго правоваго государства въ народную экономическую жизнь не походитъ на вмѣшательство отжившаго свой вѣкъ полицейскаго государства. Последнее отождествляло задачи управленія съ отеческимъ попеченіемъ о благѣ дѣтей-подданныхъ. Въ опредѣленіи цѣлей правительственной дѣятельности и средствъ для ихъ осуществленія подданные не имѣли никакого голоса. *Диты* выросли, и въ сознаніи западно-европейскаго общества государство превратилось въ высшее учрежденіе, которое должно осуществлять справедливость и содѣйствовать развитію просвѣщенія и благосостоянія. При этомъ одни чрезмерно суживали задачи государства, другіе столь же преувеличивали эти задачи. Несомнѣнно, что правильное опредѣленіе объема и содержанія государственной власти находится въ соотвѣтствіи съ составомъ и способомъ избранія народныхъ представителей въ законодательныя собранія. Въ этомъ отношеніи новый шагъ впередъ предстоитъ въ англійскомъ законодательствѣ. Вожди либеральной партіи предполагаютъ внести въ парламентъ билль, основанный на такомъ положеніи: одному человѣку одинъ голосъ. Избирательная реформа 1867 года была очень крупнымъ шагомъ на пути ко всеобщей подачѣ голосовъ, но она оставила слѣдующую аномалію: землевладелецъ, имѣющій нѣсколько участковъ въ разныхъ избирательныхъ округахъ, можетъ подавать голосъ во всѣхъ этихъ округахъ. Труднѣе осуществить другое нововведеніе, также намѣченное англійскими либералами: они предполагаютъ возможнымъ отнести расходъ по избирательной агитаціи на общественный счетъ. Этотъ проектъ представляется намъ не достаточно цѣлесообразнымъ и не заслуживающимъ большихъ симпатій. Истинно-демократическою мѣрой было бы назначеніе жалованья членамъ парламента, но такая мѣра считается въ Великобританіи преждевременною.

Окажется, пожалуй, преждевременнымъ и билль, внесенный въ палату общинъ группою радикаловъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Этотъ законопроектъ предлагаетъ установленіе обязательнаго восьмичасоваго рабочаго дня съ перваго января будущаго года, подъ опасеніемъ весьма значительныхъ денежныхъ взысканій. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что разстояніе между десятичасовымъ и восьмичасовымъ днемъ гораздо короче, чѣмъ разстояніе между манчестерскимъ правиломъ невмѣшательства законодательной власти въ фабричныя порядки и фабричнымъ законодательствомъ, которое дѣйствуетъ уже въ Англии, Швейцаріи и Германіи. Какъ мы нѣсколько разъ указывали, Франція очень быстро догоняетъ эти страны. Въ ней получить, наконецъ, правильную постановку фабричная инспекція, дѣятельность которой, къ сожалѣнію, такъ затормазилась у насъ въ послѣдніе годы. А, между тѣмъ, государственное вмѣшательство на пользу фабрикантовъ путемъ крайне высокаго, почти запретительныхъ тарифовъ не прекращается, а усиливается, и законодательство принимаетъ, вслѣдствіе этого, одностороннее направленіе. Опасенія, что таковъ бываетъ характеръ государственной дѣятельности, что правительственная власть склонна стѣснять

свободу челоѣка и общества и неравномѣрно оказывать свое покровительство, побуждали, вѣроятно, нашихъ славянофиловъ отводить государству весьма незначительную роль. Они провозглашали абсолютизмъ этого государства, но упокобляли его, какъ покойный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, лишь корѣ, которая предохраняетъ живое общественное содержаніе отъ внѣшнихъ ударовъ и внутреннихъ столкновеній. Не говоря о теоретической неправоильности этого государственнаго ученія, оно заключаетъ въ себѣ существенную практическую ошибку: абсолютная власть не захочетъ и не сможетъ удержаться въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, какіе отводятся ей славянофильскою теоріей.

Въ политической жизни Англій расколъ ирландской національной партіи не будетъ, повидимому, имѣть тѣхъ печальныхъ послѣдствій, на которыя рассчитывали враги ирландской свободы. Благодаря несокрушимой энергіи и необычайному уму Парнеля, требованія ирландской національной партіи или гомрулеровъ теперь ближе къ осуществленію, чѣмъ до столкновенія Гладстона съ Парнелемъ. Послѣдній сужѣлъ подчинить свои личные интересы политическимъ интересамъ своего народа и, въ то же время, не уступилъ передъ шумными требованіями завистливаго лицемерія сойти съ политической сцены. Парнель не настаиваетъ на томъ, чтобы оставаться вождемъ всей ирландской партіи: онъ остается вождемъ самостоятельной ея фракціи. Но знаменитый государственный челоѣкъ не считаетъ Маккарти достаточно искуснымъ руководителемъ въ трудной и сложной борьбѣ, которую ведутъ ирландцы за самостоятельность своего острова. Результатомъ долгихъ бесѣдъ Парнеля съ О'Брайномъ предполагалась новая комбинація, которая, по всей вѣроятности, и восторжествуетъ: не Парнель, а Маккарти долженъ будетъ сойти со сцены и мѣсто его займетъ, быть можетъ, по выходѣ изъ тюрьмы Диллонъ. Вопросъ объ обезпеченіи земледѣльческаго класса въ Ирландіи вновь неразрывно связанъ, вслѣдствіе искуснаго образа дѣйствій Парнеля, съ вопросомъ о политической автономіи ирландскаго народа. Въ этомъ отношеніи вожди англійской либеральной партіи, съ Гладстономъ во главѣ, вынуждены будутъ принять очень опредѣленные рѣшенія, благоприятныя видамъ и стремленіямъ ирландской національной партіи. Министерство лорда Салисбюри едва ли рѣшится при такихъ условіяхъ въ скоромъ времени распустить парламентъ и произвести новые выборы. Нельзя не указать и ловкаго шага Гладстона, который неожиданно внесъ въ палату общинъ предложеніе отжѣнить запрещеніе католикамъ занимать высшіе административные посты въ государствѣ. Предложеніе это было отвергнуто очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ и внесло нѣкоторый разладъ въ тѣ партіи, на которыя опирается консервативный кабинетъ. Съ другой стороны, Гладстонъ, удовлетворяя требованіямъ справедливости, усиливъ, въ то же время, симпатіи къ себѣ и своей партіи со стороны католическаго духовенства, столь вліятельнаго въ Ирландіи. Дальновидные государственные люди, которые руководятъ либеральною партіей,

хорошо понимают, что та непрерывная борьба, которую Англия ведет съ Ирландіей, отказывая ей въ достаточно-прочной постановкѣ самоуправленія, очень вредно отзывается и на всей внутренней жизни Великобританіи, и на ея международномъ значеніи. Политика притѣсненій и административнаго давленія, усвоенная лордомъ Салисбюри и Бальфуромъ по отношенію къ ирландскому народу, можетъ парализовать государственное могущество Великобританіи и создать ей много затрудненій въ случаѣ серьезнаго международного столкновения. Мы видимъ, что такого рода политика вредно отзывается на европейской роли даже такой страны, какъ Испанія, население которой не раздѣлено расовыми и религіозными особенностями. Благодаря повсемѣстному вмѣшательству администраціи, первые выборы, основанные на всеобщей подачѣ голосовъ, прошли въ Испаніи, повидимому, вполне благополучно для консервативнаго кабинета Бановаса дель-Кастильо: изъ 437 депутатовъ выбрано правительственныхъ кандидатовъ 283. Мадридскій корреспондентъ *Новостей* сообщаетъ, однако, что министерство, дѣйствовавшее въ союзѣ съ духовенствомъ, рассчитывало на гораздо болѣе рѣшительную побѣду *). Надо еще принять во вниманіе, что оппозиція разединилась, и династическая либеральная партія, предводимая Сагастою, отказалась идти рука объ руку съ республиканцами, что значительно увеличило, конечно, успѣхи официальныхъ кандидатовъ. Такъ, напримѣръ, въ Мадридѣ за консервативныхъ кандидатовъ было подано 15,000 голосовъ, за династическихъ либераловъ—12,000, а за республиканцевъ—16,000. Побѣду одержали консерваторы потому, что за нихъ вотировали и либералы, когда послѣдніе не имѣли возможности провести собственныхъ кандидатовъ.

Корреспондентъ петербургской газеты предполагаетъ, что у реакціоннаго и клерикальнаго большинства новыхъ кортесовъ будутъ проявляться протекціонистскія стремленія и что оно обнаружитъ нѣкоторую склонность къ такъ называемому христіанскому социализму. Принимая въ соображеніе, что большинство это, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, далеко не соответствуетъ дѣйствительному распредѣленію въ странѣ политическихъ партій, трудно ожидать отъ новой палаты плодотворной парламентской дѣятельности. Немаловажно еще слѣдующее обстоятельство: республиканскіе и либеральные кандидаты получили всего болѣе голосовъ въ значительныхъ городахъ и въ наиболѣе просвѣщенныхъ и промышленныхъ провинціяхъ Испаніи. Католическое духовенство, повинувшись приказаніямъ папы, не поддерживало карлистовъ, которые поэтому могли получить представительство только отъ восьми избирательныхъ округовъ. Римско-католическая церковь издавна славится умѣньемъ въ-время предавать своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Многовѣковая свѣтская власть папъ выработала это умѣнье, которое переживаетъ утраченную римскими первосвященниками государственную

*) *Новости*, № 33.

власть. Подобныхъ качествъ не хватаетъ греческому патриархату въ его борьбѣ съ турецкимъ султаномъ. Читатели припомнятъ, что недавно патриархъ прибѣгнулъ въ столкновени съ турецкимъ правительствомъ къ архаической мѣрѣ, которая имѣла когда-то громадное значеніе, въ особенности въ искусныхъ папскихъ рукахъ: было приостановлено православное богослуженіе, покуда не пойдетъ на уступки... мусульманскій государь. Естественно, что распоряженіе патриарха въ глазахъ Порты могло имѣть только революціонный характеръ и значеніе этого распоряженія опредѣлялось лишь степенью опасности, которую могло представлять недовольство христіанскаго населенія имперіи. Другая важная особенность, невыгодно отмѣчающая способъ дѣйствія греческаго патриарха отъ обычной папской политики, заключается въ томъ, что у константинопольскаго патриарха вѣсы правосудія сильно склоняются въ интересахъ греческой народности, въ ущербъ иной разъ интересамъ славянскимъ.

Порта согласилась съ требованіемъ патриархата, чтобы завѣщанія христіанъ признавались во вѣсхъ мусульманскихъ судахъ законными, если правильность ихъ будетъ утверждена патриархомъ, митрополитами или ихъ мѣстными представителями. Приготовлялось султанское ираде въ этомъ смыслѣ, но соглашеніе Порты съ греческимъ патриархомъ вызвало сильное волненіе среди мусульманскаго духовенства. Улемы утверждаютъ, что законы о наслѣдствѣ установлены черезъ посредство Магомета самимъ Аллахомъ, заключены въ Коранѣ и не могутъ быть измѣняемы свѣтскою властью. Такая исключительно религіозная точка зрѣнія не допускаетъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, принципы которыхъ не находятся въ полномъ согласіи съ мусульманскими вѣрованіями. Ходомъ вещей турецкое правительство вынуждено будетъ найти пути и средства, чтобы сломить фанатическое упорство улемовъ. Турція находится все же подъ внимательнымъ контролемъ европейскихъ державъ, хотя и раздѣленныхъ завистливымъ недовѣріемъ, но соединенныхъ общими началами гражданственности.

Кромѣ того, доводить до крайности многомилліонное христіанское населеніе Турецкой имперіи—дѣло далеко не безопасное. Но несовмѣстимость государственнаго строя, основаннаго на *Коранѣ*, съ элементарными требованіями отъ современнаго государства, становится все болѣе и болѣе ясною для наблюдателей и все болѣе и болѣе тягостною для грековъ, болгаръ, сербовъ и другихъ христіанскихъ племенъ, имѣющихъ несчастье быть подданными турецкаго султана. Въ сожалѣнію, племена эти, связанная православіемъ, разъединены національными стремленіями до такой степени, что греческій патриархатъ борется съ болгарскою церковью, а послѣдняя враждуетъ съ церковью сербскою. Съ нашей точки зрѣнія, лучшимъ средствомъ устранить такіа печальныя явленія было бы созданіе на Балканскомъ полуостровѣ православнаго синода, въ который, на равныхъ правахъ, вошли бы представители грече-

ской, болгарской, сербской и румынской церквей. При такой постановкѣ церковнаго управленія могли бы быть устранены печальные раздоры племень, исповѣдующихъ православную вѣру, и конецъ деспотическаго государства, такъ давно давящаго свободное развитіе народовъ Балканскаго полуострова, можно было бы предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ. Но наше предположеніе, конечно, носить характеръ гуманной мечты и всего менѣе походитъ на практическую мѣру. Національная нетерпимость очень сильна въ наши дни, просвѣщеніе сдѣлало еще мало успѣховъ, *mundus vult decipi*... Мы не можемъ только согласиться съ окончаніемъ этого изреченія: если міръ покуда и хочетъ еще заблуждаться, то противъ такого настроенія необходимо бороться, и борьба эта приобретаетъ все болѣе и болѣе шансовъ на рѣшительную и скорую побѣду. Въ интересахъ распространенія идей мира и примиренія, неразрывно связанныхъ съ развитіемъ чувства справедливости и доброжелательности, мы отмѣтимъ на этотъ разъ, что болгарское правительство продолжаетъ заявлять о своемъ желаніи возвратитъ доброе расположеніе Россіи и возлагаетъ надежду на великодушіе императора Александра III *).

Намъ доставлена любопытная брошюра, вышедшая въ нынѣшнемъ году въ Ганноверѣ: *Гогенцоллерны, основатели Бранденбургско-Прусскаго государства и объединители Германіи* **). Брошюра изображаетъ Гогенцоллерновъ съ ихъ отеческихъ заботахъ о благосостояніи ихъ народа. Авторъ, В. Гейнце, говоритъ въ предисловіи, что «Гогенцоллерны, поистинѣ, были воспитателями народа и съ начала нынѣшняго вѣка социальными реформами дали этому народу свободу и самостоятельность, необходимыя для полнаго расцвѣта его силъ». Это дифирамбическое утвержденіе съ удивленіемъ прочтеть историкъ, которому памятна реакціонная роль Пруссіи послѣ войны за освобожденіе Германіи отъ наполеоновскаго владычества: во время этой войны народу были обѣщаны, а потомъ не даны именно свобода и самостоятельность, необходимыя для расцвѣта его силъ.

Отеческія заботы бранденбургскихъ курфирстовъ и прусскихъ королей тяжело отразились на сосѣдяхъ, въ особенности на польскомъ народѣ. Въ новѣйшее время въ этомъ отношеніи пришлось кое-что испытать

*) Въ новогоднемъ номерѣ *Свободы* (органъ Стамбулова) мы читаемъ: „Не вѣрваме, но възможно е, новата година да умилостиви и Русския Царь къмъ България, щото да махне най-посли и той съ рука и да се съгласи да признае положението. Съ ината си русеситъ не печелятъ, а губатъ; между тѣмъ, едно великодушне отъ страна на Царя, може да му спечели молбитѣ и благодарноститѣ къмъ Бога на милиони български существа“.

***) *Heinze*: „Die Hohenzollern, die Gründer des brandenburgisch-preussischen Staates und Einiger Deutschlands“ etc.

аніи и Франціи. Сами *дѣти* многое возражали противъ воздѣйствія на ихъ такихъ *отцовъ*. Въ изложеніи Гейнце выходитъ, что истиннымъ представителемъ гогенцоллернскаго духа и традицій является и императоръ Вильгельмъ I, и его сынъ, императоръ Фридрихъ III, и нынѣ царствующій императоръ Вильгельмъ II. Впрочемъ, въ Фридрихъ III авторъ восхищается сего болѣе талантами полководца и кирасирскимъ мундиромъ. Несомнѣно, что такіе государи, какъ императоръ Фридрихъ III, могутъ благотворно вліять на ростъ общественнаго мнѣнія; не подлежитъ сомнѣнію и то, что много добра могутъ сдѣлать государи, подобные императору Вильгельму II, при надлежащемъ контролѣ общественнаго мнѣнія.

В. Г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Современная теорія растворовъ.

Послѣ того, какъ въ первыя три четверти этого столѣтія большинство химиковъ направляли свои труды на изученіе такъ называемыхъ определенныхъ химическихъ соединений, характеризующихся постоянствомъ состава, въ послѣднее время изученіе «неопределенныхъ» соединений начинаетъ привлекать все болѣе и болѣе вниманіе химиковъ. Въ числу неопределенныхъ соединений относятся такія тѣла, какъ растворы, сплавы и т. под. Растворъ какого-либо тѣла въ водѣ, наприм., сахара, характеризуется тѣмъ, что мы можемъ прибавлять къ нему воды, и отъ этого однородность его не измѣнится, свойства же его измѣнятся постепенно.

До послѣдняго времени растворы хотя и изучались, но сравнительно мало; въ послѣднее десятилѣтіе къ изученію ихъ приложили свои труды многіе выдающіеся химики.

Благодаря этому, возникло нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ строеніе растворовъ. Съ одной изъ этихъ гипотезъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе химиковъ и объясняющихъ, по нашему мнѣнію, множество явленій, мы постараемся познакомить читателей. Но въ виду того, что, по этой теоріи, тѣла въ разведенныхъ растворахъ находятся въ состояніи, подобномъ газообразному, намъ необходимо сдѣлать общій очеркъ современной кинетической теоріи газовъ.

Согласно этой теоріи, всѣ тѣла состоятъ изъ частицъ, находящихся въ движеніи. Степень подвижности частицъ опредѣляется температурой тѣла и характеризуетъ собою различныя состоянія тѣлъ—твердое, жидкое или газообразное.

Въ твердыхъ тѣлахъ частицы находятся исключительно въ колебательномъ движеніи. Всякая частица, находящаяся внутри твердаго тѣла, никогда не удаляется далеко отъ нѣкотораго средняго положенія, которое она занимала въ извѣстный моментъ. Чѣмъ выше температура твердаго тѣла, тѣмъ колебательныя движенія быстрѣе, и если мы будемъ повышать все болѣе и болѣе температуру, то настанетъ моментъ, когда частицы, сохра-

няя нѣкоторое колебательное движеніе, стануть перемѣщаться болѣе свободно относительно другъ друга. Тѣло изъ твердаго состоянія перейдетъ въ жидкое. Большая свобода движенія частицъ жидкаго тѣла состоитъ въ томъ, что движеніе какой-либо частицы настолько быстро, что она можетъ преодолѣть притяженіе сосѣдней частицы и уйти изъ сферы дѣйствія послѣдней, но оно не достаточно велико, чтобы она могла преодолѣть притяженіе всѣхъ смежныхъ частицъ. При повышеніи температуры, скорость движенія частицъ все увеличивается и, наконецъ, она дѣлается настолько велика, что частица находится въ сферѣ дѣйствія другой частицы только безконечно малое время, и тогда тѣло переходитъ въ газообразное состояніе. Въ газообразныхъ тѣлахъ частицы находятся уже не въ колебательномъ движеніи, а въ прямолинейномъ, поступательномъ. Всякая частица движется по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока не столкнется съ другою частицей, отъ которой она отскакиваетъ какъ упругій шаръ, и затѣмъ, измѣнивъ отъ удара направленіе, опять несется по прямой линіи до слѣдующей встрѣчи. Такимъ образомъ, въ данномъ объемѣ газа всѣ частицы имѣютъ всевозможныя направленія движенія и обладаютъ различною скоростью.

Число столкновеній одной частицы въ секунду очень велико. Давленіе, производимое газомъ на стѣнки сосуда, въ которомъ оно заключено, происходитъ отъ тѣхъ ударовъ частицъ, которые сыплются со всѣхъ сторонъ на стѣнки сосуда.

Кинетическая теорія прекрасно объясняетъ всѣ законы, характеризующіе газообразное состояніе тѣла. Законъ Бойля-Мариотта, гласящій, что давленіе газа обратно пропорціонально объему, находитъ себѣ очень простое объясненіе въ кинетической теоріи. Представимъ себѣ, что газъ находится въ цилиндрѣ, закрытомъ поршнемъ. Всѣ поршня будутъ выражать величину того давленія, подъ которымъ находится газъ. Поршень будетъ поддерживаться тѣми ударами, которые наносятся ему со стороны частицы газа, заключеннаго въ цилиндрѣ. Если допустить, что число этихъ ударовъ въ одну секунду будетъ опредѣляться билліонами, что скорость движенія частицъ весьма велика, то станетъ ясно, что хотя дѣйствіе одного удара одной частицы ничтожно, однако, совокупность всѣхъ ударовъ о поршень можетъ произвести весьма значительное давленіе, и давленіе это будетъ равно вѣсу поршня. Если увеличимъ вѣсъ поршня вдвое, онъ будетъ опустаться въ цилиндръ до тѣхъ поръ, пока давленіе изнутри не сдѣлается равнымъ наружному. Это произойдетъ тогда, когда число ударовъ въ секунду времени будетъ вдвое болѣе, чѣмъ прежде, т. е. когда объемъ газа уменьшится вдвое, такъ какъ только тогда каждая частица, проходя вдвое болѣе короткій путь между дномъ и поршнемъ сосуда, будетъ вдвое чаще ударяться о стѣнки сосуда.

Точно также легко объясняется законъ Ге-Люссака, по которому при повышеніи температуры давленіе газа возрастаетъ пропорціонально температурѣ. Дѣйствительно, чѣмъ выше температура, тѣмъ скорость движенія

частицъ болѣе, а, слѣдовательно, тѣмъ болѣе число ударовъ о стѣнки сосуда, и тѣмъ болѣе производимое частицами давленіе. Скорость движенія частицъ весьма велика; Клаузіусъ, одинъ изъ основателей кинетической теоріи, вычислилъ, что частицы кислорода движутся со скоростью около $\frac{1}{2}$ версты въ секунду, частица водорода — почти двѣ версты въ секунду. Несмотря на такую громадную скорость, какой-либо газъ (наприм., амміакъ), внесенный въ атмосферу другаго, требуетъ для своего распространенія довольно много времени. Предположимъ, что мы внесли въ комнату и открыли стлянку съ амміакомъ; запахъ амміака почувствуется во всей комнатѣ черезъ нѣсколько секундъ, а, между тѣмъ, при той громадной скорости (около версты въ секунду), какую обладаютъ частицы амміака, онѣ должны бы разлетѣться по всей комнатѣ въ весьма малую долю секунды. Явленіе это объясняется тѣмъ, что частица только въ продолженіе очень малаго времени летитъ по прямой линіи, затѣмъ она сталкивается съ другою частицей, которая отталкиваетъ ее и измѣняетъ такимъ образомъ ея путь. Средняя длина пути частицы, т.-е. средній отрѣзокъ пути, который частица проходитъ отъ одного столкновенія до другаго, весьма мала. По вычисленіямъ Клаузіуса, для воздуха она равна $\frac{1}{10000}$ миллиметра. Принимая во вниманіе, что средняя скорость частицъ воздуха около $\frac{1}{2}$ версты, легко видѣть, что частицы воздуха хотя и летятъ прямолинейно съ громадною скоростью, но, постоянно сталкиваясь (до 4,000 билліоновъ разъ въ секунду) другъ съ другомъ, мѣняютъ постоянно направленія движенія, и путь ихъ будетъ представлять не прямую линію, а ломаную, имѣющую безчисленное множество перегибовъ. Этимъ легко объясняется медленное распространеніе частицъ одного газа въ другомъ.

Кинетическая теорія газовъ объясняетъ всѣ законы, характеризующіе газообразное состояніе тѣлъ. На основаніи ея подтверждена гипотеза Авогадро, по которой въ равныхъ объемахъ всѣхъ газовъ, при одинаковомъ давленіи и температурѣ, заключается равное число частицъ или молекулъ *). Законъ этотъ, высказанный еще въ 1811 году почти одновременно итальянцемъ Авогадро и французомъ Амперомъ, былъ на время какъ бы забытъ химиками, и только въ 50 годахъ французскій химикъ Жераръ обратилъ на него вниманіе и привелъ въ подтвержденіе его много данныхъ изъ области химіи. Съ развитіемъ термодинамики и кинетической теоріи газовъ, законъ этотъ получилъ новое подтвержденіе, и теперь можетъ считаться однимъ изъ основныхъ законовъ физики и химіи. Легко видѣть, какъ, основываясь на немъ, можно опредѣлить относительный вѣсъ частицъ двухъ тѣлъ. Извѣстно, напримѣръ, что литръ кислорода вѣситъ въ шестнадцать

*) Молекулами называютъ тѣ мельчайшія частицы матеріи, на которыя способно дѣлиться всякое тѣло физическими процессами, т.-е. процессами, не измѣняющими химическаго состава тѣла. Можно опредѣлить также молекулу какого-либо тѣла, какъ наименьшее количество этого тѣла, могущее существовать, какъ таковое. При дальнѣйшемъ дѣленіи, молекула или частица можетъ распадаться на отдѣльные атомы, ее составляющіе, но уже при этомъ произойдетъ разложеніе тѣла; химическій составъ тѣла сдѣлается иной.

разъ болѣе, чѣмъ литръ водорода. А такъ какъ число частицъ или молекулъ водорода и кислорода, заключающихся въ 1 литрѣ, одинаково, то отсюда слѣдуетъ, что частица кислорода въ шестнадцать разъ тяжелѣе частицы водорода. Слѣдовательно, если мы примемъ за единицу для атомныхъ вѣсовъ вѣсъ атома водорода ($H=1$), то вѣсъ молекулы его, состоящей изъ 2 атомовъ, будетъ равенъ 2 ($H_2=2$), а вѣсъ частицы кислорода равенъ 32 ($O_2=2$). Изъ этого видно, что вѣсъ частицы какого-либо газа равняется удвоенному удѣльному вѣсу его (по отношенію къ водороду).

Послѣ того, какъ стали пользоваться закономъ Авогадро для опредѣленія частичныхъ и атомныхъ вѣсовъ тѣлъ, оказалось, что для многихъ тѣлъ вѣса частицъ, опредѣленные этимъ путемъ, вдвое менѣе, чѣмъ опредѣленные на основаніи химическихъ реакцій.

Это обстоятельство заставило многихъ химиковъ усомниться въ справедливости закона Авогадро. Но дальнѣйшія *исследования* показали, что отступленія только кажущіяся, и находятъ себѣ объясненіе въ явленіи, открытомъ французскимъ химикомъ и физикомъ Сен-Клеръ-Девилемъ, — явленіи такъ называемой диссоціаціи. Въ чемъ же состоитъ это явленіе? Для того, чтобы ознакомиться съ нимъ, возьмемъ довольно извѣстное тѣло — нашатырь, или, какъ его иначе называютъ, хлористый аммоній, и начнемъ его нагрѣвать. При извѣстной температурѣ, это кристаллическое тѣло, похожее на поваренную соль, не плавясь, будетъ испаряться или сдѣлается газообразнымъ. Мы можемъ опредѣлить удѣльный вѣсъ этого газа, и опредѣленіе это привело къ неожиданнымъ результатамъ. Составъ нашатыря выражается NH_4Cl *). Зная формулу, легко вычислить вѣсъ частицы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и удѣльный вѣсъ нашатыря въ газообразномъ состояніи. Удѣльный вѣсъ нашатыря, относительно водорода, сообразно приведенной формулѣ, долженъ быть равенъ 26,75. Наблюденія же показываютъ, что удѣльный вѣсъ его равенъ какъ разъ половинѣ, т. е. 13,37. Какъ объяснить это отступленіе? Или, можетъ быть, законъ Авогадро невѣренъ, или же формула невѣрна. Такъ какъ формула нашатыря подтверждается всеми остальными фактами, то, прежде чѣмъ отвергнуть законъ Авогадра, какъ невѣрный, нужно поискать объясненіе отступленія въ чемъ-нибудь другомъ. Объясненіе это мы находимъ въ явленіи диссоціаціи или распаденія частицы нашатыря на составныя части. Оказывается, что, при переходѣ нашатыря въ газообразное состояніе, каждая частица его распадается на частицу хлористаго водорода и частицу амміака (по уравненію $NH_4Cl = NH_3 + HCl$). Слѣдовательно, если бы мы имѣли въ 1 литрѣ нѣкоторое число (x) частицъ газообразнаго нашатыря въ неразложенномъ (недиссоциированномъ) состояніи, то онъ имѣлъ бы нормальный удѣльный вѣсъ, а такъ какъ при диссоціаціи каждой частицы нашатыря получается двѣ частицы, то, слѣдовательно, по закону Авогадро, то же самое вѣ-

*) Въ частицѣ его находится 1 атомъ азота ($N=14$), 4 атома водорода (H) и 1 атомъ хлора ($Cl=35,5$).

совое количество нашатыря займетъ вдвое бблшій объемъ, слбдовательно, и удбльный вбсъ газа будетъ вдвое меньшій.

Такія тбла, какъ нашатырь, не могутъ существовать въ газообразномъ состоянїи; при переходб въ таковое, онъ распадается на амміакъ и хлористый водородъ, и, слбдовательно, всб частицы находятся въ диссоціированномъ состоянїи. Многія же другія газообразныя тбла при низкой температурб будутъ недиссоціированными, при повышенїи же температуры часть молекулъ распадается на составныя части. Такъ, іодистый водородъ (HJ) при низкой температурб не диссоціируетъ, при повышенїи же температуры часть частицъ іодистаго водорода диссоціируетъ на іодъ и водородъ. При этомъ процентъ диссоціированныхъ частицъ зависитъ отъ температуры, и при каждой температурб диссоціація идетъ только до извбстнаго предбла.

Согласно кинетической теорїи газовъ, явленїе диссоціаціи можно представить въ слбдующемъ видб. Представимъ себб, что мы имбемъ 1 литръ іодистаго водорода (HJ). Каждая частица іодистаго водорода, состоящая изъ 1 ат. водорода и 1 ат. J двигается съ извбстною скоростью, сталкивается съ другою частицею, ударяется о стбнки сосуда и т. д.; при этомъ атомы, частицы составляющїе, кромб поступательнаго движенїя, одарены еще движенїемъ относительно другъ друга, и скорость этого послбдняго движенїя прямо пропорціональна скорости поступательнаго. Съ повышенїемъ температуры скорость какъ поступательнаго движенїя частицы, такъ и скорость атомнаго (внутри молекулярнаго) движенїя увеличивается, и при достаточно высокой температурб послбдняя можетъ сдблаться настолько велика, что при встрбчб двухъ молекулъ іодистаго водорода взаимное прїтяженїе однородныхъ атомовъ іода и водорода, находящихся въ столкнувшихся молекулахъ, преодолбетъ прїтяженїе атомовъ іода и водорода, составляющихъ одну молекулу, и изъ двухъ частицъ іодистаго водорода образуется 1 частица іода и 1 частица водорода ($2HJ = I_2 + H_2$). Молекулы водорода и іода будутъ летать съ различною скоростью и при этомъ сталкиваться не только съ частицами іодистаго водорода, но и другъ съ другомъ, и можетъ случиться, что при столкновенїи частицы іода съ частицею водорода вновь образуется 2 частицы іодистаго водорода. Число вновь образующихся въ единицу времени частицъ іодистаго водорода, очевидно, будетъ зависбть отъ числа частицъ іода и водорода. Чбмъ больше послбднихъ частицъ, тбмъ больше шансовъ встрбчи частицъ между собой и тбмъ болбе вброятна возможность образованїя частица іодистаго водорода. Отсюда слбдуетъ, что въ первое время, когда число разложенныхъ частицъ іодистаго водорода не велико, число вновь образующихся тоже не велико, но если мы будемъ нагрбвать газъ, то число разлагающихся частицъ все будетъ увеличиваться, а, вмбстб съ тбмъ, будетъ увеличиваться число вновь образующихся, и если мы поддержимъ извбстную температуру газа достаточное время, то настанетъ моментъ, когда число разлагающихся частицъ іодистаго водорода и число вновь образующихся въ единицу времени станетъ одно и то же.

видимое разложене прекратится, наступитъ предѣлъ диссоціаціи, для каждой температуры постоянный.

Таково представленіе, которое мы можемъ составить себѣ, на основаніи кинетической теоріи газовъ, относительно явленій диссоціаціи. Мы остановились на разъясненіи этого явленія оттого, что ясное представленіе о томъ, что такое диссоціація, намъ необходимо для того, чтобы уяснить себѣ современную теорію состава раствора.

Теорія эта была разработана трудами молодого голландскаго ученаго Фантъ-Гоффа, Арреніуса и другихъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ основываться, главнымъ образомъ, на ихъ работахъ, а также на работахъ проф. Оствальда, Нернста и др., но да простятъ намъ читатели, если мы не будемъ пестрить свою статью цитатами *).

Какъ мы видѣли, мы можемъ представить себѣ всякій газъ, какъ состоящій изъ безчисленнаго множества быстро двигающихся частицъ. Когда газъ переходитъ въ жидкость, скорость этого движенія значительно уменьшается, но и въ жидкостяхъ молекулы находятся въ постоянномъ движеніи. Въ этомъ убѣдиться не трудно. Возьмемъ, на примѣръ, неоднородныя жидкости или растворы.

Если мы опустимъ кусокъ сахара или поваренной соли въ воду, то сахаръ начнетъ растворяться и расходиться между частицами воды. Очевидно, что между частицами воды и сахара существуетъ нѣкотораго рода притяженіе, вслѣдствіе котораго частицы сахара или соли будутъ стремиться разойтись, распространиться между частицами воды. Въ этомъ стремленіи убѣдиться легко: стодить только на густой растворъ сахара налить осторожно воды, и мы увидимъ, какъ частицы сахара, хотя и медленно, вопреки силѣ тяжести, проникнуть въ верхніе слои воды и, спустя нѣкоторое время, растворъ сдѣлается однороднымъ. Это явленіе такъ называемой диффузіи растворовъ можетъ служить указаніемъ, во-первыхъ, на то, что частицы движутся, во-вторыхъ, на то, что между частицами сахара и частицами воды существуетъ извѣстнаго рода притяженіе или, какъ говорятъ иначе, химическое сродство. Въ существованіи этой силы притяженія или химическаго сродства убѣждаетъ насъ еще слѣдующее явленіе. Если мы помѣстимъ растворъ сахара или какой-либо другой соли въ сосудъ, дно котораго сдѣлано изъ такого матеріала, который можетъ пропускать сквозь себя частицы воды, но не будетъ пропускать частицы сахара **) и внесемъ такой сосудъ въ чистую воду, то частицы сахара будутъ притягивать частицы воды и взаимно притягиваться ими; но такъ какъ частицы сахара

*) Желающихъ ближе ознакомиться съ этою теоріей отсылаемъ къ брошюрѣ проф. Оствальда *О растворахъ*, пер. Н. С. Дрентельна, и сочиненію С. Арреніуса *Современная теорія состава электролитическихъ растворовъ*, пер. Н. С. Дрентельна. Всѣ же наиболѣе важныя работы по различнымъ вопросамъ, касающимся этой теоріи, можно найти въ *Zeitschrift für physikalische Chemie*.

**) Такія „полупроницаемыя стѣнки“ можно приготовить, пропитавъ пористую глянву сперва растворомъ мѣднаго купороса, а затѣмъ внеся въ растворъ желѣзисто-синеродистаго калия.

не могут проникнуть через «полупроницаемую стѣнку», то вода и будетъ проникать въ сосудъ. Вода будетъ проходить въ сосудъ до тѣхъ поръ, пока давленіе, которое оказываетъ растворъ на внутреннія стѣнки сосуда, не будетъ равно наружному, которое производятъ частицы воды, стремящіяся подъ вліяніемъ силы притяженія къ частицамъ сахара проникнуть внутрь сосуда. Измѣряя такимъ образомъ это давленіе, которое называютъ осмотическимъ, мы можемъ судить о величинѣ силы химическаго средства сахара (или соли) къ водѣ. Величину же осмотическаго давленія мы можемъ измѣрять прямо, наблюдая высоту раствора во внутреннемъ сосудѣ надъ уровнемъ воды въ наружномъ; но такъ какъ высота эта очень велика и поэтому измѣрять ее неудобно, то, для удобства измѣренія, соединяютъ внутренний сосудъ съ ртутнымъ манометромъ, который и будетъ показывать величину осмотическаго давленія.

Измѣренія осмотическаго давленія, сдѣланныя надъ разведенными растворами сахара и многими другими тѣлами, привели къ очень интереснымъ выводамъ. Оказывается, что осмотическое давленіе вполне аналогично газовому давленію, т.-е. тому давленію, которое оказали бы частицы раствореннаго вещества, если бы онѣ, занимая тотъ же самый объемъ, находились въ газообразномъ состояніи. И эта аналогія касается не только качественной стороны, но и количественной. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ давленіе газа увеличивается пропорціонально числу частицъ, находящихся въ единицѣ объема, такъ и осмотическое давленіе пропорціонально концентрации раствора, т.-е. однопроцентный растворъ сахара оказываетъ осмотическое давленіе вдвое меньшее, чѣмъ двухпроцентный.

Далѣе извѣстно, что давленіе газа, при постоянномъ объемѣ, повышается, если мы будемъ увеличивать температуру газа, причемъ это увеличеніе почти не зависитъ отъ природы газа и для всѣхъ газовъ будетъ почти одинаково. Фантъ-Гоффъ показалъ, что и осмотическое давленіе подчиняется тому же закону, т.-е. оно будетъ увеличиваться съ температурой, и, притомъ, увеличиваться на ту же самую величину, на какую происходитъ увеличеніе давленія газа, находящагося при тѣхъ же условіяхъ. Но аналогія идетъ еще далѣе, а именно, по вычисленіямъ Фантъ-Гоффа, оказывается, что осмотическое давленіе, которое оказываетъ данный растворъ сахара или другаго тѣла, будетъ равно какъ разъ тому давленію, которое могли бы оказать частицы сахара, если бы онѣ, находясь въ газообразномъ состояніи, занимали тотъ же объемъ, какой занимаетъ данный растворъ. Для того, чтобы лучше иллюстрировать этотъ выводъ, мы приведемъ здѣсь наблюденія надъ величиной осмотическаго давленія, выраженнаго въ доляхъ атмосфернаго давленія, оказываемаго однопроцентнымъ растворомъ сахара, при различной температурѣ. Рядомъ съ этими данными опыта мы приведемъ числа, показывающія величину того давленія, которое оказали бы на стѣнки сосуда части сахара, если бы онѣ находились въ газообразномъ состояніи, причемъ число частицъ сахара въ единицѣ объема какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ было бы одинаково:

Температура.	Осмотическое давленіе (наблюд.).	Вычисленное.
6,8	0,664	0,665
13,7	0,691	0,681
14,2	0,671	0,682
15,5	0,684	0,686

Числа какъ въ томъ, такъ и въ другомъ столбцѣ оказываются очень близкими.

Такимъ образомъ, законъ Авогадро, по которому въ равныхъ объемахъ всѣхъ газовъ, при одинаковыхъ условіяхъ температуры и давленія, заключается одинаковое количество частицъ, будетъ прилагаться не только къ газообразному состоянію тѣлъ, но и къ состоянію тѣлъ въ очень разведенныхъ растворахъ, т.-е. мы можемъ сказать, что разведенные растворы различныхъ тѣлъ, заключающіе въ единицѣ объема одинаковое количество частицъ, будутъ оказывать одинаковое осмотическое давленіе. Указаніе этой аналогіи, почти совпадающей съ тождествомъ, между осмотическимъ давленіемъ и газовымъ, сдѣланное Фантъ - Гоффомъ, открыло новые пути для изслѣдованія природы растворовъ и повело уже въ продолженіе немногихъ лѣтъ къ въ высшей степени важнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что газообразное состояніе тѣлъ отличается наибольшею простотой и до сихъ поръ является, благодаря этой простотѣ, болѣе изученнымъ, чѣмъ жидкое или твердое состояніе. Поэтому указанная аналогія между газообразнымъ состояніемъ тѣла и состояніемъ его въ разведенныхъ растворахъ позволила приложить тѣ законы, которые извѣстны для газовъ, и для разведенныхъ растворовъ.

На основаніи законовъ термодинамики Фантъ-Гоффъ показалъ, что съ величиной осмотическаго давленія находятся въ тѣсной связи другія величины, характерныя для растворовъ, такъ что, зная осмотическое давленіе раствора, можно вычислить послѣднія и обратно. Это позволило судить о величинѣ осмотическаго давленія (требующей, нужно прибавить, для своего измѣренія мѣшкотныхъ и трудныхъ опытовъ), производя наблюденія надъ другими свойствами раствора.

Такъ, основываясь на законахъ термодинамики, можно вывести строгое соотношеніе между величиной осмотическаго давленія и потерей упругости пара раствора.

Извѣстно, что водные растворы обладаютъ меньшею упругостью пара, чѣмъ вода при той же температурѣ. Такъ, напримѣръ, упругость пара чистой воды при 100° измѣняется 760 милл. ртутнаго столба; упругость же раствора, содержащаго 74,4 грамма хлористаго калия (KCl) въ 1000 гр. раствора, будетъ на 24,4 милл. меньше; упругость раствора, содержащаго не 74,4 гр., а вдвое болѣе (148,8 гр.) хлористаго калия, будетъ равна 711,2 миллим. ртутнаго столба, т.-е. на 48,8 миллим. менѣе упругости паровъ чистой воды. Изъ приведенныхъ чиселъ видно также, что пониженіе упругости раствора пропорціонально концентраціи раствора,

и эта пропорциональность строго соблюдается для разведенных водных растворовъ.

Наблюденія французскаго ученаго Рауля надъ растворами въ другихъ летучихъ жидкостяхъ, какъ-то: эфиръ, спиртъ, бензолъ и т. под., показали, что уменьшеніе упругости пара этихъ растворовъ подчиняется тѣмъ же законностямъ, каковымъ и водные растворы, если только растворъ содержитъ около 1 частицы раствореннаго тѣла на 100 частицъ растворителя.

Спрашивается, что же служитъ причиною уменьшенія упругости пара раствора? Не трудно видѣть, что причиною этой будетъ то же, что производитъ осмотическое давленіе, а именно притяженіе частицами раствора (или же раствореннаго тѣла) частицъ воды.

Въ самомъ дѣлѣ, опустимъ сосудъ съ «полупроницаемымъ» дномъ (т. е. съ такимъ, черезъ которое свободно будутъ проходить частицы воды, но не будутъ проходить частицы растворенныхъ тѣлъ) въ воду. Вода въ такомъ случаѣ будетъ проходить черезъ «полупроницаемое» дно и наполнять сосудъ, и, въ концѣ-концовъ, какъ въ наружномъ сосудѣ, такъ и во внутреннемъ вода будетъ стоять на одномъ уровнѣ. Упругость пара, находящагося надъ водною поверхностью, въ обоихъ сосудахъ будетъ тоже одинакова. Бросимъ теперь нѣсколько какого-либо растворимаго въ водѣ вещества, сахара, напримѣръ, или повареной соли, во внутренней сосудъ. Равновѣсіе сейчасъ же нарушится, а именно частицы сахара или соли растворятся, начнутъ притягивать частицы воды, результатомъ чего произойдетъ прониканіе частицъ воды черезъ «полупроницаемое» дно изъ наружнаго сосуда во внутренней, и осмотическое давленіе. Съ другой стороны, частицы раствора будутъ притягивать не только частицы жидкой воды, но и частицы парообразной, находящейся надъ поверхностью раствора во внутреннемъ сосудѣ, и результатомъ этого будетъ то, что часть паровъ стунится и произойдетъ уменьшеніе упругости пара раствора. Очевидно, что чѣмъ больше частицъ сахара или соли мы растворимъ, — другими словами, чѣмъ концентрированнѣе растворъ, тѣмъ болѣе частицъ парообразной воды будетъ притягиваться въ растворъ, и рядомъ съ этимъ тѣмъ болѣе будетъ и осмотическое давленіе, и, такимъ образомъ, оба эти явленія (какъ уменьшеніе упругости пара, такъ и осмотическое давленіе), являясь слѣдствіями одной и той же причины, тѣсно связаны между собою, и по величинѣ осмотическаго давленія, производимаго даннымъ растворомъ, можно судить объ уменьшеніи упругости пара раствора и обратно.

Фантъ-Гоффъ, а затѣмъ Планкъ, принимая, что законъ Авогадро, выраженный въ той формѣ, которая нами приведена выше, вѣренъ не только для газовъ, но и для разведенныхъ растворовъ, и основываясь на второмъ законѣ термодинамики, пришли къ слѣдующему соотношенію между уменьшеніемъ упругости пара и концентраціи разведенныхъ растворовъ. Если мы упругость пара чистаго растворителя при данной температурѣ назовемъ черезъ p , упругость пара раствора и частицъ извѣстнаго тѣла въ N ча-

стицахъ растворителя черезъ p_1 , то будетъ существовать слѣдующее соотношение для разведенныхъ растворовъ:

$\frac{p - p_1}{p} = \frac{n}{N + n}$; но для разведенныхъ растворовъ, въ которыхъ N сравнительно съ n велико, можно принять, что $N + n = N$.

$$\frac{p - p_1}{p} = \frac{n}{N} \quad (I)$$

т. е. отношеніе между потерей упругости пара ($p - p'$) раствора и упругостью пара растворителя равно отношенію между числомъ частицъ раствореннаго тѣла и числомъ частицъ растворителя. Это соотношеніе было выведено ранѣе Раулемъ на основаніи его многочисленныхъ изслѣдованій.

Но это соотношеніе будетъ вѣрно только для такихъ растворовъ, для которыхъ осмотическое давленіе равно тому давленію, которое оказывали частицы раствореннаго тѣла, если бы оно, будучи газообразнымъ, занимало тотъ же объемъ, что и растворъ. Такое давленіе мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ называть «нормальнымъ» осмотическимъ давленіемъ. Такимъ образомъ, измѣряя упругость пара раствора, мы можемъ узнать, будетъ ли для даннаго раствора осмотическое давленіе нормальнымъ, или нѣтъ. Если оно нормально, то упругость пара должна быть равной той, какую мы можемъ вычислить по приведенной выше формулѣ, зная n и N , — другими словами, зная концентрацію раствора. Если же упругость пара болѣе или менѣе вычисленной, то, значить, осмотическое давленіе раствора отклоняется отъ нормальнаго въ ту или другую сторону. Многочисленныя измѣренія упругости пара водныхъ растворовъ, произведенныя различными изслѣдователями, показали, что всѣ тѣла могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой группѣ могутъ принадлежать тѣ, разведенные растворы которыхъ будутъ оказывать нормальное осмотическое давленіе, таковы: сахаръ, глицеринъ, маннитъ и тому под., ко второй группѣ относятся такія тѣла, для которыхъ осмотическое давленіе, а, слѣдовательно, и уменьшеніе упругости пара ихъ водныхъ растворовъ будетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по вышеприведенной формулѣ; къ нимъ будутъ принадлежать соли, кислоты, щелочи и т. под.

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ новой теоріи Фантъ-Гоффа пришлось встрѣтиться съ исключеніями, которыя сильно, конечно, подрывали вѣру въ общность этой теоріи. Для объясненія этихъ отступленій молодымъ шведскимъ ученымъ Свантомъ Арреніусомъ была предложена гипотеза, которая показала, что тѣ тѣла, для которыхъ замѣчены отступленія, находятся въ особомъ состояніи. Но, прежде чѣмъ перейти къ изложенію этой остроумной гипотезы, мы укажемъ еще нѣкоторыя слѣдствія изъ теоріи Фантъ-Гоффа.

Давно былъ извѣстенъ фактъ, что соляные растворы замерзаютъ при низшей температурѣ, чѣмъ вода. Извѣстно, что моря замерзаютъ при болѣе низкой температурѣ (около — 3° Ц.), чѣмъ рѣки, потому что морская вода содержитъ въ растворѣ болѣе минеральныхъ частей, чѣмъ

рѣчная. При этомъ, при замерзаніи морской воды застываетъ только чистая вода, соли же остаются въ незамерзшемъ растворѣ, поэтому - то ледъ изъ морской воды при растапливаніи даетъ прѣсную воду. Факты подобнаго рода, показывающіе, что растворы замерзаютъ при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ вода, были извѣстны давно, обширныя же изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ, въ особенности же Рауля, позволили подмѣтить законности, управляющія явленіемъ замерзанія растворовъ. Рауль нашелъ, что въ разведенныхъ водныхъ растворахъ, содержащихъ не болѣе 1 частицы раствореннаго тѣла на 100 частицъ воды, пониженіе точки замерзанія раствора прямо пропорціонально концентрации раствора.

Это замѣчено не только для водныхъ, но и для растворовъ въ другихъ растворителяхъ, каковы, напримѣръ, бензолъ, уксусная кислота и др. *), причѣмъ оказалось, что одно и то же тѣло, будучи растворено въ одинаковомъ количествѣ различныхъ растворителей, производитъ различное пониженіе точки замерзанія растворовъ, такъ что послѣднее находится въ тѣсной зависимости съ другими свойствами растворителя и составляетъ характерную для каждаго растворителя величину. Но какъ же будетъ вліять природа раствореннаго тѣла на величину пониженія точки замерзанія? Если мы возьмемъ однопроцентный водный растворъ хлористаго натрія (NaCl) и такой же растворъ хлористаго калия (KCl) и будемъ наблюдать точку замерзанія такихъ растворовъ, то мы замѣтимъ, что первый растворъ замерзаетъ при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ второй.

Такимъ образомъ, беря водные растворы различныхъ тѣлъ одинаковаго процентнаго содержанія, мы замѣтимъ, что пониженія точки замерзанія, производимыя различными тѣлами, будутъ различны, причѣмъ тѣла съ меньшимъ молекулярнымъ вѣсомъ будутъ производить болѣе пониженіе точки замерзанія. Но законность, наблюдаемая при замерзаніи растворовъ, выступитъ болѣе рельефно, если будемъ сравнивать растворы не одинаковаго процентнаго содержанія, но содержащіе одинаковое количество молекулъ раствореннаго тѣла или частицъ въ одинаковыхъ объемахъ. Но какъ приготовить такіе растворы? Сдѣлать только растворить въ одномъ и томъ же количествѣ воды, наприм., въ 1000 граммахъ, такія количества тѣлъ, которыя относятся между собой какъ молекулярные вѣса. Мы знаемъ, наприм., что вѣсъ частицъ хлористаго натрія (Na Cl) равенъ 58,5, т. е. частица его въ 58,5 тяжелѣе атома водорода, молекулярный же вѣсъ хлористаго калия (KCl) равенъ 74,5, — слѣдовательно, если мы растворимъ 74,5 гр. хлористаго калия въ 1 литръ воды и 58,5 гр. хлористаго натрія въ такомъ же количествѣ воды, то мы, очевидно, получимъ растворы, содержащіе въ одинаковыхъ объемахъ одинаковое количество частицъ. Про такіе растворы, которые содержатъ въ 1 литръ воды (или 1000 гр.) столько граммъ извѣстнаго тѣла, сколько единицъ въ его молекулярномъ вѣсѣ,

*) Бензолъ — жидкость, застывающая при 5° Ц.; она можетъ служить растворителемъ для многихъ тѣлъ, равно какъ и безводная уксусная кислота, плавящаяся около 16,7° Ц.

говорять, что они содержатъ 1 граммъ-молекулу въ 1000 гр. воды, и они называются нормальными. При сравненіи точки замерзанія такихъ растворовъ сейчасъ же бросается въ глаза извѣстная законность. Оказывается, что по отношенію къ пониженію точки замерзанія водныхъ растворовъ всё тѣла распадаются на двѣ группы. Пониженіе точки замерзанія, производимое при раствореніи 1 граммъ-молекулы тѣла, принадлежащаго къ 1-й группѣ, въ 1000 гр. воды равно $1,9^{\circ}$; тѣла же второй группы, при тѣхъ же условіяхъ, понижаютъ точку замерзанія на величину почти вдвое большую, а именно на $3,6^{\circ}$.

Къ первой изъ этихъ группъ будутъ относиться тѣ же тѣла, для которыхъ пониженіе упругости пара нормально, т.е. такое, какое слѣдуетъ по приведенной выше формулѣ; тѣла же второй группы, для которыхъ пониженіе точки замерзанія вдвое больше, будутъ понижать упругость пара раствора болѣе нормальнаго. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и пониженіе точки замерзанія растворовъ находится въ тѣсной зависимости съ пониженіемъ упругости пара этихъ растворовъ, а также, слѣдовательно, съ величиной осмотическаго давленія. Не нужно, слѣдовательно, наблюдать величину осмотическаго давленія раствора, чтобы узнать, будетъ ли оно нормально; для рѣшенія этого вопроса достаточно только знать пониженіе упругости пара раствора, или же, что еще легче въ большинствѣ случаевъ, пониженіе точки замерзанія раствора, такъ какъ послѣдняя величина находится въ тѣсной зависимости отъ первой, и, зная первую, можно вычислить послѣднюю, и обратно.

Фантъ-Гоффъ, а затѣмъ Планкъ показали также, что пониженіе точки замерзанія раствора 1 граммъ-молекулы въ 1000 гр. растворителя можетъ быть вычислено, если мы знаемъ скрытую теплоту плавленія растворителя. Именно, если мы обозначимъ черезъ T_0 температуру замерзанія растворителя, а черезъ T_1 температуру замерзанія раствора (по терм. Цельзія) 1 граммъ-молекулы какого-либо тѣла въ 1000 граммахъ растворителя, скрытая теплота плавленія котораго равна ν , то всё эти величины будутъ связаны такою формулою:

$$T_0 - T_1 = 0,002 \frac{(273 + T_0)^2}{\nu} \dots \dots \dots \quad (II)$$

Скрытая теплота плавленія (ν) можетъ быть опредѣлена опытнымъ путемъ и, такимъ образомъ, мы можемъ пользоваться этою формулою для вычисленія «нормальнаго молекулярнаго пониженія», разумѣя подъ послѣднимъ пониженіе точки замерзанія раствора, производимое отъ растворенія 1 граммъ-молекулы вещества въ 1000 гр. растворителя, причѣмъ полученный растворъ оказываетъ нормальное осмотическое давленіе.

При сравненіи опытныхъ данныхъ, полученныхъ многими учеными, а главнымъ образомъ Раулемъ, при изслѣдованіяхъ температуры замерзанія растворовъ съ числами, вычисленными по формулѣ (II), оказалось, что для многихъ тѣлъ происходитъ полное совпаденіе между данными опыта и вычисленія, какъ показываетъ слѣдующая ниже таблица; для другихъ же мо-

лекулярное пониженіе точки замерзанія будетъ почти вдвое болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ II-й.

Слѣдующая таблица показываетъ, насколько близко сходятся между собою для нѣкоторыхъ тѣлъ данныя опыта и вычисленія:

	Т ₀ Температура замерзанія раствора.	Молекулярныя по- ниженія, вычислен- ныя по формулѣ II-й.	Молекулярныя пониженія наблюдаемныя.
Вода.	0°	1,89	1,80
Бензолъ.	4,9	5,3	5,0
Фенолъ (карб. кисл.).	38,5	7,7	7,4
Уксусная кислота . .	16,7	3,88	3,86

Совпаденіе, какъ видно, полное, но это совпаденіе для водныхъ растворовъ наблюдается только для одной группы тѣлъ, для другой же группы тѣлъ наблюдаемыя молекулярныя пониженія будутъ почти вдвое болѣе. Но замѣчательно, что это совпаденіе наблюдается для водныхъ растворовъ такихъ тѣлъ, какъ сахаръ, глицеринъ, маннитъ и тому под. Растворы эти характеризуются еще тѣмъ, что являются плохими проводниками электричества, тогда какъ растворы сильныхъ кислотъ, щелочей и солей, хорошо проводящіе электричество, всё относятся ко второй группѣ, т. е. для нихъ молекулярныя пониженія почти вдвое больше нормальнаго.

Это обстоятельство, а также другія свойства этихъ растворовъ, послужило Сванту Арреніусу основаніемъ для созданія новой гипотезы, весьма остроумно объясняющей всё особенности этихъ растворовъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ изложенію теоріи Арреніуса, намъ нужно познакомиться съ однимъ изъ свойствъ, характеристичнымъ для растворовъ, а именно съ ихъ электропроводностью, или же способностью проводить электричество. Известно, что не всё тѣла одинаково легко проводятъ электричество; одни изъ твердыхъ тѣлъ, какъ, наприм., металлы, хорошо проводятъ электричество, другія, какъ, наприм., стекло, парафинъ, каучукъ и т. п., плохо или же почти совсѣмъ не проводятъ. Что касается жидкостей, то, за исключеніемъ одной изъ нихъ—ртути, являющейся хорошимъ проводникомъ электричества, всё онѣ оказываютъ большое сопротивленіе электричеству. Вода долгое время считалась одною изъ наилучше-проводящихъ жидкостей, но это происходило отъ того, что электропроводность воды быстро увеличивается отъ прибавленія къ ней неизмѣримо малыхъ количествъ постороннихъ тѣлъ, могущихъ попасть въ химически-чистую воду изъ воздуха. Нѣмецкій ученый Кольраушъ, много поработавшій надъ электропроводностью растворовъ, нашелъ, что сопротивленіе, оказываемое водой прохожденію электричества, громадно, если только вода очищена, по возможности, отъ всѣхъ примѣсей. Приготовивъ со всѣми предосторожностями химически-чистую воду, онъ нашелъ, что сопротивленіе, какое оказываетъ прохожденію электрическаго тока столбъ такой воды, имѣющій 1 метръ въ длину и 1 кв. миллиметръ въ сѣченія, равно сопротивленію мѣдной проволоки такого же сѣченія, но имѣющей такую длину, что лучъ

свѣта, проходящій въ 1 секунду около 300,000 километровъ, можетъ пробѣжать такой путь въ 2 часа 12 минутъ. Но стоитъ только такой водѣ постоять нѣсколько на воздухѣ, чтобы сопротивленіе ея быстро уменьшилось. Измѣренія надъ другими жидкостями показали, что всѣ жидкости проводятъ электричество очень плохо. Точно также плохо проводятъ электричество и газы, сгущенные въ жидкости; такъ, наприм., безводный хлористый водородъ, въ сгущенномъ состояніи, является плохимъ проводникомъ электричества; но стоитъ только въ хлористый водородъ внести малѣйшее количество воды, чтобы электропроводность его быстро увеличилась. Аналогичное явленіе представляетъ и вода, не проводящая электричества, а приобретающая это свойство при небольшомъ количествѣ прибавленнаго хлористаго водорода. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, что вода, не проводникъ электричества, и хлористый водородъ, тоже не проводникъ, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ растворъ, обладающій способностью проводить электричество. Нельзя поэтому смотрѣть на растворъ какъ на смѣсь двухъ тѣлъ, хлористаго водорода и воды, такъ какъ смѣсь характеризуется тѣмъ, что свойство ея есть среднее изъ свойствъ тѣлъ, ее составляющихъ. Здѣсь же мы видимъ, что два тѣла, не обладающія извѣстнымъ свойствомъ (электропроводностью), при взаимодействіи даютъ третье, которое приобретаетъ это свойство. А этимъ характеризуются не смѣси, а химическія соединенія, т.-е. такія соединенія, при образованіи которыхъ происходитъ взаимодействие между атомами, молекулы отдѣльныхъ тѣлъ составляющими. На ряду съ электропроводностью, хлористый водородъ, растворяясь въ водѣ, приобретаетъ новое свойство, которымъ онъ не обладаетъ, будучи въ безводномъ, хотя и жидкомъ состояніи, а именно—онъ приобретаетъ способность дѣйствовать, или, какъ говорятъ химики, реагировать на нѣкоторыя тѣла, наприм., на углекислый кальцій или мраморъ. Многимъ, конечно, извѣстно, что соляная кислота (какъ называютъ растворъ хлористаго водорода въ водѣ), налитая на мраморъ, растворяетъ его, причѣмъ образуется особая соль, хлористый кальцій, и выдѣляется угольная кислота; равнымъ образомъ соляная кислота легко растворяетъ нѣкоторые металлы, какъ-то: желѣзо, цинкъ и др., причѣмъ выдѣляется водородъ. Если мы въ безводный хлористый водородъ опустимъ кусокъ мрамора, желѣза или цинка, то мы не замѣтимъ никакого измѣненія съ ними. Между безводнымъ хлористымъ водородомъ и этими тѣлами не происходитъ, повидимому, никакого химическаго дѣйствія.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, что хлористый водородъ, растворяясь въ водѣ, приобретаетъ рядомъ съ способностью проводить электричество, кромѣ того, способность сильно дѣйствовать на другія тѣла. Этотъ параллелизмъ можно замѣтить не только на одномъ хлористомъ водородѣ, но и на другихъ тѣлахъ. Извѣстно, наприм., что кислоты различаются между собой по способности реагировать на нѣкоторыя тѣла, наприм., на металлы или щелочи. Однѣ дѣйствуютъ сильнѣе, т.-е. въ болѣе короткое время, наприм., растворяютъ извѣстное количество металла, чѣмъ другія.

Затѣмъ, если мы имѣемъ, наприм., соль, происшедшую отъ дѣйствія ѣдкого натра на уксусную кислоту, т.-е. уксуснокислый натрій, растворимъ ее въ водѣ и прибавимъ къ ней соляной кислоты, такъ чтобы на частицу уксуснокислаго натрія пришлась частица хлористаго водорода, то соляная кислота какъ бы отниметъ почти весь натрій отъ уксуснокислаго натрія, и получатся уксусная кислота и хлористый натрій. Соляная кислота, поэтому, называется сильною кислотой, а уксусная кислота—слабой. Мы можемъ еще другими методами узнать, какая изъ данныхъ кислотъ сильнѣе, и относительную силу сродства кислотъ выразить даже количественно. Мы укажемъ на одинъ методъ опредѣлять относительное сродство кислотъ, аналогичный методу, служащему въ механикѣ для измѣренія силъ. Подобно тому, какъ въ механикѣ сила измѣряется тою скоростью, которую она сообщаетъ единицѣ массы въ единицу времени, и въ химіи относительное сродство кислотъ измѣряется тѣмъ количествомъ вещества, которое превращается, подъ вліяніемъ дѣйствія кислоты, въ единицу времени. Извѣстно, наприм., что тростниковый сахаръ подъ вліяніемъ кислотъ распадается (инвертируется) на плодовый сахаръ (левюлозу) и виноградный (декстрозу). Но не всѣ кислоты одинаково быстро производятъ это превращеніе (инверсію) сахара; однѣ изъ нихъ быстрѣе, другія медленнѣе; наприм., соляная кислота въ полунормальномъ растворѣ *) превращаетъ въ единицу времени въ 250 разъ бѣдшее количество сахара, чѣмъ при совершенно такихъ же условіяхъ уксусная кислота.

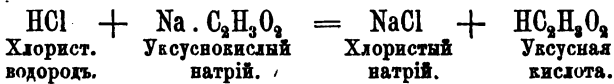
Измѣряя такимъ образомъ скорость превращенія (или инверсіи) тростниковаго сахара подъ вліяніемъ различныхъ кислотъ, нашли относительное сродство этихъ кислотъ. Изъ этихъ измѣреній видно, что наиболѣе сильными кислотами являются соляная, азотная, бромисто-водородная и т. под. кислоты; сѣрная кислота хотя и принадлежитъ къ сильнымъ кислотамъ, но по отношенію къ вліянію на скорость инверсіи сахара оказывается почти вдвое слабѣе соляной кислоты, органическія же кислоты, такія, какъ уксусная, муравьиная, бутириновая и др., являются очень слабыми кислотами, такъ какъ скорость инверсіи сахара подъ вліяніемъ ихъ очень мала.

Относительную силу сродства кислотъ можно измѣрить и другими способами. Мы видѣли ранѣе, что соляная кислота при дѣйствіи ея на уксуснокислый натрій отнимаетъ почти весь натрій отъ уксусной кислоты, а сама соединяется съ натріемъ, а уксусная кислота дѣлается свободной; и такъ всегда бываетъ, когда сильная кислота дѣйствуетъ на какую-либо соль очень слабой кислоты **). Напримѣръ, представимъ себѣ, что мы имѣемъ

*) Т.-е. въ растворѣ, содержащемъ 1 граммъ молекулу хлористаго водорода (36,5 гр.) въ 2 литрахъ.

**) Солью какой-либо кислоты называется соединеніе, происшедшее изъ нея, если одинъ или нѣсколько атомовъ водорода кислоты замѣстится атомомъ металла, наприм., формула уксусной кислоты $C_2H_3O_2$. Н, т.-е. въ частицѣ уксусной кислоты находится 2 атома кислорода (O_2), 2 атома углерода (C_2), 4 атома водорода, изъ которыхъ

водный растворъ уксуснокислаго натрія, заключающій въ 1 литрѣ 1 граммъ-молекулу (т.-е. 82 грамма). Если мы прибавимъ къ нему равный объемъ подобнаго же раствора соляной кислоты (т.-е. 36,5 гр. хлористаго водорода, HCl въ 1 литрѣ), то получимъ въ первый моментъ послѣ приливанія растворъ, въ которомъ число молекулъ хлористаго водорода (HCl) и уксуснокислаго натрія (NaC₂H₃O₂) одинаково, но эти молекулы, тотчасъ же при первой встрѣчѣ, обмѣняются атомами водорода и металла такимъ образомъ, что атомъ водорода уйдетъ изъ частицы хлористаго водорода и станетъ на мѣсто атома натрія въ частицѣ уксуснокислаго натрія, отчего послѣдняя превратится въ частицу уксусной кислоты, а атомъ натрія станетъ на мѣсто атома водорода въ частицѣ хлористаго водорода и получится хлористый натрій. Нагляднѣе это можно представить слѣдующимъ уравненіемъ:

Такое превращеніе совершится почти со всѣми частицами хлористаго водорода и уксуснокислаго натрія, такъ что въ растворѣ будутъ находиться только частицы хлористаго натрія и уксусной кислоты и только очень немногихъ частицъ хлористаго водорода и уксуснокислаго натрія.

Не то будетъ, если мы сольемъ въ одинаковыхъ объемахъ нормальные растворы какой-либо соли сильной кислоты, наприм., хлористаго натрія и растворъ азотной кислоты (HNO₃), принадлежащей тоже къ сильнымъ кислотамъ. При этомъ тоже произойдетъ обмѣнъ атомовъ между частицами соли и кислоты, но этотъ обмѣнъ будетъ происходить не между всѣми частицами, такъ какъ обѣ кислоты одинаково сильны, а остановится на известномъ предѣлѣ. Такъ, если мы предположимъ, что въ известномъ обмѣнѣ раствора находилось 1000 частицъ хлористаго натрія (NaCl), и къ нему прилить такой же обмѣнъ, заключающій въ себѣ 1000 частицъ азотной кислоты (HNO₃), то сейчасъ же произойдетъ обмѣнъ атомовъ между частицами азотной кислоты и хлористаго натрія, результатомъ чего получится азотнокислый натрій и хлористый водородъ (по уравненію NaCl + HNO₃ = NaNO₃ + HCl), но какъ только образуются частицы хлори-

Азотная Азотно-ки-
кислота. слый натр.

стаго водорода, онѣ въ свою очередь начнутъ дѣйствовать на частицы азотнокислаго натрія и превращать ихъ въ азотную кислоту (по уравненію NaNO₃ + HCl = NaCl + HNO₃) и такимъ образомъ помѣшаютъ превратить весь хлористый натрій въ азотнокислый, такъ что въ растворѣ, происшедшемъ отъ слиянія растворовъ хлористаго натрія и азотной кислоты, будутъ находиться частицы и хлористаго водорода (HCl), и хлористаго натрія (NaCl), и азотной кислоты (HNO₃), и азотнокислаго натрія

однако можетъ при известныхъ условіяхъ замѣщаться атомомъ какого-либо металла, и тогда получится соль, наприм., при замѣщеніи атомомъ металла натрія (Na) получается уксуснокислый натрій C₂H₃O₂Na.

(NaNO_3); такъ какъ кислоты соляная и азотная будутъ почти одинаково сильны, то всѣхъ этихъ частицъ будетъ по равному числу. Не то будетъ, если мы смѣшаемъ равные объемы растворовъ, содержащихъ равное число частицъ хлористаго водорода и сѣрнокислаго натрія; соляная кислота, обладающая вдвое большимъ относительнымъ сродствомъ (или, какъ говорить Томсонъ, «жадностью»), чѣмъ сѣрная кислота, вытѣснитъ изъ сѣрнокислаго натрія сѣрную кислоту (отчего получится хлористый натрій и сѣрная кислота), но не изъ всѣхъ частицъ, такъ какъ выдѣлившіяся частицы сѣрной кислоты въ свою очередь будутъ отнимать отъ частицъ хлористаго натрія атомы натрія и соединяться съ ними. Въ растворѣ происходитъ какъ бы борьба между частицами сѣрной кислоты и соляной изъ-за права обладанія атомами металла (въ данномъ случаѣ натрія), и такъ какъ частицы соляной кислоты въ этой борьбѣ одержатъ верхъ, ибо атомы натрія распредѣлятся такъ, что двѣ трети всего числа атомовъ будутъ соединены съ элементами соляной кислоты, а только одна треть—съ элементами сѣрной кислоты, то можно сказать, что соляная кислота обладаетъ вдвое большимъ относительнымъ сродствомъ (или «жадностью»), чѣмъ сѣрная.

Этихъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно, чтобы показать, какъ измѣряется относительное сродство кислотъ. Многочисленные работы многихъ изслѣдователей позволили опредѣлить относительное сродство всѣхъ неорганическихъ кислотъ и очень многихъ изъ органическихъ. Сопоставленіе чиселъ, указывающихъ величину относительнаго сродства кислотъ (въ водныхъ растворахъ) и ихъ электропроводности, сдѣланное проф. Оствальдомъ и др., привело къ очень интереснымъ и важнымъ выводамъ, а именно оказалось, что чѣмъ кислота лучше проводитъ электричество, тѣмъ большимъ относительнымъ сродствомъ она обладаетъ, и обратно, и этотъ параллелизмъ настолько полный, что прямо, зная относительное сродство двухъ кислотъ и электропроводность одной изъ нихъ, можно съ достаточною степенью точности вычислить электропроводность другой. Основываясь на этомъ параллелизмѣ, Арреніусъ высказалъ гипотезу, которая обратила на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ, благодаря ей, во-первыхъ, объясняется и устанавливается связь между многими явлениями, и, во-вторыхъ, получаютъ объясненія тѣ отступленія отъ величины нормальнаго осмотическаго давленія, которыя наблюдаются для нѣкоторыхъ растворовъ.

Мы уже раньше видѣли, что эти отступленія наблюдаются для такихъ тѣлъ, растворы которыхъ проводятъ электричество, или, какъ говорятъ, для растворовъ электролитовъ. Жидкости, какъ, наприм., вода и другія, въ химически-чистомъ состояніи, не проводятъ электричество; не будутъ проводить и растворы такихъ тѣлъ, какъ сахаръ, глицеринъ, спиртъ и т. под., но стоить только въ водѣ растворить хлористый водородъ (HCl) или хлористый натрій (NaCl), или ѣдкое кали (KOH), какъ она приобретаетъ свойство проводить электричество, но при этомъ будутъ замѣчаться

другія явленія, чѣмъ при прохожденіи электричества по твердымъ проводникамъ. Когда электричество проходитъ по мѣдной проволоцѣ или желѣзной, послѣдняя остается такою же послѣ прохожденія электричества, какою была до прохожденія; не то происходитъ, когда электричество идетъ черезъ растворъ соляной кислоты. Если мы опустимъ электроды въ растворъ соляной кислоты и пропустимъ токъ, то на электродахъ будутъ выдѣляться газы, на одномъ изъ нихъ (положительномъ) появятся пузырьки хлора, на другомъ (отрицательномъ) пузырьки водорода. И такъ во всѣхъ растворахъ тѣлъ, проводящихъ электричество, или электролитовъ: при прохожденіи черезъ нихъ электричества происходитъ какъ бы распадѣніе частицъ электролитовъ на ихъ составныя части, которыя, или въ видѣ отдѣльныхъ атомовъ, или группъ атомовъ, направляются къ электродамъ, причемъ часть, направляющаяся къ отрицательному электроду, называется катиономъ, часть же, направляющаяся къ положительному, аниономъ. По старой теоріи электролиза, единственнымъ агентомъ, раздвигающимъ составныя части молекулы электролита, была электровозбудительная сила. Клаузіусъ указалъ, что по этой теоріи до тѣхъ поръ, пока электровозбудительная сила ниже извѣстнаго предѣла, не должно существовать ни разложенія, ни тока; но какъ только электровозбудительная сила достигаетъ этого предѣла, должно начаться электрическое разложеніе, сопровождаемое сильнымъ токомъ. На самомъ же дѣлѣ этого, однако, не замѣчается: напряжение тока возрастаетъ строго-пропорціонально электровозбудительной силѣ, какова бы ни была величина ея *). Это явленіе Клаузіусъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: согласно кенетической теоріи строенія тѣлъ, въ жидкихъ тѣлахъ, равно какъ и въ газообразныхъ, происходитъ какъ бы постоянная пляска молекулъ, причемъ нѣкоторыя изъ молекулъ тѣла, находящагося въ растворѣ, приобрѣтаютъ настолько большую скорость, что при встрѣчѣ съ другою молекулою одна или обѣ изъ молекулъ разрываются и отдѣльныя части ихъ отправляются искать себѣ, — какъ говоритъ Максвеллъ, — новыхъ партнеровъ. Профессоръ Клаузіусъ полагаетъ, что электровозбудительная сила именно и проявляетъ свое дѣйствіе въ видѣ направляющей силы на эти временно раздѣленные молекулы, заставляя однѣ изъ составныхъ частей двигаться по одному направленію, а другія по противоположному. Такимъ образомъ, молекулы всегда ищутъ партнеровъ, даже безъ дѣйствія электродвигательной силы, единственное вліяніе которой состоитъ только въ приданіи опредѣленнаго направленія этимъ движеніямъ, происходящимъ во всякомъ случаѣ **).

Основываясь на этой теоріи Клаузіуса, Аррениусъ принялъ, что въ растворахъ такихъ тѣлъ, какъ сильныя кислоты, соли и основанія, большая часть молекулъ находится какъ бы въ «диссоціированномъ» состояніи. Вода, растворяя хлористый водородъ или хлористый натрій, ослабля-

*) *Клеркъ Максвеллъ*: „Электричество“. Пер. подъ ред. проф. Авенариуса, стр. 125.

**) *Клеркъ Максвеллъ*: „Теорія теплоты“. Перев. Королькова, стр. 286.

еть связь между атомами, входящими въ составъ частицъ хлористаго водорода или хлористаго натрія, настолько, что движеніе одного атома (іона) дѣлается независимымъ отъ движенія другаго. Такимъ образомъ, въ растворѣ хлористаго водорода одна часть молекулъ будетъ находиться въ неразложенномъ состояніи, другая будетъ разложена на отдѣльные атомы (іоны), хлоръ и водородъ. Количество диссоціированныхъ или разложившихся молекулъ будетъ зависѣть отъ количества воды: чѣмъ болѣе послѣдней, тѣмъ большая часть молекулъ находится въ разложенномъ состояніи; въ томъ случаѣ, когда воды очень много сравнительно съ хлористымъ водородомъ, почти всѣ молекулы послѣдняго будутъ находиться въ диссоціированномъ состояніи. Для такихъ сильныхъ кислотъ, какъ соляная, іодистоводородная, азотная и т. п., почти полное распаденіе наступаетъ, когда мы растворимъ 1 граммъ-молекулу въ 1000 литрахъ. Точно то же замѣчается и для солей этихъ кислотъ, наприм., хлористаго натрія, азотнокислаго калия и т. п.,—для нихъ полная диссоціація наступаетъ при той же концентраціи, 1 граммъ-молекулы на 1000 литровъ. Но и въ концентрированныхъ растворахъ довольно значительная часть молекулъ этихъ солей находится въ диссоціированномъ состояніи, наприм., когда мы имѣемъ 1 граммъ-молекулу въ 2-хъ литрахъ, то около 73% всѣхъ частицъ являются диссоціированными. Но не на всѣ кислоты будетъ дѣйствовать такъ сильно вода; растворы нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм., органическихъ кислотъ, уксусной, муравьиной и т. п., будутъ заключать въ себѣ только очень небольшое количество молекулъ, распавшихся на іоны, и даже при очень сильномъ разбавленіи раствора, когда 1 граммъ-молекулъ кислоты будетъ заключаться въ 10,000 литрахъ воды, и тогда число диссоціированныхъ молекулъ будетъ меньше половины всего числа молекулъ.

Ясно, что тѣ растворы, которые будутъ заключать большое число молекулъ, распавшихся на іоны, будутъ хорошо проводить электричество, такъ какъ электричество, при прохожденіи черезъ растворъ, движется только съ іонами, поэтому-то растворы такихъ кислотъ, какъ соляная, азотная и т. п., равно какъ растворы ихъ солей, являются хорошими проводниками электричества. Растворы же, содержащіе сравнительно небольшое количество молекулъ, распавшихся на іоны, будутъ проводить меньшее количество электричества; дѣйствительно, растворы органическихъ кислотъ, хотя и проводятъ электричество, но несравненно менѣе, чѣмъ растворы минеральныхъ кислотъ.

Мы видѣли ранѣе, что кислоты, водные растворы которыхъ являются хорошими проводниками электричества, обладаютъ большимъ относительнымъ сродствомъ. Этотъ фактъ находитъ объясненіе въ гипотезѣ Аррениуса, а именно: чѣмъ въ растворѣ болѣе диссоціированныхъ частицъ, тѣмъ легче онѣ могутъ дѣйствовать на другія тѣла, т.-е. тѣмъ легче онѣ могутъ вступать съ другими тѣлами во взаимодѣйствіе. Мы раньше видѣли, что подъ влияніемъ сильныхъ кислотъ въ единицу времени большее количество тростниковаго сахара можетъ распасться на плодовый и виноград-

ный сахаръ, чѣмъ подѣ влияніемъ слабыхъ кислотъ. Это превращеніе сахара происходитъ подѣ влияніемъ того водорода, который является однимъ изъ іоновъ (катиономъ) при распаденіи молекулы кислоты; такъ какъ въ растворахъ сильныхъ кислотъ большая часть молекулъ является разложившейся на іоны, то, слѣдовательно, въ данномъ объемѣ будетъ находиться большее количество атомовъ водорода, которые будутъ дѣйствовать на частицы сахара и заставлятъ ихъ распадаться на частицы плодового и винограднаго сахара. Если же мы имѣемъ растворъ слабой кислоты, то въ томъ же самомъ объемѣ находится небольшое количество разложившихся молекулъ, а, слѣдовательно, и атомовъ водорода (катионовъ) будетъ немного, а потому дѣйствіе ихъ будетъ слабое. Такимъ образомъ, съ помощью гипотезы Аррениуса легко объясняется тотъ параллелизмъ, который замѣчается между электропроводностью кислотъ и ихъ относительнымъ сродствомъ. Мы не можемъ здѣсь приводить всѣхъ доказательствъ, которыя приводятся Аррениусомъ и его послѣдователями въ защиту его гипотезы. Замѣтимъ только, что гипотеза явилась плодотворной и въ томъ отношеніи, что изъ нея, какъ логическія слѣдствія, вытекали нѣкоторыя свойства растворовъ и многія изслѣдованія подтвердили выводы гипотезы. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться болѣе подробно на изложеніи гипотезы Аррениуса.

Въ заключеніе мы укажемъ на то, какъ съ помощью ея объясняются тѣ отступленія отъ величины нормальнаго осмотическаго давленія, которыя оказываютъ всѣ растворы электролитовъ.

Мы видѣли, что молекулярное пониженіе точки замерзанія растворовъ электролитовъ почти вдвое болѣе нормальнаго; точно также они оказываютъ и большее пониженіе упругости пара раствора, а, слѣдовательно, такъ какъ обѣ эти величины пропорціональны осмотическому давленію, то послѣднее для этихъ растворовъ больше нормальнаго.

Понятно, почему происходитъ это увеличеніе осмотическаго давленія. Нормальнымъ осмотическимъ давленіемъ мы называемъ такое давленіе, которое равно тому давленію, которое произвели бы молекулы раствореннаго тѣла, если бы оно находилось въ газообразномъ состояніи, и при той же температурѣ занимало бы тотъ же объемъ, какой занимаетъ растворъ. Въ газообразномъ состояніи давленіе производится тѣми толчками о стѣнки сосуда, которые наносятся со стороны молекулъ, и поэтому оно пропорціонально числу молекулъ въ единицѣ объема. Представимъ себѣ, что при томъ же объемѣ часть молекулъ распадется на двѣ составныя части, изъ которыхъ каждая, обладая независимымъ движеніемъ, станетъ играть роль молекулы, очевидно, что давленіе увеличится и по увеличенію давленія можно даже узнать, какая часть молекулъ распадется. Осмотическое давленіе тоже, какъ мы видѣли выше, зависитъ отъ числа молекулъ раствореннаго тѣла въ единицѣ объема, поэтому если часть молекулъ распадется на іоны, которыя будутъ обладать независимымъ движеніемъ, то осмотическое давленіе увеличится и по величинѣ осмотическаго давленія можно судить о

томъ, сколько мелекулъ находится въ неразложенномъ состояніи и какая часть ихъ разложилась. Вычисленіе это приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, которые получаются изъ наблюденій надъ электропроводностью этихъ растворовъ, что, конечно, служитъ подтвержденіемъ гипотезы Арреніуса.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ современной теоріи растворовъ. Въ заключеніе мы должны оговориться, что гипотеза Арреніуса не можетъ считаться непреложною истиной; она является только гипотезой, но гипотезой плодотворной. Трудно сказать, конечно, въ какую сторону пойдетъ развитіе этой гипотезы, но и теперь можно утверждать, что въ ней находится здоровая сѣмена, которыя дадутъ обильный урожай на нивѣ научной.

Ив. Каблуковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Четвертый съездъ врачей въ Москвѣ. — Съездъ въ Петербургѣ делегатовъ общества покровительства животнымъ. — Эмиграція изъ Царства Польскаго въ Бразилію. — Эмиграція изъ Волынской губерніи. — Открытіе дѣйствиій общества помощи переселенцамъ. — Окончаніе сессіи земскаго собранія Московской губерніи. — Извѣстіе относительно измѣненій въ „Городовомъ положеніи“. — Правила о штрафномъ капиталѣ при фабрикахъ. — Возръвъ въ каменноугольной копи въ Донской области. — Г. З. Елисеевъ. — С. В. Ковалевская †.

Четвертый съездъ русскихъ врачей, засѣдавшій въ Москвѣ въ истекшемъ мѣсяцѣ, привлекъ усиленное вниманіе общества, главнымъ образомъ, потому, что на немъ излагались результаты клиническихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи надъ средствомъ Коха. На съездѣ присутствовало около 1,300 врачей, въ томъ числѣ много профессоровъ нашихъ университетовъ и медицинской академіи. Съездъ имѣлъ два общія собранія, и каждое изъ его отдѣленій нѣсколько засѣданій, въ которыхъ и происходило обсужденіе специальныхъ вопросовъ. Въ числѣ послѣднихъ были и другіе заслуживающіе интереса, кромѣ открытія Коха, но о нихъ достаточно будетъ упомянуть въ заключеніи, такъ какъ вопросъ о кохинѣ представилъ собой, все-таки, средоточіе работъ и главное значеніе нынѣшняго съезда.

Только ученые спеціалисты имѣютъ право формулировать результаты наблюденій, какъ и производить ихъ. Но, съ другой стороны, и обществу принадлежитъ несомнѣнное право сличать одни компетентные отзывы съ другими, столь же компетентными, но противорѣчащими первымъ. Точно также обществу подлежитъ и взвѣшиваніе, на томъ же основаніи, степени несомнѣнности той пользы, какой оно можетъ ожидать отъ практическихъ услугъ, предлагаемыхъ ему учеными спеціалистами, лишь бы такая оцѣнка ожидаемой практической пользы производилась не по произвольнымъ догадкамъ, а только путемъ сопоставленія различныхъ взглядовъ, высказываемыхъ людьми науки. Такъ, если инженеры расходятся въ мнѣніяхъ относительно безопасности какаго-либо проектированнаго сооруженія, то общество имѣетъ компетентно требовать, чтобы, въ виду сомнѣній, предпочтенъ былъ проектъ, исключаяющій всякое опасеніе относительно устойчивости. Тѣмъ болѣе, въ случаѣ, если строившійся домъ развалился, то

какъ бы убѣдительно ни доказывалъ ученый строитель, что все было сдѣлано согласно наукѣ, общество имѣетъ полное право или не повѣрить, или повѣрить ему, усомниться въ твердости установленныхъ его искусствомъ данныхъ.

Правда, ученые специалисты отвергаютъ такое «непривзанное», постороннее сужденіе, и они правы до тѣхъ поръ, пока отвергаютъ мнимо-научныя догадки со стороны людей недостаточно или вовсе незнакомыхъ съ данною наукой. Но они бываютъ и неправы, именно тогда, когда отрицаютъ право профановъ на логическое сужденіе, сравнивающее разные отзывы специалистовъ и выводящее практическое заключеніе о степени довѣрія, какое можетъ внушать то или другое специальное знаніе, при нынѣшнемъ его состояніи.

Дѣло въ томъ, что «наука» вовсе не есть нѣчто безусловное, и если бы наукою называть только кодексъ свѣдѣній, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, то, въ такомъ случаѣ, объемъ строго-научнаго знанія пришлось бы выдѣлять изъ той массы гипотезъ, отчасти преданій, отчасти едва начатыхъ изслѣдованій и, наконецъ, чисто-эмпирическихъ (т.-е. извлеченныхъ изъ слишкомъ недостаточнаго числа опытовъ) правилъ, которыя входятъ въ область наукъ, постоянно развивающихся, перерабатывающихся, постепенно отбрасывающихъ многое изъ того матеріала, который прежде считался научнымъ.

Открытіе Коха, о практическомъ значеніи котораго слышались ученые отзывы столь различные и за границею, и здѣсь, на московскомъ съездѣ врачей, представляетъ вполне подходящий примѣръ для подобнаго различенія въ научномъ фактѣ стороны предположительной отъ стороны несомнѣнной. Только эта послѣдняя составляетъ окончательное приобрѣтеніе, положительное обогащеніе науки. Но и гипотетическая сторона, хотя еще не принадлежитъ къ области точнаго знанія, имѣетъ огромное значеніе для науки, такъ какъ представляетъ собою творческую силу человеческого ума въ развитіи науки. Фактъ положительный, окончательно приобрѣтенный для нея здѣсь, заключается въ томъ, что добытый Кохомъ препаратъ — «глицериновый экстрактъ изъ чистой культуры туберкулѣзныхъ бациллъ (палочекъ)», открытыхъ тѣмъ же учеными, оказываетъ видимое дѣйствіе на пораженныя бациллами ткани. Этотъ результатъ вполне справедливо, какъ мы узнали изъ согласныхъ компетентныхъ отзывовъ, признается «тріумфомъ науки». Но, затѣмъ, является другая, въ настоящее время еще спорная сторона открытія: воздѣйствіе средства на пораженныя ткани можетъ ли быть одинаково при непосредственномъ, мѣстномъ къ нимъ примѣненіи средства (въ наружныхъ случаяхъ) и при введеніи того же средства въ кровь, для посредственнаго видоизмѣненія процесса въ тканяхъ внутреннихъ? Это одинъ вопросъ. Другой представляется въ слѣдующемъ видѣ: искусственная прививка туберкулѣзнаго яда, въ малыхъ, почти инфинитимальныхъ количествахъ, непремѣнно ли вызываетъ въ больномъ организмѣ условія, неблагоприятныя для дальнѣйшаго развитія бациллъ, или она,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сама можетъ вести къ распространенію (дессеминаціи) туберкулѣзнаго зараженія, можетъ порази́ть однѣ ткани неблагопріятнымъ для заразы условіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить ее другимъ тканямъ, бывшимъ до того неприкосновенными? Наконецъ, самое пораженіе зараженныхъ уже тканей не можетъ ли приводить въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ такимъ внезапнымъ и значительнымъ механическимъ мѣстнымъ перемѣнамъ, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ всякое дальнѣйшее леченіе и повлекутъ за собой роковой исходъ?

Всѣ эти единичные вопросы по примѣненію средства поставлены не нами. Каждый изъ нихъ возникаетъ изъ взаимно-противорѣчивыхъ результатовъ, добытыхъ доселѣ клиническимъ опытомъ. Отсюда истекаетъ покажѣсть такой практической результатъ: наука приобрѣла несомнѣнно важное открытіе, средство, которое оказываетъ специфическое дѣйствіе на пораженныя туберкулѣзными бактеріями ткани. Но ведетъ ли это дѣйствіе къ излеченію болѣзни, и въ какихъ именно случаяхъ, а также не представляетъ ли оно опасности зараженія тканей, дотолѣ неприкосновенныхъ,—словомъ, составляетъ ли открытіе Коха лишь первое указаніе пути для борьбы съ чахоткою, или же предложенное имъ средство, уже и въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, имѣетъ положительное лѣкарственное значеніе, это еще не разъяснено съ достаточною достовѣрностью.

Такъ, въ самой наукѣ слѣдуетъ различать окончательно установленное отъ гипотетическаго, которое, однако, завтра же можетъ сдѣлаться столь же несомнѣннымъ научнымъ фактомъ. Намъ скажутъ, что открытіе Коха—неудобный примѣръ для выясненія различія между точнымъ научнымъ фактомъ и научнымъ предположеніемъ, именно потому, что открытіе это еще слишкомъ недавнее. Но различіе, которое мы поставили, основывается не на одной спорности въ настоящую минуту терапевтической пользы предложеннаго Кохомъ средства. Различіе наше обнимаетъ собою весь рядъ искусственныхъ прививокъ болѣзненнаго яда, съ цѣлью леченія сильныхъ формъ той или другой заразы «натуральной». Такъ, прививка коровьей оспы для предупрежденія оспы натуральной человѣческой, открытіе Дженнера, до сихъ поръ нѣкоторыми специалистами, вполне авторитетными, оспаривается. Еще сильнѣе оспариваются искусственныя прививки бѣшенства и сибирской язвы (открытія Пастѣра). Все это входитъ еще въ область предположеній, а не въ область окончательнаго научнаго знанія. Самые успѣхи бактеріологіи, отрасли знанія, возникшей недавно, вносятъ свѣтъ точнаго знанія въ область дотолѣ неизвѣстную, которой дальнѣйшее развитіе можетъ современемъ произвести полный переворотъ въ медицину. Но и здѣсь, сверхъ фактовъ несомнѣнныхъ, опредѣленія вида и свойствъ микробовъ, находимыхъ въ организмѣ при той или другой болѣзни, не выясненъ еще основной патологической вопросъ—вопросъ о причинности: причиняется ли извѣстное болѣзненное перерожденіе организма появленіемъ въ немъ микробовъ такого-то вида, или же самыя эти микробы развиваются въ организмѣ вслѣдствіе опредѣленнаго перерожденія, начавшагося незави-

симо отъ нихъ? Вѣроятно, что даже если бы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ въ послѣднемъ смыслѣ, то это, все-таки, не исключало бы практическаго значенія открытій бактериологовъ для терапіи. Но, при нынѣшнемъ положеніи дѣла, собранный матеріалъ, хотя и несомнѣнно научный, не даетъ еще права признавать научно доказанную возможность предупреждать или изслѣдовать посредствомъ прививокъ тѣ болѣзни, въ которыхъ вполнѣ точно констатировано присутствіе опредѣленныхъ бациллъ.

Соединивъ въ предшествующихъ замѣчаніяхъ тѣ логическіе выводы, которые неизбѣжно истекаютъ изъ сопоставленія двухъ сообщеній Коха, свѣдѣній о двухъ заявленіяхъ Вирхова, а также изъ отзывовъ нашихъ клиницистовъ, мы перечислимъ взгляды, высказанные на московскомъ съѣздѣ. Какъ самое разнорѣчіе ихъ, такъ и то обстоятельство, что настроеніе съѣзда относительно «кохина» замѣтно сдѣлалось болѣе благопріятнымъ при послѣдующихъ засѣданіяхъ секціи внутреннихъ болѣзней, когда составъ препарата былъ опубликованъ Кохомъ, показывали, до какой степени въ глазахъ самихъ нашихъ врачей факты, добытые доселѣ въ клиникахъ, еще неполны и нетверды. Если бы указанія опыта сами по себѣ были убѣдительно, то неизвѣстность или извѣстность самаго состава кохина не могла бы служить поводомъ къ тому, чтобы отказываться отъ его употребленія, и послѣдовавшее во время сессіи оглашеніе состава препарата не могло бы существенно повліять на отношеніе къ нему ученаго собранія.

Проф. Чудновскій въ своемъ сообщеніи о леченіи легочной чахотки призналъ доказаннымъ, что она излечима даже въ случаяхъ, гдѣ нѣтъ врачебнаго вмѣшательства; упомянувъ затѣмъ о значеніи чистаго воздуха и усиленнаго питанія, референтъ сказалъ, что «фармацевтическое леченіе этой болѣзни имѣетъ лишь слабое значеніе и употребляется какъ для душевнаго успокоенія, такъ и для какихъ-нибудь, очень непродолжительныхъ воздѣйствій». И такъ, вотъ каковы средства, какими доселѣ располагала терапія противъ этого бича: они ничтожны, какъ, впрочемъ, и средства противъ другихъ главныхъ бичей—чумы, холеры, тифа, воспаленія легкихъ, сыпныхъ болѣзней. Статистика по леченію всѣхъ этихъ золъ тѣмъ или другимъ способомъ давала одинаковые результаты. А, между тѣмъ, огромное большинство врачей продолжаютъ давать во всѣхъ этихъ болѣзняхъ сильно-дѣйствующія лѣкарства, которыя не могутъ не дѣйствовать на желудокъ (креазотъ) и на сердце (антипиринъ), т.-е. именно на тѣ органы, охраненіе которыхъ наиболѣе важно для того, чтобы пациентъ могъ бороться съ болѣзнью.

Въ виду отзыва проф. Чудновскаго, что фармацевтическое леченіе чахотки имѣетъ слабое значеніе, мы позволимъ себѣ одно замѣчаніе. Намъ случалось спрашивать нѣсколькихъ врачей: полагаютъ ли они, что терапія, при томъ положеніи, въ какомъ она была 100, а тѣмъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, приносила въ общемъ результатъ больше пользы, чѣмъ причиняла вреда? На этотъ вопросъ мы не услышали ни одного утвердительнаго

отвѣта. Стало быть, Мольеръ, жестоко осмѣивая современную ему медицину, былъ совершенно правъ. А, между тѣмъ, и тогдашніе врачи, всѣ эти доктора Санградо и Пюргоны, дѣйствовали самымъ рѣшительнымъ образомъ, основываясь на «наукѣ». Другой вопросъ, который мы предложимъ уже не врачамъ, а нашимъ читателямъ, есть слѣдующій: такъ какъ, по вполне компетентному признанію, и нынѣ употребляются фармацевтическія средства въ случаяхъ, гдѣ они могутъ имѣть лишь слабое значеніе, а служить болѣе «для душевнаго успокоенія», то нѣтъ ли основанія предположить по аналогіи, что черезъ 100 лѣтъ (а вѣроятно и ранѣе, ибо наука развивается нынѣ несравненно быстрѣе) будущіе врачи на вопросъ, приведенный выше, отвѣтятъ такъ же, какъ отвѣчаютъ нынѣшніе о медицинѣ старинной, а именно признаютъ, что и при нынѣшнемъ положеніи терапія она въ общемъ результатѣ приносила болѣе вреда, чѣмъ пользы? А, между тѣмъ, нелѣпо было бы отрицать огромное значеніе того научнаго и опытнаго знанія, каковымъ владѣютъ наши врачи. Вредъ же отъ леченія, если онъ происходитъ, зависитъ только отъ слишкомъ рѣшительныхъ приговоровъ въ случаяхъ сомнительныхъ и отъ напраснаго мученія пациентовъ энергическими средствами и въ такихъ случаяхъ, когда врачи сами знаютъ, что средства эти имѣютъ въ данной болѣзни «лишь слабое значеніе».

Спеціально о кохинѣ проф. Чудновскій отозвался, что препаратъ этотъ онъ относитъ къ опредѣленной группѣ сильныхъ токсическихъ средствъ (ядовъ) и отказывается признать за нимъ важное лечебное значеніе. Проф. Склифосовскій, въ клиникѣ котораго производились первыя въ Москвѣ наблюденія надъ дѣйствіемъ кохина, сообщилъ, что впрыскиваніе его сопровождалось образованіемъ новыхъ бугорковъ. Особенно въ одномъ случаѣ было явно, что впрыскиваніе коховой жидкости если и не произвело, то ускорило обрѣщеніе бугорками, вызвавшее смертельный исходъ. На основаніи произведенныхъ опытовъ, проф. Склифосовскій считаетъ своимъ долгомъ не употреблять средства Коха, пока не будетъ извѣстенъ точный составъ этого лѣкарства; онъ не рѣшается примѣнять болѣе такого малоизвѣстнаго еще средства. Въ другой разъ проф. Склифосовскій сказалъ, что онъ не отвергаетъ абсолютно средства Коха, но не намѣренъ примѣнять его, пока не сдѣлается извѣстнымъ составъ средства и не будетъ доказана его полезность.

Между тѣмъ, д-ръ Кишкинъ сообщилъ о благопріятныхъ результатахъ леченія легочной чахотки по способу Коха въ клиникѣ проф. Черинова, причемъ у нѣсколькихъ больныхъ было замѣчено улучшение, а случаевъ ухудшенія вовсе не было. Но, съ другой стороны, проф. Богословскій, который самъ былъ въ Берлинѣ, отозвался, что Кохъ въ настоящее время потерялъ голову. Это было сказано до новаго сообщенія Коха, изъ котораго явствуетъ, что онъ нѣсколько головы не потерялъ, а, наоборотъ, попрежнему, скромно, но самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на большемъ значеніи своего открытія какъ для діагноза, такъ и для леченія внѣш-

нихъ формъ и первоначальной стадіи туберкулёзы легочной. Проф. Богословскій сказалъ затѣмъ, на извѣстное сообщеніе Вирхова, который, демонстрируя препараты разныхъ органовъ отъ 21 больныхъ, умершихъ послѣ выпрыскиваній или несмотря на выпрыскиванія, указывалъ на появленіе послѣ выпрыскиваній бугорковъ въ такихъ областяхъ, гдѣ ихъ прежде не было. Вирховъ, по отзыву проф. Богословскаго, «не рѣшается наложить руку на все Коховское дѣло и лишь приглашаетъ врачей быть осторожными». Въ общемъ результатъ профессоръ видѣлъ въ Берлинѣ случаи облегченій при выпрыскиваніяхъ, но ни одного случая излеченія.

Съ другой стороны, проф. Чирковъ (изъ Кіева) сообщилъ слѣдующіе выводы изъ своихъ наблюденій: выпрыскиванія полезны тамъ, гдѣ легочный процессъ недавній и не распространяется, сомнительны тамъ, гдѣ процессъ распространяется (диссеминируетъ), и положительно вредны, когда процессъ уже давній и продолжаетъ распространяться. Нѣкоторые хорошіе результаты профессоромъ были получены, а «уже и за это спасибо» Коху. Кіевскій же профессоръ Павловскій изложилъ подробный, возбудившій большой интересъ систематическій обзоръ успѣховъ бактериологіи и указалъ въ открытіи Коха необходимое послѣдствіе этихъ успѣховъ. Открытію этому референтъ придавалъ важное значеніе и въ терапевтическомъ смыслѣ, предвидя въ будущемъ огромную полезность средства при леченіи туберкулёзы кожи, костей и начальныхъ періодовъ бугорчатки легочной. Но проф. Павловскій высказался отчасти согласно съ проф. Чирковымъ относительно различія, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ употреблять выпрыскиваніе кохина, въ какихъ—нѣтъ. Выпрыскиванія могутъ быть опасны для жизни больного и не должны быть назначаемы въ слѣдующихъ случаяхъ: при существованіи язвъ въ кишкахъ, при туберкулёзѣ мозговыхъ оболочекъ, при болѣзняхъ сердца и почекъ, наконецъ, и при диссеминаціи заразы. Диагностическое значеніе кохина, по отзыву проф. Павловскаго, громадно.

Нельзя не замѣтить, прежде всего, что исключенія эти обнимаютъ весьма широкую область и затѣмъ не привести рядомъ еще двухъ ученыхъ отзывовъ. Въ засѣданіи берлинскаго общества леченія внутреннихъ болѣзней 8 (20) числа, т.-е. въ тотъ самый день, когда проф. Павловскій призналъ кохинъ вреднымъ въ случаѣ наличности язвъ въ кишечникѣ, д-ръ Гутманъ демонстрировалъ препараты отъ больного, умершаго отъ легочной чахотки, у котораго и въ кишечникѣ существовали нарывчатые процессы, которые, однако, совершенно исчезли, благодаря коховскому средству; это, по объясненію берлинскаго врача, какъ бы указываетъ на то, что, благодаря этому средству, можно достигнуть излеченія нарывовъ въ кишкахъ (*Нов. Вр.*, 13 янв.). И такъ, въ одномъ случаѣ, когда по отзыву проф. Павловскаго выпрыскиванія кохина прямо опасны и не должны быть назначаемы, д-ръ Гутманъ видитъ въ выпрыскиваніи кохина какъ бы специфическое средство именно для этого случая. Второй параллельный отзывъ: диагностическое значеніе выпрыскиваній, по мнѣнію проф. Павловскаго, гро-

мадно, а д-ръ Корольковъ изъ Петербурга, сообщившій результаты, полученные въ клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны, привелъ фактъ, что въ 3-хъ случаяхъ средство Коха было примѣнено съ діагностическою цѣлью, «но діагнозъ такъ и остался невыясненнымъ».

Впрочемъ, мы дѣлаемъ эти сопоставленія никакъ не съ тѣмъ, чтобы умалить значеніе сообщенія профессора Павловскаго. Рѣчь его, судя по подробному ея изложенію въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, представляла едва ли не капитальный фактъ въ бывшихъ дебатахъ, а корреспондентъ *Новаго Времени* приписываетъ ей отчасти даже и нѣкоторый поворотъ въ настроеніи ученаго собранія, хотя и прибавляетъ, что къ этому времени подоспѣло и сообщеніе самого Коха о составѣ его препарата. «Уже не было слышно, — пишетъ этотъ корреспондентъ, — такихъ категорическихъ отрицаній, уже гораздо осторожнѣе и сдержаннѣе сдѣлались возраженія, и тотъ же проф. Богословскій, который въ собраніи хирурговъ такъ безтактно возражалъ проф. Павловскому, самъ же отказался отъ высказанныхъ имъ днемъ ранѣе заключеній», чѣмъ и воспользовался проф. Павловскій, указавшій, что и въ Москвѣ случаи примѣненія коховскаго способа идутъ удовлетворительно.

Самому факту такой перемены мы, признаемся, придаемъ вѣсь лишь въ смыслѣ удостовѣренія, что клиническія наблюденія доселѣ слишкомъ неясны, неубѣдительны, иначе мнѣніе о средствѣ не мѣнялось бы отъ такого обстоятельства, что составъ его опубликованъ, между тѣмъ какъ при производствѣ наблюденій онъ не былъ извѣстенъ съ точностью. Но приведемъ и еще нѣсколько представившихся на сѣздѣ примѣровъ тому, что мнѣнія врачей (а затѣмъ и дѣйствія ихъ, конечно) могутъ быть весьма рѣшительны, несмотря на полную невыясненность того или другаго вопроса. Д-ръ Шаховской высказался за исключительно наследственную передачу расположенія къ чахоткѣ, а д-ръ Игнатьевъ отводитъ наследственности лишь вспомогательную роль въ развитіи чахотки. Г. Игнатьевъ признаетъ чахотку до такой степени заразительною, что требуетъ своевременнаго удаленія заболѣвающихъ бугорчаткой въ особыя больницы или колоніи, между тѣмъ какъ д-ръ Шаховской высказывается противъ заразительности чахотки.

Вотъ поэтому-то часть общества, не обладающая спеціальными знаніями, но умѣющая сравнивать и мыслить, должна обратить серьезное вниманіе на ту крайнюю смѣлость въ выводахъ и рѣшительность въ совѣтахъ и прямыхъ дѣйствіяхъ, какими врачи положительно превосходятъ всѣхъ другихъ ученыхъ спеціалистовъ. Намъ скажутъ, что открытіе Коха состоялось такъ недавно, что возможны разныя о немъ мнѣнія. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но характерна именно рѣшительность мнѣній при малой наличности точныхъ фактовъ, пемыслимая ни въ какой наукѣ, кромѣ «науки» медицины. При такихъ взаимныхъ противорѣчіяхъ, обусловленныхъ положительно необслѣдовательностью дѣла, господа врачи позволяютъ себѣ съ невозмутимымъ «апломбомъ» изрекать приговоры и рѣшенія, способные вызы-

вать многообразныя, тяжкія добавочныя страданія больныхъ и разореніе людей близкихъ, которые, вѣря медикамъ, готовы пожертвовать всѣмъ для спасенія больныхъ. «Мы не имѣемъ права не употребить всѣхъ средствъ», говоритъ докторъ. Нѣтъ, вы не имѣете права настаивать на средствахъ, сильно увеличивающихъ страданія больныхъ, когда сами въ эти средства едва вѣруете. Вы не должны имѣть ни нравственнаго права, ни фактической власти устанавливать, на основаніи гаданій, вашими же товарищами опровергаемыхъ, правила, которыя влекутъ за собой самыя бѣдственныя послѣдствія для больныхъ. Такъ, д-ръ Игнатьевъ требуетъ своевременнаго удаленія заболѣвающихъ бугорчаткою въ особыя больницы и колоніи. При этомъ высказывается лишь то мнѣніе о крайней заразительности чахотки, которая во всѣхъ такъ называемыхъ «санитарныхъ станціяхъ» принята безусловно и ведетъ къ требованію отъ родственниковъ умершаго уплаты за перемѣну въ комнатѣ обоевъ, ковровъ и т. д., т.-е. къ самой ростовщической эксплуатаціи, которая, въ концѣ-концовъ, конечно, и ограничивается полученіемъ большой суммы и отдѣленіемъ части изъ нея мѣстнымъ врачамъ за освидѣтельствованіе, а обои и ковры остаются на мѣстѣ.

Требуется уничтоженіе не только обоевъ и ковровъ послѣ умершихъ отъ бугорчатки, но и тканей на мебели, и одежду и бѣлья окружавшихъ и т. д., и все это, конечно, на дѣлѣ исполняется только частично, т.-е. такъ, напримѣръ, что обои будутъ перемѣнены, но матрацы не уничтожены, но проданы, а бѣлье и платье окружавшихъ останутся безъ перемѣны. Сотни рублей будутъ заплачены за эту мистификацію, а, между тѣмъ, въ той же медицинѣ, съ равнымъ правомъ, высказываются мнѣнія, что чахотка вовсе не заразительна, что главную роль играетъ наследственное расположеніе. Правда, одновременно слышатся и такіе отзывы, что наследственность играетъ при этомъ лишь вспомогательную роль, а главное дѣло—въ зараженіи.

Мнѣніе о заразительности чахотки, которое все болѣе распространяется безъ достаточныхъ научныхъ данныхъ, такъ какъ оно же и оспаривается нѣкоторыми учеными специалистами, въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ, непремѣнно поведетъ къ усиленію страданій больныхъ. Допустимъ, что всѣ—не только образованные, но и простые люди—прониклись мнѣніемъ г. Игнатьева, что чахоточныхъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе удалять, уединить, «чураться» ихъ, и получимъ въ результатѣ, что изъ тѣсныхъ квартиръ ихъ будутъ гнать на улицу прочіе постояльцы, что чахоточнаго не въ каждую гостиницу станутъ пускать, что никто не захочетъ ѣхать въ одномъ съ нимъ вагонѣ. А, между тѣмъ, заразительность чахотки еще сомнительна. Какое же право имѣютъ врачи предъявлять подобныя требованія при недостаточномъ изслѣдованіи вопроса?

Утвержденіе чего-либо свыше точнаго знанія справедливо называется шарлатанствомъ. Оно особенно отвратительно, когда можетъ повлечь за собою усиленіе массы единичныхъ страданій. Конечно, въ интеллигентныхъ семьяхъ, гдѣ еще обсуждаютъ приговоръ врача, сравниваютъ этотъ при-

говоръ съ прежними его же словами, съ чужими приѣбрами и т. д., является еще нѣкоторое ограниченіе легкомысленному, лишенному достаточныхъ основаній докторскому самодурству. Но подумайте о массѣ больныхъ въ госпиталяхъ, безотвѣтно отданныхъ на произволъ слишкомъ легко принимаемыхъ экспериментовъ. Вѣдь, съ больничными паціентами нѣтъ церемоній, ихъ насильно подвергаютъ всѣмъ послѣдствіямъ часто гадательныхъ приговоровъ, надъ ними же производятся и опыты, назначенные для дальнѣйшаго движенія «науки».

Врачи обидятся этими замѣчаніями, но совершенно напрасно. Мы нисколько не отрицаемъ медицинской науки въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ она несомнѣнно заслуживаетъ этого названія. Но собственно терапия, въ нынѣшнемъ ея положеніи, можетъ ли быть признаваема наукою въ современномъ значеніи этого слова? Наукою называется, вѣдь, и стратегія, хотя личный талантъ, инстинктъ угадыванія несомнѣнно важнѣе въ полководцѣ, чѣмъ самое твердое памятованіе слишкомъ нетвердой теоріи. Точно также и во врачѣ личный талантъ, а еще болѣе—добросовѣстность и человѣчность гораздо важнѣе знанія «послѣднихъ словъ науки». Да и имѣетъ ли право такое искусство, которое не знаетъ средствъ противъ холеры, чумы, чахотки, тифа, воспаленія легкихъ, оспы и вообще сыпныхъ болѣзней, а лечитъ ихъ фармацевтическими препаратами, «имѣющими лишь слабое значеніе», лечитъ «для душевнаго успокоенія больныхъ», — называться наукою? Имѣетъ ли государство обязанность всѣ отзвывы медицинскихъ учрежденій принимать за вѣчто несомнѣнное и основывать на нихъ законы?

Наконецъ, почему же, изъ всѣхъ общественныхъ функцій и изъ всѣхъ отраслей знанія, одна лишь врачебная специальность должна пользоваться «иммунитетомъ» отъ всякой общественной критики ея практическихъ результатовъ, перѣднихъ ошибокъ и безусловною свободой отъ всякихъ сомнѣній, вызываемыхъ взаимными противорѣчіями самихъ же ученыхъ специалистовъ?

Вслѣдъ за съѣздомъ московскимъ, упомянемъ о другомъ съѣздѣ, бывшемъ въ половинѣ прошлаго мѣсяца въ Петербургѣ. Это былъ съездъ делегатовъ отъ русскихъ обществъ покровительства животнымъ, созданный въ честь 25-ти лѣтней годовщины основанія такого общества въ Петербургѣ. Цѣль этихъ обществъ весьма сочувственная, такъ какъ можно навѣрное сказать, что по меньшей мѣрѣ девять десятыхъ переносимыхъ животными страданій обусловлены вовсе не пользою для людей, но грубостью ихъ и безсердечіемъ. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что названные общества у насъ сдѣлали очень мало и едва ли поступили благоразумно, празднуя 25-тилѣтіе, такъ какъ за этотъ періодъ времени достигнутые ими результаты крайне незначительны.

Предсѣдатель петербургскаго общества, камергеръ Жуковскій, призналъ, что въ жизни этой корпораціи было много возвышавшихъ и понижавшихъ

его уровень перипетій» и что были моменты, когда оно готово было распасться, но въ настоящее время оно сильно «защитою закона и общественнымъ сочувствіемъ». Искренно сочувствуя цѣлямъ обществъ покровительства животнымъ, скажемъ прямо, что имъ слѣдовало больше дѣлать практическихъ, хотя бы самыхъ скромныхъ усилій, чѣмъ заниматься риторикою. Всѣ эти «взгиды», «сочувствія и симпатіи», «гуманность» въ примѣненіи къ животнымъ или (что то же самое) «человѣколюбіе, не только къ животнымъ, но и къ человѣчеству вообще», представляютъ самое дешовое и непріятное для уха, упражненіе въ фразеологіи; слова о «человѣколюбіи къ животнымъ и о человѣколюбіи къ человѣчеству вообще» взяты нами буквально изъ одной рѣчи.

Цѣль этого рода общества не можетъ быть иная, какъ только возможное уменьшеніе жестокости въ эксплуатаціи человѣкомъ животныхъ. Все остальное выходитъ изъ программы, составляетъ пустословіе, а иногда даже совсѣмъ несогласно съ задачею общества. Собственно говоря, въ собраніяхъ подобныхъ обществъ совсѣмъ не нужны рѣчи, вполне достаточны рефераты о предпринятыхъ стараніяхъ и выборы.

Къ сожалѣнію, именно петербургское общество, создавшее нынѣ делегатовъ отъ обществъ провинціальныхъ, представило въ истекшемъ 25-лѣтніи наиболѣе странностей и наименѣе дѣла. Усилія его разбрасывались и, за исключеніемъ двухъ-трехъ основанныхъ лечебницъ для животныхъ, не привели ни къ чему существенному. Общество это, ни съ того, ни съ другаго, предпринимало издавать сочиненія «о полезныхъ птицахъ», брало на себя подрядъ по истребленію бродячихъ собакъ, конечно, «гуманнымъ» способомъ, т.-е. ловлею ихъ арканомъ и затѣмъ—вѣшаньемъ. Одно время въ обществѣ обнаружилось отсутствіе наличныхъ средствъ. Вообще, лучше бы оно сдѣлало, не праздноя своего юбилея.

Утѣшительно, что сочувственная цѣль этихъ обществъ, наиболѣе правильно опредѣленная ученымъ секретаремъ ветеринарнаго комитета г. Рожновымъ—«предохраненіе животныхъ отъ излишнихъ страданій»,—признается въ сферахъ вліятельныхъ. На юбилей общество получило привѣтственное письмо отъ г. министра народнаго просвѣщенія, поздравительныя телеграммы отъ кіевского митрополита Платона и донскаго епископа Макарія. Но пренія и въ юбилейномъ съѣздѣ делегатовъ не обнаружили, чтобы въ этомъ дѣлѣ взяло, наконецъ, верхъ направленіе болѣе практичное. Напримѣръ, было постановлено, что представляется полезнымъ «для сель и провинцій (?)» увеличить число ветеринаровъ, рѣшено хлопотать объ устройствѣ земскихъ и городскихъ лечебницъ для животныхъ, обсуждалась мѣры противодѣйствія эпизоотіямъ и т. п. Все это не дѣло общества покровительства животнымъ, такъ какъ все это входитъ въ разрядъ интересовъ экономическихъ и общества на свои ничтожныя средства ничего не могутъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ, кромѣ выраженія пожеланій, чтобы дѣлали другіе, а это—не серьезно. Едва ли болѣе заслуживаетъ вниманія постановленіе общаго собранія о ходатайствѣ передъ правительствомъ от-

носителю утверждѣнія «особаго знака», который члены этихъ обществъ желаютъ носить на груди или въ петлицѣ, для облегченія имъ исполненія ихъ обязанностей. Эти желательные для членовъ знаки отличія полезнѣе было бы замѣнить испрошенными отъ министерства внутреннихъ дѣлъ печатными бланками, которымъ чины полиціи приглашались бы содѣйствовать законнымъ требованіямъ предъявителей, членовъ общества.

Члены съѣзда были приглашены осмотрѣть петербургскія городскія бойни, для оцѣнки разныхъ способовъ убоя скота.

Сужденія, высказанныя вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ, были также не свободны отъ нѣкоторой странности. Собраніе безусловно осудило еврейскій способъ убоя, состоящій въ разрѣзаніи сонныхъ артерій, съ подъемомъ затѣмъ животнаго задомъ вверхъ для полного истеченія крови, и одобрило способъ русскій—разрѣзанія ударомъ кинжала позвоночнаго столба, причѣмъ немедленно начинаютъ сдирать кожу, а животное въ это время дѣлаетъ «защитительные (по отзыву экспертовъ, «только рефлекторныя») движенія задними ногами».

Еврейскій способъ былъ осужденъ столь безусловно, что на банкетѣ этихъ покровителей животныхъ нѣкто предложилъ выпить противъ жидовскаго способа убоя, вслѣдствіе чего одинъ изъ присутствовавшихъ отозвался, что онъ—единственный въ настоящемъ собраніи жидъ. Но «рефлекторныя движенія», осужденныя при еврейскомъ способѣ убоя, нисколько не смутили членовъ при способѣ русскомъ.

Обсуждалось далѣе, чѣмъ «гуманнѣе» ловить собакъ: арканомъ или сѣткою со щипцами, — и эти послѣднія орудія получили предпочтеніе; затѣмъ, какъ поступать съ пойманными, стараніемъ обществъ покровительства, собаками—вѣшать ихъ, отравлять или разстрѣливать? Все это дало широкое поле для краснорѣчія. Признано было, что слѣдуетъ осудить прежній способъ убиванія ударами дубины по головѣ, но и за повѣшеніе высказались, при странномъ голосованіи въ такомъ смыслѣ, всего большинство одного голоса, а потомъ и это рѣшеніе было отмѣнено, и способъ умерщвленія собакъ предоставленъ на выборъ каждаго общества.

Намъ кажется, что все это—задачи постороннія правильно опредѣленной цѣли общества. Не его дѣло брать подряды на вѣшанье или отравленіе собакъ, не его дѣло провозглашать тосты за какой-либо способъ, употребляемый мясниками.

Только тогда общества этого рода стануть на твердую почву, когда они вполне уяснятъ себѣ, что исключительнымъ ихъ призваніемъ должно быть устройство лечебницъ, а затѣмъ наблюденіе и ходатайство передъ подлежащими властями объ устраненіи ненужныхъ, столь часто встрѣчаемыхъ жестокостей надъ животными. Такъ, нерѣдко шкура снимается съ умирающихъ животныхъ еще во время агоніи, потому что она тогда отдѣляется легче, чѣмъ по оконченіи. Далѣе, какимъ бы способомъ ни производился убой на бойняхъ, еврейскимъ или русскимъ, общество имѣетъ право просить, чтобы поставлено было правиломъ—моментальное, вслѣдъ

за уколоть, отдѣленіе головы отъ туловища, что не нарушить ни религіознаго интереса евреевъ, ни попеченія о достоинствахъ туши. Ловить и вѣшать собакъ общества покровительства вовсе не призваны, но они обязаны наблюдать за тѣмъ, какъ это будетъ производиться частными антрепренерами.

Отвѣтимъ еще слѣдующій, мелкій, но довольно характерный фактъ, обнаружившійся на петербургскомъ съѣздѣ. Г-жа Мансурова, изъ Москвы, предложила для уменьшенія страданій уничтожаемыхъ собакъ электрическій аппаратъ, убивающій «въ одну двадцатую часть секунды». Позволительно усомниться въ точности передачи этого предложенія репортеромъ. Но г-жа Мансурова тутъ же внесла 100 руб. на приобрѣтеніе такого аппарата, а на это предложеніе не отозвался никто. «Вообще (отчетъ *Нов. Вр.*) всѣ ея предложенія и докладъ, совершенно отрицающій ловлю и истребленіе собакъ, встрѣчены были съ такимъ равнодушіемъ, что даже самое чтеніе доклада было допущено только послѣ засѣданія и при этомъ почти всѣ слушатели разошлись».

Эмиграція крестьянъ изъ Царства Польскаго въ Бразилію, начавшаяся прошлою осенью и быстро принявшая размѣры какой-то эпидеміи, побудила польскую публицистику внимательно заняться какъ положеніемъ переселенцевъ, такъ и причинами, вызывающими эмиграцію. Одинъ изъ варшавскихъ литераторовъ, г. Дыгасинскій, отправился въ Бразилію, чтобы изслѣдовать положеніе дѣла на мѣстѣ. Собранныя доселѣ свѣдѣнія открыли нѣкоторыя неизвѣстныя стороны въ упомянутомъ движеніи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ сообщенныхъ польскою печатью данныя.

Экономическое положеніе польскихъ крестьянъ, владѣющихъ землей, въ особенности малоземельныхъ и батраковъ, а затѣмъ рабочихъ у землевладѣльцевъ и рабочихъ фабричныхъ въ послѣднее время значительно ухудшилось. Главными причинами того были: паденіе цѣнъ на отпускной хлѣбъ, обложеніе привознаго хлѣба въ Пруссіи, запрещеніе ввоза туда же скота, пониженіе желѣзно-дорожныхъ ставокъ на перевозъ скота изъ внутреннихъ губерній въ западномъ направленіи, наконецъ, изгнаніе изъ Пруссіи ходившихъ туда на заработки крестьянъ изъ польскихъ губерній. Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ заставилъ землевладѣльцевъ пріостановить работы по ремонту строеній и улучшеніямъ и вообще сократить, по возможности, всякіе расходы. Хотя при этомъ цѣна, платимая земледѣльческимъ рабочимъ, упала незначительно, но уменьшеніе работъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевленіе хлѣба, который рабочіе, получая въ натурѣ, частью продаютъ, были для нихъ весьма чувствительны. Тѣмъ же сельскимъ рабочимъ предоставляется держать свою корову и свиней, что служитъ также поддержкой, а, между тѣмъ, цѣны упали и на скотъ вслѣдствіе названныхъ причинъ. Наконецъ, сильно упалъ спросъ на тонкую шерсть вслѣдствіе успѣховъ техники, при которыхъ шерстяныя ткани все болѣе вытѣсняются издѣліями хлопчато-бумажными.

При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ разошлась въ народѣ настоящая легенда о Бразиліи, которая, какъ намъ кажется, едва ли могла быть сочинена агентами перевозныхъ компаній, нѣмцами и евреями, такъ какъ въ ней слишкомъ ярко отражается католическое настроеніе польскаго крестьянства, а отчасти и нѣкоторыя другія его аспираціи. Басня, довольно согласно повторявшаяся среди крестьянства, представляла продуктъ народной фантазіи, украсившей матеріальныя посулы агентовъ еще добавкомъ побужденій свойства нравственнаго. Въ баснѣ этой, приводимой въ газетѣ *Kraj*, рассказывалось, что Бразилія принадлежитъ папѣ, хотя управляется королевой, и находится всего въ 7 миляхъ отъ Рима, что переселенцамъ будутъ отведены даромъ земли съ готовыми хатами, такъ какъ св. отецъ рѣшилъ основать въ Бразиліи новую Польшу, въ которой не будетъ ни податей, ни воинской повинности, ни евреевъ, а будутъ школы и собственные школы. Евреи хотѣли бы въ Бразилію, но ихъ туда не пустять, да и земли предназначены исключительно для польскаго народа; а земля богатая, производитъ все безъ труда, и издержекъ на топливо и теплую одежду въ Бразиліи не нужно.

Движеніе къ переселенію охватило губернію Плоцкую и пограничныя съ Пруссіей уѣзды губерній Варшавской, Калишской и Ломжинской. Сперва тронулись фабричныя, за ними помѣщичьи наемники и т. д. Приблизительно общая масса выселившихся распредѣляется слѣдующимъ образомъ: большинство (отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$) состояло изъ крестьянскихъ батраковъ, ремесленниковъ и рабочихъ съ землевладѣльческихъ мызъ; въ остальной четверти огромное большинство составляли крестьяне малоземельныя, кормившіеся преимущественно наемною же работой ($\frac{9}{10}$), и только остальная часть ($\frac{1}{10}$), примѣрно 3—4% общаго числа выходцевъ, состояла изъ крестьянъ, дѣйствительно содержавшихъ себя трудомъ на собственныхъ земляхъ. Изъ Плоцкой губерніи ушли около 3 тысячъ семей, общей же приблизительной цифры эмиграціи въ сообщенныхъ данныхъ мы не находимъ. Билеты на проѣздъ моремъ (шифарты) раздавались даромъ, переселенцы переходили границу тайно, за что платили проводникамъ, потомъ въ вагонахъ товарныхъ, служащихъ для перевозки скота, ѣхали въ Бременъ на свои деньги, тамъ поступали въ полное распоряженіе агентовъ перевозныхъ компаній, запасались провизіей и перевозились въ Рио-Жанейро бесплатно, и въ самомъ этомъ городѣ помѣщались даромъ въ особыхъ баракахъ въ теченіе 8 дней, а затѣмъ распредѣлялись по плантаціямъ, будто бы по своему выбору, но, вслѣдствіе незнанія языка, по усмотрѣнію посредниковъ.

Судьба переселенцевъ жалкая. Уже на пути до Бремена и въ Бременѣ ихъ всячески обираютъ агенты разныхъ степеней, такъ что рѣдко кто сохранялъ хоть сколько-нибудь денегъ по пріѣздѣ въ Рио-Жанейро, да и тѣхъ тотчасъ обирали, продавая имъ участокъ, котораго они потомъ, конечно, не получали. Въ Бразиліи только самая южная часть имѣетъ климатъ, съ которымъ европейцы осваиваются легко; но тамъ уже существуютъ нѣмецкія колоніи; въ остальныхъ же частяхъ Бразиліи климатическія условія

пагубны для европейцевъ. Возвратиться въ Европу или уѣхать хотя бы въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, обманутые въ Бразиліи переселенцы уже не могутъ, такъ какъ на это требуется не менѣе 100 рублей, а переселяются, главнымъ образомъ, семьи. И такъ, можно опасаться, что, попавъ въ полное распоряженіе плантаторовъ, большинство переселенцевъ обречены на гибель.

Надо замѣтить, что въ Бразиліи въ 1888 году наступилъ окончательный срокъ совершеннаго бывшимъ императоромъ донъ-Педро освобожденія негровъ-рабовъ, работавшихъ на плантаціяхъ. Для пріобрѣтенія ими полной свободы въ распоряженіи собою установлены были этимъ монархомъ-филантропомъ опредѣленные стадіи времени. Когда наступилъ послѣдній срокъ, негры пріобрѣли полное равенство правъ и, въ большинствѣ, воспользовались имъ такъ, что ушли съ плантацій въ лѣса, бросивъ всякую работу, предпочитая полудикую, кочевую жизнь въ странѣ, гдѣ одна охота на дичь легко можетъ содержать цѣлыя племена, не говоря уже объ обилии дико-ростущихъ плодовъ и возможности жить въ шалашахъ, хотя бы безъ одежды, т.-е. вовсе не зарабатывая денегъ.

Напомнимъ, что нѣчто подобное произошло, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ по освобожденіи рабовъ. Множество негровъ предпочли, на первое, хотя и продолжительное время полную праздность и нищету продолженію той каторжной работы, къ которой ихъ принуждали плети и цѣпи. Первыми экономическими послѣдствіями освобожденія невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ и были, дѣйствительно, уменьшеніе культуры сахарнаго тростника, плантацій кофе и табака, нѣкоторое даже сокращеніе числа англійскаго торговаго флота. Впослѣдствіи частью негры возвратились къ работѣ, частью они были замѣнены привозомъ «кулиевъ» (coolies), т.-е. рабочихъ изъ Китая, который, замѣтимъ, производился въ условіяхъ довольно похожихъ на тѣ, какими обставлена нынѣшняя «выписка» польскихъ крестьянъ.

Въ данныхъ, собранныхъ польскою журналистикой, упоминается, между прочимъ, и такой фактъ, что въ 1889 году посѣтилъ Царство Польское министръ публичныхъ работъ Бразильской республики, прямо съ цѣлью изслѣдовать условія «рабочаго рынка», и въ Лиссабонѣ учреждено бразильскимъ правительствомъ генеральное агентство выписки европейскихъ рабочихъ, во главѣ котораго состоитъ нѣкій Сантошъ.

И такъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло, главнымъ образомъ, вовсе не съ мелкими агентами гешефтмахерами изъ нѣмцевъ и евреевъ, которыхъ наши суды стали привлекать къ отвѣтственности за обманы, и этимъ путемъ нельзя отвратить бѣдствія, угрожающаго десяткамъ тысячъ людей и экономическому состоянію всѣхъ неслишкомъ отдаленныхъ отъ морей мѣстностей. Мы имѣемъ дѣло съ цѣлою организаціей, установленною иностраннымъ правительствомъ, которое распоряжается бюджетомъ въ 134 милл. пенсовъ (пенсъ = 2,84 франка), т.-е. около 380¹/₂ милл. франк. (приводимъ цифру 1886 года).

Представляется опасность, что не только эмиграція въ Бразилію, съ наступленіемъ весны, возобновится въ Царствѣ Польскомъ, но что эпидемія эта можетъ охватить и крестьянство прибалтійское, и населеніе прибрежныхъ черноморскихъ губерній. Съ одной стороны, упадокъ заработковъ, съ другой—обѣщанія золотыхъ горъ за моремъ и даровой переѣздъ,—все это вмѣстѣ представляетъ опасность, на которую необходимо обратить серьезное вниманіе. Безусловное воспрещеніе всякой эмиграціи и употребленіе однѣхъ только мѣръ пресѣченія едва ли было бы рациональнымъ, но нельзя не пожелать, чтобы предоставленъ былъ всякій просторъ для общественныхъ усилій къ ознакомленію крестьянъ съ истинными условіями эмиграціоннаго дѣла.

Эмиграція крестьянъ совершается не только изъ Царства Польскаго черезъ Пруссію, но изъ Волынской губерніи черезъ Австрію, а одновременно прибываетъ въ пограничные уѣзды губерніи все больше колонистовъ-нѣмцевъ. Корреспондентъ *Новаго Времени* утверждаетъ, что будто бы уже теперь въ тѣхъ уѣздахъ нѣмцы составляютъ четвертую часть крестьянскаго населенія, а если наплывъ ихъ будетъ продолжаться въ прежнихъ размѣрахъ, то «черезъ нѣсколько лѣтъ здѣсь будетъ больше нѣмцевъ, чѣмъ русскихъ». Переселеніе понятно, если оно вызывается чрезмѣрною густотой населенія, т.-е. малоземельемъ. Но какъ объяснить такой фактъ, что малороссы уходятъ изъ Волынской губерніи для переселенія въ Америку, а на ихъ мѣсто приходятъ нѣмцы?

Корреспондентъ пишетъ слѣдующее: «Владѣя огромнымъ количествомъ земли, будучи вполнѣ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи (?), сильныя взаимною помощью, нѣмцы получаютъ продукты значительно дешевле крестьянъ, которые, вслѣдствіе малоземелья и другихъ причинъ (?), не могутъ завести у себя рациональную систему хозяйства, могущую дать имъ возможность конкурировать съ окружившими ихъ иноземцами; лишенный, благодаря страшному наплыву нѣмцевъ, земли и заработковъ, волынскій крестьянинъ начинаетъ охотно прислушиваться» и т. д. Тутъ же прибавляется, что если эмиграція не встрѣтитъ противодѣйствія, то общааетъ принять съ весны «опасные для края размѣры».

Допустимъ, что въ этомъ есть обычная доля преувеличенія, всегда сопровождающаго требованіе воспретительныхъ мѣръ всякаго рода. Но въ случаѣ выселенія волынскихъ крестьянъ за границу, и одновременный наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ не подлежитъ сомнѣнію и, къ сожалѣнію, единственный способъ объяснить эти факты взаимно таковъ, что и въ ближайшемъ будущемъ ничего хорошаго ожидать нельзя. Приведенный нами корреспондентъ представляетъ дѣло такимъ образомъ, что крестьяне, окруженные иноземцами, которые производятъ дешевле, не могутъ съ ними конкурировать и потому уходятъ съ мѣста. Но, вѣдь, началось дѣло съ того, что сперва иноземцы были окружены крестьянами, а, между тѣмъ, удержались на мѣстахъ и постоянно возрастали въ числѣ. И такъ, сущность дѣла не въ томъ, кто кого окружаетъ, но въ томъ, что цѣны на

хлѣбъ упали до такого уровня, при которомъ прежніе способы обработки земли и сбора хлѣба, вся прежняя хозяйственная организація оказываются не въ состояніи произвести столько хлѣба на продажу, чтобы покрыть издержки содержания и казенные сборы.

А если это объясненіе вѣрно, въ такомъ случаѣ, и безусловное запрещеніе нѣмцамъ селиться, хотя бы съ принятіемъ русскаго подданства, не произвело бы того экономическаго результата, какой отъ него ожидается. Цѣлью ея могло бы быть только предупрежденіе германизаціи края, а едва ли — улучшеніе экономическаго быта мѣстнаго русскаго крестьянства. Крестьянинъ, которому стало невыгодно вести хозяйство старыми приѣмами и который лишентъ помощи для усвоенія приѣмовъ лучшихъ (онъ могъ бы ихъ перенять у того же нѣмца), все равно будетъ стремиться къ переселенію если не въ Америку, то на Кавказъ или на Уралъ. Если землю нельзя будетъ продать нѣмцу, онъ продастъ ее кому-нибудь другому, своему же, болѣе состоятельному сосѣду, который дастъ ему за нее дешевле нѣмца. Вѣдь, происходитъ такимъ же образомъ обезземеленіе крестьянъ и въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣмцевъ нѣтъ, а наиболѣе сильное переселенческое движеніе замѣчается не въ Волынской губерніи, гдѣ нѣмцы «окружили» крестьянъ, но въ Курской.

Для дѣйствительныхъ улучшеній экономическаго быта надежны только экономическіе же приемы. Въ той же корреспонденціи указывается на такой фактъ, что дѣятельность крестьянскаго банка въ Волынской губерніи слаба и въ послѣдніе годы замѣтно сократилась, а собственные доплаты, требуемыя банкомъ отъ крестьянъ при приобрѣтеніи земли, «зачастую превышаютъ половину покупной суммы». Понятно, что при этомъ условіи, т. е. когда на одну половину покупной суммы крестьянинъ ежегодно платитъ банку 8%, а другую половину земли подъ процентъ ростовщическій, самое приобрѣтеніе земли вѣрнѣе ведетъ къ разоренію, чѣмъ къ направленію.

Не повторяя при этомъ случаѣ того, что столько разъ высказывалось о новомъ направленіи дѣятельности крестьянскаго банка, позволимъ себѣ поставить вопросъ: не пришла ли уже пора, послѣ 25-ти лѣтняго юбилея земскихъ учрежденій въ великорусскихъ и южныхъ губерніяхъ, распространить дѣйствіе этихъ учрежденій и на губерніи западныя? Нельзя пренебрегать тѣми усиліями, какія дѣлаетъ земство для доставленія крестьянамъ улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, для распространенія и улучшенія кустарныхъ промысловъ. Положимъ, силы земства не велики. Но, вѣдь, это возраженіе противъ необходимости предоставить западнорусскимъ крестьянамъ хоть такую помощь могло бы имѣть вѣсь лишь тогда, если бы предполагалось, помимо усилій земства, предпринять какой-либо могучій государственный починъ для улучшенія крестьянскаго хозяйства.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца официально открыло свои дѣйствія въ Петербургѣ общество для вспомошествованія переселенцамъ, объ учрежденіи котораго мы въ свое время упомянули. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, истек-

шихъ со дня утвержденія устава, временный комитетъ общества уже вошелъ въ сношеніе съ главными пунктами восточно-переселенческаго движенія и учредилъ мѣстные отдѣлы въ Москвѣ и Базани. Съ весны предполагается приступить къ организациіи врачебной помощи, передѣлать и устройству вновь бараконъ и пріютовъ въ пунктахъ остановокъ. Въ первомъ официальном засѣданіи сообщено было, что число членовъ общества достигло уже 110 и что обществу предложено было нѣсколько пожертвованій, въ томъ числѣ 3 тыс. руб. отъ г-жи Серебряковой. Напомнимъ, что задача этого общества заключается въ призрѣніи переселенцевъ въ сборныхъ пунктахъ и въ оказаніи имъ помощи на самыхъ мѣстахъ новаго поселенія—для покупки скота, сѣмянъ и орудій. Въ томъ же засѣданіи избранъ окончательный комитетъ, въ составъ котораго вошли члены-учредители.

Вторая часть сессіи губернскаго земскаго собранія въ Москвѣ, происходившая послѣ праздниковъ, представляла ту же выдающуюся черту, на которую мы уже указывали при обзорѣ преній по вопросу о пріютѣ для умалишенныхъ. Крайне несимпатичная эта черта—преобладаніе личныхъ самолюбіи при обсужденіи общественныхъ дѣлъ—представляетъ нѣчто новое въ московскомъ земствѣ. Конечно, въ каждой сферѣ дѣятельности элементъ личныхъ самолюбіи, симпатій или антипатій играетъ нѣкоторую роль. Но когда этотъ элементъ получаетъ явное преобладаніе, когда онъ терзаетъ стыдъ и выступаетъ съ навязчивостью и зашъиваетъ сногояное разсмотрѣніе дѣлъ по существу какимъ-то упрямымъ и страстнымъ крючкотворствомъ, то это только вредитъ достоинству собраній и не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Явленіе это въ московскомъ земствѣ настолько ново и съ нравами его несогласно, а, между тѣмъ, выступило въ нынѣшней сессіи такъ ярко, что нельзя не отнести его всецѣло къ винѣ нѣкоторыхъ напльвныхъ вліяній. Городской голова Н. А. Алексѣевъ и во второй половинѣ сессіи продолжалъ ту эксцентричную роль, какую ваялъ на себя въ первой. Эксцентричность, сама по себѣ, можетъ извиняться тамъ, гдѣ она никому не вредитъ и не мѣшаетъ приносить пользу. Такъ, когда г. Алексѣевъ собралъ деньги на устройство въ излюбленномъ имъ мѣстѣ пріюта для умалишенныхъ, поступающихъ изъ уѣздовъ, несмотря на то, что временный пріютъ для нихъ уже былъ обезпеченъ въ общинѣ сестеръ милосердія, и когда онъ же, по слухамъ, поклонился одному жертвователю въ ноги, чтобы получить 300 т. руб. на благотворительное дѣло, то эксцентричность пріемовъ никому не вредила и не уменьшаетъ полезности результатовъ. Но когда эксцентричность проявляется внесеніемъ въ земскія пренія такихъ постороннихъ дѣлу предложеній, какъ, наприм., что слѣдуетъ положить вѣнецъ рѣзкой формѣ отвѣтовъ земской управы административному лицу—инспектору казенныхъ шоссе, или выражается въ совершенно неуважительныхъ, а въ данномъ случаѣ и положительно неприличныхъ выход-

какъ противъ порядковъ земскаго самоуправленія, наконецъ, въ мелочной придирчивости и рѣзкомъ тонѣ по отношенію къ давнишнимъ и заслуженнымъ земскимъ дѣятелямъ, то эксцентричность заслуживаетъ уже какого-нибудь иного, менѣе невиннаго названія. Крайне нежелательно, чтобы у насъ и въ средѣ земской развился салтыковскій типъ орудователей съ девизомъ «не потерплю» и «разнесу».

Оппозиція противъ губернской управы во второй половинѣ сессіи проявилась, со всѣми указанными атрибутами, на почвѣ «дорожнаго» вопроса. Ей удалось приобрести преобладаніе въ составѣ ревизіонной комиссіи. Въ своихъ замѣчаніяхъ на отчетность дорожнаго хозяйства комиссія высказала, что система завѣдыванія шоссе всецѣло основана на безграничномъ довѣрїи губернской управы не только къ земскимъ инженерамъ, но даже къ дорожнымъ десятникамъ, и это обстоятельство повело къ такому факту, что щебень для нѣкоторыхъ подмосковныхъ земскихъ дорогъ приобретали въ 1889 г. по цѣнѣ отъ 63 до 70 руб. за куб. сажень, между тѣмъ какъ московская городская управа (подвиги которой постоянно ставились въ примѣръ земству и въ дѣлѣ прїюта для умалишенныхъ) приобретала щебень по 60 руб.; затѣмъ, и кремль покупался земствомъ по 57 р. 60 к.—70 р. за куб. сажень, тогда какъ управа городская приобретаетъ его за 56 руб. На основаніи именно этого «факта» высказывались упреки земской управѣ въ недостаткѣ контроля и неумѣнїи вести хозяйство правильнымъ образомъ.

Между тѣмъ, самый «фактъ», какъ основаніе для столь серьезныхъ обвиненій, совершенно разсыпался при провѣркѣ его свѣдѣніями, какия представила управа. Оказалось, что, въ среднемъ, цѣна заготовленія щебня земствомъ была значительно ниже цѣны, платившейся городомъ, а именно поставлено было щебня 738 куб. саж. на сумму 39,104 руб., что составляло за 1 куб. саж. 52 руб. 93 коп. Относительно кремня разъяснено было, что цѣна его превышала городскую только на тѣхъ шоссе, куда камень приходится возить со станціи нижегородской желѣзной дороги черезъ всю Москву и далѣе за заставу около 3 верстѣ. Эта перевозка и обусловила, что камень не могъ приобретаться на тѣхъ шоссе по цѣнѣ, въ какую онъ обходился городу, который кремль для шоссе получаетъ въ видѣ брака отъ булыжника, поставляемаго для городскихъ мостовыхъ.

Мы привели эти факты лишь для примѣра, чтобы насъ не обвинили въ голословности нашей характеристики прїемовъ оппозиціи. Относительно состоянія шоссе ревизіонная комиссія нашла, что состояніе казенныхъ дорогъ ухудшается, причѣмъ основала свое сужденіе на отзывѣ административнаго инспектора, который, по отмѣченному ею же факту, находится въ постоянныхъ пререканіяхъ съ земскою управой. Тѣмъ не менѣе, земская ревизіонная комиссія принимаетъ мнѣніе инспектора противъ мнѣнія земской управы и винить послѣднюю въ этихъ пререканіяхъ. Комиссія предложила собранію признать, что управа «не съ должною осмотрительностью расходовала земскія средства». Не вдаваясь въ дальнѣй-

чій подробности, мы не можемъ не присоединиться къ замѣчаніямъ, высказаннымъ по этому поводу гласнымъ И. И. Шаховскимъ: указать на недостаточность фактическихъ данныхъ въ докладѣ ревизіонной комиссіи и на рѣзкость ея упрековъ управѣ, онъ отозвался, что «со времени существованія московскаго земства въ собраніе не представлялось еще подобныхъ докладовъ; высказанныя обвиненія столь тяжелы, что если бы они оказались справедливыми, управѣ оставалось бы только сказать: не угодно ли занять наши мѣста, т.-е. выйти въ отставку».

Мы обязаны упомянуть еще, что членъ управы, завѣдующій дорожною частью, Н. Ѳ. Рихтеръ, въ весьма пространной, фактической рѣчи доказалъ, что въ веденіи дорожнаго дѣла московскимъ земствомъ нынѣ достигаются гораздо лучшіе результаты, чѣмъ въ прежнее время, а, стало быть, именно упрекъ въ ухудшеніи совершенно несправедливъ. Дорожный вопросъ нѣсколько времени тому назадъ подалъ уже поводъ къ весьма оживленнымъ преніямъ, которыя также принимали характеръ личный, но, все-таки, гораздо менѣе рѣзкій, чѣмъ теперь. Тогда слышались нареканія, главнымъ образомъ, на неполноту отчетности по этой части, но въ высказывавшихся въ то время замѣчаніяхъ скорѣе проявилась нѣкоторая неосмотрительность въ выраженіяхъ, чѣмъ обдуманная кампанія, отчасти противъ управы, а отчасти, быть можетъ, противъ самого земства, въ со-отвѣтствіе нѣкоторымъ моднымъ теченіямъ. А потому, въ тотъ разъ, когда г. Рихтеръ, обидѣвшись, подалъ въ отставку, его упростили остаться.

Нынѣшнія нападки, повторяемъ, имѣли нѣсколько иной характеръ, такъ какъ въ настоящее время и отчетность по дорожной части оказывалась вполне удовлетворительною. Такъ, гласный Алексѣевъ придалъ первенствующее значеніе такому факту, что въ прошлую сессію собраніе поручило управѣ представить описаніе дмитровскаго шоссе, но она этого не исполнила, а потому ораторъ предложилъ не ассигновать на ремонтъ этого шоссе никакой суммы до экстренной сессіи собранія, пока не будетъ представлено описанія. Онъ спрашивалъ, почему объясненіе представлено не было, и позволилъ себѣ сказать: «Если нѣтъ причинъ, то скажите, что вы сдѣлали это безъ объясненія причинъ, и тогда мы будемъ знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло». Затѣмъ, онъ же просилъ записать въ журналъ, что управа безъ объясненія причинъ не исполнила данного ей порученія. Собраніе, однако, ассигновало на ремонтъ дмитровскаго шоссе всю просимую сумму. Но за то оно, по предложенію г. Алексѣева, отказало въ ассигнованіи на постройку деревяннаго моста на каширскомъ шоссе, взамѣнъ снесеннаго водою, и поручило управѣ представить проектъ моста изъ «несгораемыхъ матеріаловъ». Не совсѣмъ понятно, почему «несгораемые» матеріалы необходимы противъ воды.

Пренія эти происходили въ присутствіи многочисленной публики, которую едва ли привлекало самое содержаніе обсуждаемаго вопроса, довольно сухаго и требовавшаго внимательности къ мелкимъ цифровымъ подробностямъ.

Вѣрнѣе предположить, что многочисленность слушателей, явившихся въ залу собранія, какъ въ первую, такъ и во вторую половину нынѣшней сессіи, представляла собою какъ бы абонементъ публики на рядъ эффектныхъ гастролей городского головы въ земствѣ, съ побиваніемъ испонныхъ земскихъ дѣателей.

Побиваніе это удалось въ томъ смыслѣ, что губернская управа, въ полномъ составѣ, подала въ отставку. Но оно нисколько не удалось въ смыслѣ обороны города отъ земскаго обложенія. Какъ извѣстно, постановленіе собранія, передъ праздниками, объ обложеніи $1\frac{1}{2}\%$ сборомъ фабричныхъ, торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній въ Москвѣ было опротестовано исправляющимъ должность губернатора, а такъ какъ земское собраніе не согласилось съ протестомъ, то дѣло это въ настоящее время перешло въ сенатъ. Вслѣдствіе пріостановки въ исполненіи упомянутаго обложенія, исключены были изъ смѣты 226 $\frac{1}{2}$ т. р., которые требовалось чѣмъ-нибудь замѣнить. Собраніе утвердило дополнительное предложеніе, внесенное при обсужденіи смѣты Д. А. Наумовымъ, объ обложеніи недвижимыхъ имуществъ въ городахъ Московской губерніи, въ томъ числѣ и въ Москвѣ. Размѣръ этого обложенія, первоначально предположенный въ 1% съ доходнаго рубля, при баллотировкѣ, утвержденъ въ $\frac{1}{2}\%$, что составитъ собственно въ Москвѣ 156 $\frac{1}{2}$ т. р.

И такъ, главнаго своего дѣла гласные отъ Москвы, съ ихъ предводителями, не выиграли, — по крайней мѣрѣ, путемъ земскихъ дебатовъ. Но и земство ничего не выиграло отъ замѣны, для пополненія смѣты, обложенія торговыхъ и промышленныхъ заведеній Москвы обложеніемъ всѣхъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ губерніи, такъ какъ въ послѣднемъ засѣданіи собранія заявленъ былъ протестъ губернской власти и противъ этого новаго вида обложенія. Мотивъ новаго протеста состоялъ въ томъ, что собраніе приняло въ данномъ случаѣ рѣшеніе однородное съ тѣмъ, которое было опротестовано ранѣе. По заявленіи этого протеста, была избрана особая коммиссія для его обсужденія, и коммиссія эта составила докладъ въ теченіе часоваго перерыва въ засѣданіи. По докладу этой коммиссіи и согласно первоначальному предложенію Д. А. Наумова, собраніе выразило свое несогласіе съ даннымъ протестомъ, на томъ основаніи, что постановленіе земства объ обложеніи $1\frac{1}{2}\%$ сборомъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ Москвѣ и постановленіе объ обложеніи $\frac{1}{2}\%$ сборомъ всѣхъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ губерніи не имѣютъ ничего между собою общаго. Замѣтимъ при этомъ, что противъ этого рѣшенія, принятаго большинствомъ, подали голоса не только городскіе гласные, но и представители вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго.

Пренія по дорожному вопросу закончились избраніемъ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ кн. Щербатова, которой собраніе поручило рассмотреть порядокъ веденія дорожнаго хозяйства вообще и представить объ этомъ докладъ къ слѣдующей сессіи. Это постановленіе представляло

у практическую выгоду, что оно положило конец пререканіямъ. Но такъ какъ вопросъ о порядкахъ въ дорожномъ хозяйствѣ разсматривался и былъ решенъ не далѣе, какъ въ прошломъ году, то нынѣшнее назначеніе коммисіи для новаго разсмотрѣнія всего дѣла обнаруживаетъ положительную устойчивость большинства во взглядахъ и невыдержанность въ рѣшеніяхъ.

Впрочемъ, это замѣчаніе относится и ко многимъ изъ постановленій большинства въ нынѣшнюю сессію. Большинство точно хотѣло выказать вою независимость какъ отъ авторитета губернской управы принятіемъ погихъ предложеній Н. А. Алексѣева (весьма существенно измѣнявшихъ предположенныя управой мѣры, и даже составъ смѣты, притомъ же, мотивированныхъ авторомъ ихъ слишкомъ рѣзко), такъ и отъ стремленія казнаго Алексѣева къ фактическому предводительству въ направленіи рѣшеній. Но независимость большинства, вполне законная въ принципѣ, необходима, однако, переходить въ непослѣдовательность и ставить самое великое дѣла въ условіе безсистемности. Всякое большинство, на которое ирается выборное управление дѣлами, должно представлять нѣкоторую устойчивость. Несогласіе его съ тою или другою мѣрой этого управленія должно выражаться въ такой формѣ или среди такихъ условій, чтобы правленіе могло усмотрѣть въ этомъ частномъ несогласіи общаго недостатка довѣрія, ослабленія нравственнаго авторитета выборныхъ лицъ въ рядѣ, ихъ избравшей.

Между тѣмъ, внимательное разсмотрѣніе всѣхъ допущенныхъ въ нынѣшнюю сессію, а нѣкоторыми рѣшеніями какъ бы даже одобренныхъ большинствомъ инцидентовъ побуждаетъ признать, что предсѣдатель и члены губернской управы, дѣйствительно, могли посѣтовать на нѣкоторый недостатокъ нравственной поддержки. Въ этомъ отношеніи проявилась, до известной степени, тѣмъ большая непослѣдовательность, что всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выказывалось такое единодушіе въ признаніи заслугъ Д. А. Наумова по поводу 25-ти лѣтняго юбилея его земской дѣятельности.

Предсѣдатель управы, имѣя уже въ виду просьбы объ увольненіи двухъ членовъ, г. Духовскаго и кн. Туркестанова, прямо поставилъ передъ собраніемъ вопросъ о довѣрїи къ нему лично: «Я желалъ бы, чтобы собраніе высказалось относительно того, угодно ли ему, чтобы я продолжалъ мою должность, или чтобы я ее оставилъ; я считаю это важнымъ: если угодно, я останусь; если не угодно, то я уйду, убѣся прїятныя и благоарныя воспоминанія о земствѣ». Послѣ бывшихъ разногласій, предсѣдатель имѣлъ полное право просить собраніе удостовѣрить, что оно сохраняетъ то довѣрїе къ нему, которое необходимо для главы выборнаго управленія. Когда собраніе не подняло вопроса, поставленнаго въ столь ясной, прочемъ, формѣ, когда никѣмъ не было немедленно внесено предложенія просить предсѣдателя управы остаться въ должности, а нѣкоторые гласные при этомъ даже вышли изъ залы, то Д. А. Наумову не осталось

сдѣлать ничего болѣе, какъ просить собраніе объ увольненіи его, причемъ онъ заявилъ и однородныя просьбы остальныхъ двухъ членовъ управы— гг. Сазонова и Рихтера. Собраніе просило затѣмъ управу въ полномъ ея составѣ остаться въ должностяхъ до экстренной сессіи, которая имѣть быть въ мартѣ.

Таковъ былъ финалъ нынѣшнихъ преній губернскаго земства,—финалъ особенно прискорбный по обстоятельствамъ настоящаго времени. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ земскомъ собраніи немного найдется гласныхъ, которые были бы противниками принципа общественного самоуправленія, но, къ сожалѣнію, не нашлось достаточнаго числа такихъ, которые понимали бы необходимость нѣкоторой осторожности. За то инымъ самымъ кризисъ въ земскомъ дѣлѣ могъ доставить удовольствіе *).

Газета *Неделя*, въ статьѣ, озаглавленной *Московскій земскій кризисъ*, замѣчаетъ, что г. Алексѣевъ «не удержался отъ соблазна потравить самое общественное самоуправленіе». Это замѣчаніе представляетъ для насъ удобный переходъ къ вопросу о пересмотрѣ *Городового положенія*. Весьма странно, во всякомъ случаѣ, представляется выходка противъ общественного самоуправленія въ сферѣ уѣздной со стороны представителя общественного самоуправленія въ сферѣ городской. Можно держаться разныхъ принциповъ, но однажды усвоенный принципъ обязателенъ уже во всѣхъ примѣненіяхъ. Различіе между принципами—нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ различіе позументнаго шитья на мундирахъ разныхъ вѣдомствъ.

Утѣшительно, что въ проектѣ измѣненій въ *Городовомъ положеніи*, насколько о нихъ извѣстно по проникшимъ доселѣ въ общество слухамъ, не предполагается никакого ограниченія въ предметахъ вѣдомства городского общественного управленія. Въ газетныхъ извѣстіяхъ по этому предмету отразились лишь два главныхъ направленія въ приготовляющейся реформѣ, которая, какъ сообщаютъ, будетъ обсуждаться еще въ текущую законодательную сессію. Одно изъ нихъ склоняется къ исключенію изъ состава городского избирательства платильщиковъ мелкихъ сборовъ, въ томъ числѣ купцовъ 2 гильдіи и прикащиковъ 1 разряда. *Русскія Вѣдомости*, обсуждая послѣдствія такого измѣненія, сообщаютъ, что, по отзыву кievской управы, результатомъ такого исключенія въ примѣненіи къ Киеву явилось бы сокращеніе избирательнаго городского сословія на 4 тысячи человекъ изъ 6 тысячъ. Замѣчая, что о допущеніи къ участию въ городскихъ выборахъ^а нанIMATEЛЕЙ квартиръ доселѣ ничего неизвѣстно, нашъ уважаемый собратъ находитъ, что существеннымъ и нежелательнымъ послѣдствіемъ такого измѣненія представилось бы «усиленное значеніе важнѣйшаго недостатка трехразрядной избирательной системы (которая будетъ сохранена), заключающагося въ томъ, что немногочисленной группѣ лицъ

*) Въ виду важности вопроса, мы печатаемъ въ этой же книгѣ статью, подробно опровергающую всѣ возраженія противниковъ губернской земской управы. Ред.

съ относительно высокимъ имущественнымъ цензомъ предоставлено преобладающее вліяніе на ходъ городского управленія, въ ущербъ остальнымъ разрядамъ мѣстныхъ жителей».

Мы вполне согласны, что если бы предполагаемая реформа оставила городское управленіе исключительно въ рукахъ торговаго большинства, то никакого существеннаго улучшенія она бы не произвела, независимо отъ того, будутъ ли въ городскомъ избирательствѣ численно преобладать торговые классы состоятельные или менѣе состоятельные. Вообще, все преобразование имѣло бы смыслъ лишь въ такомъ случаѣ, если бы оно открыло болѣйшій доступъ въ городское управленіе, въ силу того или иного опредѣленія, образованнымъ элементамъ городского населенія.

Но мы не можемъ согласиться съ высказываемымъ *Русскими Вѣдомостями* взглядомъ, что устраненіе мелкихъ плательщиковъ, принадлежащихъ къ тому же торговому классу, было бы равнозначуще съ исключеніемъ изъ городского самоуправленія группы, «которая именно, по меньшей своей имущественной состоятельности, приближается къ самому обширному слою городского населенія, живущему личнымъ трудомъ», что, по мнѣнію газеты, могло бы отозваться, наприм., на меньшемъ участіи преобразованнаго городского состава въ успѣхахъ начальнаго образованія.

Если разсуждать такъ, что участіе мелкихъ плательщиковъ городскихъ сборовъ въ городскихъ выборахъ желательно по той причинѣ, что эти люди приближаются къ «самому обширному слою городского населенія, живущему своимъ трудомъ», то, по логикѣ, нельзя ограничиться пожеланіемъ сохраненія нынѣшняго порядка, но надо еще пожелать, чтобы платежъ всякаго городского сбора давалъ право на участіе въ городскихъ выборахъ, т.-е. чтобы къ нимъ были привлечены извозчики легковые и ломовые, держатели водопоевъ, лодочники и т. п. Эти уже несомнѣнно рабочіе люди еще болѣе, чѣмъ кушцы 2 гильдии и прикащики 1 разряда, приближались бы къ слою городского населенія, живущему личнымъ трудомъ. Но польза отъ ихъ привлеченія къ городскому управленію, въ то время, какъ отъ него устранены профессора университета, судьи, врачи, адвокаты, то-есть категоріи людей, вполне независимыхъ отъ «наиболѣе состоятельнаго меньшинства городскихъ жителей», представлялась бы сомнительною. Если ужъ и при нынѣшнемъ составѣ избирательства въ третьемъ разрядѣ рекрутировалась армія, поддерживавшая «черную сотню», и были такіе примѣры (въ Петербургѣ), какъ лаваніе избирателей подъ столами, то привлеченіе людей совсѣмъ уже малосвѣдущихъ въ дѣлѣ городского управленія и въ большинствѣ безграмотныхъ, хотя и несомнѣнно живущихъ личнымъ трудомъ, едва ли повело бы къ улучшенію именно въ смыслѣ устраненія захвата городскихъ дѣлъ въ руки наиболѣе состоятельной кляны.

Выражаясь кратко, скажемъ, что если въ проектъ преобразованія не будетъ внесено какое-либо новое начало, которое открывало бы доступъ въ городское избирательство жителямъ городовъ, вполне независимымъ отъ богатыхъ торговцевъ и заинтересованнымъ (въ качествѣ ли нанимателей

квартиръ, или занимающихся въ городѣ профессіями, которыя могли бы быть обложены сборомъ въ пользу города) въ городскихъ дѣлахъ, то все предполагаемое преобразование утратило бы цѣнность. Въ такомъ случаѣ, не стоило бы измѣнять права избирательства. Въ этомъ смыслѣ мы вполне раздѣляемъ мнѣніе *Русскихъ Вѣдомостей*.

Другое же важное свѣдѣніе о составѣ проекта преобразования, если только свѣдѣніе это вѣрно, обнаруживало бы въ предполагаемой реформѣ направленіе совсѣмъ особаго рода, выходящее за предѣлы собственно городского благоустройства. Заключающееся въ *Городовомъ положеніи* правило, что число гласныхъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія не можетъ превышать одной трети всего состава городской думы, въ проектѣ будто бы предположено «распространить и на сектантовъ разныхъ толковъ». Такое ограниченіе доступа лицамъ нѣкоторыхъ исповѣданій къ участию въ городскомъ управленіи, безъ сомнѣнія, способствовало бы созданію въ нѣкоторыхъ городахъ представительства искусственнаго, не отражающаго въ себѣ дѣйствительныя силы и интересы мѣстнаго населенія. Такъ, наприм., въ Ригѣ, гдѣ старообрядческое купечество составляетъ ядро русскаго городского элемента, послѣдствіемъ упомянутаго ограниченія явилось бы, что русскіе люди не могли бы составлять болѣе трети состава думы или что старообрядцамъ пришлось бы подставлять вмѣсто себя на выборахъ зависимыхъ отъ нихъ людей православнаго или лютеранскаго исповѣданій.

Очевидно, что, при проведеніи какой-либо реформы, главное значеніе должны имѣть тѣ потребности, во имя которыхъ она предпринимается. При этомъ желательно строгое согласованіе всѣхъ законодательныхъ положеній. Въ послѣднее десятилѣтіе законодательство наше и административная практика обнаруживали болѣе снисходительное отношеніе къ русскимъ иновѣрцамъ, за исключеніемъ, надо отмѣтить это, послѣдователей штунды. Въ законодательствѣ обязательна выдержанная система, и едва ли удобно по поводу вопросовъ частныхъ передѣлывать, какъ бы мимоходомъ, то, что было осуществлено въ смыслѣ общаго принципа.

Выражаясь точнѣе, скажемъ, что специальное преобразование *Городоваго положенія* не должно заходить въ область болѣе общую и производить перемѣнъ въ основныхъ правахъ русскихъ гражданъ. Иначе, если бы устранилось это соображеніе о соблюденіи систематичности, то каждый специальный законъ могъ бы представить особую принципиальную подкладку, а въ результатѣ могло бы произойти нѣкоторое замѣшательство въ опредѣленіи общихъ цѣлей. Преобразование *Городоваго положенія* должно, казалось бы, руководствоваться только соображеніями городского благоустройства, а вопросъ о правахъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ, долженъ бы рѣшаться самостоятельно, но никакъ не въ видѣ случайныхъ добавленій въ томъ или другомъ совершенно постороннемъ ему законѣ.

Недавно опубликованы «правила» относительно штрафнаго при фабриках капитала, составленныя по соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, фабричный законъ 1886 г. постановилъ, что налагаемые на фабричныхъ штрафы должны обращаться въ особые капиталы, предназначенные только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ. Нынѣшнія «правила» опредѣляютъ порядокъ храненія и расходованія этихъ капиталовъ. Выдачи изъ штрафнаго капитала должны производиться фабрикантомъ, съ разрѣшенія чиновъ фабричной инспекціи, преимущественно на слѣдующія нужды рабочихъ: на пособія лишившимся навсегда или временно по болѣзни способности къ труду, на пособіе беременнымъ работницамъ, прекратившимъ работу за двѣ недѣли до родовъ, на вознагражденіе работающих на фабрикахъ въ случаяхъ потери или порчи имущества при пожарѣ или другомъ несчастіи и на погребеніе. Пока штрафной капиталъ не достигъ суммы 100 рублей, онъ хранится у фабриканта, перейдя же эту цифру, онъ вносится въ сберегательную кассу и обратное полученіе вкладовъ производится только по письменнымъ требованіямъ фабриканта и фабричнаго инспектора или его помощника. Въ случаѣ закрытія фабрики, штрафной ея капиталъ передается фабричному присутствію «для составленія общаго по губерніи рабочаго капитала». Вотъ все содержаніе «правилъ».

Постановленіе закона 1886 г., безъ сомнѣнія, исполнѣ справедливо; обращеніе штрафныхъ денегъ въ пользу рабочаго сословія не только создастъ источникъ для благотворительныхъ дѣлъ, но и положитъ конецъ практиковавшемуся злоупотребленію въ наложеніи частыхъ штрафовъ, прямо съ цѣлью уменьшить расходъ на заработную плату по договоренной цѣнѣ. Новыя «правила» ничего не прибавили къ установленному тѣмъ закономъ принципу, а опредѣляя его примѣненіе, сами еще нуждаются въ дальнѣйшемъ разъясненіи.

Такъ, пунктъ, упоминающій о производствѣ пособій изъ штрафнаго капитала вслѣдствіе окончательной или временной неспособности къ труду, вызываетъ слѣдующіе вопросы: если временная утрата способности къ работѣ вслѣдствіе болѣзни даетъ право на пособіе, то должны ли болѣзнь хроническая или старческая дряхлость, лишаящія рабочаго трудовой способности навсегда, давать право на пособіе, или же окончательная потеря трудовой способности будетъ констатироваться только въ случаяхъ увѣчья; затѣмъ, если увѣчье произошло по винѣ фабриканта, отъ несоблюденія мѣръ предосторожности, то будетъ ли фабрикантъ имѣть право относить признанное рабочему судомъ вознагражденіе или пенсію на штрафной капиталъ? Это послѣднее толкованіе было бы нежелательно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно противорѣчитъ принципу закона 1886 г., что штрафныя деньги обращаются «на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ», между тѣмъ какъ уплата вознагражденія рабочему, пострадавшему по винѣ фабриканта, — вознагражденія, возложеннаго на фабриканта судомъ, составляетъ уже нужду фабриканта, ибо возложено на него совершенно не-

зависимо отъ того, взимаются ли на фабригѣ штрафы и существуетъ ли или нѣтъ штрафной капиталъ. Во-вторыхъ, если допустить, что на штрафной капиталъ будутъ относиться вознагражденія рабочимъ за увѣчья, полученные по винѣ фабриганта, въ такомъ случаѣ послѣдній будетъ опять-таки прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы налагать какъ можно болѣе штрафовъ, дабы уплата вознагражденій не могла, за недостаточность штрафнаго капитала, упасть насчетъ владѣльца фабрики. При такомъ толкованіи исчезло бы то полезное послѣдствіе выраженнаго въ законѣ опредѣленія, которое представляется уменьшеніемъ числа штрафовъ, съ тѣхъ поръ, какъ они не обращаются въ сокращеніе расхода на заработную плату.

Статья о пособіи работницамъ, находящимся въ послѣднемъ періодѣ беременности, изложена такъ, что фабрикантъ можетъ отказать работницѣ въ выдачѣ пособія именно въ то время, когда оно ей наиболѣе нужно, и выдать пособіе только по разрѣшеніи отъ бремени, т.-е. когда выяснится фактъ, прекратила ли она работу ровно за 2 недѣли передъ тѣмъ, или, быть можетъ, нѣсколькими днями раньше.

Затѣмъ, правила, опредѣляя порядокъ выдачи, выражаются такъ, что выдачи производится владѣльцемъ фабрики «съ разрѣшенія» фабричной инспекціи. Слѣдуетъ ли это разумѣть въ такомъ смыслѣ, что отъ фабриканта безусловно зависитъ отказать рабочему въ просьбѣ о пособіи изъ штрафнаго капитала даже при несомнѣнной потерѣ способности работать, напр., при частномъ параличѣ? Не лучше ли было оговорить, что фабричной инспекціи предоставляется не только согласіе на выдачу пособія фабрикантомъ, но и рѣшеніе самаго вопроса о назначеніи выдачи? Въ противномъ случаѣ, штрафной капиталъ предназначался бы въ дѣйствительности не «только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ», какъ того требуетъ законъ, но на благотворительность рабочимъ по усмотрѣнію фабриканта.

Неопредѣленность нынѣшнихъ правилъ выступить ярче, если употребить примѣръ. Допустимъ, что штрафной капиталъ при такой-то фабригѣ въ данное время составляетъ 100 рублей, что фабрикантъ выдалъ изъ него, съ разрѣшенія инспектора, нѣсколькимъ временно заболѣвшимъ рабочимъ по 3, по 5 рублей, а всего 50 рублей; затѣмъ является рабочий, у котораго оторвало руку по отсутствію огражденія колеса, и фабрикантъ назначаетъ ему пособіе въ 1 рубль. На запросъ инспектора, почему пособіе такъ незначительно, фабрикантъ отвѣтитъ, что половина капитала уже издержана и можно опасаться, что остальной части не хватитъ для всѣхъ нуждающихся до конца мѣсяца. Инспекторъ, на точномъ основаніи правилъ, можетъ не разрѣшить въ данномъ случаѣ выдачи 1 рубля, тогда пострадавшій не получитъ ничего, пока не обратится къ суду. Но въ правилахъ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы инспекторъ могъ настаивать на назначеніи пособія или на соблюденіи при этомъ соразмѣрности. Правда, въ другомъ пунктѣ сказано, что инспекціи «предоставляется удостовѣряться какъ въ сохранности штрафнаго капитала, такъ и въ правильномъ его рас-

кодированіи». Но расходование будетъ вполне правильное, если капиталъ угреблялся только на выдачи пособій рабочимъ съ разрѣшенія инспекціи, а не на инныя цѣли, и если книга ведется въ порядкѣ.

Русскія Вѣдомости по поводу тѣхъ же правилъ замѣчаютъ совершенно справедливо, что въ теченіе 4 лѣтъ, которыя истекли со времени изданія закона и до составленія нынѣшнихъ правилъ, десятки тысячъ рублей штрафныхъ денегъ могли пропасть для рабочихъ на тѣхъ фабрикахъ, которыя въ это время закрылись. Мы съ своей стороны добавимъ, что 4-хлѣтняя выработка правилъ не способствовала точности ихъ редакціи.

Но, какъ бы то ни было, надо надѣяться, что изданіе упомянутыхъ правилъ, въ которыхъ опредѣляются пособія рабочимъ, не будетъ имѣть вліянія на дальнѣйшую отсрочку проведенія законовъ объ отвѣтственности фабрикантовъ и заводчиковъ въ случаяхъ несоблюденія предписанныхъ мѣръ предосторожности и о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ произошло печальное и выдающееся событіе, которое должно послужить напоминаніемъ о необходимости такихъ узаконеній. Это былъ первый въ русскихъ каменноугольныхъ копяхъ случай значительной катастрофы отъ взрыва гремучаго газа. Она случилась на Калміусскихъ рудникахъ, принадлежащихъ гг. Рыковскимъ, и стоила жизни 48 рабочимъ, причеиъ болѣе или менѣе пострадали еще 80 челов. Только общій страховой фондъ, составленный изъ ежегодныхъ платежей, можетъ давать возможность достаточной денежной помощи въ такихъ случаяхъ. Вопросъ объ отвѣтственности въ данномъ случаѣ устраниается, если справедливы показанія корреспондентовъ, что рудникъ гг. Рыковскихъ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ смыслѣ благоустройства, что передъ спускомъ рабочихъ въ шахту было удостовѣрено штейгерами, что въ ней было «благополучно» и что несчастіе произошло отъ закуреной папироски. Слѣдствіе покажетъ, насколько этотъ послѣдній фактъ можетъ быть установленъ съ несомнѣнностью.

Но случай этотъ даетъ поводъ пожалѣть не только о томъ, что у насъ нѣтъ еще закона о страховомъ фондѣ для рабочихъ, но и о томъ, что прижненіе существующихъ горнозаводскихъ законовъ и инструкцій неравномѣрно, смотря по тому, въ какомъ вѣдомствѣ состоятъ рудники. Калміусскіе рудники находятся въ Донской области и состоятъ въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, которому подчинено мѣстное горное управленіе, между тѣмъ какъ горный комитетъ, издающій инструкціи, состоитъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, которому принадлежитъ и надзоръ за иными рудниками и копами. А, впрочемъ, и горный комитетъ, какъ оказывается, опоздалъ съ мѣрами къ предотвращенію подобныхъ несчастій, такъ какъ имъ выработаны, но еще не опубликованы новыя инструкціи, вызванныя именно положеніемъ донецкихъ рудниковъ.

Дѣло въ томъ, какъ сообщается въ статьѣ *Новаго Времени*, очевидно, принадлежащей специалисту, что въ русскихъ каменноугольныхъ руд-

никахъ доселѣ не замѣчалось случаевъ такого накопленія гремучаго газа, чтобы взрывы его причиняли большія несчастія. Взрывы бывали, но производили только обожженіе нѣсколькихъ человѣкъ. Однако, по мѣрѣ углубленія шахтъ до 60 сажень, въ рудникахъ, гдѣ встрѣчаются наиболѣе жирныя угольные пласты (Калиусскіе рудники даютъ каменный уголь высшаго качества), оказалось происхожденіе гремучаго газа, котораго прежде не замѣчалось. Въ сообщеніяхъ *Новаго Времени* по этому дѣлу встрѣчается, впрочемъ, то противорѣчіе, что въ то время, какъ подробное описаніе катастрофы въ одномъ номерѣ газеты удостовѣряетъ соблюденіе всѣхъ мѣръ осторожности и относитъ вину къ ничѣмъ неустранимой неосторожности рабочихъ, не вѣрящихъ въ опасность, передовая статья въ другомъ номерѣ газеты содержитъ такое свѣдѣніе, которое заставляеть сомнѣваться въ достаточномъ соблюденіи осторожности самою администраціей рудниковъ. «Взрывъ въ коняхъ гг. Рыковскихъ, — говоритъ эта статья, — не только не былъ случайностью, но былъ почти предсказанъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Южно-Русскаго Горнаго Листка*, издающагося въ Харьковѣ. По описанію этого органа, избытокъ газа служило на копѣ болѣе предметомъ забавы, чѣмъ опасенія, такъ какъ было устраиваемо освѣщеніе помощью этого опаснаго газа. Очевидно, надзоръ за копью былъ очень слабъ. На Область Войска Донскаго не распространяется, какъ на другія козацкія земли, законъ о производствѣ подземныхъ работъ 1880 года, установившій болѣе строгія на этотъ счетъ правила».

Въ минувшемъ мѣсяцѣ скончался въ Петербургѣ Григорій Захаровичъ Елисеевъ, одинъ изъ главныхъ руководителей *Современника*, а затѣмъ *Отечественныхъ Записокъ*, главный сотрудникъ бывшей *Искры* и редакторъ бывшихъ газетъ *Вѣкъ* и *Очерки*. Статья, подписанная фамиліею Елисеева, составляла рѣдкое исключеніе; очень немногія отиѣчены его псевдонимомъ *Грицько*. Всѣ остальные были безъ подписи.

Нельзя, однако, сказать, что имя его было всегда мало извѣстно въ обществѣ. Нынѣшняя публика, конечно, его не помнитъ, какъ не помнитъ и многого изъ того недавно прошедшаго, въ которомъ покойный былъ извѣстенъ каждому, кто только слѣдилъ за крупнѣйшими явленіями въ журналистикѣ и чувствовалъ въ себѣ біеніе тогдашняго ускореннаго общественнаго пульса. Въ то время едва ли не вся сознательно читавшая Россія знала Елисеева. Да и какъ же было не знать одного изъ главныхъ дѣятелей *Современника*, того, кто—собственно въ смыслѣ направленія этого журнала—имѣлъ едва ли не большее значеніе не только чѣмъ Некрасовъ, но и чѣмъ Салтыковъ? Тѣснѣйшій кружокъ *Современника* составляли покойные Чернышевскій, Добролюбовъ и Елисеевъ, вмѣстѣ съ гг. Пыпинимъ, Антоновичемъ и Жуковскимъ, и всѣмъ слѣдившимъ за русскою литературною жизнью одинаково были извѣстны эти имена, подписанныя и не подписанныя. Не дѣлая сравненій, скажемъ, что вліяніе Ели-

«сева въ томъ кружѣ было весьма велико, да не только въ томъ кружѣ, но и во всемъ, многочисленномъ въ то время, такъ называемомъ «передовомъ» лагерѣ петербургской журналистики.

Участникъ сборной литературной работы вносить въ нее двойкій вкладъ: свой талантъ и свое знаніе, какъ писатель, свое нравственное вліяніе, какъ мыслитель и дѣятель. Какъ писатель, Елисеевъ былъ однимъ изъ талантливейшихъ нашихъ журналистовъ. Его «Внутреннее обозрѣніе» въ *Современникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*, его передовыя статьи подъ названіемъ «Хроника прогресса» въ *Искрѣ* и отдѣльныя статьи въ *Очеркахъ*, *Современномъ Словѣ*, а въ особенности въ *Отечественныхъ Запискахъ*, всегда содержанія публицистическаго, соединяли въ себѣ слѣдующія качества: самостоятельнѣйшіе взгляды, подкрѣпленную обширнымъ научнымъ и опытнымъ знаніемъ непреклонную вѣрность убѣжденіямъ, добродушный по тону, но проникнутый глубокимъ отвращеніемъ къ злу юморъ. Каждая статья Елисеева была умна и остроумна.

Но еще большее значеніе имѣлъ покойный, какъ направитель близкихъ ему кружковъ и какъ нравственный авторитетъ въ литературномъ мірѣ. Человѣкъ большого ума и безупречнаго характера, презиравшій всякую мишуру, быстро проникавшій ложь, человѣкъ твердыхъ—не только убѣжденій, но и рѣшеній, неумолимый къ сознательному злу, Григорій Захаровичъ былъ, виѣсть съ тѣмъ, какъ сильный, снисходителенъ къ слабостямъ. Онъ не любилъ упоминать о слабостяхъ и прорухахъ такихъ людей, которыхъ не считалъ «отпѣтыми», и даже не позволялъ упоминать объ этомъ при себѣ. Рѣшительный боецъ противъ всякаго несогласнаго съ его направленіемъ мнѣнія въ печати, онъ, однако, не любилъ личной полемики, а въ частномъ обиходѣ относился симпатично къ людямъ, значительно расходившимся съ нимъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ воззрѣніяхъ, и уважалъ ихъ, если считалъ убѣжденными. Такъ, чтобы привести въ примѣръ умершаго, онъ искренно уважалъ Н. В. Альбертини и нисколько не смущался тѣмъ, что тотъ работалъ въ *Голосѣ*, далеко не походившемъ на изданіе, бывшее подъ вліяніемъ Елисеева.

Соединеніе такихъ свойствъ, какъ сила ума и воли, знаніе, талантъ и ясное сознаніе цѣлей, обуславливало огромное его вліяніе въ ту пору первой «оттепели» въ русской жизни, когда, какъ, впрочемъ, и всегда при быстромъ таяніи, не обходилось отчасти и безъ мутныхъ теченій, но было столько солнца и надъ всемъ преобладала нѣкая весенняя радость и стремленіе къ творческой работѣ. Тогда люди искали дѣятелей, которые могли бы стать впереди ихъ, страстно желали убѣжденныхъ руководителей и, признавъ ихъ, глубоко въ нихъ вѣрили и окружали ихъ, можно сказать, сердечнымъ почитаніемъ.

Однимъ изъ такихъ былъ для насъ всѣхъ въ то время Елисеевъ. Онъ не былъ старъ тогда, хотя сильная просѣдъ въ огромной гривѣ на его головѣ и почти сѣдая борода показывали, что онъ далеко не былъ и молодъ, а въ умныхъ, спокойно-проницательныхъ глазахъ подъ нависшими

густыми темными бровями и въ полуиронической, но добродушной легкой усмѣшкѣ свѣтилась вся еяла мужества, зрѣлости мысли. И тогда, т.-е. 25 лѣтъ тому назадъ, онъ былъ «старикъ», его даже обыкновенно такъ и называли, но потому, что онъ былъ какъ бы патріархъ въ немалочисленной литературной семьѣ и еще для множества приверженцевъ виѣ тѣснѣйшаго ея круга.

Отсылая читателей за біографическими подробностями объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ къ обстоятельной и прекрасной статьѣ Н. К. Михайловскаго (*Рус. Вѣд.*, № 23), скажемъ, что Г. З. Елисеевъ представляетъ собой оригинальный примѣръ такого писателя, котораго имя, въ течение 22-ти лѣтней дѣятельности, появилось всего подъ нѣсколькими журнальными статьями, а, между тѣмъ, несомнѣнно войдетъ въ исторію нашихъ общественно-литературныхъ теченій *).

Софья Васильевна Ковалевская (урожденная Корвинъ-Круковская), скончавшаяся въ прошломъ мѣсяцѣ въ Стокгольмѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ. Обидно, что ея выдающіяся дарованія, какъ ученаго математика и профессора, нашли себѣ примѣненіе не на родинѣ. Софья Васильевна скончалась всего только тридцати семи лѣтъ, но успѣла оставить за собою добрую память и почетное мѣсто въ наукѣ и литературѣ. Повѣствовательный талантъ Ковалевской ярко выразился въ ея воспоминаніяхъ, которыя въ прошломъ году появились въ *Вѣстникѣ Европы*. Не менѣе интереса, тонкой наблюдательности и литературной даровитости обнаружила Софья Васильевна въ *Воспоминаніяхъ о Джорджѣ Эллиотъ* (этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ *Русской Мысли* 1886 года, кн. VI). Горько терять безвременно такихъ людей, какъ Софья Васильевна Ковалевская.

*) Въ 1881 году Г. З. Елисеевъ черезъ одно близкое ему лицо передалъ анонимно, въ распоряженіе тверскаго губернскаго земства, двадцать тысячъ рублей, на очень льготныхъ условіяхъ, для содѣйствія крестьянамъ при покупкѣ ими земли. Деньги эти принесли, конечно, много пользы крестьянскому населенію Тверской губерніи.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Ранняя осень*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. П. Карпова; *Дѣти своихъ отцовъ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Ф. Оедотова. — Г-жа Савина на московской сценѣ.

Въ бенефисъ г-жи Уманецъ-Райской шла новая пьеса Е. П. Карпова *Ранняя осень*. Мы не знаемъ доподлинно, отъ кого зависитъ выборъ пьесъ для бенефисовъ, — всецѣло ли отъ желанія бенефицианта, или отъ того учрежденія, которое завѣдуетъ репертуаромъ казеннаго театра, или же отъ соглашенія между этимъ учрежденіемъ и артистомъ, въ пользу котораго дается бенефисъ. Такъ это установлено или иначе, но управленіе театромъ есть, во всякомъ случаѣ, учрежденіе настолько вліятельное, что оно всегда имѣетъ возможность отклонить постановку пьесы непригодной и неподходящей для исполненія на первенствующей сценѣ Россіи. А потому намъ очень удивило появленіе на сценѣ Малаго театра такъ называемой «драмы» г. Карпова. Положимъ, не избалованы мы пьесами нынѣшняго сезона, очень не избалованы; но въ каждой изъ предшествовавшихъ *Ранней осени*, какъ бы ни была плоха комедія или драма, все же былъ хотя какой-нибудь смыслъ, было хотя слабое подобіе дѣйствительной жизни и были положенія, составляющія завязку пьесы, обусловливающія ея развитіе и разрѣшаемая болѣе или менѣе возможнымъ концомъ. Въ каждой изъ тѣхъ пьесъ можно было уловить мысль автора, понять или догадаться, для чего пьеса написана и что хотѣлъ ею сказать авторъ. Хорошо или плохо выразилъ авторъ свой замыселъ, симпатична или не симпатична развиваемая въ его пьесѣ идея, вѣрна ли она или ошибочна, умно и логично ея развитіе или же идетъ разсудку вопреки и наперекоръ логикѣ, — все-таки, видно было, что авторъ пытается освѣтить и разрѣшить извѣстный житейскій вопросъ, представить картину борьбы, вызываемой необходимостью найти исходъ изъ тяжелаго положенія. Ничего подобнаго въ пьесѣ г. Карпова нѣтъ: почему она названа «драмой», этого никто объяснить не сумѣетъ, зачѣмъ она намъ показана, этого понять совсѣмъ нельзя; невозможно даже догадываться, для чего это писано, для чего это играно.

Съ перваго же появленія на сценѣ г-жи Ермоловой, въ роли Анны Аванасьевны, публика видитъ, что это особа ненормальная, болная пси-

хически. Она недовольна своимъ мужемъ Куманинымъ (г. Горевъ), съ которымъ прожила мирно десять лѣтъ, своимъ прекраснымъ положеніемъ въ петербургскомъ обществѣ, которымъ удовлетворялась до сихъ поръ; она скучаетъ и не знаетъ, чѣмъ разогнать удручающую ее тоску. Приѣздъ въ деревню отца, помѣщика Сокольскаго (г. Макшеевъ), нисколько не облегчаетъ болѣзненнаго состоянія молодой женщины. Отъ бездѣлья она беретъ то за рисованіе пейзажей, то за музыку, то за чтеніе; но все ей быстро надоѣдаетъ. Для развлеченія, она таскаетъ за собой молодого технолога Дробышева (г. Южинъ), бывшаго товарищемъ ея дѣтства. Съ нимъ она когда-то «играла» въ полудѣтскую любовь, потомъ совсѣмъ уже безъ любви вышла замужъ за Куманина и теперь какъ-то случайно вспомнила о томъ, какъ хорошо было «играть» съ Дробышевымъ,—сообразила, какъ пріятно было бы возобновить такую игру. Но Дробышевъ ни во что играть не желаетъ; онъ серьезно любитъ Варю (г-жа Уманецъ-Райская), дочь сосѣда Силачева. Узнавши объ этомъ, Куманина приходитъ въ неистовство, преслѣдуетъ технолога, пристаётъ къ нему съ своею любовью, повторяетъ: «люби меня». Дробышевъ отвѣчаетъ, что сдѣлать этого никакъ не можетъ потому, что любить Варю и женится на ней. Безуміе Куманиной все разрастается; она уже не владѣетъ собою, доходитъ до бѣшенства, является къ Дробышеву въ день его помолвки съ Варей и убиваетъ его изъ пистолета. Последнее дѣйствіе происходитъ въ тюремной больницѣ. По какому-то прискорбному недоразумѣнію, несчастную психопатку приговорили къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Передъ отправленіемъ въ ссылку помѣшанной женщины приходитъ блажь повидаться съ невѣстой убитаго ею Дробышева. Родные привозятъ въ больницу Варю Силачеву. Куманина кланяется ей въ ноги, проситъ прощенія. Силачева говоритъ что-то, кажется, отказываетъ въ своемъ прощеніи; тогда Куманина падаетъ на полъ, а присутствовавшій при этомъ ея мужъ наклоняется къ ней и объявляетъ зрителямъ, что она умерла. Такимъ образомъ, передъ нами проходятъ четыре крайне прискорбныхъ случая: 1) сумасшествіе молодой женщины, 2) убійство упомянутому хорошаго человѣка, 3) присужденіе безумной къ ссылкѣ въ Сибирь, и 4) скоропостижная смерть этой жертвы нерадѣнія о ней близкихъ людей. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, но нѣтъ даже и малѣйшаго намека на драму. Тутъ все происходитъ случайно, что поясняетъ и самъ авторъ: Куманина говоритъ, что шла къ Дробышеву съ пистолетомъ въ карманѣ, ни чуть не помышляя убивать кого-нибудь, а для того, чтобы застрѣлиться въ его квартирѣ; выстрѣлила же она въ технолога, сама не сознавая, что дѣлаетъ. Мужъ привезъ больную жену въ деревню по недоразумѣнію; ее надо было вести къ психіатрамъ въ лечебницу. На судъ мужъ и отецъ несчастной обязаны были настаивать на освидѣтельствованіи Куманиной психіатрами, которые несомнѣнно установили бы ея невмѣняемость и, вмѣсто тюремной больницы, препроводили бы ее въ психіатрическое заведеніе.

Театръ существуетъ, для эстетическаго развлеченія. А дабы соединить

пріятное съ полезнымъ, на сценѣ должны даваться пьесы, изъ которыхъ публика выносила бы нѣкоторое для себя поученіе, или же могла бы просто отдохнуть отъ заботъ и тяготы житейской, освѣжиться смѣхомъ надъ тѣмъ, что достойно осмѣянія, или честнымъ и добрымъ сочувствіемъ тому, что будитъ мысль и совѣсть, что освѣщаетъ умъ и возвышаетъ душу. Но какое же удовольствіе смотрѣть на неистовства психически больной женщины, и что можно извлечь поучительнаго изъ ея безумныхъ поступковъ? Г-жа Ермолова изображаетъ эту больную такъ поразительно, что для наиболѣе правильной оцѣнки ея игры слѣдуетъ обратиться къ спеціалистамъ врачамъ. Намъ же, не имѣвшимъ случая наблюдать такихъ психопатовъ, игра высокоталантливой артистки кажется верхомъ совершенства, удивительнымъ воспроизведеніемъ клиническаго случая. На обязанности другихъ артистовъ, по содержанію ихъ ролей, лежало только служить для демонстраціи различныхъ моментовъ развитія сумасшествія героини. Насколько мы могли замѣтить, клиническій этюдъ, названный г. Карповымъ «драмой», произвелъ на большинство зрителей самое неблагоприятное впечатлѣніе.

Въ концѣ января поставлена новая пьеса А. Ф. Федотова, четырехъ-актная комедія: *Дѣти отцовъ своихъ*. Авторъ взялъ на себя очень интересную и трудную задачу вывести въ своей пьесѣ дѣтей Китъ Китычей, которыхъ такъ мастерски показавъ намъ когда-то А. Н. Островскій. Съ той поры, когда Китъ Китычи орудовали во всей простотѣ «добраго стараго времени», много воды утекло; дожившіе до нашихъ дней Китъ Китычи утратили весьма значительную долю своей былой своеобразности, а дѣтки ихъ уже совсѣмъ не похожи на то «степенное» купечество, съ котораго писалъ свои типы Островскій. Цѣльнаго купца, какъ обособленнаго «вида», теперь нѣтъ, или, вѣрнѣе, его не видать; сохранившіеся въ первобытной неприкосновенности ступевались, куда-то отошли вглубь своихъ лавокъ и лабазовъ и уступили видныя мѣста тому продукту эволюціи, который не хочетъ даже признавать за собою наименованіе «купцомъ». Дѣтки Кита Китыча стали теперь «коммерсантами»; ихъ уже не удовлетворяютъ долгополые мундиры съ саблями и медали на шею. Имъ нужны чины настоящіе, «высокоблагородные» и «превосходительные». Они—«большіе корабли» и плавать желаютъ по-большому, по-европейскому. Для многихъ изъ нихъ и наименованіе «коммерсантомъ» представляется уже несоотвѣтствующимъ той силѣ и тому значенію, которое они чувтъ за собой. Эти напрямикъ уже называютъ себя «денежною аристократіей» и всю внѣшность свою налаживаютъ на аристократическій фасонъ, говорятъ по-французки самоновѣйшимъ парижскимъ говоромъ, заказываютъ себѣ платье въ Парижѣ и въ Лондонѣ, по-обезьяньи перенимаютъ англійскіе обычаи и французскіе аллюры. Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ они желаютъ играть первыя роли вездѣ, куда можно забраться съ толстымъ карманомъ, стремятся захватить въ свои руки привилегированное положеніе такъ называемаго «руководящаго класса», пользующагося исключительно под-

держкой правительства. «Нами, — говорят эти дѣзущіе вверхъ господа, — держится все благосостояніе государства: мы поощряемъ своими капиталами науки, искусства, промышленность; безъ насъ все это погибнетъ. Сила только въ капиталѣ, а потому государство обязано всячески поощрять и поддерживать капиталъ и то сословіе, въ рукахъ котораго онъ находится». Таковъ герой комедіи, фабрикантъ и коммерсантъ Шестериковъ (г. Ленскій), и такова сущность рѣчей, которыми онъ подчуетъ своихъ гостей за десертомъ послѣ именинаго обѣда. Терапонтъ Вавиловичъ Шестериковъ былъ и въ университетѣ, кое-чему обучался, кое-чего наслушался, кое-какъ сдавалъ экзамены, а потому считаетъ себя вправѣ судить и рядить съ великолѣпнымъ апломбомъ капиталиста обо всемъ на свѣтѣ: онъ согласенъ съ Контонъ и не одобряетъ Литре; онъ сознаетъ въ себѣ талантъ «прирожденнаго публициста» и не сомнѣвается въ своихъ превосходныхъ ораторскихъ способностяхъ. Онъ — «большой корабль» и ему нужно «большое плаваніе», и таковое откроется передъ нимъ, если онъ добьется избранія въ предсѣдатели управы. На эту должность есть опасный для Шестерикова конкурентъ — князь Курбатовъ (г. Левицкій). Но предусмотрительный коммерсантъ уже принялъ свои мѣры: у него въ рукахъ закладная на имѣніе князя, онъ представитъ ее ко взысканію передъ самыми выборами и тѣмъ подорветъ шансы на избраніе соперника. Этотъ князь опасенъ Шестерикову еще и съ другой стороны. У важнаго коммерсанта есть немножко засидѣвшаяся въ дѣвицахъ сестра, Степанида Вавиловна (г-жа Никулина), капиталъ которой, семьсотъ тысячъ, находится въ нераздѣльной съ братомъ фабриктѣ. Эта купеческая Степанида, требующая отъ всѣхъ, чтобы ее звали «Стефаніей», — такъ много благороднѣе, — вообразила, что князь Курбатовъ ухаживаетъ за нею и только не рѣшается сдѣлать ей предложеніе. Шестериковъ думаетъ, что разорившійся князь подбирается къ капиталу его сестрицы, что расчетливому фабриканту совсѣмъ не съ руки. Суть же дѣла въ томъ, что ошибаются и братецъ, и сестрица, — князь ѣздитъ къ нимъ въ домъ ради живущей у нихъ гувернантки, Софьи Николаевны Фроловой (г-жа Лешковская), съ которою онъ давно помолвленъ. Въ первомъ дѣйствіи фигурируютъ на сценѣ: тетка Шестериковыхъ, Мѣдюкова (г-жа Садовская), умная и дѣловитая купчиха стараго закала, жена Шестерикова, Марья Павловна (г-жа Уманецъ-Райская), дисконтеръ Краюшкинъ (г. Правдинъ), непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія Черновъ (г. Садовскій), пріятель князя Курбатова. Въ концѣ дѣйствія гувернантка передаетъ Курбатову книгу; изъ книги выпадаетъ записка, Курбатовъ быстро поднимаетъ ее и прячетъ въ карманъ. Шестериковъ видитъ это, заподозрѣваетъ, что гувернантка передала записку его сестры, и дѣлаетъ Степанидѣ Вавиловнѣ сцену, кончающуюся, совсѣмъ не по-аристократически, замоскворѣцкою руганью.

Первый актъ, видимо, заинтересовалъ публику и кое-кого замѣтно задѣлъ за живое. Давно уже намъ не приходилось слышать въ антрактахъ такихъ возбужденныхъ разговоровъ и сужденій о пьесѣ, какъ въ этотъ

азъ. «Это каррикатуры, это шаржъ... тенденція...» Да, несомнѣнно, это—каррикатуры, но каррикатуры, списанныя съ дѣйствительности,—каррикатуры, въ которыхъ ярко выдаются характерныя и даже типическія черты вѣстнаго «вида» дѣтокъ Кита Китыча, представляющагося далеко не чуждымъ въ наше время. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать ни сравненій, ни даже сопоставленій; мы просто напомнимъ тотъ фактъ, что многіе современники Гоголя, видѣвшіе первыя представленія *Ревизора*, шипѣли, егидовали и говорили: «Это каррикатуры, это шаржъ... тутъ ясна тенденція, подрывающая основы». Современники Сервантеса, навѣрное, возманили, что *Донъ-Кихотъ*—каррикатура. Для современниковъ это и были каррикатуры, т. е. изображенія, на которыхъ недостатки и смѣшныя стороны нѣкоторыхъ людей представлены въ нѣсколько концентрированномъ и преувеличенномъ видѣ, и сами тѣ люди поставлены въ такія положенія, въ которыхъ смѣшныя стороны ихъ выдаются съ наибольшою яркостью. Для насъ же и *Донъ-Кихотъ*, и лица комедіи Гоголя—уже не каррикатуры, а типы. Это сознавалось и немногими ихъ современниками, общепринятымъ же это сдѣлалось теперь потому, что передъ нами нѣтъ тогдашней дѣйствительности для точнаго сравненія съ ея изображеніями, въ которыхъ шаржированы нѣкоторыя черты, достойныя осужденія и осмѣянія. Еще разъ повторяемъ, мы не сравниваемъ гениальныхъ произведеній съ комедіей г. Федотова; мы говоримъ только о впечатлѣніи, произведенномъ ею на тѣхъ, кого она задѣла за живое. А это-то именно обстоятельство, т. е. то, что комедія задѣла часть общества, и доказываетъ ея значительность и своевременность. Пусть это каррикатура, шаржъ,—все, что кому угодно,—но она ударила по такому уродливому явленію, до котораго давно слѣдовало добратся. Въ комедіи много недостатковъ и погрѣшностей; о нихъ мы скажемъ впоследствии, а теперь вернемся къ дальнѣйшимъ подвигамъ *Днтей отцовъ своихъ*.

Крѣпкая купчиха Мѣдюкова не одобряетъ поползновеній своего племянника забраться на административныя вершины. На этотъ счетъ у нея есть свое мнѣніе и опасенія, что отъ того можетъ пострадать ихъ общее торговое дѣло. И Мѣдюкова разстроиваетъ всѣ планы Шестерикова тѣмъ, что помогаетъ князю Курбатову занять деньги, выкупить изъ залога имѣніе, а кстати уже и сосватываетъ Степаниду Вавиловну за Краюшкина, состоявшаго при женѣ Шестерикова въ качествѣ «зебра», т. е., говоря не парижскимъ арго, а по-просту и по-старинѣ, въ качествѣ друга дома съ женской стороны. Тутъ же Черновъ предлагаетъ князю Курбатову произвести важному европейцу Шестерикову «химическій анализъ», при помощи извѣстныхъ Чернову реактивовъ. Въ третьемъ дѣйствіи, происходящемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Эльдorado, Мѣдюкова объявляетъ о полонствѣ племянницы съ Краюшкинымъ, къ величайшей досадѣ Марьи Павловны. Потомъ все общество разгѣзжается, остаются только Шестериковъ, Черновъ и Курбатовъ и начинается экспериментъ съ реактивами: съ коньякомъ, ликерами и шампанскимъ. Реактивы оказываютъ ожидаемое Черно-

вымъ дѣйствию. Шестериковъ напивается, оболочка европеизма и напускное джентльменство съ него соскакиваютъ, все нахватавшее на-показъ улетучивается, и передъ нами оказывается настоящій сынъ отцовъ своихъ, достойный наследникъ всѣхъ безобразій Кить Китыча. Первая половина четвертаго дѣйствія посвящена супругѣ Четверикова, Марьѣ Павловнѣ. Она учитываетъ экономку, щелкаетъ на счетахъ, записываетъ копеечныя расходы, потомъ занимается воспитаніемъ своихъ дѣтей по нѣмецкимъ книжкамъ, смысла которыхъ не понимаетъ. Является Шестериковъ, забаллотированный на выборахъ. Въ предсѣдатели выбранъ Курбатовъ. Тутъ, дома, между своими, представитель «денежной аристократіи» не находитъ нужнымъ стѣсняться и уже безъ всякихъ «реактивовъ» даетъ полный просторъ своему «нраву», всецѣло унаслѣдованному отъ Кить Китыча. Теткѣ съ трудомъ удается образумить его и утишить къ приходу Краюшкина и потомъ Курбатова. Смыслъ рѣчей Мѣдюковой таковъ: «Если ты купецъ, такъ и знай свое купеческое, торговое дѣло, а въ чиновныя дѣла не ввязывайся, не то и свой-то всѣ растеряешь. Купцомъ ты родился, купцомъ и оставайся и поступай по-купчески. За то тебѣ будетъ и почетъ, и уваженіе, и преумноженіе твоихъ достатковъ. Всякому свое занятіе и своя честь, и честь-то у всякаго своя: у господъ она одна, у купцовъ—другая. Такъ ты и соблюдай свою честь, купеческую...» и т. д. Мы передаемъ рѣчи Мѣдюковой своими словами, но смыслъ ихъ именно такой. Шестериковъ подчиняется теткѣ, пересиливаетъ себя, прячетъ опять свой «нравъ» передъ гостями, но отнюдь не отказывается при первой возможности начать опять карабкаться туда, куда не удалось ему забраться на этотъ разъ, облагодѣтельствовать свой край и вести его къ процвѣтанію своими загребистыми лапами съ помощью Краюшкиныхъ и имъ подобныхъ «дѣтей своихъ отцовъ», переряженныхъ въ европейцевъ ближайшихъ наследниковъ Кить Китычей Брусковыхъ, Диговыхъ, Кабановыхъ и другихъ звѣроподобныхъ, увѣковѣченныхъ Островскимъ.

Что хотѣлъ показать г. Ѳедотовъ, то ясно; но далеко не ясно то, что онъ хотѣлъ сказать и доказать своею комедіей. Дѣло не въ томъ, карикатуры онъ показываетъ намъ или типическія и правдивыя изображенія, написанныя съ дѣйствительности, а въ томъ дѣло, для чего это намъ показано. Какими бы то ни было карикатурами можно доказывать и доказывать очень многое. Всякая сатира въ большей или меньшей степени представляетъ намъ образы, въ которыхъ обличаемые пороки и недостатки преувеличены до смѣшной или отвратительной уродливости. Но всякая сатира, карикатура или комедія, претендующая на общественное значеніе, должна привести насъ къ ясно опредѣленнымъ заключеніямъ, не допускающимъ никакихъ разнотолкованій. Разъ такихъ безспорныхъ выводовъ сдѣлать нельзя, сатира, карикатура и комедія перестаютъ соответствовать этимъ наименованіямъ и превращаются въ простой фарсъ, ни для чего непригодный, кромѣ праздно потѣхи толпы, да и то лишь въ томъ случаѣ, когда такимъ фарсомъ не затрогивается чего-либо серьезнаго. Вотъ

уть-то и важно въ высшей степени соблюсти мѣру и не переступить два уловимой, тонкой грани, отдѣляющей сатиру-комедию отъ фарса. И мы находимъ, что такой мѣры не соблюлъ г. Федотовъ въ своей комедіи, гѣстами перешелъ урочную границу, перепуталъ обличеніе съ глумленіемъ, къ большой ущербъ и въ затемнѣніе той мысли, которую онъ предполагалъ выразить. Въ чемъ же собственно заключается ошибка автора и какимъ способомъ можно было избѣжать ее? Мы думаемъ, что первая и самая капитальная ошибка состоитъ въ томъ, что г. Федотовъ рѣзко раздѣлилъ дѣйствующихъ лицъ на прекрасныхъ овецъ и богомерзкихъ козлищъ. Прекрасныя овцы, князь Курбатовъ, его невѣста и Черновъ, вышли настоящими овцами, очень безличными и весьма безпомощными, и не заюдали ихъ козлища на смерть, лишь благодаря счастливой случайности. При этомъ чувствуется, что еслибъ ихъ и забодали, то сочувствіе къ ихъ положенію было бы крайне слабое. Безсиліе и безпомощность могутъ вызывать жалость и рѣдко способны привлечь къ себѣ симпатіи. Въ данномъ же случаѣ Курбатова и его друзей нельзя пожалѣть потому, что они остаются побѣдителями, и имъ нельзя сочувствовать потому, что не сами они одерживаютъ побѣду, а спасаетъ ихъ отъ бѣды старая купчиха Мѣдюкова своими деньгами, умомъ и купеческою ловкостью. Сами же они никуда не годятся, несмотря на то, что у нихъ въ рукахъ могущественныя средства для борьбы: незаподозрѣнная честность, громкія родовыя имена, наслѣдственная образованность и воспитанность и, наконецъ, обезпеченныя состоянія, съ которыми они не умѣютъ управляться. Намъ говорятъ, и не безъ основанія, что въ пьесѣ чувствуется «тенденція», направленная на пользу этихъ князей и дворянъ и въ ущербъ купеческому сословію. Если авторъ замышлялъ проводить такую тенденцію, то отъ осуществленія этого замысла не поздоровится почтеннѣйшему дворянству. Выведенные г. Федотовымъ представители этого сословія не только ничтожны и нравственно-несостоятельны, но и довольно противны, особливо когда они, ради какой-то дрянной потѣхи, производятъ свои эксперименты съ реактивами надъ подгулявшимъ купцомъ. Съ другой же стороны, со стороны «козлищъ», г. Федотовъ представилъ подборъ только антипатичныхъ и осмѣиваемыхъ имъ лицъ. Картина получается тенденціозная и, къ тому же, невѣрная, а потому и не художественная. Тутъ не всѣ *Дети отцовъ своихъ*, а только скверныя дѣти. Подобную коллекцію можно собрать изъ любого класса общества или сословія и ей можно противопоставить ассортиментъ превосходнѣйшихъ людей изъ другаго класса. Но такими подборами нельзя ничего доказать, и г. Федотовъ не доказалъ ничего, а привелъ только къ странному вопросу: «Что же слѣдуетъ изъ этого? Стало быть, высшее образованіе не можетъ поднять челоуѣка нравственно? Стало быть, высшее образованіе не нужно для купечества, и купецъ, получившій университетское образованіе, еще опаснѣе и вреднѣе для общества, чѣмъ Кить Китьчъ, чѣмъ Дикой и вдова Кабаниха?...» Разумѣется, не то хотѣлъ сказать г. Федотовъ, а вышло именно такъ, въ

особенности при сопоставленіи «образованныхъ» Шестериковыхъ, Браушинныхъ и другихъ съ простою и необразованною Мѣдюковой, представляющею собою положительный типъ въ комедіи, купеческаго Стародума. Избѣжать этого было не трудно, стоило только выкинуть изъ пьесы ненужныхъ въ ней Мурлова или Абрамсона и на ихъ мѣсто поставить молодого купца, которому серьезное образованіе пошло на серьезную пользу. Рѣзкости въ картинѣ значительно сгладились бы, картина получилась бы правдивѣе и шире, и въ ней открылись бы перспективы, отсутствіемъ которыхъ она весьма грѣшитъ. Въ лицѣ Марьи Павловны Шестериковой мы видимъ попытку показать новый и любопытный типъ современной купеческой дамы. Къ сожалѣнію, фигура эта не вполне удалась автору и осталась, такъ сказать, только въ видѣ недоконченнаго наброска.

Первое представленіе комедіи *Дети отцовъ своихъ* нельзя назвать удачнымъ, — слишкомъ бросается въ глаза спѣшность ея постановки, артисты не знаютъ ролей, путаются, сбиваются, доходятъ до полныхъ остановокъ, вынуждающіе суфлера чуть не выскакивать изъ своей будки и мѣстами выкрикивать на весь театръ. Сама по себѣ неяркая роль князя Курбатова совсѣмъ пропала въ исполненіи г. Левицкаго. Г-жа Нигулина нѣсколько утрировала и безъ того уже слишкомъ рѣзко написанную роль Степаниды Вавиловны. Г. Ленскій съ обычными ему мастерствомъ и обдуманностью провелъ роль Шестерикова; въ особенности хорошо были исполнены сцена опьяненія и переходы отъ неистовства, свойственнаго наслѣднику Кита Китыча, къ напускному джентльменству лавочнаго тона. И что въ высшей степени важно и драгоцѣнно въ игрѣ этого высокоталантливаго артиста, такъ это именно тотъ характерный тонъ, о которомъ мы говоримъ, то едва уловимый, то прорывающійся невзначай въ ничтожномъ движеніи или повышеніи голоса, но неизмѣнно звучащій въ продолженіе всей пьесы и ни на одинъ мигъ не дающій зрителю забыть интимную сущность изображаемаго лица. Правда, кое-гдѣ проскальзывалъ легкій шаржъ, безъ котораго можно было бы и слѣдовало обойтись. Но мы приписываемъ это тому обстоятельству, что г. Ленскій еще не вполне овладѣлъ своею ролью на первомъ представленіи и самъ увлекался комизмомъ нѣкоторыхъ положеній ряженаго европейца. Г. Садовскій превосходно исполнилъ мало благодарную роль Чернова. Что же касается г-жи Садовской, то въ ея исполненіи старуха Мѣдюкова явилась передъ нами совершенно живымъ лицомъ, настоящимъ типомъ старо-купеческаго закала.

Въ нынѣшній сезонъ дирекція Императорскихъ театровъ надумала сдѣлать прехраснѣйшую вещь: она приглашаетъ первыхъ артистовъ московской сцены играть въ Петербургѣ, петербургскихъ же артистовъ — играть въ Москвѣ. Дѣло это во всѣхъ отношеніяхъ разумное и полезное, и очень было бы желательно, чтобы первые опыты, произведенные въ этомъ направленіи, не были случайными и чтобы самое дѣло это получило дальнѣйшее, болѣе широкое развитіе. Мы разумѣемъ вотъ что: есть пьесы, имѣвшія успѣхъ въ Москвѣ и непонравившіяся петербургской публикѣ, и

наоборотъ—пьесы, прекрасно шедшія въ Петербургѣ, не нравились москвичамъ. Одною изъ главныхъ причинъ (она, конечно, не одна) такого страннаго явленія мы считаемъ удачное или неудачное исполненіе артистами главныхъ ролей, отчего, въ большинствѣ случаевъ, и зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ пьесы. Не подлежитъ сомнѣнію, что самые лучшіе артисты не въ состояніи съ одинаковымъ увлеченіемъ играть симпатичныя имъ роли и несимпатичныя; какъ бы ни были артисты талантливы, не могутъ они съ равнымъ успѣхомъ передавать роли, подходящія къ ихъ средствамъ, и такія, которыя имъ приходится играть иногда лишь потому, что замѣнить ихъ на эти роли некъмъ. Но для того, чтобы сыграть какую бы то не было удавшуюся роль, нельзя ни артисту, ни, въ особенности, артисткѣ выступать на сцену безъ надлежащей поддержки со стороны другихъ, хотя бы главныхъ, исполнителей пьесы. А потому необходимо, перенося пьесу съ одной сцены на другую, обставляя ее для первенствующихъ ролей тѣми артистами, въ исполненіи которыхъ пьеса имѣла успѣхъ. И, во всякомъ случаѣ, крайне неудобно для артиста и для публики непріятно, когда на чужой сценѣ онъ не находитъ той поддержки, о которой мы говоримъ, и какъ это было въ прїѣздѣ г-жи Савиной въ Москву. Въ первый разъ передъ московскою публикой г-жа Савина выступила въ комедіи *Симфонія* г. Чайковскаго. Самый выборъ пьесы для перваго выхода мы считаемъ неудачнымъ. Это вещь крайне слабая; о ней мы говорили, своевременно разбирая произведеніе г. Чайковскаго. Самъ авторъ, по-видимому, согласился, хотя отчасти, съ нашимъ мнѣніемъ и откинулъ изъ нея пятый актъ, испортивши конецъ четвертаго безъ всякой нужды въ томъ. Для нѣкотораго улучшенія пьесы мы рекомендовали бы г. Чайковскому отбросить еще и первый актъ. Говоримъ мы это очень серьезно, ибо первый актъ совершенно не нуженъ; все дѣло ясно со втораго акта. И вотъ, при выходѣ въ плохой пьесѣ, г-жу Савину поставили въ необходимость играть съ г. Багровымъ, вмѣсто г. Южина, исполнявшаго прежде роль Ладогина. Такой партнеръ, какъ г. Багровъ, въ самыхъ капиталныхъ мѣстахъ пьесы не только не воодушевить и не поддержать играющую съ нимъ артистку, а свяжетъ ее по рукамъ и ногамъ своимъ безнадежно-невѣрнымъ тономъ, что онъ и сдѣлалъ самымъ исправнымъ образомъ. Заставьте Аделину Патти пропѣть дуэтъ съ дьячкомъ, хотя бы и столичнымъ, изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Тѣмъ не менѣе, г-жа Савина съ честью вышла изъ столь тяжелаго испытанія. Въ той же роли Елены Протичъ мы видѣли г-жу Ермолову, но сравнивать этихъ двухъ артистокъ не станемъ, во-первыхъ, потому, что такое сравненіе ни къ чему не ведетъ и ничего не докажетъ; во-вторыхъ, потому, что каждая изъ нихъ даетъ изображаемому лицу особенный и своеобразный характеръ и тонъ. Долго можно спорить и ни до чего не доспориться о томъ, которая изъ двухъ вѣрнѣе передаетъ замыселъ автора. Мы думаемъ, что возможны двѣ Елены Протичъ—и такая, какую изображаетъ г-жа Ермолова, и изображаемая г-жею Савиной. Но дѣло въ томъ, что Елена

г-жи Савиной, как женщина, хуже, несимпатичнѣе, чѣмъ Елена г-жи Ермаловой. Г-жа Савина даетъ образъ женщины противной, хотя это образъ очень жизненный и реальный, и, тѣмъ болѣе, онъ является антипатичнымъ для зрителя. Вообще артисту крайне невыгодно появляться, особливо вновь, въ роляхъ, которыя возбуждаютъ непріязненное чувство зрителя къ выведенному на сцену авторомъ лицу порочному или злому. Г-жа Савина не пощадила Протичъ и себя не пощадила, появляясь въ первый разъ въ такой роли и представляя Протичъ во всей наготѣ ея порочности. Въ счастью высокоталантливой артистки, въ зрительной залѣ была публика «первыхъ представленій», публика не особенно впечатлительная, правда, но за то умѣющая владѣть своими чувствами, отдѣлать несимпатичность роли отъ ея исполненія и способная оцѣнить послѣднее по достоинству. При другомъ составѣ публики мы съ опасеніемъ отнеслись бы къ выбору пьесы г-жею Савиной и къ той смѣлости, съ которою артистка выказываетъ наиболѣе отталкивающія стороны изображаемаго лица. Чтотакія опасенія не лишены основанія, это доказалъ третій спектакль, данный при участіи г-жи Савиной, въ которомъ шла драма вн. Сумбатова: *Цѣни* и гдѣ г-жа Савина еще разъ взяла на себя исполненіе несимпатичной роли. Нашлись зрители, правда, на вершинахъ «райскихъ» или, вѣрнѣе, «раечныхъ», но, все-таки, нашлись такіе, что «снепристойничали» и начали выражать свое недовольство. Ничему иному мы приписать этого не можемъ и не желаемъ, какъ неумѣнью нѣкоторыхъ «раечниковъ» владѣть своими симпатіями и антипатіями.

На второмъ представленіи съ участіемъ г-жи Савиной шла трех-актная комедія Сарду въ передѣлкѣ г. Виктора Александрова, *Надо разводиться*. Эта веселая, ловко сдѣланная и умѣло передѣланная пьеса прошла необыкновенно живо и стройно, при содѣйствіи гг. Южина, Правдина и Невского. И вотъ тутъ-то г-жа Савина, когда не мѣшали ей ни со сцены, ни съ горныхъ высей, мастерики воспроизвела передъ нами личность Вѣры Шубиной, молодой, очень легкомысленной, но доброй и честной женщины, совсѣмъ было сбившейся съ толку отъ бездѣлья и подъ влияніемъ глупаго институтскаго воспитанія, направленного исключительно на развитіе такъ называемой «женственности» и на охраненіе во всей неприкосновенности дѣтской наивности и младенческаго невѣдѣнія въ дѣвушкахъ до выхода ихъ замужъ. Въ большинствѣ случаевъ, такое воспитаніе навсегда оставляетъ на женщинѣ свой отпечатокъ, съ которымъ всего тяжелѣе уживаться мужу. Г-жа Савина съ большимъ искусствомъ передала различные оттѣнки, характеризующіе именно эту сторону изображаемаго лица.

Въ четвертой пьесѣ мы видѣли петербургскую артистку въ маленькомъ «эюдѣ» г. Гнѣдича *Женя*. Тутъ г-жа Савина была неподражаема правдивостью каждаго слова, каждаго движенія. Эта маленькая роль отдѣлана артисткою въ настоящій сценическій перлъ, тѣмъ болѣе драгоценный, что съ г-жею Савиной играли въ такомъ «пустычкѣ» г-жа Медвѣдова и гг. Южинъ и Махшеевъ. Это была сама жизнь, картинка, прямо

выхваченная из жизни. Ради такой художественной вещицы стоило претерпеть всю гнетущую скуку *Симфонии*, за которую она слѣдовала.

Судя по этимъ четыремъ ролямъ, о г-жѣ Савиной можно сказать, что она обладаетъ несомнѣнно большимъ талантомъ, выдающимся съ полною силою въ комедіи и преимущественно въ сценахъ рассчитаннаго, тонкаго кокетства. Во всѣхъ ея роляхъ многія детали отдѣланы очень умно и тщательно; но въ мѣстахъ драматически-сильныхъ у нея не достаетъ искренности, задушевнаго порыва. Искусная артистка, она какъ будто сдерживаетъ себя и не хочетъ отдаться слишкомъ пылкимъ увлеченіямъ изъ опасенія нарушить стройность заранѣе обдуманной ею игры. Какъ бы ни былъ великъ талантъ артиста и до какой бы высоты ни было имъ доведено искусство, такая сдержанность отражается, часто совершенно безсознательно, на чувствахъ зрителей и не захватываетъ ихъ съ тою неотразимою силою, которою подчиняетъ ихъ себѣ страстные порывы, выливающіеся изъ души артиста-исполнителя. На насъ, москвичей, нѣсколько неблагоприятное для г-жи Савиной впечатлѣніе производилъ легкій акцентъ въ ея говорѣ, и къ еще бѣльшей невыгодѣ петербургской артистки служить спѣшность ея рѣчи, особенно замѣтная въ монологахъ и придающая имъ иногда отгѣнокъ читки, а не живой естественной бесѣды.

Помимо злосчастнаго инцидента съ «раечниками», Москва принимала г-жу Савину въ высшей степени сердечно, не только какъ дорогую, желанную гостью, но и какъ первоклассную артистку, вполне по достоинству пользующуюся громкою извѣстностью. Ей было поднесено множество роскошныхъ букетовъ, вѣнковъ и великолѣпныхъ корзинокъ съ цвѣтами. Проводили мы М. Г. Савину съ самыми сердечными пожеланіями, чтобы изъ Москвы она увезла только пріятныя воспоминанія, какія по себѣ оставила въ Москвѣ, и чтобы пріѣздъ ея къ намъ не былъ послѣднимъ ея появленіемъ на славной сценѣ Малаго театра.

Ан.

ПОПРАВКА. Въ статьѣ г-жи Некрасовой *Народные журналы*, помѣщенной въ настоящей книгѣ, въ III главѣ, на стр. 153, сказано: „Петербургскій книгопродавецъ Лермонтовъ въ пятидесятыхъ годахъ сталъ издавать *Народное Чтеніе*“. Надо читать: „Журналъ *Народное Чтеніе* сталъ издаваться съ 1859 года г. Щербачевымъ и А. А. Оболенскимъ при участіи Марко-Вовчка, Кулиша, Вѣльева, Китари, Н. Успенскаго, Мея, Максимова... Черезъ два года онъ перешелъ въ руки книгопродавца Лермонтова“.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль.

1891 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Географія и этнографія.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Дѣтскія книги и учебники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, январь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь—январь.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ М. Ю. Лермонтова. — „Безъ маяка“. М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго). — „Историческіе рассказы и воспоминанія“ С. Алавы (Терпигорова). — „Люди темные“. И. Н. Засарина (Якунина) — „Сторожиха и др. рассказы“. А. Б. Кремля.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ его и біографическимъ очеркомъ. Рублевое изданіе въ одномъ томѣ. Спб., 1891 г. Въ іюлѣ нынѣшняго года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня несчастной кончины гениальнаго поэта и за истеченіемъ давности прекратится право собственности наследниковъ на его сочиненія. Теперь уже многія иллюстрированныя газеты и газетки наобѣщали дать своимъ подписчикамъ *Сочиненія Лермонтова* въ видѣ бесплатныхъ приложений или такъ называемыхъ премій, которыми эти изданія заманиваютъ публику. Изъ числа такихъ, якобы „даровыхъ“, премій лучшимъ являются, конечно, отдѣльныя изданія произведеній знаменитыхъ русскихъ писателей. Большинство же, будто бы „бесплатныхъ“, подарковъ оказывается никуда негоднымъ хламомъ, „числомъ побольше, цѣною подешевле“, перечисляемымъ въ широкообъщательныхъ рекламахъ, рассчитанныхъ на ничѣмъ непоколебимое легковѣріе обывателей, жадныхъ на даровщину. Но для того, чтобы отдѣльно изданныя сочиненія большихъ русскихъ писателей имѣли надлежащее значеніе и были бы на самомъ дѣлѣ хорошимъ приобрѣтеніемъ, необходимо издателямъ тщательна и въ видѣ достойномъ имени автора. А это-то именно и представляется у насъ большою рѣдкостью, и едва ли можно ожидать чего-нибудь порядочнаго отъ обѣщанныхъ „бесплатно“ изданий сочиненій Лермонтова. Петербургскій книгопродавецъ-издатель Глазуновъ успѣшилъ предупредить другихъ аферистовъ и выпустилъ въ свѣтъ лежащее передъ нами „рублевое“ изданіе *Сочиненій М. Ю. Лермонтова* на дешевенькой бумагѣ, перепечатавши его съ прежняго двухтомнаго изданія. Книжка вышла сѣренькая и неприглядная. „Біографическій очеркъ“ коротенькій и устарѣлый; въ немъ, между прочимъ, говорится: „Причины дуэли, имѣвшей такой печальный

исходъ, до сихъ поръ еще не вполне выяснены...“ и, вообще, повторяется лишь то, что было извѣстно о Лермонтовѣ двадцать лѣтъ назадъ, съ ссылкой въ примѣчаніи на рассказъ А. П. Шанъ-Гирей и на воспоминанія К. І. Карпова, записанныя С. Н. Филиповымъ и напечатанныя въ послѣдней книжкѣ *Русской Мысли* за прошедшій годъ. Такимъ образомъ, имѣющій въ рукахъ „рублевое“ издание *Сочиненій М. Ю. Лермонтова* не получаетъ никакихъ новыхъ свѣдѣній о любимомъ русскомъ поэтѣ, тогда какъ въ настоящее время можно было бы и должно, наконецъ, почтить память гениальнаго человѣка обстоятельно написанною біографіей, составленною по многочисленнымъ даннымъ, опубликованнымъ съ тѣхъ поръ, когда вышло послѣднее собраніе его сочиненій.

Въ одноименномъ „рублевомъ“ изданіи произведенія Лермонтова напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ, безъ объясненія, впрочемъ, что означаетъ выставленный годъ,—время ли, когда это написано, или время появленія произведенія въ печати. Алфавитнаго указателя при книгѣ не имѣется. Издатели даже этого не потрудились сдѣлать, а работа, казалось бы, немудреная. О какихъ-либо біографическихъ данныхъ нѣтъ и помина, и для читателя остается совершенно неизвѣстнымъ, когда и гдѣ напечатаны были въ первый разъ произведенія великаго поэта, когда и кѣмъ были изданы его сочиненія отдѣльными книгами. Грустное впечатлѣніе производитъ это „рублевое изданіе“: отъ него вѣетъ чѣмъ-то унылымъ и мизернымъ, базарно-неряшливымъ. Рубль—деньги не большія, но за такое рыночное издѣліе жаль отдать и рубль, и приходится дожидаться еще полгода „дешеваго“ изданія сочиненій Лермонтова въ смутной надеждѣ, что авось-либо найдется на Руси человѣкъ или учрежденіе, которые дадутъ намъ изданіе, достойное памяти поэта и соответствующее его значенію въ русской литературѣ и для цѣлаго народа.

Безъ маяка. Романъ М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго). Спб., 1891 г. Въ старые годы жизнь барская, помѣщичья и чиновничья текла по такимъ узенькимъ и неизмѣннымъ русламъ, что плаваніе не сопряжено было ни съ какими опасностями. Каждый благополучный дворянинъ съ своею супругой тихо и мирно совершалъ положенное ему плаваніе, по большей части „безъ руля и безъ вѣтриль“, и дѣткамъ своимъ завѣщаль плавать такъ же точно, не мудрствуя лукаво. Ни о какихъ задачахъ и цѣляхъ помина не было; нието и не подозрѣвалъ возможности существованія какихъ-то задачъ. А, стало быть, и въ маякахъ надобности не предвидѣлось. Все было ясно и просто, точно опредѣлено и неизблемо установлено. Рѣзкія выраженія недовольства или сомнѣнія не смущали общаго покоя, почти не выслушивались, ибо заранѣе признавались „завиральными идеями“. Сами же недовольные и сомнѣвающіеся отечески сокращались традиционными мѣрами исправленія, предупрежденія и пресѣченія. Даже отъ законовъ, регулировавшихъ семейныя отношенія, вѣтъ идиллическою простотой: ими повелѣвалось, чтобы мужъ любилъ свою жену, а жена повиновалась мужу. И только, въ разныхъ же мелочахъ они сами между собою разберутся. И разбирались домашними средствами. Оно, положимъ, и не мудрено было, все по простотѣ шло. „Народа“ не было, были только мужики, да различныя сословія съ присвоенными каждому правами. „Человѣкъ“ занималъ свое мѣсто въ прихожей и служилъ господамъ. „Женщина“ не было, были барыни, барышни, дворовыя дѣвки и бабы. Даже дѣтей настоящихъ не было, были „барчуки“ и „ребятишки“. Но вотъ вдругъ

налетѣло вѣчто, приводящее многихъ и теперь въ содроганіе,—потокъ реформъ, новшествъ и идей шестидесятыхъ годовъ. Въ Россіи оказался „народъ“, о чемъ совсѣмъ было забыли покоившіеся на мягкомъ ложѣ крѣпостнаго права; пришлось вспомнить, что у каждаго обывателя, помимо его сословныхъ правъ и обязанностей, есть еще права и обязанности „человѣка“, что есть и „человѣческое“ достоинство, что рядомъ съ человѣкомъ существуетъ „женщина“ и что у нея есть тоже свое достоинство, свои права и обязанности. Но, вѣдь, ничего этого не было,— что и было, то забыто, утеряно. Необходимо было все создавать заново, всѣмъ опредѣлить ихъ права и обязанности, всѣмъ отвести соотвѣтствующее мѣсто и дать надлежащее дѣло. Нивакое дѣло, однако, безъ цѣли не дѣлается; возникли вопросы о цѣляхъ и задачахъ. Отвѣтъ былъ найденъ скоро: цѣль жизни — служить народу, задача — быть полезнымъ ближнимъ. Но послѣ того опредѣленнаго и узкаго русла, въ которомъ текла старая жизнь, просторъ открылся сразу очень большой; плыть по немъ нельзя уже было „безъ руля и безъ вѣтриль“, потребовались и „маяки“, чтобы не потерпѣть крушенія и не очутиться на мели, не разбиться о подводные камни. Времена настали мудренныя, а труднѣе всѣхъ стало жить барынямъ и барышнямъ, превратившимся столь внезапно въ „женщинъ“. До того времени онѣ знали лишь одно закономъ установленное для нихъ право—быть любимыми мужьями, и одну обязанность — повиноваться мужьямъ. А тутъ вдругъ раскрылось, что надо любить ближняго, любить народъ, дѣлать что-то не изъ повиновения только, „не за страхъ, но и за совѣсть“, и повиноваться надо не чужой только волѣ, но какимъ-то высшимъ призваніямъ. Мало этого, оказалось еще не въ долгомъ времени, что жить не только трудно, а и совсѣмъ нельзя безъ дѣла и цѣли. Но дѣло дѣлу рознь, и цѣли могутъ быть очень различныя. Въ своемъ романѣ г. Красовъ (Л. Е. Оболенскій) выводитъ нѣсколько женщинъ, на первомъ планѣ—героиня, Вѣра Николаевна Арбузова, и ея падчерица, Надежда Васильевна, считают возможнымъ найти счастье въ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей и чувствъ семейныхъ; на второмъ планѣ—женщина-врачъ и учительница земской школы всецѣло отдаются общественному дѣлу; еще далѣе мелькаютъ только фигуры женщинъ, пытающихся создать себѣ жизнь по новѣйшему ученію; онѣ хотять „опроститься“ и работать на землѣ, какъ крестьянки. Такая „интеллигентная колонія“ только отмѣчена авторомъ; но не видно, что изъ этого можетъ выйти и какъ авторъ относится къ такимъ затѣямъ. Сочувствіе автора, несомнѣнно, на сторонѣ женщинъ настоящаго дѣла, т.-е. образованныхъ женщинъ, несущихъ народу свѣтъ знанія и помощь врачебной науки. Жена Арбузова, вышедшая замужъ по любви, долго удовлетворялась положеніемъ супруги полезнаго и честнаго дѣятеля, утѣшительницы своего мужа, поддерживавшей его въ трудныя и тяжелыя минуты жизни, посвященной общественному дѣлу. Положеніе утѣшительницы любимаго человѣка стало, однако, все менѣе и менѣе удовлетворять молодую женщину. Она видѣла, что кругомъ нея люди дѣлаютъ дѣло, и сочувствовала ихъ дѣлу; но оно не было ей душевнымъ дѣломъ, для нея не свѣтилъ такой „маякъ“, который указывалъ бы ей путь. И Вѣра Николаевна потеряла дорогу, пустилась вдаль искать славы и богатства. Она была хорошая музыкантша и повинула мужа ради того, чтобы усовершенствоваться, давать концерты, сдѣлаться знаменитостью. „Безъ маяка“ Арбузова потерпѣла крушеніе и погибла. Крушеніе было чисто-нравственное; въ матеріальномъ отношеніи

жизнь осыпала ее только розами безъ шиповъ. Въ противоположность этой музыкѣ для славы, авторъ представляетъ другую музыку, такъ сказать, для души. Онъ рассказываетъ, какъ сельская учительница собираетъ у себя по вечерамъ учениковъ и желающихъ ее послушать крестьянъ, играетъ имъ оперы и баллады, поясняя музыку декламацией. Выходитъ это не совсѣмъ похоже на дѣйствительность, но рассказано это тепло, задушевно, и оставляетъ такое впечатлѣніе, что этого нѣтъ, но какъ хорошо было бы, если бы такъ было. Весь романъ, впрочемъ, изображаетъ не настоящую жизнь, какъ она есть, а желательную, какую слѣдовало бы создать и какую создать было бы возможно, если бы „маяки“, указывающіе путь къ такой жизни, не перемѣщались бы и отъ времени до времени не угасали бы совсѣмъ. Весь романъ г. Оболенскаго проникнутъ одною плодотворною идеею необходимости активной и самоотверженной борьбы съ заѣдающимъ деревню зломъ, съ мракомъ невѣжества, съ алчностью чумазаго, съ взрывами крѣпостничества. Авторъ съ большою осторожностью относится къ образованнымъ людямъ, стремящимся „опроститься“ на землѣ въ „интеллигентныхъ колоніяхъ“. Повидимому, онъ лично не вѣритъ въ пригодность такихъ колоній для какой бы ни было общественной пользы, но считаетъ преждевременнымъ возставать противъ нихъ, такъ какъ видитъ въ этомъ попытку найти выходъ изъ тяжелаго, иногда невыносимаго положенія, въ какое такъ часто попадаетъ теперь образованный бѣднякъ. Собственно вопросъ о томъ, хорошо ли „опроститься“ и слѣдуетъ ли это дѣлать, г. Оболенскій рѣшаетъ въ смыслѣ положительномъ, но съ ясными ограниченіями. „Опроститься“ хорошо и могущій это сдѣлать— да сдѣлаетъ, не отказываясь, однако же, отъ тѣхъ плодовъ знанія и просвѣщенія, какими онъ владѣетъ. Хорошо „опроститься“ съ внѣшней, такъ сказать, стороны, т. е. отказаться отъ излишествъ, прихотей, многихъ удобствъ, и ограничить свои потребности только безусловно необходимымъ для существованія, а затѣмъ всѣ свои знанія и способности прилагать къ дѣлу на пользу темнаго деревенскаго народа такъ же точно, какъ бы прилагались они въ столицахъ на соответствующихъ поприщахъ. Особенное достоинство романа г. Оболенскаго заключается въ томъ, что авторъ нигдѣ не переступаетъ мѣры, не вдается ни въ какія утопіи и если кое-что идеализируетъ, то, опять-таки, въ предѣлахъ возможнаго и желательнаго. Нѣкоторая неясность характеровъ и недостаточная опредѣленность положеній и причинъ, ихъ создающихъ, покрываются тѣми идеями гуманности и прогресса, которыя составляютъ главную сущность повѣствованія и будятъ добрыя и честныя чувства въ душѣ читателя.

Историческіе рассказы и воспоминанія Сергѣя Атавы (Терпигорева). Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Въ этой книжкѣ помѣщено три историческихъ рассказа: *Лакейская столица*, *Солотчинскіе монахи* и *изъ крѣпостные* и *Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ*. „Лакейскою столицей“ авторъ называетъ городъ Касимовъ, бывший когда-то столицей такъ называемаго Касимовскаго царства татарскаго. Теперь это уѣздный городъ Рязанской губерніи, на половину населенный татарами-магометанами, на половину русскими, или потомками татаръ, принявшихъ православіе. Нѣкоторые изъ крестившихся мурзъ татарскихъ получили права дворянства и даже право именоваться князьями. Таково происхожденіе многихъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій. Татары же, оставшіеся магометанами, отчасти занимаются торговлею, а, главнымъ образомъ, усвоили себѣ особый видъ

отхожаго промысла: они служатъ лавками въ петербургскихъ и московскихъ ресторанахъ. Вотъ почему г. Терпигоревъ и называетъ ихъ родной городъ „лавейскою столицей“. Изъ историческихъ справокъ, приводимыхъ авторомъ въ этомъ разсказѣ, выясняются прелюбопытные факты и „Касимовское царство“ оказывается единственнымъ въ своемъ родѣ *учрежденіемъ*, измышленнымъ на Москвѣ около 1452 года, т. е. почти одновременно со взятіемъ турками Византии. Татары никогда не завоевывали земель, составлявшихъ Касимовское царство, а получили ихъ въ даръ, вѣрнѣе же, въ пользованіе и „на кормленіе“, отъ великихъ князей и потомъ отъ царей московскихъ. Никогда это Касимовское царство не пользовалось никакою самостоятельностью, ни даже въ смыслѣ государства вассальнаго. Дано оно было московскими государями въ видѣ пріюта бѣглымъ татарскимъ царевичамъ, которыхъ держали тутъ для политическихъ цѣлей и для важности именовали „царями“. Но это были цари—„парадные“, назначеніе ихъ было увеличивать своимъ присутствіемъ, костюмами и громкимъ титуломъ блескъ московскаго двора. Въ сущности же, они были такими же „холопами“ царя московскаго, какими стали потомки русскихъ удѣльныхъ князей, съ тою лишь разницей, что удѣльные князья утратили свои титулы въ концѣ XVI в., а касимовскіе цари просуществовали еще болѣе ста лѣтъ. Всего же житія было около 250 лѣтъ этому оригинальному царству, не имѣвшему ни точно опредѣленной территоріи, ни обособленнаго политическаго значенія, ни ясно установленнаго правительства, ни собственной исторіи. Только о нѣкоторыхъ изъ царей холоповъ дошли до насъ кое-какія свѣдѣнія, да и то благодаря лишь ихъ участию въ дѣлахъ московскихъ. Разказы о прошломъ и настоящемъ города Касимова написаны г. Терпигоревымъ въ видѣ путевыхъ замѣтокъ объ его поѣздѣ по Овѣ.

За разказами о такомъ странномъ царствѣ слѣдуетъ полное интереса повѣствованіе о Солотчинскомъ монастырѣ и объ управленіи монахами надъ обширными помѣстьями и крѣпостными людьми, пожалованными этой обители государями и подаренными разными боголюбивыми жертвователями. Авторъ воспользовался для своей статьи историческими матеріалами, собранными рязанскою архивною комиссіей, и, на основаніи ихъ, даетъ любопытную и яркую картину стараго монастырскаго быта, опиравшася на крѣпостное право. Приводя выдержки изъ удѣльныхъ документовъ, г. Терпигоревъ, между прочимъ, говоритъ: „Ужасную эпопею представляетъ записная книжка, веденная безграмотнымъ старостой, конечно, и не подозрѣвавшимъ никогда, что она увидитъ свѣтъ и въ свою очередь такъ ярко освѣтитъ неприглядную ихъ жизнь,—жизнь людей, Богъ знаетъ за что отданныхъ на двойное поруганіе и издѣвательство“, т. е. на безграничный произволъ монаховъ, ими владѣвшихъ, и правительственныхъ чиновниковъ - подьячихъ. „Кормилась и жила на счетъ села цѣлая орда, жадная, немилосердная, пьяная, разгульная, разнузданная, въ полной увѣренности въ своей безопасности и безнаказанности. И не было кому заступиться за село, потому что не было человека, которому оно было бы дорого, хоть какъ личная собственность. Быть монастырскихъ крѣпостныхъ— вотъ что было въ Россіи еще ужаснѣе быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ. И этотъ бытъ ждетъ еще своего изслѣдователя и историка. Богатая ему предстоитъ задача“. Такъ заканчиваетъ авторъ свой разказъ о солотчинскихъ монахахъ.

Въ разказѣ о переполохѣ, надѣланномъ въ Тамбовскомъ краѣ бун-

томъ Стеньки Разина (*Раскаты Стенькина грома*) г. Терпигоревъ изображаетъ всю неурядицу и непрочность государственныхъ порядковъ второй половины XVII вѣка. „Самъ Стенька Разинъ Тамбовской земли не воевалъ,—говоритъ авторъ.—Не воевали ее также ближніе и подручные атаманы его“. А, между тѣмъ, „Тамбовская земля“ такъ волновалась, что царскіе воеводы предпринимали походы противъ „буйственныхъ“ и „воровскихъ“ людей и нерѣдко теряли головы отъ страха передъ ихъ шайками. Каково было состояніе края даже въ спокойное время, не потрясаемое такими смутами, какъ Стенькины, видно изъ нижеслѣдующаго: „Многіе помѣщики образовывали тогда шайки и съ ними ходили грабить сосѣдей и окрестныя села и даже пригороды. Противъ нихъ надо было иногда посылать воеводамъ цѣлыя отряды. Сохранилось извѣстіе объ одномъ помѣщикѣ Карѣевѣ. Его очень часто ходили смирать командами, но „онъ чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностью была въ поимкѣ воровъ крайняя остановка“. Одновременно съ нимъ на Окѣ занимался грабежомъ помѣщикъ Самсоновъ... Подъ Темниковымъ грабилъ помѣщикъ Кашаевъ“... Грабежомъ и разбоемъ занимались и помѣщичицы, какъ, на примѣръ, княгиня Марья Алексѣевна Енгальчева и какая то Моисеева. Отъ нихъ не отставало и духовенство: въ шайкѣ княгини Енгальчевой были попъ Семенъ Акимовъ и дьячокъ Силантій Семеновъ. Въ шацкихъ лѣсахъ разбойничалъ дьячокъ Ѳедоръ Поповъ, и въ его шайкѣ были попъ Степанъ и дьяконъ Иванъ, оба съ своими дѣтьми церковниками. Протопопъ казанскій грабилъ мордву. „Даже цѣлыя монастыри выходили на разбой и грабили крестьянъ“; въ примѣръ приводится „Саровской пустыни строитель Ефремъ съ братіей“... Общая картина состоянія „Тамбовской земли“, набросанная г. Терпигоревымъ съ подлинныхъ документовъ, получила ужасающая. Такія достовѣрныя картины быта представляютъ собою чрезвычайно важное дополненіе къ повзвой исторіи,—не для ученыхъ, разумеется, а для большинства читателей. Къ тому же, рассказы г. Терпигорева написаны очень живо и многими прочтутся съ увлеченіемъ.

Люди темные. Очерки и картинки изъ народнаго быта. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. Въ коротенькомъ предисловіи къ книжкѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ, что народный бытъ ему „немножко“ знакомъ. Изъ напечатанныхъ же въ книжкѣ рассказовъ видно, что бытъ этотъ хорошо знакомъ г. Захарьину (Якунину), только авторъ почему-то передаетъ изъ него преимущественно мрачныя „картинки“. Положимъ, и въ дѣйствительности жизнь „темныхъ людей“ деревни не изобилуетъ радостями и наслажденіями; но и не такъ же она переполнена на самомъ дѣлѣ убійствами и самоубійствами, какъ это можетъ показаться изъ очерковъ г. Захарьина челоуку, незнающему съ бытомъ крестьянъ. По впечатлѣнію, остающемуся отъ книжки, можно думать, что авторъ, хорошо зная вышнюю сторону быта, бралъ сюжеты для своихъ рассказовъ не изъ настоящей жизни, имъ видѣнной, а изъ мѣстныхъ газетъ, сообщающихъ разные прискорбные казусы уголовного характера. Очеркъ *Капканъ* построенъ на томъ, что въ деревнѣ оказалось „мертвое тѣло“. Въ очеркѣ *Оюнекъ* дѣло идетъ опять о „мертвомъ тѣлѣ“ и о крестьянѣ, убиившей новорожденное дитя свое и потомъ повѣсившейся въ лѣсу. *Василиса—сладкій медъ* „извела“ отравой мужа и повѣсилась въ сараѣ. *Дядя Гаврилычъ* повѣсился въ арестантской волостнаго правленія. *Дятубійца* утопила въ проруби пятилѣтнюю свою дочь и умерла въ тюремной

больницѣ. Въ очеркѣ *Солдатское сердце* рассказывается объ ужасномъ насилии, обошедшемъ безъ убійства и самоубійства, лишь благодаря незлобности солдата. Это, впрочемъ, лучший изъ рассказовъ г. Захарьина. Три очерка изъ городской жизни: *Похороны*, *Дѣт швеи* и *Ревкомница* означиваются тоже весьма мрачно. Только одинъ рассказъ изъ десяти, *Деревенскій знахарь*, не производитъ угнетающаго впечатлѣнія. Всѣ эти очерки и картинки написаны литературно и живо, по большей части — правдиво, и проникнуты добрымъ чувствомъ любви къ „людямъ темнымъ“. Они помѣщались въ газетныхъ фельетонахъ, и, несомнѣнно, каждый изъ нихъ, прочтенный тогда отдѣльно отъ другихъ, могъ быть названъ интересною, хорошо схваченною „картинкою народнаго быта“. Собранные же вмѣстѣ въ одну книжку и прочитываемые сразу, они дѣйствуютъ на читателя удручающимъ образомъ и въ совокупности своей даютъ невѣрное представление о жизни „людей темныхъ“, деревенскихъ, среди которыхъ убійства и самоубійства случаются далеко не такъ часто, какъ это можетъ показаться, на основаніи рассказовъ г. Захарьина, постоянному городскому жителю. Авторы мелкихъ повѣстей сдѣлали бы хорошо, если бы, при выпускѣ отдѣльными изданіями такихъ сборниковъ, обращали вниманіе на подборъ своихъ рассказовъ и принимали бы въ соображеніе то общее впечатлѣніе, которое вынесетъ читатель изъ цѣлаго ряда предлагаемыхъ ему „картинковъ“.

Сторожиха и др. рассказы. А. Б. Гремина. Спб., 1891 г. Ц. 40 к. Г. Греминъ издалъ отдѣльною брошюрой четыре рассказа: *Сторожиха*, *Фанатикъ любви*, *Элея въ прозѣ* и *Печать времени*, и этого совершенно достаточно для того, чтобы авторъ могъ сказать себѣ: „довольно, довольно“. Если же онъ не догадается этого сдѣлать, то мы считаемъ себя вправѣ сказать ему: „мерсі, мерсі, больше не надо“. Вотъ образцы обличительнаго остроумія автора, — на второй страницѣ мы читаемъ: „Въ вагонѣ того же класса, тяжело дыша, какъ будто не паровозъ везъ его, а онъ — паровозъ, спитъ модное свѣтло сточичной адвокатуры; вспотѣвшій, жирный, щетинистый, онъ напоминаетъ собою разваренную свинью“... На страницѣ четвертой говорится про молодого человѣка, „нѣкогда уволеннаго изъ четвертаго класса гимназіи за неумѣніе отличить букву *ъ* отъ *е* и потому называющаго себя нынѣ литераторомъ“... „Блѣдный, рыжеватый, неказистый, маленькаго роста, золотушный, онъ досталъ даровой билетъ *на проездъ черезъ* знакомую акушерку, единственную слушательницу его обвиненій графа Толстаго въ „неумѣніи оперировать примитивными принципами логическаго мышленія“, *сестру* служащей въ правленіи одной изъ желѣзныхъ дорогъ Любопытнo бы знать, изъ какаго класса и какаго учебнаго заведенія вынесъ г. Греминъ такую удивительную конструкцію рѣчей. Самый анекдотъ про „сторожику“ не представляетъ ни малѣйшаго интереса; эта сторожиха обличается въ томъ, что сжигала свои юбки и тѣмъ останавливала пассажирскіе поѣзда передъ кучей шпалъ, наваленныхъ на рельсы, и такимъ способомъ спасала поѣзда отъ крушеній. За это благодарные пассажиры давали сторожихѣ деньги, не подозрѣвая, что шпалы положены ею и ея мужемъ съ цѣлью всѣхъ увѣрить, будто поѣзду грозило крушеніе и путешественники спасены отъ неминуемой гибели находчивостью ея, сторожики. *Фанатикъ любви*, по фамилии Мытчикъ, очень любилъ свою мамашу и не очень любилъ своего папашу. Замечтался *фанатикъ*, и ему начали представляться картины прошлаго: „Комната въ домѣ отца, посерединѣ столъ... гробъ... отецъ въ послѣднемъ... Слова

m-ле Alice, дуэль, пуля"... Кто-то спросил *фанатика*: „О чемъ вы мечтаете?“— „Такъ, ни о чемъ,—отвѣтилъ, вставая, *послѣдній*“. „Онъ поклонялся красотѣ женщины, не соображаясь съ *соціальнымъ* положеніемъ *послѣдней*“... Горячо любимая маменька *фанатика* умерла. Прошло нѣсколько времени, и собрался онъ застрѣлиться, приставилъ револьверъ къ виску и „спустилъ курокъ въ моментъ, когда чья-то сильная рука отдернула дуло револьвера къ двери, въ верхнюю часть которой впиалась пуля. Въ трехъ шагахъ отъ письменнаго стола стояла мать Мытича. Нѣсколько секундъ *послѣдній* какъ-то дико смотрѣлъ ей въ лицо“... Послѣдняя, т. е. покойница, въ обстоятельной рѣчи объяснила предпослѣднему, т. е. *фанатику*, что стрѣляться нехорошо, и „обратилась въ легкую дымку“, а потомъ и совсѣмъ исчезла. Съ Мытичемъ слѣлался нервный припадокъ, и *фанатикъ* началъ хохотать и кататься по полу. Пока онъ это продѣлывалъ, успѣло взойти солнце, и вотъ какъ картинно рассказываетъ объ этомъ г. Греминъ: „Лучъ солнца ранней весны, робко выглядывая изъ-за занавѣски, какъ беззаботный малюга, игралъ на золотомъ шитѣ мундира, какъ бы испуганный скользя по лицамъ предковъ, освѣтилъ карнизъ портрета матери, мелькнулъ по блестящему подсвѣчнику и, нигдѣ не найдя себѣ мѣста, скрылся изъ комнаты, когда въ *послѣднюю* входилъ привезенный перепуганнымъ лакеемъ врачъ“. Г. Греминъ думаетъ, вѣроятно, что необыкновенно хорошо расписываетъ про солнце, и любитъ про него расписывать. Вся *Элеия въ прозѣ* состоитъ изъ описанія весеннихъ и осеннихъ лучей. Вотъ какъ повѣствуетъ г. Греминъ про октябрьское солнце: „Солнце застѣнчиво и постоянно освѣщало облюбванную, усыпанную желтыми листьями, дорожку сада, какъ бы чужую, отошедшую въ вѣчность силу, оно удерживалось отъ борьбы съ сыростью наступающей осени; нехотя заглянуло въ штофную гостиную и, вѣчно недовольное, какъ старикъ, унесло свои разорванные лучи, медленно скользя одноимъ изъ нихъ про спинѣ Барбоса, какъ бы съ злобой, *пмонуло* въ лицо садовника“... потомъ „*попыло* по двору... обиднымъ невниманіемъ наградило кусты жасмина... игриво *зашамло* на металлическомъ вѣнкѣ сестры“... потомъ, „пугливо присмирѣвъ, сократилось“... Вотъ оно каково осеннее солнце, и „чуется“, и „удерживается“, и „скользить“, и „плавать“, и „плюетъ въ лицо“, и доходить, наконецъ, до того, что отъ всѣхъ этихъ штукъ само „зашалѣло“... Merci, merci, довольно съ насъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Происхождение идеи времени“. Гюйо.—„Мысли о воспитаніи“. Джона Локка.—„Die Pädagogische Pathologie oder die Lehre von den Fehlern der Kinder, von Strümpell.

Происхождение идеи времени. Гюйо. Переводъ съ французскаго. Смоленскъ, 1891 г. Талантливый французскій философъ, извѣстный и русской публикѣ своими сочиненіями по этикѣ и эстетикѣ, оставилъ послѣ своей смерти психологическое изслѣдованіе о времени, которое на французскомъ языкѣ было издано съ предисловіемъ Фулье, проводившимъ параллель между теоріей Канта и Гюйо. Гюйо не согласенъ съ Кантомъ въ томъ, что время есть апіорное условіе сознанія; по его мнѣнію, время есть не условіе, а простой продуктъ сознанія; время не входитъ въ природу сознанія, но является его результатомъ. Гюйо не согласенъ также и со Спенсеромъ. Спенсеръ помощью времени желаетъ построить пространство; въ противоположность этому Гюйо ут-

верждаетъ, что мы лишь помощью пространства можемъ себѣ представить время. Ближе онъ такъ опредѣляетъ генезисъ времени. Идея времени, также какъ и идея пространства, эмпирически есть результатъ приспособленій нашей дѣятельности и нашихъ желаній къ одной и той же средѣ. Желаніе заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ идею возможности, а эта идея, противуполагаясь идеѣ дѣйствительности, становится „предъидущимъ“, т.-е. чѣмъ-то идеальнымъ и воображаемымъ, предшествующимъ живому проявленію реальнаго. Первоначально будущее—это должствующее быть, это то, чего я не имѣю и чего я хочу или что мнѣ нужно, это то, что я стремлюсь произвести. Тогда какъ настоящее сводится къ дѣятельности сознательной и концентрирующей около самой себя, будущее сводится къ дѣятельности, стремящейся къ другимъ предметамъ, отыскивая то, чего ему недостаетъ. Время закрылось бы для существа, которое ничего не желало бы и ни къ чему не стремилось бы.

Это выведение идеи времени изъ *желанія*, изъ нашей активности есть самый оригинальный пунктъ въ сочиненіи Гюйо. Въ главѣ четвертой онъ касается вопроса о памяти. Весьма оригинально приводитъ сравненіе памяти съ фонографомъ. Душа есть тетрадь фонографическихъ листовъ (Дельбёфъ). Затѣмъ подробно обосновываетъ то положеніе, что представленіе времени имѣетъ форму пространственную. Говоря объ иллюзіяхъ времени, онъ замѣчаетъ, что длину протекшаго времени мы опредѣляемъ рядомъ вставляемыхъ въ него воспоминаній. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ многоисленнѣе, интензивнѣе и отчетливѣе наши воспоминанія, вставляемые между двумя конечными пунктами извѣстнаго промежутка времени, тѣмъ промежутковъ этотъ будетъ казаться намъ больше. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ тому выводу, что его теорія несогласна съ ученіемъ Канта объ апіорности времени. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ замѣтить, что эта прекрасная, блестяще написанная книжка касается только одной стороны проблемы времени. И точнѣе было бы, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы называть свою книжку *генезисъ идеи времени*, назвалъ ее *генезисъ способности локализации во времени*.

Мысли о воспитаніи. Джона Локка. Спб., 1890 г. Переводъ знаменитаго сочиненія Локка сдѣланъ такимъ опытнымъ литераторомъ, какъ П. И. Вейнбергъ. Этому англійскому мыслителю у насъ посчастливилось, относительно говоря: въ первый разъ его трактатъ о воспитаніи былъ переведенъ у насъ въ 1760 году, въ Москвѣ, въ 1780 году этотъ переводъ былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ (профессоръ Поповскій переводилъ Локка съ французскаго перевода). Съ англійскаго *Мысли о воспитаніи* переведены были въ журналѣ *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* въ теченіе 1857 и 1858 годовъ, но этотъ переводъ былъ въ значительной степени передачею сочиненія Локка и, кромѣ того, онъ не появился отдѣльною книгой. Переводъ г. Вейнберга составляетъ приложеніе къ журналу *Русская Школа* и является какъ нельзя болѣе кстати въ наши дни, когда такъ оживилось вниманіе общества къ педагогическимъ вопросамъ. Многія изъ мыслей, высказанныхъ великимъ англійскимъ философомъ, не потеряли своей поучительности до настоящаго времени. На пробѣлы и нѣкоторую односторонность разсужденія Локка давно уже указывалось въ педагогической литературѣ. Съ необыкновенною пронизательностью Локкъ указалъ на важность воспитанія въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Высшая цѣль воспитанія для Локка заключается въ томъ, чтобы здоровая душа была заключена въ здо-

ровомъ тѣлѣ. Локкъ имѣеть въ виду воспитаніе аристократическихъ дѣтей и не чуждъ нѣкоторыхъ предрасудковъ времени. Такъ, онъ допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесное наказаніе, чѣмъ справедливо возмущается извѣстный педагогъ Шмидтъ. Англійскій мыслитель XVII вѣка вооружался противъ преобладающаго мѣста, отведеннаго классическимъ языкамъ, и противъ чрезмѣрнаго обученія грамматикѣ.

Die Pädagogische Pathologie oder die Lehre von den Fählern der Kinder, von Strümpell. Leipzig, 1890. Престарѣлый профессоръ Лейпцигскаго университета, педагогъ гербартіанской школы, извѣстный своею *Педагогическою психологіей*, въ указанной книгѣ выдвигаетъ (по нашему мнѣнію, вполне своевременно) совершенно новый вопросъ о теоріи и практикѣ воспитанія, вопросъ о необходимости педагогической патологии или ученія о недостаткахъ дѣтей. Дѣло идетъ о патологии не въ обычномъ смыслѣ этого слова, т.-е. не о болѣзненныхъ проявленіяхъ въ области физической, а о ненормальныхъ явленіяхъ въ области чисто-моральной, разумѣется, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ нарушеній физической организаціи.

До сихъ поръ теорія воспитанія поступала такимъ образомъ: она поставляла опредѣленные идеалы, указывала на тѣ или другіе общіе практическіе приемы, при помощи которыхъ она считала возможнымъ приблизиться къ осуществленію этихъ идеаловъ. Но дѣйствительность выдвигаетъ трудности, которыя дѣлають сомнительною самую теорію воспитанія. Въ дѣйствительности, вѣдь, воспитаніе и обученіе имѣють дѣло съ единичными индивидуально различными дѣтьми, и между этими натуральными и тѣми идеальными цѣлями, къ которымъ стремятся обученіе и воспитаніе, часто лежитъ огромная пропасть. Эта пропасть именно и создается недостатками и связанными съ ними трудностями и препятствіями, которыя каждый ребенокъ противопоставляетъ положительнымъ стремленіямъ воспитанія и обученія. Отсюда ясно, что теорія воспитанія должна измѣниться въ своихъ основаніяхъ для того, чтобы цѣли ея могли быть легче достигнуты. А это возможно только тогда, если будутъ подвергнуты изслѣдованіямъ и наблюденіямъ и тѣ недостатки, которые препятствуютъ достиженію идеаловъ воспитанія.

Свѣдѣніямъ, полученнымъ такимъ образомъ, нужно придать научную форму и въ качествѣ составной части ввести въ систему педагогики для всеобщаго употребленія. Психологическая литература показываетъ, что этой задачѣ удѣлялось очень мало мѣста сравнительно съ другими вопросами теоріи воспитанія. Ученіе о недостаткахъ дѣтей и ихъ предупрежденіи и исправленіи до сихъ поръ не было разрабатываемо научно, такъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ воспитанію и обученію. Вотъ причина, заставившая почтеннаго автора обнародовать это сочиненіе. Онъ держится того мнѣнія, что ученіе о недостаткахъ дѣтей или педагогическая патологія, а также равнымъ образомъ ученіе объ исправленіи недостатковъ или педагогическая терапія не могутъ быть уже долѣе пренебрегаемы. Разработка этихъ двухъ частей не только способствовала бы развитію самой науки воспитанія, но, можетъ быть, педагогика стала бы пользоваться гораздо болѣшимъ вниманіемъ со стороны родителей и воспитателей, чѣмъ это было до сихъ поръ. Сдѣдовательно, выдѣленіе этой особенной отрасли педагогики должно быть сдѣлано не только въ силу принципа раздѣленія труда въ научной области, но и въ виду чисто-практическихъ соображеній, и въ этомъ отношеніи, намъ кажется, мнѣніе автора глубоко вѣрно.

Въ первой главѣ своей книги авторъ, трагтуя о понятіи и зада-

чахъ *Педагогической патологии*, указываетъ на ея различіе отъ патологии въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ слѣдующей весьма любопытной главѣ онъ даетъ алфавитный перечень недостатковъ дѣтей; перечень этотъ занимаетъ у него 55 страницъ; онъ составленъ частью на основаніи личныхъ наблюденій и опыта автора, частью заимствованъ изъ психологической литературы, частью сообщенъ ему различными воспитателями. Затѣмъ онъ говоритъ объ аналогіяхъ и различіи между медицинскою и педагогическою патологіей; объ аналогіи и различіи между медицинскою и педагогическою терапіей; о психическомъ механизмѣ въ его взаимодействіи съ тѣломъ; о признакахъ душевной нормальности ребенка, о классификаціи ошибокъ, о недостаткахъ въ области языка. Въ книгѣ Штрюмпеля для русскаго читателя можетъ встрѣтиться слѣдующее затрудненіе: она построена на гербартовской психологіи, нынѣ не пользующейся у насъ популярностью, а затѣмъ надо думать, что разработка тѣхъ же вопросовъ на почвѣ русской жизни могла бы вызвать нѣкоторыя детали, совершенно отсутствующія въ нѣмецкой.

Во всякомъ случаѣ, было бы весьма желательно, чтобы эта прекрасная мысль нашла себѣ поддержку въ нашей педагогической литературѣ.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФІИ.

„Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“. В. Васильевскаго. — „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ“. М. Писемна. — „Историко-статистическій указатель города Пскова“. И. И. Васильева. — „Историческій очеркъ города Вязьмы съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. (выключительно)“. И. П. Виноградова. — „Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула“. Г. Н. Ге. — „Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ“. О. И. Уманца. — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова. — „Жизнь Тимура“. Лангл.

Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. В. Васильевскаго. Выпускъ I. Спб., 1890 г. Несмотря на довольно большое количество отдѣльных, часто весьма цѣнныхъ трудовъ, византійская исторія до сихъ поръ остается крайне неразработанною по многимъ и разнообразнымъ причинамъ, которыхъ мы здѣсь не будемъ касаться. Но, несомнѣнно, однимъ изъ препятствій къ византійскимъ занятіямъ является почти полное отсутствіе пособій, которыя помогли бы начинающему ориентироваться въ предметѣ: нѣтъ, насколько намъ извѣстно, обстоятельнаго обзора источниковъ византійской исторіи, не существовало до послѣдняго времени и обзора литературы предмета. Весьма цѣннымъ пополненіемъ этого существеннаго пробѣла не только въ нашей, но и въ западно-европейской исторической литературѣ явится, судя по вышедшей части *), новая работа знаменитаго византиниста.

Вышедшій выпускъ посвященъ обзорѣнью „изданія источниковъ“ съ эпохи Возрожденія (собственно съ начала XVI в.) и до конца XVIII вѣка. Во второмъ выпускѣ авторъ обѣщаетъ „окончаніе главнаго отдѣла и затѣмъ характеристику новѣйшихъ и болѣе общихъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи, а также перечисленіе русскихъ частныхъ

*) Статьи, вышедшія, съ нѣкоторыми дополненіями, въ составъ этой части, были помещены первоначально въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1887—1889 гг. и произошли, по словамъ автора, изъ его университетскихъ лекцій, представлявшихъ вступленіе въ одинъ изъ спеціальныхъ курсовъ по византійской исторіи (см. *Предисловіе*).

ислѣдованій въ этой области“. Хотя, такимъ образомъ, второй выпускъ представить болѣе ближайшій интересъ для начинающихъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, дать вполне компетентную оцѣнку тѣхъ работъ, къ которымъ всего больше приходится обращаться молодымъ византинистамъ, однако, и первый представляетъ для нихъ такія цѣнныя свойства, что его можно, по нашему мнѣнiю, смѣло рекомендовать какъ необходимое пособiе, какъ первую книгу, съ которой слѣдуетъ познаться человѣку, собирающемуся посвятить себя византийскимъ занятiямъ.

Нечего говорить о томъ, что самая „исторiя трудовъ по изданiю и непосредственному объясненiю источниковъ“ представлена въ книгѣ съ тою полнотою и обстоятельностью, которая возможна лишь при громадной эрудици автора и едва ли доступны многимъ изъ современныхъ византинистовъ. Но, занимаясь по преимуществу вопросомъ о томъ, какъ издавались источники, уважаемый профессоръ останавливается съ большимъ вниманiемъ и на томъ, кто издавалъ и что издавалось. Поэтому, начавъ съ изложенiя того, какъ собирались въ Европѣ греческiя рукописи со времени паденiя Константинополя, какъ шло спорадически изданiе византийцевъ въ XVI и первой половинѣ XVII в., труды Геронима Вольфа, Петавiя, Меурсiя, Алеманна, Аллация и др., и сосредоточивая, затѣмъ, главное свое вниманiе на исторiи изданiя знаменитой парижской коллекци византийцевъ, авторъ даетъ, въ то же время, характеристики печатавшихся источниковъ, излагаетъ контраверсы, касающiяся ихъ происхожденiя и значенiя, съ другой стороны, даетъ обстоятельные, иногда весьма живые очерки выдающихся дѣятелей на поприщѣ византийской исторiи въ XVII и XVIII в. Такъ, напримѣръ, на стр. 41—46 дается обстоятельное изложенiе контраверса относительно Авѣхдота Прокопiя, сочиненiя, имѣющаго большое значенiе для исторiи Юстинiана, изложенiе доводится до новѣйшаго времени, до Дала и Ранке. Не менѣе обстоятельно разобранъ (стр. 195—211) по поводу перваго изданiя хронографiи Иоанна Малалы вопросъ объ авторѣ и времени написанiя этого источника, столь важнаго, между прочимъ, и по своему отношенiю къ славянской литературѣ, причѣмъ исторiя вопроса также доведена до самого послѣдняго времени. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы мимоходомъ, авторъ дѣлаетъ хотя и краткiя, но весьма цѣнныя указанiя на характеръ и значенiе того или иного издававшегося сочиненiя и, такимъ образомъ, касается почти всѣхъ важнѣйшихъ источниковъ византийской исторiи, напечатанныхъ до конца XVIII вѣка. Съ другой стороны, дѣятельность такихъ знаменитыхъ не только въ исторiи византийскихъ занятiй ученыхъ, какъ Дюканжъ, Мабильонъ, Монфоконъ и др., представлена во всей полнотѣ и сопровождается, какъ сказано, весьма интересными очерками личностей названныхъ ученыхъ. Наконецъ, слѣдя за развитiемъ интересующаго его явленiя, авторъ не забываетъ указывать и на то значенiе, какое имѣла та или другая стадiя этого развитiя въ связи съ общимъ научнымъ движенiемъ даннаго времени; такимъ образомъ, „изданiе источниковъ византийской исторiи“ выступаетъ то въ связи съ гуманистическимъ движенiемъ эпохи Возрожденiя, то въ связи съ просвѣщенiемъ времени Людовика XIV и дѣятельностью ученаго кружка Сенъ-Жерменскаго аббатства. Такого рода освѣщенiе не мало оживляетъ работу столь специальную и, если угодно, сухую по темѣ.

Въ общемъ, книга даетъ, такимъ образомъ, гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать по заглавию: помимо обстоятельнаго ознакомленiя съ

тѣмъ, что и какъ издано въ области византологіи, читатель знакомится со многими вопросами, касающимися самихъ источниковъ, и, наконецъ, съ личностями тѣхъ замѣчательныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, которые могутъ служить поучительнымъ примѣромъ для людей, собирающихся подвизаться на мало привлекательномъ на первый взглядъ и далеко не легкомъ поприщѣ византійской исторіи.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на единственный, по нашему мнѣнію, недостатокъ работы — недостатокъ чисто-внѣшняго свойства: при томъ обиліи матеріала, по преимуществу библиографическаго, какой представляетъ книга, и имѣя въ виду, что она, какъ намъ кажется, предназначена не только для чтенія, но и для постоянныхъ справокъ при византійскихъ занятіяхъ, необходимо снабдить ее указателемъ какъ именъ, такъ и упоминаемыхъ въ ней сочиненій; и чѣмъ полнѣе будетъ такой указатель, тѣмъ больше выиграетъ книга въ своемъ значеніи руководства для начинающихъ византинистовъ. Надѣмся, что авторъ восполнитъ этотъ недостатокъ во второмъ выпускѣ, появленіе котораго желательно въ возможно близкомъ будущемъ.

Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ М. Пинегинъ. Спб., 1890 г. Книга составляетъ большой томъ въ 600 страницъ, прекрасно изданный и снабженный 8-ю видами города. Половина книги занята историческимъ очеркомъ города Казани; не представляя самостоятельной работы, этотъ очеркъ добросовѣстно скомпилированъ по существующей литературѣ, хорошо извѣстной автору; мѣстами онъ пользуется и первоисточниками. Лучше и полнѣе всего сдѣланъ очеркъ культурной исторіи, средняго и высшаго образованія въ городѣ Казани. Административная и социальна-экономическая исторія разработана слабѣе, а за XVII в. она и совсѣмъ отсутствуетъ. Остальная половина книги занята „описаніемъ достопримѣчательностей города Казани“ и очеркомъ „современнаго состоянія города Казани“ съ приложеніемъ подробнаго адресъ-календаря. Разработка статистическаго матеріала, относящагося къ населенію и экономическому положенію города, сдѣлана умѣлою рукой и составляетъ наиболѣе самостоятельную часть книги. Въ общемъ книга производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Историко-статистическій указатель города Пскова. Составилъ И. И. Василевъ. Псковъ. Содержаніе книги такое же, какъ и предъидущей: историческій очеркъ, описаніе достопримѣчательностей и статистическій очеркъ современнаго состоянія города. Авторъ также подобралъ очень полно спеціальную литературу по Пскову, но пользовался ею не всегда удачно, что, повидимому, объясняется недостаточною историческою подготовкою. Последнее обстоятельство обнаруживается, наприм., въ такихъ фактахъ, что авторъ относитъ Столбовскій миръ ко времени Алексѣя Михайловича (стр. 26), или считаетъ, что княженіе Василія III началось съ 1510 г., а царствованіе Θεодора Алексѣевича продолжалось до 1688 г. (стр. 173, 180). Въ виду этого, степень надежности сообщенныхъ авторомъ свѣдѣній опредѣляется степенью близости его къ своимъ источникамъ и выборомъ послѣднихъ; поэтому приходится особенно жалѣть, что ссылки авторъ вовсе не дѣлаетъ. При наличности болѣе надежной литературы объ исторіи и древностяхъ Пскова, работа г. Василева можетъ имѣть значеніе развѣ только для любознательныхъ туристовъ и мѣстныхъ жителей. Въ статистическомъ очеркѣ, однако, найдется нѣсколько данныхъ болѣе свѣжаго происхожденія.

Историческій очеркъ города Вязьмы съ древнѣйшихъ временъ

до XVII в. (включительно). Москва, 1890 г. Составилъ И. П. Виноградовъ. Въ книгѣ г. Виноградова, преподавателя вяземской гимназіи, мы имѣемъ дѣло съ ученымъ изслѣдованіемъ, притомъ, основнымъ не только на печатной литературѣ, но и на архивныхъ источникахъ, Авторъ воспользовался относящимися къ Вязьмѣ документами Устюжской чети, сохранившимися въ москов. арх. мин. ин. дѣлъ, и писцовымъ матеріаломъ арх. минист. юстиціи, интереснымъ „дѣломъ объ иконѣ Архадія Вяземскаго“ въ рк. Рум. муз. и др. Главнымъ образомъ, на рукописномъ матеріалѣ основана 2-я глава „Историческій очеркъ торговли и промышленности г. Вязьмы“. Первая глава представляетъ критическій сводъ историческихъ данныхъ о городѣ Вязьмѣ. Въ приложеніяхъ находимъ, между прочимъ, дополненія къ родословной кн. Вяземскихъ, перепечатанной изъ Долгорукова, описание границъ Вяземскаго уѣзда 1634 г., выдержки изъ переписанныхъ книгъ 1646 и 1677 гг., наконецъ, списокъ тѣхъ матеріаловъ для исторіи г. Вязьмы (въ „приказныхъ дѣлахъ старыхъ лѣтъ“ моск. арх. мин. ин. дѣлъ), которыми авторъ не успѣлъ воспользоваться. Мы особенно привѣтствуемъ книгу г. Виноградова, какъ признакъ того, что мѣстные изслѣдователи начинаютъ, наконецъ, понимать, какое богатство данныхъ заключаютъ для областной исторіи московскіе архивы. Если бы все то количество труда, которое употреблено мѣстными любителями старины на собираніе скудныхъ крупицъ историческаго матеріала въ провинціи, было обращено на разработку матеріаловъ нашихъ центральныхъ архивовъ, то русская областная исторія, мы увѣрены, была бы давно написана.

Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790 — 1890). Составленъ по порученію Николаевской городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ Г. Н. Ге. Николаевъ, 1890 г. Главный матеріалъ для „очерка“ далъ мѣстный городской архивъ и, сообразно этому, главное вниманіе составителя обращено на послѣднее тридцатилѣтіе городской жизни: губернаторство адмирала Глазенапа и дѣятельность новаго городского самоуправленія, преимущественно въ области городского хозяйства. Общее впечатлѣніе юбилейнаго очерка— это то, что николаевское городское общество издавна живетъ въ мирѣ съ представителями мѣстной администраціи.

Очеркъ развитія религиозно-философской мысли въ исламѣ. С. И. Уманца. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 25 к. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ нѣсколько претенціозно называетъ ее „первымъ на русскомъ языкѣ опытомъ систематической исторіи важнѣйшихъ мусульманскихъ сектъ Востока и Запада“. На самомъ дѣлѣ книга г. Уманца представляетъ собою несомнѣнно удачную компіляцію изъ трудовъ различныхъ западныхъ ориенталистовъ. Недостатокъ общей научной подготовки отражается на всей книгѣ г. Уманца. Причины развитія сектъ выяснены крайне слабо. По автору, онѣ сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что исламъ „своею сухою обрядовою стороною и смутною слабо-развитою догматикою мало давалъ уму и сердцу“ (стр. 1). Движенію способствовало покореніе и обращеніе въ исламъ персовъ, „внесшихъ съ собою въ мусульманскій міръ философскія идеи Заратустры, Будды и греческихъ мыслителей, и давшихъ началу тотъ толчокъ, которому онъ обязанъ своимъ послѣдующимъ развитіемъ и силою“. На этомъ г. Уманецъ и останавливается, не выясняя, въ какомъ состояніи находились народы, принявшіе исламъ передъ его появленіемъ, и какъ

ни его приняли (за исключеніемъ берберовъ и отчасти персовъ). Излагая исторію сектъ, г. Уманецъ, въ большинствѣ случаевъ (гл. I, II, II, IV и VI), обходитъ какъ причины ихъ происхожденія, такъ и условія, при которыхъ онѣ развивались. Болѣе удовлетворительны двѣ послѣднія главы (VII и VIII), относящіяся къ исторіи XVIII и XIX вѣк. и посвященныя реформаторскимъ попыткамъ вагабитовъ въ Аравіи и бабидовъ въ Персіи. Мѣстами г. Уманецъ сжимаетъ свое изложеніе до поразительной краткости. Ученіе буддистовъ, наприм., изложено слѣдующимъ образомъ: „Они утверждали, что Будда былъ посланникомъ Божиимъ, посредникомъ между Творцомъ и Его твореніями, и что нужно заботиться не объ этомъ мірѣ, а о будущемъ“ (стр. 3). Итого — 3 строчки. Исторіи ислама съ XII по XVIII вѣкъ посвящена всего одна страничка (126). А, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы особенно любопытно, чтобы авторъ обстоятельнѣе развилъ свои положенія, „Нужно замѣтить,—говоритъ, наприм., г. Уманецъ,—что исламъ съ своимъ мировоззрѣніемъ не былъ чуждъ персамъ. Напротивъ, между обѣими религіями было много точекъ соприкосновенія. Еще больше общаго исламъ имѣлъ съ сектами, какъ, наприм., манихеями и послѣдователями Маздака“ (стр. 4). Какія точки соприкосновенія авторъ отыскалъ между дуалистическимъ парсизмомъ и исламомъ и что было общаго между ученіемъ Магомета и ученіемъ Мани или Маздака, для читателя остается загадкой.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о правописаніи собственныхъ именъ. Авторъ держится ново-арабскаго произношенія и пишетъ: „Куранъ“, „курайшиты“, „Мухаммедъ“ и т. д., но не вездѣ его выдерживаетъ. Мы не видимъ особенной надобности отступать отъ произношенія обычнаго: для арабистовъ такая транскрипція излишня, для обыкновеннаго читателя — и затруднительна, и сбивчива.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека Ф. Павленкова. Спб., 1891 г. (Ч. Дарвинъ, Ж. Кювье, А. Гумбольдтъ, К. Линней, Галилей). Не такъ давно мы имѣли уже случай высказаться объ общемъ характерѣ и значеніи „Биографической бібліотеки“, издаваемой г. Павленковымъ. Очерки жизни и научной дѣятельности Дарвина, Кювье, Гумбольдта, Линнея и Галилея въ общемъ читаются съ такимъ же интересомъ, какъ и разобранные нами ранѣе. Наиболѣе тщательно и дѣловито обработанъ очеркъ жизни К. Линнея. Авторъ этого очерка, г. Фаусекъ, отнесся къ своей задачѣ вполне серьезно и спокойно, благодаря чему, при полной объективности и сдержанности изложенія, личность К. Линнея нисколько не заслоняется личностью самого автора. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же про біографическіе очерки, составленные гг. Энгельгардтомъ и Предтеченскимъ. Первый изъ нихъ, рисуя образы такихъ высоко-интересныхъ и геніальныхъ личностей, какъ Ч. Дарвинъ, Ж. Кювье и А. Гумбольдтъ, сплошь и рядомъ обнаруживаетъ крайнюю неумѣренность въ проявленіи своихъ личныхъ взглядовъ, не всегда правильныхъ, чаще же всего совершенно излишнихъ и нисколько не интересныхъ. Особенно неумѣренъ г. Энгельгардтъ въ своихъ „предисловіяхъ“. Такъ, по его словамъ, не зная ученія Дарвина — значитъ „ничего не звать“. Далѣе онъ увѣряетъ, что Дарвину „удалось рѣшить величайшую проблему біологіи: вопросъ о происхожденіи и развитіи органическаго міра“. Такое скоропалительное увѣреніе заставляетъ думать, что и самъ г. Энгельгардтъ нетвердъ въ ученіи Дарвина, такъ какъ никогда и нигдѣ Дарвинъ не рѣшалъ вопроса о происхожденіи органическаго міра. Въ

предисловія къ очерку жизни Ж. Кювье г. Энгельгардтъ довольно требовательно спрашиваетъ: „Нужно ли повторять, что великіе люди не сваливаются съ неба, а вырастаютъ естественно, подготовленные всею предъидущею эпохой?“ Думаемъ, что повторять этого совершенно не нужно, и охотно вѣримъ, что на будущее время г. Энгельгардтъ и самъ воздержится какъ отъ подобныхъ ненужныхъ повтореній, такъ и отъ различныхъ игривыхъ мыслей, будутъ ли то соображенія о качествахъ, необходимыхъ „для хорошаго практическаго врача“ (Ч. *Дарвинъ*, стр. 8), или неумѣстныя замѣчанія о „французскомъ легкомысліи“ (Ж. *Кювье*, стр. 87). Что же касается г. Предтеченскаго, то въ его біографіи Галилея о самомъ Галилеѣ говорится столько же, сколько и о томъ, что думаетъ г. Предтеченскій по поводу всего случившагося съ Галилеемъ. Думаетъ же онъ хотя и очень много, но, въ то же время, и крайне туманно. Совершенно неудержимымъ г. Предтеченскій дѣлается въ своемъ „заключеніи“. Тутъ рѣчь идетъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о жертвоприношеніяхъ Молоху, о стремленіи человѣчества къ „серединамъ“ и вытекающей отсюда ненависти его ко всему гениальному, о „закупоренныхъ идеяхъ“, которыя, благодаря этому закупориванію, остаются „относительно свѣжими“, хотя и могутъ „прокиснуть“ потомъ, и т. д. Вспомнивъ, наконецъ, о Галилеѣ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что во всей его печальной исторіи „или обѣ стороны правы, или же обѣ виноваты“, хотя на самомъ дѣлѣ это совершенно невѣрно, такъ какъ виновать только одинъ г. Предтеченскій, который наговорилъ безъ всякой нужды съ три короба и въ заключеніе свалилъ все съ большой головы на здоровую.

Жизнь Тимура. Соч. Ланглэ. Переводъ съ французскаго Н. Суворова. Ташкентъ, 1890 г. Чтеніе книжки вызываетъ впечатлѣніе двойственное. Пріятно видѣть присутствіе научныхъ интересовъ и у лицъ, закинутыхъ случаемъ на далекія окраины, а также чистенькое изданіе, отпечатанное въ Ташкентѣ; но жаль, что г. Суворовъ не выбралъ для перевода чего-нибудь посвѣжѣ сочиненія Ланглэ, вышедшаго въ свѣтъ еще въ 1787 г. Въ такомъ случаѣ трудъ переводчика могъ бы принести больше пользы. Затѣмъ, напрасно переведены пассажи, русскому читателю конца XIX в. едва ли нужные; къ чему, наприм., сопоставлять постоянно годы Тимура и Карла VI (ср. особенно стр. 10, прим. 2)? Вопросъ, бралъ ли Тимуръ Москву, рѣшается на основаніи „драгоценной замѣтки“ блаженной памяти Левека (стр. 21, прим. 2). Въ качествѣ авторитета указана *Histoire ottomane* кн. Кантемира. Въ дѣлѣ критики источниковъ авторъ ссылается на *Essai sur les moeurs* Вольтера. Переводчикъ возстаетъ противъ „извѣстной характеристики Тимура“ Грановскаго, настаивая на уваженіи великаго завоевателя къ образованію, но ни г. Суворову, ни Вамбери (въ видѣ его изложенъ въ концѣ книжки) не удалось опровергнуть того факта, что война Тимура нанесла послѣдній ударъ цивилизаціи западной Азіи, уже подорванной чингизидами и еще раньше сельджуками.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Das Gewerbegericht“, von Stieda. — „Die Arbeiterschutzgesetze der europäischen Staaten“, von Braun. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.“.

Das Gewerbegericht, von Stieda. 1890. Профессоръ Штнда посвящаетъ свой трудъ очень важной сторонѣ современной промышленной

жизни. Въ сферѣ производства между нанимателями и работниками возникаютъ весьма часто недоразумѣнія и даже раздоры, которые вызываютъ неудовольствіе многочисленныхъ массъ, стачки, забастовки и нарушаютъ правильное теченіе промышленности. Государство, имѣя въ своемъ распоряженіи судебные органы, не можетъ относиться безучастно къ правонарушеніямъ, которыя совершаются въ сферѣ промышленности. Относительно этого нѣтъ и не можетъ быть спора. Но обнаруживаются разногласія, какъ скоро рѣчь заходитъ объ организаціи, наиболѣе соответствующей поставленной цѣли. Юристы и экономисты, изслѣдовавшіе этотъ вопросъ, обыкновенно отдають предпочтеніе одной изъ формъ, господствующихъ въ Европѣ.

Въ Англіи юрисдикція по всѣмъ дѣламъ гражданскаго характера, возникающимъ въ сферѣ промышленности, принадлежитъ общимъ гражданскимъ судамъ. Актъ 1867 г., который имѣлъ цѣлью создать особые специальные суды для этихъ дѣлъ, остался мертвою буквой. Авторъ не сочувствуетъ англійскимъ порядкамъ. Въ значительныхъ центрахъ съ разнообразными отраслями промышленности такой порядокъ не обезпечиваетъ ни быстроты рѣшенія, ни основательности состоявшагося приговора. Вѣдѣніе этихъ дѣлъ общими судами должно быть во многихъ случаяхъ отождествлено съ отказами въ правосудіи. Глубоко заблуждаются, по мнѣнію автора, тѣ, кто видятъ въ такомъ порядкѣ средство къ уменьшенію числа правонарушеній: не раздоры или правонарушения становятся менѣ частыми, а уменьшается только число тяжбъ, которыя разрѣшаются въ юридическомъ порядкѣ. Вторымъ способомъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ этого рода служитъ завѣдываніе ими со стороны административныхъ учрежденій, какъ то встрѣчается во многихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ промыслово-тяжебныя дѣла поступаютъ, прежде всего, на разсмотрѣніе общинныхъ властей, и только если послѣднія не считаютъ возможнымъ постановить удовлетворительное рѣшеніе, дѣло переходитъ къ промысловому суду. Авторъ высказывается противъ соединенія въ одномъ и томъ же должностномъ лицѣ административныхъ и судебныхъ функцій. Это можно допустить развѣ только въ мѣстностяхъ съ мало развитою промышленностью, гдѣ простота жизни дѣлаетъ, быть можетъ, нецѣлесообразнымъ введеніе особыхъ промысловыхъ судовъ. Наконецъ, третью форму юрисдикціи образуетъ юрисдикція особыхъ судовъ, и, притомъ, такихъ, гдѣ бы судьи принадлежали къ той же общественной группѣ, какъ и тяжущіеся. Преимущество такихъ судовъ состоитъ въ томъ, что они способны весьма часто приводить тяжущіяся стороны къ соглашенію, что они отнимаютъ у тяжущихся немного времени и денегъ; имѣя въ своей средѣ представителей промышленности, такіе суды наиболѣе компетентны въ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, которыя возникаютъ въ сферѣ промышленности. Промысловые суда распадаются на нѣсколько группъ: а) первая можетъ быть названа *цеховою*, такъ какъ каждый такой судъ, предназначенный только для какаго-нибудь одного промысла, состоитъ изъ представителей исключительно этого промысла. Къ судамъ этой группы нужно отнести многія учрежденія въ Германіи, Австро-Венгріи, а равно и тѣ англійскія палаты посредниковъ, которыя разбираютъ тяжбы, проистекающія изъ нарушенія договоровъ о трудѣ; б) *consiels de prud'hommes*—второй видъ. Они возникли въ Лионѣ въ 1806 г., распространились во Франціи, многихъ контонахъ Швейцаріи, Эльзасъ-Лотарингіи и Рейнской Пруссіи. Совѣты основываются по предложенію общинныхъ властей, утверждаются министромъ торговли и состоятъ

изъ работодателей и рабочихъ, избираемыхъ поровну; наконецъ, в) въ третью группу авторъ относитъ германскіе промысловые суды, развившіеся съ 1869 г. Этой группѣ Штида и посвящаетъ наиболѣе подробное обзорѣніе.

Компетенція этихъ судовъ распространяется на всѣ тяжбы между хозяевами и работниками, относящіяся до договора о работѣ по найму: относительно продолженія или превращенія этого договора, относительно обязанностей той и другой стороны, относительно рабочихъ книжекъ. Во главѣ суда стоитъ предсѣдатель, лицо съ юридическимъ образованіемъ; онъ назначается городскимъ или общиннымъ совѣтомъ. Членами состоятъ хозяева и работники, болѣею частью въ равныхъ числахъ; но въ Нюрнбергѣ и Швабахѣ выбирается вдвое болѣе рабочихъ, чѣмъ хозяевъ. Общее число засѣдателей колеблется между 2 (Карлсруэ) и 420 (Берлинъ). Право быть засѣдателемъ связано съ извѣстнымъ возрастомъ, неопороченною честью и т. д. Производство во всѣхъ судахъ, кромѣ Аполды, гласное. Изъ данныхъ, которыя приводитъ авторъ о дѣятельности судовъ, видно, что за 8—10 лѣтъ число тяжбъ, которыя поступили къ нимъ, значительно возросло: въ Бреславлѣ (съ 1881 до 1886 г.) на 49%, Лейпцигѣ (съ 1879 до 1888 г.) на 88%. Жалобы рабочихъ гораздо болѣе многочисленны, нежели жалобы хозяевъ: первые составляютъ отъ 80 до 90% и только въ Аполдѣ не превышаютъ 60%. Въ довольно большомъ числѣ случаевъ тяжущіеся ссылаются на мировую: вообще, въ 20—30% всѣхъ случаевъ; но въ Гамбургѣ и Нюрнбергѣ — въ 50%, а въ Лейпцигѣ — въ 65—77% всѣхъ случаевъ. Для промысловаго суда въ Нюрнбергѣ разсортированы всѣ данныя, показывающія, что 50% жалобъ поступаютъ на досрочное прекращеніе договора о наймѣ, 30% касаются ссоръ по поводу заработной платы и 15% падаютъ на распри, вытекающія изъ неточнаго исполненія договора объ ученичествѣ. Процессъ причиняетъ тяжущимся очень небольшія судебныя издержки: отъ 1,30 до 2,33 марки. Нельзя отрицать, что процессъ отличается достаточною быстротой: въ Штутгартѣ за 1888 г. промысловый судъ принялъ 596 жалобъ и разрѣшилъ 174 (29%) на первый день, 174 (29%) на второй день по принятіи и только 124 (20,1%) уже по истеченіи первой недѣли.

Книга Штиды представляетъ очень серьезный вкладъ въ юридико-экономическую литературу. Мы только не можемъ согласиться съ огульнымъ порицаніемъ англійскихъ критиковъ и припоминаемъ по этому поводу отзывъ Ковальцига (*Ueber Bestrafung des Arbeitsvertragsbruchs*, 1875, 12), что, просмотрѣвъ множество документовъ, кромѣ сословно-судебнаго характера, онъ не нашелъ ни одного дѣла, которое не было бы доступно пониманію каждаго зауряднаго уѣзднаго судьи. Въ случаяхъ же сложныхъ могутъ быть приглашаемы эксперты; ихъ спеціальныя познанія и могутъ пособить тамъ, гдѣ недостаточно одного юридическаго образованія.

Die Arbeiterschutzgesetze der europäischen Staaten, von Braun. Erster Theil. Deutsches Reich. 1890. Во всѣхъ странахъ накапливается изъ года въ годъ такое множество законодательнаго матеріала, что сводныя статьи, подобныя труду Брауна, становятся все болѣе необходимыми. Только такіе своды, объединяя данныя, разсѣяныя въ официальныхъ изданіяхъ отдѣльныхъ государствъ, содѣйствуютъ ознакомленію съ законодательными матеріалами не однихъ специалистовъ, но и просто образованныхъ людей. Эти своды еще болѣе способствуютъ популяризованію поучительнаго, но тяжеловатаго законодательнаго ма-

теріала, если не ограничиваются перепечаткой законовъ, а даютъ историческіе очерки, отмѣчаютъ мотивы по важнѣйшимъ законамъ, указываютъ, хотя бы въ самыхъ крупныхъ чертахъ, вліяніе господствующей научной мысли. Словомъ, наиболѣе удобнымъ намъ представляется такой характеръ сводовъ, когда перепечаткѣ законодательнаго и административнаго матеріала предшествуетъ введеніе, которое облегчаетъ читателю путь къ изученію самаго матеріала. Намъ кажется, что Браунъ въ первомъ выпускѣ своего труда рѣшилъ эту задачу довольно удачно. Такъ какъ его трудъ охватываетъ законодательство о рабочихъ во всѣхъ германскихъ государствахъ, не исключая и самыхъ мелкихъ (Вальдекъ, Любекъ), то авторъ ограничивается историческимъ очеркомъ прусскаго законодательства о рабочихъ, которое имѣло большое вліяніе на всѣ нѣмецкія государства. Для Пруссіи историческій очеркъ начинается съ первыхъ годовъ XVIII вѣка. Характеризуя законодательную дѣятельность прошлаго вѣка, авторъ отмѣчаетъ также вліяніе, которое оказывалъ А. Смитъ на прусскихъ государственныхъ людей и которое было важнѣйшею причиною ослабленія въ Пруссіи цеховой регламентаціи и распространенія различныхъ отраслей промышленности по деревнямъ. Изложивъ указъ 7 сентября 1811 года, нанесшій цехамъ первый сильный ударъ, промышленное уложеніе 17 января 1849 г. и реакціонный, возстановившій цехи, указъ 7 февраля 1849 года, авторъ дѣлаетъ краткія сообщенія по исторіи законодательства о рабочихъ и переходитъ къ сѣверо-германскому промышленному уложенію 8 іюля 1869 года. Первый отдѣлъ книги заканчивается статистическими данными о германской промышленности и изложеніемъ фабрично-школьнаго законодательства, преимущественно въ Пруссіи. Второй отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ законодательство объ охраненіи рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Пруссіи вопросъ объ устраненіи вредныхъ вліяній, которыя оказываютъ на дѣтей, работающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, былъ впервые поднятъ въ 1824 г. Съ конца 20-хъ годовъ рядомъ министерскихъ циркуляровъ предписывалось полицейскимъ властямъ обозрѣвать фабрики и доставлять нужную защиту работающимъ дѣтямъ. А указъ 9 марта 1839 года уже поставилъ работу дѣтей на фабрикахъ въ извѣстные предѣлы; указъ требовалъ, чтобы на работы въ промышленныхъ заведеніяхъ допускались лишь только тѣ дѣти, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ правильно посѣщали школу. Затѣмъ излагается дальнѣйшее развитіе этого законодательства въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ. Третій и послѣдній отдѣлъ содержитъ германское и имперское законодательство отъ 1869 года до настоящаго времени.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ. Томъ XIV. Тамбовъ, 1890 г. Цѣна 2 рубля. Завѣдующій тамбовскою статистикою Н. Н. Романовъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ чловека, около 19 лѣтъ неустанно дѣйствующаго на нелегкомъ поприщѣ земской статистики. Послѣдняя работа г. Романова есть цѣнный сводъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи, земледѣліи и хозяйствѣ; собраніе этихъ свѣдѣній въ Тамбовской губерніи началось еще въ 1880 г. подъ руководствомъ покойнаго В. И. Орлова. Въ предисловіи къ небольшому тексту нѣтъ общаго описанія приемовъ изслѣдованія, но и въ предисловіи, и въ самой книгѣ сдѣланы кое-какія частныя указанія въ этомъ отношеніи, напримѣръ, названы возможныя причины неточностей при пересчетѣ овецъ и свиней. Авторъ едва ли основательно считаетъ (стр. 6) преувеличенными тѣ показанія крестьянъ о среднемъ

урожаѣ, которыя даются въ хорошіе годы. Большая часть своднаго тома наполнена таблицами, которыя составлены въ иной формѣ, чѣмъ таблицы поуѣздныхъ сборниковъ. Въ таблицѣ общихъ данныхъ свѣдѣнія сгруппированы для уѣзда и для губерніи по важному основному признаку—по размѣрамъ надѣла; въ сожалѣнію, въ эту таблицу не включены цифры урожаевъ. Далѣе слѣдуютъ группировки по приросту населенія, по урожаямъ ржи, особыя таблицы о пчеловодствѣ, садоводствѣ, грамотности, промыслахъ и о молодомъ скотѣ. Погрѣшности поуѣздныхъ сборниковъ въ новыхъ таблицахъ исправлены. Предпосланныя таблицамъ текстъ пока подвергаетъ анализу только свѣдѣнія о территоріи и населеніи. Текстъ написанъ съ тою дѣловитостью, которая присуща всѣмъ трудамъ г. Романова. Сдѣлана попытка раздѣлить губернію на 11 мѣстностей и 30 естественныхъ районовъ; при установкѣ этихъ районовъ приняты во вниманіе рѣчные бассейны, почва, лѣсистость, земельная собственность и урожай. Районы и даже мѣстности по своей величинѣ оказались не болѣе равномерными, чѣмъ уѣзды. Свѣдѣнія земской переписи о крестьянскомъ населеніи подвергнуты сличенію съ официальнымъ итогомъ всего сельскаго населенія; получившуюся разницу въ 10% можно отнести на долю некрестьянскаго населенія. Средній размѣръ крестьянскаго поселка въ губерніи—102 двора; средняя величина семьи тоже не мала—6,8 человека. Годичный приростъ населенія 1,33% близокъ къ средне-русскому. Грамотныхъ и учащихся между мужчинами оказалось 8,5%, между женщинами только 0,4%. Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ процентъ грамотныхъ больше, чѣмъ въ многоземельныхъ. Погубернскія таблицы даютъ возможность прослѣдить вліяніе размѣровъ надѣла на самыя разнообразныя стороны хозяйства, и мы увѣрены въ томъ, что „краткій сводъ“ г. Романова надолго останется важнымъ подспорьемъ для всякаго, кто стремится строить свои сужденія о русской крестьянской жизни не à priori, а на матеріалѣ массовыхъ наблюденій.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка“. Вл. Ренненкампа.— „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ моск. архивѣ мин. юстиціи“.

Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Владимира Ренненкампа. Двѣ части работы г. Ренненкампа не находятся между собою, строго говоря, въ тѣсной органической связи. Оцѣнкѣ политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка авторъ предпослалъ историческій очеркъ конституціоннаго устройства и обзоръ основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя. Но роль кн. Бисмарка въ развитіи политическихъ идей нашего времени весьма невелика. Самъ г. Ренненкампъ говоритъ: „Обозрѣвая въ совокупности содержаніе политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка на главныя начала государственнаго порядка, не можемъ не указать, что они страдают не только отсутствіемъ полноты и системы, но и постоянными видоизмѣненіями, непослѣдовательностью и даже противорѣчіями“ (400 стр.). Г. Ренненкампъ, впрочемъ, полагаетъ, что политическая дѣятельность Бисмарка уяснила на дѣлѣ теоретическую слабость однихъ либеральныхъ стремленій, ослабила довѣріе къ исключительному господству индивидуализма, дала фактическія доказательства высокаго значенія государства и государственной власти, которая можетъ оказать

своей странѣ величайшія услуги, если стоитъ на высотѣ народныхъ нуждъ и стремленій и умѣетъ находить средства для ихъ осуществленія". Выдержки изъ рѣчей кн. Бисмарка въ связи съ парламентскою жизнью Германіи представляютъ, конечно, интересъ для русскихъ читателей, но при бѣдности нашей политической литературы гораздо болѣе значенія имѣетъ первая часть г. Ренненкампфа. Мысль самого автора не отличается достаточною опредѣленностью. Его нападенія на конституціонно-представительное правленіе не отличаются достаточною серьезностью. Странно, что г. Ренненкампфъ приводитъ доводы Мена не въ пользу демократическаго правленія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и не упоминаетъ о позднѣйшемъ трудѣ Брайса, гдѣ этотъ вопросъ разобранъ гораздо глубже и многостороннѣе. Не можемъ мы раздѣлять и опасеній автора, вызываемыхъ развитіемъ и торжествомъ демократіи. Г. Ренненкампфъ, впрочемъ, приходитъ къ оптимистическому выводу. Если міръ физическій, говоритъ онъ, управляется не только законами борьбы, но также законами равновѣсія и возмѣщенія силъ, то нельзя допустить, чтобы міръ социальный подчинился лишь борьбѣ за существованіе.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи. Книга седьмая. М., 1890 г. Новый томъ этого изданія, получившаго при нынѣшнемъ директорѣ, Н. А. Поповѣ, характеръ ежегодника, состоитъ, какъ и два предъидущіе, изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ заканчивается обширное предпріятіе, начатое съ 5-го тома,—исторія архива: здѣсь изложена В. В. Шереметевскимъ исторія архива за послѣднія 45 лѣтъ. Къ этому промежуку времени относится самое появленіе архива мин. юстиціи, соединеннаго изъ прежнихъ трехъ сенатскихъ архивовъ; за то же время архивъ трижды перемѣнилъ помѣщеніе, пока не устроился въ своемъ теперешнемъ зданіи, на Дѣвичьемъ полѣ; наконецъ, за тотъ же промежутокъ онъ обогатился рядомъ новыхъ поступленій (особенно литовскою метрикой, дѣлами дореформенныхъ судебныхъ учреждений и старою московскою думою) и описалъ значительную часть своихъ прежнихъ документовъ. Какъ и прежде, наиболѣе интересную для изслѣдователя часть исторіи архива составляетъ исторія поступленія въ него новыхъ группъ документовъ и исторія изученія этихъ документовъ самими чиновниками архива. Послѣ завершения исторіи архива получилась теперь возможность для всякаго изслѣдователя составить себѣ предварительное понятіе о томъ, какихъ документовъ онъ можетъ искать въ архивѣ, какія и насколько надежныя пособія существуютъ въ архивѣ для занятій избраннымъ родомъ документовъ.

Второй отдѣлъ заключаетъ „Обозрѣніе и описи документовъ“. Прямо этому заглавію отвѣчаетъ драгоценная „Опись десятиль XVI и XVII в.“, составленная В. Н. Сторожевымъ, непосредственно продолжающая дѣло, начатое въ I томѣ *Описанія док. и бум.* Н. В. Калачевымъ—описью писцовыхъ, переписныхъ и т. п. книгъ. „Десятиль“ можно опредѣлить какъ оффиціальныи документъ, устанавливающій нормальный размѣръ служилыхъ правъ (извѣстное количество земельного и денежнаго вознагражденія) и обязанностей (обязательный военный инвентарь) провинціального дворянства и служащій основаніемъ для осуществленія этихъ правъ и выполненія этихъ обязанностей. Важное значеніе этого рода документовъ вполне опѣнено и, можетъ быть, даже немного преувеличено въ предисловіи В. Н. Сторожева. Къ той копотливой и тяжелой работѣ, которая продѣлана соста-

вителимъ описи, мы не можемъ не пожелать, однако, дополненій въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ основаніе думать, что въ отдѣлѣ „десятенъ“, выдѣленный въ архивѣ въ особую группу и вполне исчерпанный В. Н. Сторожевымъ въ его описи, вошли далеко не всѣ десятины, скрывающіяся отчасти еще и до сихъ поръ среди другихъ отдѣловъ документовъ Разряднаго приказа. Желательно дальнѣйшее выдѣленіе десятиней изъ этихъ отдѣловъ; желательно затѣмъ было бы произвести сличеніе всѣхъ сохранившихся документовъ этого рода съ описями XVII в. и, главнымъ образомъ, съ Башмаковскою описью 1668 г. Только послѣ такого сличенія мы узнали бы, насколько въ полномъ видѣ дошло до насъ собраніе десятиней, и получили бы возможность окончательнаго вывода о происхожденіи и значеніи этого документа, какъ главнаго способа регистратуры служилаго сословія въ XVI—XVII в. Другое пожеланіе, невольно приходящее въ голову при ознакомленіи съ описью г. Сторожева, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланы были предметомъ особого изученія отношенія „десятины“ къ другимъ родственнымъ ей документамъ отчасти *подготовительнаго* (разрядный, разборный, смотрѣнный списокъ), отчасти *исполнительнаго* характера (раздаточныя книги жалованья).

Другая статья, дающая возможность ориентировки среди архивныхъ документовъ, принадлежитъ Н. Н. Ардашеву: „Книги записныя приговорамъ бывшаго вотчиннаго архива“ (Помѣстнаго приказа) 1670—1727. Независимо отъ этого вспомогательнаго значенія, работа г. Ардашева имѣетъ, впрочемъ, и самостоятельный интересъ, какъ тщательно обработанный этюдъ по исторіи приказнаго дѣлопроизводства и по исторіи перехода его въ дѣлопроизводство коллежское.

Что касается другихъ двухъ, также весьма тщательно составленныхъ работъ—В. В. Нечаева о „Раскольнической конторѣ 1725—1764“ и Н. Я. Токарева о „Молдавскихъ и мунтянскихъ дѣлахъ 1763—1774“, намъ кажется, что имъ мѣсто не въ *Описаніи документовъ и бумагъ* архива юстиціи. Это, конечно, не значитъ, чтобы мы отрицали интересъ этихъ изслѣдованій: напротивъ, работа г. Нечаева имѣетъ большое значеніе для культурнаго историка Россіи, а работа г. Токарева—для историка екатерининскихъ войнъ; но въ обоихъ случаяхъ описаніе документовъ слишкомъ близко подходитъ къ изслѣдованію по документамъ, не становясь, однако, такимъ изслѣдованіемъ въ силу необходимости—сохранить за работой описательный характеръ. Все равно, напишутъ ли сами авторы этихъ статей изслѣдованія по описаннымъ ими документамъ, или эти изслѣдованія придется писать кому-нибудь другому, трудъ описателя долженъ быть повторенъ изслѣдователемъ и въ результатѣ получится двойная работа. Мы полагаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ, когда извѣстная группа документовъ прямо относится къ специальной темѣ, архивистъ спокойно можетъ предоставить разбираться въ этой специальной группѣ документовъ изслѣдователю; намъ почти жаль потраченнаго архивскими чиновниками на такія работы труда и времени, особенно когда вспомнимъ, что цѣлые отдѣлы документовъ первостепенной важности остаются даже въ общихъ чертахъ неизвѣстными ученой публикѣ и тщетно ожидаютъ, когда дойдетъ, наконецъ, до нихъ очередь.

Само собою разумѣется, что эти замѣчанія касаются частныхъ, не измѣняющихъ общаго характера періодическаго изданія архива: въ общемъ, это изданіе вполне удовлетворяетъ своей задачѣ—быть посредникомъ между архивомъ и ученою публикой; несомнѣнно, что, благо-

даря этому посредничеству, знакомство съ богатствами архива съ каждымъ годомъ распространяется и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается приливъ въ него иногороднихъ изслѣдователей,—результатъ, которому не можетъ не порадоваться всякій, кто сочувствуетъ современной тенденціи русской исторической литературы къ преимущественному изученію внутренней и областной исторіи Россіи.

ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Вотяки“. И. И. Смирнова.—„Сборникъ землѣвѣдѣнія“.

Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ И. И. Смирнова. Казань, 1890 г. (Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорск. Казанскомъ университетѣ. Т. VIII, вып. 2). Изслѣдованіе г. Смирнова о вотякахъ отличается такимъ же богатствомъ содержанія и построено по тому же плану, какъ и трудъ того же автора о черемисахъ, о которомъ уже былъ данъ отчетъ въ *Русской Мысли*. Г. Смирновъ не только подбираетъ данныя, сообщенныя прежними изслѣдованіями вотскаго быта, и пополняетъ ихъ на основаніи личныхъ записей и наблюденій, но и дѣлаетъ попытку разобраться въ нихъ, подвести ихъ подъ схему, установленную современными изслѣдователями примитивной культуры, вводитъ, такимъ образомъ, вотскій матеріалъ въ кругъ широкаго сравнительно-этнологическаго изслѣдованія. Такія попытки, конечно, имѣютъ большое значеніе: провѣряя на частномъ, конкретномъ случаѣ прочность общихъ положеній и схемы, онѣ могутъ освѣтить се всѣхъ сторонъ и данный частный случай, если только изслѣдователь крайне осторожно будетъ относиться и къ факту, и къ общему положенію. Недостатокъ такой осторожности и составляетъ, по нашему мнѣнію, крупный недостатокъ изслѣдованія г. Смирнова. Книга г. Смирнова распадается на 7 главъ, въ которыхъ онъ рассматриваетъ исторію вотяковъ, ихъ внѣшній бытъ, развитіе семейной и общественной организаціи, вѣрованія, характеризуетъ духовную природу современныхъ вотяковъ и даетъ прекрасный обзоръ литературы о вотякахъ. Въ приложеніяхъ напечатано нѣсколько вотскихъ сказокъ и списокъ вотскихъ языческихъ именъ.

Въ первой главѣ г. Смирновъ разбираетъ сложный вопросъ о передвиженіяхъ и разселеніи вотяковъ. Анализъ географическихъ именъ привелъ автора къ тому выводу, что „вотяки съ зырянами, пермяками и остатками югры когда-то занимали своими поселеніями западъ Вятской губерніи и смежныя территории Вологодской и Костромской, потомъ постепенно передвинулись на востокъ и юго-востокъ, встрѣтили здѣсь чудское племя и частью поглотили, частью оттѣснили его къ западнымъ границамъ Пермской губ.“ (стр. 9). Въ принципѣ, конечно, нельзя ничего возражать противъ возможности дѣлать подобныя выводы на основаніи анализа географической номенклатуры, но нѣкоторыя изъ частныхъ доказательствъ г. Смирнова вызываютъ въ читателѣ сомнѣнія: трудно, на примѣръ, видѣть, какъ этого хочетъ авторъ, отзвуки имени Чуди въ такихъ названіяхъ, какъ: *чуза, чучена, чуци, чузинцы* (стр. 6). Такую же неосторожность видимъ мы и въ попыткѣ возстановить первоначальную культуру народовъ пермской группы по даннымъ языка, и въ характеристикѣ вотскихъ вѣрованій и обычаевъ на основаніи современнаго вотскаго народнаго эпоса. Намъ кажется, что первая попытка имѣла бы *нѣкоторую* долю убѣдительности только

послѣ тщательнаго историческаго анализа пермскихъ языковъ, для котораго пока еще очень мало матеріаловъ. Механическое сличеніе отдѣльныхъ словъ по словарямъ врядъ ли можетъ дать теперь какіе-нибудь устойчивые выводы: чѣмъ поручится г. Смирновъ, что общность нѣкоторыхъ словъ, надъ которыми онъ оперируетъ, не явилась слѣдствіемъ болѣе поздняго и однороднаго воздѣйствія извнѣ, заимствованія,—что за теперешними разными словами для выраженія одного и того же понятія не было раньше сходныхъ, вымершихъ къ настоящему времени словъ? Насколько опасенъ такой приемъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что г. Смирнову пришлось приписать пермской группѣ, на основаніи данныхъ языка, въ одно и то же время, и крайнюю первобытность половой организаціи (раздѣленіе на половыя группы по возрастамъ и „гетеризмъ“, какъ неудачно выражается авторъ), исключаящую понятія семьи и брака,—и „способъ приобрѣтенія невѣсты“ на основаніи соглашенія и, „можетъ быть, на основѣ платежа“ (стр. 25—6),—явленіе сравнительно позднее. Такимъ образомъ, мы попадаемъ въ неисходный кругъ противорѣчій: если бы пермская группа пережила стадіи эволюціи междуполовыхъ отношеній отъ коммунальнаго брака и архаическаго расчлененія общества на группы по возрасту до форменнаго брака, который можно отнести къ концу эпохи матриархата или, вѣрнѣе, къ началу патриархата,—языки этой группы содержали бы въ себѣ сходныя, болѣе тонкія обозначенія родства; но этого нѣтъ и г. Смирновъ оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи. Еще болѣе опасенъ второй приемъ. Г. Смирновъ считаетъ возможнымъ характеризовать возрѣнія вотяковъ на основаніи безусловно „бродячихъ сказаній“: наприм., онъ характеризуетъ возрѣнія вотяковъ на Шуда (стр. 196) на основаніи очень распространенной сказки о долѣ, заимствованной вотяками отъ ихъ сосѣдей русскихъ, судя по такимъ подробностямъ, какъ „александринская рубаха“ и „плисовые штаны“. Ходячее оправданіе въ такомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что разъ сказаніе было заимствовано, оно, значить, нашло себѣ почву среди даннаго народа. Не думаемъ, чтобы г. Смирновъ прибѣгъ къ такому оправданію: онъ слишкомъ хорошій этнологъ, чтобы не знать, что часто сказанія заимствуются только вслѣдствіе одной ихъ занимательности. Такіе промахи мы объясняемъ ученымъ увлеченіемъ, которое не хочетъ дожидаться результатовъ кропотливой работы изслѣдователей сравнительно-историческаго метода во всеобщей исторіи литературы и спѣшитъ ввести еще неразработанный народно-поэтическій матеріалъ въ кругъ изученія культурныхъ фактовъ. Кромѣ этихъ общихъ возраженій, мы могли бы возразить г. Смирнову противъ многихъ частныхъ: напримѣръ, „матернитеть, т.-е. счетъ родства по матери“ (стр. 134), „страхъ передъ умершимъ... привить позднѣйшими возрѣніями на покойника“ (стр. 179), „древніе богатыри и дали, конечно, первую идею о могуществѣ предковъ“ (стр. 190), уничтоженіе человѣческихъ жертвоприношеній и каннибализма, попрежнему, считается слѣдствіемъ алтруизма (стр. 256) и пр. Такія фразы указываютъ на спѣшность работы и недостатокъ очень важной для изслѣдователя осторожности въ выраженіяхъ. За вычетомъ всего этого, трудъ г. Смирнова является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу по инородцамъ и не лишенъ и общаго историко-культурнаго интереса.

Сборникъ землевѣдѣнія. Вып. I. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 20 к. Какъ большинство другихъ сборниковъ, *Сборникъ землевѣдѣнія* отличается необыкновенною пестротой содержанія. Его составитель и издатель, А. Д.

Замыщій, повидимому, не руководствовался никакою опредѣленною идеей, помѣщая въ немъ рядомъ съ *Мыслями о задачахъ и предлoгахъ землевѣдѣнія* статью Камень Д'Алмейды *О высотѣ горъ и стѣпныхъ линіяхъ*. Ничѣмъ не связаны между собою и остальные статьи этого сборника: *Поверхность Россійской имперіи* (по Стрѣльбицкому), *Уровень европейскихъ морей и объединеніе высотъ К. Даллемана*, *Подмываніе береговъ* (изъ геологіи Иностранцева), *Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей*, *Парижскій международный географическій конгрессъ* и, наконецъ, *Указатель книгъ и статей географическаго содержанія за 1888 годъ*. Помимо этого *Указателя*, имѣющаго нѣкоторое значеніе при справкахъ по географической литературѣ, одна только первая статья, подписанная инициалами А. З., представляетъ интересъ не столько, впрочемъ, по новизнѣ или оригинальности взглядовъ ея автора, сколько по важности обсуждаемаго въ ней вопроса. „Географія,—замѣчаетъ авторъ,—какъ отдѣльная отрасль знанія, существуетъ уже столѣтія и, тѣмъ не менѣе, среди ученыхъ нѣтъ согласія ни относительно предметовъ ея вѣдѣнія, ни относительно границъ, отдѣляющихъ эту отрасль знаній отъ другихъ смежныхъ отраслей, ни относительно того, какими научными приемами слѣдуетъ ей пользоваться“. Въ виду такого положенія дѣла, авторъ и пытается установить задачи и предѣлы географіи, опредѣляя ее какъ науку описательную, которая изслѣдуетъ естественные предметы и явленія не по ихъ причинности, а только въ ихъ совмѣстности. Основную же задачу географіи, по ихъ мнѣнію, составляетъ „связное описаніе въ естественно-историческомъ отношеніи современнаго вида земной поверхности“ со всѣмъ сущимъ на ней. Понятно, что и эта попытка упорядочить положеніе географіи, какъ самостоятельной науки, не приведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, такъ какъ географія, распавшись путемъ дифференцірованія на цѣлый рядъ специальныхъ наукъ, давно уже потеряла свою самостоятельность и только по недоразумѣнію считается за особую науку. Остальные статьи *Сборника землевѣдѣнія* мало интересны. Будемъ надѣяться, что слѣдующіе выпуски его будутъ составлены съ болѣе осмотрительнымъ подборомъ статей какъ относительно интереса ихъ содержанія, такъ и относительно ихъ общей связи. Желательно также, чтобы и цѣна на нихъ была назначена болѣе скромная, если только объемъ ихъ не будетъ увеличенъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки“. К. Дмитріева. — „Значеніе почвенно-геологическихъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства“. А. Н. Энгельгардта. — „Изслѣдованіе зерноваго хлѣба и муки со спорышей“. В. Д. Орлова. — „Стельная корова, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи“. Г. И. Гурина.

Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки. К. Дмитріева. Москва, 1890 г. Цѣна 8 коп. Это одинъ изъ выпусковъ цѣлой серіи брошюръ, носящихъ общее заглавіе *Крестьянское и мелкое земледѣльческое хозяйство*, изданныхъ книжнымъ магазиномъ г-жи Тихомировой. Авторъ не закрываетъ глазъ на достоинство сохи, прилагаетъ механиковъ занятые улучшеніемъ русской сохи, но, въ то же время, признаетъ и современныя права плуга на распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Глубокую обработку при культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ г. Дмитріевъ считаетъ нецѣлесообразною. Малороссійскому ралу, въ

случаѣ въ которыхъ его улучшеній, авторъ пророчитъ широкое распространеніе въ Россіи. Нѣсколько страницъ посвящены боронамъ, катку и окучнику. О молотилкахъ и вѣялахъ, поименованныхъ въ заглавіи, въ самой брошюрѣ сказано очень мало. Брошюра сообщаетъ, между прочимъ, полезныя для хозяевъ адреса и будетъ прочитана не безъ интереса начинающими хозяевами.

Значеніе почвенно-геологическихъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства. А. Н. Энгельгардта. Спб., 1891 г. Небольшая брошюра нашего извѣстнаго сельско-хозяйственнаго публициста настойчиво рекомендуетъ выполненіе почвенныхъ изслѣдованій въ каждой русской губерніи. Эти изслѣдованія должны представить собою необходимое предисловіе къ работѣ агрономовъ, которые на опытныхъ фермахъ выберутъ системы хозяйства для различныхъ типовъ почвъ. Попутно при почвенныхъ изслѣдованіяхъ будутъ отрываться запасы естественныхъ удобрительныхъ туковъ. О томъ, что апологія почвенныхъ изслѣдованій написана мастерскимъ, живымъ языкомъ, догадается всякій, кто читалъ какія-нибудь произведенія г. Энгельгардта. Мѣстами выраженія черезчуръ сильны. Напримѣръ, „жалѣютъ денегъ на почвенныя изслѣдованія, которыя стѣяютъ гроши... Что такое копѣйка съ десятины? На среднее имѣніе въ 300—600 десятинъ,—это фунтъ, два икры!“ (стр. 10). „Познаніе (естественныхъ свойствъ почвы) дается только почвенными изслѣдованіями по методу нашего извѣстнаго почвовѣда В. В. Докучаева“ (стр. 4). Никто не станетъ отрицать крупныхъ заслугъ петербургскаго профессора минералогіи въ дѣлѣ изученія русскихъ почвъ и, все-таки, каждому позволительно усомниться въ томъ, будто бы все почвовѣдѣніе клиномъ сошло на Докучаевскихъ приемахъ.

Изслѣдованіе зерноваго хлѣба и муки со спорыньей. В. Д. Орлова. Казань, 1891 г. Изложенію собственныхъ изслѣдованій надъ ядовитымъ хлѣбомъ, полученнымъ изъ Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи, авторъ предпослалъ историческое обзорѣніе русскихъ эпидемій, такъ называемой злой корчи; эпидеміи эти непрѣменно связаны съ употребленіемъ въ пищу хлѣба, содержащаго спорынью. Подвергавшійся анализу г. Орлова хлѣбъ былъ причиною заболѣваній въ крестьянскихъ семьяхъ Нолинскаго уѣзда, хотя изъ 38 образчиковъ большая часть содержала не болѣе 1% спорыньи. Для предупрежденія заболѣваній, авторъ рекомендуетъ подвергать подозрительный зерновой хлѣбъ отбиранію руками. Отъ земскихъ врачей г. Орловъ собиралъ свѣдѣній о злой корчѣ и предлагаетъ проектъ карточки для такихъ свѣдѣній.

Стельная корова, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи. Г. И. Гурина. Изд. моск. губ. зем. управы. Съ рисунками. Москва, 1891 г. Цѣна 5 коп. Сжатымъ, но яснымъ языкомъ г. Гурина, ветеринарный врачъ московскаго земства, излагаетъ признаки стельности, уходъ за стельною коровою, болѣзни, которыми можетъ сопровождаться стельность, правильное и трудное теленіе и уходъ за коровами послѣ отела. Семь недурно выполненныхъ рисунковъ изображаютъ преимущественно различныя положенія теленка при теленіи. Изданіе при своей дешевизнѣ гораздо опрятнѣе по внѣшности, чѣмъ та серія популярнаго брошюръ, которую выпустилъ недавно книжный магазинъ г-жи Тихомировой. Желаемъ полезной книжкѣ г. Гурина заслуженнаго успѣха въ средѣ хозяевъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Винокуренное производство“. К. Вебера. — „Руководство по дрожжевому производству“. Его же. — „Библиотека ремесленниковъ и вустарей“. Денера. — „Электрическіе звонки, ихъ устройство и условія правильнаго дѣйствія“. W. Fournier et Canter.

Винокуренное производство. Практическое руководство по винокурению какъ для промышленнаго, такъ равно и сельско-хозяйственнаго производства, а также руководство по винокурению для промышленныхъ училищъ. Составилъ инженеръ-технологъ К. Веберъ. Съ 43 рисунками въ текстѣ. Спб., 1890 г. Изданіе Девриена. Цѣна 1 руб. 75 коп. Главное назначеніе этой книжки, какъ о томъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, — „служить руководствомъ для мастеровъ и сельскихъ хозяевъ, а также быть учебникомъ для учениковъ нашихъ промышленныхъ училищъ, о которыхъ въ настоящее время такъ заботится правительство, сознавая вполне всю важность развитія перерабатывающей промышленности въ странѣ“. Вполнѣ, повидимому, сочувствуя этимъ заботамъ и желая содѣйствовать процвѣтанію вновь нарождающихся промышленныхъ училищъ, г. Веберъ составилъ для нихъ „цѣлую серію краткихъ руководствъ по разнымъ отраслямъ техническихъ производствъ, служащихъ для переработки сырыхъ продуктовъ земледѣлія и лѣснаго хозяйства“. Такимъ образомъ, новыхъ училищъ пока еще нѣтъ, а ужъ учебники для нихъ готовы. Но излишняя поспѣшность въ составленіи учебныхъ руководствъ должна вредно отразиться на ихъ достоинствахъ, какъ это и случилось съ составленными г. Веберомъ практическими руководствами. И *Винокуренное производство* вышло значительно хуже, чѣмъ могло бы быть при болѣе внимательной и неторопливой работѣ. Конечно, надо имѣть въ виду, что авторъ и задачу поставилъ себѣ крайне трудную — совмѣстить въ одной книгѣ и учебникъ, и практическое руководство, вслѣдствіе чего ему не удалось ни то, ни другое. Но, во всякомъ случаѣ, составленная имъ книжка много выиграла бы въ достоинствѣ, еслибъ была лучше обработана, внимательно просмотрѣна, тщательно прокорректирована. Въ краткомъ учебникѣ особенно цѣнятся сжатость и ясность, а въ книжкѣ г. Вебера первое изъ этихъ свойствъ часто развито въ положительный ущербъ послѣднему. Уже на 1-й страницѣ мы встрѣчаемся съ довольно туманными опредѣленіями, вносящими въ понятіе учащихся крайне неясныя представленія о предметѣ. Сдѣлаемъ для примѣра нѣкоторыя выдержки: „Нечистота воды въ видѣ примѣси органическихъ веществъ зависитъ отъ засоренія ея мельчайшими частичками растений“ (?). На стр. 3 авторъ приводитъ недостаточно точныя цифры относительно содержанія крахмала въ картофелѣ и совершенно напрасно не желаетъ говорить о сортахъ картофеля, якобы у насъ несуществующихъ. На стр. 4 мы считаемъ мало понятнымъ выраженіе: „при храненіи происходитъ праямая потеря отъ разложенія крахмала картофеля въ углекислоту“ (?); неособенно ясны и слѣдующія выдержки: на стр. 6: „овесъ довольно часто употребляется, какъ суррогатъ ячменнаго солода, отчасти для образованія сахара, а отчасти для полученія изъ него (?) болѣе энергичныхъ дрожжей“; на стр. 44: „дрожжи состоятъ изъ организованныхъ тѣлъ, маленькихъ шариковъ“; на стр. 45: „заботятся воспрепятствовать образованію уксусной кислоты, дѣйствующей, какъ уксусный ферментъ“; на стр. 46 весьма туманно говорится о питаніи дрожжей, объ углеродистыхъ и азотистыхъ соединеніяхъ; на стр. 49, вмѣсто растворенія, напечатано раствора; на стр. 50, вмѣсто окислен-

ной, слѣдовало бы сказать подкисленной, вмѣсто „органических“ (ферментовъ)—организованныхъ.

Не будемъ выписывать другихъ недосмотровъ и промаховъ. Для учебника достаточно и того, что указано. Въ небольшой по объему книжкѣ (немного болѣе 190 страницъ) подобные недостатки слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза, даже при самомъ бѣгломъ просмотрѣ. Короче, составленное г. Веберомъ практическое руководство едва ли можетъ удовлетворить своему назначенію. Для практика-винокура оно слишкомъ сжато и поверхностно и ему, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ интереснѣе и полезнѣе капитальный трудъ Мерсера или какое-нибудь другое солидное сочиненіе по винокурению. Въ качествѣ учебника книжка г. Вебера по своей сжатости была бы вполне примѣнима, еслибъ была достаточно обработана какъ со стороны формы, такъ и въ отношеніи содержанія. Впрочемъ, для первоначальнаго ознакомленія съ производствомъ книжка г. Вебера является, все-таки, пригодной, наприм., для мастеровъ, практическихъ винокуровъ, сельскихъ хозяевъ и т. п. Очень жаль, что авторъ совершенно почти не упоминаетъ объ источникахъ по винокурению, ссылокъ на литературу нѣтъ (за исключеніемъ другихъ трудовъ самого автора). Но за то, кстати, конечно, попутно приводятся адреса оптиковъ-механиковъ и машиностроителей, у которыхъ можно приобрести различныя приспособленія для винокурения. Приведены даже цѣны и примѣрныя смѣты на устройство винокуреннаго завода. Это, конечно, не дурно, а хорошо, тѣмъ болѣе, что, все-таки, хотя до нѣкоторой степени оправдываетъ приданное сочиненію названіе практическаго. Хотя, откровенно говоря, въ учебномъ руководствѣ адреса-то уже всеѣмъ неумѣстны. Было бы много умѣстнѣе указать литературу (хотя бы только капитальныя сочиненія),—это бы ни въ какомъ случаѣ дѣлу не повредило, а пользу бы принести могло.

Руководство по дрожжевому производству, практическое руководство по производству жидкихъ и прессованныхъ дрожжей для заводчиковъ и для чиновъ акцизнаго вѣдомства. Составилъ инженеръ-технологъ К. Веберъ. Спб., 1891 г. Изданіе Девриена. Цѣна 90 к. Судя по заглавію, можно подумать, что руководство по дрожжевому производству представляетъ собою нѣчто цѣльное и вполне законченное, предназначаемоѣ авторомъ специально для наставленія заводчиковъ и чиновъ акцизнаго надзора. При внимательномъ же чтеніи не замедлятъ, однако, обнаружиться, что дрожжевое производство не есть самостоятельное произведеніе, а лишь только отрывокъ изъ полнаго собранія сочиненій г. Вебера. Перепечатавъ сплошь почти изъ своего „винокуреннаго производства“ все, касающееся солода и дрожжей, сдѣлавъ кое-какія совершенно незначительныя добавленія о пивныхъ и прессованныхъ дрожжахъ и выдержки изъ разныхъ инструкцій относительно акциза на дрожжи, авторъ приготовилъ новую книжку въ 88 страницъ, одѣлъ ее въ скромную обложку и предназначилъ „для заводчиковъ и чиновъ акцизнаго надзора“ со взиманіемъ съ нихъ за это посвященіе еще 90 коп., сверхъ тѣхъ 1 р. 75 коп., которые, весьма вѣроятно, они уже заплатили за тѣ же самыя строки въ *Винокуренномъ производствѣ*. Во всякомъ случаѣ, эти двѣ книжки столь тѣсно связаны между собою, что купить одну и не купить другую почти нельзя,—онѣ взаимно другъ друга дополняютъ. И что же? Вдругъ оказывается почти цѣликомъ дубликатъ. Все равно, какъ если бы кто-нибудь купилъ сперва *Блѣзкинъ мугъ*, а потомъ *Записки охотника*. Безъ сомнѣнія, авторъ имѣетъ полное право издавать свои труды одновре-

менно въ нѣсколькихъ изданіяхъ и подъ разными названіями; но объ этомъ уже совершенно необходимо поставлать въ извѣстность публику, обозначая на обложкѣ, что де *Руководство по дрожжевому производству* заимствовано изъ другаго сочиненія того же автора подъ заглавіемъ *Винокуренное производство*. А то гг. заводчики и чины акцизнаго надзора легко могутъ очутиться въ комичномъ и довольно неприятномъ положеніи, купивъ, вмѣсто одного, два экземпляра, и за двойную, конечно, цѣну.

Въ виду вышеизложеннаго, мы не будемъ разбирать книжку г. Вебера по содержанію. Замѣтимъ только, что авторъ считаетъ излишнимъ, какъ видно изъ введенія, вдаваться въ теорію развитія дрожжеваго грибка и останавливаться на микроскопическихъ наблюденіяхъ, и потому ограничивается лишь необходимыми практическими данными. Онъ считаетъ это, по собственному признанію, „лишнимъ балластомъ“. Не знаемъ, какъ на это посмотрятъ гг. заводчики и чины акцизнаго надзора, для коихъ книжка изготовлена, но мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, чтобы знакомство съ развитіемъ дрожжеваго грибка и микроскопическими наблюденіями могло быть лишнимъ балластомъ даже и для заводчиковъ.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Ленера. Клеи и замазки. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія инженеръ-технолога А. И. Коренблита. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 80 коп. Москва, 1891 г. Эта маленькая книжка, занимающая всего 126 страницъ въ $\frac{1}{16}$, заключаетъ въ себѣ 221 рецептъ всевозможныхъ замазочъ, употребляемыхъ въ фабрично-заводской промышленности, въ ремеслахъ и въ домашнемъ быту. Какъ увѣряетъ авторъ въ предисловіи, имъ приведены лишь тѣ рецепты, которые дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и которые, по испытаніи ихъ на практикѣ, дали вполне удовлетворительные результаты.

Авторъ не только собралъ рецепты, необходимые для самыхъ разнообразныхъ специальностей, но онъ, кромѣ того, отвелъ надлежащее мѣсто потребностямъ обыденной жизни, указавъ простые и общедоступные способы для склеиванія стекла, фарфора, стекла съ фарфоромъ, стекла съ металломъ и т. п. Выборъ рецептовъ сдѣланъ старательно, такъ что книжка вполне можетъ удовлетворить требованіямъ, тѣмъ болѣе, что все въ ней указанное проверено опытомъ и потому даетъ извѣстную гарантію, что примѣненіе рецептовъ на практикѣ всегда будетъ сопровождаться полною удачей.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ очень хорошо и вполне доступно для ремесленниковъ и кустарей. Но мы весьма сомнѣваемся, чтобы имъ была доступна та невѣроятно дорогая цѣна, какая назначена за рецепты замазочъ. Хотя, вообще говоря, техническія сочиненія, по ограниченности спроса на нихъ, не могутъ быть очень дешевы, тѣмъ не менѣе, все-таки, цѣну книжки Ленера въ русскомъ переводѣ мы считаемъ баснословною. Будетъ, конечно, очень жаль, если это обстоятельство задержитъ распространеніе этой книжки и именно среди тѣхъ, для которыхъ она, повидимому, главнымъ образомъ, и предназначается.

Электрическіе звонки, ихъ устройство и условія правильнаго дѣйствія. W. Fournier et Canter. Съ 53 полнотипажамъ въ текстѣ. Переводъ съ втораго французскаго изданія I. Рад. Руководство для любителей ремесла и научныхъ примѣненій. Москва, 1890 г. Цѣна 1 руб. Судя по предисловію издателя, книга эта предназначается для дилетантовъ-любителей и, казалось бы, именно поэтому должна

отличаться вполне яснымъ и общедоступнымъ изложеніемъ. По меньшей мѣрѣ, отъ подобнаго сочиненія можно требовать, чтобы оно переведено было толковымъ русскимъ языкомъ. Между тѣмъ, и изложеніе, и языкъ перевода оставляютъ желать очень многого. Сплошь и рядомъ въ немъ попадаются выраженія вродѣ слѣдующихъ: „пуговка с, какъ показано на фиг. 4, внизу съ круглою ребордой“ (стр. 4), „черезъ проволоку оборота“ (стр. 31), вмѣсто обратную проволоку, „это простое устройство отлично исполнило преслѣдованную цѣль“ (стр. 37), „металлическая пластинка АА была заодно съ поверхностью этого косяка“ (стр. 40), „верхній край с бабашки упирается въ пружинистую пластинку“ (стр. 42), „контакты ступенные“ (стр. 43) и т. д. Таковъ характеръ изданія со стороны перевода. Что же касается самаго содержанія, то оно не представляетъ ничего новаго и любопытнаго, хотя бы даже для любителя. Наилучшею является глава IV и добавленіе, отличающееся толковымъ изложеніемъ. Внѣшній видъ изданія довольно удовлетворителенъ, особенно же чисто и старательно исполнены рисунки, хотя все это мало искупаетъ общія недостатки книги.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Колебанія уровня и температуры въ береговой полосѣ Чернаго и Азовскаго морей“. Проф. А. Клоссовскаго.—„Метеорологическій Вѣстникъ“.

Колебанія уровня и температуры въ береговой полосѣ Чернаго и Азовскаго морей. Профессора Императорскаго Новороссійскаго университета А. Клоссовскаго. Спб., 1890 г. Настоящая работа г. Клоссовскаго посвящена разъясненію вопроса, который онъ имѣлъ возможность уже два раза обсуждать публично, а именно: въ соединенномъ собраніи секцій VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, происходившемъ 5 января 1890 г., и въ главѣ X Трудовъ метеорологической спити юго-запада Россіи въ 1889 году, стр. 141. Значительно дополненная таблицами и чертежами, она вновь издана теперь по распоряженію морскаго министерства. Основнымъ матеріаломъ для составленія этой работы послужили записи наблюдений, производившихся въ нѣсколькихъ точкахъ Азовскаго и Черноморскаго побережья съ 1873 г. надъ колебаніемъ уровня и температуры воды. Записи эти были переданы проф. Клоссовскому вице-адмираломъ Пешуровымъ, и результаты ихъ обработки составляютъ сущность указанныхъ сообщений и статей г. Клоссовскаго. Сдѣлавъ краткій обзоръ физическихъ свойствъ Чернаго и Азовскаго морей, авторъ затѣмъ переходитъ къ разбору переданныхъ въ его распоряженіе данныхъ относительно колебанія уровня названныхъ морей и устанавливаетъ, что колебанія эти весьма значительны и достигаютъ иногда двухъ и болѣе футовъ въ сутки. Помимо этого, замѣчается нѣкоторая періодичность колебаній и въ теченіе года. Въ лѣтніе мѣсяцы уровень обыкновенно повышается, а въ зимніе—понижается. Поднятіе уровня начинается въ апрѣлѣ и высшей точки достигаетъ въ маѣ, юніѣ и даже юльѣ (Новороссійскъ и Батумъ); въ сентябрѣ же онъ повсемѣстно стоитъ ниже средней линіи. Перехода далѣе къ объясненію причинъ, обусловливающихъ такіа колебанія, г. Клоссовскій приходитъ къ тому заключенію, что только движеніе воздуха и воздушныхъ теченій имѣютъ преобладающее вліяніе на колебанія уровня Чернаго и Азовскаго морей; притокъ же воды изъ рѣки, испареніе и измѣненіе температуры морской воды имѣютъ значе-

нѣ второстепенныхъ факторовъ и вліаніе ихъ крайне ограничено. Дѣйствіемъ же воздушныхъ теченій можно объяснить тѣ быстрыя и рѣзкія измѣненія температуры воды, которыя нерѣдко наблюдаются въ береговой полосѣ Чернаго моря. Такъ, въ Ялтѣ въ іюнѣ или іюлѣ термометръ можетъ колебаться между 25° и 10° Ц. Даже въ теченіе сутокъ температура воды можетъ измѣняться на 10° Ц. По мнѣнію г. Клосовскаго, такія колебанія температуры воды вполне удовлетворительно объясняются вліаніемъ вѣтровъ, изъ которыхъ одни, вызывая сильное волненіе, перемѣшиваютъ верхніе, болѣе теплые слои воды съ нижними, болѣе холодными, а другіе, такъ сказать, сдуваютъ верхнюю нагрѣтую пленку воды и уносятъ ее въ открытое море, тогда какъ замѣняея ея изъ глубины выступаетъ болѣе холодная вода. Таковы главнѣйшіе выводы, къ какимъ пришелъ въ своей интересной работѣ г. Клосовскій, принимающій дѣятельное участіе въ изученіи физическихъ свойствъ Чернаго и Азовскаго морей, значительно оживившемся за послѣднее время.

Метеорологическій Вѣстникъ, № 1, январь 1891 г. Судя по первой книжкѣ *Метеорологическаго Вѣстника*, издаваемого отдѣленіями математической и физической географіи Императорскаго русскаго географическаго общества подъ редакціей А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева и Г. Б. Шпиндлера, изданіе это обѣщаетъ быть весьма интереснымъ какъ по своему содержанію, такъ и по тому вниманію, которое руководители его обращаютъ на запросы практической жизни. Наиболѣе интересными въ этой книжкѣ являются слѣдующія статьи: *Отвѣты современной метеорологіи на запросы практической жизни* А. Клосовскаго, *О среднихъ мѣсячныхъ изобарахъ въ Европейской Россіи на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 годъ съ картою изобаръ* А. А. Тилло и *Обзоръ погоды за декабрь новаго стиля 1890 года съ двумя картами* Г. И. Срезневскаго. Первыя двѣ статьи еще не кончены, въ виду чего мы и не будемъ останавливаться на нихъ. Что же касается послѣдней, то она даетъ довольно полную картину состоянія погоды за декабрь мѣсяцъ прошлаго года на пространствѣ Европейской Россіи, причѣмъ главное вниманіе въ ней удѣлено обзору распредѣленія давленія воздуха, какъ важнѣйшаго фактора, устанавливающаго погоду. Помимо этого, приводятся также данныя о буряхъ и метеляхъ, о температурѣ, осадкахъ и о времени замерзанія водъ въ 1890 году. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что „было бы весьма желательно нѣсколько пополнить сухой обзоръ погоды кое-какими свѣдѣніями о томъ, какъ условія погоды отражались на мореплаваніи, желѣзно-дорожномъ движеніи, сельскомъ хозяйствѣ и вообще на жизни“. „Нужно надѣяться,—говоритъ онъ далѣе,—что гг. иногородне подписчики *Метеорологическаго Вѣстника*, ради увеличенія интереса обзора погоды, не откажутъ подѣлиться съ нами и съ другими подписчиками житейскими свѣдѣніями объ условіяхъ погоды въ мѣстѣ ихъ жительства, какъ это уже и было нѣкоторыми сдѣлано. Весьма цѣнны также характеристическія отдѣльныхъ мѣсяцевъ для отдѣльныхъ мѣстностей, составленныя ихъ постоянными жителями“. Несомнѣнно, что установленіе такого общенія между подписчиками и руководителями журнала крайне желательно въ интересахъ обѣихъ сторонъ, ради чего, помимо указанныхъ корреспонденцій, редакція открываетъ еще особый отдѣлъ „вопросовъ и отвѣтовъ“.

Что касается обзора русской и иностранной литературы по метеорологіи, то этотъ отдѣлъ, который, по мнѣнію редакціи, можетъ быть полезенъ и для специалистовъ, на первый разъ вышелъ крайне сухъ и

кратокъ, по временамъ напоминая даже простой указатель. Въ интересахъ дѣла его необходимо значительно оживить, иначе онъ потеряетъ всякое значеніе. Для этого достаточно было бы излагать статьи хотя бы съ такою же подробностью, какъ это сдѣлалъ А. А. Тилло, сообщившій въ той же книжкѣ *Метеорологическаго Вѣстника* содержаніе метеорологическихъ статей англійскаго еженедѣльнаго научнаго журнала *Nature*.

Остальные статьи носятъ характеръ краткихъ замѣтокъ, не имѣющихъ значенія въ общей характеристикѣ журнала. Внѣшность изданія вполне удовлетворительна, хотя печать разгониста, отчего емкость книжки незначительна. Цѣна годоваго изданія назначена крайне умеренная: 5 рублей съ пересылкой во всѣ города Россіи и 4 р. 50 коп. безъ доставки и пересылки. Лица, желающія быть учредителями *Метеорологическаго Вѣстника*, независимо отъ подписки, вносятъ одновременно не менѣе 25 рублей. Такихъ учредителей въ настоящее время при журналѣ состоитъ 97 человекъ, между которыми мы встрѣчаемъ дѣльный рядъ извѣстныхъ и почетныхъ именъ. Едва ли можно сомнѣваться, что журналъ встрѣтитъ общее сочувствіе и съ пользою послужитъ интересамъ науки и практической жизни.

М Е Д И Ц И Н А.

„Медицинское Обзоріе“. Спримона. — „Семіетка и діагностика дѣтскихъ болѣзней“. Пила Филатова.

Медицинское Обзоріе. Спримона. 1890 г. Семнадцатый годъ изданія. Изъ медицинскихъ періодическихъ изданій журналъ этотъ наиболѣе распространенный и по справедливости пользующійся вполне заслуженною репутацией. За 12 рублей въ годъ подписчики получаютъ 24 книжки объемомъ въ 6—7 печатныхъ листовъ, содержащія въ себѣ оригинальныя статьи и рефераты по всѣмъ отдѣламъ медицины. Планъ изданія, строго проводимый для каждой книжки, состоитъ въ дѣленіи обзорія на 5 отдѣловъ: первый—клиническая медицина и хирургія, второй—фармакологія и терапевтика, третій—физиологія, патологія, гигиена, четвертый—библиографическій указатель, пятый—обзоріе. Содержаніе оригинальныхъ статей и рефератовъ для каждого отдѣла отличается строгимъ выборомъ по интересу ихъ, а также по однородству, чѣмъ исключается случайный характеръ и читатель весьма нерѣдко по одному и тому же вопросу имѣетъ нѣсколько рефератовъ и, такимъ образомъ, самъ даетъ критическую оцѣнку отмѣченному вопросу. Семнадцатилѣтняя опытность редакціи удовлетворяетъ требованію отъ *Обзорія* своевременно представлять читателямъ интересъ дня въ должныхъ границахъ увлеченія имъ. Не имѣя возможности вдаваться въ детальный разборъ изданія за 1890 г., мы должны сказать, что въ теченіе и этого года *Медицинское Обзоріе* оставалось вѣрнымъ своему плану и рядомъ съ оригинальными статьями русскихъ врачей, по-прежнему, давало съ хорошимъ выборомъ и подборомъ рефераты изъ иностранныхъ журналовъ, всегда хорошо написанные и, въ большинствѣ случаевъ, интересные. О пользѣ существованія такого изданія, какъ *Медицинское Обзоріе*, говорить много не приходится,—стоитъ только вспомнить, какъ разрослась въ послѣднее время медицинская литература и періодическая печать, въ особенности благодаря дѣленію на специальности. Понятно, что при этихъ условіяхъ *Обзоріе* должно значи-

тельно помогать современному русскому врачу быть на уровнѣ прогресса медицинскихъ наукъ, а въ частности имѣть указанія на появившуюся новую статью по специальности.

Семіетика и діагностика дѣтскихъ болѣзней, съ приложеніемъ терапевтическаго указателя. Нила Филатова. Москва, 1890 г. Цѣна 3 рубля. Въ послѣднее время мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ фактъ появленія въ нашей медицинской литературѣ не однихъ только переводныхъ, но и оригинальныхъ сочиненій и руководствъ. Руководство приватъ-доцента Московскаго университета Филатова имѣетъ цѣлью дать студентамъ высшихъ курсовъ и начинающимъ врачамъ пособіе при ихъ практическихъ занятіяхъ въ клиникѣ, именно научить, какъ опредѣлять болѣзнь въ дѣтской практикѣ, причемъ авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, маленькихъ дѣтей, изслѣдованіе которыхъ сравнительно съ изслѣдованіемъ взрослыхъ представляетъ больше всего особенностей.

Въ первой главѣ авторъ даетъ обстоятельныя общія указанія, какъ собирать анамнезъ и какъ приступать къ изслѣдованію дѣтей, остальные главы посвящены частной діагностикѣ. По общему плану—группировкѣ и расположенію матеріала—книга эта имѣетъ сходство съ частною діагностикой До-Коста, но въ то время, какъ послѣдняя изложена крайне схематично, діагностика г. Филатова изложена живо, отчетливо и мѣстами вполне оригинально. Книга разбита на главы и въ каждой изъ нихъ разсматривается цѣлая группа болѣзней, имѣющихъ общіе родовые признаки; въ началѣ главы дается ясное и толковое описаніе этихъ родовыхъ признаковъ и затѣмъ приводится частная діагностика отдѣльныхъ болѣзней, входящихъ въ группу на основаніи видовыхъ признаковъ, свойственныхъ послѣднимъ. Въ этой краткой рецензій можно съ увѣренностью высказаться, что намѣреніе автора дать частную діагностику дѣтскихъ болѣзней вполне удачно выполнено, и за это руководство ему, навѣрное, будутъ много благодарны врачи, встрѣтившіеся у постели маленькаго пациента съ трудностями опредѣленія болѣзни.

Что касается терапевтическаго указателя, то этотъ по современному состоянію медицины весьма трудный отдѣлъ фигурируетъ въ сочиненіи въ видѣ приложенія; очевидно, онъ имѣетъ въ виду лишь начинающихъ врачей, которые въ своихъ первыхъ шагахъ при пропискѣ рецептовъ всегда такъ много затрудняются.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Петръ Ждановъ“. П. Р. Фурмана. — „Ѳедина курочка“. П. Незванова. — „Русская хрестоматія“. П. Барышниковъ. — „Руководствіе, какъ предметъ преподаванія въ народной школѣ“. Е. Яковлевъ. — „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи“. Е. Крылова.

Петръ Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разсказъ изъ событій отечественной войны 1812 г. Въ двухъ частяхъ. Соч. П. Р. Фурмана. Спб., 1891 г. Въ этой повѣсти разсказывается про геройскій поступокъ купца Жданова, который, передавшись французамъ при занятіи ими Москвы, проникъ, благодаря этому, въ русскій лагерь и сообщилъ русскимъ военнымъ начальникамъ о положеніи непріятеля въ Москвѣ. Въ книгѣ замѣтно враждебное отношеніе къ французамъ и яркими красками описано разграбленіе ими Москвы. О пожарѣ, кото-

рый производился оставшимися въ городѣ москвичами, упомянуто какъ-то вскользь. Въ общемъ, книга читается дѣтми съ интересомъ и, повторяемъ, неприятное впечатлѣніе производятъ только слишкомъ узкія патріотическія чувства, которыми руководился авторъ! У ребенка, по прочтеніи повѣсти, можетъ составиться понятіе о французахъ, какъ объ извергахъ. Лучше было бы внести въ рассказъ больше любви къ людямъ, чѣмъ искусственнымъ подборомъ фактовъ возбуждать въ ребенкѣ враждебныя чувства. Издана книга хорошо.

Оедина курочка. Повѣсть для дѣтей П. Незванова. Съ рисунками В. А. Табурина. Спб., 1890 г. Ц. 45 к. Эта небольшая повѣсть, отчасти сказочнаго характера, вѣроятно, не безъ интереса прочтется дѣтми младшаго возраста. Не станемъ передавать несложнаго содержания этой книжки, скажемъ только, что г. Незвановъ въ ней довольно живо описываетъ любовь дѣтей къ животнымъ. Дѣтскіе типы немного утрированы и напоминаютъ тѣхъ умныхъ Колей и Ваней, которые часто у насъ фигурируютъ въ особенности въ переводныхъ съ нѣмецкаго рассказахъ съ извѣстною моралью. Книжка снабжена рисунками, которые очень плохи, и лучше было бы ихъ совсѣмъ не помѣщать, чѣмъ стѣснять ими дѣтскую фантазію. Издана книжка очень хорошо, но за то и цѣна очень хорошая.

Русская хрестоматія. П. Барышникова. М., 1890—1891 г. Цѣна за всѣ шесть частей 2 руб. 60 коп. Эта хрестоматія назначается для шестиклассныхъ городскихъ училищъ и состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ книгъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ по два годичныхъ курса объяснительнаго чтенія.

Изъ большаго числа хрестоматій, имѣющихся въ нашей учебной литературѣ и появляющихся въ настоящее время чуть не ежедневно, ни одна вполнѣ не удовлетворяетъ курсу нашихъ городскихъ училищъ, почему учителю, при веденіи класснаго чтенія, приходится подбирать матеріалъ изъ различныхъ книгъ. Составить руководство, въ которомъ бы послѣдовательно и концентрически былъ изложенъ курсъ объяснительнаго чтенія, дѣло нелегкое, и наша учебная литература небогата такими руководствами. Пройдя букварь гр. Л. Толстаго, Д. Тихомирова или Бунакова, весьма распространенныхъ и пользующихся заслуженною извѣстностью, учитель часто не знаетъ, какую ему взять книжку для чтенія—Толстаго, *Перашку* или Ушинскаго: всѣ онѣ, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, заключаютъ въ себѣ много и недостатковъ. Еще разнообразіе представляется выборъ книгъ въ слѣдующемъ классѣ, такъ какъ у насъ нѣтъ ни одного цѣльнаго, законченнаго и приспособленнаго къ этому курсу руководства; лучшими здѣсь являются: *Дѣтскій Миръ* Ушинскаго, *Объяснительное чтеніе* г. Савенко и немногія другія. Руководствъ для старшихъ классовъ шестиклассныхъ училищъ и того меньше (Полевой, Басистовъ). Въ виду всего сказаннаго, русская хрестоматія, составитель которой имѣетъ цѣлью „дать ученикамъ такое пособіе по объяснительному чтенію, которое представляло бы собою стройное, законченное развитіе этого предмета для всего шестикласснаго курса“, является вполнѣ своевременно.

Первая книга заключаетъ въ себѣ букварь и первую послѣ азбуки книгу, подраздѣляющуюся на два отдѣла: литературный и религіозно-нравственный; кромѣ того, есть при ней приложенія въ видѣ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики и задачъ для самостоятельныхъ работъ учениковъ. Въ своемъ букварѣ г. Барышниковъ знакомитъ дѣтей не сразу со всеми буквами,

жакъ, наприм. Толстой и друг., а даетъ сначала одиннадцать наиболѣе употребительныхъ (а, о, н, е, и, в, р, с, т, ъ, л), составляетъ изъ нихъ слова исключительно односложныя и двусложныя, а затѣмъ постепенно, по одной буквѣ, знакомитъ и со всею азбукой, причемъ число упражненій и трудность ихъ увеличивается по мѣрѣ все большаго и большаго знакомства съ алфавитомъ. Какъ отдѣльныя слова и фразы, такъ и маленькіе рассказы составлены весьма удачно и понятны для начинающихъ читать. Рассказы, помѣщенные послѣ букваря книги, взяты у разныхъ авторовъ; проза, главнымъ образомъ, у гр. Л. Толстаго, стихи у Никитина. Весь матеріалъ, даваемый въ этомъ отдѣлѣ, отличается простотой и образностью изложенія.

Вторая книжка по распредѣленію матеріала близко стоитъ къ *Дѣтскому міру* Ушинскаго, — книгѣ, которая выдержала нѣсколько десятковъ изданій, и дѣлится на три отдѣла: литературный, научный и религиозно-нравственный. Литературному отдѣлу авторъ даетъ нѣкоторыя преимущественно, такъ какъ, по его словамъ, „хрестоматія должна являться, какъ пособіе по русскому языку, а не какъ учебникъ различныхъ учебныхъ предметовъ“. Число стихотвореній въ этой книгѣ невелико, всего 30 небольшихъ; составитель считаетъ вполне достаточнымъ заучивать въ недѣлю только по одному стихотворенію. Какъ стихотворенія, такъ и статьи подобраны хорошо, послѣднія же частью повѣствовательнаго, частью описательнаго характера и принадлежатъ Григоровичу, Тургеневу, Аксакову, Далю и друг. Басень помѣщено въ этомъ отдѣлѣ очень немного.

Что касается научнаго отдѣла, въ которомъ помѣщены краткіе историческіе рассказы и анекдоты и, кромѣ того, статейки по естествознанію, то намъ кажется, что этотъ отдѣлъ оставляетъ желать многого. Начнемъ съ того, что матеріалъ какъ-то странно сгруппированъ; наприм., статья, въ которой говорится о пользѣ и вредѣ вѣтра, почему-то попала въ отдѣлъ родиновѣдѣнія. Вообще этотъ важный подотдѣлъ (родиновѣдѣнія) заключаетъ въ себѣ только 12 страницъ, и, если исключить неизвѣстно почему попавшія въ него статьи — планъ, масштабъ, планъ класса, путешествіе воды и др., то въ немъ почти не остается ничего. Въ этомъ отдѣлѣ должны были быть помѣщены общія краткія свѣдѣнія объ условіяхъ жизни русскаго народа, тѣмъ болѣе, что, наприм., ученикъ трехкласснаго городскаго училища не изъ какой другой книжки, кромѣ хрестоматіи, не можетъ получить этихъ свѣдѣній. Важность этого отдѣла давно признана нашими педагогами, и недавно на страницахъ *Русской Мысли* намъ пришлось разбирать прекрасную по этому предмету хрестоматію г. Сахарова. Подотдѣлъ о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ также даетъ мало новыхъ понятій дѣтямъ и гораздо лучше изложенъ у Ушинскаго въ *Дѣтскомъ мірѣ*. Статьи, здѣсь помѣщенныя, состоятъ изъ рассказовъ о домашнихъ и другихъ часто встрѣчающихся животныхъ. Бесѣды о явленіяхъ природы вовсе почти нѣтъ. Вообще въ хрестоматіи, кромѣ указаннаго нами бѣднаго отдѣла во 2-й книгѣ о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, статей по естествознанію совсѣмъ нѣтъ.

Третій отдѣлъ—религиозно-нравственный—заключаетъ въ себѣ рассказы изъ жизни святыхъ и является вполне умѣстнымъ: рассказы переданы живо, безыскусственно, и, несомнѣнно, гораздо болѣе повліяютъ на добрыя чувства дѣтей, чѣмъ часто встрѣчающіеся у насъ выдуманные рассказы о добродѣтельныхъ дѣтяхъ, съ божіею въ глазу моралью.

Третья книжка назначается для 3-го и 4-го отдѣленія. Незавѣстно почему г. Барышниковъ въ этой книжкѣ „для объяснительнаго чтенія“ не даетъ ничего, кромѣ небольшихъ рассказовъ, анекдотовъ, отрывковъ изъ описаній и не помѣщается ничего, что бы расширило и укрепило тѣ элементарныя свѣдѣнія по естествознанію, русской исторіи и географіи, которыя онъ даѣтъ въ научныхъ отдѣлахъ 2-й книжки.

Для курса 4-го класса составитель даетъ то же самое, только болѣе сложное и распространенное.

Правда, всѣ рассказы, помѣщенные имъ въ 3-й книжкѣ, заимствованы изъ сочиненій такихъ извѣстныхъ писателей-художниковъ, какъ-то гр. Л. Толстой, Аксаковъ, Тургеневъ и др.; они даютъ возможность показать красоты родной рѣчи, развить дѣтскую фантазію; басни и стихотворенія, которыя пополняютъ этотъ отдѣлъ, выбраны лучшія.

Но, думается, этого мало. Третій годъ обученія требуетъ большаго, — ядѣсь, наприм., въ городскихъ трехклассныхъ училищахъ, ученикъ иногда заканчиваетъ свое обученіе, что для многихъ составляетъ начало и конецъ образованія вообще, а потому необходимо дать какъ можно больше новыхъ понятій, чтобы у прошедшаго три класса городского училища составилась болѣе или менѣе цѣльный взглядъ на окружающее, а не одностороннее знакомство только съ красотами рѣчи.

Послѣдняя, 4-я книжка назначена для 5-го и 6-го отдѣленій.

Для 5-го отдѣленія г. Барышниковъ даетъ описанія, повѣствованія, стихотворенія и басни; для 6-го, кромѣ того, характеристика въ разсужденія. Здѣсь встрѣчаются отрывки иногда въ 15 и даже въ 20 страницъ и составитель полагаетъ, что классныя занятія должны состоять только въ бесѣдахъ о прочитанномъ учениками дома. Отрывки потому даются большіе, что ученикъ городского училища очень часто не имѣетъ возможности достать сочиненія русскихъ писателей.

Такимъ образомъ онъ думаетъ „приучить учениковъ къ самостоятельному плодотворному пользованію книгами“.

Что касается задачъ для самостоятельныхъ работъ, то намъ кажется, что многія изъ нихъ будутъ слишкомъ трудны ученикамъ, особенно если пользоваться при писаніи ихъ только предлагаемою хрестоматіей. Наприм., что можетъ сказать ученикъ на вопросъ о заслугахъ Ломоносова для русскаго языка? Или, наприм., почему надо обращать особенное вниманіе на употребленіе синонимовъ? Мало самостоятельное можно написать на эти вопросы: они требуютъ близкаго знакомства съ литературой; работа ученика будетъ только компиляціей со словъ учителя.

Руководіе, какъ предметъ преподаванія въ народной школѣ. Екатерина Янжуль. 1890 г. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Германіи г-жа Шалденфельдъ подняла вопросъ о преобразованіи обученія руководію въ женскихъ училищахъ, гдѣ этотъ предметъ былъ включенъ въ программу. Ея пропаганда повела къ тому, что постепенно этотъ предметъ былъ включенъ въ программу всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, были выработаны соответствующія программы, опредѣленные методы преподаванія, примѣнены извѣстные педагогическіе предметы, — однимъ словомъ, предметъ этотъ былъ поставленъ въ такіе же условія, какъ и прочіе общеобразовательные и научные предметы преподаванія, вошедшіе въ учебныя программы. Въ другихъ странахъ на Западѣ — Австріи, Швейцаріи, Франціи, Англии и нашей Финляндіи — такое же преобразование совершилось нѣздѣе. За все это время, по мнрѣ разработки какъ теоретической стороны вопроса, такъ и практи-

ческой постановки его въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ учебной литературѣ ежегодно появлялись все новыя выписи, различные руководства, методики и т. п. У насъ же до сихъ поръ вопросъ объ обученіи руководѣлю стоитъ въ такомъ же положеніи, какъ въ Германіи 40 лѣтъ тому назадъ. Положимъ, что отъ времени до времени отдѣльными лицами дѣлались единичныя попытки измѣнить и преобразовать преподаваніе этого предмета въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, что изрѣдка поднимался вопросъ о преобразованіи даже въ томъ или другомъ обществѣ, что появлялись даже руководства къ изученію той или другой отрасли руководѣлія, но этимъ все дѣло и заканчивалось. Большинство руководствъ ограничивались лишь цѣлью обучить извѣстнымъ механическимъ приемамъ и совершенно оставляли въ сторонѣ общія основанія, что объясняется тѣмъ, что составительницами были ремесленницы, а не учительницы, а отдѣльныя попытки претерпѣвали неудачу отчасти потому, что невозможно было найти подходящихъ учительницъ, а, главнымъ образомъ, потому, что въ обществѣ у насъ господствуетъ еще полнѣйшее незнакомство и непониманіе общихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ требуемаго преобразованія. Немудрено поэтому, что у насъ въ начальныхъ школахъ, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, ремесленныхъ и профессиональныхъ училищахъ различнаго типа преподаваніе руководѣлія ведется не только совершенно различно и произвольно, согласно усмотрѣнію ближайшаго начальства—начальницы, директрисы, попечительницы, но что и самое преподаваніе собственно не заслуживаетъ такого названія, а сводится лишь къ механической выучкѣ той или другой работы. Въ силу этого мы не можемъ не признать книги г-жи Янжуль, поставившей себѣ цѣлью познакомить насъ какъ съ принципиальною постановкой вопроса, такъ и съ практическимъ выполненіемъ его на Западѣ, и думаемъ, что она должна заставить серьезно задуматься всѣхъ лицъ, руководящихъ женскими учебными заведеніями, и придти къ какому-либо опредѣленному заключенію—или признать обученіе руководѣлію въ училищахъ излишнимъ и, въ такомъ случаѣ, исключить этотъ предметъ изъ программы, или же признать его необходимымъ и, въ такомъ случаѣ, поставить его въ такія же условія, какъ и другіе предметы, и потрудиться надъ разрѣшеніемъ задачи, каковыя путемъ этого достигнуть.

Трудъ г-жи Янжуль имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что она основанъ на знакомствѣ не только съ литературой вопроса, но и съ практической постановкой предмета въ школахъ на Западѣ и начальныхъ училищахъ города Москвы. Въ первыхъ двухъ частяхъ своей книги г-жа Янжуль знакомитъ насъ очень основательно съ тѣми задачами и методами обученія, какіе выработаны въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Англіи и Франціи, причемъ постоянно указываетъ на богатую литературу по этому вопросу въ вышеприведенныхъ странахъ. Перечисливъ тѣ отрасли руководѣлія, которыя вошли въ программы женскихъ учебныхъ заведеній (народныхъ, бюргерскихъ, пяти-шести-и восьми-классныхъ школъ) вышеприведенныхъ странъ, и тѣ основанія, какими руководствовались при выборѣ ихъ, авторъ очень обстоятельно знакомитъ насъ съ постановкой самаго преподаванія, причемъ должны быть переданы не только различныя техническія навыки, но и достигнуты результаты другаго характера, какъ-то: самостоятельность въ работѣ, способность къ самоусовершенствованію, привычка къ труду, знаніе и оцѣнка матеріаловъ и орудій, бережливость, аккуратность и др. Для достиженія такихъ результатовъ посредствомъ обученія руководѣлію нужно выработать извѣст-

ные методы преподаванія, слѣдуетъ примѣнять и въ этомъ дѣлѣ строго обдуманнныя педагогическія приемы, отнести очень внимательно къ распредѣленію занятій и къ раздѣленію ученицъ на соответствующія группы. Занятія индивидуальныя, т. е. съ каждою ученицею отдѣльно, причѣмъ каждая ученица дѣлала по желанію и особаго рода работу, пришлось замѣнить класснымъ преподаваніемъ, причѣмъ всѣ ученицы опредѣленнаго класса или опредѣленной группы занимались одновременно однородною работой. Для веденія преподаванія класснымъ образомъ потребовались самыя разнообразныя учебныя пособія и выработка извѣстныхъ педагогическихъ приемовъ. Понятно, что для веденія такого рода преподаванія потребовались и лица, знакомыя не только съ технической стороною дѣла, т. е. умѣющія дѣлать тѣ или другія работы, но получившія, въ то же время, научную и педагогическую подготовку. Такимъ образомъ совершилось преобразование обученія рукодѣлію въ школахъ на Западѣ, причѣмъ каждая страна, придерживаясь одинаковыхъ *общихъ* основаній, выработала своеобразныя частныя приемы, придавая большее значеніе то тѣмъ, то другимъ приемамъ, той или другой отрасли работъ, то достиженію тѣхъ или другихъ воспитательныхъ дѣлей. Сообразно съ этимъ и результаты школьнаго обученія рукодѣлію получаются нѣсколько различныя въ разныхъ странахъ, и эти отличительныя черты г-жа Янжуль разбираетъ въ 3-й части своей книги.

Разбирая постановку обученія рукодѣлію въ начальныхъ училищахъ города Москвы и сравнивая получаемые результаты въ этихъ школахъ съ результатами такихъ же школъ на Западѣ, г-жа Янжуль приходитъ къ очень печальнымъ выводамъ относительно первыхъ. На Западѣ, въ силу вышеупомянутой постановки обученія рукодѣлію въ начальныхъ школахъ, дѣвочки уже во время своего пребыванія въ училищѣ приобрѣтаютъ по этому предмету умѣнье и навыки, благотворно отражающіеся на семейномъ бытѣ. Онѣ только и умѣло исполняютъ маленькія работы, столь необходимыя въ домашнемъ быту, вяжутъ, шьютъ, штопаютъ и чинятъ, мѣтатъ и украшаютъ предметы одѣванія тѣми незатѣйливыми кружевцами и отдѣлками, которыя придаютъ имъ болѣе красивый видъ, кладутъ на предметы нѣкоторый отпечатокъ изящности и миловидности и развиваютъ въ ребенкѣ вкусъ и пониманіе изящнаго, столь важныя въ послѣдствіи при занятіи ремесломъ и столь пріятныя въ проявленіи въ домашней обстановкѣ. Трудолюбіе и аккуратность дѣвочекъ проявляются уже въ самыя первые годы посѣщенія ими школы. Онѣ научаются обращать вниманіе на опрятность и порядочность своей одежды, онѣ обращаются бережливо съ матеріалами, съ какими имѣютъ дѣло. Указавъ на эти результаты, г-жа Янжуль говоритъ (стр. 126): „Какой контрастъ составляютъ послѣ этого ученицы нашихъ городскихъ школъ, которыя выходятъ изъ школы съ тою же непривычною къ порядку, съ какою онѣ вошли въ нее, и которыя во время обученія рукодѣлію въ ней, можетъ быть, не научились даже положить заплату на продранные локти!“

Сравнивая затѣмъ условія, въ которыхъ находятся наши городскія училища, съ условіями однородныхъ училищъ на Западѣ, г-жа Янжуль указываетъ на громадную разницу, существующую между этими учебными заведеніями. Тамъ въ большинствѣ въ народныхъ училищахъ дѣти обучаются 7—8 лѣтъ, рѣдко 5 лѣтъ; у насъ же большинство дѣтей остаются въ городскихъ училищахъ 2—3 года. Сравнительно съ этимъ и самыя программы по рукодѣлію приходится значительно урѣзать, тѣмъ болѣе, что и время, опредѣленное для этихъ уроковъ въ нашихъ учи-

лицахъ, значительно колеблется, смотря по усмотрѣнію ближайшаго начальства — попечительницы. „Если прибавить къ этому, — говоритъ авторъ, — полное отсутствіе у насъ мало-мальски подготовленныхъ учительницъ руководѣлія, какія имѣются во всѣхъ описанныхъ странахъ, а также вслѣдствіе этого полное же отсутствіе какихъ-либо выработанныхъ программъ или системъ обученія, столь облегчающихъ его, то мы должны будемъ развѣ навсегда порѣшить, что въ настоящемъ положеніи намъ невозможно достигнуть цѣлкомъ тѣхъ результатовъ, которые достигаются обученіемъ руководѣлію на Западѣ“. Перейдя затѣмъ къ выбору тѣхъ видовъ работъ, какимъ слѣдуетъ обучать въ нашихъ городскихъ начальныхъ школахъ, и указавъ на то, въ какомъ объемѣ эти работы должны быть пройдены, г-жа Янжуль говоритъ, что многимъ покажется грустнымъ ограничиться такою скромною программой руководѣлія, но что для пользы дѣвочекъ, которыхъ научаютъ шить, гораздо лучше пройти немного, но основательно, чѣмъ много, но поверхностно“. Для достиженія желательныхъ результатовъ необходимо „введеніе стройнаго обученія съ примѣненіемъ всѣхъ классныхъ приемовъ, прилагаемыхъ къ другимъ предметамъ“; „общіе принципы класснаго обученія нужно будетъ установить съ самаго начала для того, чтобы извлечь этотъ предметъ изъ того состоянія произвола и безпорядочности, въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Учительница руководѣлія должна, какъ и всякая другая преподавательница, умѣть такъ организовать классъ, чтобы ея указанія послужили на пользу не одной или нѣсколькимъ ученицамъ, а всему классу“. Должны быть приобретены учебныя пособія для нагляднаго обученія руководѣлію, но такъ какъ эти пособія не достигаютъ своей цѣли въ рукахъ учительницы, которая не умѣетъ демонстрировать на нихъ, приспособляясь къ вниманію дѣтей, то „первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это — привлеченіе къ преподаванію такихъ лицъ, которыя, обладая общимъ образованіемъ, захотѣли бы заняться изученіемъ лучшихъ приемовъ веденія класса и которыя имѣли бы достаточно самодѣятельности, чтобы, пользуясь чужимъ опытомъ, а, въ то же время, и на основаніи личныхъ наблюденій, выработать для себя опредѣленный планъ дѣйствій, какъ это дѣлаетъ всякая мало-мальски образованная учительница во всѣхъ другихъ предметахъ“. Но для привлеченія подходящихъ учительницъ въ школу нужно, „чтобы сами руководители школъ — директрисы, попечительницы и т. д. — были, хотя бы въ общихъ чертахъ, знакомы съ основами обученія руководѣлію и съ отличительными чертами именно школьнаго обученія ему въ противоположность съ домашнимъ обученіемъ, а еще болѣе съ обученіемъ въ мастерской. Никакая хорошая учительница не въ состояніи будетъ достигнуть прочныхъ результатовъ, развѣ этимъ дѣломъ не заинтересованы школьныя власти“.

Желая книгѣ г-жи Янжуль полного успѣха, какового она заслуживаетъ, и соглашаясь вполне съ общими ея положеніями и выводами, мы не можемъ не пожалѣть, что она, такъ обстоятельно познакомивъ насъ съ постановкою обученія руководѣлію въ заграничныхъ школахъ, неполно рисуетъ существующее положеніе этого предмета обученія въ русскихъ начальныхъ училищахъ. Между тѣмъ, она, въ качествѣ лица, близко стоящаго къ начальнымъ училищамъ и на основаніи ежегодныхъ школьныхъ выставокъ и отчетовъ о состояніи начальныхъ училищъ города Москвы, имѣла бы полную возможность представить очень яркую характеристику того хаотическаго положенія, въ какомъ оно находится. И тогда бы всѣ ея положенія и выводы, какъ прин-

циальные, такъ и практическіе, приобрѣли бы гораздо болѣе убѣдительности и вѣскости въ глазахъ тѣхъ, которые до сихъ поръ мало занимались этимъ вопросомъ.

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназій и учебное пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Выпускъ II. Главные факты изъ средней и новой исторіи (до 1715 г.). Составилъ Евстафій Крыловъ. Москва, 1890 г. Цѣна 65 к. Во II-мъ выпускѣ своего *Опыта систематическаго повторительнаго курса* г. Крыловъ излагаетъ среднюю и новую исторію до 1715 г., и въ общемъ выпускъ этотъ по своимъ достоинствамъ мало отличается отъ I-го. Чтобы не повторять того, на что было указано раньше (см. „Библиогр. отд.“ *Русск. Мыс.* 1890 г., кн. VII), скажемъ коротко, что здѣсь мы встречаемся и съ промахами, происходящими отъ послѣдшаго писанія, и съ тѣмъ же бойкимъ языкомъ, который, попрежнему, остается очень смѣльнымъ: автору ничего не стѣдуетъ бросить эффектную фразу... ну, хоть объ *общественномъ мнѣніи* по поводу изобрѣтенія книгопечатанія (стр. 102).

Есть, однако, во II-мъ выпускѣ и нѣкоторыя особенности. Такъ, освѣщеніе фактовъ по всеобщей исторіи, по увѣренію автора, *впервые представлено съ русской точки зрѣнія*, т.-е. съ точки зрѣнія русскихъ идеаловъ—*православія и самодержавія* (см. *Предисл.*). Гуманистическая гимназія, говорить, между прочимъ, г. Крыловъ, должна идти на встрѣчу законной потребности зрѣлой части нашего общества и болѣе всего заботиться о воспитаніи русскаго общества *въ національномъ духѣ* (см. то же *Предисл.*). Все это можетъ быть и прекрасно, но во II-мъ выпускѣ никакой русской точки зрѣнія мы не нашли. Если г. Крыловъ снабжаетъ фразу: „*Вся Европа была во власти*“ скобками, „*кромѣ Россіи, конечно*“ (стр. 109), то это не болѣе, какъ бѣглое замѣчаніе. Между тѣмъ, кромѣ такихъ бѣглыхъ замѣчаній, только въ концѣ книги встрѣчается одна тирада, которая касается Россіи (стр. 150); но какъ ни полновѣсна эта тирада, она, все-таки, не относится ко „всеобщей исторіи до 1715 г.“: самъ авторъ дѣлаетъ примѣчаніе къ ней, изъ котораго слѣдуетъ, что исторія Россіи связана только съ *дальнѣйшею исторіей Европы*.

Въ заключеніе мы должны выразить свое недоразумѣніе по поводу одного примѣчанія къ *Предисловію*. Распространяясь о сокращеніи программы по такъ называемой средней исторіи, г. Крыловъ говоритъ: „*Не отрицаю, что здѣсь (т.-е. въ его II-мъ выпускѣ) есть нѣкоторые лишніе факты,— правда, очень немногіе,— которые можно выпустить*“ (*Предисл.*, стр. X). Если факты ему кажутся лишними, затѣмъ же онъ, все-таки, помѣщаетъ ихъ?

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1891 годъ“. Проф. Анрепа и д-ра Вороникина.—„Всемирный языкъ „Эсперанто““. Изд. Заметофа.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1891 г. XXIII годъ издачія подъ редакціей проф. Анрепа и д-ра Вороникина. Изданіе Риккера. Спб. Цѣна 1 руб. 80 коп. За время продолжительнаго своего издачія календарь этотъ выработалъ себѣ извѣстную фізіономію, не измѣняя которую является и въ нынѣшнемъ году. Первая часть—

Обще-календарныя и справочныя спеціальныя свѣдѣнія; вторая часть, по обыкновенію, содержитъ нѣсколько (5) оригинальныхъ статей по бактериологіи (Аванасьева) и гигиенѣ (Смоленскаго) и, кромѣ того, различныя справочныя свѣдѣнія о медицинскихъ учрежденіяхъ и столичныхъ лечебницахъ, а въ заключеніе именной списокъ российскихъ врачей. Изъ года въ годъ повторяющаяся невѣрность нѣкоторыхъ свѣдѣній (напр., лечебныя заведенія въ Москвѣ) вызываетъ совѣтъ редактировать таковыя при помощи лицъ, живущихъ въ городѣ, о которомъ идетъ рѣчь, не ограничиваясь официальными данными, собираемыми на мѣстѣ изданія.

Всемирный языкъ „Эсперанто“. Полный учебникъ съ 2 словарями. Изданіе Л. Заменгофа. Варшава, 1890 г. Ц. 10 к. *Volapuk estas mort, viv Esperanto!* Какъ вы думаете, читатель, на какомъ это языкѣ? Это на новомъ международномъ языкѣ *Эсперанто*, „всю грамматику котораго можно изучить въ полчаса, а весь языкъ (т.-е. вмѣстѣ съ словаремъ) въ нѣсколько дней“, ибо *„La lingvo Esperanto estas eksterordinare facila, cor gia gramatiko estas tres simpla“*... а самый языкъ, какъ видите, еще *simpl'ѣ*, и, заплотивши гривенникъ за крошечную книженку (въ 1½ печатныхъ листа съ двумя словарями), *„Vi povas korespondadi kun la tuta mondo“* черезъ десять минутъ по полученіи сочиненія д-ра Заменгофа, автора этого языка. Хитрый нѣмецъ, изобрѣтавшій *Волатюкъ*, перемудрилъ, и изъ выдуманной имъ чепухи ничего не вышло. „Авторъ“ же *Эсперанто* поступилъ много ловчѣе: онъ „упростилъ“, немного поковеркавши, итальянскій языкъ, и готовъ языкъ международный „*tre facila*“. Шутки, впрочемъ, въ сторону. Мы не знаемъ, какъ различные народы отнесутся къ выдумкѣ г. Заменгофа, но думаемъ, что для торговыхъ сношеній его *Эсперанто* можетъ оказаться пригоднымъ. Во всякомъ случаѣ, это не такая нелѣпость, какъ *Волатюкъ*. Люди, знающіе латинскій языкъ и какой-либо изъ языковъ романскаго корня, на самомъ дѣлѣ могутъ въ очень короткое время освоиться съ языкомъ *Эсперанто* и свободно переписываться на немъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, январь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь—январь.

Вѣстникъ Европы, январь. Еще однимъ уважаемымъ именемъ въ литературѣ стало меньше, еще одинъ убѣжденный, талантливый дѣятель слова смолкъ навсегда. Напечатанная въ январьской книгѣ *Вѣстника Европы* статья недавно скончавшагося Григорія Захаровича Елисеева является, такимъ образомъ, лебединою пѣснью, закончившею продолжительную честную литературную карьеру, которая, однако, вслѣдствіе анонимности работъ Елисеева, оставалась почти неизвѣстною большій публикѣ. Впрочемъ, неизвѣстность эта относится къ послѣднему десятилѣтію, когда Гр. Зах. почти не выступалъ въ журналистикѣ; его не знаетъ современное молодое поколѣніе. Въ 70-хъ же гг., на нашей памяти, имя Елисеева было извѣстно весьма обширному кругу читателей, особливо среди молодежи. Она вчитывалась его внутренними обзорѣніями въ *Отеч. Записки*, и поэтому отлично знала, кто писалъ ихъ. Имя покойнаго публициста произнеслось тогда съ величайшимъ уваженіемъ; спокойная, вѣская рѣчь производила прочное впечатлѣніе. Теперь эти рѣчи стали достояніемъ исторіи умственной жизни 60—70 хъ

годовъ. Но это не значитъ, чтобы Елисеевъ пережилъ себя, чтобы точка зрѣнія его писаній была теперь несовременна по существу, то-есть чтобы задачи, которыя онъ ставилъ, измельчали, уступили мѣсто болѣе значительнымъ. Гдѣ онѣ, эти болѣе значительныя и широкія задачи? Если бы сочиненія Елисеева были напечатаны отдѣльною книгой, они и теперь нашли бы кругъ серьезныхъ читателей, и не ради одной только исторіи минувшихъ памятныхъ десятилѣтій. Точка зрѣнія „неизмѣннаго друга народа“ настолько жизненна, что можетъ устарѣть лишь тогда, когда достигнется въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ матеріальное и духовное благосостояніе трудящагося люда, когда сокрутится его нравственная угнетенность. Проводить въ сознаніе общества необходимость достиженія этой цѣли, проводить неустанно, прямолинейно, упорно, не ограничиваясь общими мѣстами и фразами, а въ примѣненіи къ каждому удару пульса нашей общественной жизни въ различныхъ ея выраженіяхъ,—вотъ что составляло силу покойнаго Гр. Зах. и что сохранить за его писаніями истинную современность еще на продолжительное время.

Правда, попадаются нынѣ иныя мѣрки современнаго и несовременнаго. Такъ, наприм., одинъ новоявленный „руководитель“ высказался недавно по адресу виднаго литературнаго дѣятеля, считающаго за собой не одинъ, не два года плодотворнаго служенія литературѣ: „Его литературный талантъ очень рельефно и эффектно обрисовался въ томъ яркомъ освѣщеніи, въ которомъ шумно играла и разливалась волна прошедшей жизни. Времена мѣняются. Современная жизнь течетъ подъ инымъ освѣщеніемъ. „Догорѣли огни, облетѣли цвѣты“. Силой обстоятельствъ возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и запросовъ, на которые нѣтъ отвѣта въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ былыхъ авторитетовъ“. Такъ какъ эта эластичная, скользкая фраза относится къ опредѣленному періоду и къ человѣку, бывшему ближайшимъ сотрудникомъ и единомышленникомъ Салтыкова, Некрасова, Елисеева, то внутренній смыслъ ея относится одинаково къ этимъ литературнымъ именамъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что и покойный Елисеевъ не годится для современнаго „освѣщенія“, и для него „догорѣли огни, облетѣли цвѣты“. До известной степени шустрый „руководитель“ правъ. Яркій свѣтъ, разливающейся по сценѣ, освѣщаетъ ее всю до послѣдняго уголка: онъ падаетъ въ изобилии на импозантныя, мощныя фигуры первыхъ персонажей, создающихъ на сценѣ жизнь; онъ освѣщаетъ и хоръ среднихъ и малыхъ величинъ, обрисовываетъ ярко фигуры уродливыя, проникаетъ во всѣ щели и закоулки, гдѣ копошится самая мелкая тварь земная. Всѣ размѣры сохраняютъ свое истинное соотношеніе, всѣ краски — свои истинныя цвѣта. Но вотъ рампа поднята, свѣтъ приглушенъ, и въ наступившихъ сумеркахъ все прннямаетъ причудливыя, несоответственныя, фальшивыя очертанія. Въ сумеркахъ всѣ кошки сѣры, да и кошку тогда трудно бываетъ отличить отъ пустаго мѣста. Подобное „освѣщеніе“, если оно сколько-нибудь продолжительно, притушаетъ впечатлительность, умаляетъ прозорливость. Оно позволяетъ, такимъ образомъ, протиснуться въ первые ряды второстепеннымъ, третьестепеннымъ и безъ всякихъ степеней персонажамъ. „Силою обстоятельствъ“ послѣдніе храбро завладѣваютъ вниманіемъ современности и присваиваютъ себѣ ея представительство. И прекрасно: они имѣютъ *свое* „освѣщеніе“, безъ огней, безъ цвѣтовъ. Но смѣлой „освѣщеній“ и перспективъ вовсе не доказывается, чтобы сумеречный періодъ былъ чреватъ новыми запросами и отвѣтами. И вышепому-

тій „руководитель“, въ своихъ запросахъ переросшій, по его словамъ, бывше авторитеты, пока этихъ запросовъ не формулируетъ, далекихъ горизонтовъ не указываетъ. *Qui vivit, vegeta*. Быть можетъ, тяжелыя родовыя потоги „руководителя“ и разрѣшатся какою-нибудь оригинальною дщерию современности...

Но вернемся къ нашему представителю времени „огня и цѣтвовъ“. Статья Г. З. Елисеева *Изъ далекаго прошлаго*, какъ слышно, составляетъ отрывскъ изъ мемуаровъ, оставленныхъ покойнымъ публицистомъ. Отрывокъ имѣетъ специальное содержаніе, интересное для очень немногихъ: онъ трактуетъ о положеніи преподаванія, преподавательскаго персонала и административныхъ распоряждовъ въ двухъ духовныхъ академіяхъ—Московской и Казанской—въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Но и въ этихъ сухихъ, специальныхъ страницахъ встрѣчается кое-что характерное для личности и возрѣвній Елисеева. Истинъ народникъ-радикаль, чуждый сектантскаго недомыслия и односторонности, онъ осноывавалъ свои взгляды и симпатіи не на противоположеніи непосредственности и разума, народнаго и интеллигентнаго, а на свободномъ и широкоемъ взаимодействіи этихъ силъ. „Другъ народа“, всегда стоявшій на стражѣ его интересовъ, онъ не только высоко цѣнилъ науку, онъ хотѣлъ, чтобы тѣ, кто дѣйствительно вырабатываетъ и несетъ народу высшее знаніе, были въ полномъ смыслѣ неприкосновенными „жрецами“ науки, чтобы они имѣли возможность только ею одной заниматься и для этого были бы вполне обезпечены государствомъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ настоящей статьѣ Гр. Зак. есть краснорѣчивыя страницы, отстаивающія моральную и матеріальную независимость людей знанія, достойныхъ представителей науки. Да и весь отрывокъ *Изъ далекаго прошлаго* опубликованъ, какъ видно, главнымъ образомъ, по поводу недавней смерти профессора Казанской академіи, Порфирьева, бывшаго товарища и сослуживца Елисеева. Покойный профессоръ являлъ собою симпатичнѣйшій образъ труженика на каедрѣ, друга и нравственнаго воспитателя своихъ слушателей. Этотъ скромный ученый такъ и умеръ съ перомъ въ рукѣ, въ тяжелой борьбѣ за существованіе, ибо за выслугою лѣтъ вознаграждался отъ академіи только очень скудною пенсіей, и, вслѣдствіе этого, не могъ продолжать любимаго труда по исторіи русской словесности, первая часть котораго уже снискала Порфирьеву извѣстность.

Почтивъ теплыми душевными словами память честнаго дѣятеля науки, Г. З. Елисеевъ тѣмъ самымъ достойно закончилъ свое собственное писательское поприще. Самъ онъ можетъ еще болѣе служить примѣромъ поразительной скромности и отсутствія самолюбія въ нашъ мелко-самолюбивый вѣкъ. О томъ свидѣтельствуетъ обстоятельство, что масса читающихъ не подозреваетъ, что съ Г. З. Елисеевымъ сошло въ могилу крупное литературное имя. Нужно пожелать, чтобы скорѣйшимъ изданіемъ его сочиненій была исправлена эта несправедливость.

Трагедія Эсхила *Своанннй Прометей*, напечатанная въ *Вѣстникѣ Европы* въ очень хорошемъ, легкомъ переводѣ г. Мережковскаго, принадлежитъ къ великимъ неумирающимъ созданіямъ человѣческаго духа. Вѣчный мотивъ—состраданіе къ обездоленнымъ и слабымъ и гордый протестъ противъ грубой силы и недоброжелательнаго произвола—дѣлаетъ ее современной всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Могучій непреклонною волей Титанъ, виновный лишь въ томъ, что принесъ презираемымъ Зевесомъ людямъ священный огонь—„искусство, знаніе, мудрость“, что „далъ бессмысленнымъ могущественный разумъ“, обреченъ за то на

долгое страданіе, на жгучія терзанія; но онъ знаетъ, что, въ концѣ-концовъ, его ждуть свобода и безсмертіе, что ненависть и тиранія погибнуть... Чудное древнее сказаніе и еще болѣе чудная обработка его въ древней трагедіи, запечатлѣнной необычайнымъ величіемъ мысли геніальнаго грека, пламеннаго патріота, полагавшаго свою любовь къ родинѣ въ томъ, чтобы поднимать духъ своихъ согражданъ, направлять его на возвышенное и гуманное. Великолѣпныя строфы Эсхила, въ которыхъ передается разговоръ гордаго, не смиряющагося *Прометей* съ *Океаномъ*, этимъ олицетвореніемъ практической житейской мудрости, и затѣмъ съ *Гермесомъ*, рабскимъ прислужникомъ Зевса, заставляютъ забывать, что онѣ написаны безъ малаго 2½ тысячи лѣтъ тому назадъ, — до того близка и знакома заключающаяся въ нихъ драма, до того свѣжодыханіе неумирающей мысли. Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten, вспоминаются слова Гёте... Дѣлать выписки лучшихъ мѣстъ изъ Эсхила не приходится. Такія вещи, если есть мало-мальски порядочный переводъ, должны быть прочтены и извѣстны всякому образованному человѣку.

Кромѣ этого классическаго произведенія художественной литературы, въ *Вѣстникѣ Европы*, помѣщено много не классическихъ стиховъ и провъ, между прочимъ, начало иностраннаго романа *Дэмосъ*, о которомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ легкое иностранное чтеніе имѣетъ у насъ огромный кругъ потребителей, главная масса читателей скорѣе пропуститъ произведеніе Эсхила, Байрона или отечественной знаменитости, нежели романъ какой-нибудь миссъ Гаскель или мистера Готорна. Кажется, это фактъ общезвѣстный, побуждающій относиться къ иностранному роману со строгимъ выборомъ. Послѣдній опредѣляется какъ требованіями вкуса, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ нѣкоторыми новыми сторонами быта, новыми воззрѣніями и явленіями европейской жизни большинству русскихъ читателей легче и доступнѣе ознакомиться по романамъ, нежели по спеціальнымъ сочиненіямъ. Доказательствомъ служитъ необычайный у насъ успѣхъ американскаго романа Беллами, который самъ по себѣ не представляетъ никакихъ художественныхъ достоинствъ, но знакомитъ съ чрезвычайно любопытнымъ социальнo-экономическимъ теченіемъ мысли въ Америкѣ. Въ романѣ *Дэмосъ* тоже затрогивается аналогичная тема: одно изъ складывающихся и быстро растущихъ явленій, второе грозитъ захватывать своими волнами чуть не всю европейскую жизнь и отражается такъ или иначе на отношеніяхъ всѣхъ классовъ и партій. Это — рабочее движеніе, плодъ проснувающаго самосознанія современнаго демоса. Какими путями идетъ это самосознаніе въ живой дѣйствительности, какіе порождаетъ новые типы, что вноситъ въ психологію массъ, — все это представляетъ живѣйшій современный интересъ. Поэтому-то *Дэмосъ*, несмотря на своей приличный точъ, очень разочаровываетъ читателя. Въ этомъ произведеніи какого-то Гисмана важнѣйшая тема трактуется до-нельзя шаблоннымъ способомъ, не прибавляя ни малѣйшей новой черточки къ тому, какъ обыкновенно у насъ словонъ звѣка изображались народныя движенія. Судя, по крайней мѣрѣ, по началу, грандіозное общественное явленіе выходитъ здѣсь какъ бы дѣломъ рукъ нѣсколькихъ шарлатановъ прессы, эксплуатирующихъ народную глупость, а успѣхъ его среди рабочихъ объясняется незначительнымъ честолюбіемъ вожаковъ изъ ихъ среды, желающихъ ораторствовать на митингахъ, играть выдающуюся роль, попасть въ парламентъ и при первомъ удобномъ случаѣ готовыхъ сбросить свой демократическій об-

лнѣ. Не менѣ сомнительнымъ кажется и представленіе авторомъ выдающихся людей изъ народа, какъ такихъ, которые будто бы игнорируютъ всякую серьезную литературу въ ея великихъ представителяхъ, не интересуются ни исторіей, ни поэзіей, а читаютъ только нѣкоторыхъ экономистовъ и разновалиберные трактаты, по которымъ „можно судить, каковъ будетъ вѣкъ полнаго торжества материалистическихъ идей, когда искусство утратитъ свои идеалы, Библия станетъ служить только темою для юмористическихъ изданій и Шекспира провозгласить реакціонеромъ“. Подобныя фразы слишкомъ ходячи въ нашей собственной литературѣ, слишкомъ набили оскомину, чтобы ими наслаждаться еще и въ переводномъ романѣ. Къ тому же, даже отрывочныя газетныя свѣдѣнія и характерности другихъ иностранныхъ писателей, болѣе солидныхъ, нежели неизвѣстный Гисманъ, показываютъ, какіе огромные шаги сдѣлало самообразование рабочаго люда на Западѣ въ смыслѣ серьезнаго знакомства съ великими произведеніями науки и творчества. И это благодаря массѣ возникшихъ въ послѣднія десятилѣтія на Западѣ образовательныхъ учреждений для взрослыхъ рабочихъ и крестьянъ въ видѣ библиотекъ, народныхъ лекцій, народныхъ университетовъ и т. п. Именно всѣ подобныя, сравнительно недавнія нововведенія въ связи съ развитіемъ огромнѣйшихъ международныхъ ассоціацій, вродѣ, наприм., международнаго союза горнорабочихъ, конгрессъ котораго надѣяхъ себерется въ Парижѣ, не могли не наложить на современный европейскій дѣмосъ новаго отпечатка, не могли не измѣнить обычный типъ рабочаго. Не затрогивай романъ Гисмана живо трепещущей темѣ, онъ, конечно, прошелъ бы незамѣченнымъ, какъ тысячи ему подобныхъ слабыхъ и безцвѣтныхъ произведеній легкой беллетристики, читаемой на сонъ грядущій. Но разъ онъ сколько-нибудь касается такой темѣ, читатель ищетъ чего-нибудь болѣе свѣжаго, нежели устарѣлые приемы изображенія „вульгарныхъ плебеевъ“, заботящихся объ „одномъ тѣлѣ“.

Какъ сложно и разнообразно социально-демократическое движеніе въ разныхъ странахъ Запада, какіе оригинальные типы создаются имъ, сколько тратится на созиданіе его желѣзной энергіи и стойкаго убѣжденія, видно хотя бы изъ краткой замѣтки *Рабочая Голландія*, помѣщенной въ концѣ той же книги *Вѣстника Европы*. Къ сожалѣнію, это только небольшой отрывокъ изъ заграничнаго письма, но читается онъ съ живѣйшимъ интересомъ, потому что описываетъ малоизвѣстныя черты рабочаго движенія въ странѣ, о которой мы почти никогда ничего не слышимъ.

Маленькая земледѣльческая и рыбацкая Голландія, казалось, не представляетъ данныхъ для развитія въ ней рабочаго социализма. Тѣмъ не менѣ, могучее международное движеніе захватило и ее, и, несмотря на то, что организація рабочей партіи въ Голландіи существуетъ всего лѣтъ 12, она представляетъ уже очень крупное явленіе. Свѣдѣнія, сообщаемыя неизвѣстнымъ авторомъ письма, представляютъ именно тотъ интересъ, что показываютъ, какимъ образомъ рабочее движеніе организовалось въ странѣ, гдѣ не существуетъ промышленныхъ центровъ, гдѣ нѣтъ огромнаго свученнаго въ городахъ пролетаріата, гдѣ на протяженіи безконечно-послоскихъ полей не встрѣчаешь ни одной фабричной трубы, не слышишь стука станковъ и машинъ.

Своеобразность голландскаго рабочаго движенія заключается въ томъ, что въ него вербуются элементы, обыкновенно трудно поддающиеся пропагандѣ социализма: земледѣльцы, лодочники, береговые рыбаки. Въ

основѣ всего дѣла лежитъ группировка по корпораціямъ, по синдикатамъ. Въ Голландіи,—разсказываетъ авторъ,—специалисты полагаютъ, что ремесленные организаціи, достигнувъ извѣстной степени развитія, будутъ имѣть всѣ данныя для статистики рабочаго класса: количество рабочихъ каждаго ремесла; ихъ распредѣленіе по различнымъ мастерскимъ страны; отношеніе заработка къ цѣнамъ продовольствія и другихъ предметовъ первой необходимости; изобиліе и недостатокъ труда и т. п. Онѣ будутъ наблюдать за перемѣщеніями рабочихъ; будутъ направлять ихъ на пункты, гдѣ окажется требованіе на трудъ; будутъ препятствовать имъ попадать въ мѣста стачекъ и туда, гдѣ заработки незначительны вслѣдствіе избытка рукъ, и т. д. Придетъ время, полагаютъ рабочіе, когда каждый изъ нихъ не будетъ замененъ въ какую-нибудь специальность развитіемъ машиннаго производства, раздѣленіемъ труда и профессиональнымъ обученіемъ, когда онъ будетъ переходить отъ одного ремесла къ другому. Тогда ремесленные организаціи утратятъ свое значеніе, но статистическія комиссіи и созданныя ими администраціи и учрежденія останутся, видоизмѣнятся, и имъ будетъ поручено регламентировать производство и распредѣлять продукты сообразно общественнымъ нуждамъ. Такимъ образомъ ремесленные организаціи выработаютъ административные организмы будущаго рабочаго организма.

Характеръ самой организаціи рабочей партіи въ Голландіи тоже нѣсколько отличается отъ сосѣднихъ съ нею странъ. Въ послѣднихъ центральные комитеты партіи имѣютъ въ рукахъ высшую степень власти. Въ Голландіи мѣстныя группы автономны: центральный комитетъ не можетъ принять никакого рѣшенія, не предложивъ его сначала на разсмотрѣніе мѣстныхъ группъ. Это пѣчто вродѣ федеративнаго союза,—организація, вытекающая, по мнѣнію автора, изъ національныхъ историческихъ традицій.

Замѣчательно, что глава рабочей партіи въ Голландіи,—человѣкъ, можно сказать, создавшій это движеніе и снабдившій его значительными матеріальными средствами,—пасторъ Домелла, самъ сынъ пастора и внукъ пастора. Онъ рисуется авторомъ по личнымъ наблюденіямъ, какъ человѣкъ непоколебимыхъ убѣжденій, строгой честности и горячей энтузіастъ. По словамъ Домеллы, книгою, просѣтившею его, было Евангеліе и въ своей первоначальной пропагандѣ онъ исходилъ изъ идей евангельскаго социализма. Вообще, въ виду крайне любопытнаго содержанія письма изъ Голландіи, можно только жалѣть, что оно такъ кратко.

Въ статьѣ г. Пыпина *Народная грамотность*, написанной по поводу книги г. Пругавина *Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія*, почтенный авторъ выражаетъ сочувствіе дѣлу, за которое ратуетъ указанная книга. Но тутъ же попадаются нѣкоторыя замѣчанія, вызывающія не малое недоумѣніе. Г. Пыпина неприятно поражаетъ самое заглавіе книги г. Пругавина. Въ этомъ заглавіи ему, прежде всего, чудится то тенденціозное противуположеніе народа и интеллигенціи, которое, какъ извѣстно, привело къ отрицанію науки, разума и вообще породило въ послѣднее время какой-то умственный сумбуръ. Это нерасположеніе къ заглавію, очевидно, переносится отъ части и на содержаніе книги, хотя послѣднее ничѣмъ не оправдываетъ предположеній г. Пыпина. Мы не знаемъ, имѣлъ ли или не имѣлъ въ виду г. Пругавинъ въ заглавіи книги нѣчто болѣе, чѣмъ ея прямой смыслъ; но извѣстно, что группа народниковъ-

толстовцевъ, которая преимущественно культивируетъ презрѣніе къ интеллигентному труду и къ цивилизаціи, вовсе никогда не выступала съ энергичною проповѣдью той дѣятельности на пользу умственнаго развитія народа, къ которой приглашаетъ книга г. Пругавина и др. аналогичныя сочиненія. Толстовцы, противопоставляющіе народъ и интеллигенцію въ смыслѣ двухъ враждебныхъ лагерей, приглашаютъ, вѣдь, послѣднюю искать для себя святаго житія на лонѣ первобытной культуры и забыть всякую умственность и просвѣщеніе. Если самъ гр. Толстой—творецъ охранительнаго народничества—и писалъ народныя книжки, то все съ тою же цѣлью *моральной* пропаганды и противодѣйствія антихристу-разуму и его ядовитымъ „плодамъ просвѣщенія“, причѣмъ подъ именемъ послѣднихъ сваливаются имъ въ одну кучу и медицина, и техника, и пьянство, и общественность, и работа „головной“, и шарлатанство, и спиритизмъ, и гигиѣна, и табакъ... Далѣе, г. Пыпинъ не разъ вопрошаетъ: въ чемъ заключается обязанность? Кто установилъ ее? Имѣетъ ли интеллигенція возможность исполнить эту обязанность? Странные вопросы! Какъ будто каждый знающій не обязанъ нравственно по силѣ возможности сѣять знаніе тамъ, гдѣ его недостатокъ. И не такая ли это гражданская обязанность, какъ обязанность не уклоняться отъ общественной службы и воинской повинности? Если сознаніе этой обязанности мало развито, то потому, что слишкомъ у насъ много препятствій для ея культивированія и слишкомъ примитивны вообще всякія представленія о социальныхъ обязанностяхъ. Но и въ частности, неужели тѣ, кто имѣлъ счастье и возможность получить высшее образованіе въ учрежденіяхъ, созданныхъ накопленнымъ въ теченіе долгаго времени трудомъ всей націи, не обязаны взаимно подѣлиться крохами знанія съ тѣми изъ трудившихся надъ созиданіемъ культурнаго государства, кто этой возможности по своему положенію никогда не имѣлъ? Въ этомъ смыслѣ сопоставленіе интеллигенціи и народа, т.-е. въ смыслѣ обязанности первой просвѣщать народъ и правъ послѣдняго на такое просвѣщеніе, имѣетъ свой высшій и непререкаемый *raison d'être*. И не въ одной Россіи эти двѣ категоріи сопоставляются въ такомъ именно смыслѣ, вопреки утвержденію г. Пыпина, что во всякомъ другомъ обществѣ, кромѣ нашего, такая антитеза, какъ народъ и образованные люди, не имѣла бы смысла. Намъ кажется, она вездѣ имѣетъ смыслъ, когда при этомъ подъ народомъ подразумѣваются необразованные люди, имѣющіе право на знаніе, но которые не могли познакомиться съ наукой, благодаря социальнымъ условіямъ своего существованія. Не далѣе года тому назадъ въ *Вѣст. Евр.* была напечатана статья проф. Янжула, въ которой подробно разсказывалось объ англійскомъ реформаторѣ Тойнби, молодомъ ученомъ, посвятившемъ свою жизнь просвѣщенію народа. Въ рѣчахъ Тойнби ярко выставлялась антитеза народа и „людей науки“ и стремленіе искупить несправедливость, заключающуюся въ пренебреженіи этими „людьми науки“ народа и его нуждъ, ставилась задача придти къ нему на помощь, служить ему до самопожертвованія. Изъ этихъ принциповъ, какъ извѣстно, вытекло основаніе учрежденія Тойнби, т.-е. студенческаго общежитія, посвятившаго свою дѣятельность умственному и социальному развитію рабочихъ.

Г. Пыпинъ находитъ, что авторъ помянутой книги „поступилъ бы вѣрнѣе, если бы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, неорганизованный, не имѣющій ни права, ни возможности распоряжаться народною школою“.

мотностью, а въ тѣмъ вѣдомствамъ правительственнымъ, городскимъ и земскимъ, которыя имѣютъ власть надъ народною школою или право участія въ ея устройствѣ... Столь великое дѣло, какъ народное образованіе, не можетъ быть основываемо на одной филантропіи. Разумѣется, дѣло общаго образованія народа есть огромное государственное дѣло и не можетъ быть всецѣло оставлено на рукахъ частной инициативы, частныхъ средствъ. Но, кромѣ организациі школьнаго дѣла, есть, вѣдь, еще обширная область вѣншкельныхъ заботъ о просвѣщеніи взрослого народа, каковы воскресныя школы, народныя чтенія, изданіе хорошихъ дешевыхъ книгъ, а все это совершенно по силамъ и средствамъ частной инициативы; книгоиздательство, напримѣръ, можетъ даже давать значительный доходъ и не нуждается въ „филантропіи“. Пока государство приметъ на себя также задачу вѣншкельнаго просвѣщенія народа, пока судъ да дѣло въ развитіи самого школьнаго образованія, — неужели частной инициативѣ сидѣть сложа руки? Интеллигенція въ самомъ дѣлѣ не есть опредѣленный, организованный классъ, — она разсыяна повсюду: и въ земствѣ, и въ городскомъ управленіи, и въ бюрократіи, и въ различныхъ ученыхъ и иныхъ обществахъ. Слѣдовательно, обращаясь къ интеллигенціи, ревнители народнаго образованія обращаются, вѣстѣ съ тѣмъ, и къ власти, къ людямъ, имѣющимъ средства и компетенцію двигать дѣло впередъ. Самъ авторъ настоящей статьи отмѣчаетъ то обстоятельство, что необычайное увеличеніе числа школъ въ Петербургѣ зависѣло отъ счастливаго подбора городскихъ представителей, имѣвшихъ убѣжденіе въ необходимости школы. Вотъ къ этимъ то „людямъ убѣжденія“, гдѣ бы они ни были, и обращается напоминаніе объ „обязанностяхъ“. Несомнѣнно, вѣдь, что подъемъ энергіи этихъ людей, большій или меньшій приливъ дѣятелей въ народныя школы, аудиторіи, въ земство и проч. зависитъ отчасти отъ степени успѣха или неуспѣха такого рода дѣятельности и начинаній, отъ размѣровъ запроса на нее. Поэтому свѣдѣнія объ увеличеніи запроса могутъ вызвать удовлетвореніе его въ наивозможно болѣе широкихъ размѣрахъ.

Вполнѣ справедлива и понятна настойчивость, съ которою г. Пыпинъ требуетъ широкой прочной постановки народно-школьнаго дѣла на государственный счетъ, но совершенно непонятно его отрицательное отношеніе къ участию въ немъ частной инициативы. Между тѣмъ, не она ли играетъ часто роль живой воды въ рутинномъ официальномъ дѣлѣ? Въ государствахъ, тратящихъ огромныя средства на народное образованіе, какъ Франція, и тамъ есть мѣсто и дѣло для частной инициативы. Ей принадлежатъ, напримѣръ, обширная *Ligue française de l'enseignement*, основанная и руководимая извѣстнымъ ученымъ, Жюаномъ Массе.

Странное отношеніе автора къ частной инициативѣ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія доходитъ до того, что сознательную общественную потребность, выражающуюся въ этой инициативѣ, г. Пыпинъ приравниваетъ къ простой филантропіи, пожертвованія на дѣло образованія презрительно обзываетъ „подаваніемъ“ и высказываетъ, что „не унижительно ли какъ будто для достоинства стомилліонной массы“ ставить ея потребности въ зависимость отъ этихъ подаваній? Но отчего же въ Америкѣ, гдѣ на частныя пожертвованія создаются и содержатся цѣлыя университеты и академіи, нѣтъ не смотреть на это какъ на унижительное подаваніе, а смотреть какъ на вѣрно понятое исполненіе гражданскаго долга? Почему унижительно для великой страны,

Если фабрикантъ пожертвуетъ часть прибыли съ капитала, накопленнаго трудомъ его рабочихъ, на школу для дѣтей этихъ рабочихъ? Унижительно кажется намъ для такой страны только обратное явленіе—отсутствіе всякихъ пожертвованій этого рода.

Можно жалѣть только о томъ, что частная инициатива въ дѣлѣ школьнаго и внѣшкольнаго образованія у насъ еще такъ мало развита и что въ пожертвованіяхъ на это дѣло прославляется еще духъ филантропіи, т. е. удовлетвореніе личнаго чувства дающаго, а не прочное общественное самосознаніе. Исслѣдованія, подобныя книгѣ г. Пругавина, думается намъ, тѣмъ и важны, что будятъ и распространяютъ это самосознаніе, которое нѣкоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ филантропическими побужденіями, какъ это дѣлается въ статьѣ *Народная грамотность*. „Мы должны развивать мысль не о томъ, что кака-то „интеллигенція“ обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устраивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нормальнымъ образомъ, какимъ оно могло быть и было поставлено у другихъ народовъ, чтобы народъ пользовался извѣстною долей образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ, законномъ порядкѣ вещей“,—говоритъ г. Пыпинъ. „Проповѣдь филантропіи питаетъ заблужденіе, отводитъ глаза отъ необходимости ставить вопросъ во всей его національной, государственной широтѣ“,—прибавляетъ онъ.

„Мысль“ о необходимости широкой и прочной государственной постановки дѣла народнаго образованія давно стала общимъ мѣстомъ и оспаривается только закоренѣлыми обскурантами и крѣпостниками. Кромѣ того, ограничиваться проповѣдью этой аксіомы не значить ли въ свою очередь ждать всегда только отъ государства и его почина и полагать пассивному отношенію общества къ народнымъ нуждамъ? Не слѣдовало ли бы, скажемъ мы въ свою очередь, рядомъ съ хлопотами о расширеніи государственныхъ заботъ и участія въ дѣлѣ народнаго образованія, взывать и хлопотать о томъ, чтобы существующій общественный самопочинъ въ этомъ дѣлѣ получилъ болѣе простора и не натѣкался постоянно или на „независація обстоятельства“, или на недостатокъ собственной прочной организаціи? Совершенно понятно впечатлѣніе г. Пыпина по поводу мизерности размѣровъ многихъ частныхъ начинаній въ этой области, совершенно законныя сомнѣнія въ томъ, имѣетъ ли возможность интеллигенція въ настоящее время расширять ее и двигать впередъ. Дѣйствительно, картина трудовъ интеллигенціи на этомъ поприщѣ поражаетъ всякаго наблюдателя нестройностью, хаотичностью дѣйствія, случайностью средствъ и слабосиліемъ. Но нельзя ограничиваться тѣмъ, чтобы только разить въ Ахиллесову пятку; нужно стремиться лечить болное мѣсто, съ цѣлью сохранить здоровое тѣло общественной инициативы. Ни г. Пыпинъ, ни, кажется, книга г. Пругавина не настаиваютъ на необходимости созданія организаціи тѣхъ силъ, которыя теперь тратятся на народное образованіе нашею интеллигенціей часто совершенно непроизводительно и неправильно, вслѣдствіе полной своей разрозненности. Только возможность прочнаго объединенія этихъ силъ, только крѣпкая организація въ дѣлѣ заботъ о просвѣщеніи народа выведетъ послѣднія изъ того сравнительно жалкаго состоянія, въ которомъ онѣ находятся. Только, опять-таки, широкая организація можетъ превратить малосильную частную инициативу въ плодотворное общественное дѣло.

Г. Пыпинъ высказываетъ нѣкоторый скептицизмъ относительно самыхъ „запросовъ“ народа на книжку. Ему, очевидно, опять чудится здѣсь „народническая“ идеализація народа. Но дальше предположеній, однако, дѣло у него не идетъ.

Правду сказать, вопросъ о народничествѣ и его содержаніи находится у насъ въ хаотическомъ состояніи. Г. Пыпинъ, обращаясь къ этому вопросу, то говоритъ объ одной „группѣ народниковъ“, то какъ бы различаетъ ихъ, то выдѣляетъ специальныхъ народниковъ-толстовцевъ, то опять сплачиваетъ все воедино, т.-е. и *охранительное народничество*, довольствующееся современнымъ бытомъ и развитіемъ народа, и даже идеализирующее ихъ, и *прогрессивное народничество*, стремящееся путемъ пробужденія народнаго самосознанія развить богатые природныя дарованія народа, расширить его міросозерцаніе, улучшить всѣ условія его жизни. Кажется, эти два течения смѣшивать не приходится. Между тѣмъ, отъ статьи *Народная грамотность* получается такое впечатлѣніе, будто принципиальная антипатія къ ошибкамъ мысли представителей охранительнаго народничества переносится авторомъ на дѣла и стремленія народничества прогрессивнаго. Точно послѣднее отвѣтственно за первыя!... Впечатлѣніе это усиливается обстоятельствомъ, что всякій общественный починъ въ заботахъ объ образованіи народа, даже отдѣльные случаи частной инициативы находили постоянное сочувствіе въ той печати, представителемъ которой является г. Пыпинъ.

Сѣверный Вѣстникъ, *ноябрь—январь*. Возможностью свободной и широкой организаціи на Западѣ объясняется громадный успѣхъ тамъ частной инициативы во всемъ, къ чему бы она ни прикоснулась. Выдающимся примѣромъ того, что можетъ сдѣлать стройно организованное общество людей, объединенныхъ однимъ принципомъ, можетъ служить пресловутая армія спасенія. Подъ градомъ насмѣшекъ, презрѣнія, ѣдкой критики и недоброжелательства мистическое общество это, все-таки, успѣло вырости до такихъ размѣровъ, что насчитываетъ теперь въ своихъ рядахъ дѣлныя сотни тысячъ участниковъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара. И вотъ вся эта многочисленная армія, строго дисциплинированная, но дѣйствующая вполне сознательно и добровольно, сразу, какъ одинъ человѣкъ, направляется ея руководителемъ на грандіозное практическое дѣло—искорененіе или уменьшеніе пауперизма въ большихъ городахъ, преимущественно въ Лондонѣ. Перейдя отъ моральной проповѣди къ практическому дѣлу, располагая огромными матеріальными средствами, сильная сочувствіемъ многихъ выдающихся дѣятелей Англии, армія спасенія дѣлается, такимъ образомъ, могущественною общественною силой, и очень можетъ быть, что предпринимаемая ею борьба съ пауперизмомъ явится однимъ изъ серьезныхъ палліативовъ въ дѣлѣ временнаго смягченія самыхъ вопіющихъ золь современнаго социальнаго строя. Впрочемъ, читатели *Русской Мысли* уже знакомы въ общихъ чертахъ съ этимъ интереснымъ явленіемъ европейской жизни изъ прошлаго *Очерка русской жизни* Н. В. Шелгунова. Но если бы кто пожелалъ подробнѣе ознакомиться съ нимъ, тому можно рекомендовать обстоятельную статью проф. Янжула въ январьской книгѣ *Сѣв. Вѣстн.: Въ трущобахъ Англии*. Здѣсь живо представлена дѣятельность и организація арміи спасенія, и содержаніе книги Бутса о задуманныхъ имъ дѣлахъ на пользу бѣднѣйшихъ городскихъ классовъ,—книги, надѣлавшей въ послѣднее время огромнаго шума.

Быстрое превращеніе частной инициативы въ общественное и государственное дѣло при условіи свободы выказалось въ области народ-

наго образованія въ скандинавскихъ государствахъ. Замѣчательный очеркъ нынѣ уже покойной С. В. Ковалевской *Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеции* помѣщенъ въ ноябрьской книгѣ *Сво. Вѣстн.* прошлаго года. Изъ него видно, какіе большіе успѣхи сдѣлала въ Швеціи идея распространенія высшаго образованія въ народѣ въ теченіе сравнительно короткаго времени, — съ 1866 г., т.-е. приблизительно за тотъ же періодъ, въ какой она дѣйствуетъ и у насъ. Но тамъ уже дѣло дошло до вышнихъ школъ для взрослыхъ крестьянъ, называемыхъ въ Швеціи крестьянскими университетами. Вышла та идея первоначально тоже отъ отдѣльных выдающихся личностей, быстро развилась и окрѣпла въ свободномъ народническомъ движеніи, охватившемъ лучшую часть интеллигенціи въ Даніи и въ Швеціи, причемъ въ первой осталась практически на частной почвѣ, а во второй сдѣлалась принадлежностью правительственной программы и выразилась въ видѣ учрежденія обязательнаго обученія и въ видѣ поманутыхъ университетовъ, содержимыхъ частью на государственный, частью на земскій счетъ. Въ настоящее время, — рассказывается въ очеркѣ С. В., — въ маленькой Даніи насчитываютъ болѣе 40 школъ для взрослыхъ крестьянъ, и многія изъ этихъ школъ пользуются субсидіей отъ государства. Извѣстный физикъ Поль-де-ла-Куръ, изобрѣтатель оптического телеграфа, не разъ получавшій приглашеніе занять кеедру какъ въ датскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ университетахъ, предпочелъ остаться всю свою жизнь простымъ учителемъ въ крестьянской школѣ. Такимъ же преданнымъ образомъ выразалось участіе интеллигенціи въ Швеціи и въ Норвегіи. „Молодые люди, кончившіе блистательно курсъ въ университетѣ, вмѣсто того, чтобы перебивать другъ у друга мѣста въ департаментахъ, шли теперь въ учителя народныхъ школъ. Родилась мысль основать и въ Швеціи, и въ Норвегіи школы для взрослыхъ крестьянъ. Во главѣ этого дѣла стали самыя талантливыя вожаки народной партіи въ Норвегіи: Біёрнсонъ и Ульманъ. Первый изъ нихъ произносилъ восторженныя рѣчи на всевозможныхъ митингахъ, писалъ горячія статьи во всѣхъ журналахъ и газетахъ и подстрекалъ на служеніе народу все, что только было талантливаго и чуткаго среди тогдашней молодежи. Второй въ это время самъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но уже пользовался такою популярностью, что тотчасъ же по его выходѣ изъ университета его хотѣли выбрать въ парламентъ. Но Ульманъ отказался отъ этого предложенія, сразу открывавшаго ему политическую дорогу, и предпочелъ всецѣло посвятить себя дѣлу народныхъ школъ. Онъ сдѣлался странствующимъ лекторомъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переѣзжалъ изъ мѣста въ мѣсто по самымъ глухимъ деревушкамъ Норвегіи, пока идея образованія взрослыхъ крестьянъ не привилась окончательно и въ самый народѣ. Въ Швеціи, какъ уже сказано, высшія школы для взрослыхъ крестьянъ были основаны на государственный счетъ. Цѣль ихъ, по опредѣленію ректора той школы, которую посетила покойная Ковалевская, заключается въ слѣдующемъ: „не отнимая крестьянина отъ земли, не вырабатывая изъ него машину, пригодную для той или иной специальности, школы должны пробудить въ немъ человѣческое сознаніе, дать ему хотя общее понятіе о сокровищахъ, накопленныхъ человѣчествомъ въ области наукъ и искусствъ, и приобщить его къ тѣмъ умственнымъ наслажденіямъ, которыя доступны интеллигентнымъ слоямъ общества“. Вліяніе крестьянскихъ университетовъ, по словамъ той же почтенной личности, сказывается въ томъ, что вслѣдъ за открытіемъ высшей крестьянской школы

въ какой-нибудь мѣстности тотчасъ же откроется нѣсколько библиотекъ, заведется хоровое общество, начнетъ издаваться мѣстная газетка. Наоборотъ, число кабаковъ и трактировъ уменьшится. Кромѣ того, школы сглаживаютъ сословныя различія, которыя въ Швеціи очень рѣзки между крестьянами-собственниками и *торнаре*, т. е. безземельными арендаторами и батраками. Такихъ высшихъ крестьянскихъ школъ нынѣ уже основано въ Швеціи двадцать пять на четыре милліона населенія. Если соблюдать ту же пропорцію, это значитъ, что Россія въ настоящее время потребовала бы устройства 625 таквхъ школъ для своего взрослого сельскаго населенія.

Прекрасный очеркъ С. В. Ковалевской заканчивается трогательными словами: „Лежа въ эту ночь въ постели, я долго не могла заснуть: все вертѣлись у меня въ головѣ мысли о далекой родинѣ. Думалось мнѣ: придется ли мнѣ когда-нибудь въ жизни, въ какой-нибудь заброшенной, глухой русской деревушкѣ рассказывать кучкѣ русскихъ молодыхъ крестьянъ о Швеціи, какъ я рассказывала сегодня шведамъ о Россіи“. Невыразимо грустно читать теперь эти симпатичныя строки. Нѣтъ, не пришлось Софьѣ Васильевнѣ осуществлять свои мечты. Съ той поры, какъ написаны тѣ строки, прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, а уже смерть успѣла похитить замѣчательную русскую женщину въ самомъ разцвѣтѣ ея богатыхъ силъ. Это дѣйствительно была звѣзда первой величины въ современномъ поколѣннн русскихъ женщинъ. Талантливый, ученый профессоръ Стокгольмскаго университета, Софья Васильевна, какъ извѣстно, заявила себя недавно въ нашей литературѣ какъ выдающееся художественное дарованіе, ярко блеснувшее въ *Воспоминаніяхъ дѣтства*, напечатанныхъ лѣтомъ прошлаго года въ *Вѣстникѣ Европы*. Живымъ умомъ и наблюдательностью дышать также и настоящія замѣтки о крестьянскомъ образованнн въ Швеціи. По всей вѣроятности, поощренная успѣхомъ, она много поработала бы еще въ русской литературѣ. Но не везетъ теперь русской литературѣ и еще менѣе везло и везетъ русской женщинѣ. Что ни мѣсяць, литература теряетъ выдающихся, преданныхъ лучшимъ ея традиціямъ дѣятелей. Представительница же русскихъ женщинъ, явившая собою блистательное доказательство ихъ нравственныхъ силъ, ихъ интеллектуальныхъ способностей, отдаетъ поневолѣ свои знанія и таланты чужой странѣ. На родинѣ, въ Россіи, даже мало до сихъ поръ было знакомо имя той, которая пользовалась за границей почетною извѣстностью и получала награды и отличія отъ высшихъ ученыхъ учреждений за свои математическія труды. Когда же она рѣшается, наконецъ, выступить на родинѣ въ доступной дѣятельности писательницы, смерть уноситъ ее въ самомъ началѣ многообѣщавшей карьеры. Знаменательно, что, кажется, послѣднія напечатанныя при жизни Софьи Васильевны строки, которыя мы цитировали выше изъ ея статьи, выражали теплую думу покойной о „далекой родинѣ“. Ранняя смерть С. В. Ковалевской представляетъ невольнаградимую потерю для русскихъ женщинъ.

Статья о *Крестьянскихъ университетахъ въ Швеціи* представляется и самою интересной и живой изъ всего матеріала послѣднихъ книгъ *Свернаго Вѣстника*. Изъ оригинальныхъ статей научнаго характера выдѣляются за то же время обширное историческое изслѣдованіе проф. Лучицкаго *Крестьяне и крестьянская реформа въ Дании и Теорія ренты* г. Головачева. Въ послѣдней ставится, въ сожалѣнію, слишкомъ кратко развитое, но очень оригинальное и заслуживающее вниманія положеніе, что рента представляетъ собою ничто иное, какъ покупку

права на трудъ, такъ какъ ни въ какой, даже самой богатой, странѣ капиталъ не можетъ гарантировать работу всему населенію, и земля служить существенною гарантіей въ этомъ отношеніи, не допуская слишкомъ значительнаго паденія заработной платы.

Въ беллетристическѣхъ тѣхъ же номеровъ журнала значительно выдѣлилась изъ всего остального *Тоска* г. Альбова. Критика уже отмѣтила этотъ рассказъ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній автора, а нѣкоторые считаютъ его даже чуть ли не самымъ лучшимъ изъ всего, написаннаго г. Альбовымъ. Намъ кажется, дѣйствительно, что по талантливости письма и по мягкому симпатичному колориту *Тоску* можно поставить если не рядомъ, то тотчасъ за *Воспитаніемъ Лѣльки*—раннимъ и самымъ удачнымъ произведеніемъ г. Альбова, въ которомъ вылились всѣ симпатичнѣйшія стороны его таланта. *Искусства въ Тоскѣ*—бездна, и замѣчательнаго искусства: съ очень, очень незначительнымъ и невзрачнымъ матеріаломъ подъ руками, авторъ достигаетъ сравнительно большихъ результатовъ, уподобляясь художнику-мозаисту, который изъ мельчайшихъ некрасивыхъ камешковъ скомбинировалъ портретъ, дышащій жизнью.

Маленькое незамѣтное существованіе одной полумѣщанской семьи въ Петербургѣ, представляющей ничтожнѣйшій атомъ въ водоворотѣ жизни огромнаго города, вырисовывается въ *Тоскѣ* очень выпукло, во всей своей индивидуалистической мѣщанской обособленности. Крошечный внутренній мірокъ старшей дочери, Глафиры, изнывающей отъ своего дѣвства, не согрѣтаго жаромъ счастья и молодой любви, обнаженъ авторомъ до мельчайшихъ изгибовъ, со всѣми горячими ранами, мелкими уколами самолюбія, нервическими вспышками гнѣва, тоской несбывшихся надеждъ. Собственно говоря, простѣйшія отношенія, элементарнѣйшія чувства, поразительная бѣдность внутренней жизни, какую только себѣ можно представить,—вотъ элементы, изъ которыхъ сотканъ рассказъ. Но авторъ живо интересуется своими простенькими героями и силою своего таланта заинтересовываетъ ими читателя; онъ жалѣетъ маленькихъ людей, симпатизируетъ ихъ личному горю, и послѣднее въ его искусномъ изображеніи получаетъ характеръ настоящей драмы, къ которой читатель не можетъ остаться равнодушнымъ. Но, съ интересомъ переходя отъ главы къ главѣ, читатель не можетъ, въ то же время, отдѣлаться отъ мысли или, лучше сказать, отъ чувства сожалѣнія, что вотъ какое богатство средствъ, какія мягкія, чудныя краски, сколько тщательности и артистической провинновенности и, сравнительно съ ними, какая бѣдность и неоригинальность содержания въ этомъ рассказѣ. Именно, вслѣдствіе очень ярко блеснувшей здѣсь талантливости г. Альбова, эта внутренняя антитеза въ *Тоскѣ* постоянно мечется въ глаза, и, въ концѣ-концовъ, сознаніе ея отрываетъ читателя отъ обаянія, которое авторъ производитъ на него. Впечатлѣніе отъ рассказа поэтому длится не долго.

Въ заключительныхъ строкахъ *Тоски* г. Альбовъ обѣщаетъ впоследствии прослѣдить жизнь своей героини далѣе. Нужно разсчитывать, или, по крайней мѣрѣ, желать, чтобы онъ ввелъ ее въ рамки болѣе сложныхъ чувствъ и отношеній, чтобы построилъ свой слѣдующій рассказъ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Незатѣйливый обособленный мірокъ взаимныхъ отношеній трехъ членовъ описанной семьи и отдѣльная ячейка этого мірка—сердце старой дѣвы—исчерпаны авторомъ до гла.

Перебирая ворохъ водянистыхъ иностранныхъ хроникъ, литератур-

ныхъ замѣтокъ, корреспонденцій, сообщеній и т. под., находимъ, что живая, талантливая струнка слегка прозвучала лишь въ *Письмахъ изъ Москвы*, — прозвучала и отзвучала, ибо письма эти уже давно прекратились, всего послѣ двухъ опытовъ. Корреспондентъ *Стеернаго Вѣстника* задавался цѣлью слѣдить, главнымъ образомъ, за умственной жизнью первопрестольной столицы, уловить ея духовную физиономію, выражающуюся въ дѣятельности ученыхъ обществъ, университета, въ ея искусствахъ и т. под. Немного радостнаго ожидало его въ этомъ занятіи. Наблюденія его констатировали сильный упадокъ умственной жизни въ Москвѣ и, наоборотъ, чрезмѣрное развитіе „праздности“, этого упорнаго пережитка фамусовскихъ временъ. Это—та невольная праздность, которая такъ иннервируетъ общественную жизнь, порождаетъ апатію и ослабленіе духовныхъ интересовъ.

ПОПРАВКА. Въ прошломъ журнальномъ обзорѣнн, по поводу статьи Вл. Соловьева о стих. Фета въ „Русскомъ Обзорѣнн“, есть ссылка на извѣстный переводъ Байрона на французскій языкъ прозой, но, вмѣсто словъ: „переводъ Бенжамена Лорша со вступительною статьей Виллемеа“, напечатано только: „переводъ Виллемеа“.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

Веллетристика: „Сочиненія“ *М. Ю. Лермонтова*.— „Безъ маяка“. *М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго)*.— „Историческіе рассказы и воспоминанія“. *С. Атаев (Тертиорева)*.— „Люди темне“. *И. Н. Захарина (Якунина)*. — „Сторожиха и друг. рассказы“. *А. В. Гремина*. 67

Философія, психологія и педагогика: „Пронсхождение идеи времени“. *Гюйо*. — „Мысли о воспитаніи“. *Джона Локка*.— „Die Pädagogische Pathologie oder die Lehre von den Fehlern der Kinder“, von *Strümpell*. 74

Исторія и біографія: „Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“. *В. Васильевскаго*.— „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ“. *М. Пинемна*.— „Историко-статистическій указатель города Пскова“. *И. И. Василева*.— „Историческій очеркъ города Вязьмы съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. (включительно)“. *И. П. Виноградова*.— „Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула“. *Г. Н. Ге*.— „Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ“. *С. И. Уманца*.— „Жизнь замѣчательныхъ людей“. *Изд. Ф. Павленкова*.— „Жизнь Тимура“. *Ламма*. 77

Политическая экономія и статистика: „Das Gewerbegericht“, von *Stieda*.— „Die Arbeiterschutzgesetze der europäischen Staaten“, von *Braun*.— „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.“. 82

Юридическія книги: „Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка“. *Вл. Реннекампа*. — „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ моск. архивѣ мин. юстиціи“. 86

Географія и этнографія: „Вотьяки“. *И. И. Смирнова*. — „Сборникъ землѣвѣдѣнія“. 89

Сельское хозяйство: „Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки“. *К. Дмитриева*. — „Значеніе почвенно-геологическихъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства“. *А. Н. Энгельгардта*. — „Изслѣдованіе зерноваго хлѣба и муки со спорнаею“. *В. Д. Орлова*. — „Степная корова, какъ ходитъ за ней и какъ помогать ей при теленіи“. *Г. И. Гурина*. 91

Техническія книги: „Винокуренное производство“. *К. Вебера*. — „Руководство по дрожжевому производству“. *Ею же*. — „Библиотека ремесленниковъ и

кустарей". *Ленера*. — „Электрическіе звонки, ихъ устройство и условія правильного дѣйствія“. *W. Fournier et Canter*. 93

Естествознаніе: „Колебанія уровня и температуры въ береговой полосѣ Чернаго и Азовскаго морей“. *Проф. А. Клоссовскаго*. — „Метеорологическій Вѣстникъ“ 96

Медицина: „Медицинское Обзорѣніе“. *Спримона*. — „Семіетка и діагностика дѣтскихъ болѣзней“. *Нила Филатова*. 98

Дѣтскія книги и учебники: „Петръ Ждановъ“. *П. Р. Фурмана*. — „Оенина курочка“. *П. Незванова*. — „Русская хрестоматія“. *П. Барышниковая*. — „Руководствіе, какъ предметъ преподаванія въ народной школѣ“. *Е. Янжуль*. — „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи“. *Е. Крылова*. 99

Справочныя книги: „Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1891 г.“. *Проф. Андрея и д-ра Вороничина*. — „Всемирный языкъ „Эсперанто““. *Изд. Заметофа*. 106

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Евронн“, январь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь—январь. . . . 107

НОВАЯ КНИГА: ЗАПРОСЫ НАРОДА

И

ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ВЪ ОБЛАСТИ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. С. Пругавина.

Издание редакціи журнала „Русская Мысль“.

Содержаніе: Вольныя крестьянскія школы.—Публичныя чтенія для народа въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Ярославѣ и т. д.—Народныя бібліотеки и читальни.—Почему „хорошія книжки“ не доходили до народа?—Лубочные издатели.—Литература улицы.—Офени-книгоноши.—Страстующіе тещи.—Современная лубочная литература.—Публика выросла.—Что и какъ читаетъ народъ?—Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія.—Къ вопросу о расплатѣ съ народомъ.—Приложенія: Циркулярныя министерства народнаго просвѣщенія, относящіяся до школъ грамотности.—Правила для устройства народныхъ чтеній.—Правила о народныхъ читальняхъ.—Какъ основалась первая сельская общественная бібліотека?

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Русская Мысль“

(Москва, Леонтьевскій, № 21).

Вышла и продается у всѣхъ книгопродавцевъ **НОВАЯ КНИГА:**

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ (ПОЛНОЕ)

Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

Въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку компактной печати въ двѣ колонны, съ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ и ПОРТРЕТОМЪ АВТУРА, исполненнымъ въ фототипіи Шерера, Наболицъ и №.,

въ Москвѣ.]

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА. Крестьянскія повѣсти и рассказы: Рассказъ заводскаго хлопца.—Крестьяне-присяжные.—Въ артели.—Авраамъ.—Деревенскій король Лиръ.—Горе стараго Кабана.—Пропала деревня.—Пророчница.—Устон. (Исторія одной деревни). Повѣсть въ четырехъ частяхъ. **СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.** Повѣсти и рассказы: Золотыя сердца. (Повѣсть).—Барская дочь.—Скиталецъ. (Пріѣздъ въ деревню.—Израильская жизнь.—Миша и Груша.—Семья Кремлевыхъ.—Конецъ Русанова).—Мои видѣнія.—Господа Караваевы.—Надо торопиться.—Изъ однихъ воспоминаній.—Предводитель золотой роты.—Лѣсъ.—Труженики.—Городъ рабочихъ.—Искра Божія.—Безумецъ.—Гетманъ.—Бытовые очерки: Деревенскія будни. (Очерки крестьянской общины).—Красный кузь.—Деревенскіе полтики. (Бабы царство.—Солдатикъ Васекъ.—Облюбовали).

Издание редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Цѣна за ДВА тома 3 р., съ перес. 3 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ за пересылку не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21.)

Вышелъ въ свѣтъ первый томъ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЗРѢНІЯ“,

СБОРНИКА

историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Цѣна 2 р. 50 коп.

(Складъ при типографіи М. М. Стасклевича. С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. № 28).

Содержаніе: Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки, Н. И. Карцова. Новѣйшія работы по исторіи французской революціи, ея же. Къ вопросу о вѣннской политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну, Г. В. Ферстена. Маколей, какъ историкъ, П. Д. Погодина. Философія, исторія и теорія прогресса, Н. И. Карцова. Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи, А. И. Покровскаго. Обзоръ современнаго состоянія польской историографіи, А. И. Павинскаго. Новыя труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ, С. Л. Степанова. Иностранныя историческія журналы, Н. К. и Г. Ф. Историческая хроника: Историческое преподаваніе въ русскихъ университетахъ. Конкурсныя темы по исторіи и „оставленные при университетахъ“. Ученныя общества. Историческое преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Историческіе диспуты въ 1890 г. Исторія въ гимназіяхъ по новому учебному плану. Новыя историческія труды. Изъ историко-философской литературы за послѣднее время. Историческое общество при Петербургскомъ университетѣ въ 1890 г.

Въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова и Вольфа въ Москвѣ и Милліе и К° въ Петербургѣ продается статья

Д-РА ЕВГ. ШМИДТА:

„Центръ жизни въ организмѣ“. Москва, 1886 (ц. 45 к.).

Статья того же автора:

Begriff und Sitz der Seele (1887. Ц. 1 р.).

Entgegnung auf die im Zeitschriften erschienenen Recensionen des Schrift: Begriff und Sitz der Seele (1889. Ц. 40 к.).

Deutsche Literaturgeschichte im Auszuge für russische Lehranstalten und zum Selbstunterricht (2. Aufl. 1890 г. Ц. 75 к.) и

Философскія основанія математики и 11-я аксіома Эвклида (1891. Ц. 25 к.).

Продаются у Дейбнера и въ другихъ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

Москва, Петровскія линіи, № 15.

Высылаемъ по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ всѣ книги, гдѣ и гдѣ бы они ни были опубликованы:

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Гервинусъ Г. Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. 6 томовъ. Спб. 1873 — 1888 г. Ц. 14 р. 75 к. Гехтъ, Э. Очеркъ исторіи еврейскаго народа. Изд. 2. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій. 4 т. Ц. 12 руб. Гиляровъ-Платоновъ. Извъ переложенаго. Автобіографическія воспоминанія. 2 тома. Ц. 3 р. Зайцевъ. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія востока. Т. 1. Ц. 2 р. Древняя исторія запада. Ц. 4 р.	Карлейль. Историческіе и критическіе опыты. М. Ц. 3 р. ГОЛИКОВЪ. Дѣянія Петра Великаго. 15 томовъ. Ц. 30 руб. Головачова. Воспоминанія. Русскіе писатели и артисты. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 35 коп. Драперъ Д. Исторія умственнаго развитія Европи. Изд. 4. 2 тома. Ц. 4 р. Жуковский. Исторія политической литературы XIX в. Т. 1. Ц. 3 руб. Зевортъ - Эдгаръ. Исторія Нового времени. (XVI—XVIII в.). Ц. 4 р. 50 к. Морлей, Д. Вольтеръ. Ц. 2 р.

Книжнымъ магазиномъ П. К. Прянишникова и Т—мъ И. Н. Кушнеревъ и К^д печатается и выйдетъ 15 іюля

художественное изданіе сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Текстъ вновь исправленъ и провѣренъ по рукописямъ поэта, подъ редакціей П. А. Ефремова. Со 100 рисунк., написанными исключительно для этого изданія художниками: И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Н. Н. Дубовскимъ, С. П. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, А. И. Куинджи, В. Е. Маковскимъ, Г. Менкъ, В. Д. Полтновымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Стрковымъ, К. А. Трутовскимъ и И. И. Шишкинымъ.

Издателями приняты всѣ мѣры, чтобы изданіе вышло вполне изящнымъ и по цѣнѣ доступнымъ публикѣ.

19 августа сего года истекаетъ срокъ для представленія работъ на конкурсъ въ память **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II**, учрежденный Россійскимъ Обществомъ Краснаго Креста. За лучшія работы, служащія для облегченія страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ, назначено двѣ преміи: въ 1,000 и 500 руб. Желающимъ ознакомиться съ подробными условіями конкурса таковыя по требованіямъ высылаются канцеляріей главнаго управленія Общества (Инженерная, № 9) бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

на большую ежедневную политико-литературную, общественную и иллюстрированную газету

„МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

	На 1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 мѣс.	7 мѣс.	8 мѣс.	9 мѣс.	10 м.	11 м.	12 м.
Съ дост. въ Москвѣ.	1	— 1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40	9 —
Съ перес. въ города.	1	— 2 —	3 —	3 90	4 80	5 70	6 50	7 30	8 —	8 70	9 40	10 —
За границу	2	— 4 —	— 6 —	7 80	9 60	11 40	13 —	14 60	16 —	17 40	18 80	20 —

Подписка принимается въ теченіе всего года, но срокъ считается только съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Въ **МОСКВѢ**: въ конторѣ редакціи: Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Н. И. Пастухова; въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ; А. Д. Прѣсова, на Никольской; „Новаго Времени“, на Кузнецкомъ Мосту; у Мейера, на Покровѣ, д. Соболева; въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ торговыхъ линіяхъ; въ газетной лавкѣ Ласточкина, у Срѣтенскихъ воротъ; въ конторѣ объявленій Вл. Гиляровскаго, Столешниковъ переулокъ, домъ Корзинкина. Въ **ПЕТЕРБУРГѢ**: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ и въ конторѣ Матисена, Большая Конюшенная, д. № 29.

н а

„НУВЕЛЛИСТЪ“

музыкальный журналъ для фортепiano

и

„Музыкально-театральная газета“.

Съ 1-го января 1891 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступитъ въ 52-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія „НУВЕЛЛИСТА“ доставитъ каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепiano, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакция находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помещаетъ въ журналѣ приобретаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества, и по степени трудности доступны для большинства публики. Кромѣ того, принявъ во вниманіе письма матерей семействъ, неоднократно получаемаго редакціею, съ просьбою о помѣщеніи въ „НУВЕЛЛИСТЪ“ легкихъ пьесъ для дѣтей, редакция поставила себѣ задачей—съ будущаго года прилагать къ каждому номеру по двѣ такихъ пьесы. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ согласился принять на себя известный музыкальный педагогъ

профессоръ К. Я. ЛЮТШЪ.

Такимъ образомъ, нашъ журналъ пополнитъ тотъ пробѣлъ, который такъ ощутителенъ въ каждомъ семействѣ.

Въ 1891 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждого мѣсяца, тетрадями отъ 28 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ болѣе чѣмъ въ 400 стр. и будетъ содержать до 80 избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ.

2) Одинъ или два танца.

3) Русскій романсъ.

4) Двѣ пьесы для дѣтей. Сверхъ того, въ теченіе года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помещены двѣ пьесы въ четыре руки.

«Музыкально-театральная газета»

дастъ возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и „Музыкально-театральной газеты“, подписчики получатъ въ декабрѣ мѣсяцѣ

ПРЕМИЮ:

ПОЛНУЮ ОПЕРУ для фортепiano въ двѣ руки или альбомъ фортепiанннхъ пьесъ П. И. Чайковского, или же другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору, изъ 80 номеровъ, и въ теченіе года ДВА художественно-исполненныхъ ПОРТРЕТА знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна 5 руб.

Съ доставкою и пересылкою 6 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Невскій пр., № 64, уголъ Караванной улицы, противъ Аничкина дворца; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. ЮРГЕНСО-НА, Неглинный провѣздъ, № 10. Въ Казани въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная лира“. Въ Харьковѣ у Гергарда. Въ Одессѣ у Цанотти. Въ Кіевѣ у Корейво и у Л. Идиковского. Въ Ригѣ у А. Блюсфельда.

Редакторъ А. Бернардъ.
Издатель Н. Бернардъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ,

самую большую и распространенную на югѣ Россіи
между русскимъ населеніемъ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“, по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, вы-
ходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ
(350 №№ въ годъ).

Постоянные читатели „НОВОРОССИЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“, надѣмся, убѣди-
лись, что мы не злоупотребляемъ рекламой, не приобретаемъ въ недостойнымъ печатъ
гостинодворскимъ приемамъ и не эксплоатируемъ легковѣрія публики въ періодъ годовой
подписки. Въ теченіе круглаго года наше изданіе ведется ровно, составъ сотрудни-
ковъ и содержаніе газетъ остаются въ одинаковой полнотѣ и разнообразіи. Литера-
туровъ и сотрудниковъ на прокатъ, по случаю подписки, мы не приглашаемъ и подоб-
ныхъ издательскихъ приемовъ всегда гнушаемся, приравнивалъ ихъ къ обману публики.
Едва ли нужно также говорить о направленіи „НОВОРОССИЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“.
Полагаемъ, что оно достаточно опредѣлилось въ теченіе шестнадцатилѣтняго суще-
ствованія газеты подъ нынѣшней редакціей. Охрана законности и русскихъ интере-
совъ—вотъ девизъ, которому не измѣнить „НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“, пока
онъ управляется нами.

Главные литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ, какъ и
въ прежнее время. Изъ *столичныхъ* литературныхъ дѣятелей примутъ участіе: извѣст-
ный петербургскій фельетонистъ Вузма (И. О. Василевскій), П. П. Гайдебъ, А. С.
Степановъ, А. И. Молчановъ, Н. Н. Лендеръ, В. С. Садовскій и другіе.

Изъ *мѣстныхъ* литературныхъ силъ, попрежнему, примутъ участіе: профессоръ
В. И. Шердцъ, М. В. Неручевъ, П. А. Сергѣенко (Бѣднѣй юрикъ), Зес и О. Е. Накко
(беллетристическій отдѣлъ), И. П. Желтховскій, Г. А. Дипинскій (Печоринъ), Алъ-
Фредъ (исевдонимъ) и друг. Обзоръ иностранной литературы ведется доцентомъ все-
общей литературы Л. Ю. Шепелевичемъ.

Въ будущемъ году редакція будетъ, попрежнему, *помѣщать рисунки, касающіеся со-
временныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей* и пользоваться услугами сво-
ихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости
по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ,
финансовымъ и проч.). *Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ* получаются нами и пе-
чатаются въ „НОВОРОССИЙСКОМЪ ТЕЛЕГРАФѢ“ 1—2 днями раньше обыкновен-
наго появленія ихъ въ другихъ газетахъ.

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“ имѣетъ въ своей программѣ отдѣлъ „Юрми-
ческой хроники“, предоставляющій редакціи право *разбора и обожденія судебныхъ рѣше-
ній*; кромѣ того, редакція пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій
воинно-окружнаго суда. Это право имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской ул.
домъ Либмана и въ отдѣленіяхъ газетъ: при типографіи, Новая улица, домъ Осмидова
и на Молдаванскѣ, Петропавловская улица, домъ Осмидова.

Кромѣ того, подписка принимается въ *Киевинскѣ*, въ бібліотекѣ А. Т. Гришнєво
(Губернская улица, домъ Шилькреда), въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ *Николаевѣ*,
въ книжномъ магазинѣ г. Шаха.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Без доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.		Без доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.	
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцъ	7 р. 50 к.	9 р. — к.		
» 2 »	2 » 50 »	2 » 75 »	» 8 »	8 » 50 »	10 » — »		
» 3 »	3 » 50 »	4 » — »	» 9 »	9 » 50 »	11 » — »		
» 4 »	4 » 50 »	5 » 50 »	» 10 »	10 » 50 »	12 » — »		
» 5 »	5 » 50 »	6 » 50 »	» 11 »	11 » — »	13 » — »		
» 6 »	6 » 50 »	7 » 50 »	» 12 »	12 » — »	14 » — »		

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ *допускается разсрочка* въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Вносы разсроченной платѣ могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 1-му сентября), т.-е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденияхъ, *допускается подписка въ кредитъ*, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1891 г.

Для свѣдѣній *подавателей объявленій*. Объявленія, печатаемыя въ «**НОВОРОССІЙСКОМЪ ТЕЛЕГРАФѢ**», расклевываются на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: *Одесса, Клевъ, Кишиневъ, Елсаветградъ, Балта, Голта, Тирасполь, Бендеры, Волочицы, Багатинь, Былостотъ, Граво, Жмеринна, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Бирзула, Уманы, Раздѣльная* и друг., всего на 40 станціяхъ юго-западныхъ линій, имѣющихъ протяженіе до 2,500 вер. и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-западныхъ губерній.

СПИСОКЪ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ГРУЗОВЪ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ также печатаются въ «**НОВОРОССІЙСКОМЪ ТЕЛЕГРАФѢ**».

3—1.

Редакторъ-издатель **М. ОЗМИДОВЪ**.

ОТВѢРТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

(5-й годъ изданія)

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

газета Донского края.

ВЫХОДИТЬ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ И ЧЕТЫРЕ ВЪ ПОКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Программа: Правительственныя распоряженія. — Статьи по вопросамъ мѣстной жизни. — Телеграммы. — Корреспонденціи. — Новости Донского края и сосѣднихъ губерній. — Фельетонъ. — Очерки. — Разказы. — Стихотворенія. — Смѣсь. — Юмористическій отдѣлъ. — Справочныя свѣдѣнія и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. . . . 5 р. ● На 1/2 года. . . 3 р. ● На 1 мѣс. . . . 1 р.

Адресъ: Новочеркасскъ, въ редакцію «Донской Рѣчи».

Редакторъ-издатель **Ив. ПОКОВЪ**.

„ВРАЧЪ“

восмещенная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиенѣ и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1891 году въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

- 1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ практической интересъ.
- 2) Статьи по общественной и частной гигиенѣ.
- 3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.
- 4) Биографіи и некрологи врачей и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.
- 5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы Врача.
- 6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ заинтересовать врачей.
- 7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной печати, какъ иностранной, такъ и русской.
- 8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ тотъ или иной интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.
- 9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ завязанныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора, профессора *Вячеслава Алексеевича Манассина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р., а за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя — *Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки копѣяра, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

27-й годъ
изданія

„БУДИЛЬНИКЪ“

въ
1891 году.

„ПРЕМІЯ БУДИЛЬНИКА“:

Полный текст поэмы А. С. ПУШКИНА

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“,

съ 8-ью художественно-исполненными фототипіями, работы художника-фотографа Р. Ю. ТИЛЕ.

Опера „Русланъ и Людмила“ теперь богато поставлена на сценѣ московскаго Императорскаго театра. Восемь картинъ нашей преміи представляютъ собою снимки съ самыхъ живописныхъ сценъ оперы. Новый способъ художника-фотографа Р. Ю. Тиле далъ возможность моментально снять прямо со сцены самыя сложныя картины, наприм.: волшебный садъ колдуна, бой Черномора съ Русланомъ и проч.: Въ группахъ участвовали первые персонажи московской оперы при полномъ составѣ хора и статистовъ.

Премія будетъ издана въ видѣ книги, съ издатіемъ выѣткой, украшенной портретами А. С. Пушкина и М. И. Глинки. Редакція смѣетъ думать, что ея изданіе достойно почтитъ память двухъ русскихъ гениевъ.

Въ вопросѣ о преміи мы безусловно и безповоротно серьезны. Во всемъ остальномъ свободно допускаемъ шутку и шалость. Мы все критикуемъ и надъ всѣмъ носмѣиваемся, хотя иногда и не прочь, шутя, похвалить за хорошее. Наши сотрудники — народъ веселый!... Сами довольно насмѣются и другихъ насмѣшать. Особенно додается отъ нашихъ сотрудниковъ ПРОВИНЦІИ: они ей спуску не дадутъ.

Если вы, къ удивленію нашему, еще не состоите подписчикомъ на „БУДИЛЬНИКЪ“, то подпишитесь.

Подписка великодушно принимается на слѣдующихъ условіяхъ:

Безъ преміи:

Съ преміей „Русланъ и Людмила“:

На годъ съ пер. во всѣ гор. . 9 р. — к. ||| Съ перес. во всѣ города, на годъ 10 р.
„ 1/2 г. „ „ „ „ „ 5 „ — „ ||| (Полугодовые подписч. преміи не получ.).

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Москва, Тверская, д. Гинцбургъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возростающій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдутъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью—служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространеніе, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придастъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интересамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію и приобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На 1 годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ.	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „	„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „
„ 1 мѣсяць	— „ 90 „	„ 1 мѣсяць	1 „ — „

За границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяць.

Расрочка допускается только для подписавшихся чрезъ Главную Контору.

Подписка принимается:

Въ ОДЕССѢ: Въ главной конторѣ—Ланжероновская ул. (въ Пале-Рояль), собств. домъ. Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., д. № 11. Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11. Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, д. № 37.

Отдѣленія наши находятся:

Въ Херсонѣ, Кременчугѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Аккерманѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, Балтѣ, Бендерахъ, Вознесенскѣ, Винницѣ, Могилевѣ-Подольскомъ, Александрии, Бердянскѣ, Тирасполѣ, Измаилѣ, Керчи, Ялтѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Мариуполѣ, Житомирѣ, Проскуровѣ, Умани и Липовцѣ (Кіев. губ.).

Редакторъ **Е. Попандопуло.**

Редакторъ-издатель **А. Старковъ.**

Поступили въ продажу **НОВЫЯ** книги:

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Безъ догмата. Современный романъ Генрика Сенкевича. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» пользуются бесплатною пересылкой.

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). Н. К. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.

Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Четвертое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Второе изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. А. С. Пругавина. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго. Цѣна за два тома 3 р., съ пересылкою 3 р. 80 к.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

	<i>Стр.</i>
XVI. ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО. <i>Продолженіе.</i> —М. А. Протополова .	161
XVII. БЪ СТАТЬБЪ «Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ ЗАЮНЧКОВСКАЯ».— Н. В. Шелгунова	182
XVIII. ПОСЛѢДНЯЯ СЕССИЯ МОСКОВСКАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ.— И. А. В.	186
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	199
XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Современная теорія растворовъ.—И. А. Наблюнова.	208
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Четвертый съѣздъ врачей въ Москвѣ.—Съѣздъ въ Петербургѣ делегатовъ обществъ покрови- тельства животнымъ.—Эмиграція изъ Царства Польскаго въ Бразилію.—Эмиграція изъ Волынской губерніи.—Открытие дѣйствій общества помощи переселенцамъ.—Окончаніе сес- сиі земскаго собранія Московской губерніи.—Извѣстіе относи- тельно измѣненій въ «Городовомъ положеніи».—Правила о штрафномъ капиталѣ при фабрикахъ.—Взрывъ въ каменно- угольной копи въ Донской области.—Г. З. Елисеевъ †.—С. В. Ковалевская †.	229
XXII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Ранняя осень</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. П. Карнова; <i>Дѣти своихъ от- цовъ</i> , ком. въ 4-хъ дѣйств. А. Ф. Федотова.—Г жа Савина на московской сценѣ.—Ан.	259
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія, психологія и педагогика.—Исторія и біографія.— Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.— Географія и этнографія.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Дѣтскія книги и учеб- ники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣст- никъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь— январь	67

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1891 годъ

(двѣнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 >	7 >	3 > 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 20 '86

REC'D LD JUN 10 1970
OCT 11 1968 11
LD 21A-45m-9, 67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008588571

